

Бранко Тошович (Branko Tošović), доктор филологический наук, профессор, родился в 1949 году в Калиновике. Учился в Сараевском университета (славянское отделение), на котором защитил кандидатскую работу (1979) и докторскую диссертацию (1982). Работал в разных университетах, в первую очередь в Сараеве (16 лет), Москве (4 года), Мангейме (3 года) и Граце 10 лет). В МГУ преподавал сербохорватский язык (1995–1988, 1992–1993). Один учебный год был ведущим научным сотрудником Института языкознания РАН и старшим научным сотрудником Института русского языка им. А. С. Пушкина. Читал лекции в различных университетах – в Тарту (1988), Задаре (1988–1989), Лейпциге (1993), Познане (1997), Лёвене (1998), Братиславе (1999), Любляне (1999), Варшаве 2000), Великом Тырнове (2002), Загребе (2001–2004), Нови-Саде (2005) и др. С 1996 года работает ординарным профессором в Институте славистики Университета в Граце (Австрия).

Основные области научных интересов – (1) грамматика, стилистика, (2) общее и сопоставительное языкознание, (3) глагол, (4) русский и сербский/хорватский языки. В последнее время преимущественно интересуется корреляцией как языковой доминантой и отношением между близкородственными языками. Руководит международным проектом «Различия между боснийским/бошняцким, сербским и хорватским языками» (2006–2009). Опубликовал более 200 работ на различных языках и в разных странах, в том числе пятнадцать отдельных изданий (монографий, пособий, сборников, книг, переводов...). В 2002 году основал славистический лингвистический портал Гралис (Gralis) – www-gewi.uni-graz.at/gralis.

Бранко Тошович ЭКСПРЕССИВНЫЙ СИНТАКСИС ГЛАГОЛА

Бранко Тошович

ЭКСПРЕССИВНЫЙ СИНТАКСИС ГЛАГОЛА

русского и сербского/хорватского языков

STUDIA PHILOLOGICA

STUDIA PHILOLOGICA

Бранко Тошович

ЭКСПРЕССИВНЫЙ СИНТАКСИС ГЛАГОЛА

русского и сербского/хорватского языков

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2006

Оглавление

Введение 7
1. Экспрессивность 9
Экспрессивный синтаксис 64
Экспрессивный потенциал глагола 76
2. Время 83
Художественное время 110
Настоящее время 138
Прошедшее время 160
Будущее время 220
3. Повелительное наклонение 245
4. Сослагательное наклонение 285
5. Инфинитив 291
6. Причастие 315
7. Деепричастие 329
8. Глагольно-междометные формы 336
9. Лицо 344
10. Горизонтальная и вертикальная организация глагола 358
11. Субстанциональная модификация глагола 377
12. Заключение 408
Сокращения 428
Литература 429
Источники 480
Предметный указатель 506
Именной указатель 531
Резюме (на английском) 541
Резюме (на немецком) 547
Резюме (на сербском/хорватском) 553
Оглавление (на английском) 558
Оглавление (на немецком) 559
Оглавление (на сербском/хорватском) 560

Введение

В настоящей книге рассматриваются три вопроса: что такое экспрессивность, каким экспрессивным потенциалом обладает синтаксис и как зарождается и функционирует экспрессивность глагола на синтаксическом (точнее, морфосинтаксическом) уровне. В начале каждого тематического блока затрагиваются главные теоретические аспекты (грамматические и стилистические). Так как центральной проблемой исследования является одна интердисциплинарная категория (экспрессивность) и один сугубо лингвистический феномен (глагол), необходимо было их анализировать в более широком ракурсе. Поэтому в первой части говорится об экспрессивности вообще, а во второй — о частеречных и экспрессивных свойствах глагольных форм.

Исследование проводится на материале русского и сербского/хорватского языков. Косая черта в последнем названии означает то, что в социолингвистическом плане речь идет о двух различных стандартных языках, а в типологическом — об одном языке или очень близких языках[1]. Таким образом, номинация «сербский/хорватский язык» подразумевает «сербский и хорватский языки» (в некоторых местах из-за грамматической корректности приходится использовать единственное число типа «в сербском, хорватском языке»). Выбор двучленного названия продиктован и тем, что материал, анализируемый в книге, не является только сербским или только хорватским и что при освещении проблем приводятся взгляды как сербских, так и хорватских языковедов (очень редко бошняцких/мусульманских). Кроме того, данной номинацией имплицируется третий преемник бывшего сербохорватского языка — боснийский, который отсутствует в наименовании, так как **(а)** в книге не приводятся примеры, которые были бы элементом только языкового стандарта бошняков, т. е. боснийских мусульман; **(б)** существует еще одно название этого языка — «бошняцкий» (его предпочитают употреблять в Сербии и Хорватии), упоминание которого могло бы еще больше усложнить метаязык этой книги. Двучленное наименование позволяет также избегнуть нагромождения названий (при сопоставлениях типа «экспрессивность форм настоящего времени в

---

[1] Так как этот вопрос является не лингвистическим, он в этой книге не рассматривается и даже не затрагивается.

русском, боснийском, или бошняцком, сербском и хорватском»), устранить возможную путаницу (что с чем сопоставляется) и более лаконично выражаться.

Основная задача сопоставительной части анализа — выявить существенные расхождения между указанными языками. В качестве исследуемого материала используются оригинальные примеры и их переводы, позволяющие соотносить явления и находить межъязыковые дифференциальные признаки. Из-за дисбаланса в экспрессивном потенциале глаголов русского и сербского/хорватского языков и неодинакового уровня изученности **(а)** категории экспрессивности в русском и сербском/хорватском языкознании и **(б)** экспрессивности глаголов исследуемых языков они рассматриваются не всегда равноценно.

Экспрессивность

0. Экспрессивность является категорией стилистики, лингвистики, литературоведения, искусствоведения, эстетики, логики, психологии, генетики[1], **(1)** охватывающей гомогенные и гетерогенные связи формальных, семантических, функциональных и категориальных единиц, **(2)** отражающей и выражающей сознательное, целенаправленное, субъективное, эмоциональное и эстетизированное отношение **A** (отправителя, автора, говорящего) к **B** (получателю, реципиенту, собеседнику) или **C** (предмету, содержанию сообщения), **(3)** обладающей функцией воздействия и **(4)** служащей для подчеркивания, усиления, актуализации в процессе общения. Эта категория образует сложный соотносительный круг с категориями типа эмоциональности, стилистической окрашенности, выразительности, образности, коннотативности, эстетичности. В толковании экспрессивности является важным, целесообразным и нужным различать упомянутые категории. Необходимость вытекает из того факта, что они часто используются как синонимы (особенно экспрессивность и эмоциональность, экспрессивность и стилистическая окрашенность)[2], и поэтому ставится вопрос, являются ли некоторые из них лишними, ненужными. Попытки внести ясность в этот вопрос, даже на лексическом уровне, приводят к трудностям. «Категория экспрессивности — одна из наиболее нечетких и многозначных в лингвистике. Экспрессивными (выразительными), как известно, могут быть языковые единицы самых разных уровней языкового членения, включая вы-

---

[1] «Традиционно проблемами изучения экспрессивности занималась и продолжает заниматься стилистика, однако в последние десятилетия к ней присоединились такие новые лингвистические дисциплины, как семантика, прагматика и теория речевых актов. В лингвистический обиход на равных правах с языковыми средствами были введены паралингвистические средства выражения экспрессии, эмоционального состояния говорящего лица — кинетика и мимика» (Экспрессия 1998: 9).

[2] «Эмоциональные, экспрессивные, оценочные и стилистические компоненты лексического значения нередко сопутствуют друг другу в речи, потому их часто смешивают, а сами эти термины употребляют как синонимы. Но совпадение компонентов далеко не обязательно; присутствие одного из компонентов не влечет за собой обязательного присутствия всех остальных, и они могут встречаться в разных комбинациях» (Арнольд 1973: 114).

сказывания, диалог и даже текст» (Экспрессия 1998: 9). «А если учесть, что на синтаксическом уровне сюда относят и субъективно-модальные значения (ведь и экспрессия, и модальность определяются как выражение уровня отношения говорящего к высказываемой информации), то проблема определения "экспрессивный" становится почти неразрешимой […]» (Акимова 1981: 110). Основу экспрессии составляет экспрессивная информация — информация об экспрессивных качествах языка, об особой выразительной силе языковых средств, которая предстает в виде таких частных категорий, как образность, интенсивность (признака, действия), новизна (Киселёва 1973: 9). «Прагматическое назначение экспрессивной информации, обладающей константной прагматичностью, появляется, в частности, в использовании ее для оживления, для создания эффекта новизны […]» (Киселёва 1973: 24)[3].

1. Хотя речь идет о фундаментальной категории, экспрессивность часто толкуется туманно, расплывчато и тавтологически. Скажем, О. С. Ахманова говорит о том, что экспрессивность — это наличие экспрессии, а экспрессивный — содержащий, обнаруживающий экспрессию, сообщающий экспрессию (Ахманова 1966: 522—523). Под экспрессией она подразумевает выразительно-изобразительные качества речи, отличающие ее от обычной (или стилистически нейтральной) и придающие ей образность и эмоциональную окрашенность (Там же). В другом толковании экспрессивным называется то, что содержит, сообщает экспрессию (экспрессивное выражение, экспрессивная лексика, экспрессивная окраска), а экспрессией — выразительно-изобразительные качества речи, сообщаемые ей лексическими, словообразовательными и грамматическими средствами (экспрессивной лексикой, особыми аффиксами, тропами, фигурами), см. (Розенталь, Теленкова 1976: 535). И в немецких источниках встречается тавтологическое определение: экспрессивность — это экспрессивное свойство, экспрессивный характер (Duden 1983: 382). Лингвистический энциклопедический словарь определяет экспрессивность как совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают ее способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или к адресату речи (ЛЭС 1990: 591). Экспериментальный систематический словарь стилистических терминов экспрессивностью называет совокупность признаков языковых единиц или высказывания/текста, в которых отражается/которые указывают на не-нейтральное отношение говорящего к содержанию или адресату речи (Никитина, Васильева 1996: 151). В анализе языковых механизмов экспрессивности подчеркивается, что она возникает в результате такого прагматического употребления языка, основная цель которого — выражение эмоционально воздействующего (положительно или отрицательно окрашенного) отношения субъекта

[3] А. П. Сковородников считает, что включение новизны в экспрессивность является неудачным (Сковородников 1981: 13).

речи к обозначаемому и «заражения» этим отношением адресата (Телия 1991: 35). Экспрессивными называются тексты или их элементы, которые на основе собственной формы в особом виде выражают эмоции и ориентацию говорящего (Metzler 2000: 201). В другом случае экспрессивность сводится к выразительности, и дается словарная статья только о ней (RKT 1992: 177, 311). А. И. Ефимов под экспрессией подразумевает выразительность, но экспрессивность распространяет и на образность: «Под экспрессией [...] понимаются выразительно-изобразительные качества речи, которые отличают ее от обычной, стилистически нейтральной, делают речевые средства яркими, образными, эмоционально окрашенными [...] В художественной речи экспрессивность непосредственно связана с образностью, ибо за всеми словами и выражениями в поэтическом произведении стоят образы» (Ефимов 1961: 104).

Из четырех аспектов экспрессивности (формального, семантического, функционального и категориального) В. Н. Телия учитывает и рассматривает семантический и экспрессивность называет семантической категорией, придающей речи выразительность в силу взаимодействия в содержательной стороне языковой единицы, текста, оценочного и эмоционального отношения субъекта речи (говорящего или пишущего) к тому, что происходит во внешнем или внутреннем для него мире (РЯЭ 1997: 637—638). Для нее экспрессивность — это эффект, возникающий в речевой деятельности при выражении эмоционального отношения говорящего к обозначаемому выражению (Телия 1985: 85). Более гибкую позицию занимает А. И. Ефимов, который указывает на то, что экспрессивность является, прежде всего, категорией семантической (ибо появление в слове экспрессии неизменно сопровождается расширением и усложнением его смыслового объема, появлением в смысловой структуре слова дополнительных, побочных смысловых оттенков), а затем добавляет, что экспрессивность — это категория не только семантическая, но и эмоционально-оценочная (Ефимов 1961: 105, 106). По мнению А. П. Сковородникова, экспрессивность, как семантическая категория, выступает, как правило, с другими составляющими прагматического значения: с эмоциональностью, оценочностью, волеизъявлением, стилевой прикрепленностью, с эстетической значимостью (образностью, характерологичностью, изобразительностью), см. (Сковородников 1981: 14).

К. А. Долинин определяет экспрессивность как такое свойство языкового знака, в силу которого он воспринимается деавтоматизированно, непосредственно воздействуя на воображение адресата и (или) на его эмоциональную сферу (Долинин 1978: 120). По его мнению, экспрессивность относится к стилистическому значению, но не является таким же его компонентом, как эмоциональность, спонтанность и нормативность, поскольку сама по себе она не несет информацию о субъекте речи, а лишь определяет характер и интенсивность восприятия как этой стилистической, так и предметно-логической информации, содержащейся в знаке. «Экспрессивность связана с мотивированностью знака, но она не есть мотивиро-

ванность — во-первых, потому, что определяется не отношением означающего и означаемого, а характером восприятия, а во-вторых, по той причине, что мотивированность — не единственный источник экспрессивности» (Там же: 120). Автор считает, что экспрессивным может быть практически любое выражение, если оно неожиданно, непредсказуемо. Другим, относительно более редким, источником экспрессивности он считает нарушение социально-культурных конвенций в слове (Там же: 121—122).

По мнению И. В. Арнольда, слово имеет экспрессивный компонент, если своей образностью или каким-либо другим свойством подчеркивает, усиливает то, что именуется этим же словом или словами, синтаксически связанными с ним (Арнольд 1973: 110).

Необычным является тот факт, что в некоторых стилистических лексиконах, словарях поэтических терминов и литературных энциклопедиях вообще отсутствует словарная статья об экспрессивности (СЭС 2003, Квятковский 2000, КЛЭ 1962—1978, ЛЭ 2001).

2. В логике под экспрессией подразумевается сила проявления эмоций, переживаний, а как синоним выступает выразительность (Кондаков 1975: 681). В философии экспрессией называется выражение состояний словами, поведением, жестами, мимикой и т. д., т. е. тоже имеется в виду выразительность: «О каком-либо объекте или произведении мы скажем, что он/оно является экспрессивным, если он/оно впечатляющее, сильное, личное» (Enc. leksikon Filozofija 1973: 107). Для Б. Кроче экспрессия то же, что и художественная интуиция, и поэтому он не делает разницы между экспрессией и искусством (Кроче 2000).

В психологии слово «экспрессия» обозначает две вещи: (1) выразительность и (2) силу проявления чувств, переживаний (Психологический словарь 2003: 614). Считается, что экспрессия генетически предопределена, но сильно зависит от процесса обучения. Существуют универсальные формы экспрессии, понятные людям различных культур, и формы экспрессии, которые можно понять только в рамках данной культуры.

В литературе, музыке и в изобразительном искусстве развилось в начале XX столетия художественное модернистское направление под названием «экспрессионизм». Суть его составляет субъективное выражение восприятия внешней действительности, подчеркивание индивидуального, личного начала. Программная ориентация этого направления основана на отказе от изображения действительности и выражении внутреннего мира.

Среди нефилологических наук экспрессивность является важным термином генетики, которым обозначается выраженность фенотипического проявления генов (БСЭ 1978, 30: 11—12).

В языкознании существуют два толкования экспрессивности — узкое и широкое. При узком понимании экспрессивность отождествляется с оценочными свойствами речи, с эмфазой (дополнительными смысловыми оттенками, которые

примешиваются к основным значениям)[4]. В широком понимании экспрессивность выступает как интеллектуально-чувственная речевая категория, содержанием которой является эмоциональная, оценочная, образная, поэтико-эстетическая, динамическая и стилистически окрашенная ее разновидности (Нехлина 1969). «Категорию экспрессивности можно толковать широко (и это довольно распространенная трактовка экспрессивности), включая в это понятие и такие категории, как эмоциональность, эмоциональная оценка, категория эстетического, и узко, понимая под экспрессией особую выразительную силу, создаваемую такими категориями, как образность, художественность, интенсивность (выражаемого признака, действия), новизна и др.» (Киселёва 1978: 24)[5].

3. В стилистике существует направление, центральным предметом которого является экспрессивность, — это экспрессивная стилистика. Она изучает экспрессивные средства языковой системы и закономерности их использования носителями языка (Стил. энцикл. словарь 2003: 622). Основы этой дисциплины заложил Шарль Балли в книге «Французская стилистика» (1909). Концепция Ш. Балли возникла как реакция на позицию К. Фосслера и Л. Шпицера (при которой отождествлялся литературный язык и язык художественной литературы) и является теорией об аффективных языковых средствах. В центре внимания такого подхода находятся экспрессивные языковые средства, стилистическая окрашенность и стилистическое значение. Ш. Балли преувеличивал значение аффективного фактора и считал его обязательным компонентном каждого высказывания. Он особенно указывал на значение синонимии, подчеркивал важность социального и психологического аспектов и отбрасывал эстетическое как стилистическую проблему.

4. В шестидесятые годы прошлого столетия появилось два понятия: экспрессема и экспрессоид. Экспрессема рассматривалась в оппозиции к стандарту и шаблону как контекстуальное средство выразительности, т. е. единица, которая в состоянии раскрыть выразительно-конструктивные «приращения» (Костомаров 1971: 160) и которая возникает в результате нарушения общеязыковой литературной нормы. В. П. Григорьев в статье об экспрессеме противопоставил функцию выражения и явления художественной выразительности, но потом сделал (самокритически) коррекцию: «Между тем подобное противопоставление едва ли

---

[4] Ограничение объема понятия экспрессивности может быть связано с исключением из него категории эмоциональности, с признанием категории эмоциональности и экспрессивности не взаимозаменяемыми, а находящимися в отношении дополнительности (Сковородников 1981: 12). Ср. также: эмоциональность и экспрессивность являются не взаимозаменяемыми, а находятся в отношении дополнительности (Осипов 1970: 125).

[5] Подробнее об экспрессии см. (Балли 1910, Bellenger 1981, Munteanu 1972, Robinson 1980, Фридрих 1990, 1992, Экспрессия 1998).

целесообразно и даже вообще правомерно» (Григорьев 1979: 137). Экспрессема содержит в себе «лингвистическое» и «эстетическое» в их конкретном взаимодействии, она предстает как единство общего, особенного и отдельного, типичного и индивидуального, материального и идеального, формы и содержания, она представляет собой множество экспрессоидов, отражающих дихотомию язык — речь (Там же: 140). Экспрессоид, таким образом, является конкретной реализацией экспрессемы[6]. «Внутренняя парадигма экспрессемы синтагматична (это парадигма контекстов) и эпидигматична (это ассоциативное поле, закрепленное лексико-грамматически и фонетически; ср. *бык воспоминаний* и *ветер — вытер*» (Там же). Существует и понятие «экспрессив» — «узуальное или окказиональное слово или лексико-семантический вариант слова, в семантике которого совмещается денотативный компонент (номинативный базис) и коннотативные компоненты — экспрессивность, эмоциональность и оценочность» (Лукьянова 1980: 5). В то время как экспрессема является стилистической единицей, экспрессив выступает как единица лексико-семантической системы языка, т. е. как лексико-семантическая единица (Там же). Их объединяет общая категория выразительности. Между ними существенная разница в (не)наличии образа, находящегося в основе семантики экспрессивных единиц, (не)наличии эстетических функций, а в различной сфере функционирования.

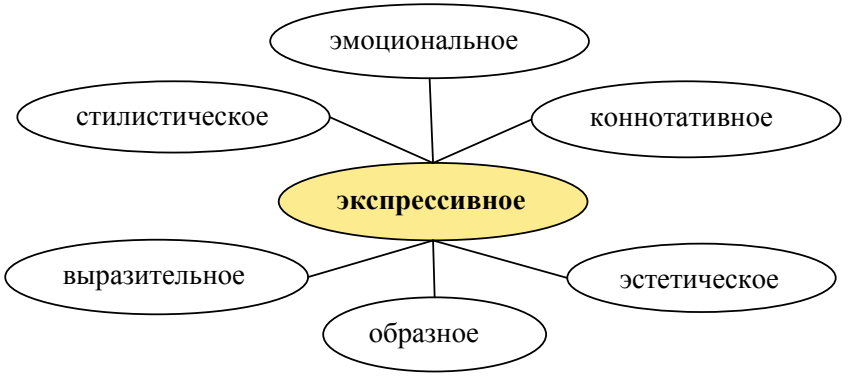
5. В толковании экспрессивности является важным, целесообразным и необходимым разграничить в первую очередь экспрессивное и эмоциональное, экспрессивное и стилистическое, экспрессивное и выразительное, экспрессивное и образное, экспрессивное и коннотативное, экспрессивное и эстетическое[7]. Необходимость

---

[6] В лексикологии «экспрессоид» является словом широкой диффузной семантики.

[7] Здесь можно добавить интенсивность и оценочность, что и делается в исследованиях. При этом одни отождествляют экспрессивность и интенсивность (И. В. Арнольд, Ш. Балли, В. Г. Гак), другие — экспрессивность и оценочность (Г. Я. Солганик), а третьи — субъективную оценку: «в отличие от эмоций и экспрессии, субъективная оценка / квалификация предмета, явления действительности с точки зрения „хорошо“ („плохо“) не получает прямого интонационного выражения, выступая как производное качество, как „результирующий эффект“ эмоциональных интонаций. Можно утверждать, что практически во всех случаях интонационно выраженных эмоций одновременно „просвечивает“ оценка. Ср., например, ИК-2 „радости“ в высказывании *Петя приехал!*, являющуюся сигналом положительного отношения говорящего к Пете и к факту его приезда. Экспрессия, эмоции и оценка входят в общее семантическое содержание высказывания как имплицитные (вербально не выраженные) значения. Это не снижает их коммуникативной значимости, так как в реальной коммуникации часто именно эти значения выступают стимулом для ответной реакции собеседника, наибольшими стимулирующими свойствами при этом обладают эмоции и субъективная оценка» (Муханов 1998: 48). Список категорий / понятий, соотносительных с экспрес-

вытекает из того факта, что эти слова-термины часто используются как синонимы (особенно экспрессивное и эмоциональное, экспрессивное и стилистическое), и поэтому ставится вопрос, является ли что-нибудь из них лишним, ненужным. Мы считаем, что необходимо максимально разграничить вышеуказанные понятия, для того чтобы **(1)** сохранить их категориальную принадлежность и терминологичность, **(2)** устранить пестроту и путаницу в употреблении. Основная сложность состоит в том, что они во многом совпадают.

6. Экспрессивное ↔ эмоциональное. Из всех категорий в соотносительном круге экспрессивности самой близкой является эмоциональность, точнее, она — важнейший компонент экспрессивности. Эти категории настолько пересекаются, пронизывают друг друга и совпадают, что трудно найти четкие дифференциальные признаки. В корреляции эмоция ↔ экспрессия напрашивается элементарное разграничение: эмоции — это чувства (радость, горе, печаль, страх, тревога, гнев, презрение и т. п.), переживания, волнения, духовные, аффективные состояния, на-

---

сивностью, можно расширить экспрессивным признаком, которому некоторые придают немалое значение (Ivanová-Šalingová 1970). В связи с подобным расширением нам кажется более важным выбор фундаментальных соотносительных пар. Здесь является интересным такое мнение: «Самым существенным [...] представляется в различении эмоционального и экспрессивного, с одной стороны, непроизвольность, непреднамеренность эмоционального и, с другой стороны, специальная заданность экспрессии как средства воздействия, как преднамеренность использования определенных средств языка. Это, в свою очередь, предполагает наличие этих средств в языке в готовом виде. Значит, экспрессивность в языке — это свойство самих языковых единиц, независимо от сферы их употребления. Но такое положение также весьма спорно [...]» (Акимова 1981: 111).

рушающие психическое и физическое равновесие[8], а экспрессия — их продукт[9]. Обе являются результатом различных раздражений: в то время как эмоции возникают под влиянием внешних и внутренних импульсов, экспрессия зарождается под воздействием эмоций[10]. Это значит, что в основе экспрессивности лежит некая эмоция, точнее, эмоция предшествует экспрессии. В процессе декодирования происходит обратный процесс: экспрессия вызывает эмоцию. Таким образом, эмоциональность имеет две формы проявления: одна — когда автор «вибрирует», а другая — когда реципиент «вибрирует». Первую эмоцию назовем самовыражающей, вторую — инфицирующей («навязывающейся»). Самовыражающая эмоция имеет экстремальную форму в аутистической речи[11] — когда говорится только для себя, когда нет собеседника или речь идет о ложном коммуникаторе, напр., о животном (кошке, собаке...). Существуют две основные эмоции — положительная и отрицательная. Они порождают и соответствующую экспрессию, но не по принципу автоматизма: положительная эмоция создает положительную экспрессию, и наоборот. Экспрессия сопровождает и другие виды эмоций, в частности, самые низкие (страх, тревогу, гнев, радость, удовольствие) и более высокого уровня (благодарность, сожаление и т. п.).

Важным компонентом экспрессивности является эмотивное значение. Оно в более узком значении представляет собой способ выражения эмоций при помощи междометий и эмоциональной лексики (Азнаурова 1973), а в более широком — значение, в семной структуре которого содержится сема эмотивности того или иного ранга, т. е. это такое значение, в котором каким-либо образом представлены (выражены) эмотивные смыслы, которые могут быть полностью равны лексичес-

---

[8] Проблемой эмоций занимается, прежде всего, философия, психология (особенно конгитивная) и этика. Существует отдельное направление — эмотивизм (или эмотивная теория этики), основы которой заложили Ч. Одген и А. А. Ричардс в работе «Значение значения» (1923). Философские теории эмоций можно свести к двум основным — к теории побуждения (инстинктивная реакция, вызванная чем-либо) и к теории, основанной на чувстве. Подробнее о теориях эмоций см. (БТПС 2001: 509—510).

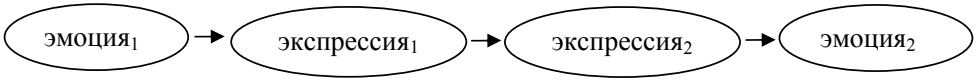
[9] Майк Кордуэлл подчеркивает, что эмоцию трудно определить: «Определения могут быть широкими (эмоции рассматриваются как многогранные реакции, при которых происходит взаимодействие между субъективными чувствами и объективным опытом) или узкими (эмоции — это просто наши чувства, такие, как радость, гнев, печаль и т. д.)» (Кордуэлл 1999: 389). Артур Ребер утверждает, что термин *эмоция* исторически оказался чрезвычайно резистентным к попыткам определить его и что, возможно, никакой другой термин в психологии не сочетает такую неопределимость с частотой использования (БТПС 2001: 512).

[10] Из-за путаницы, которая связана со значением слова *эмоция*, многие авторы предпочитают термин *эмоциональность* (БТПС 2001: 511).

[11] Аутизм — погружение в мир личных переживаний с активным отстранением от внешнего мира (Крысин 1998: 91).

кому значению слова (как у междометий), могут быть коннотативными или могут входить в логико-предметную часть значения (Бабенко 1989: 16)[12]. В философии эмотивное значение толкуется как позиция или какое-либо другое эмоциональное состояние[13].

В процессе создания сообщения на базе эмоции автора (эмоции$_1$) возникает экспрессия автора (экспрессия$_1$), т. е. автор превращает душевные переживания в выражение, при помощи которого эмоционально воздействует на реципиента. В процессе декодирования реципиент дешифрует, раскрывает экспрессию автора (экспрессию$_1$), превращает ее в свою экспрессию (экспрессию$_2$) и на основании ее создает собственную (эмоцию$_2$), скажем, начинает восхищаться, радоваться, грустить и т. п.

Но результат может быть и другим: получатель не понимает или неправильно дешифрует первичную, исходную экспрессию, вследствие чего возникает вторичная экспрессия и эмоция, которую отправитель не имел в виду (автор может «излить душу», а получатель может это не почувствовать или ошибочно понять). Таким образом, в этом отношении экспрессия находится между двумя видами эмоции: между эмоцией отправителя (эмоция$_1$) и эмоцией получателя (эмоция$_2$).

---

[12] «Эмотивное значение имеет прагматический характер и определяется как закрепленное в языковой практике отношение говорящих к словам и тому, что они обозначают, а также соответствующее воздействие таких слов на людей. В лексике такого рода отношения закрепляются за словами, обладающими коннотацией, т. е. дополнительным содержанием слова, его сопутствующими оттенками, которые «накладываются» на семантику слова и выражают различного рода эмоционально-экспрессивные характеристики» (Новиков и др. 1987: 20—21). К. А. Долинин выделяет три базовых компонента узуального стилистического значения: эмоциональный (эмоционально-оценочный), социально-жанровый и спонтанный, причем каждый из них может выступать в двух значениях − положительном и отрицательном (Там же: 89—110). Эмоционально-оценочный компонент иерархически подчинен эмоциональному (Там же: 264). Любая языковая единица может быть определена как потенциально эмоциональная или потенциально неэмоциальная (Там же: 109).

[13] «Так, скажем, какой-либо бранный термин конвенционально выражает определенный вид презрения или неприязни к той или другой категории людей. У терминов типа ʻсупер’ или ʻюпи!’ нет ничего другого, кроме эмотивной функции, но большинство терминов, при помощи которых передается одобрение или неодобрение, обладает также и дескриптивными аспектами» (Blekburn 1999: 104).

Для данной корреляции является важным «принцип воронки»[14] — возможности восприятия намного превышают возможности реагирования на внешние впечатления (мы всегда воспринимаем больше, чем можем выразить языком). Эта невозможность касается в первую очередь эмоций, и выходом здесь может быть особый способ выражения — художественная речь.

Разница между экспрессивностью и эмоциональностью состоит в том, что каждое эмоциональное не является и экспрессивным, но каждое экспрессивное является эмоциональным[15]. Любое языковое высказывание имеет эмоциональный фон (речевая реализация в принципе всегда более или менее эмоциональна), но нельзя сказать, что каждое языковое высказывание является экспрессивным[16]. «Принимая условный характер разграничения эмоционального и рационального, мы тем самым принимаем условный характер разграничения эмоциональной и неэмоциональной речи, ибо совершенно неэмоциональной речи у нормального человека быть не может» (Малинович 1990: 9). В основе экспрессии находится эмоциональное отношение (и в процессе кодирования, и в процессе декодирования), в то время как эмоциональное может быть и неэкспрессивным. Иными словами, экспрессия не включает в себя обязательно каждую эмоцию, а только сознатель-

---

[14] Об этом писал Л. С. Салямон (1968: 303), ссылаясь на взгляды английского физиолога Чарльза Скотта Шеррингтона.

[15] Однако существует и мнение, что каждое выражение эмоции является экспрессивным и что любое выражение экспрессии не является обязательно эмоциональным (Grepl 1967: 130).

[16] Об отношении экспрессивности и эмоциональности писала Е. М. Галкина-Федорук (1958б). Она высказала свой взгляд на соотношение этих категорий, указала на необходимость их разграничения и рассматривала фонетические, лексические и словообразовательные средства экспрессивности. По ее мнению, экспрессия возможна без эмоций, эмоциональное служит для выражения эмоций, а экспрессивное для усиления выразительности и образности. При этом экспрессивность представляет собой более широкое понятие, чем эмоциональность, которая является ее составной частью. Таким образом, экспрессия подчиняет себе эмоциональность. Экспрессивность считают более широкой категорией также А. И. Ефимов, Н. А. Лукьянова, В. И. Шаховский, В. Н. Телия и др. Однако, есть и те, кто занимает противоположную позицию (И. Р. Гальперин). «В то же время имеется немало работ, в которых эмоциональное и экспрессивное оцениваются не с точки зрения их иерархии, а трактуются как независимые понятия. Эмоциональное значение связывается с нерасчлененной чувственной реакцией, в то время как экспрессивное понимается как связанное с вещественным значением — это усилительные оттенки, наслаивающиеся на основные» (Акимова 1981: 111). Отношения между стилистическим значением, экспрессивностью и эмоциональностью анализировал Л. М. Васильев (1985). Категорию эмоций в лексико-семантической системе рассматривал В. И. Шаховский (1987а, 1988). Этот же автор писал об отражении эмоций в семантике слова (Шаховский 1987б). Лексические средства

ную, закодированную[17]. Крайняя позиция в этом вопросе — исключение из экспрессивности категории эмоциональности (Кожина 1962: 158).

То, в чем экспрессивность и эмоциональность также не совпадают, — это интенция: в то время как кодированная экспрессия всегда имеет сознательный характер, эмоция может быть и неосознанной (существует много ситуаций, в которых мы совершенно спонтанно эмоционально реагируем). Но и неосознанная эмоция может вызвать экспрессию[18]. Экспрессивность является экстравертным явлением (речь идет о воздействии отправителя на получателя), а эмоциональность — интровертным (речь идет о реакции «вибрации» автора или получателя на внешние и внутренние раздражения). Совпадение происходит, когда отправитель эмоциональную «вибрацию» сознательно превращает в экспрессивную. При кодировании исходной позицией является эмоциональность (она преднамеренно превращается в выражение, вызывающее экспрессию), а в декодировании — экспрессивность (которая вызывает эмоциональность)[19].

Некоторые рассматривают соотношение экспрессивности и эмоциональности с содержательной стороны. «Эмоциональность семантически содержательнее экс-

---

для обозначения эмоций изучала Л. Г. Бабенко (1989). О языке эмоций см. (Spagińska-Pruszak 1994).

[17] И. В. Арнольд указывает на то, что экспрессивность не всегда возникает за счет эмоциональности и что наличие эмоциональной коннотации почти всегда влечет за собой экспрессивность, но не наоборот (Арнольд 1973: 112).

[18] Об этом наглядно свидетельствует детская речь (см. позже).

[19] О неоправданном «приравнивании» понятия экспрессивности к понятию эмоциональности писал Л. М. Лапп, подчеркивая, вслед за В. И. Болотовым, что экспрессивность есть категория языка, характеризующая способность языкового знака выражать интенсивность предметно-логической или стилистической информации языкового знака, а эмоциональность — категория речи, иными словами текста, исследовать которую необходимо на основе текстового подхода (Лапп 1998: 95). «Отсюда понятно, что эмоциональность текста зависит не только от количества присутствующих в нем экспрессивных единиц (хотя и это важно), но и от их значимости для текста в целом, поскольку общеизвестно, что экспрессивные единицы способны распространять свое влияние на контекстное окружение: происходит как бы иррадиация эмоционального заряда в семантическое пространство текста» (Там же: 95).

прессии, она „многолика“, многообразна в своих конкретных проявлениях (страх, гнев, радость, возмущение, презрение и т. д.), экспрессия же имеет однозначную семантическую интерпретацию — усиление; эмоция входит в высказывание как новое дополнительное содержание, экспрессия же, как правило, лишь усиливает заданный высказыванием смысл; эмоциональность более информативна: она выводит слушающего в мир субъективных представлений, оценок и отношений говорящего; воздействующий эффект экспрессии осуществляется через усиление уже заданного, „чужого“ смысла, эмоции же воздействуют на слушающего своим собственным содержанием: эмоции всегда экспрессивны, эмоциональность же экспрессии (ее можно охарактеризовать как эмоциональный подъем, приподнятость, воодушевление) выявляется не регулярно. В силу уже этих различий экспрессивность уступает эмоциональности в сфере субъективно-модальных отношений» (Муханов 1998: 48).

В толковании отношения экспрессивное ↔ эмоциональное существует еще один важный элемент — эмпатия (сопереживание), восприятие эмоционального состояния другого человека и возможность сочувствия ему, т. е. ситуация, в которой фактически возникают одни и те же эмоции[20].

С увеличением, ростом эмоциональности уменьшается, затемняется и притупляется содержательная сторона сообщения, и поэтому стили, основанные на логичности и рациональном начале (научный стиль, прежде всего), создаются с минимальной эмоциональностью или полностью без нее.

Так как экспрессивное почти всегда соотносится с эмоциональным, в исследованиях очень часто используется двойная детерминация: экспрессивно-эмоциональное или эмоционально-экспрессивное (средство, единица, элемент, фактор, выражение и т. п.) — напр., (Безруков 1969, Меликян 2001). Некоторые выделяют эмоциональную экспрессию (Малинович 1990: 5).

Если мы будем различать эмоциональное и аффективное (которое часто приравнивается к эмоциональному), то получим еще одну соотносительную пару: экспрессивное ↔ аффективное.

7. Экспрессивное ↔ стилистическое. Разница между этими двумя понятиями состоит в том, что **(1)** стилистическое связано только с одной формой расслоения языка, в то время как экспрессивность является универсальной категорией членения языка, категорией, характерной для всех видов дифференциации языка (нет дифференциально-лектальной системы, у которой нет какой-либо своей, хотя бы минимальной, экспрессивности), **(2)** стилистическое полностью включает в себя экспрессивное, но не наоборот. Стилистическое и экспрессивное совпадают в приеме: и то и другое возникает как сдвиг, как отступление от стандартного, обычного, является нарушением стереотипов, подчеркиванием, усилением и актуализацией.

---

[20] Это, скажем, происходит в отношении родителей к ребенку (они им гордятся, разделяют его радость, печаль и т. п.), что иногда превращается в альтруизм.

Это осуществляется при помощи дезавтоматизации, обманутого ожидания[21]. Речь так организована, что всегда существует то, что сказано, и то, что оно предвещает (предшествующее готовит последующее). В декодировании получатель ожидает, он предполагает, однако если предсказуемость нарушается, то возникает эффект неожиданности. Автор вносит помехи в коммуникационный канал (создает дополнительные коды в целях создания впечатления новизны, силы выражения, убедительности, живости). Все эти эффекты основаны на воздействии, и их можно свести к изменению качества, изменению количества и изменению последовательности. С изменением качества возникает образная, тропная, экспрессивность (экспрессивность, которую несут тропы). С изменением последовательности (объединением, добавлением, удалением, сокращением, перестановкой), точнее, при помощи формальной организации, не затрагивающей содержание, получается фигуральная экспрессивность (экспрессивность фигур).

Разграничение между экспрессивным и стилистическим особенно важно потому, что экспрессивность соотносится с одним из основных стилистических понятий — стилистической окрашенностью (маркированностью)[22], причем стилистическая окрашенность и экспрессия понимаются либо по-разному, либо почти одинаково (Акимова 1981: 111).

Если согласиться с определением, согласно которому стилистическая окрашенность представляет собой синтез эмоционально-экспрессивной окрашенности («высокое», «торжественное», «фамильярное», «оценочное», «нейтральное») и функционально-стилевой окрашенности (принадлежность к тому или иному функ-

---

[21] «Суть эффекта обманутого ожидания состоит в следующем: непрерывность, линейность речи означает, что появление каждого отдельного элемента подготовлено предшествующими и само подготовляет последующие. Читатель его уже ожидает, а он заставляет ожидать и появления других. Последующее частично дано в предыдущем. При такой связи переходы от одного элемента к другому мало заметны, сознание как бы скользит по воспринимаемой информации. Однако если на этом фоне появляются элементы малой вероятности, то возникает нарушение непрерывности, которое действует подобно толчку, — неподготовленное и неожиданное создает сопротивление восприятию, и преодоление этого сопротивления требует усилия со стороны читателя, а потому сильнее на него воздействует» (Арнольд 1973: 42—43).

[22] Это термин В. В. Виноградова (Б. В. Томашевский использует стилистический ореол).

циональному стилю), с определением, которое дают Кожин, Крылова, Одинцов (1982: 78), становится ясно, что речь идет о комплементарных, но не совпадающих явлениях[23]. Важным понятием является стилистическая черта, имеющая характер, как и предыдущая. Что касается отношения экспрессивного и стилевого, это последнее относится только к стилю, экспрессивность же касается не только стиля[24].

8. Экспрессивное ↔ выразительное. Под выразительностью мы подразумеваем формальную организацию высказывания без изменения значения в целях созданиях эффекта, возбуждения эмоций, эстетического воздействия. Основным носителем выразительности является стилистическая фигура. Она возникает, если сознательно нарушается обычное, общепринятое сцепление, т. е. если языковая единица используется там, где она не ожидается или где оказывается в необычном окружении. Речь, таким образом, идет о неконвенциональном способе линейной (горизонтальной и вертикальной) организации высказывания, о неожиданном размещении и комбинировании. При помощи стилистической фигуры подчеркивается, усиливается, актуализируется информация. Все эти эффекты можно свести к воздействию. В фигуре эффект является результатом факультативных трансформаций, изменений количества и последовательности, что порождает фигуры количества и последовательности. Фигуры количества возникают в результате добавления и удаления, а фигуры последовательности — в результате изменения порядка и перестановки. В основе фигур, базирующихся на повторе, находится кодовая избыточность. Она лежит в основе большого числа стилистических фигур (анафоры, эпифоры, параллелизма, полисиндетона, эпанастрофы и др.). Это может быть повтор звуков (ассонанс, аллитерация, рифма), морфем (полиптотон), лексем (анафора, эпифора, симплока, анадиплосис), синтаксических конструкций (параллелизм, антиметабола), сложного синтаксического целого и др. В прозе существуют особенные стилистические фигуры, основанные на избыточности, какими являются циклическая композиция, лейтмотив[25].

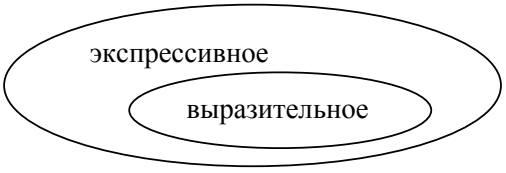
---

[23] Р. Г. Пиотровский подчеркивает, что необходимо различать стилистическую окраску и дополнительные оттенки, с одной стороны, и оценочно-выразительные характеристики, или экспрессию языкового элемента, с другой (Пиотровский 1956: 25).

[24] О стилистических категориях см. (Tošović 2003b).

[25] Существует большое количество фигур (около 250), которые по-разному классифицируются. Глобальные группировки составляют следующие фигуры: 1) риторические / риторские; 2) ораторские; 3) стилистические / стилевые; 4) эстетические; 5) фигуры речи / речевые фигуры / фигуры дикции; 6) фигуры языка / языковые фигуры; 7) грамматические; 8) фигуры мысли; 9) фигуры слова / тропы. Фигуры обычно разделяются на две основные группы — фигуры языка и фигуры художественной речи. Под фигурами языка подразумеваются тропы и грамматические фигуры. Фигурами художественной речи традиционно считаются эстетические, ноэтические (фигуры мысли) и фонетические.

Так как экспрессивность возникает и другими способами, очевидно, что она является более широким понятием, чем выразительность, точнее, экспрессивность целиком включает в себя выразительность (каждое выразительное является экспрессивным, но не каждое экспрессивное бывает выразительным).

9. Экспрессивное ↔ образное. Экспрессивность является более широким понятием, чем образность: экспрессивное может быть необразным, в то время как образное всегда бывает экспрессивным (за исключением «мертвых» метафор). Значит, образность полностью включена в экспрессивность. «[…] частная категория экспрессивности — образность, имеющая в основе перенос (метафорический, метонимический), предстает как своеобразный усилитель (сенсибилизатор) других типов языковой информации. Поэтому именно переносное значение с яркой образностью, т. е. подкрепленной категорией новизны, обладает большой экспрессией, усиливающей эмоционально-оценочную, эстетическую и другие виды языковой информации […]» (Киселёва 1978: 24). Существуют две точки зрения об этой соотносительной паре. Одни считают, что образность — это факультативный компонент экспрессивности (Никитина, Васильева 1996). Другие придерживаются мнения, что образность вообще надо исключить из экспрессивности: «По-видимому, образность более логично рассматривать как одну из равноправных составляющих (одну из разновидностей) любой прагматической информации, в том числе и такой, которая связана с категориями образности и интенсивности. Более адекватным нам представляется предельно узкое понимание экспрессивности как разновидности прагматической информации, связанной с понятием интенсивности (усилительности)» (Сковородников 1981: 13—14).

Первичными носителями образности являются тропы. Использованием слов в переносном значении создаются яркие представления о предметах, признаках, явлениях. В основе тропов находится полисемантическое отношение, отношение намеков, ассоциаций, и поэтому троп имеет два плана — то, что реализовано, и то,

что ассоциируется. В системе тропов центральное место занимает метафора. Она основана на многозначности имплицитного характера[26].

10. Экспрессивное ↔ коннотативное. Между этими двумя понятиями разница в том, что коннотация[27] является семантической сущностью, а экспрессия — феноменом, выходящим не только за рамки семантики, но вообще не укладывающимся в дисциплинарные границы, феноменом, который не замыкается в одну область. Иными словами, экспрессивность является более широкой категорией — каждая коннотация обладает экспрессией, но каждая экспрессивность не является коннотацией. Поэтому оправдана констатация того, что коннотативность представляет собой квазисиноним для экспрессивности (Никитина, Васильева 1996).

Коннотация имеет сугубо дихотомичную структуру — она **(1)** всегда выступает в паре с денотацией, **(2)** является положительной или отрицательной (нулевой), **(3)** представляет собой маркированность по отношению к немаркированности. Коннотативная единица несет в себе дополнительную информацию (содержание), попутный оттенок, нанесенный на денотацию в целях создания экспрессии. Для экспрессивности существенным является то, что она обладает ассоциативностью, образностью[28].

---

[26] Роман Якобсон выделял метафору как то, что базируется на сходстве, и метонимию, как то, что возникает по смежности, соседству; в первой проявляется семантическое подобие, во второй — семантическая близость (Jakobson, Halle 1988: 71—72). Метафора возникает заменой на оси селекции (парадигматический уровень) и установлением связи по сходству, в то время как метонимия больше направлена на ось комбинации (синтагматический уровень) и возникает по смежности, соседству. Селекция, основанная на обнаружении сходства, представляет первую фазу кодирования, а комбинация, основанная на реализации контакта, составляет начальный этап декодирования. Положение Романа Якобсона о том, что все языковые знаки существуют в двух размерах — на оси одновременности и на оси последовательности — опирается на различение де Соссюром отношения in absentia и in presentia.

[27] Латинское слово *connotatio* обозначало «что-нибудь вместе с чем-нибудь другим», т. е. дополнительное значение (поэтому в качестве эквивалента в русском языке используется *созначение*).

[28] Леонард Блумфилд толкует коннотацию как дополнительный оттенок значения и индивидуальное отступление (Блумфилд 1968: 156). Он выделяет **(а)** социальные, ло-

Н. М. Фирсова различает экспрессивную, эстетическую и функциональную коннотацию грамматических форм (Фирсова 1981: 47—91). В рамках экспрессивной коннотации она выделяет собственно экспрессивную коннотацию (когда морфоло-

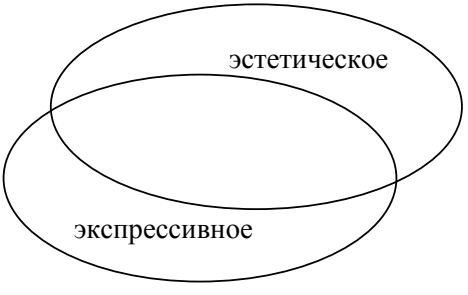

кальные, архаичные коннотации, **(б)** коннотации книжных форм, технических терминов, заимствованных языковых форм, коннотации сленговых форм, коннотации неприличных языковых форм, детские коннотации и т. п. Для Ю. Д. Апресяна коннотация является элементом прагматики, отражающим культурные представления и традиции, практику использования соответствующей вещи (Апресян 1974: 67). В. Н. Телия под коннотацией подразумевает эмоциональную, оценочную или стилистическую окраску языковой единицы узуального (закрепленного в системе языка) или окказионального характера: «В широком смысле это любой компонент, к[отор]ый дополняет предметно-понятийное (или денотативное), а также грамматическое содержание языковой единицы и придает ей экспрессивную функцию [...] на основе сведений, соотносимых с эмпирич[еским], культурно-ист[орическим], мировозренч[еским] знанием говорящих на данном языке, с эмоциональным или ценностным отношением говорящего к обозначаемому или со стилистич[ескими] регистрами, характеризующими условия речи, сферу языковой деятельности, социальные отношения участников речи, ее форму и т. п. В узком смысле это компонент значения, смысла языковой единицы, выступающей во вторичной для нее функции наименования к[ото]рый дополняет при употреблении в речи ее объективное значение ассоциативно-образным представлением об обозначаемой реалии на основе осознания внутр[енней] формы наименования, т. е. признаков, соотносимых с буквальным смыслом тропа или фигуры речи, мотивировавших переосмысление данного выражения» (ЛЭС 1990: 236). Л. Г. Бабенко коннотацию называет своеобразной лексической модальностью и определяет ее так: «[...] периферийная часть лексического значения, многокомпонентная, содержащая информацию о личности говорящего, в том числе и о его эмоциональном состоянии, ситуации общения, характере отношения к собеседнику и предмету речи» (Бабенко 1989: 21). Э. С. Азнаурова называет коннотацию дополнительным содержанием, постоянно присутствующем в слове, базирующемся на постоянных ассоциативных связях, обусловленных ее предметным значением (Азнаурова 1973: 88). И. П. Рязанина приводит классификацию «стилистических коннотаций» в языке и речи. В плане языка она выделяет **(1)** внеконтекстуальную стилистическую окрашенность, в том числе эмоционально-экспрессивную и функционально-стилистическую, **(2)** локализованное лексическое значение, внеконтекстуальный стилистический «ореол». В плане речи она различает **(1)** контекстуальную функционально-стилистическую окрашенность и **(2)** образный, или экспрессивный ореол (Рязанина 1990: 143). М. Н. Кожина упоминает три вида стилистических коннотаций: 1) эмоционально-экспрессивную (в основе которой находится оценка, отношение к содержанию языковой единицы); 2) условно-традиционно-экспрессивную (в самом значении слова не дана оценка или отношение к предмету, они являются попутными, дополнительными); 3) функциональную (на основе сферы употребления и функциональной разновидности языка), см. (Кожина 1983: 83—84).

гические единицы обладают устойчивой экспрессивной коннотацией, сохраняемой и вне контекста), композиционную (которая возникает при использовании особых композиционных приемов), диспозиционную (получается особым расположением, диспозицией форм), трансплантированную (возникает при перенесении единиц из одного хронологического пласта в иной) и характерологическую (создается при использовании формы для речевой характеристики персонажей). Эстетическая коннотация возникает в результате особой звуковой организации, а функциональная выступает в рамках отдельных функциональных стилей.

11. Экспрессивное ↔ эстетическое. Эстетическое отношение представляет собой духовную связь между субъектом и объектом, основанную на незаинтересованном интересе к последнему и сопровождаемую чувством глубокого духовного наслаждения от общения с ним (СЭ 1989: 244), т. е. это особое отношение человека к действительности, в процессе которого человек раскрывает и выявляет меру целостности предметов, явлений и ситуаций объективного мира (КСЭ 1983: 109). Эстетическое отношение связано с одной из основных функций языка — воздействием (перлокуцией)[29]. Из эстетического отношения зарождается эстетическая информация. На ее основе возникает оценка, насколько высказывание является эстетически устроенным, красивым или плохим, гармоничным или дисгармоничным, совершенным или эстетически неоформленным. Эстетическая информация составляет основу эстетических суждений, эстетической ценности и эстетического. В эстетическом процессе возникают реакции в форме наслаждения, восторга и отвращения, удовольствия или негодования, радости или мучения.

Если же под эстетическим подразумевать только гедонистическое, только то, что вызывает духовное наслаждение (прекрасное, гармоничное, совершенное и т. п.), тогда все экспрессивное не является обязательно эстетическим, так как то, что несет отрицательную экспрессию (напр., вульгаризм), не дает положительную эстетическую ценность.

А. И. Ефимов указывает на то, что экспрессивность и эстетичность не являются идентичными понятиями: «Далеко не все выразительные средства, существующие

[29] О теории речевого воздействия см. (Киселёва 1978).

в общенародном языке, способствуют созданию эстетического. Экспрессивность и эстетичность не являются понятиями тождественными. Так, грубые и тривиальные слова и выражения, бесспорно, обладают экспрессивными качествами. Но никто не станет утверждать, что эстетическое, с которым связано представление о прекрасном, достойном восхищения и наслаждения, может быть создано этими речевыми средствами» (Ефимов 1961: 115). Данному отношению В. А. Маслова уделяет больше внимания, но анализ получается довольно расплывчатым, а выводы туманными (Маслова 1997: 37—44)[30].

12. Эстетика является наиболее сложной, трудоемкой, дискуссионной и наименее упорядоченной из всех гуманитарных дисциплин, постоянно балансирующей на грани материального и духовного, рационального и иррационального, вербализуемого — невербализуемого (Бычков В., Бычков О. 2001: 456). Истолковать эстетическое отношение нетавтологически (без попадания в концептуальный тупик) почти невозможно. Оно является комплексным феноменом, основу которого составляет бинарная связь (**А ↔ В**), точнее, оно является необратимым и неутилитарным аксиологическим притяжением или отталкиванием перцепированного явления.

13. В основе эстетического отношения находится особый тип отношения — аксиологический (ценностный). Хотя эстетическое отношение является фундаментом всего эстетического, в классической эстетике оно не числится в списке основных эстетических категорий, какими являются прекрасное, комическое, трагическое, трагикомическое и др. Повторим еще раз, что эстетическое отношение образует духовную связь между субъектом и объектом, основанную на незаинтересованном интересе к последнему и сопровождаемую чувством глубокого духовного наслаждения от общения с ним (Эстетика 1989: 244)[31].

14. Из эстетического отношения зарождается эстетическая информация, которую некоторые толкуют как информацию об эстетических качествах самого языка, т. е. особая выразительная сила языковых средств (Киселёва 1978: 21, 24). Она составляет основу эстетических суждений, эстетической ценности и эстетического наслаждения. На ее основе возникает оценка, насколько высказывание является

---

[30] О некоторых аспектах соотношения упомянутых категорий писали Г. Ф. Аглетдинова (1966) и Р. Р. Чайковский (1971).

[31] Это взаимодействие рассматривается и по-другому: «Эстетическое отношение — особое отношение человека к действительности, в процессе которого человек раскрывает и выявляет меру целостности предметов, явлений и ситуаций объективного мира, проявляет и переживает развитые в себе способности и возможности активной творческой деятельности, оценивает степень совершенства явлений действительности и степень гармонии человека и мира» (КСЭ 1983: 109).

эстетически устроенным, красивым или плохим, гармоничным или дисгармоничным, совершенным или эстетически неоформленным. «Эстетическая языковая информация обладает большим потенциалом внушаемости: она воздействует на поведение человека посредством аппеляции к эмоциональной сфере психики и через нее к сознанию, вооружая человека «особым видением всего окружающего»» (Киселёва 1978: 23). Подход к эстетическому может быть гедонистическим и утилитарным. Гедонистическое отношение ведет к эстетическому наслаждению, в то время как утилитарный подход стремится к объективному, научному осознанию. В первом случае возникают реакции в форме наслаждения, восторга и отвращения, удовольствия или негодования, радости или мучения... Носителями такого отношения выступают и элементарные языковые единицы, и более широкие текстуальные комплексы. Эстетическая информация прямо связана с эстетическими нормами как «общепринятыми принципами эстетической деятельности, творчества и восприятия, а также образцами художественно-эстетических ценностей в данном социальном коллективе и его культуре, правилами создания и восприятия произведений искусства, в случае строгой непреложности принимающими форму канона» (КСЭ 1983: 104).

15. Каждое эстетическое отношение, обратимое или необратимое, осуществляется в квадрате доминант, которые составляют форма, значение, функция и категория. Такое отношение могут образовать гомогенные доминанты (напр. форма^{1} ↔ форма^{2}, значение^{1} ↔ значение^{2}) и гетерогенные (скажем, форма^{1} ↔ значение^{2}, категория^{2} ↔ функция^{1})[32].

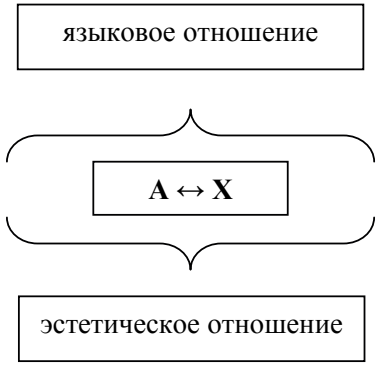
Центральным аспектом эстетического отношения является связь субъекта и объекта. Она является сложной и разнообразной, поэтому существуют различные толкования. Среди них выделятся подход Леонида Столовича, который провел анализ взаимоотношения эстетически оцениваемого предмета, общества и личности в системе эстетического отношения (Столович 1999: 180—181). Он констатирует, что вещи не являются хорошими или дурными сами по себе, без отношения к человеку. Они не характеризуют явления, предметы, вещи «в себе», а возникают и раскрываются в отношении к субъекту, охватывая значения явлений, предметов, вещей для субъекта. Однако ориентированность ценности на субъект не делает их чисто субъективными явлениями, не лишает их общественно-исторической объективности, ибо практическое взаимодействие субъекта и объекта представляет собой объективный процесс. «Между субъектом и объектом существует также оценочное отношение, которое необходимо в процессе познавательной и преоб-

---

[32] Эти связи анализируются как эстетическое значение (Донецких 1980), эстетическое значение отдельных языковых единиц (Сваричевская 1990), эстетическая функция (Mukařovský 1935, 1936, Eko 1977), эстетическая категория (в различных работах по эстетике) и т. п.

разовательной деятельности человека и которое является своего рода мостом от познания к преобразованию» (Там же: 186—187). Важным также является отношение субъекта к другому субъекту.

16. Языковое отношение как эстетическое отношение можно представить следующим образом:

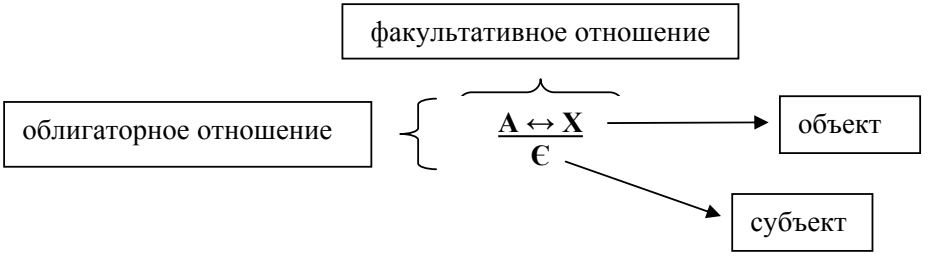

17. Элементарная формула языкового отношения как эстетического отношения, на наш взгляд, имеет следующий вид:

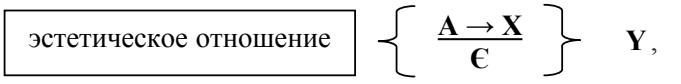
$$\left[\frac{\mathbf{A} \leftrightarrow \mathbf{X}}{\mathbf{Є}}\right],$$

где **A**, **X** — эстетический объект; **Є** — генератор (субъект) эстетического отношения.

В языковом отношении, как эстетическом, существуют облигаторные и факультативные связи. Облигаторную корреляцию образует субъект и объект (так как данное взаимодействие не может существовать без них). Факультативная корреляция касается числа объектов. Эстетическое отношение состоит из двух постоянных (субъекта и объекта) и одной переменной (нефиксированного числа объектов, вступающих в эстетическое отношение). Таким образом, структуру языкового эстетического отношения, как эстетического, составляют:

Общая формула языкового отношения, как эстетического, получает следующий вид:

где **A**, **X** — эстетические объекты; **Є** — субъект эстетического отношения; **Y** — эстетик.

18. Корреляция языковое отношение ↔ эстетическое отношение порождает четыре возможные варианты истинности: 1) все языковые отношения являются эстетическими (**A** ↔ **B** ↔ **X** = **e**); 2) все языковые отношения не являются эстетическими (**A** ↔ **B** ↔ **X** ≠ **e**); 3) некоторые языковые отношения являются эстетическими (не **A** ↔ **B**, но **B** ↔ **C** = **e**); 4) некоторые языковые отношения не являются эстетическими (**A** ↔ **B** = **e**, но **B** ↔ **C** ≠ **e**). Три из них являются реальными (потенциальными, возможными) — 1, 2 и 3. Нет противоречивости (контрадикции) между 3 ↔ 4, в то время как контрадикторными являются 1 ↔ 2, 1 ↔ 3, 1 ↔ 4 и 2 ↔ 4.

19. Языковое отношение, как эстетическое отношение, подразумевает три аспекта: денотативный, сигнификативный и формальный. В эстетизации денотативного отношения существуют простые случаи, типа: *Маша* (**A**) — *красивая*. Терм **A** становится эстетическим объектом на основе ассоциативного (парадигматического) отношения с другими объектами, т. е. объект **A** эстетизирован на базе скрытого, имплицитного сравнения с другими объектами (**B**, **C**... **X**). В предложении *У Маши* (**A**) *красивые глаза* (**a**) эстетическое замыкается в **A**, но в нем фокусируется отношение часть (**a**) ↔ целое (**A**) и первое эстетизируется. Здесь также эстетическое затрагивает парадигматическое отношение, так как **A** ассоциативно соотносится с **B**, **C**... **X** (положительного, отрицательного или нейтрального характера). В предложении *У Маши* (**A**) *красивая юбка* (**B**) эстетизация охватывает отношение «предмет **A** ↔ признак предмета **B**, который соотносится с ним». В предложении *У Маши* (**A**) *нежный поцелуй* (**C**) появляется новый тип объекта, так как эстетизация подразумевает явный, эксплицитный объект (**A**) и скрытый, имплицитный объект **C** — тот, кто целуется с **A**, кто составляет пресупозицию. В предложении *У Маши* (**A**) *красивая сестра* (**B**) в объектном отношении находится два члена: **A** и **B**. Объект **B** эстетизируется не прямо, а через **A**. В отличие от предыдущих случаев, эстетизация «перепрыгивает» через первый терм (**A**). В примере: *Как Маша* (**A**) *целуется с Петром* (**C**)*!* эксплицированы два объекта (**A** и **C**), которые находятся в рефлексивном отношении, а эстетический и коммуникативный фокус падает на **A**.

20. В эстетизации языковых отношений одним из основных вопросов является эстетическая ценность парадигматических и синтагматических связей. Это в

первую очередь относится к полисемической, синонимической, омонимической и антонимической корреляции.

Полисемическое отношение имеет следующую структуру:

$$\frac{\mathbf{Y_1 \leftrightarrow Y_2 \leftrightarrow Y_x}}{\frac{\mathbf{A.}}{\mathbf{Є}}},$$

где **Y** — денотат; **A** — языковая единица (лингвема); **Є** — субъект эстетического отношения.

Полисемия позволяет нейтрализовать одно из самых неэстетических явлений — ненужное повторение. Объектом эстетизации в полисемическом отношении является одна языковая единица (**A**), имеющая несколько референтов ($\mathbf{Y_1 \leftrightarrow Y_2 \leftrightarrow Y_x}$). Эстетизация ограничена на **A**, но эстетическое отношение возникает при изменении направления: в то время как в неэстетическом акте **A** относится к $\mathbf{Y_1}$, в процессе эстетизации $\mathbf{Y_1}$ используется в качестве моста для настоящего ориентира $\mathbf{Y_x}$. Самой выразительной формой эстетизации полисемического отношения является метафора: в ней при помощи **A** выражается $\mathbf{Y_1}$ через $\mathbf{Y_x}$. Ср.: А восток все *горит-разгорается* (И. С. Никитин. Утро). — Душа *кипит* и замирает (А. С. Пушкин. «Погасло дневное светило...»). — И очи синие бездонные *Цветут* на дальнем берегу (А. А. Блок. Незнакомка). — В дряхлую ночь хохочут и *ржут* канделябры (В. В. Маяковский. Облако в штанах). — И звезда с звездою *говорит*... (М. Ю. Лермонтов. «Выхожу один я на дорогу...»). — *Спит* ковыль... (С. А. Есенин. «Спит ковыль...»). — Где бодрый серп *гулял* и падал колос... (Ф. И. Тютчев. «Есть в осени первоначальной...»). — Как *смеялась* старая гармошка! (М. В. Исаковский. Памяти Н.).

В парадигматическом полисемантическом отношении ассоциативно соотносятся значения $\mathbf{Y_1 \leftrightarrow Y_2 \leftrightarrow Y_x}$. Такие случаи наблюдаются тогда, когда прямое и переносное значение не реализуются одновременно, в контакте, а последовательно. К такой парадигматической связи можно прийти только аналитическим путем. В подобных случаях нельзя говорить о стилистической выразительности, поскольку нереально добиться эффекта на большом расстоянии. Ср.: *Давлю* вовсю! (Шолохов 1975: 19). — Что же ты по больному месту *давишь* так, бессердечный ты человек? (Там же: 22). — Давай, браток, перекурим, а то меня что-то удушье *давит* (Там же: 37). В синтагматическом полисемантическом отношении эксплицируется одно значение, а имплицируется другое.

22. Синонимическое отношение эстетизируется по-другому:

$$\frac{\underline{\mathbf{Y.}}}{\frac{\mathbf{A \leftrightarrow B \leftrightarrow X}}{\mathbf{Є}}},$$

где **Y** — денотат; **A**, **B**, **X** — языковые единицы (лингвемы).

Объектом эстетизации является несколько языковых единиц (**A** ↔ **B** ↔ **X**), имеющих один и тот же (или почти тот же) денотат **Y**. Это отношение предоставляет большие возможности для эстетизации. В ней определяется эстетическая ценность **A** по отношению к **B** и(ли) **X**. Эстетизация может происходить в парадигматическом и синтагматическом плане. На парадигматическом уровне ассоциативно соотносятся **A** ↔ **B** ↔ **X** и выявляется их эстетическая ценность. Напр., для понятия ʻумереть/умиратьʼ в сербском/хорватском языке существует около 50 синонимов, каждый из которых эстетизируется (эстетически оценивается) таким образом, что соотносится с другим (**A** ↔ **B** ↔ **X**). Или: М. А. Шолохов при помощи синонимического ряда с доминантой *идти* передает разные нюансы движения (ускорение или замедление, легкость или трудность), отношения (ироничную, оскорбительную позицию), тональность (торжественность), напр.: **1.** Под сапогами хлопал размокший снег, *идти* было тяжело... (Там же: 32); — **2.** Холостой еще *ходил* к Ирине на свиданья, и то оно так не стучало! (Там же: 33); — **3.** Думал, все прошли, приподнял голову, а их шесть автоматчиков — вот они — *шагают* метрах в ста от меня (Там же: 20); — **4.** «*Ступай* в свой блок, а это тебе за смелость», — и подает мне со стола небольшую буханку хлеба и кусок сала (Там же: 31—32); — **5.** *Топай*, мол, рабочая скотина, трудиться на наш рейх (Там же: 20); — **6.** Бросил я лопату и тихо пошел за куст... А потом — бегом, *держу* прямо на восход солнца... (Там же: 26); — **7.** Тут своих не успеваешь хоронить, а тут слух по лагерю идет, будто немцы уже Сталинград взяли и *прут* дальше, на Сибирь (Там же: 28); — **8.** Они устало *брели* по направлению к переправе, но, поравнявшись с машиной, повернули ко мне (Там же: 9); — **9.** Ехал я быстро, но за городом сбавил газ, потом остановил машину, вылез, огляделся: далеко сзади две грузовых *тянутся* (Там же: 34). В синтагматическом синонимическом отношении реализуются два или более синонимов (**A** ↔ **B** ↔ **X**), и поэтому они эстетически оцениваются во взаимной связи, типа: И *выноси* (**A**) его на двор, *Вытаскивай* (**B**) его на двор. *Вытряхивай* (**C**) его на двор! *Вышвыряй* (**D**) его на двор! (Генрих Сапгир «Звуки»).

23. Омонимическое отношение представляет собой следующий тип эстетизации:

$$\frac{\mathbf{Y} \leftrightarrow \mathbf{Z} \leftrightarrow \mathbf{X}}{\frac{\mathbf{A}.}{\mathbf{Є}}},$$

где **Y**, **Z**, **X** — денотаты; **A** — языковые единицы (лингвемы).

Ее объектом является одно слово, имеющее несколько гетерогенных значений, т. е. генетически несвязанных (в некоторых случаях речь идет о различных частях речи). Сознательным соотнесением двух или более слов одного и того же звучания, но различного значения создается особый эффект. На омонимическом отношении иногда базируется рифма. Ср.: Однажды медник, *таз куя*, Сказал жене, *тоскуя*: «Задам же детям *таску я* И разгоню *тоску я*» (Д. Минаев). Омонимическое па-

радигматическое отношение может в повседневной речи (чаще всего) создавать гетерофемию, амфиболию (двусмысленность) — ошибку, вызванную формальной идентичностью и семантическим несовпадением. Одним из классических примеров является *Мать любит дочь* (сербохорв.: *Dijete je udarilo tele*). Некоторые (напр., А. Н. Гвоздев и А. А. Реформатский) указывают на то, что омонимы являются «больными словами», «аномалиями», «слабостью или испорченностью языка» и что при их появлении происходит неприятное неразличение того, что необходимо различать. Другие считают, что такая позиция является ошибочной и что она могла бы быть правильной лишь тогда, когда язык представлял бы собой математическую систему, в которой бы одно звучание имело одно значение, а одно слово обладало одним значением: «Но язык складывается иначе, он имеет свою специфику: в языке слово-знак имеет определенное значение только в контексте. Ср.: в математике «3» всегда обозначает «три» — 3, 13, 23, 30, 300, 403, 3000 и т. д. В языке же слово-знак, например, *ключ* приобретает определенное значение только в контексте: *Я открываю дверь без* ***ключа*** *— Утолить жажду водой из* ***ключа***. Поэтому язык обычно не испытывает особых неудобств от существования омонимов, ибо контекст с полной определенностью наводит слушателя или читателя на правильное понимание. Контекст, ситуация речи обычно вполне „обезвреживают“ их, устраняют возможную двусмысленность» (Михайлов 1968: 266—267). Омонимы устраняются там, где создают двусмысленность, а там, где не мешают, они являются природным и закономерным явлением. «Дело в том, что омонимы иногда выступают как своеобразные подводные камни, которые могут не привлечь внимания говорящего или пишущего и, будучи незамеченными автором, вызывать те или иные затруднения в понимании сказанного или написанного. Это бывает в тех случаях, когда мысль автора не получает довольно точное выражение, причем используются лексические и грамматические средства в полном соответствии с нормами языка. Но конструкция в стилистическом отношении все же считается дефектной, ибо оказывается двусмысленной, выражающей сплошь и рядом лексический и морфолого-синтаксический омонимизм и выступает как стилистический дефект речи» (Там же: 265).

24. Антонимическое отношение имеет следующую эстетическую структуру:

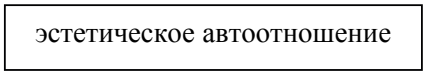
$$\begin{array}{c}\underline{\mathbf{Y} \leftrightarrow \mathbf{Z}} \\ \underline{\mathbf{A} \leftrightarrow \mathbf{B}} \\ \mathbf{Є}\end{array},$$

где **Y**, **X** — денотаты; **A**, **B** — языковые единицы (лингвемы).

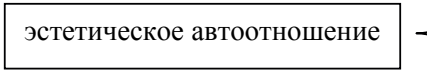
Данное отношение имеет сугубо бинарный характер — в нем эстетизируется один объект по отношению к другому (**A** ↔ **B**). В парадигматическое антонимическое отношение вступает эстетическая ценность нереализованного **A** и нереализованного **B** (скажем, слово «черное» по отношению к слову «белое»). Синтагматическое антонимическое отношение играет важную роль в создании

эстетических ценностей. В нейтральной антонимии, в которой противопоставляются **А** и **В** без создания особой экспрессивности, речь идет об обычной номинации. Экспрессивная антонимия используется в целях создания особого эффекта в форме контраста, антитезы, оксюморона и т. п.

25. Интересными являются случаи создания эстетического отношения к самому себе. Хороший пример — Пьер Безухов. Он обращается к Наташе Ростовой: «*Если бы я был не я, а красивейший и лучший человек в мире, и был бы свободен, я бы сию минуту на коленях просил руки и любви вашей*» (Толстой 2000). Структуру эстетического автоотношения можно представить как:
а автоотношение Безухова:

26. Существуют четыре типа субъекта эстетического отношения (четыре homo

estheticusa): эстетор, эстетист, эстет и эстетик. Эстетор является субъектом, который исходит из своего индивидуального эстетического кода и порождает эстеторское отношение **(а)**. Он размышляет следующим образом: *Я соотношу **А**, **В**... **Х** и в соответствии с своим эстетическим кодом создаю эстетическое отношение между ними*. Эстетор, например, говорит: «*Как я хорошо соединил красное и желтое!*» Эстетист является субъектом, который воспринимает объект, исходя не из собственного, а общего (коллективного) эстетического кода и создает эстетическое отношение **(б)**. Его типичные размышления: «*На основе коллективного эстетического кода я соотношу **А**, **В**... **Х** и нахожу между ними эстетическое отношение*». Типичным утверждением эстетиста является: «*Я согласен с тем, что красное и черное идут вместе*». Эстет — тот, который стремится к эстетическому совершенству, который обладает развитым эстетическим чувством и вкусом. Эстетизатор — каждый субъект, эстетически воспринимающий объект и создающий эстетизаторское отношение (**в**). Это может быть эстетор и эстетист. Эстетик не порождает эстетическое отношение, а рассматривает объект в аспекте эстетики и аналитическим путем находит эстетическое отношение (**г**). Он размышляет: «*Между **А**, **В**... **Х** существует эстетическое отношение, которое можно истолковать следующим образом...*». Его позиция может иметь форму: «*Красное и белое создают гармонию*». В качестве иллюстрации данных типов можно взять любую группу людей, скажем, определенный коллектив. Все его члены являются эстеторами, так как, в зависимости от своего индивидуального кода, они выбирают соответствующую одежду, обувь, украшения и т. п. Некоторые из них иногда принимают совет из близкого окружения (матери/отца,

жены / мужа, сестры / брата...) и, в соответствии с их (а не с собственным) кодом, одеваются и становятся эстетистами. В этой группе редко встречается тот, кто профессионально занимается эстетикой, т. е. эстетик. Таким образом, все являются эстеторами, некоторые эстетистами, вероятно, никто эстетиком, но зато все они эстетизаторы.

27. Выделение нескольких типов эстетического субъекта — эстетизаторов является важным для толкования языкового отношения как эстетического, потому что существуют лингвистические эстеты, эстеторы, эстетисты и эстетизаторы. Один из них — эстетолингвист: тот, который рассматривает языковые единицы как эстетические. Так, эстетосемантики объясняют семантику слов, выражающих эстетические отношения, понятия и категории. Их эстетизаторское отношение имеет формулу:

$$\frac{\mathbf{l_1 \leftrightarrow l_2 \leftrightarrow l_x}}{\mathbf{A \leftrightarrow B \leftrightarrow X}}\ ,$$

$$\mathbf{Є}$$

где **l** — единицы (лингвемы); **A**, **B**... **X** — денотаты; **Є** — эстетизатор; **L** — эстетолингвист.

28. Позиция эстетора и эстетиста играет важную роль в стилистике, речевой культуре и стандартологии (нормативистике). В этой последней используются эстетические критерии для выработки рекомендаций в форме орфографических, орфоэпических, лексических, грамматических и др. правил. В таком подходе господствующую роль должен играть тот, кто исходит из общего, коллективного эстетического кода, т. е. эстетист. Но, к сожалению, часто главным судьей является не эстетист, а эстетор.

29. Оценка эстетического объекта лингвоэстетизатором обычно сводится к провозглашению одной оценки субъективной, а другой объективной. Ср.: «Понятие благозвучия связано также с эстетической оценкой звуков речи. Еще в эпоху античной древности считали неприятным, неблагозвучным звуком «сигму», повторение этого согласного в речи не поощрялось, поэтому древние поэты старались не употреблять слов с «сигмой». Эмоциональное отношение к звукам речи свойственно и русским поэтам, стремившимся к «сладкогласию», красоте звучания речи. «...Что за ы? Что за *ща*, *ший*, *щий*, *щи*, *при*, *тры*? О, варвары!» — восклицал К. Н. Батюшков. В новую, советскую эпоху В. В. Маяковский, напротив, выступая против «гладкосочинительства», защищал резкие, грубые звуки: «Есть еще хорошие буквы: *эр*, *ша*, *ща*!» [...] М. Горький советовал молодым писателям избегать шипящие звукосочетания *вши*, *вшу*, *ща*, *щей*, не допускать повторения свистящих и шипящих звуков, если они не звукоподражательны […]. Однако проведенные в последние годы исследования убеждают в том, что эмоциональная окраска звуков воспринимается одинаково говорящими на одном языке. Нам кажутся неблагозвучными, например, причастия *тащащийся*, *скрежещущий*, *морщащийся*, *тщащийся*, *нянчащий*,

форма превосходной степени прилагательного *мощнейший* и т. п. Мы стараемся не употреблять такие формы, как *тощайший* (от тощий), *тщедушнейший* и т. п. Напротив, «музыкальные» звуки — гласные, сонорные, звонкие согласные (которые в отношении к «безголосым», т. е. шумным глухим, составляют 74,5%) — придают речи напевность, красоту звучания. Сонорные согласные в русском языке часто начинают слово или оказываются перед ударным гласным (*роза*, *рано*, *море*, *милый*, *лодка*, *лебедь*, *нега*, *новый*, *нива* и под.), определяя звучание речи (Голуб 1986: 268—69).

Языковое отношение, как эстетическое, изучают, как правило, лингвистические эстетизаторы в рамках исследований конкретных феноменов. Так, анализируется эстетика языка (Mukařovský 1940), эстетика языкового выражения (Miko 1966), эстетика языка и речи (Николаева 1979), эстетические своеобразия частей речи (Беззубов 1975), реализация эстетических возможностей прилагательных (Донецких 1980), эстетическая функция слова (Донецких 1982), эстетическая функция поэтической речи (Лебедева 1973), использование эстетических критериев в функциональных стилях (Разинкина 1985), эстетическое значение глагольных словосочетаний (Сваричевская 1990), эстетическая функция вульгаризмов (Životić 1982) и т. п.

30. Формальные модели языковых отношений, в том числе и эстетических, можно свести к пяти основным фигурам: треугольнику, парашюту, дереву, конусу и сфере. «Треугольник» составляют эстетическое ↔ субъект ↔ объект. «Парашют» представляет собой сочетание различных эстетических перспектив в одном целом. При помощи «дерева» моделируются некоторые эстетические отношения. В «конусе» выделяется только одно эстетическое явление, напр., прекрасное. Для начального анализа языкового отношения, как эстетического, лучше всего подходит «сфера». Эта геометрическая фигура является идеальной для формализации эстетических отношений, так как **(а)** охватывает все отношения без исключения, **(б)** представляет их равноправно. Понятие «сфера» приобретает в последнее время особое значение. Этому особенно способствовал В. И. Вернадский, который выделил два типа сфер и создал учение о *биосфере* и *ноосфере* (Вернадский 2002). Он писал: «В лике Земли выявляется поверхность нашей планеты, ее *биосфера*, ее наружная область, ограничивающая ее от космической среды» (Там же: 32). К *ноосфере* он подходит в анализе научного мировоззрения как планетного явления и подчеркивает, что под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние — ноосферу (Там же: 252). Учение В. И. Вернадского получило отклик и в филологии. Так, Ю. М. Лотман создал в 1984 г. термин *семиосфера*, охватывающее семиотическое пространство, его структурную неоднородность и внутреннее разнообразие. А. Ф. Лосев говорил о сфере смыслов (Лосев 2000а, 2000б). Д. С. Лихачёв ввел понятие *концептосфера*: «Термин *концептосфера* вводится мною по типу терминов В. И. Вернадского: *ноосфера*, *биосфера* и пр. Понятие концептосферы особенно важно тем, что оно помогает понять, по-

чему язык является не просто способом общения, но неким концентратом культуры — культуры нации и ее воплощения в разных слоях населения, вплоть до отдельной личности» (Лихачёв 1997: 287). Для толкования языкового отношения, как эстетического отношения, является важным понятие *аксиосфера*. Им обозначается вся область ценностного отношения человека к миру (Столович 1999: 105). «Очевидно, что и в атмосфере, и в биосфере, и в ноосфере, и в семиосфере не все является ценностно значимым. Вместе с тем понятие аксиосферы не ведет фатально к полной автономизации мира ценностей. Это понятие может служить для определения связи сферы ценностей с другими сферами бытия, в частности и в особенности — со сферой культуры» (Столович 1999: 106). Леонид Столович приходит к выводу, что взаимодействие специфически различных сфер не представляет собой «крутой пограничный режим», а подразумевает взаимопроникновение, диалектическое взаимодействие, единство противоположностей. «Биосфера не может существовать без атмосферы. Человек принадлежит и к биосфере, и к ноосфере Разума. Семиосфера — необходимое условие функционирования ноосферы. Без аксиосферы человечество также не в состоянии существовать, как биосфера без атмосферы» (Там же: 106)[33].

31. Противопоставление экспрессивности — с одной стороны, и эмоциональности, стилистической принадлежности, коннотативности, выразительности, образности и эстетичности — с другой, приводит к выводу, что в соотносительном круге экспрессивности **(1)** ни одна из приведенных категорий не образует с экспрессивностью отношение полной идентичности, так как объемы у них отличаются, **(2)** в их взаимодействии возникает отношение частичной совместимости, **(3)** они вступают в отношение пересечения, **(4)** между ними сильно выражено отношение имплицитности и **(5)** намного больше представлено отношение конъюнкции, чем дизъюнкции. Поэтому прав И. В. Арнольд, когда сказал, что совпадение компонентов экспрессивности далеко не обязательно; присутствие одного из них не влечет за собой обязательного присутствия всех остальных, и они могут встречаться в разных комбинациях (Арнольд 1973: 114). Наши наблюдения и размышления указывают на то, что в соотносительном круге экспрессивности существуют три группы: в первой экспрессивное является более широким понятием (по отношению к эмоциональному, выразительному, образному и коннотативному), во второй группе экспрессивное является более узким понятием (по отношению к стилистическому), в третьей экспрессивное может быть и более широким, и более узким понятием (по отношению к эстетическому).

32. В толковании экспрессивности очень важным является понятие функции. Если ее сложную природу упростим и скажем, что при помощи языка мы **(1)** что-

[33] Более подробно о языковом отношении, как эстетическом отношении, см. (Тошович 2002).

нибудь сообщаем, **(2)** общаемся и **(3)** воздействуем, тогда экспрессивность будет связана, в первую очередь, с третьим. Существуют три вида воздействия: чувственное (воздействие в целях создания эмоций), рациональное (воздействие на ум) и утилитарное (воздействие в форме индоктринации, агитации и пропаганды). На этом уровне происходит соответствующее распределение функциональных стилей: литературно-художественный (ЛФС) и разговорный (РФС) с выраженным первым видом воздействия; публицистический (ПФС) с индоктринацией, агитацией и пропагандой; научный (НФС) и официально-деловой (ОФС) с рациональным воздействием. Чувственная перлокуция дает максимальную степень экспрессивности, рациональная — минимальную. Насколько функция является важной для экспрессивности, показывает одна из первых основательных типологий функций — классификация Карла Бюлера, в которой выделяется репрезентативная функция (обозначение чего-либо в действительности), аппелятивная (ориентация на собеседника) и экспрессивная (выражение внутреннего состояния автора), см. (Бюлер 1993). А. М. Кузнецов определяет экспрессивную функцию как одну из функций языкового знака, которая состоит в способности выражения эмоционального состояния говорящего, его субъективного отношения к обозначаемым предметам и явлениям действительности (БСЭ 1978/30: 11). Он указывает на то, что изучением этой функции занимается стилистика. В логике под понятием «экспрессивная функция слова» подразумевается такая функция, которая придает содержанию речи выразительность, образность и эмоциональную окрашенность (Кондаков 1975: 681). А. А. Леонтьев экспрессивную функцию считает не функцией языка (сюда относятся коммуникативная и интеллектуальная), а функцией речи, имеющей, как правило, факультативный характер (такими являются поэтическая, магическая, номинативная и диакритическая функция), см. (Леонтьев 1968). Экспрессивную функцию также выделяет П. А. Аврорин (наряду с коммуникативной, конструктивной и аккумулятивной), а под экспрессией подразумевает выражение мысли (Аврорин 1975), в то время как Д. Э. Розенталь и М. А. Теленкова принимают виноградовское разделение функций: общение, сообщение и воздействие. «Функция воздействия. Реализацией ее являются: а) функция волюнтативная (от лат. *voluntas* — воля). Выражение волеизъявления говорящего; б) функция экспрессивная (от лат. *expressio* — выражение). Сообщение высказыванию выразительности; в) функция эмотивная (от лат. *emovere*, *emotum* — возбуждать, волновать). Выражение чувств, эмоций» (Розенталь, Теленкова 1976). В классификации Романа Якобсона, состоящей из шести функций, экспрессивность не выделяется как отдельная функция, но имплицируется, в первую очередь, в эмотивной (отношение автора к содержанию сообщения), конативной (ориентация на адресата), поэтической и фатической (установление, продолжение коммуникации или ее завершение), см. (Якобсон 1975: 198). В. А. Маслова считает основной функцией экспрессивности усиление воздействия на интеллектуальную, эмоциональною и волевую сферы личности реципиента (Маслова 1997: 12). Экспрессивная функция максимально релятиви-

зирована и обобщена в монофункционализме, который считает, что существует только одна функция — коммуникативная. В бифункционализме она содержится в одной из двух функций, скажем, А. М. Пешковский различает функцию сообщения и функцию воздействия (логично: экспрессивность примыкает ко второй), см. (Пешковский 1927).

Мы исходим из того, что **(1)** необходимо различать экстралингвистические и интралингвистические функции — к первым относится коммуникативная, ментальная и эстетическая, ко вторым — номинативная, предикативная, локационная, копулятивная и характеризующая (локационная, квалификативная и квантификативная), **(2)** первичной функцией является не коммуникативная, а корреляционная и **(3)** экспрессивная функция является особым видом отношения трех языковых доминант: формы, значения и категории. Для того чтобы выполнять основные интралингвистические функции номинации (идентификации и классификации), предикации, прагматизации (квалификации, квантификации, характеризации) и организации, языковые единицы должны вступать в парадигматические и синтагматические связи с другими единицами. Если единица одного гиперкласса (части речи) создает корреляцию с единицей другого гиперкласса, тогда такая единица выполняет экстракорреляционную функцию (напр., когда глагол вступает в связь с именем существительным). Если связь образуют единицы различных гипоклассов (грамматических категорий), то они выполняют интеркорреляционную функцию. Наконец, если две единицы одного и того же гипокласса определенного гиперкласса взаимодействуют, они реализуют интракорреляционную функцию. Таким образом, на коррелятивном уровне все языковые единицы выполняют следующие функции: а) категориальные, б) экстра-, интра- или интракорреляционные. Каждая из этих функций лежит в основе соответствующей системы отношений, или корреляционала (экстракорреляционала, интеркорреляционала, интракорреляционала). Что касается данного анализа, экспрессивность образует формально-экспрессивный, семантико-экспрессивный, функционально-экспрессивный и категориально-экспрессивный корреляционал. В каждом из них особым способом реализуется экспрессивная функция.

33. Существуют два вида экспрессивности — кодированная и декодированная. Кодированная экспрессивность (КЭ) представляет собой ориентацию **А** (отправителя, автора, говорящего) на появление у **В** (получателя, реципиента, собеседника) эмоциональной реакции **С** (эффекта, впечатления, переживания). Декодированная экспрессивность (ДЭ) возникает в процессе дешифровки ориентации **А** (отправителя, автора, говорящего), которую делает **В** (получатель, реципиент, собеседник, читатель, слушатель) и которое развивает эмоциональную реакцию **С** (эффект, впечатление, переживание). Их взаимодействие порождает два основных результата: 1. КЭ совпадает с ДЭ (эффект, созданный отправителем **А** вызывает эффект у получателя **В**, напр., радость, печаль); 2. КЭ не совпадает с ДЭ — а) КЭ не понял, не дешифровал, не открыл **В** (кодированный эффект, созданный отправителем **А**

не вызывает эффекта у получателя **В**, напр., беспокойство), б) у получателя **В** возникает экспрессивность, которую не создал **А** (некодированный отправителем **А** эффект вызывает эффект у получателя **В**).

Особым типом является спонтанная, самозарождающаяся экспрессивность, которая возникает, когда у отправителя отсутствует стремление создавать какую-либо экспрессию, но она все-таки появляется (напр., в речи детей).

Экспрессивность представляет собой универсальную языковую категорию деклюзивного (открытого) и модификационного типа [34]. По характеру реализации мы различаем имманентную и контекстуальную экспрессивность. Первую создают единицы, которые сами по себе являются экспрессивными, например, авторские неологизмы, суффиксы субъективной оценки и т. п. Вторую составляют единицы, которые при определенных условиях становятся носителями экспрессивности, напр., научные термины. Можно также говорить об узуальной и окказиональной, облигаторной и факультативной экспрессивности [35].

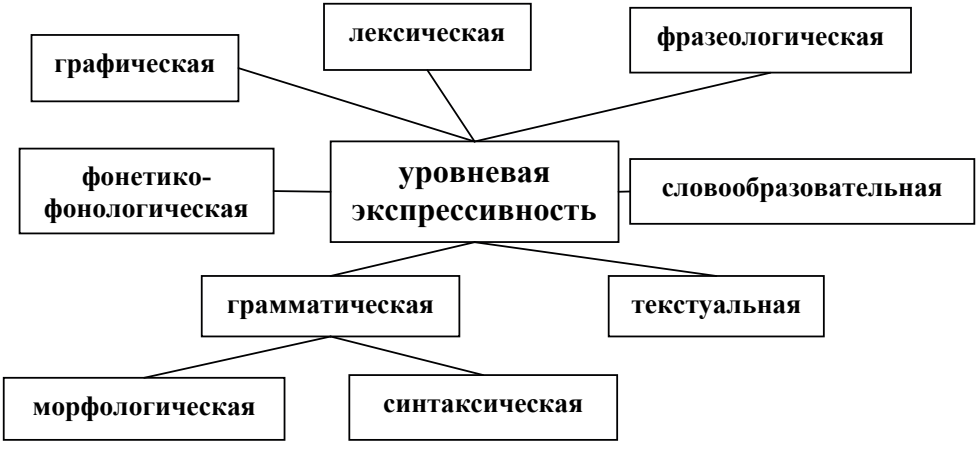
34. На общелингвистическом уровне выделяется уровневая (стратусная) и дифференциально-лектальная экспрессивность.

---

[34] Более подробно см. (Tošović 2003b).

[35] В литературе упоминается ингерентная экспрессивность (экспрессивность, внутренне присущая данному слову [или выражению] как элементу [единице] языка, напр., *жахнуть*, *златокудрый*) и адгерентная экспрессивность (экспрессивность, приобретаемая словом или выражением только в данном речевом контексте, напр., *хорошенький* в сочетании *хорошенькая история*), см. (Ахманова 1966: 523). Некоторые различают языковую экспрессивность и экспрессивность речи (под первой подразумевают языковую выразительность, а под второй — эмоциональную экспрессивность), см. (Simeon 1969/I: 293). «Различаем языковую и речевую экспрессию. Языковая экспрессия находит воплощение в специальной лексике, морфологических трансформах слов, особых синтаксических конструкциях и является относительно неизменной, постоянной величиной. Речевая экспрессия выражается, прежде всего, интонацией, при этом интонационной экспрессивизации в звучащей речи могут подвергаться любые неэкспрессивные (с точки зрения языковой формы) высказывания, ср.: *Я ждал тебя сорок минут* (нейтральная констатация факта) — *Я ждал тебя сорок минут!* (экспрессивная констатация факта с дополнительным экспрессивным значением: «это очень долго»). Речевая экспрессия находится в зависимости от прагматической установки говорящего и выступает как величина переменная. Заметим, что в речи с помощью интонации может варьироваться степень экспрессии и в экспрессивных по своей языковой природе высказываниях, ср. хотя бы ИК-3, 5, 6, 7 в высказывании: *Какая погода!*» (Муханов: 1998: 48). Выделяется также экспрессивность увеличительная (собственно экспрессивность), образная, оценочная (Сковородников 1981: 14). И. В. Арнольд различает узуальную экспрессивность слова или лексико-семантического варианта слова, а также фразеологических единиц (Арнольд 1973: 117, 161).

35. Уровневая экспрессивность представляет собой форму субъективного, эмоционального и/или эстетического отношения, реализуемого средствами отдельных языковых уровней — графического, фонетико-фонологического, лексического, фразеологического, словообразовательного, грамматического (морфологического и синтаксического), текстуального. «Обычно экспрессию определяют применительно к лексическому уровню, но как на этом, так и на других уровнях проявления данной языковой функции встают следующие существенные проблемы: **(а)** как соотносится интеллектуальная (номинативная, информационная, рациональная) сфера языка и аффективная, **(б)** является ли аффективная сфера принадлежностью языка или речи, **(в)** что является составляющими аффективной сферы: экспрессивность, эмоциональность, образность и т. п.» (Акимова 1981: 109).

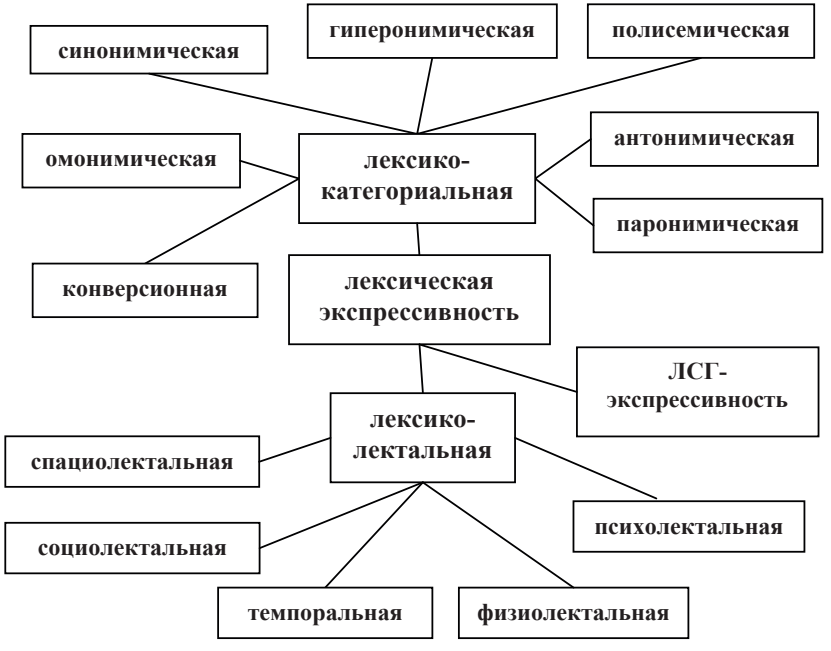

36. Графическая экспрессивность возникает при использовании графем и их особой комбинации (скажем, знаков препинания). Сами буквы могут своей формой, размером, цветом, типом создавать экспрессию. Графическую образность вызывает также специальное деление высказывания на абзацы, строфы. Так возникают фигурные стихи (в форме треугольника, звезды, креста, сердца и т. п.). «Обычно графические средства направлены на передачу эмоциональной окраски, т. е. чувств, которые писатель сообщает читателю, или эмфазы как общего специального увеличения усилий говорящего, особо подчеркивающего часть высказывания или подсказывающего наличие подтекста. Частично с этой целью читатель может ориентироваться на прямое описание, характеризующее тон как холодный или, наоборот, ласковый, шутливый или взволнованный, на манеру произнесения: “вскричал”, “пробормотал”, “произнес холодно и отчетливо” и т. д.» (Арнольд 1973: 275).

37. Основным средством фонетико-фонологической экспрессивности являются фонетические фигуры, например, ассонанс (повторение гласных, созвучие глас-

ных звуков), аллитерация (повторение согласных), анафора (повторение звуков в начале), эпифора (повторение звуков в конце), контракция (сжатие), афереза (выпадение начального звука), апокопа (пропуск гласного в конце слова), синкопа (пропуск гласного между согласными), эпентеза (вставка), метатеза (перестановка звуков или слогов) и т. п. На этом уровне экспрессивность частично реализуется в рамках того, что называется фонетическим символизмом. Один из видов фонетико-фонологической экспрессивности выступает в форме эвфонии, или благозвучия[36].

38. Лексическая экспрессивность представляет собой субъективно-эмоциональное отношение отправителя, выраженное лексическими средствами. Существуют три типа лексической экспрессивности: а) экспрессивность, создаваемая отдельными лексическими явлениями (категориями) — полисемическая, гиперонимическая, синонимическая, антонимическая, омонимическая, паронимическая, конверсионная; б) экспрессивность, возникающая в лексико-семантических группах; в) экспрессивность, порождаемая лексическими пластами определенных видов интровертной дифференциации языка (спациолектальной, социолектальной, психолектальной, физиолектальной, темпоральной и т. д.). Первую назовем лексико-категориальной, вторую — лексико-семантической, а третью — лексико-лектальной.

[36] См. (Čakrić 1992, 1995).

39. Лексико-категориальная экспрессивность большей частью реализуется в рамках полисемантической экспрессивности, возникающей при использовании слов в переносном значении. Многозначность дает возможность на базе одного значения использовать другое (то, что дано в высказывании, ассоциирует определенное внеконтекстуальное содержание). Наличие двух планов — реализованного и фонового — составляет основу тропной экспрессии (экспрессии тропов).

40. Второй важной разновидностью лексико-категориальной экспрессивности является синонимическая. Она возникает введением в высказывание слов идентичного или почти одинакового значения, но различного звучания. Синонимия является важным средством экспрессивности, так как при ее помощи создается один из основных признаков хорошего и образцового стиля — разнообразие изложения, выражение мысли различными способами.

41. Сознательное соотнесение двух или более слов одинакового звучания, но различного значения создает омонимическую экспрессивность. Взаимодействием слов противоположного значения получается антонимическая экспрессивность (ее радикальной формой является экспрессия, возникающая в оксюмороне). Использование слов с похожим звучанием, но различным значением порождает паронимическую экспрессивность (в форме парономазии, парономической атракции, паронимической рифмы и т. п.).

42. Каждая лексико-семантическая группа слов обладает своеобразным экспрессивным потенциалом[37]. Лексико-семантическое разнообразие проявляется по-разному в функциональных стилях. Свое максимальное выражение оно получило в ЛФС. В ПФС оно сталкивается с рядом ограничений. Информационные жанры настолько стандартизованы, что с каждым из них связана определенная семантическая и тематическая группа слов.

43. Лексико-лектальная экспрессивность возникает в рамках лексических пластов и частей лексики, типичных для отдельных видов интровертной дифференциации языка. На этом уровне выделяются слова, используемые во всех лектах[38]

---

[37] О лексико-семантических группах экспрессивной лексики см. (Щербакова 1996).

[38] Говорящий, в зависимости от того, с кем общается, где и когда происходит коммуникация, какую функцию выполняет общение, с какими целями и каким образом оно осуществляется, порождает различные типы реализации, которые имеют целый ряд конкретных или обобщенных названий (вид языка, разновидность языка, способ выражения, вариант, языковое выражение, языковое высказывание, стиль, регистр, дискурс, форма существования языка, языковой репертуар, языковая подсистема, подъязык и т. п.). Речевые реализации, имеющие системный характер, мы называем *лектом* (латинское слово *letctus* имеет два значения: как прилагательное — обозначает ʻвыбранный, выборочный, незаурядный, отличныйʼ, а как существительное — ʻпостель, кро-

(разновидностях любой дифференциации языка) и без особой экспрессивности, обычно называемые нейтральными, или общеупотребительными. Вторую группу составляют слова более узкого использования и с выраженной экспрессивностью. Для них характерны различные ограничения: в одном случае они принадлежат к письменной коммуникации (книжная лексика), в другом — являются элементами устной речи (разговорная лексика, коллоквиализмы). Некоторые лексемы используются в высоком, торжественном или официальном общении, другие — в семейном кругу, в неформальной обстановке. Ограничения могут иметь и более широкие масштабы, приводящие к выделению общеупотребительных слов и слов, используемых только на определенной территории (диалектизмы), в языке отдельных социальных прослоек или групп (жаргонизмы), определенных профессий (профессионализмы, канцеляризмы) или отражающих низкий культурный уровень (вульгаризмы). Экспрессивность может возникать и в соотношении активный ↔ пассивный запас лексики, причем экспрессия связывается, в первую очередь, с устаревшей лексикой (архаизмы и историзмы), словами для обозначения новых реалий (неологизмы), словами, еще не ставшими «своими» (варваризмы), и отражающими культуру определенного народа (экзотизмы) [39].

44. Фразеологическую экспрессивность порождают особые фразеологические единицы или фразеологические единицы с особым употреблением. Яркую экспрессивность создают индивидуальные трансформации фразеологизмов. «Деформация идиом есть фигура речи, состоящая в разрушении семантической монолитности фразеологического сращения, в оживлении составляющих ее слов как самостоятельных единиц» (Ахманова 1966). Основной результат таких преобразований заключается в достижении комического, сатирического или иронического звучания и за счет компрессии информации (Арнольд 1973: 172). «Фразеологизмы, как единицы вторичного образования, создаются для конкретизации и, что особенно важно, для образно-эмоциональной оценки предметов и явлений, уже названных в языке. Фразеологические единицы обладают разной степенью выразительности

вать’. Каждый тип глобальной дифференциации языка порождает соответствующий лект: территориальная — спациолект, социальная — социолект, временна́я — хронолект, модусная — модусолект, регистрационная — регистролект, дискурсная — дискурсолект, текстуальная — текстолект, локуционная — локуциолект, медиальная — медиолект, физиолектальная — физиолект, психологическая — психолект, умственная — рациолект, логическая — логиколект, индивидуальная — идиолект, телеологическая — телеолект, кодификационная — стандартолект, референциальная — темолект. Более подробно о этом см. (Tošović 2004a, 2004b).

[39] Лексические модусы экспрессивности анализирует В. Н. Телия (1987). О других аспектах лексической экспрессивности см. (Азнаурова 1973, Бабенко 1989, Безруков 1969, Горбачёва 1995, Григорьев 1979, Лукьянова 1986, Матвеева 1976, 1982, Телия 1986, Tošović 2002, 2003, Щербакова 1996).

[…] Существует группа экспрессивно-эмоциональных фразеологических единиц, к которым относятся идиомы, пословицы и поговорки, крылатые слова и выражения и т. д. Этот тип фразеологизмов широко употреблен в разговорно-бытовой речи, в языке художественной и публицистической литературы […] По своей эмоционально-экспрессивной окраске фразеологизмы можно разделить на группы в ы с о к о г о и с н и ж е н н о г о стилистического тона, внутри этих групп существует большая дифференцированность различных оттенков фразеологизмов (иронических, шутливых, небрежных, торжественных и т. п.)» (Брандес 1990: 278).

45. Словообразовательную экспрессивность создают словообразовательные средства, т. е. аффиксы (префиксы, префиксоиды, суффиксы, суффиксоиды, постфиксы, инфиксы), особенно словообразовательные модели и типы[40].

46. Важнейшим средством грамматической экспрессивности являются грамматические метафоры — перенос грамматической формы одного вида отношения на другой в целях создания образности[41]. Существует семь типов грамматической экспрессивности. Первую образуют отдельные морфемы, прежде всего, окончания, в частности, различные варианты одной и той же формы (морфемная экспрессивность). Вторая возникает в отношении полных грамматических форм (корреляционно-грамматическая экспрессивность). Третья возникает путем замены одной формы на другую (транспозиционная экспрессивность). Четвертую вызывает удвоение, повторение (части или целого), напр., предлога, внутреннего объекта и т. п. (тавтологическая экспрессивность). Пятую создают грамматические синонимы (синонимическая экспрессивность). Шестую порождают грамматические формы в их нетипичных синтаксических позициях (функционально-грамматическая экспрессивность). Седьмую образуют экспрессивные значения грамматических форм (семантико-грамматическая экспрессивность)[42].

Значительным экспрессивным потенциалом обладают части речи, в первую очередь, имена существительные, глаголы и имена прилагательные.

47. Синтаксическую экспрессивность создают синтаксические формы, синтаксические единицы, особенно стилистические фигуры, эмоциональные конструкции (возвратные и восклицательные предложения), эллиптические предложения, избыточные синтаксические сочетания, длина синтаксем, рематическая организация предложения (порядок слов, инверсия) и т. п. Синтаксическая экспрессив-

---

[40] Об экспрессивности на уровне словообразования см. (Арнольд 1973: 117—119).

[41] Одним из первых, кто говорил о грамматических метафорах, был Роман Якобсон. Более подробно их рассматривает (Шендельс 1972).

[42] Об образно-экспрессивном использовании грамматических категорий см. (Широкова 1990). О грамматической экспрессивности см. (Ефимов 1961, Tošović 2002, Фирсова 1981).

ность настолько широка и разнообразна, что развилось особое грамматико-стилистическое направление — экспрессивный синтаксис[43].

48. Текстуальная экспрессивность возникает в рамках самой широкой языковой единицы — текста. Один из ее видов проявляется в скрещивании авторской речи и речи персонажей. Различную степень экспрессивности несет способ повествования. Экспрессивная функция текста реализуется лишь при включении текста в процесс общения, т. е. при наличии реципиента, способного воспринять текст (Маслова 1997: 16)[44]. «Простейшее (классическое) текстовое строение складывается из противопоставления двух контекстовых приемов — прямой речи и речи рассказчика. В современной прозе происходит нейтрализация этой оппозиции — динамический переход одного плана в другой. Число контекстовых приемов увеличивается, в них входят необозначенная прямая речь, несобственно-прямая речь и смешанная речь, при которой в речи рассказчика еще сильнее, чем в несобственно-прямой речи, концентрируются стилевые и семантические признаки плана персонажа, что придает повествованию полифонный характер» (Арнольд 1973: 242).

49. Дифференциально-лектальная экспрессивность представляет собой ориентацию **A** (отправителя, автора, говорящего) вызвать у **B** (получателя, реципиента, собеседника) эмоциональную реакцию **C** (эффект, впечатление, переживание) в дифференциально-лектальных системах **D** (в определенном виде интровертной дифференциации языка[45], прежде всего в стилистическом, территориальном, ситуативном, темпоральном, социальном, медиолектальном, телеологическом, интеллектуальном, психологическом, физиологическом и индивидуальном). Это значит, что **A** (отправитель) кодирует для **B** (получателя) экспрессивную языковую форму **C** с элементами данного лекта (стилолекта, спациолекта, локуциолекта, хронолекта, социолекта, медиолекта, телеолекта, рациолекта, психолекта, физиолекта, идиолекта и т. д.).

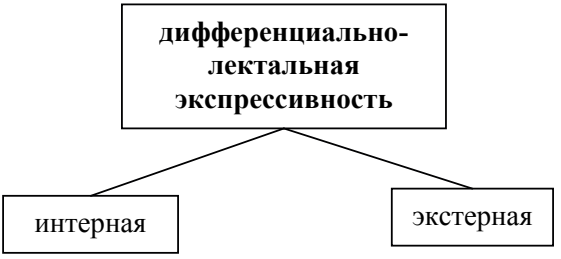
---

[43] В этой области существует ряд отдельных исследований (Александрова 1984, Береговская 2004, Геллер 1978, 1991, Иванова 1999, Ковтунова 1986, Малинович 1990, Пуленко 1988, Сковородников 1981) и статьей (Акимова 1981, 1982, Ковтунова 1978, Плотникова 1992, Чайковский 1971). Данный тип синтаксиса некоторые называют поэтическим (Ковтунова 1986, Патроева 2002) и эмоциональным (Долинин 1978: 235—241).

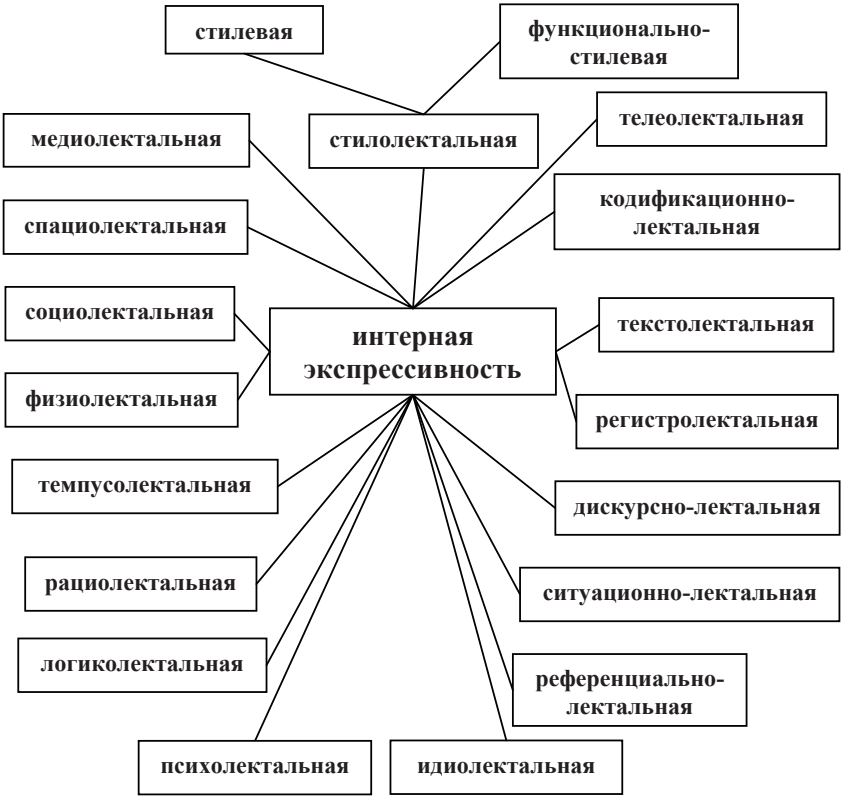
[44] В. А. Маслова выделяет четыре вида экспрессивности текста (экспрессивность 1, 2, 3, 4), однако только одному (первому) она дает конкретное название (фактологическая экспрессивность). Интересными являются ее размышления об онтологии экспрессивности текста, которую (онтологию) составляют эмотивный план (ядро экспрессивности), образный план, оценочность, интенсивность и стилистическая маркированность (Маслова 1997: 20—31). Об экспрессивности текста см. также (Фридрих 1992).

[45] Более подробно см. (Tošović 2004a, 2004b).

Существуют два типа дифференциально-лектальной экспрессивности (ДЛЭ) — интерная и экстерная.

Интерную ДЛЭ образуют отдельные типы дифференциально-лектального расслоения. Каждый из них имеет свою экспрессивность: одну — в функциональном стиле (ФС), вторую — в диалекте, третью — в жаргоне, четвертую — в языке женщин по отношению к языку мужчин, пятую — в речи молодежи по отношению к речи взрослых и т. д.

Таким образом, экспрессивность не является только феноменом стилистического/стилевого расслоения языка, а универсальным явлением, явлением типичным для всех видов членения языка.

Экстерная, или транспозиционная, ДЛЭ возникает при инфильтрации элементов одного типа глобальной дифференциации языка (напр., социального) в другой тип (скажем, функционально-стилистический). Используя элементы одной дифференциации в другую (скажем, когда жаргонное слово появляется в научном стиле), создается особый эффект.

В дифференциально-лектальной экспрессивности наблюдается следующая закономерность: основная, доминирующая, специфичная единица одного лекта (напр., термин в научном стиле, диалектизм в спациолекте, жаргонное слово в социолекте) не является основным средством экспрессивности в данном лекте, а им является полуспецифичная, особенно неспецифичная единица (в научном стиле коллоквиализм, в социолекте термин и т. п.). С другой стороны, языковая единица получает различную экспрессивность в различных видах расслоения. Так, диалектизм в территориальной дифференциации является (в типичных ситуациях) неэкспрессивной единицей, а в функционально-стилевой — экспрессивной, в частности, в научном стиле термин является нейтральной единицей, а в диалекте (может быть) экспрессивной.

50. На стилистическом уровне существуют два вида экспрессивности: стилевая и функционально-стилевая.

51. Стилевая экспрессивность порождается определенным стилем и имеет различные плоскости: **(а)** вертикальную — высокое (торжественное, возвышенное, парадное), низкое (грубое, вульгарное); **(б)** персонализированную — интимное, фамильярное, ироничное, холодное, официальное; **(в)** эстетизованную — положительное (хорошее, плохое, разнообразное, богатое, гармоничное, образцовое, четкое, ясное), отрицательное (плохое, безобразное, бедное, монотонное, неуклюжее, неясное), нейтральное; **(г)** квантифицированную — лаконичное, избыточное; **(д)** оценочную — объективное, субъективное; **(е)** медиализированную — разговорное, книжное.

Функционально-стилевая экспрессивность (ФСЭ) представляет собой ориентацию **A** (автора функционального стиля /ФС/ — ученого, журналиста, законодателя, говорящего...) вызвать у **B** (получателя, реципиента, собеседника) эмоциональную реакцию **C** (эффект, впечатление, переживание) в функциолектах (функциональных стилях, промежуточных стилях, подстилях)[46].

---

[46] При этом надо иметь в виду следующее: «Хотя экспрессивно-эмоциональная и оценочная окраски, с одной стороны, и функционально-стилевая, с другой, — и не одинаковые величины, в то же время в силу их прямой связи и взаимозависимости (особенно в синтагматике) без их комплексного рассмотрения представление о сти-

52. Существуют два типа функционально-стилистической экспрессивности: внутренняя и внешняя. Внутренняя ФСЭ является экспрессивностью, характерной для определенного функционального стиля, а внешняя ФСЭ возникает при использовании единиц одного ФС в другом ФС (например, выражений, свойственных официально-деловому стилю, в публицистическом стиле в форме т. н. канцеляризмов).

Что касается внутренней ФСЭ, то каждый ФС открыт для той или иной степени экспрессивности. «Экспрессивные языковые средства строго не закреплены за отдельными стилями […]» (Маслова 1997: 22). Здесь выделяется, с одной стороны, ЛФС с максимальной экспрессивностью и, с другой, ОФС с минимальной[47]. Уровень их экспрессивности сильно варьирует: «[…] публицистическая статья или отдельное художественное произведение, например, стихотворение, может быть сгустком экспрессивности, а разговорная речь, напротив, может и не содержать экспрессивных средств, ибо экспрессию она получает благодаря особым установкам участников коммуникации» (Там же: 23).

53. В первую очередь, литературно-художественную экспрессивность порождает художественный образ — наглядное представление о предметах и явлениях[48]. Чтобы у читателя вызвать соответствующую реакцию, в ЛФС, имеющем выраженную эстетическую функцию и функцию воздействия, делается упор на создание

листических (коннотативных) характеристиках языковых единиц не будет полным. Совершенно справедливо утверждение Т. Г. Винокур, что “стремление разобщить экспрессивно-стилистические и функционально-стилистические свойства языка... не дает возможности проследить реальный смысл конечного стилистического эффекта” [...]. У морфологических средств семантические грани экспрессивных и эмоциональных окрасок, как правило, более стерты, чем у лексических единиц, поэтому их строгое разграничение в данном случае не представляется столь необходимым. Обращает на себя внимание также тот факт, что грамматические формы в своих различных использованиях обладают неодинаковой яркостью стилистической окраски» (Фирсова 1981: 22—23).

[47] Экспрессивность функциональных стилей рассматривается в (Tošović 2002). Об экспрессивном факторе в развитии функциональных стилей см. (Эткин 1966).

[48] О поэтическом образе см. (Čović 1989).

яркого впечатления от того, что описывается. Этого поэты и писатели добиваются при помощи специальных средств, среди которых центральное место занимают тропы (использование слов в переносном значении) и фигуры (особая линейная, горизонтальная и вертикальная, организация высказывания). ЛФС отличается широкой транспозицией[49]. В нем слова используются в прямом и переносном значении. Важным свойством ЛФС является то, что временные формы переплетаются, скрещиваются, заменяют друг друга, причем возникает своеобразная игра: то появляется одно время, то другое, на одном месте стоит прямое значение, на другом переносное, в некоторых ситуациях они полностью исчезают, в других же происходит их нагромождение.

Второй важный источник литературно-художественной экспрессивности — это синонимия. Она, бесспорно, является одной из самых характерных черт всех функциональных стилей. Противоположностью разнообразия является монотонность, стереотипность, бедность словаря. Во всех функциональных стилях синонимия позволяет избегать тавтологии. Мы, пользуясь речью, пытаемся не повторяться и когда пишем рассказ или роман, и когда работаем над научной статьей или газетным очерком, и когда мы к кому-то официально обращаемся в письменной форме, — во всех этих случаях языкового общения разнообразие достигается, прежде всего, синонимией. Поэтому она считается важным показателем богатства языка и его разнообразия. Сам факт, что синонимия, по мнению почти всех стилистов, одна из центральных проблем в стилистике, в достаточной мере свидетельствует о ее значимости. Из всех ФС богаче всего она представлена в ЛФС. Этот стиль имеет большие возможности для широкой и разнообразной синонимизации. Не случайно крупные писатели именно на этом уровне выдвигали максимальные, почти что не-

[49] Анализ экспрессивных возможностей транспозиции в художественной речи проводит (Николина 1988). О транспозитивности см. также (Бондарко 2002, Tošović 1995).

реальные требования. Вспомним, что Флобер и Ги де Мопассан советовали одно слово не повторять чаще, чем через 200 строк (что составляет приблизительно семь печатных страниц). Этого можно достигнуть только синонимизацией текста. В ЛФС наблюдается и качественно самая содержательная синонимия: с одной стороны, в нем используются стилистически нейтральные синонимы, с другой — те, которые получают экспрессивность, в зависимости от того, к какому лексическому пласту они принадлежат: активному или пассивному (архаизмы, историзмы, неологизмы), пласту с ограниченной сферой употребления (диалектизмы, жаргонизмы, профессионализмы, канцеляризмы), носят ли разговорный или книжный характер. Литературный текст может содержать все синонимы, существующие в языке, что является и основным признаком синонимии ЛФС. Все остальные ФС вносят меньшие или большие ограничения в выбор синонимов.

В целях избежания автоматизма в восприятии художественного текста, создаются препятствия, из-за которых продлевается процесс декодирования, но зато возникает экспрессия. Помехи вообще могу быть кодовыми и канальными. Первые вызывает получатель, вторые — физический канал. Они могут выступать как детерминированные (предсказуемые) помехи и как белые (случайные) помехи, помехи с нулевым математическим ожиданием. Для ЛФС важными являются преднамеренные помехи. Их автор вносит, чтобы воспрепятствовать автоматизму восприятия и создать тот или иной эффект. Сознательные помехи создаются различными приемами. Они, скажем, могут быть в форме интенциональных ошибок, которые встречаем у поэтов: русских — у А. Блока, сербских — у Момчило Настасиевича, Милоша Црнянского и др.). Из трех видов избыточности (кодовой, структурной и временной) в ЛФС представлена кодовая (сознательное внесение лишних элементов) и структурная (употребление дополнительных, альтернативных или запасных знаковых систем в форме дублирования, трехкратного использования и т. п.). С такими помехами получатель борется двумя способами: а) если они являются неосознанными, он старается их преодолеть и устранить; б) если являются преднамеренными, то борьба превращается в эстетическо-эмоциональное отношение, порождающее экспрессивность. В обоих случаях возникает продленный процесс восприятия. На базе закодированных помех возникает затрудненная форма, деавтоматизация и обманутое ожидание. Если мерой количества информации считать меру неопределенности сообщения (энтропии), ее непредсказуемости и оригинальности (Моль 1966), то литературный текст становится более экспрессивным, когда сообщение бывает более неопределенным, непредсказуемым и оригинальным.

ЛФС может иметь положительную и отрицательную избыточность. Положительная избыточность возникает в результате сознательного повтора в целях подчеркивания семантической информации, а также в целях усиления надежности коммуникативного процесса. Отрицательная избыточность появляется при неосознанных, ненужных и неэстетических повторах одних и тех те единиц (слов, выражений, конструкций). В ЛФС вероятность положительной избыточности является

максимальной, в то время как возможность появления отрицательной избыточности минимальна.

В плане линейной экспрессивности ЛФС выделяются два существенных явления: **(а)** стилистические фигуры (о которых уже шла речь); **(б)** ритмизация и рифмовка — в поэзии ритмически используются важнейшие слова так, что их ставят на господствующих позициях, какими являются начало и конец стиха[50].

54. Публицистика представляет собой сильное средство агитации и пропаганды. Она существенно влияет на формирование как общественного мышления, так и взглядов на мир. Так как с ее помощью осуществляется мощное воздействие в том смысле, что получатель убеждается в истинности и важности сообщения, то в этом виде деятельности происходит открытая или скрытая индоктринация в политическом, идеологическом, религиозном… плане. Основная функция ПФС — информационная. Она господствует во всех подстилях и жанрах. Функция воздействия, точнее, агитационно-пропагандистская, особенно проявляется в политических комментариях и жанрах. Обе являются составной частью коммуникативной функции. В силу того, что в ПФС очень важным является стремление обращать внимание на то, о чем сообщается, часто используется сенсационный метод подачи информации. В этих целях привлекаются всевозможные образные и изобразительные средства (тропы и фигуры). Иногда возникает прямое обращение к читателю, слушателю, зрителю, задаются суггестивные и/или провокационные вопросы. Ярким примером являются вызывающие заголовки и подзаголовки с необычным и часто парадоксальным содержанием. Сознательные отступления от литературной нормы в «ортодоксных» текстах ограничены, потому что большая часть текстов имеет только референциальную функцию. В аналитических, особенно в информативных, текстах такие отступления являются нарушением стилистических норм данного ФС. Однако в литературно-публицистических текстах это допускается.

В публицистике можно выделить информативный подстиль (с высоким уровнем официальности), где публикуется информация об актуальных событиях; основная задача — ясно и коротко изложить какой-нибудь факт. Этот подстиль по неэкспрессивности далек от ЛФС, а близок к НФС и ОФС. Он обладает стандартной структурой и обычно состоит из конкретизирующей и дополняющей частей, т. е. содержит три сегмента: что, где и как произошло. В информационных текстах появляется обилие фактографического материала, который «избегает» какой бы то ни было экспрессии. Другой подстиль — аналитический — преследует цель представить, оценить, прокомментировать определенное явление и отличается довольно выраженной экспрессивностью. Журналистские анализы являются, однако, очень различными — от сухих до очень экспрессивных. Аналитический подстиль

---

[50] Об экспрессивности ЛФС см. (Ефимов 1961, Zumthov 1971, Маслова 1997, Покровская 1992, Tošović 2002).

близок к научному способу выражения, но отличается более мягкой и редуцированной аргументацией. С другой стороны, он больше, чем информационный, обладает свойствами литературно-публицистического стиля, прежде всего, эмоциональностью и экспрессивностью. Этим же он отличается от собственно научного подстиля. Причина в том, что с такими текстами автор обращается не к специалистам в какой-либо области, а к самым различным читателям и слушателям. В целях усиления внимания, а также более легкого понимания смягчается научность и усиливается экспрессивность. Аналитический подстиль далек от собственно научного и учебного подстиля, но очень близок к научно-популярному. Основное, что их сближает, — это популяризация. Она же как раз и требует экспрессивности.

Подобную ситуацию мы наблюдаем в литературно-публицистическом подстиле, характерном для очерков, репортажей, фельетонов и т. п. Сходство в том, что и здесь журналист сближается с автором другого ФС, на этот раз с писателем: журналист поднимается над профессиональной ориентацией и входит в воды эстетического осмысления событий и явлений, благодаря чему возникает возможность создания более сильной экспрессии.

Одним из источников экспрессивности ПФС является многозначность. Но здесь возникают ограничения, так как для ее использования необходимо пространство, которого не предоставляет этот стиль. Тексты в газетах и журналах относительно небольшие по размеру и требуют ясного, точного выражения. Информационные жанры обладают высокой степенью унификации и шаблонизации, поэтому экспрессия в них сводится к минимуму. По сравнению с ними, аналитические тексты являются более крупными и более разнообразными, но все же не настолько, чтобы экспрессивность была представлена в полной мере. Самой богатой полисемантической экспрессивностью обладает литературно-публицистический подстиль (очерки, репортажи, фельетоны, путевые записки и т. д.). Многозначность особенно проявляежтся в сатирических и юмористических жанрах. Вторым важным источником экспрессивности ПФС является синонимичность. В использовании синонимов лидирует литературно-публицистический подстиль. В остальных подстилях (информативном и аналитическом) синонимизация ограничена: использование архаизмов, разговорных единиц почти исключена, прежде всего, потому, что у этих подстилей основная функция — передача информации, а не воздействие на эмоции. Антонимия также представляет важную основу для создания экспрессивности, хотя в ПФС преобладает неэкспрессивная антонимия. Омонимическая и паронимическая экспрессивность слабо представлены в ПФС.

ПФС со своими литературно-публицистическими жанрами (репортажами, фельетонами и т. п.) близок к литературным текстам и меньше всего отличается от них, поскольку это, в самом деле, небольшие литературные работы почти со всеми особенностями настоящих художественных текстов. В остальных жанрах (информативных и аналитических) различия, по сравнению с предыдущими, более заметны: использование архаизмов, разговорных слов почти сводится к нулю, прежде всего, из-за того, что основная функция этих жанров — информировать, а не воз-

действовать на чувства (если они и воздействуют, то только в смысле агитации и пропаганды).

Экспрессивная лексика (разговорные слова, жаргонизмы, архаизмы, диалектизмы и т. п.) в информационных жанрах относятся полностью к неспецифическим единицам. В текстах такого типа существует только два пласта — нейтральный и терминологический. Основную часть последнего составляет общественно-политическая терминология. Информационные жанры довольно стандартизованы, клишированы. У аналитических жанров лучшие возможности для использования экспрессем, однако, они не являются типичными средствами таких текстов. Точнее, все зависит от того, какой выбран тон — острый, умеренный, спокойный, нейтральный и т. п. В повседневных анализах международных, внутриполитических, экономических, культурных и других событий преобладает умеренность и появляются лишь небольшие отступления от стандартного способа изложения. Экспрессивная лексика обычно встречается в комментариях, не отличающихся остротой. Особенно часто это бывает, когда вносится эмоциональная нота или выражение получает определенную стилистическую тональность (высокопарность, ироничность, комизм и т. д.). В публицистически заостренных текстах используются сильные — «убийственные» слова, вызывающие соответствующую экспрессивность. Это особенно заметно в полемике. Ее основная цель — разоблачить противника / соперника и убедить читателя / слушателя в правильности своих взглядов. Так как в основе полемики лежит конфликт, а выбор слов служит его отражению, то часто используется экспрессивная лексика. В литературно-публицистических текстах автор старается максимально красиво, внушительно и впечатляюще выразить мысль, что способствует использованию экспрессивных единиц. Употребление разнообразной лексики отличает стиль очерков и репортажей. Жаргонная лексика в основном ограничивается литературно-художественным подстилем[51].

55. Для НФС характерна строгая селекция языкового материала, так что бóльшая часть экспрессивных единиц никогда не используется. «Научное изложение рассчитано на логическое, а не на эмоционально-чувственное восприятие, поэтому научный стиль при выборе средств „тяготеет к речевым средствам, лишенным эмоциональной нагрузки и экспрессивных красок“ [...]» (Брандес 1990: 136). Хотя научные тексты стремятся к безличному отражению объекта, они все-таки допускают авторскую индивидуальность, даже своеобразную лиричность (Маслова 1997: 23). Для полисемии НФС не предоставляет такой широты, как ЛФС, а основной лексический запас научных текстов составляют термины, известные своей однозначностью и неэкспрессивностью. Этому стилю не свойственно выражение, которое можно понять двойным образом. Так как научное изложение направлено не на форму, а на содержание, языковые средства не выделяются особой экспрес-

[51] Больше об экспрессивности ПФС см. (Мишаева 1978, Tošović 2002).

сией[52]. «[…] утверждение о безэмоциональности научного стиля речи несколько преждевременно. Скорее, приходится говорить о неизученности рассматриваемого вопроса относительно научного стиля» (Лапп 1988: 96). Чем мы больше удаляемся от собственно научного подстиля и приближаемся к учебному и особенно научно-популярному, тем больше возрастает вероятность появления экспрессивности. Причина в том, что популяризация науки требует, чтобы автор заинтересовал реципиента и как можно более образно представил проблему. Поэтому часто встречаются выразительные и образные средства, тропы и фигуры. НФС стремится к точности даже ценой многократного повторения. Важнейшим носителем образной экспрессивности является научная метафора. Она противостоит самому типичному пласту НФС — терминам. В то время как они являются облигаторными единицами НФС, метафоры имеют факультативный характер. В научных текстах используются образные названия, например, в теории хаоса — *эффект бабочки*, в физике — *эффект туннеля*, в физике элементарных частиц применяется персонификация (перенос человеческих свойств на природные явления) типа «частицы *рождаются* и *умирают*»[53]. Синонимическую экспрессивность НФС предопреде-

---

[52] Экспрессивность в научном тексте не исключается, но она специфична и может заключаться в указании важности излагаемого и выражаться в имплицитной или эксплицитной заявке отправителя речи на объективность, на достоверность сообщаемого (Арнольд 1973: 72—73). «Однако наука — это не только логика, но также источник сложных эмоций. В сознании ученого и любого человека, обладающего достаточно высоким уровнем эмоциональной культуры, научные концепции и философские истины окрашены эмоциями, которые трудно описать [...] Научные представления и философские истины — не только предмет понимания, но и предмет чувствования. Ибо несмотря на то, что способность воспринимать информацию и способность переживать эмоции представляют собой проявления разных сторон сознания, существует корреляция между содержанием той или иной информации и характером эмоций, которые в сознании человека ассоциируются с этой информацией. Информация, возникающая при восприятии внешнего мира или содержащаяся в какой-либо мысли, и эмоциональный аккомпанемент к этой информации — отдельные стороны единого целого.

Конечно, не всякая информация, в том числе и научная, сопровождается эмоциями. Например, в свернутой информации (в реферате), в практической справочной научной информации, в описаниях технических устройств и правил пользования ими эмоциональный элемент вовсе отсутствует, крайне редок он в научно-технических статьях» (Брандес 1990: 136).

[53] «Одно и то же слово попеременно употребляется в разных значениях, реализация которых обусловлена контекстом. Это сказывается на всей системе семантических отношений «физического языка». Связь «обозначаемое — обозначающее» перестает быть жестко закрепленной, прямой и однозначной. В ней появляется элемент условности, постоянно осознаваемой носителями языка. Согласно характеристике В. Гейзенберга, «это язык, который вызывает в нашем сознании конкретные представления, но вместе

ляют следующие факторы: 1) малая вероятность употребления единиц различной стилистической окраски; 2) неизбежность повторения; 3) ограниченная полисемантизация; 4) господствующая роль терминов и слабая синонимизация. В этом стиле чаще всего используются неэкспрессивные синонимы. Для него не характерна экспрессивная лексика (диалектизмы, жаргонизмы, бранные слова и т. п.), но если они появляются, то выступают как абсолютно неспецифичные единицы. Из-за всего этого научная синонимия однообразна. Базовые принципы НФС требуют, чтобы мысль высказать ясно, четко, логично и без эмоций (которые чаще всего вызывают экспрессивные синонимы). Эти требования сопровождаются стремлением передать информацию как можно лучше и добиться хотя бы минимального разнообразия. Антонимическая экспрессивность НФС слабо представлена, потому что она чаще всего выступает в функции логического противопоставления понятий (типа: «то, что однажды в поле *войдет*, не имеет возможности *выйти* из него»). В научных текстах автор стремится занять объективную позицию по отношению к объекту исследования, старается дистанцироваться от того, о чем он говорит, желает не вносить субъективную ноту, в результате чего возникает такое обезличение выражения, что категория лица фактически сводится только к одной форме — к третьему лицу. Первое лицо множественного числа очень часто теряет конкретное значение и переходит в сферу абстрактности и обобщения. Обезличение доводится до предела и тем, что **(а)** редко встречается первое лицо единственного числа, **(б)** вместо него используется авторское «мы», при помощи которого подчеркивается объективность и авторская скромность, и что **(в)** третье лицо очень часто выступает в неопределенно-личном значении[54].

56. В ОФС проявляется двойная природа функционально-стилистической экспрессивности: с одной стороны, ОФС отличается определенной степенью экспрессивности, с другой — его элементы становятся экспрессивными при их использовании в других функциональных стилях (в форме так наз. канцеляризмов).

В системе функциональных стилей полярные экспрессивные позиции занимают ЛФС и ОФС. Эстетическая функция, широта и разнообразие первого и стандартизованность и неэкспрессивность второго стиля являются основными дифференциальными признаками. Если существенный компонент художественного текста — эстетичность и экспрессивность, то узнаваемой характеристикой деловых,

---

с ними и ощущение, что представления эти отражают лишь тенденцию к действительности, а не саму действительность.

В научное изложение получает широкий доступ многозначное слово, выступающее в качестве заведомо условного наименования. Это дает возможность более широко использовать такие образные средства, которые возникают на пересечении прямого и переносного значения слова, как, например, метафора» (Славгородская 1980: 190—191).

[54] Более подробно о научной экспрессивности см. (Кожина 1971, Геллер 1978, Милованова 1976, Рогава 1989, Tošović 2002).

юридических и подобных текстов является стандартизация и унификация. ОФС настолько унифицирован, что некоторые виды текстов можно создавать как кроссворд. Хотя языковая унификация является отрицательным явлением, она неизбежна в таком типе общения. «[…] официально-деловые тексты, хотя и рассчитаны на воздействие, почти не содержат экспрессивных единиц (в традиционном смысле слова). Специфика этих текстов определяется большим количеством типичных ситуаций, стереотипность которых отражена на уровне жанра (заявление, расписка и т. д.) — в структуре текста и в определенной лексической закрепленности. Индивидуальность автора, с которой сопряжена экспрессивность текста любого стиля, хотя и в меньшей степени, чем в других, проявляется и в деловом стиле, например, за счет большей или меньшей интеллектуализации текста, его логичности. Умеренное и уместное нарушение стереотипов языка, структуры текста также дает экспрессивный эффект» (Маслова 1997: 22—23).

Основная функция ОФС — сообщение и общение. «Традиционно административно-деловой язык соотносят только с коммуникативно-информационной функцией языка — функцией сообщения. В самом деле в жанрах приглашения, объявления господствует функция сообщения. В других жанрах реализуется и функция воздействия, например, в жанрах закона, указа, приказа [...], и функция общения, преобладающая в жанрах деловой переписки, договора» (Логинова 1975: 7). ОФС является оголенным, однообразным и шаблонизированным стилем. Слабая или (почти) никакая экспрессивность и сильная шаблонность не предоставляют больших возможностей для употребления различных экспрессивных единиц в ОФС, поэтому его отличает небогатый выбор лексики. В типичных представителях этого стиля (деловых бумагах и правовых документах) фактически существуют только два типа лексики: общеупотребительная и терминологическая. Устаревшая лексика является желательной настолько, насколько нежелательной является разговорная или диалектная. Экспрессивная многозначность очень слабо представлена. Это также относится к синонимической экспрессивности, потому что выбор в ОФС сведен к нейтральной и терминологической лексике (чаще всего используются стилистически немаркированные синонимы). Повторы неизбежны и часто встречаются. Что касается антонимической экспрессивности, она редко используется[55].

57. РФС является функциональным стилем, (а) который отличается неформальным, непринужденным, спонтанным, преимущественно устным и диалогическим способом выражения, (б) для которого характерно отсутствие предварительной подготовки текста, (в) который реализуется в прямом или опосредованном общении, в близком контакте или на расстоянии и (г) в котором собеседники **А**, **Б**, … **Х** одновременно или последовательно посылают или принимают сообщения.

---

[55] Больше об официально-деловой экспрессивности см. (Пуленко 1988, Sperber 1955, Tošović 2002).

Типичная сфера такой коммуникации — повседневное общение, частные разговоры, непринужденные беседы. Ни один другой ФС не имеет столь выраженную коммуникативную функцию. Автоматизм и спонтанность, характерные для него, не предполагают основательной умственной и речевой подготовки, как это, допустим, необходимо для выступления с докладом и т. п. (соответственно — осмысленности экспрессивности), так что коммуникация протекает непринужденно, спонтанно, и собеседники обычно заранее не знают, чем она кончится. При создании РФС возникает цейтнот, мешающий хорошо подумать, сделать коррекцию, провести проверку источников и т. п. (говорящий вынужден одновременно думать и говорить). Возможность подготовки приводит к «грубому рельефу» выражения и эфемерной экспрессивности. Из-за тематической широты, спонтанности и непринужденности в РФС используются слова различной экспрессии. В РФС получают значительное место элементы социолектов, прежде всего, жаргона. РФС является единственным ФС, представляющим живую среду для его единиц. В этом стиле существует ярко выраженный контраст: конкретная речевая реализация отличается небогатым лексическим запасом, а общая — богатством (всего есть понемногу, больше — нейтральной и разговорной лексики, слабо представлены термины и книжная лексика, редкими являются архаизмы). В РФС с охотой используются суффиксы субъективной оценки. Разговорные деривационные модели служат для передачи эмоционально-экспрессивной оценки (положительной и отрицательной) — уменьшительно-ласкательные слова выражают вежливость, интимность, фамильярность, а увеличительные слова — отталкивание, осуждение, недовольство, презрение и т. п. Некоторые считают, что разговорная речь во всех ее разновидностях (собственно разговорной, просторечной, диалектной) является в системе функциональных стилей более всего экспрессивной, в частности, приводится такой факт: «В XVIII веке французский исследователь Дю Марсе писал, что за один базарный день на рынке можно услышать больше фигур речи, чем за несколько заседаний французской академии. Причина большой экспрессивности разговорной речи в том, что при спонтанной речи коммуниканты не успевают ее освободить от крайней субъективности, индивидуальности» (Маслова 1997: 23).

РФС отличается широким использованием слов в переносном значении. Он насыщен метафорами разнородного характера. В устном общении возникают различные формы преувеличения или уменьшения (используется гипербола или литота), часто встречается синекдоха и метонимия, образные сравнения[56]. «Эмотивная функция является причиной обилия в разговорной речи разного рода усилителей, которые могут выступать в различных сочетаниях и различны для литературно-разговорного и фамильярно-разговорного стилей. […] Такой тип эмфазы возможен только в вопросительных или восклицательных предложениях. Эмоциональность при этом имеет обычно отрицательный характер, т. е. связана с раздражением,

[56] Больше о разговорной экспрессивности см. также (Лукьянова 1986, Меликян 2001, Tošović 2002).

нетерпением, упреком. […] В фамильярно-разговорном стиле с его эмоциональностью и эмфатичностью сочетаются и многие бранные слова или их эвфемизмы […]» (Арнольд 1973: 88—89). «Эмоциональность в обиходном стиле представляет собой сложный синтез разных видов экспрессии. К ним относится экспрессия, возникающая как результат конкретного и детализированного содержания, эмоционально-оценочная окраска, субъективная окраска различного характера и образность. Эмоциональность имеет двустороннюю, взаимозависимую направленность на предмет и на адресата речи. В случае направленности на предмет она составляет эмоциональную сторону высказывания, при направленности на адресата — повышает коммуникативную действенность содержания. Разъять указанный синтез необычайно сложно, ибо какое-то из перечисленных свойств выступает более определенно, другие выполняют функции «оттенков», но все они увеличивают смысловую емкость высказывания и его коммуникативную экспрессивность при минимуме затрат языковых средств. Таким образом, при рассмотрении средств реализации эмоционального в языке речь идет об эмоциональности в широком плане» (Брандес 1990: 177).

58. Внешняя функционально-стилистическая экспрессивность появляется, когда один ФС «инфицируется» другим. Это, как правило, вызывает отрицательную экспрессию. Самым типичным примером являются канцеляризмы (переход единиц ОФС в другие стили). Сюда относится **(1)** неуместное использование образных и выразительных средств ЛФС в других стилях, **(2)** инфильтрация элементов средств массовой информации в РФС (дежурных слов, лексики, выражений и конструкций, характерных для публичной речи, в первую очередь, политической), **(3)** засорение официальных документов (заявок, просьб, автобиографий и т. п.) элементами РФС и т. п.

59. Спациолектальная экспрессивность возникает в рамках территориальной дифференциации языка. Она, как и предыдущая, может быть внутренней и внешней. Что касается внутренней спациальной экспрессивности, каждый спациолект (региональный вариант, диалект, наречие, говор и т. п.) порождает определенный тип экспрессивности. Диалект, как типичный представитель этого вида расслоения, насыщен экспрессивными средствами на разных языковых уровнях. Носителями литературного языка такая экспрессия обычно воспринимается как низкий стиль. Внешняя спациолектальная экспрессивность возникает при использовании элементов спациолектов в других глобальных типах расслоения. Так, диалектизм в тексте, написанном на литературной языке, может создать двойную экспрессию: положительную (когда используются ласкательные единицы, когда представляется языковой спектр данного персонажа) или же отрицательную (когда возникает ироничность, шутливость, грубоватость и т. п.). Диалектизм может вызывать экспрессию только в некоторых ФС, а именно в ЛФС, РФС и намного меньше в ПФС, в то время как ему путь закрыт в два других ФС — НФС и ОФС. Но диалект

«предпринимает» соответствующие (ответные) меры — он закрывается для единиц НФС (терминов) и ОФС (канцеляризмов), поэтому их появление создает большую вероятность порождения экспрессивности. В диалект входят элементы ПФС (из-за влияния радио и телевидения). В этом взаимодействии решающим фактором является влияние на диалект средств массовой информации, с которыми сталкиваются носители диалекта, кое-что из них принимающие в форме простой, мягкой, ограниченной ФС-дифференциации диалекта. Больше всего это пассивное, точнее, спорадическое принятие, чем активное, последовательное употребление. Поэтому типичный носитель диалекта не в состоянии полностью организовать письменные формы ФС в соответствии с их нормами. Самую большую вероятность «приклеивания» к диалектной речи имеет то, что чаще всего слышится и читается — различные политические дежурные слова и конструкции (слова-сорняки), бюрократические формулировки, элементы НФС и т. п., создающие экспрессию и реакцию в форме смеха, иронии и т. п. Каждые такие случаи предопределяются коммуникативной ситуацией, напр., заседания и собрания провоцируют появление публицистических элементов (общественно-политической лексики)[57].

60. Социолектальная экспрессивность выступает в рамках социальной дифференциации языка. Социолект, точнее, жаргон, является очень экспрессивной формой выражения. «Ярко выраженный эмоциональный, оценочный и экспрессивный характер имеет особый, генетически весьма неоднородный слой лексики и фразеологии, называемый сленгом, бытующий в разговорной речи и находящийся вне пределов литературной нормы. Важнейшими свойствами сленгизмов являются их грубовато-циничная или грубая экспрессивность, пренебрежительная и шутливая образность. Сленг не выделяется как особый стиль или подстиль, поскольку его особенности ограничиваются одним только уровнем — лексическим» (Арнольд 1973: 90—91). Жаргон — это нестабильный лект герметичного социума с непредсказуемым речевым поведением его членов. Членов социума мы считаем нестабильными носителями жаргона, так как их отличает подвижность (флуктуация), не разрушающая коллектив и его речь, но зато нарушающая устойчивость социума и дающая речи гибкость. Поэтому жаргон можно охарактеризовать как лект, отличающийся стабильной нестабильностью. Жаргон имеет ограниченную продолжительность и передается из поколения в поколение. Его носителями является более или менее узкая социальная группа, которая функционирует определенное время, а потом распадается, растворяется или полностью исчезает. Жаргонную экспрессивность создает оригинальная организация высказывания, непредсказуемость, новаторство и нарушение стереотипов. В социолектах наблюдаются три типа экспрессивности: один связан с той или иной страстью (скажем, к азартным играм, картам, пище, спиртным напиткам, моде), второй — с хобби (напр., коллекционирование

[57] О некоторых аспектах экспрессивности в связи с территориальной дифференциацией языка см. (Нефёдова 2001, Романова, Филиппова 1989).

марок) или с коммуникацией членов малых социальных групп (пассажиров, пациентов, людей, стоящих в очереди, и т. п.), третий — с теми, кто нарушает общественные нормы (преступники, проститутки и т. д.). На зарождение экспрессивности особенно влияет то, что жаргон функционирует по принципу противопоставлений: черное — белое, положительное — отрицательное, я — ты/он/они и т. п., причем минус преобладает над плюсом. Не случайно различные виды деструкции, отрицательные свойства, неудачи, обманы и др. занимают бóльшую часть жаргона. Вклад в жаргонную экспрессивность вносит сугубо социолектальный прием — усиление (в жаргоне часты преувеличения, вплоть до гиперболизирования). Очень часто появляются семантические сдвиги экспрессивного характера, в которых подразумевается одно, а говорится другое. Жаргонная экспрессивность настолько велика, что иногда кажется, что речь идет о лекте со сплошной метафоризацией, для которого вряд ли найдется конкурент. При помощи жаргонных экспрессивных средств отражается жизнь, повседневные проблемы, стремления, переживания, настроения. Исследования показывают, что преобладающая часть жаргонизмов является многозначной (даже в одном нашем анализе 81%). Основная ориентация носителей жаргона — выражать интерперсональные отношения. Они могут быть положительными (в форме дружбы), отрицательными (конфликты, ссоры) и нейтральными.

Еще один социолект обладает своеобразной экспрессивностью — тайный язык. Он обслуживает криптолалию (тайную коммуникацию), которая возникает в преступных группировках, в общении лиц, нарушающих общественные нормы (воров, бродяг, бомжей, наркоманов, алкоголиков и др., как правило, членов самых низких социальных слоев), и все — в целях изоляции. Такой язык непосвященные не понимают, он отличается от повседневного и является довольно экспрессивным.

61. Темпорально-лектальная экспрессивность возникает при пересечении двух элементов — языка и времени. И здесь существует внутренняя и внешняя экспрессивность. Внутренняя разновидность представляет собой экспрессивный потенциал языка одного хронологического периода (года, десятилетия, столетия, тысячелетия). Экспрессия является динамичным феноменом, который изменяется по мере изменения самого языка. Каждое время и каждое его языковое выражение несет соответствующую экспрессивность. Внешняя темпорально-лектальная экспрессивность появляется, когда языковая единица одного времени переносится в язык другого времени (в форме т. н. исторической стилизации)[58]. Основными носителями такой экспрессивности являются архаизмы, историзмы и неологизмы. В синхронном плане возникает особая разновидность экспрессии — использование дифференциации, напр., архаизма в жаргоне или в научном стиле.

---

[58] Об этом см. Tošović 1979.

62. Физиолектальная экспрессивность возникает в рамках **(1)** возрастного расслоения языка, которое порождают альтеролекты, а именно ювенолекты (языковое выражение молодых), сениоролекты (языковое выражение взрослых), и орфанолекты (языковое выражение пожилых людей), **(2)** полового расслоения языка, основной разновидностью которого является сексолект (феминолект — языковое выражение женщин и вирилолект — языковое выражение мужчин) и **(3)** патологического расслоения языка — патолект (язык здоровых и язык больных). Экспрессивностью особенно отличается ювенолект. Так, детская речь изобилует спонтанной, самозарождающейся экспрессивностью — дети не стремятся вызвать эффект, а организуют речь таким образом, что она оригинальными построениями и сочетаниями вызывает эффект, как правило, смех. В анализе живой речи, записанной в детском саду, в ситуации случайных встреч с детьми в возрасте от двух до пяти лет, а также анализируя материалы книги К. И. Чуковского «От двух до пяти» и радиорубрики «Юмор в коротких штанишках», Т. И. Ерофеева и Н. Ю. Семенченко выделили три группы экспрессивных слов и выражений, возникающих на словообразовательном, лексико-семантическом и «целостно-смысловом» уровнях: 1. Детские экспрессивные неологизмы — самая большая группа, что обусловливается ведущей ролью словообразовательного уровня, на базе которого возникает экспрессия, в овладении ребенком системой языка, при этом индивидуальные новообразования ребенка в большинстве случаев не соответствуют языковым стандартам (Я *повесил* пальто, а ты зачем-то *отвесил*). 2. Экспрессивные слова, возникающие на лексико-семантическом уровне словотворчества, — в речи ребенка появляются не только новые слова, но и слова в новом значении; последние являются результатом переосмысления известных, общепринятых в языке значений слов, не устраивающих ребенка по той причине, что их значения лишены наглядности, а значит, не имеют смысла для него (*Не валяйте дурака*, а то испачкаетесь). 3. Детскую речь делают выразительной не только отдельные компоненты речевой цепочки — слова (ядровая экспрессия), но и сама речевая цепочка (высказывание), ее смысл, складывающийся из значений отдельных слов, часто стилистически нейтральных (разлитая экспрессия) — Почему у него так *много лица*? (о лысом), см. (Ерофеева, Семенченко 1988).

Сексолекты проявляют небольшие отличия на экспрессивном уровне: исследования показывают, что женщины больше тяготеют к эмоциональным, т. е. экспрессивным выражениям, в то время как мужчины больше используют единицы с отрицательной экспрессивностью (бранные слова). Все это входит в состав внутренней физиолектальной экспрессивности. Внешняя физиолектальная экспрессивность возникает, когда элементы этой дифференциации используются для создания эффекта в других типах расслоения языка, как правило, там, где они не ожидаются.

63. Ситуационно-лектальную экспрессивность порождают речевые акты. Институциональные (ритуальные) акты являются, в принципе, закрытыми для экс-

прессивности. Сюда, скажем, относятся декларативы (назначение на должность или снятие с должности, вынесение приговора, объявление войны или мира, венчание и заключение брака). Неинституциональные (неритуальные) акты являются экспрессивными. Среди них особенно выделяется тот, который в названии имеет экспрессию — экспрессив (непобуждающий акт типа благодарности, извинения, соболезнования, поздравления, похвалы и т. п.). Соответствующую экспрессию содержат другие побудительные акты: комиссивы (обещание, убеждение, гарантирование, пари, заклинание, соглашение, отказ, угроза), интеррогативы (вопрос), инъюнктивы (приказ, требование, одобрение, запрещение), реквесивы (просьба, заклинание), адвисивы (совет, рекомендация, предложение, приглашение). В группе непобуждающих актов, обладающих определенной экспрессией, находятся констативы (констатация, припоминание, признание, повторение) и афирмативы (утверждение, заявление, информация, сообщение, предположение, разрешение).

64. Остальные дифференциально-лектальные разновидности отличаются соответствующей экспрессивностью. Медиолектальную экспрессивность создают устная и письменная формы коммуникации (которые больше всего проявляются в ФС). Телеолектальная экспрессивность возникает в сакролекте (языке религии, религиозной речи), профессиолекте (языке специальности) и в военном языке. В регистролектальной дифференциации, основной разновидностью которой является регистр, существует целый спектр экспрессивных возможностей. Особое внимание заслуживает т. н. экспрессивный регистр (Zumthov 1971). В дискурсно-лектальном расслоении каждый дискурс обладает определенной экспрессивностью. В зависимости от предмета речи, темы возникает референциально-лектальная экспрессивность (экспрессия, вызванная темой, о которой говорится). В кодификационно-лектальной дифференциации проводится разграничение между **(а)** экспрессивностью, которую можно и надо считать нормативной, т. е. которая укладывается в нормы литературного языка и **(б)** экспрессивностью, которая не подлежит кодификации из-за ее несовместимости с критериями стандартизации. В создании психолектальной экспрессивности решающее значение оказывает тип характера, личностная интровертность и экстравертность, эмоциональная (не)стабильность. Господствующим компонентом такой экспрессивности является эмоциональность. Рациолектальную экспрессивность создают определенные способы мышления, порождающие соответствующие лекты — рациолекты. Одним из них является абстрактолект, который больше всего проявляется в НФС и который обладает минимальной экспрессивностью. С другой стороны, образное мышление, максимальное представленное в ЛФС, вызывает сильную экспрессию. В самой низкой степени членения языка — в индивидуальном (в форме идеолектов) возникает персонализированная экспрессивность. Одним из ее средств являются авторские неологизмы.

Экспрессивный синтаксис

0. Каждая грамматическая (морфологическая, синтаксическая и морфосинтаксическая) категория обладает определенным экспрессивным потенциалом. В толковании экспрессивности грамматических форм на первый план выступают два термина — экспрессив (о котором уже говорили) и грамматическая метафора. Подробно грамматической метафорой занималась Е. И. Шендельс, и она под этим понятием подразумевает перенос грамматической формы с одного вида отношений на другой с целью создания образности (Шендельс 1972: 51). В переносе и образности (преломленной в грамматическом материале) она видит сходство грамматической и лексической метафор. Грамматическая метафора реализуется исключительно в контексте и при поддержке «довольно сильной ситуации». Такая метафора, продолжает Е. И. Шендельс, нарушает грамматическую узуальность так же, как лексическая метафора порывает с привычными валентными связями. Но, по ее мнению, неверно было бы приравнивать грамматическую метафору к нарушению грамматичности, как это делает Эльс Оксаар, которая определяет грамматическую метафору как морфему (или сочетание морфем) в чуждой ей функции. Е. И. Шендельс больше склоняется к трактовке грамматической метафоры И. Фонаги, который понимает под этим замену одной грамматической категории другой. При этом она добавляет, что при метафоре заменяют друг друга не категории, а категориальные формы (временные формы, падежные формы, числовые формы и т. п.), см. (Шендельс 1972: 52). Она приходит к выводу, что любая грамматическая категория может стать основой для образования метафоры и получить художественную значимость. Е. И. Шендельс выделяет три способа метафорических переносов в грамматике. Первый путь подразумевает транспозицию грамматической формы в новое синтаксическое окружение, в сферу употребления другой формы той же системы оппозиций. Сюда, скажем, относятся транспозиции временных форм. Этот вид метафоры отвечает определению лексической метафоры, данному И. Р. Гальпериным: «Отношения предметно-логического значения и значения контекстуального, основанные на сходстве признаков двух понятий, называется метафорой» [цит. по (Шендельс 1972: 52)]. Второй путь состоит в преодолении несовместимости грамматического значения формы и лексического значения слова, выступающего в данной форме. Вместо синтеза грамматических и лексических значений возникает противоречие между теми и другими. Лексические и грамматические семы не налагаются друг на друга, а приходят в столкновение. Например, значение неисчисляемости абстрактного существительного, привычно оформленного единственным числом, которое в данном случае выполняет «холостую функцию», неожиданная форма множественного числа — сильный член оппозиции — с семой «множество». Здесь контраст не внешний — между контекстом и формой, а скорее внутренний — между формой и ее наполнением (Шендельс 1972: 63). Третий путь заключается в «преодолении ситуационной несовместимости форм, и

он типичен для классифицирующих оппозиций, в частности, для грамматического рода: «[...] если же лицо мужского рода наделяется качествами женского рода или наоборот, то возникает грамматическая метафора. [...]» (Шендельс 1972: 55). В связи с этим можно говорить о грамматической метафорике. Подобно тому как лексические метафоры возникают путем сдвига, так и грамматические метафоры образуются использованием такой же операции.

1. При выявлении и рассмотрении экспрессивного потенциала м о р ф о л о г и и традиционно считается, что она обладает небольшими экспрессивными возможностями[1]. Поэтому стилистико-морфологические исследования долго оставались без внимания, и морфология является наименее исследованной стороной стилей речи (Кожина 1972: 12). «До сих пор основное внимание уделялось главным образом стилистическому анализу в сфере лексики. Налицо — огромная диспропорция в степенях изученности отдельных ярусов языка» (Фирсова 1981: 15). Для морфологии не характерно такое широкое стилистическое расслоение, какое мы обнаруживаем в лексике (просторечия, диалектизмы, архаизмы, жаргонизмы, неологизмы и т. п.), так как все элементы морфологической системы являются общими для всех видов языковой реализации. «Вопрос о стилистических ресурсах морфологии нельзя ограничивать только явлением стилистической синонимии, потому что средства морфологии, в отличие от лексических, являются общеупотребительными во всех стилях, жанрах и формах речи» (Кожина 1977: 128). Например, вид глагола, настоящее время, императив имеются во всех стилях, во всех способах выражения; они не связаны, подобно лексическим пластам, с литературным языком, диалектом, жаргоном или с какой-то другой формой языковой реализации. Морфологические формы и категории являются общеязыковыми универсалиями, что существенно предопределяет их положение. Экспрессия морфологических средств в меньшей степени базируется на оппозиции «плюс—минус», характерной для лексики. Констатируя, что стилистически окрашенные морфологические варианты имеют ту же функцию, что и стилистически окрашенные слова, Л. Г. Барлас обнаруживает существенное несовпадение между стилистическими парадигмами морфологических вариантов и лексико-стилистической парадигмой: «Морфолого-стилистическая парадигма, в отличие от лексико-стилистической,

---

[1] «Морфологические средства, в отличие от синтаксических и лексических, дают значительно меньше эмоционально-экспрессивных окрасок и значительно меньше отклонений от общеязыковой нормы, ибо морфологический уровень языка проявляет большую устойчивость по отношению к разным функциональным стилям, разным жанрам и типам речи (устной, письменной)» (Брандес 1990: 284). «Разумеется, нельзя отрицать, что морфология обладает более скромными стилистическими возможностями, чем лексика. В то же время исследования показывают, что испанская грамматика располагает достаточно богатыми и разнообразными стилистическими ресурсами» (Фирсова 1981: 18).

охватывает незначительное количество единиц. Так, например, из всех падежных форм имени существительного стилистические варианты имеют лишь четыре формы: формы родительного и предложного падежей существительных мужского рода и творительного падежа женского рода — в единственном числе и именительного-винительного падежа мужского рода во множественном числе, и то с большими ограничениями и оговорками» (Барлас 1978: 23). Морфологическая реальная парадигма, по Л. Г. Барласу, ограничивается не тремя основными компонентами, как в лексике (где парадигма может состоять и из большего количества членов), а только двумя (нейтральный — разговорный и книжный — нейтральный), и стилистические противопоставления между ними весьма зыбки, например, как вариант *стеной*, так и вариант *стеною* могут употребляться и в стилистически сниженной речи без особо заметного диссонанса (Барлас 1978: 24).

Неоспоримый факт, что имеется незначительное число морфологических экспрессем[2], создал у многих иллюзию, что стилистам нечего исследовать на уровне морфологии (А. М. Пешковский, А. Н. Гвоздев и др.)[3]. Однако с возникновением и укреплением функциональной стилистики стало очевидным, что и морфологические средства являются важным объектом исследований. В стилях морфологические категории и формы получают различные экспрессивные характеристики, разную частотность и вероятность употребления.

---

[2] В русском языке морфологические средства, в отличие от лексических и словообразовательных, дают значительно меньше эмоционально экспрессивных окрасок (Кожина 1977: 128). «[...] морфология располагает более скромными стилистическими возможностями, чем лексика» (Фирсова 1981: 18), «[…] количество морфологических единиц, имеющих стилистическое значение, крайне мало» (Там же: 23).

[3] «А. М. Пешковский [...] придерживался взгляда, что стилистические ресурсы морфологии незначительны. К такому же выводу приходит и А. Н. Гвоздев [...]. Вообще отрицает стилистическую роль морфологических единиц испанский языковед Мартин Алонсо, который, говоря о синтаксической стилистике, утверждает, что стилистический анализ языковых средств лимитирован лишь синтаксическим уровнем (причем исключительно сферой экспрессивного синтаксиса). “Стиль — это не морфология, он связан не со словом, а с предложением”, — пишет Мартин Алонсо [...]. Однако такое понимание стилистической роли морфологии представляется неправомерным, оно суживает рамки стилистики: в силу того, что объектом стилистики является язык в процессе его употребления, стилистический анализ должен охватывать все языковые уровни, в том числе и морфологический. Наблюдения подтверждают точку зрения тех лингвистов (М. Н. Кожиной, Е. И. Шендельс, В. Е. Ярнатовской, Т. Н. Петровой), которые считают (и доказывают фактическим материалом своих изысканий), что морфологические единицы обладают весомыми стилистическими возможностями и не только могут, но и должны быть предметом стилистики. Традиционное представление о незначительности стилистических ресурсов морфологии является следствием недостаточной изученности конкретного материала» (Фирсова 1981: 17).

Экспрессивный потенциал морфологических единиц проявляется в области (1) вариантно-синонимических отношений морфологических единиц, (2) морфологических парадигм и (3) функционирования морфологических единиц в стилях. Имеются две стилистические оси, на которых строится грамматико-стилистическая парадигма — вариантно-синонимическая и функционально-стилистическая. Они находятся в таком положении, в котором находятся вертикальная и горизонтальная оси в системе координат. На месте их пересечения проявляется глобальный экспрессивный потенциал любой грамматической формы и каждой грамматической категории. Это значит, что существует общая морфологическая парадигма, состоящая из синонимической, вариантной и функционально-стилистической парадигмы[4]. Если словообразование мы считаем частью морфологии, то тогда морфологическая парадигма расширяется еще одним элементом — словообразовательным[5]. Синонимическую и вариантную парадигму образуют синонимы и варианты определенной морфологической (грамматической) категории, части речи, элементы морфологической парадигмы[6]. Морфостилистическая парадигма подразумевает экспрессию, возникающую на основе функционирования морфологических единиц в разных стилях, прежде всего, ФС.

Л. Г. Барлас выделяет два основных типа морфолого-синтаксических парадигм. Первую составляют варианты одной и той же словоформы, различающиеся собственно стилистической окраской (*чая — чаю*, *договоры — договорá*), а вторую образуют разные словоформы, различающиеся семантико-грамматическими оттенками, имеющими стилистическую значимость (*принеси — принес бы*). Парадигмы вариантов, подчеркивает он, в некоторой степени соотносительны с лексико-стилистическими парадигмами: члены и тех и других противопоставлены по характеру стилистической окраски. Однако «морфостилистическая парадигма этого типа характеризуется неполнотой состава (два, и три и более члена), нечеткостью окраски, отсутствием эмоционально-стилистических наслоений и крайне незначительным охватом морфологических единиц, большинство из которых оказывается вне указанных парадигм» (Барлас 1978: 5). Л. Г. Барлас считает, что

---

[4] То, что подразумевается под последним понятием, Л. Г. Барлас называет функционально-речевыми морфологическими средствами (Барлас 1978: 25).

[5] Словообразовательную парадигму составляют, в первую очередь, экспрессивные аффиксы.

[6] Е. И. Шендельс различает два типа грамматических синонимов — системные (разные, но однородные грамматические формы, совпадающие в своем основном грамматическом значении и различающиеся дополнительными грамматическими значениями и объемом значений) и контекстуальные (разные, но однородные грамматические формы, сближающиеся под давлением контекста в одном из своих грамматических значений), см. (Шендельс 1959: 81). Р. Ф. Титова указывает на асимметрию в грамматической синонимии (в одном значении грамматическая форма имеет один синоним, а в другом — другой), см. (Титова 1966: 75).

парадигмы, образованные разными словоформами, еще менее соотносительны с лексико-стилистическими, ибо отношения между членами парадигмы строятся на различиях не собственно стилистической окраски (она необязательна), а семантико-грамматических оттенков. По мнению Милорада Чорца, морфостилистика охватывает три области: 1) стилистическую значимость словоформ с учетом их словообразовательных компонентов; 2) стилистическую значимость форм частей речи; 3) стилистическую значимость отдельных грамматических категорий, имеющих свои формы (Ćorac 1982: 91).

2. Экспрессивный потенциал с и н т а к с и с а значительно больше, чем морфологии[7]. Слово, словосочетание и предложение, как основные синтаксические единицы, обладают огромными экспрессивными возможностями. И здесь можно выделить стилистические парадигмы, основанные на трех элементах: вариантности, синонимичности и функционально-стилистической окрашенности.

Синтаксическая экспрессивность отличается от лексической тем, что «лексическая экспрессивность выступает как элемент семантической структуры слова (сема интенсивности), тогда как синтаксическая экспрессивность является более абстрактной категорией — она предстает как усилительная (сенсибилизирующая) функция синтаксической конструкции» (Сковородников 1981: 232).

3. Существует шесть основных направлений в исследовании экспрессивного синтаксиса. Первое направление рассматривает общие проблемы синтаксической экспрессивности. В центре внимания второго направления предстают синтаксические единицы и их экспрессивность. Третье направление в качестве предмета выбирает синтаксические фигуры. Четвертое направление делает установку на экспрессию синонимии синтаксических конструкций. Пятое направление рассматривает функционально-стилистические аспекты синтаксической экспрессивности. В настоящей книге доминирует шестое направление — анализ синтаксической экспрессивности частей речи.

4. В рамках первого направления синтаксическая экспрессивность толкуется по-разному. Одни ее определяют как свойство синтаксических структур иметь эмоциональную направленность или служить средством логического усиления изобразительности, выразительности и образности (Трофимова 1972: 239), другие имеют в виду выражение в предложении эмоциональных проявлений и волевых усилий говорящего (Панасюк 1972: 24), третьи подразумевают способность усиливать собственно грамматическую и прагматическую информацию, заложенную в высказы-

[7] «По мнению многих ученых, стилистические явления в области синтаксиса современного литературного языка более многочисленны, чем в области морфологии, что связано с относительно свободным порядком слов и неограниченными возможностями в образовании параллельных конструкций, выражающих одну и ту же мысль» (Черемисин 1971: 68).

вании (Геллер 1991: 12) или функцию-способность синтаксической конструкции усиливать как прагматическую, так и собственно грамматическую информацию, заложенную в высказывании или в каком-либо его компоненте (Сковородников 1981: 14)[8], четвертые считают, что это свойство синтаксических форм увеличивать прагматический потенциал высказываний сверх той степени, которая достигнута лексическими значениями элементов, наполняющих эти синтаксические формы (Чайковский 1971). Условиями синтаксической маркированности экспрессии считается **(1)** чужеродность конструкции данному функциональному стилю (например, усеченные предложения в НФС), **(2)** соотнесенность конструкции с соседними конструкциями по принципу тождество/различие, **(3)** перерождение у конструкции грамматической семантики (Геллер 1991: 12). Некоторые указывают на необходимость выделения эмоциональной экспрессии и анализа эмоционально-экспрессивных элементов синтаксиса (Малинович 1990: 5). При этом выдвигаются три положения: **(а)** эмоциональная экспрессия является одной из сущностных характеристик естественного языка, **(б)** эмоциональная экспрессия — это семантическая категория, **(в)** эмоциональная лексика синтаксична, так как она опирается на потенциал разноуровневых языковых средств, конституирующих в совокупности эмоционально-экспрессивные предложения. «[…] эмоционально-экспрессивное предложение является основной единицей реализации эмоциональной экспрессии на синтаксическом уровне, в которой взаимно детерминированы смысл предложения, синтаксическая форма и интонация [...]» (Там же). Все синтаксико-семантические классы эмоционально-экспрессивных предложений, согласно такому мнению, можно упорядочить в рамках трех парадигматических рядов: **1)** по характеру основных эмоционально-экспрессивных значений и зон; **2)** по степени эмоциональной насыщенности; **3)** на основе вариативных и синонимических отношений, что позволяет рассматривать совокупность всех эмоционально-экспрессивных предложений как системно упорядоченное явление (Там же). Останавливаясь на статусе эмоциональной экспрессии в синтаксической теории, Ю. М. Малинович утверждает, что «введение в понятийный аппарат теоретической лингвистики таких понятий, как семантическая категория эмоциональной экспрессии, эмоционально-экспрессивное предложение, эмоционально-экспрессивный синтаксис, как совокупность всех составляющих его единиц, более строго и терминологически однозначно выдержано по сравнению с такими наименованиями, как категория эмотивности, категория экспрессии, эмоциональность, восклицание, восклица-

[8] «Такое понимание синтаксической экспрессивности, с одной стороны, изоморфно (но не тождественно) определению лексической экспрессивности, а с другой — уточняет […] определение синтаксической экспрессивности, данное Р. Р. Чайковским (“свойство синтаксической формы увеличивать прагматический потенциал высказываний”), упоминанием о возможности усиления (выделения) собственно грамматической информации, заложенной в высказывании, что соответствует языковой действительности […]» (Сковородников 1981: 14).

тельные предложения» (Там же: 10—11). Само эмоционально-экспрессивное предложение определяется как «такая синтаксическая форма предложения, в которой с постоянной регулярностью имеет место взаимная детерминация смысла, синтаксической формы и эмоционально-экспрессивной интонации» (Там же: 11). На фоне этого плана Ю. М. Малинович выделяет моносемантичные и семантически многомерные предложения[9]. Эмоционально-экспрессивному синтаксису, как системному явлению, автор посвящает целую главу (Там же: 28—31).

5. В статье Г. Н. Акимовой «Развитие конструкций экспрессивного синтаксиса в русском языке» констатируется, что **(1)** понятие экспрессии в синтаксисе строго не определено и что **(2)** в последние 10—15 лет в синтаксической литературе появился термин «экспрессивный синтаксис», наиболее эксплицитно и регулярно употребляемый при описании отдельных синтаксических конструкций письменной речи (Акимова 1981: 109). Затем она добавляет, что довольно давно используется понятие «синтаксическая стилистика»: «Характерно, что на уровне синтаксиса нет понятий эмоционального, оценочного синтаксиса[10], в отличие от соответствующих понятий в лексикологии. Понятие же синтаксической стилистики весьма многозначно: от анализа синтаксических конструкций в художественных произведениях классиков литературы до так называемой практической стилистики. Разнообразие задач синтаксической стилистики определяется следующим образом: это и стилевая дифференциация и характеризованность синтаксических средств; и процессы, происходящие в пределах, ограниченных стилем или типом речи; и экспрессивно-выразительные качества синтаксических конструкций; и синонимические ресурсы синтаксиса в их стилистической ориентированности; и синтаксические средства в языке художественной литературы в их функционально-эстетическом качестве, и др.» (Там же: 111). Далее она говорит о трудности противопоставления эмоционального и экспрессивного на синтаксическом уровне и замечает, что понятие экспрессии синтаксиса связывается преимущественно с письменной формой речи и касается работ, в которых имеются попытки разграничить эмоциональное и экспрессивное в синтаксисе. «Так, В. В. Востоков [...] различает, с одной стороны, „эмоциональные конструкции“:

Ах, хорошая, хорошая погода! К счастью, хорошая погода!

и, с другой стороны, — „экспрессивные“, имеющие усилительные оттенки, наслаивающиеся на основное значение:

---

[9] «Одни синтаксические формы эмоционально-экспрессивных предложений являются моносемантичными, другие — семантически многомерными, что позволяет соотнести их с понятием стилистически диффузных, или семантически объемных, единиц […]» (Малинович 1990: 11).

[10] Это неверно: К. А. Долинин часть книги посвящает как раз эмоциональному синтаксису (Долинин 1978: 235—239).

Вот так лужа! Шел-шел и пришел; Ах, она, змея; Девочка, ну и умна́!» (Акимова 1981: 112).

Она утверждает, что совершенно иное значение понятие экспрессивности синтаксиса получило в связи с описанием новых синтаксических явлений. «А поскольку новые тенденции в синтаксисе более всего выражаются в синтагматической расчлененности, то именно расчлененные конструкции, или конструкции с ослабленными показателями синтагматической связанности и относят к экспрессивным. Экспрессивными они становятся при наличии соответствующего стилистического эффекта, ибо расчлененные конструкции без стилистического эффекта к экспрессивным обычно не причисляют» (Там же: 113). В перечень экспрессивных синтаксических конструкций в более узком понимании она включает парцеллированные конструкции, сегментированные конструкции, лексический повтор с распространением, вопросно-ответные конструкции в монологической речи, цепочки номинативных предложений и экспрессивно-стилистическое словорасположение. Наиболее общим она считает процесс сегментации, т. е. членение текста на отдельные сегменты. Автором отмечается еще одна особенность экспрессивных построений: большинство из них выходит за рамки предложения и фактически осознается на уровне текста. Таким образом, синтаксическую экспрессию Г. Н. Акимова понимает довольно узко, связывая ее с авторским повествованием и конструктивным принципом — различными видами синтаксической расчлененности или ослабления синтагматических связей.

Г. А. Золотова внесла свой вклад в освещение данного вопроса в частности тем, что сделала разграничение между композиционно-синтаксическим и экспрессивно-смысловым выделением слов в предложении-высказывании и обосновала понятие экспрессивной модификации предложения (Золотова 1973: 108 и др.).

М. П. Брандес выделяет два феномена — синтаксические выразительные средства и синтаксические стилистистические приемы. «Под синтаксическими выразительными средствами следует понимать: — нормативные структуры, выразительность которых определяется контекстом, например, типом его композиционно-речевой формы, планом изложения, типом тональности и т. д.; — синтаксические структуры, которые обладают более определенным, хотя и достаточно абстрактным характером выразительности, например, длина предложения, порядок слов в предложении, семантический тип предложения. Эта разновидность синтаксических средств выразительности носит атрибутивный характер, так как является принадлежностью конструкции, а не контекста, хотя свою определенность и обретает в контексте. — Под стилистическими приемами понимаются необычные сочетания и расположения частей структуры как в рамках одного предложения, так и в рамках текстового фрагмента. Суть синтаксических выразительных средств и стилистических приемов составляет синтаксическая синонимия. В ее основе лежит двусоставность предложения и разнообразные комбинационные возможности порядка слов и частей предложения» (Брандес 1990: 238).

И. В. Арнольд выделяет пять групп на уровне экспрессивного синтаксиса: 1) необычное размещение элементов, прежде всего, разных видов инверсии; 2) переосмысление, или транспозиция синтаксических конструкций; 3) введение элементов, которые не дают новой предметной информации (например, разные виды повторов); 4) пропуск логически необходимых элементов: асиндетон, эллипсис, умолчание, посиопезис и т. д.; 5) нарушение замкнутости предложения: анаколуф, вставные конструкции (Арнольд 1973: 200). Он особенно останавливается на экспрессивности отрицания (Там же: 214—216).

6. Одно из первых исследований в рамках второго направления принадлежит Г. Я. Солганику, который в 1973 году опубликовал книгу «Синтаксическая стилистика». В ней он рассматривает только один вопрос: стилистические свойства сложного синтаксического целого. Автор проводит анализ типов сложных синтаксических целых, их структуру, стилистические особенности и функционирование в стилях речи. Задачи этой дисциплины он соотносит с основными синтаксическими единицами: «Синтаксическая стилистика рассматривает в стилистическом плане все единицы синтаксиса — словосочетание, предложение, сложное синтаксическое целое» (Солганик 1973: 3). «Синтаксическая стилистика изучает функционирование, т. е. смысловое, стилистическое использование синтаксических единиц (словосочетания, предложения, прозаической строфы), их синонимику […]. Кратко синтаксическую стилистику можно определить как учение о построении речи с точки зрения ее стилистических свойств» (Там же: 11—12).

В большинстве пособий по стилистике упоминается и рассматривается синтаксическая стилистика, важнейшим предметом которой является экспрессивность. Ср.: «Синтаксическая стилистика исследует экспрессивные возможности порядка слов, типов предложения, типов синтаксической связи» (Арнольд 1973: 13).

В центре внимания книги О. В. Александровой «Проблемы экспрессивного синтаксиса» (1984) находится экспрессивный потенциал словосочетания. По ее мнению, оно является лингвистической основой таких стилистических фигур, как повтор, эвфемизм, нарастание, антитеза, полисиндетон и др. (Александрова 1984: 21). Исходная позиция О. В. Александровой такова: в основе любого произведения лежит желание его автора не только донести информацию до читающего или слушающего, но и определенным образом воздействовать на них (Там же: 3). «Поэтому все вопросы синтаксического построения речи теснейшим образом связаны с лингвостилистикой» (Там же: 3). О соотношении экспрессивности и стилистики О. В. Александрова пишет: «Говоря об экспрессивном синтаксисе, обычно данный термин уточняют словом “стилистический” — экспрессивный (стилистический) синтаксис, подчеркивая тем самым его принадлежность к категориальному аппарату стилистики. Нам представляется правомерным термином “экспрессивный синтаксис” обозначать учение о построении выразительной речи, предметом изучения которого являются лингвистические основы экспрессивной речи, термин же “стилистический синтаксис” отнести к метаязыку стилистики,

ибо, как известно, стилистический прием всегда является обнаружением потенциальных выразительных возможностей определенных средств общенародного языка» (Там же: 7—8). О. В. Александрова рассматривает синтаксические связи, реализуемые между членами предложения, сквозь призму пяти категорий функциональной синтагматики: «коннотативности» (которая образуется противопоставлением двух категориальных форм, реализующих функцию воздействия и функцию сообщения), «клишированности» (определяется оппозицией категориальных форм узуальности/окказиональности), «идиоматичности» (зиждется на противопоставлении фразеологических единиц таким словосочетаниям, значения которых представляют сумму номинативных значений составляющих его слов), «социолингвистической обусловленности» (предполагает знание социологической основы функционирования данного глагола и отражает общий языковой опыт коллектива) и «концептуальной обусловленности» (соотносятся значения словосочетания с экстралингвистической ситуацией) (Там же: 16—21). Основная цель исследования О. В. Александровой — наметить пути проникновения в сущность синтактико-стилистического построения речи, сосредоточить внимание на предпосылках и способах придания речи наибольшей выразительности, выяснить экспрессивные возможности собственно синтаксических средств (Там же: 11—12). В поиске оптимальной формы выражения она остановилась на понятии «диеремики», под которой она подразумевает элементы фонации. В книге рассматриваются функциональные нагрузки и стилемаркирующий, экспрессивный характер парентетических внесений. Особое внимание уделяется выразительным потенциям отдельных синтаксических конструкций, которые увязываются с просодией и пунктуацией. Последняя часть книги посвящена анализу синтактико-просодических свойств стихотворной речи, а именно показу двух различных активно взаимодействующих просодических систем выражения: **(1)** логико-синтаксической, в чистом виде представляемой в прозаической речи, и **(2)** ритмико-экспрессивной, находящейся в своеобразном противоречии с первой. «Однако их диалектическое противоборство несет четкую художественно-выразительную функцию, а их сложные соотношения лежат в основе собственно эстетической природы стиха» (Там же: 11). Автор останавливается на «динамическом синтаксисе», под которым подразумевает актуальное членение и функциональную перспективу высказывания (Там же: 53—72). Отдельная глава посвящена экспрессивным возможностям синтаксического построения текста (Там же: 97—168).

К этому направлению относится и исследование «Стилистика сложного предложения» (Формановская 1978).

7. Третье направление, ориентированное на синтаксические фигуры, представлено несколькими исследованиями. Так, книга «Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка» сужает анализ синтаксической экспрессивности только до некоторых синтаксических фигур — эллипсиса, антиэллипсиса, усечения (апозиопезиса) и позиционно-лексического

повтора (Сковородников 1981). В последней части рассматривается организация и функционирование системы экспрессивных синтаксических конструкций. Автор утверждает, что современная стилистика в изучении системности экспрессивных синтаксических явлений не продвинулась дальше классической риторики и дореволюционных работ по синтаксису (Сковородников 1981: 7).

В книге «Очерки по экспрессивному синтаксису», посвященной анализу трех синтаксических фигур (хиазма, зевгмы и градации), ее автор Э. М. Береговская констатирует, что экспрессивные синтаксические конструкции противопоставляются конструкциям, находящимся в состоянии синтаксического покоя (Береговская 2004: 5). Она особенно подчеркивает роль симметрии в экспрессивном синтаксисе: «Все явления экспрессивного синтаксиса так или иначе соотносятся с принципом симметрии. Симметрия вообще является одним из наиболее генеральных принципов, связанных с представлением о гармонии, о красоте […] Понятие симметрии сочетается с понятием асимметрии, образуя с ним некое единство. Симметрия потому и кажется красивой, что всегда сопоставляется с асимметрией. Без асимметрии она казалась бы просто однообразной, монотонной» (Там же: 9). Проблемы, которыми занимается экспрессивный синтаксис, она сужает и сводит только к следующим блокам: 1) длина предложения как экспрессивный фактор; 2) стилистическая роль абзаца и сложного синтаксического целого; 3) аффективный потенциал пунктуации; 4) синтаксические фигуры и их стилистические функции. В таком подходе за рамками экспрессивного синтаксиса оказываются многие синтаксические явления. Подобную концепцию развивает Э. С. Геллер, которая приводит такой набор экспрессивных синтаксических единиц: 1) лексико-синтаксический повтор; 2) синтаксический параллелизм; 3) средства актуального членения (порядок слов); 4) вопросно-ответный комплекс; 5) восклицательные конструкции; 6) парцеллированные конструкции; 7) минимальные синтаксические структуры (реализующие лишь структурную схему); 8) вставные конструкции; 9) мнимо-вопросительные предложения; 10) синтаксические конструкции, включающие средства выражения авторской оценки; 11) факты лексико-синтаксической координации, создающие образность в изложении (Геллер 1991: 11). На функционально-стилистическом уровне выделяются два «экспрессивных следствия» — «экспрессивные следствия» первого (рационального) начала и «экспрессивные следствия» второго (эмоционального) начала. «Первые связаны с усилением собственно логической обработки текста, вторые — с его эмоциональной окрашенностью» (Там же: 13).

8. Четвертый подход представлен рядом исследований экспрессивности синонимических конструкций. Здесь, в первую очередь, надо упомянуть книгу «Синтаксическая синонимика в современном русском литературном языке» (Сухотин 1960).

9. Пятый подход (функционально-стилистический) ставит в центр внимания синтаксическую экспрессивность в различных функциональных стилях, в первую очередь, в ЛФС, ПФС, НФС и РФС.

Экспрессивности художественного (поэтического) синтаксиса посвящено несколько книг. Одна из них — «Поэтический синтаксис: категория осложнения» (Патроева 2002). В ней указывается, что эта отрасль филологии является одной из наиболее интересных, хотя и наименее разработанных, несмотря на то, что именно в стихотворной речи, в силу ее специфики («высокая степень организованности»), отбор, строение и расположение синтаксических конструкций приобретает особое значение, см. (Там же: 3). «Синтаксические формы здесь не только информативно, но и эстетически нагружены, выполняют самые разнообразные функции (структурно-композиционную, ритмообразующую, интонационную, экспрессивно-стилистическую) […] То, что именно синтаксис таит в себе огромные выразительные ресурсы, обусловлено не только чрезвычайным разнообразием синтаксических конструкций и богатством грамматической синонимики, но и сложностью, многогранностью самого феномена предложения как основной коммуникативной единицы» (Там же).

Этой же теме посвящена книга «Поэтический синтаксис» (Ковтунова 1986). Существуют работы, в которых рассматривается синтаксическая экспрессивность отдельных произведений, например, Ф. М. Достоевского (Иванчикова 1979), синтаксические разновидности прозы (Арутюнова 1973) и т. п. В книге «Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста» в центре внимания самая широкая и самая комплексная единица — текст, т. е. сущность художественного текста, специфика его экспрессивности, средства и приемы ее создания в художественном тексте (Маслова 1997).

Некоторые считают, что синтаксис наиболее чуток к выражению экспрессивности и эмоциональности в языке научной литературы (Геллер 1991: 3). «Выразительность, создаваемая посредством синтаксических конструкций, служит логическому уточнению речи. Поэтому весьма важно, на наш взгляд, именно с помощью синтаксических средств способствовать созданию яркости и выразительности научной речи» (Там же: 3). Наиболее очевидными и употребительными синтаксическими средствами выражения эмоциональности/экспрессивности она считает: 1) эпифору, анафору, повтор; 2) восклицательные и вопросительные предложения; 3) вставки; 4) стилистическую инверсию; 5) синтаксический параллелизм; 6) градацию; 7) вводные слова и словосочетания; 8) стилистическое использование разных типов сложного предложения (Там же: 4). «Все эти синтаксические средства увеличивают воздействующую силу сказанного, пронизывают все произведение ученого, усиливают точность и ясность его творческой мысли» (Там же: 4). Автор констатирует, что синтаксические экспрессивные средства разговорной речи неслучайное явление в некоторых научных работах и что экспрессивность ощущается нами как органическое качество научного мышления и речи. «Правда, количественно они не находят в научном тексте большого места, поскольку находятся в диалектическом противоречии (и своеобразной борьбе) с другими специфическими непременными первичными свойствами научного мышления (и речи), а именно: объективностью и усиленной логичностью» (Там же: 10).

О синтаксической экспрессивности ПФС писала И. А. Пуленко (1988), делая упор на синтаксическом параллелизме и порядке слов.

Экспрессивность синтаксиса РФС рассматривается в монографиях (Шведова 2003, Лаптева 2003).

10. Шестой подход, применяемый в настоящей книге, можно назвать частеречным. Здесь надо подчеркнуть, что **(1)** в русской грамматической традиции части речи больше рассматриваются в рамках морфологии, чем синтаксиса, **(2)** понятие «экспрессивный синтаксис частей речи» в доступной нам литературе мы не встретили. Стилистический и экспрессивный потенциал частей речи почти во всех русских пособиях по стилистике изучается в рамках морфологической стилистики, что и подтверждают определения типа: «Морфологическая стилистика рассматривает стилистические возможности в пределах различных грамматических категорий, присущих тем или иным частям речи. Здесь рассматриваются, например, стилистические возможности категории числа, противопоставления в системе местоимений, именной и глагольный стили речи» (Арнольд 1973: 13). С другой стороны, в сербской / хорватской лингвистической традиции части речи толкуются в морфологии исключительно как изменяемые и неизменяемые формы, в то время как их значение и употребление рассматриваются в разделах «синтаксис падежей» и «синтаксис глаголов».

11. Для анализа экспрессивного потенциала частей речи, который зарождается и проявляется на уровне словосочетания, предложения и текста, т. е. на уровне синтаксических единиц, нам кажется более приемлемым говорить об экспрессивном синтаксисе существительных, глаголов, прилагательных и т. д., чем об экспрессивной морфологии этих частей речи. Употребить понятие «экспрессивная грамматика частей речи» — значит, охватить экспрессию всех грамматических форм и категорий, в том числе окончаний, приставок и т. д., поэтому мы в данной книге это понятие не используем.

Экспрессивный потенциал глагола

0. Каждая часть речи по-своему участвует в создании экспрессивности, реализации стилистического потенциала языка, его функционально-стилистической дифференциации и порождении экспрессии на синтаксическом уровне. Глагол здесь, очевидно, занимает одно из центральных мест. Этой части речи принадлежит особое место в системе языка. О необычной сложности данного лексико-грамматического класса и его исключительной важности для функционирования языка говорили многие лингвисты. В качестве показательного примера такого рода оценок глагола можно привести высказывание В. В. Виноградова: «Глагол является наиболее сложной, грамматически организованной, отвлеченной и в то же время наиболее насыщенной, т. е. непосредственно отражающей действитель-

ность, категорией современного русского языка» (Виноградов 1972: 511). Целый ряд ученых указывал на значение глагола в общей грамматической системе языка. И. В. Арнольд, например, в «Стилистике английского языка» констатирует, что глагол имеет развитую систему словообразования и больше грамматических категорий, чем любая другая часть речи (Арнольд 1973: 192). Йован Вукович утверждал, что динамика предложения в основном зависит от глагола, добавляя: «Часто мне хочется подчеркнуть в своих лекциях: глагол является движущей силой нашего предложения» (Vuković 1967: 3). Широкая семантическая база, чрезвычайное лексическое, формальное и категориальное разнообразие делают глагол одной из двух фундаментальных частей речи. В основе любой коммуникации, каждого высказывания находится процесс, который наиболее адекватно выражается при помощи глагола, потому что он позволяет предметную действительность, понятийную реальность представить в ее полной диалектике. «Глагол, как лексико-грамматический класс слов, является одним из важнейших структурных элементов грамматически организованного высказывания, а этим и языка и его коммуникативной функции» (Исаченко 1960/II: 7—8).

1. Экспрессивный синтаксис необходимо рассматривать релевантным в анализе глагола, прежде всего, из-за того, что глагол в равной степени является и синтаксической, и морфологической категорией. Сам факт, что существует особая область — синтаксис глагола[1], свидетельствует о том, что эта часть речи является феноменом синтаксической системы. Экспрессивность глагольных форм составляет и то, что находится на уровне морфологии, и то, что находится на уровне синтаксиса. Если мы хотим осознать общий экспрессивный потенциал глагола (да и каждой части речи), нужно отказаться от рассмотрения в рамках узких языковых категорий (морфологических, синтаксических и др.), и рассматривать его как грамматико-стилистическую целостность (единство), состоящую из словообразовательных, морфологических и стилистических характеристик[2].

---

[1] На эту тему написаны книги типа «Семантика и синтаксис русского глагола» (Москвин 1993), «Sintaksa glagola» (Vuković 1967). Г. Д. Санжеев защитил докторскую диссертацию «Синтаксис глагола в монгольских языках» (1948). Существуют и другие работы подобного типа: Синтаксис глагольного управления — www, Синтаксис наречий (Лебедев И. С. Принципы обработки — www), Синтаксис существительных и местоимений — www, Синтаксис падежей — www, Синтаксис имени существительного в обско-угорских языках — www и т. п.

[2] Названия книг, таких, как «Стилистика частей речи» (Прокопович 1969) или «Стилистика испанского глагола» (Фирсова 1976), свидетельствуют о том, что имеются такие исследования. Однако все они ограничиваются лишь одним уровнем, и части речи рассматривают только на морфологическом, то есть грамматическом уровне. Так, Е. Н. Прокопович дает заглавие: «Стилистика частей речи», а потом подзаголовок с более узким определением: «Анализ глагольных форм». После более подробного знаком-

2. В анализе экспрессивного потенциала глагола важными являются корреляции, в которые вступает глагол с другими частями речи. Здесь, прежде всего, имеем в виду соотношение глагола и существительного — основных грамматических опор языковой коммуникации. Первостепенную роль играет их соотношение и в стилистическом расслоении языка, потому что глагол и существительное дифференцируют все функциональные стили (ФС) на две основные группы: на те, которые имеют именной характер, и на те, которые имеют глагольный характер. Указанный факт свидетельствует о том, что давний лингвистический спор об относительной важности для функционирования языка имени существительного и глагола носит отнюдь не умозрительный характер. В истории лингвистики по этому поводу высказывались разные мнения. Некоторые из них известны еще с античных времен [3]. В кратком обзоре мнений о соотношении имени существительного и глагола В. В. Виноградов пишет: «Антитеза имени и глагола, как структурная особенность многих языков, была осознана еще в античной философии и лингвистике. Платон, Аристотель, Аполлоний Дискол, Донат учили об имени и глаголе как о двух главных частях речи. Эта теория была воспринята русской грамматикой еще в XVIII в. На этой почве сложилось своеобразное учение о глаголе как о центральной категории языка [...]» (Виноградов 1972: 337). Г. П. Павский, Ф. Ф. Фортунатов и его последователи, а больше всего А. А. Потебня, указывали на ведущую роль глагола в системе языка. Этот последний, по мнению В. В. Виноградова, создал своеобразную философию глагольности, которая явилась основой его учения об исторической эволюции основных категорий языка и мышления. «Глагол, по Потебне, — это высшая, наиболее отвлеченная, наиболее конструктивная и прогрессирующая категория языка. С организацией глагола был связан переход от древнего именного строя предложения к глагольному [...]. Теория Потебни, утверждавшая главенство глагола в системе частей речи, видела в развитии языка процесс непрерывного оглаголивания» (Там же: 338). Д. Н. Овсяннико-Куликовский, А. М. Пешковский и некоторые другие, продолжает В. В. Виноградов, восприняли, или поддержали эту теорию, а с другой стороны, появились и противники грамматического «дифирамба глаголу» (выражение

ства с книгой оказывается, что речь идет о еще более узком подходе — анализе только видовременных характеристик глагола.

[3] «Платон, напр., указывает на имя существительное как на то, о чем что-то констатируется (что соответствует более позднему, традиционному, до настоящего времени многими повторяемому определению подлежащего), в то время как глагол надо понимать как то, что констатируется об имени существительном (= позднее классическая концепция сказуемого) [...]. Аристотель первый попробовал разработать деление слов на части речи. Он выделил в одну группу имена существительные (o n o m a) и глаголы (r h e m a), считая, что только эти части речи могут что-нибудь обозначать сами по себе, в противоположность всем остальным частям речи, которые только служат для связи в логических процессах мышления (s y n d e s m o i)» (Ivić 1975: 14).

А. А. Шахматова). В. В. Виноградов критикует упомянутые положения и указывает на то, что «эта теория, особенно в ее одностороннем развитии, противоречит самым простым и очевидным фактам современного русского языка. Прежде всего, бросается в глаза не только глубокое взаимодействие между категориями имени и глагола, но и широкое развитие отыменных форм в самой системе русского глагола [...]. Именные основы все шире и шире вливаются в область глагола и производят в ней резкие изменения [...]. Причастия настоящего времени действительного залога и страдательные причастия при наличии благоприятных условий все более и более освобождаются от элементов глагольности и развивают качественные значения [...]» (Виноградов 1972: 338—339). Борьба различных грамматических классов в современном русском языке, делает вывод В. В. Виноградов, вообще не отражает абсолютного преимущества глагола. «Учение о первенстве глагола среди знаменательных частей речи покоится на убеждении, что предикативность — основной признак предложения и что предикативность является синонимом глагольности. Между тем вопрос о предикативности, как синтаксической категории, — вопрос спорный и еще недостаточно разъясненный» (Там же: 339). Хотя В. В. Виноградов выступил против теории господства глагола в системе языка, он не упустил возможность высказать следующую мысль: «Грамматический и семантический объем имени (особенно имени существительного) уже, теснее, чем у глагола» (Там же: 50). Структура упомянутых частей речи, продолжает В. В. Виноградов, является неодинаковой и в словообразовательном плане: у имен существительных преобладают суффиксы, а у глаголов приставки. «Еще более глубокие и более разнообразные отличия существуют между синтаксическими функциями имен существительных и глаголов. Эти отличия проявляются как в рамках именных и глагольных словосочетаний, так и в структуре различных типов предложения. Глубоким грамматическим отличиям между именами существительными и глаголами соответствует и общее лексико-семантическое отличие между глаголами и предметными словами. Глагол является семантически более широким» (Там же: 54—55). По мнению Р. А. Будагова, не соответствует действительности ни положение А. А. Потебни о том, что в языке усиливается глагольность, ни противоположное мнение, разделяемое, например, шведским лингвистом Альфом Ломардом о том, что в развитии новых индоевропейских языков набирают силу именные конструкции (Будагов 1965: 33). На вопрос, в каком направлении развиваются языки — в направлении усиления имени или глагола, — этот ученый отвечает: «По существу невозможно доказать ни первое, ни второе положение [...]. Развитие языка приводит к тому, что именные конструкции успешно сосуществуют с конструкциями глагольными. И те и другие по-своему являются абсолютно необходимыми» (Там же: 313). Нам кажется приемлемой следующая точка зрения Р. А. Будагова: «Дело в том, что язык и мышление не развиваются ни от субстанции к действию и „энергии“, как это получается у защитников глагольности, ни от действия и „энергии“ к субстанции, как это предполагают сторонники имени. Действие не может существовать без субстанции, как и сама субстанция немыслима в статике. Необходимо выйти за

пределы этого круга, чтобы разобраться в проблеме» (Там же: 314). Подобную позицию занимает и А. В. Исаченко: «Конечно, глубокая разница между глаголом и именем, в частности, именем существительным, не сводима к чисто формальному противопоставлению. Ведь глагол, как лексико-грамматический класс, обозначает в самой обобщенной и отвлеченной форме определенный круг явлений объективного мира — процессы, протекающие во времени, т. е. движение. Имя, и прежде всего, конечно, имя существительное, в первую очередь, обозначает — также в обобщенной и отвлеченной форме — другой, не менее определенный круг явлений объективной действительности — «предметность», т. е., с точки зрения материалистической гносеологии, в конечном счете — субстанцию или материю. Мы знаем, что материя и движение являются двумя сторонами одного и того же явления, что одно без другого немыслимо [...]» (Исаченко 1960/I: 8). Как считает Р. А. Будагов, для того, чтобы обсуждение данной проблемы было плодотворным, его следует вести в функционально-стилистическом плане: «В действительности, и те и другие конструкции служат языку и мышлению, причем каждый из этих типов имеет в языке свою сферу распространения. Именные конструкции могут преобладать, например, в разговорной речи или в своеобразном «стиле» вывесок и плакатов, тогда как глагольные построения господствуют в более «развернутом» письменном изложении» (Будагов 1965: 313—314). Констатируя, что во всех индоевропейских языках глагол занимает особое место в системе частей речи, Александр Белич пишет: «Сразу мы должны отметить, что значение глагола, действительно, большое: глагол является целой системой форм в индоевропейских языках и в индоевропейском праязыке. Он всегда появляется в прикладной, или, как лучше сказать, в реализованной форме: или как verbum finitum (личная глагольная форма), или как participium (причастие), или как infinitivus [...]» (Belić 1958: 45). Дж. Костич считает, что «глаголы нельзя выделить в отдельную категорию, которая бы имела свои органические связи с именной системой, то есть с именным значением или с значением самого имени существительного» (Kostić 1987: 167). В. А. Звегинцев указывает на другое: глагол и имя существительное имеют различные языковые функции. «Но в определенных случаях при опоре только на логический, понятийный момент различия между ними как будто исчезают. В предложениях:

Я ходил к нему без конца и Мое хождение к нему было бесконечным

слова *ходил* и *хождение*, как представляется, обладают одинаковым семантическим содержанием, что заставляет предполагать одинаковое логическое содержание, хотя в данном случае и имеем дело с разными частями речи» (Звегинцев 1957: 106). Здесь, в самом деле, речь идет о глаголе и отглагольном существительном, которые существенно различаются в функционально-стилистическом отношении. А. Н. Пешковский считает, что глагол, по отношению к отглагольному существительному, всегда дает более простое, более четкое и содержательное высказывание (Пешковский 1959: 102). Для В. А. Звегинцева язык, строящийся на отглагольных существительных, является языком всегда вялым, заплетенным,

нерасчлененным на синтаксические звенья и, соответственно, мелодически бедным, безликим. Поэтому он призывает: «Назад к глаголу!» И Г. Винокуру близка эта точка зрения (Винокур 1928: 75). Для И. П. Мучника антитеза имени и глагола представляет ядро грамматической системы современного русского языка (Мучник 1971: 3). Л. А. Капанадзе считает, что монопольное значение в системе номинативных частей речи (имя существительное, глагол, наречие) имеет имя существительное, потому что только оно может передавать содержание других номинативных частей речи — действий, состояний, признаков, свойств и т. п. (Капанадзе 1973: 404). В. В. Банару и А. Я. Алексеев считают, что оппозиция глагол ↔ имя является более важной для синтаксиса, стилистики и вообще языковой коммуникации, чем для морфологии (Банару, Алексеев 1975: 11). Различные аспекты данной проблемы освещают Н. С. Михеева (1973), М. Гус (1926), Г. Д. Сергеева (1972), М. А. Шлыкова (1966), Л. Якимова (1966), О. Д. Митрофанова (1973), Н. Н. Лаврова (1970), Э. А. Столярова (1978), С. И. Кауфман (1961), З. П. Баранова (1970), Н. В. Романовская (1973) и др.

3. Кроме имен существительных, при освещении данных вопросов надо иметь в виду и другие части речи, соотносящиеся с глаголами, прежде всего, имена прилагательные. Они совпадают в том, что обозначают признаки опредмеченной действительности. Основная разница состоит в несамостоятельности имени прилагательного и его зависимости от имени существительного, рядом с которым оно стоит. Однако имя прилагательное, как и глагол, обладает большим экспрессивным потенциалом и значительной функционально-стилевой дифференциацией [4].

4. Различную экспрессивную окраску имеют и остальные части речи, которые вступают в особые парадигматические и синтагматические корреляции с глаголом. Даже служебные части речи могут служить диагнозирующими показателями стилей (Неверова 1973).

5. На большие экспрессивные возможности глагола указывали многие исследователи. Так, А. Н. Гвоздев пишет: «Глагол, располагающий большим числом категорий и форм, нередко близких по значению и могущих заменять одна другую, создает широкие возможности их выбора с учетом их семантических и экспрессивных оттенков» (Гвоздев 1965: 165). Изобразительные качества глагола издавна привлекали внимание писателей и исследователей (Ефимов 1969: 180). «Исследователем, в частности, подчеркиваются такие особенности пушкинского стиля, как подчеркнутое превосходство “действия” над “описанием” (сравнительно малое количество описаний при стремительном развертывании действия) […] на глагол падает максимальная нагрузка выразительности […]. У Пушкина выразительность достигается глаголом в большей степени, чем эпитетом […]» (Опыт

[4] Что хорошо показали Г. Г. Полищук (1967), Л. И. Донецких (1980), Э. А. Столярова (1975), Р. С. Манучарян (1964) и др.

стил. анализа 01 — www). Ю. Б. Норштейн в книге «Снег на траве» хорошо понял силу глагола, которую он продемонстрировал на конкретном примере:

Дерево *заглядывало* в окно.

«Наш опыт, не задумываясь, прочитывает эту фразу. Глагол делает дерево зрячим, награждая его почти религиозным смыслом. Сколько же времени нужно для киноизображения, для мультипликации? Ветка постукивает в окно, мы открываем раму, и ветка проникает в комнату, покачиваясь и шумя листвой. Она бродит по комнате вместе с героем или героиней. Она стряхивает капли дождя, она заполняет комнату облаками, птичьим гомоном, она пересаживает уличный пейзаж в комнату, усиливая выразительность интерьера и пейзажа. В мультипликации меня более всего мучит необходимость замкнутого изображения и желание сделать его внутренне подвижным, как подвижно в сознании словесное изображение. В предложении

Дорога *убегала* в лес

глагол в прямом значении не соответствует слову “дорога”. Он повышает энергию всей фразы и превращает ее в образ. Чтобы сделать подобную картину в киноизображении, необходима конструкция кинокадра, дающая эффекты ныряния дороги среди лесных холмов, неожиданное ее появление где-то вдали, среди деревьев» (Норштейн. «Снег на траве»). С. П. Обнорский указывает на большое значение префиксации глаголов: «Префиксы, сочетаясь с глаголом, вносят новые оттенки в основное значение глагола, т. е. раскрывают новое содержание его, обогащая сокровищницу языка новыми элементами лексики. Префиксация глаголов, кроме того, в известных случаях, давая слова с новыми значениями или оттенками значений, наделяет их особой выразительной силой. Поэтому нередко писатели-художники в стремлении к большей выразительности речи пользуются префиксированными глаголами, по-разному комбинируя префиксальные в них элементы. Эту черту нашего языка, сообщающую ему особую выразительную силу, прекрасно чувствовал в старые времена величайший художник — автор “Слова о полку Игореве”, широко употреблявший в поэме — несомненно, в стилистических целях — одни и те же глаголы без префикса и в префиксированном виде или в соединении с одним и каким-нибудь близким к нему, другим префиксом. Сравните в “Слове о полку Игореве”: *лелеяти* и *взлелеяти*, *плакатися* и *всплакатися*, *потоптати* и *притоптати*, *потрепати* и *притрепати* и т. д.» (Обнорский 1948: 697).

Время

0. Время, вместе с материей и пространством, является абсолютным физическим свойством, так как ничто существующее не может находиться вне его. Это категория, в которой человек размышляет и которая является составной частью его сознания. Выражение временных отношений — один из вопросов, которым занимается ряд научных дисциплин (физика, механика, биология, химия, философия, логика, психология, лингвистика, литературоведение и др)[1]. Время в широком смысле трактуется как основная (наряду с пространством) форма существования материи, заключающаяся в закономерной координации сменяющих друг друга явлений (БСЭ 1971: 434). Философы определяют время как пространство, в котором что-то происходит[2]. В лингвистике время трактуется **(а)** более широко — как момент совершения действия и **(б)** более узко — как «грамматическая категория глагола, являющаяся специфическим языковым отражением объективного времени и служащая для темпоральной (временной) локализации события или состояния, о котором говорится в предложении» (ЛЭС 1990: 89). В то время как реальное время выступает в форме непрерывной цепочки, в сознании человека происходит его разделение на то, что произошло, что происходит и что произойдет[3].

---

[1] Категория времени представляет собой фундаментальное явление, феномен, имеющий важное значение почти для всех научных дисциплин. Ее научную важность подтверждает и тот факт, что еще с 1966 года существует Международное общество по изучению времени (Interdisciplinary perspectives of time).

[2] В более широком толковании *время* — всеобщая форма бытия материи, выражающая длительность бытия и последовательность смены состояния всех материальных систем и процессов в мире. «Время не существует само по себе, вне материальных изменений; точно так же невозможно существование материальных систем и процессов, не обладающих длительностью, не изменяющихся от прошлого к будущему» (ФЭС 1983: 94).

[3] «Но самый момент перехода, движения из прошлого и настоящего в будущее (в смысловое, абсолютное будущее, не в то будущее, которое оставит все на своих местах, а которое должно наконец исполнить, свершить, будущее, которое мы п р о т и в о п о с т а в л я е м настоящему и прошлому как спасение, преображение и искупление, то есть будущее не как голая временная, но как смысловая категория, то,

1. В онтологическом толковании время разделяется на три периода: 1) на то, что является прошлым; 2) на то, что является будущим; 3) на то, что является настоящим. С другой точки зрения, время рассматривается как умственный процесс, порождающий психологическое время. Оно подразумевает продолжительность восприятия настоящего времени[4]. Существует и биологическое время (время, в котором протекает жизнь определенного живого организма). В геологии выделяется геологическое настоящее время, т. е. время существования Земли (охватывает 70 миллионов лет). В толковании времени как физического процесса, ориентиром которого является превращение фотонов в пару электрон—позитрон, настоящее время длится 10^{-21}. Физическое время подразумевает непрерывный, нечленимый процесс и называется реальным, объективным, абсолютным временем. Исходя из определенной точки отсчета, выделяется также химическое, физиологическое, географическое, астрономическое, социальное[5], социологическое, историческое[6], художественное[7], концептуальное[8], экзистенциональное[9] время. В философии существует два подхода к пониманию и истолкованию природы времени, которые условно можно назвать длительностным и точечным (Голованова 1989: 107). В точечном подходе время представляется в форме дискретных точек и их механического соединения. В длительностном подходе время понимается как протяженные периоды, или интервалы[10]. Х. Вайнрих говорит о времени обсуждаемого и времени повествуемого мира (besprochene und erzählte Welt) — (Weinrich 1977). В рамках теории актуализации, Г. Гийом выделяет оперативное и дискурсивное время (Guillaume 1975)[11]. Оперативное время является материальным субстратом.

чего еще ценностно нет, что еще не предопределено, что еще не д и с к р е д и т и р о в а н о бытием, не загрязнено бытием-данностью, чисто от него, неподкупно и несвязанно-идеально, однако не гносеологически и теоретически, а практически — как долженствование) — этот момент есть момент чистой событийности во мне, где я изнутри себя причастен единому и единственному событию бытия […]» (Бахтин 1979: 103—104).

[4] Одни считают, что оно длится 12—60 секунд, другие — 5—6 секунд и что сам психический момент охватывает время в 50 миллисекунд. В качестве точки такого времени некоторые выделяют одну десятую единицу для зрения и одну сотую для слуха и осязания. О психическом настоящем см. (Уитроу 1964, Элькин 1962, Кошевая 1972).

[5] См. (Каган 1982: 119).

[6] См. (Там же).

[7] См. (Тураева 1979).

[8] «Концептуальное время есть абстрактная математическая модель, отражающая свойства реального времени» (Тураева 197: 30). См. также (Мостепаненко 1969: 17).

[9] См. (Каган 1982: 122).

[10] О линейных (длительных, неограниченных) и точечных (ограниченных) временах во французском языке писал В. Г. Гак (1979: 201—202).

[11] Более подробно об этом см. (Кузнецова 1993).

Время, в котором происходит создание высказывания, называется дискурсивным. «Оперативное время моментально, незаметно для наблюдения. Его конкретное существование было подтверждено психолингвистическими исследованиями. Дискурсивное время, время развертывания фразы, поддается наблюдению и совпадает со временем ее произнесения» (Кузнецова 1993: 32).

2. Реальное время является бесконечной последовательностью, в которой нет периодов, сегментов и элементов [12]. Существуют четыре концепции такого времени: субстанциональная (время как субстанция), реляционная (время как отношение между событиями), статическая (реально существуют три периода — прошлое, настоящее, будущее) и динамическая (выделяются только события настоящего времени) [13]. В языке реальное время соотносится с грамматическим временем. Реальное время выражается во всех языках, но не все языки имеют категорию грамматического времени, напр., в египетском языке нет этой категории, она передается не морфологическими средствами, а при помощи предлогов (Коростовцев 1969: 103) [14]. Древней глагольной системе семитских языков была чужда категория времени.

3. С лингвистической точки зрения, категория времени выражает темпоральную локализацию трех макроденотатов, т. е. трех несубстанциональных сущностей: действия, состояния и отношения. Эти три суперденотата мы объединяем в одну категорию — категорию денотативного дирестата (*ди* — динамика, *ре* — реляция и *ста* — статика). Для осознания категории времени необходимо сделать разграничение между носителем дирестата и наблюдателем дирестата, т. е. между тем, кто реализует дирестат и тем, кто наблюдает за дирестатом. Это две различные позиции (подобно футболистам, которые играют на стадионе, и зрителям, которые смотрят на них). Исходя из этого, языковое время можно рассматривать в зависимости от того, где находится точка отсчета — во времени реализации дирестата, во времени восприятия дирестата или во времени его выражения. Первая ориентация требует ответа на вопрос «Когда имел место определенный дирестат?», вторая — «Когда воспринимался данный дирестат?», третья — «В каком времени находился наблюдатель по отношению к времени дирестата?». Из этого следует, что существуют четыре временные ориентации: денонативная ориентация (или экстенсиональная ориентация), сигнификативная ориентация (интенсиональная ориентация), коммуникативная ориентация и обсервационная ориентация. Соответственно можно выделить четыре типа времени: денотативное,

---

[12] О реальном времени см. (Мостепаненко 1969).

[13] О четырех концепциях времени в философии и физике см. (Молчанов 1977). О динамической и статической концепции времени см. (Урутян 1988).

[14] О соотношении реального времени и структуры языка см. (Юрченко 1993).

сигнификативное, коммуникативное и обсервационное[15]. Денотативное время — это время, которое реально существует. Сигнификативное время — это опосредованное человеком и другими живыми существами реальное (денотативное) время. По сути, это наше представление о времени[16]. Сигнификативное время является продуктом человеческого мышления, и оно членится на периоды: прошлое, настоящее и будущее. Коммуникативное время — это время общения. Обсервационное время — время наблюдения за определенной коммуникацией, за определенной речью. Во всех типах времени можно выделить позиции одновременности (контемпоральности), предшествования (антериорности) и следования (постериорности).

4. Среди элементов, входящих в категорию времени, одним из самых сложных и самых важных является временной ориентир. В языке им является момент речи. Время — категория, базирующаяся на отношении момента действия к моменту речи. Точка отсчета представляет собой тот пункт, в котором зарождается представление о времени, создается перспектива предложения, вырабатывается парадигматическая и синтагматическая организация высказывания. В зависимости от того, где находится эта исходная точка и кто является ее носителем, категория времени членится на подкатегории и элементы. Для Е. Кржижковой точка отсчета — центральное организующее звено, подчиняющее себе все остальные звенья (Кржижкова 1962: 19). Точка отсчета является, по ее мнению, объективным критерием для выявления инвариантных значений временных форм. Момент речи Е. Кржижкова считает условным термином для обозначения настоящего в собственном смысле слова (Там же: 20). Преобладает мнение о том, что временной точкой отсчета надо считать момент речи. Г. Рейхенбах пользуется тремя понятиями: событием, моментом речи и моментом референции (Reichenbach 1947). В. В. Виноградов говорит о точке зрения как исходном пункте для определения отношения содержания предложения к действительности (Виноградов 1975: 268). Он указывает на то, что ориентация действия может быть двойственной: на момент речи или (при относительном времени) на другую точку отсчета. Момент речи характеризуется и как единственный в языковом отображении событий ориентир, по которому говорящий-участник высказывания локализует действие в одном из трех временных планов: настоящем, прошедшем или будущем (Барнетова 1979 / I: 165). При этом точка отсчета грамматического времени имеет совершенно релятивный

---

[15] А. М. Мостепаненко говорит о перцептуальном времени (1969: 5). Оно отличается от обсервационного тем, что оно подразумевает время восприятия внешнего мира отдельным индивидуумом, т. е. это чувство времени, которое не всегда в точности соответствует реальному времени. Перцептуальное время является отражением реального времени в нашем сознании и его основой являются эмоции, поэтому называется еще эмотивным временем (Тураева 1979: 17).

[16] В некоторых толкованиях оно считается четвертым измерением пространства (помимо длины, ширины и высоты).

характер. В. Г. Гак считает, что категория времени отражает отношение действия к моменту речи и другим действиям (Гак 1979: 202). Точкой отсчета, по его мнению, является настоящее. Момент речи Е. В. Падучева определяет как «момент произнесения высказывания, совпадающий с моментом его восприятия; иначе можно сказать, что это — настоящее время субъекта речи, совпадающее с настоящим временем адресата» (Падучева 1989: 165). В немецком языкознании выделяют три элемента: момент, или время действия (Aktzeit), момент, или время речи (Sprechzeit) и момент, или время наблюдения (Betrachtzeit). Э. Кошмидер исходит из понятия «временное отношение» (Zeitbezug) и различает три категории — **(1)** временную локализованность (Zeitstellenwert): положение вещей, обладающих индивидуальным местоположением во времени, и не имеющих такого местоположения — вневременных, **(2)** направительную отнесенность (Zeitrichtung, Richtungsbezug), **(3)** темпоральную отнесенность (Zeitstufenbezug): отнесенность действия к прошлому, настоящему или будущему (Koschmieder 1965: 70—89; 1962: 135—137). Некоторые считают, что термин «момент речи» является неподходящим и что его надо заменить чем-нибудь другим[17]. А. И. Горшков исходит из идеологической точки зрения и подчеркивает, что учение об отношении «момента действия» к «моменту речи» как основе, сущности категории глагольного времени было разработано представителями субъективно-психологического направления в языкознании (Горшков 1959: 260). По его мнению, это учение является неправильным, потому что момент речи лежит вне грамматической системы языка и основанное на нем учение о трех временах является лишь абстрактной схемой (Там же: 263). За основу категории глагольного времени он принимает соотносительность глагольных временных форм. Близкую позицию занимает и И. Г. Кошевая: «[…] ясно, что момент речи, будучи понятием субъективным, отрицательно влияет на анализ значения грамматической категории времени. Не случайно проф. Н. С. Поспелов отошел от традиционного определения времени как отношения действия к моменту речи, вскрыв его субъективную сущность и увидав в нем неприкрытое проявление кантианства» (Кошевая 1972: 146). Основная претензия всех противников момента речи как основы категории времени сводится к его субъективной сущности, «ибо определение времени как отношение действия к моменту речи низводит объективный характер грамматической категории к второстепенной роли, отводя первоочередное место мысли говорящего или думающего субъекта» (Там же: 147). И. Г. Кошевая допускает возможность считать момент речи какой-то точкой отсчета объективного времени, но не демаркационной: объективное время определяется не моментом речи, а состоянием вещей и их изменением. Н. С. Поспелов отвергает взгляд на время как на отношение момента действия к моменту речи: «Категория глагольного времени отражает объективное время не с точки зрения говорящего лица, т. е. не в отношении к моменту речи» (Поспелов 1952: 297).

---

[17] В литературе часто встречается выражение «время речи».

5. В Грамматике-1980 подчеркивается, что точкой отсчета является либо момент речи:

Он *придет* вовремя,

либо какой-нибудь другой момент, в частности, время другого действия:

Он думал, что *придет* вовремя.

«В морфологической системе форм времени эти различия не отражены. Категориальные значения форм времени ориентируются на единую исходную точку — грамматическую точку отсчета. Это абстрактное грамматическое понятие отражает в обобщенном виде как момент речи, так и любой другой момент, по отношению к которому определяется время действия в речи» (Грамматика-1980 / 1: § 1495). И далее: «Система форм времени строится на противопоставлении значений одновременности (формы наст. вр.), предшествования (формы прош. вр.) или следования (формы буд. вр.) по отношению к грамматической точке отсчета. Каждая форма времени заключает в своем грамматическом значении определенное отношение к этому ориентиру. Так, форма будущего сложного (*буду писать*) — носитель значения следования (будущего) по отношению к указанной точке отсчета. Это значение принадлежит языковой грамматической системе форм времени. В данной системе оно определяется вне контекста, безотносительно к конкретному говорящему и моменту его речи. В акте речи, при функционировании форм времени, отношение к грамматической точке отсчета, заключенное в данной форме, связывается либо с внеязыковым моментом речи (абсолютное употребление форм времени), либо с каким-либо иным моментом (относительное употребление). Например, в предложении

Я *буду писать*

при употреблении формы будущего сложного выражается следование (будущее) с точки зрения момента речи говорящего; в предложении же

Я обещал, что *буду писать*

выражается следование с точки зрения того момента прошлого, к которому относится действие *обещал*» (Там же).

А. В. Бондарко считает, что при анализе глагольного времени необходимо различать внеязыковой момент речи и его отражение в языке. «Внеязыковой момент речи — элемент объективного времени. В каждом конкретном высказывании он выступает как момент речи говорящего или того, чью речь он передает. Языковым отражением понятия о моменте речи является грамматический момент речи. Это элемент системы языка. Он заключен в самой системе именных форм глагола как признак, лежащий в основе противопоставления членов этой системы (имеется в виду современный русский язык и языки с аналогичной системой времен). Каждая форма времени (если оставить в стороне времена деепричастий)

несет в своем инвариантном значении определенное отношение к этому грамматическому ориентиру. Итак, следует различать постоянно движущийся момент речи как действительный или воспроизводимый элемент объективного времени и отражение понятия об этом моменте, зафиксированное в системе морфологических форм глагола. В конкретном высказывании инвариантное временное значение формы, установленное по отношению к грамматическому моменту речи, вступает (в том или ином варианте) в определенное соотношение с моментом внеязыковым. Если временное значение формы при ее функционировании соотнесено с моментом речи говорящего, то перед нами абсолютное употребление глагольного времени. Если же временное значение функционирующей формы соотнесено с каким-либо иным моментом, мы имеем дело с употреблением относительным. Если зафиксированное во временной форме отношение к грамматическому моменту речи соответствует отношению действия к внеязыковому моменту речи, то перед нами прямое употребление глагольного времени (например, если действие произошло вчера и употреблена форма прошедшего времени). Если же заключенное в форме времени отношение к грамматическому моменту речи расходится с отношением действия к объективному моменту речи, то налицо переносное употребление глагольного времени (действие произошло вчера, а употреблена форма настоящего времени). Обычно в определениях категории времени глагола говорится о том, что формы времени выражают отношение действия к моменту речи или ко времени другого действия (к какому-либо иному моменту). Это определение правильно, если имеется в виду план речи (parole). В языке же (langue) в системе времен инвариантное значение каждой временной формы ориентируется на грамматический момент речи. Таким образом, лагольное время связано с грамматическим моментом речи в том или ином его соотношении с моментом внеязыковым. Темпоральность же имеет отношение только к внеязыковому моменту речи» (Бондарко 1965: 46—47).

А. В. Бондарко подчеркивает, что в нарративном тексте временные формы выполняют функцию «поддержки» выражения основной линии повествования (Бондарко 2002: 527—528).

6. В поле темпоральности происходят процессы, приводящие к образованию экспрессивности различного рода. В одном из них глагольные формы транспонируются в поле других глагольных форм, создавая определенный эффект. Здесь как будто действует принцип солидарности: обладая небогатым морфологическим потенциалом, формы глагола помогают друг другу. Транспозицией форм глагола достигается и усиливается красота высказывания. Существует потенциальная и реальная транспозиция. Потенциальная транспозиция охватывает все направления трансформирования. Таких транспозиций может быть столько же, сколько имеется глагольных форм. Например, транспозиционную сеть сербского/хорватского глагола образует 12 глагольных форм, обладающих возможностью дать 121 направление метафорических образований. В русском языке имеется меньше комбинаций,

так как в нем нет форм аориста, имперфекта и плюсквамперфекта. Его сеть образует форма настоящего времени, форма прошедшего времени (настоящее и прошедшее время) и формы для обозначения будущего действия (простое и сложное будущее время). Так как одни формы относятся к изъявительному наклонению, а другие к «неизъявительному» наклонению, имеются два вида транспозиций — интратемпоральная и экстратемпоральная. Если форма изъявительного наклонения заменяется формой изъявительного наклонения, то получается интратемпоральная транспозиция. Если же в значении изъвительного наклонения выступает форма «неизъявительного» наклонения, то получается экстратемпоральная транспозиция. Первую в сербском / хорватском языке составляют 7 членов (настоящее время, прошедшее время, аорист, имперфект, плюсквамперфект, будущее I и будущее II), а в русском языке — 4 (настоящее время, прошедшее время, простое будущее время и сложное будущее время). Вторая в обоих языках имеет 5 элементов: инфинитив, императив, сослагательное наклонение, причастие, деепричастие.

7. Существуют два основных типа употребления форм глагольного времени — прямое и переносное. «При прямом употреблении формы времени ее категориальное значение согласуется с конкретизирующим и уточняющим, но не противоречащим ему контекстом; в предложении

Вот он *идет*

значение формы наст. вр. конкретизируется как “настоящее момента речи”. При переносном употреблении форм времени имеет место расхождение между категориальным значением глагольной формы и контекстом; в предложении

Иду я вчера по улице...

форма глагола заключает в себе значение наст. вр., а контекст указывает на отнесенность действия к прошлому. При переносном употреблении форм времени их категориальное значение не утрачивается (форма *иду* сохраняет значение наст. вр.), хотя и претерпевает определенные видоизменения. Под воздействием контекста категориальное значение формы времени реализуется как образное (фигуральное); в предложении

Иду я вчера по улице...

передается значение не реального настоящего времени, а образного: прошлое действие изображается так, как будто оно протекает в момент речи» (Грамматика-1980 / 1: § 1499).

Весьма важно то, что в языке возникла возможность использовать одно время в значении другого, так как если бы выражение отдельных отрезков времени было связано только с одной формой, — это очень отрицательно должно было бы сказаться на стилистике, эстетике, благозвучии и разнообразии речи.

8. В связи с различным употреблением временных форм и их значением используются и различные термины. В сербском и хорватском синтаксисе укоренились термины индикатив, релятив и модус как основные категории в системе глагольных времен. Так как они являются важными для осмысления экспрессивного потенциала временных форм и очень часто используются в толковании экспрессивного потенциала сербских / хорватских глагольных форм, мы остановимся более подробно на них, чтобы дать разъяснение, необходимое для понимания рассматриваемой проблемы.

9. Теорию синтаксического индикатива и релятива, как двух основных категорий глагольного времени, вызвавшую немалый интерес у крупнейших лингвистов и славистов того времени, выдвинул Александр Белич. Он ее первый раз представил в работе «О синтаксическом индикативе и релятиве» («O sintaksičkom indikativu i relativu»), написанной в феврале 1927 года. Статья вышла год спустя в Польше, в юбилейном сборнике, посвященном Яну Розвадовскому (Symbolae grammaticae in honorem Ioannis Rozwadowski. — Cracoviae, 1928).

Александр Белич обратил внимание на то, что категория времени отражает различные ориентации. Он выделил две точки отсчета — момент речи и «какой-нибудь другой момент»[18]. В связи с этим А. Белич пишет: «Правда то, что каждое время — это реализация определенного отношения совершенного действия по отношению к определенному моменту. Когда определенные формы начинают выражать эти отношения, они становятся и носителями самих временных значений. [...] говорящий является центром, на основе которого определяется временное отношение глагольных слов в предложении, если в предложении то, что обозначает глагол, приписывается субъекту» (Belić 1941: 357). В зависимости от наличия одной из двух точек отсчета — момента речи и «какого-нибудь другого момента» — А. Белич выделяет две категории времени: синтаксический индикатив и синтаксический релятив. Если действие относится к моменту речи, речь идет об индикативном употреблении времени, если же действие относится к какому-нибудь другому моменту, мы имеем дело с релятивным употреблением. Александр Белич это объясняет следующим способом: «Когда мы говорим:

došao je starac ʻпришел старикʼ,

мы констатируем в настоящем связь между объектом и совершенным действием в прошлом; это значит, что глагол *jesam* сохранил в определенной степени свое значение настоящего времени, что при помощи его обозначается связь в настоящем между совершенным действием в прошлом и подлежащим (*starac* ʻстарикʼ). Это настоящее значение нашего “полного” перфекта, им выражается действие в прошлом по отношению к моменту сообщения о нем, которое находится в настоящем.

[18] Таким образом он занял позицию, которую в нашем толковании можно назвать экстенсионально-коммуникативной.

Это собственно индикативный перфект; некая форма перфекта-презенса. Однако во всех случаях употребления “краткого” перфекта ситуация совсем другая. Это предложение типа

došao starac, *seo* i *počeo* pričati ʻпришел старик, сел и начал рассказывать’.

Здесь, как и во всех таких предложениях, только констатируется, что действие совершилось в прошлом, но о нем не говорится в настоящем; оно передается по отношению к другим действиям в прошлом, без любой связи с настоящим. Таким образом, здесь глагол “*jesam*” является ненужным. Ясно, что “краткий перфект” — на самом деле “исторический”, или “релятивный” перфект; однако только “полный перфект” является собственно перфектом, или индикативным перфектом. Я взял здесь пример, в котором эти две синтаксические категории: “индикатив” (или, может быть, эффектив) и определенная противоположность индикативу, может быть, “релятив” [19] (в котором действие в прошлом определяется по отношению к другим действиям или моментам прошлого) выражаются при помощи различных морфологических знаков [...]» (Belić 1927: 48—49). Точнее, ориентиром для определения типа времени служит не только момент речи, но и говорящий: «Время глагольного действия, абсолютно или непосредственно выраженное с точки зрения говорящего, является реальным временем, реально представленным так, как оно проходило. Это собственно синтаксический индикатив, или индикатив в более узком значении, потому что морфологический индикатив, т. е. индикатив в тех языках, где индикатив формально отличается от модальных и других форм, обычно намного шире. Все остальное, т. е. все то, что является не таким, находится в определенном отношении к другому действию в прошлом или будущем, и, таким образом, находится в синтаксическом «релятиве»» (Там же: 52). Александр Белич делает вывод о том, что у глаголов в синтаксическом релятиве нет с в о е г о временного значения; они его получают от глагола главного действия (Там же: 53).

В синтаксическом индикативе времена определяются по отношению к моменту действия. «И само понятие времени выражает сложные отношения, которые обычно в недостаточной мере отличаются, и поэтому создается путаница в определении временного значения данной формы. Я уже упомянул, что каждое время в собственном смысле — это отношение к моменту речи, к говорящему, который своей речью выражает настоящее. Все, что произошло до момента речи говорящего и что сообщается им, представляет собой прошлое, то, что произошло во время речи — настоящее, а то, что будет происходить после его речи, относится к будущему. Времена, которые определяются по этим параметрам, являются индикативными, или собственно временами» (Belić 1941: 356). В индикативе передаются события по отношению к настоящему так, как они происходили во времени.

[19] Здесь видно, как А. Белич колебался в поиске названия выделенных им категорий.

«Индикативом, или настоящим употреблением времени, я называю соотнесение действия с моментом речи, который представляет собой настоящее, этот бесспорно центральный временной пункт, или исходный, основной временной пункт для определения всего того, что происходит вокруг нас» (Belić 1938/1939: 179). «В индикативе глагольный вид подчиняется глагольному времени, в то время как в синтаксическом релятиве глагольное время исчезает и подчиняется глагольному виду» (Belić 1927: 54). В синтаксическом релятиве глагольные времена употребляются по отношению к другим временам, или в такой временной ситуации, которая предполагает настоящее, прошлое или будущее, или же глагольное действие имеет всевременной характер. В релятиве времена выражают, в определенной мере, другое значение, чем в синтаксическом индикативе. Поэтому здесь соприкасаются многие времена, которые существенно отличаются в индикативе и могут заменять друг друга.

Разграничения между индикативом и релятивом А. Белич придерживался довольно долго (1927—1938). Накануне второй мировой войны он меняет позицию и синтаксический релятив разделяет на две части: на настоящее релятивное употребление (когда глагольное действие соотносится не с моментом речи, а с каким-либо другим моментом в прошлом и будущем) и модальное (когда глагольная временная форма используется не в своей временной ситуации), см. (Belić 1938/1939: 179). В 1941 году выходит его известная книга «O jezičkoj prirodi i jezičkom razvitku», в которой он окончательно оформляет свою теорию и выделяет три категории: 1) настоящее временное значение (индикатив); 2) временной релятив; 3) невременные значения временных форм (употребление времен в особых обстоятельствах). Последнюю категорию он разделяет на четыре части: а) индикативные формы в модальном употреблении; б) квалификативные и другие формы употребления времени; в) гномическое употребление времени; г) Oratio obliqua.

О модальном употреблении временных форм А. Белич пишет: «Временные формы могут быть перенесены в ситуацию, которая по времени не совпадает с ними и по отношению к которой трудно осуществить какое-либо временное согласование, подобно согласованию, напр., в релятиве; тогда временное значение превращается или в видовое значение, или в значение наклонения, которое получает глагольная форма от самой временной ситуации, в которой она находится. Напр., будущее время, если его перенести в ситуацию настоящего времени, превращается в конъюнктив по значению:

> To *će biti* tačno ʻЭто должно быть точно’ = Da *wird* richtig *sein*» (Belić 1941: 382).

А. Белич указывает на то, что намного больше примеров с таким значением наблюдается при использовании претеритальных времен глаголов совершенного вида для обозначения действия в настоящем. При этом обычно получается конъюнктивное значение, вытекающее из результативного значения данных форм и влекущее за собой уверенность или надежду на реализацию действия, напр.:

Pogiboh! ʻЯ чувствую, что погибаю’; Propao sam ʻЯ уверен, что пропадаю’; *Umreh* od žeđi ʻМне так хочется пить’, в немецком: Ich *bin verloren* (Там же: 383).

Он подчеркивает, что такие модальные значения всегда содержат оттенок будущего времени (ср.:

Ja pođoh, a vi ostajte ʻЯ пошел, а вы оставайтесь’).

Больше всего примеров с модальным значением временных форм А. Белич находит в императиве — в клятвах типа:

Ubio te Bog = Neka te ubije Bog, Želim tvoju smrt — ʻБудь проклят’ (в русском: *Пошел* к черту!)

и в прохибитиве:

Da *nisi pošao* ʻТебе нельзя идти’.

Что касается названия «модальное употребление», то А. Белич колебался между двумя категориями — модальности и транспозитивности. Об этом свидетельствует следующее высказывание А. Белича: «Временные формы, использованные в невременной ситуации, дают свой “временной вид”, говорил я когда-то. Сейчас я бы скорее сказал, что речь идет о временной транспозиции, которая всегда является модальной» (Belić 1938/1939: 184). В дальнейшем анализе он объединяет модальность и транспозитивность и говорит о модальной транспозиции времен (Там же: 185) и видовой временной транспозиции (Там же: 187).

Если глагол в сказуемом не указывает на то, что действие совершается в данный момент, а выражает только свойства субъекта, речь идет о квалификативном употреблении временных форм. Напр.:

On *svira* gitaru ʻОн играет на гитаре’, Djevojka *je došla* bosa ʻДевушка пришла босой’.

Сюда относятся и случаи действия, совершаемого одновременно с моментом речи:

Ljubav sve *pobjeđuje* (Amor omnia vincit) ʻЛюбовь все побеждает’

Форма настоящего времени *pobjeđuje* (vincit) относится к моменту, когда это высказывание было произнесено, но оно одновременно относится и к любому другому моменту в прошлом, будущем и настоящем. Такую категорию А. Белич называет v s e v r e m e n o s t (всевременность) и относит ее к релятиву. «Если действие может относиться к различным моментам времени, как здесь: к настоящему, прошлому и будущему, оно находится в релятиве, независимо от того, имеет ли он самостоятельное употребление: релятивный момент речи всегда подразумевается» (Belić 1941: 385).

Гномическое употребление форм времени касается использования этих форм в пословицах, поговорках, мудрых изречениях и т. п.

> Ko drugome jamu kopa sam u nju *pada* ili *padne* ʻКто другому яму копает, сам в нее попадает/попадетʼ (Belić 1941: 383).

Здесь тоже налицо «всевременность».

Категория Oratio obliqua относится к употреблению временных форм в косвенной речи (u zavisnom, indirektnom govoru). Ср.:

> **(1)** *Doći ću* ʻЯ приду' относится к индикативу; Rekao sam: *doći ću* ʻЯ сказал: я приду' — к релятиву, **(2)** Rekao sam: da *ću doći* ʻЯ сказал, что я приду' — к Oratio obliqua[20].

Категории квалификативного употребления, гномического использования и Oratio obliqua оказались самыми уязвимыми местами в теории А. Белича, потому что они как-то «висят» по отношению к индикативу и релятиву[21]. Эти категории внесены как-будто случайно, непродуманно, они не укладываются в общую систему, в которой доминируют индикатив и релятив. Поэтому категории квалификативного употребления, гномического использования и Oratio obliqua не нашли поддержки у исследователей. Даже самый приверженный сторонник теории А. Белича, его ученик Михаило Стеванович, считал ошибкой выделение этих категорий наряду с модальным употреблением (Stevanović 1980: 16).

Теория синтаксического индикатива и релятива возникла не на пустом месте. Ее подготовили в южнославянской лингвистике Томо Маретич, Любомир Стоянович и Аугуст Мусич, а в зарубежном языкознании, прежде всего, — К. Бругманн и Й. Шталь. Первым, от кого идут истоки взглядов Александра Белича на категорию времени, является хорватский лингвист Томо Маретич. В «Грамматике и стилистике хорватского или сербского языка» он указывал на то, что при исследовании времен необходимо различать четыре категории: pripovijedanje (повествование, т. е. «когда я кому-нибудь что-нибудь говорю»), priopćavanje (сообщение, «если моя основная цель что-нибудь сообщить»), javljanje (объявление, «когда о том, что случилось, я говорю тому, кому это неизвестно») и spominjanje (напоминание, «когда говорится о прошлом, которое собеседнику известно») — (Maretić 1899: 599). Т. Маретич был одним из первых, кто употребил термин «релятив» для обозначения ситуации, когда точкой отсчета не является время речи.

---

[20] В связи с этим Александр Белич подчеркивает: «Таким образом, превращение прямой речи в косвенную не что иное, как превращение настоящего индикатива в ненастоящий индикатив, или релятив» (Belić 1941: 389).

[21] Квалификативное употребление А. Белич большей частью соотносит с релятивным временным употреблением, а гномическую — с невременным значением. С другой стороны, Н. С. Поспелов считает, что обе эти категории являются индикативными (Поспелов 1947).

За шесть лет до появления теории А. Белича его учитель Любомир Стоянович (1860—1929) также выделил релятив как особую категорию (Stojanović 1921). При этом он различал собственно настоящее, прошлое и будущее и релятивное настоящее, прошлое и будущее (pravu sadašnjost, prošlost i budućnost i relativnu sadašnjost, prošlost i budućnost). Любомир Стоянович писал: «Глагольное действие (здесь подразумевается также состояние и событие) протекает во времени, которое мы разделяем на н а с т о я щ е е, п р о ш л о е и б у д у щ е е. […] Разумеется, настоящее, прошлое и будущее могут быть собственно настоящее, прошедшее и будущее и релятивное настоящее, прошедшее и будущее» (Stojanović 1921: 187—188). Но, к сожалению, Л. Стоянович теоретически подробно не рассматривает эту проблему, и дальнейший его анализ замыкается лишь на категории индикатива. Но зато Любомир Стоянович обратил внимание на то, что впоследствии развил Александр Белич: он указал на наличие двух ориентиров — времени речи и времени другого действия — и подчеркнул, что установка на время речи дает собственно настоящее, прошедшее и будущее время (pravo vrijeme), а установка на время какого-нибудь другого действия — релятивное время (relativno vrijeme) — настоящее, прошедшее и будущее.

Из всех южнославянских предшественников А. Белича на его теорию больше всего оказал влияние хорватский лингвист Аугуст Мусич (1856—1938). За год до появления первой статьи Белича Аугуст Мусич опубликовал большую работу под названием «Prilozi nauci o upotrebi vremena u srpsko-hrvatskom jeziku («Вклад в науку об употреблении времен в сербохорватском языке»), см. (Musić 1926). Анализируя народную поэзию, А. Мусич пришел к выводу о том, что важно различать «то, что говорит поэт (pripovijedanje ʻповествованиеʼ) и то, что говорят отдельные лица (razgovor ʻразговор, беседаʼ)[22], потому что время, на основании которого определяется глагольное действие, является, во всяком случае, другим» (Там же: 113). Если Томо Маретич первый указал на эту разницу, выделяя четыре категории, то Аугуст Мусич, восприняв данную точку зрения Томо Маретича, свел эти четыре категории к двум, потому что ему казалось достаточным различать только повествование и разговор. А. Белич об этом пишет: «Хотя я совсем независимо от этих исследований г. Мусича и намного раньше выдвинул свой синтаксический индикатив и синтаксический релятив, я рад, что и в работах нашего уважаемого синтаксиста я нашел что-то, что в основном совпадает с моими категориями, а именно “повествование” и “разговор”» (Belić 1926/1927: 131). Но А. Белич критически рассматривает выделенные А. Мусичем категории: «Господин Мусич говорит, что в повествовании глагольное действие определяется по отношению ко времени, в котором или когда повествователь говорит, а в разговоре — по отношению ко времени говорящего. Это, по моему мнению, одно и то же. Если бы это было так, то разницы между повествованием и разговором не оказалось бы. Однако эта

[22] М. Стеванович считает, что лучше было бы эту категорию назвать obaveštenje ʻсообщениеʼ (Stevanović 1967: 104).

разница действительно существует. [...] В повествовании имеем, таким образом, относительное (ориентированное к прошлому) употребление времени, а в разговоре — прямое, индикативное употребление (ориентированное к настоящему). В первом случае употребление времени определяется по отношению к действиям в прошлом, в другом же — оно определяется по отношению к настоящему, к моменту, когда данное лицо говорит, а этот момент находится в настоящем, потому что на основании его, как центра, определяется продолжительность разговора, определяются все другие времена. В статье, которая выйдет в сборнике, посвященном проф. Яну Розвадовскому (Symbolae Grammaticae), я назвал первое синтаксическим "релятивом", а второе — синтаксическим "индикативом". Эти два синтаксические способа употребления времени являются очень широкими и охватывают не только повествование и разговор, но и многие другие формы предложения, в которых наша речь проявляется» (Belić 1926/1927: 103). Исследования Аугуста Мусича, по мнению М. Стевановича, в значительной мере побудили А. Белича к изучению этой области синтаксиса сербохорватского языка, в частности, в них он нашел критерии для классификации материала (Stevanović 1976a: 102—103).

Судьба Аугуста Мусича сложилась так, что он выдвигал идеи, которые другие воспринимали и дальше разрабатывали (многие за рубежом вообще не знали и не знают о его научном творчестве)[23]. Первый такой случай — выделение Аугустом Мусичем двух темпоральных категорий (повествования и разговора). Эта попытка оказалась довольно неудачной из-за «ненаучности», «нетерминологичности» названий данных категорий. Более адекватное имя придумал А. Белич, использовав термины «индикатив», который уже существовал в лингвистической терминологии совсем в другом значении, и «релятив». Второй случай: в послевоенные годы два европейских лингвиста выделяли категории, которые А. Мусич уже ввел в научный обиход в первой половине XX века. С одной стороны, Э. Бенвенист (Бенвенист 1974) различает время речи (discours) и время повествования (récit), что, по сути дела, является одним и тем же, что и разговор и повествование у Аугуста Мусича. С другой стороны, Н. С. Поспелов выделяет план коммуникации и план информации, почти совпадающие с категориями Аугуста Мусича. В литературе данное разграничение приписывается Э. Бенвенисту и Н. С. Поспелову, в то время как А. Мусич вообще не упоминается (скорее всего, из-за того, что его имя было неизвестно в широких лингвистических кругах Европы). Так, Г. А. Золотова пишет: «Весьма перспективным оказывается путь, намеченный наблюдениями Э. Бенвениста над системой французского глагола и Н. С. Поспелова — над формами глагольного времени в русском языке. Исследователями предложено разграничить времена говорения (discours) и времена повествования (récit) соответствен-

[23] На А. Мусича влияние оказал Х. Пауль, который различал «конкретные» предложения, в которых действие относится к реальному времени (настоящему, прошедшему и будущему), и «абстрактные предложения», выражающие абстрактное время, т. е. всевременность (Paul 1898).

но плану речи и плану повествования — во французском, и два ряда грамматических значений в глагольных формах времени соответственно плану коммуникации и плану информации — в русском языке» (Золотова 1975: 249). Когда речь идет об этих двух планах, надо сказать, что и другие лингвисты обращали внимание на неоднородный характер речи и ее влияние на категорию времени. Так Х. Вайнрих выделяет нарративные времена (в рассказах, романах, сказках) и дискурсивные времена (в комментариях, заключениях, сценариях, переговорах, дискуссиях), см. (Weinrich 1977). В. Я. Мыркин указывает на то, что абсолютное и относительное время объективно существуют в языке и что основанием такого различения является дихотомия речи, расчленение ее на две сферы: деятельностную речь и повествовательную речь (Мыркин 1981: 60—61). Деятельностная речь — это прагматическая речь, она служит для координации действий говорящих (ее языковая стихия — устный диалог). Повествовательная речь — это рассказ-рассуждение (языковая стихия — письменный монолог). В. Я. Мыркин констатирует, что различение этих сторон речи пока еще только входит в арсенал лингвистики, а сама идея возникла именно в связи с анализом употребления глагольных форм времени в разных языках (Там же: 60). З. Я. Тураева выделяет два других аспекта речи: план непосредственного общения и план сюжета (Тураева 1974).

Третий случай: хорватский лингвист Радослав Катичич (Katičić 1981) в системе времен выделяет kategoriju gotovosti ʻкатегорию законченности’ (которая включается в новейшую грамматику хорватского языка, см. [Hrvatska gram. 1995]), истоки которой надо также искать у А. Мусича. Об этом феномене А. Мусич писал в 1926 году: «В прошедшем времени необходимо отдельно рассматривать случаи, когда глагол в действительном причастии II является перфективным и когда является имперфективным. В первом случае [...] при помощи прошедшего времени выражается законченность перфективного действия или состояния в настоящем по окончании перфективного действия несмотря на время, когда действие имело место. Настоящее, на основании которого выражается законченность действия или состояния, всегда должно быть собственно настоящим (prava sadašnjost), т. е. временем, когда поэт говорит, потому что законченное действие или выраженное состояние являются чем-то абстрактным, что нельзя заметить, а можно только умственным путем осознать, напр., если я скажу

Ivan je umro ʻИван умер’,

я не скажу то, что я вижу, потому что я могу видеть только осуществление Иваном действия глагола *umrijeti* (значит, нужен аорист) или Ивана мертвым, и на основании этого я прихожу к выводу, что Иван находится в состоянии после совершенного действия глагола umrijeti, т. е. что он умер» (Musić 1926: 128)[24]. Суть категории

[24] Правда, до А. Мусича понятие gotovost ʻзаконченность’ упоминает П. Будмани (Budmani 1867), А. Вебер (Veber 1873) и Т. Маретич (Maretić 1899). Оно встречается и в послевоенных исследованиях (Brabec / Hraste / Živković 1968: 237, Stojićević 1954,

законченности Р. Катичич объясняет следующим образом: «Категория законченности во временном значении глагольных форм является неизвестной и чуждой в нашем грамматическом образовании. Грамматическое знание, когда оно действительно приобретено, является глубоко укорененным и при помощи постоянных упражнений почти автоматизированным. Поэтому в этой области новые категории не воспринимаются легко и вызывают сопротивление, особенно если необходимость в них сразу не улавливается, а общепринятая система хорошо функционирует. Но здесь более важным является то, что категория законченности в нашей грамматической литературе и не является новшеством. Ее заметил и ввел уже Аугуст Мусич в своих тонких синтаксических исследованиях, а как грамматическое значение прошедшего времени ее упоминают Маретич и Брабец-Храсте-Живкович в своих грамматиках, но она у них осталась неразработанной. Оказалось, однако, что эта категория является ключом для лучшего понимания употребления глагольных времен. [...] Поэтому, несомненно, полезно включить эту категорию в описание грамматических признаков времени» (Katičić 1981: 12). Р. Катичич указывает на то, что законченное настоящее (gotova sadašnjost), абсолютное и относительное, выражается при помощи прошедшего времени. Он приводит следующие примеры для абсолютного употребления категории законченности:

> Nema više sunca. *Zašlo je* ʻНет больше солнца. Оно зашлоʼ — Gledaj ga. *Igrao se* u blatu ʻСмотри на него. Он играл в грязиʼ (Katičić 1986: 50).

Примеры для относительного употребления:

> *Naručio* kahvu, *sjeo* u ugao i *pije* ʻОн заказал кофе, сел в угол и пьетʼ.

Законченное прошедшее выражается при помощи плюсквамперфекта:

> Bio *se* čak i *zacrvenio*, valjda zbog onih svih lica u dvorani ʻОн даже покраснел, вероятно, из-за всех этих лиц в залеʼ (Katičić 1986: 58).

Законченное будущее[25] передается при помощи действительного причастия прошедшего времени (glagolskog pridjeva aktivnog) и будущего I:

> Morem *će biti strujio* neki vjetrić ʻНа море дул какой-то ветерʼ (Katičić 1986: 63).

В «Синтаксисе хорватского литературного языка» Р. Катичич пишет: «Категория времени имеет три сегмента: настоящее, прошлое и будущее. Это трехчленное деление в рамках грамматической категории времени является основным образцом нашей ориентации во времени, которое также основано на различении настоящего, прошлого и будущего» (Katičić 1981: 45). И далее: «Три грамматических сегмента

Stevanović 1975/II: 583—588). О категории законченности писала также Милка Ивич, но в другом значении (Ivić 1958a: 143).

[25] Р. Катичич отмечает, что законченное будущее выражается очень редко.

в рамках категории времени являются двойственными: как законченные и незаконченные. Таким образом, различаются:

настоящее	и законченное настоящее
прошедшее	и законченное прошедшее
будущее	и законченное будущее».

Разницу между этими двумя категориями он видит в следующем: «Настоящее связывает глагольное действие, событие или состояние с определенным моментом. [...] Законченное настоящее также связано с определенным заданным моментом, но не самим действием, событием или состоянием, а следствием, возникшим из этого и продолжающимся, и поэтому при выражении законченного настоящего они являются более важными, чем действие, событие или состояние, выраженные глаголом. Законченное прошлое и законченное будущее являются такими же, только у первого следствие действия, события или состояния связано со временем до определенного заданного момента, а у второго — после него» (Katičić 1981: 45)[26].

Категория законченности толкуется приблизительно также в «Хорватской грамматике»: «Когда является важным не само действие, но и состояние, возникшее как его следствие, и когда именно это состояние особенно подчеркивается и связывается с определенным заданным моментом, тогда речь идет о законченном настоящем. Когда является важным не само действие, но и состояние, возникшее как его следствие, и когда именно это состояние особенно подчеркивается и связывается с временем до определенного заданного момента, тогда мы имеем законченное прошлое. Если является важным не само действие, но и состояние, возникшее как его следствие и когда именно это состояние особенно подчеркивается и связывается со временем после определенного заданного момента, тогда речь идет о законченном будущем» (Hrvatska gram. 1995: 279).

Категория законченности представляет собой терминологическую инновацию хорватских лингвистов, но это не значит, что она является категориальной инновацией, так как она в принципе подразумевает категорию инклюзивности (обозначающей, прежде всего, действие, начавшееся в прошлом и продолжающееся в настоящем) и перфективности, которые выделяются в европейской темпусологии (науке о времени). Мы считаем, что название данной категории является неудачным, прежде всего, потому, что оно содержит в себе элемент парадоксальности по отношению к настоящему и будущему.

Здесь надо добавить, что Аугуст Мусич был одним из первых лингвистов, который говорил о том, что в современной темпусологии называется временным дейксисом — указанием на временную локализацию сообщаемого факта[27]. Категория

[26] Р. Катичич говорит также об абсолютном употреблении временных форм (времени действия, или tempus dicendi) и их релятивном употреблениии (времени действия, или tempus agendi).

[27] Дейксис является одним из важных новшеств в темпусологии XX века (см. Kuryłowicz 1960, Weinrich 1971).

дейксиса охватывает указание на участников речевого акта — говорящего и собеседника (ролевой дейксис), степень отдаленности объекта речи и временную и пространственную локализацию (хронотопический дейксис). Теория дейксиса связана с временной референцией, и в ней в принципе различается то, что различал А. Белич в форме индикатива и релятива. Дейктическими временами считаются абсолютные времена, недейктическими — относительные (Рябова 1995: 14).

Из европейских лингвистов на взгляды А. Белича влияние оказали, прежде всего, К. Бругманн (Brugmann 1904) и Й. М. Шталь (Stahl 1907). Они различали абсолютное и относительное употребление времени, а в рамках последнего выделяли предшествование, одновременность и следование. В связи с этим сам А. Белич писал: «Многие ученые говорили в своих работах о ненастоящих временах или об относительном употреблении глагольных форм. Так, Бругман говорит совсем правильно: «Von relativer Zeitstufe oder bezogenem Tempusgebrauch spricht man, wenn die Zeit der Handlung nicht direkt von der Zeit des Redenden aus, sondern von der eines anderen Vorgangs aus, von dem zugleich die Rede ist, bestimmt wird. [...] Хотя Бругман приводит обилие примеров для таких значений, все-таки он не уделил релятиву полное внимание (ср. ниже). Так, например, и М. Шталь упоминает релятив как противоположность абсолютиву, который обозначает то же, что и индикатив. [...] Но все-таки [...] эта глагольная категория не получила также у него достаточного разъяснения» (Belić 1941: 369). О влиянии Й. М. Шталя А. Белич пишет: «К теоретическому рассмотрению глагольного времени и глагольного вида я пришел на основе исследований значения сербохорватского глагольного вида и употребления времени в сербохорватском языке и в других славянских языках. Хотя для результатов, которых я добился, не имела особого значения книга Й. М. Шталя Kritisch-historische Syntax des griechischen Verbums der klassischen Zeit [Heidelberg, 1907], потому что к своим выводам я пришел полностью самостоятельно, я рад, что могу констатировать, что его анализ принципиальной стороны греческих времен и их отношения к глагольному виду полностью совпадает с моими выводами, полученными на совсем другом поле исследования и на совсем другом материале (ср. его Lehre vom Tempus, с. 74—220). Наше совпадение является полным и в самом методе и способе рассмотрения. Не удивляет то, что иногда у нас не только определения, но и названия абсолютно идентичны. И он разделяет времена на абсолютные и относительные (с. 79), и он определяет настоящие временные значения, которые я называю синтаксическим индикативом, только при „абсолютном“ употреблении, т. е. по отношению глагольного действия к моменту речи (его Zeitstufe), а видовое значение в относительном употреблении (его Zeitart), т. е. за рамками отношения к моменту речи, и он считает, что аргумент является временным знаком, а его отсутствие — знаком использования глагольной формы в релятиве и т. д. Но, конечно, так как мы оба этим занимались совсем отдельно и самостоятельно, один — на мертвом языке, а другой — на живом, — между нами есть разница. Она будет совсем ясна, когда я подробно представлю всю систему времен и глагольных форм в нашем языке и когда покажу, что в этой системе имеет общее,

принципиальное значение, а что — временный (исторический) характер. Поэтому я сейчас и не хотел бы входить в подробности, которые без целостной системы, оказались бы неясными, и в которых были бы представлены мои идентичные и мои отличающиеся взгляды по поводу анализа Шталя» (Belić 1932: 38).

Отклики на теорию индикатива и релятива были разные. Их можно свести к пяти группам. Одни ее полностью восприняли, порой некритически (с преувеличением значения), или же с небольшими претензиями и коррекциями. К таким относится, прежде всего, Михаило Стеванович. Он, в частности, считал, что разделение на индикативную, релятивную и модальную синтаксическую категорию, несомненно, относится к «самым совершенным классификациям в науке вообще, не только в лингвистике» (Stevanović 1976a: 111). По его мнению, А. Белич создал «идеальную классификацию» (Там же: 120), он открыл дорогу, «по которой только должны идти» (Stevanović 1980: 15). О себе М. Стеванович говорит, что он «безоговорочно» воспринял классификацию А. Белича, но с изменением содержания релятива, добавлением третьей категории — модуса[28] и с интерпретациями, отличающимися порой от интерпретаций А. Белича (Там же: 17).

Другие исследователи выражали достоинства теории, но одновременно высказывали серьезные критические замечания. К таким относится Н. С. Поспелов, который первый в русской лингвистике дал полный анализ теории А. Белича (Поспелов 1947)[29]. Его критические замечания сводятся к следующему. **(1)** «Вполне соглашаясь с тем, что Praesens historicum, транспонируя настоящее время глагола в план прошлого, оказывается релативной формой употребления глагольного времени, можно усомниться, что и “всевременное” настоящее тоже релативно потому только, что оно может быть отнесено к любому моменту времени в настоящем, прошлом и будущем, тогда как подлинное, индикативное настоящее время всегда параллельно моменту речи. В действительности, как это правильно сформулировано Карцевским, “объективное настоящее”, т. е. момент акта предикации, не совпадает необходимо с субъективной ситуацией говорящего лица» (Там же: 20). **(2)** «Однако и при наличии в предложении временного наречия глагол может иметь не релативное, а индикативное значение. Напр., в предложении, акцентирующий глагол:

Она осенью *умерла* —

“*умерла*” имеет значение индикативное, так как в этом случае мы сообщаем кому-то сейчас о том, что произошло в какое-то другое время. Поэтому вполне прав В. В. Виноградов, когда он утверждает, что “даже в таких предложениях, как

---

[28] Модус он ввел в 1958 году (Stevanović 1957/1958: 28).

[29] Среди исследований русских лингвистов, в которых рассматривается теория А. Белича, обращает внимание работа В. В. Чумака «Параллелизм синтаксического индикатива и релятива в сложных предложениях сербохорватского языка» (Чумак 1985).

Пушкин *родился* в 1799 году,

с грамматической точки зрения результат прошедшего мыслится пребывающим доныне", т. е. глагол имеет значение индикативного перфекта, несмотря на наличие в данном предложении указания на определенный момент далекого от нас прошлого. С другой стороны, и в нераспространенном предложении

Птицы *улетели*

значение индикативного перфекта, т. е. непосредственного сообщения о прошлом, может быть утрачено, а останется только значение факта прошлого без какого-либо отношения к настоящему, как это имеет место в рассказах о прошлом. Таким образом, различие между индикативом и релативом в формах времени определяется не наличием или отсутствием в предложении адвербиальных показателей времени, а наличием или отсутствием связи с настоящим, как с непосредственным выражением действительности в сознании говорящего. Поэтому и настоящее время с значением постоянного действия, типа:

Земля *вращается* вокруг Солнца,

и прошедшее время, с точным указанием даты прошлого, типа:

Пушкин *родился* в 1799 году,

и будущее время, с точным указанием даты:

Меня *будут читать* в 1935 году (Стендаль),

оказываются формами времени в прямом, индикативном употреблении» (Поспелов 1947: 22)[30]. Теорию А. Белича Н. С. Поспелов сопоставляет с теорией скрив, выдвинутой А. Г. Шанидзе, рассматривающим время и наклонение как функции более общей категории, которую он назвал скривой, или рядом (Там же: 23).

Третьи в критике теории А. Белича предлагали свои решения. Указывая на то, что теория синтаксического индикатива и релятива сохраняет в силе те принципы, которые лежат в основе традиционного учения об абсолютных и относительных временах[31], А. В. Бондарко находит в теории А. Белича несколько уязвимых мест (Бондарко 1961: 193—194). Во-первых, он считает спорным то положение А. Белича, согласно которому время во всех типах придаточных предложений всегда является релятивным. Во-вторых, нерешенным вопросом является, по его мнению, то, к какой категории следует отнести употребление глагольных форм в аб-

---

[30] М. Стеванович считает, что Н. С. Поспелов смешивает модус и индикатив и удивляется, что он говорит о модальном индикативе (Stevanović 1957/1958: 26).

[31] Для этой концепции характерно выделение в рамках относительного употребления времен отношений одновременности, предшествования и следования.

страктном («вневременном») и повторительном значении. В-третьих, недостаточно разработаны критерии для точной характеристики употребления претеритальных времен, что создает основу для субъективных толкований. В-четвертых, материал, который охватывает релятив, является в основном недифференцированным. В-пятых, определение релятивного употребления времен нуждается в уточнении, касающемся момента речи. «Нам представляется, что возможность ориентации времени действия при релятивном употреблении непосредственно на момент речи (при обязательной ориентации на какой-то момент вне времени речи) не может быть исключена» (Там же: 202). А. В. Бондарко предлагает в релятивном употреблении выделить две группы случаев: «Первая группа характеризуется тем, что время данного действия определяется исключительно с точки зрения какого-то момента, находящегося вне времени речи. Следовательно, время действия в этих случаях имеет лишь одну точку отсчета, которая не есть момент речи. Вторая группа характеризуется тем, что время данного действия определяется с точки зрения определенного момента, находящегося вне времени речи и вместе с тем с точки зрения момента речи. Следовательно, в этих случаях время действия имеет две точки отсчета, из которых одна находится вне времени речи, а другая есть не что иное, как момент речи» (Там же). А. В. Бондарко приводит для релятивного употребления времен с одной точкой отсчета следующий пример:

> Мальчик слушал его речь, смотрел на него и чувствовал, что отец как будто все ближе *продвигается* к нему.

Пример для употребления времен с двумя точками отсчета:

> Я видел, как *качались* от ветра стены домов, как *летели*, подобно осенним листьям, кровли и *падали* каменные ограды.

Здесь, поясняет он, глаголы в придаточном дополнительном предложении (*качались*, *летели*, *падали*), выражая одновременность по отношению к действию главного предложения, имеют вместе с тем прямое отношение к моменту речи.

А. В. Бондарко указывает на то, что современный русский язык, в отличие от таких славянских языков, как болгарский и македонский, а также от ряда неславянских языков, не обладает (в рамках изъявительного наклонения) специальными формами относительных времен. «Одна и та же временная форма глагола может выступать как в абсолютном, так и в относительном употреблении. Ср.:

> *Мы будем ждать* и *Я обещал, что мы будем ждать.*

Важно учитывать, чем, какими средствами выражено относительное значение. С этой точки зрения следует различать основную относительную ориентацию как проявляющееся в контексте значение форм глагольного времени и дополнительную — как проявление темпоральности. Иначе говоря, необходимо четко разгра-

ничивать относительное употребление времен и абсолютное употребление с дополнительной относительной ориентацией [32].

Он продолжает: «При относительном употреблении времен относительное значение выражается самой формой времени. Ее грамматическое значение проявляется в речи как значение относительное, определяемое с точки зрения времени другого действия (вообще какого-либо момента, помимо момента речи). Таково употребление глагольных форм в придаточных предложениях с изъяснительными союзами:

> "[Хомутов] ... Митя думает, что я до вечера ушел в степь" (А. Н. Толстой, Кукушкины слезы); "... Мне казалось, что мы будем говорить с вами без умолку, до утра" (Чехов, Ионыч). Ср. также "будущее в прошедшем": "Волны хлестали в борт лодки — вот-вот опрокинут" (Шишков, Угрюм-река); "Мы улеглись. Теперь в балагане было тепло, да солнце скоро встанет и обогреет, но это не помешало Шапкину наглухо запереть дверь..." (Мамин-Сибиряк, Гроза); "Сбочь дороги, постромки обрывая, бьются лошади Пахомыча, сани опрокинутые, с дышлом поломанным, лежат покорно и беспомощно, а он тройку глазами немигающими провожает. Будет провожать до тех пор, пока не скроется в балке задок саней, выгнутых шеей лебединой" (Шолохов, Коловерть)» (Бондарко 1965: 48).

А. В. Бондарко считает, что относительное употребление форм времени в русском языке есть факт синтаксиса. «Глагольная форма выражает относительное вре-

---

[32] «Абсолютное употребление времен с дополнительной относительной ориентацией отличается тем, что грамматическое временное значение формы выступает как значение абсолютное, определяемое с точки зрения момента речи. Отношение же ко времени другого глагола (проявление темпоральности) устанавливается средствами глагольного вида (соотношением видовых значений глагольных форм) в определенных типах предложений, при помощи обстоятельственных слов, союзов, частиц. При этом важную роль играет внеязыковая ситуация, в частности, реальное соотношение действий. Например: "В то время как он подходил к этой комнате, присяжные уже выходили из нее, чтобы идти в залу заседаний" (Л. Толстой, Воскресение). Формы *подходил* и *выходили* выражают грамматическое значение прошедшего времени. Этому абсолютному временному значению в данном контексте сопутствует относительное. Сочетание форм несовершенного вида в разных частях сложноподчиненного предложения с придаточным времени передает отношение одновременности двух действий. В выражении одновременности участвует также союз *в то время как*, соотнесенный с частицей *уже* в главном предложении. "Там, где теперь вперегонки рвались кверху зелеными конусами молодые деревца, тогда кудрявились кусты по колено человеку..." (Федин, Костер). Предшествование одного действия другому выражено противопоставлением обстоятельственных слов *теперь — тогда* в сложноподчиненном предложении с придаточным места» (Бондарко 1965: 48).

менное значение только в определенных типах предложений (в частности, в сложноподчиненном предложении с придаточными изъяснительными), или в определенных типах повествовательного контекста (будущее с точки зрения прошлого). Относительное временное значение данной формы определяется только в том или ином ее сочетании с другой глагольной формой или иными элементами контекста. Тем самым различие между абсолютным и относительным значением времен в русском языке проявляется лишь на уровне синтаксиса» (Там же: 52).

Один из тех, кто стремился по-своему разобраться в данном вопросе, был немецкий славист Б. Бёк, который видел разницу между индикативом и релятивом в следующем: если действие с инвариантным значением относится к настоящему времени говорящего, речь идет об абсолютном употреблении; если же действие с инвариантным значением не относится ко времени говорящего, речь идет о релятивном употреблении (Boeck 1968).

Четвертые выдвигали претензии больше А. Беличу, чем его теории. Здесь в первую очередь мы имеем в виду Ксению Милошевич. Она считала, что его теория является нечетко формулированной и что концепция неоднократно модифицировалась (Milošević 1978: 111). К. Милошевич это поясняет: «Интерес А. Белича к проблематике ВГФ (= временных глагольных форм. — *Б. Т.*) был и остался преимущественно теоретическим. [...] Белич, в частности, теоретически усовершенствовал точку зрения А. Мусича о повествовании и разговоре как критериях для определения характера (типа) использования ВГФ [...], и соответственно, использовал и другие термины: индикатив — «релятив», восприняв таким образом терминологическую, и не только терминологическую, идею, принадлежащую Т. Маретичу и Л. Стояновичу. [...] Белич в своем учении об индикативе и релятиве теоретически объединил результаты Стояновича и Мусича, осознал максимум того, что можно было осознать из его теоретической перспективы и в тогдашнем состоянии сербокроатистики и лингвистической науки вообще. [...] Однако самим тем, что этот выдающийся ученый не занимался более широкими и систематическими исследованиями фактического состояния в сербохорватском языке в области функционирования ВГФ, он лишился одной важной, а именно ключевой предпосылки для дальнейшего совершенствования — критической проверки и оптимальной разработки или, может быть, переработки концепции индикатива и релятива» (Там же: 96). Ксения Милошевич считает, что в последнем варианте теории А. Белича было нарушено единство принципов разграничения.

Пятые, по разным причинам, обходили в своих исследованиях теорию А. Белича (Йован Вукович, Александр Стоичевич, Петр Сладоевич, Милка и Павле Ивич). К этой группе относится большинство хорватских грамматистов.

Непрямой реакцией можно считать выделение некоторых других категорий в постбеличевском периоде. Здесь мы имеем в виду, прежде всего, категорию законченности Радована Катичича, о которой уже была речь, и категорию «моментов времени» (D- и T-момента) Милки Ивич (Ivić 1958a). Она объясняет функциони-

рование временной системы сербохорватского языка, используя четыре основных момента: D-момент (момент динамики, реализации действия, который существует в каждой личной глагольной форме), T-момент (момент речи), V-момент (момент связи с некоторым другим действием) и A-момент (действие как процесс). Эти моменты являются дифференциальными критериями для разграничения значения временных форм. Всю систему временных форм М. Ивич представляет в форме формулы, содержащей в себе плюс или минус (D+, D–; T+, T–, V+, V–, A+, A–).

Наконец, взгляды А. Белича надо рассматривать в контексте тех инноваций в мировой темпусологии, которые непосредственно связаны с его теорией. В этом плане обращают на себя внимание понятия, в которых раскрывается суть релятива А. Белича. Здесь, прежде всего, имеется в виду понятие таксиса, т. е. временное отношение между действиями в форме предшествования, одновременности и следования, точнее, характеристика сообщаемого факта по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения (Якобсон 1972: 101), выражение одновременности/разновременности (Бондарко 1995: 110)[33]. Второе важное понятие современной темпусологии — это дейксис (грамматическое время является дейктической категорией, так как оно указывает на отношение содержания высказывания к моменту речи; см. [Падучева 1989: 165]). Третье — шифтер, который ввел Р. Якобсон и который обозначает связь сообщения с актом речи, в частности, с говорящим и слушающим (кроме времени сюда относится категория лица), см. (Якобсон 1972)[34]. Р. Якобсон указывает на то, что время характеризует сообщаемый факт по отношению к факту сообщения. «Так, прошедшее время показывает, что сообщаемый факт предшествует факту сообщения» (Там же: 100). Четвертое — темпоральность, основные аспекты которой представлены в трудах А. В. Бондарко, его учеников и последователей. Пятое — релятив А. Белича как разновидность сообщения о сообщении в сложноподчиненном предложении с придаточном изъяснительным, напр.:

Я знал, *что ты вернешься*.

Об этом пишет Э. Кржижкова: «Время главного предложения определяется отношением к моменту речи с точки зрения говорящего, время второй части — отношением к моменту речи с точки зрения участника первого раскрываемого события» (Кржижкова 1962: 21)[35]. Значит, сообщение в сообщении является фор-

---

[33] Мирослав Кравар писал о согласовании времен как совокупности дейктическо-таксических комбинаций употребления времен в сложноподчиненных предложениях определенных типов (Kravar 1985: 250).

[34] Понятие «шифтер» ввел О. Есперсен. Бернард Рассел называл шифтеры эгоцентрическими спецификаторами, которые могут быть определены как такие знаки, которые никогда не относятся сразу более чем к одному предмету; по (Якобсон 1972: 98).

[35] Она считает, что точка зрения говорящего не имеет никакого значения для определения времени в придаточном предложении.

мой относительного употребления временных форм, т. е. является одной из форм релятива. Такие формы выражают не экзистенциальную, а окказиональную временную характеристику (Поташкина 1977: 99). Шестое — категория перформатива (высказывания, эквивалентного действию, самому речевому акту), введенная Дж. Осином, также раскрывает суть одной части индикатива А. Белича.

Если А. Белич различал только две временные оси ориентации (ось «момент действия : момент речи», ось «**x**-момент действия : **y**-момент действия»), то другие исследователи выделяли две оси или больше осей. Напр., Э. Кошмидер рассматривал ось времени как двустороннее направление из прошлого в будущее и из будущего в прошлое (Koschmieder 1971). В концептуальном представлении времени У. Е. Булл различает несколько осей ориентации: ось ориентации настоящего, ось прошедшего, ось будущего и ось будущего в настоящем (Тураева 1979: 31). На каждой из них может реализоваться любое из трех возможных отношений: одновременность, предшествование, следование.

С другой стороны, концепция А. Белича никак не укладывается в некоторые теории, например, в теорию невременности глагола, выдвинутую в XIX веке Н. П. Некрасовым и К. С. Аксаковым, согласно которой у глагольных форм нет категории времени[36], а также в концепцию Д. А. Штелинга, который считал, что

---

[36] «При первом взгляде мы замечаем, что русский глагол управляется с категориею времени совершенно самостоятельно и вовсе не похож на глаголы других языков. — Если мы вздумаем искать времен, известных нам из иностранных грамматик, — мы останемся неудовлетворенными. В самом деле, прежде всего, поражает нас то, что прошедшего времени в нашем языке нет вовсе. Русский язык не считает действия прошедшего за действие. Вместо формы глагола в прошедшем времени встречается у нас отглагольное прилагательное или причастие прошедшее, переходящее, как это известно, в чистое прилагательное: *был — былой*, *служил — служилый*. […] Остается настоящее и будущее, но и здесь мы беспрестанно затруднены употреблением времен. — Будущее принимает такой вид, что будущим назвать его нельзя. […] Следовательно, в русском глаголе нет формы будущего времени. Какое же время есть в русском глаголе? Одно настоящее? Но настоящее одно, без понятия прошедшего и будущего, не есть уже время: это бесконечность. Бесконечности опять не могут выражать русские глаголы, выражая действия, непременно являющиеся под конечными условиями мира. Следовательно и т. н. настоящее русского глагола, независимо от времени, высказывает не время, а нечто другое. Итак, мы должны прийти к заключению, что ни одна глагольная форма в нашем языке времени не означает. Очевидно, что самая категория времени теряется» (Аксаков 1855: 9—11). См. также (Некрасов 1865: 117—139). Нечто подобное утверждали имажинисты: «Разве не замечательно, что футуризм все время базировался на прошлом. Хлебников — это пережиток древнеславянских народных творчеств. Бурлюк вытек из персидского ковра. Крученых — из канцелярских бумаг. Имажинисты знают только одно: нет прошлого, настоящего, будущего, есть только созидаемое» (Шершеневич. Листы имажиниста 1929).

вообще надо отказаться от категории времени, так как временные отношения неразрывно связаны с модальными значениями (Штелинг 1959).

В европейской темпусологии XX столетия в основном говорится о двух временных категориях: абсолютном и относительном употреблении времени [37]. Но есть и критические взгляды на выделение этих категорий. Один из критиков деления глагольного времени на абсолютное и относительное, был А. И. Горшков (Горшков 1959: 266). Он считал, что глагольное время вообще не выражает отношения действия к моменту речи, и поэтому деление глагольного времени на абсолютное и относительное утрачивает свой смысл, тем более, что современный русский язык явно не имеет никаких особых грамматических форм для выражения абсолютного времени, с одной стороны, и относительного — с другой (Там же: 266—267). По его мнению, глагольное время не выражает отношения момента действия к моменту речи.

Инновации А. Белича (синтаксический индикатив и релятив) были восприняты многими лингвистами как понятия, про помощи которых можно выяснить суть глагольного времени. Остальные категории А. Белича (квалификативные и другие формы употребления времени, гномическое употребление времени и Oratio obliqua) не нашли поддержки не только у зарубежных, но и у югославских лингвистов. Но вклад теории А. Белича в европейскую темпусологию XX века мы видим не в количестве сторонников, а в силе влияния: А. Белич настолько оказал воздействие на развитие югославской и славистической темпусологии, что развил особое русло — «беличевское». Он возмутил «балканское лингвистическое спокойствие» и предложил свои решения, которые оказались не идеальными (как это считал М. Стеванович), но также и не банальными. Появление теории А. Белича в 1927 году — важнейшее событие в югославской лингвистике XX века. После почти одного столетия жизни теории синтаксического индикатива и релятива совершенно ясно: эта теория сыграла свою очень важную и конструктивную роль. Ее вклад в югославское языкознание и славистику вообще мы видим даже и в том, что некоторые лингвисты его теорию не воспринимали, точнее, ее не развивали, а пошли по своему пути [38]. Это «отталкивание» от А. Белича оказалось в определенных случаях довольно оригинальным и плодотворным [39].

---

[37] Об этом писали (Гак 1983: 140—141, Панфилов 1982, Шмелёв 1960, Дешериева 1975, Nolte 1986, Поташкина 1977 и др.).

[38] В изменении направления исследования А. В. Бондарко в сторону изучения темпоральности (в 70-е годы) мы тоже видим своеобразное отталкивание этого лингвиста от А. Белича.

[39] Более подробно см. (Тошович 1998).

Художественное время

0. Время можно выразить двумя способами: 1) объективно, т. е. таким, каким оно является на самом деле; 2) субъективно, т. е. таким, каким оно индивидуально воспринимается. В первом случае время является реальным, во втором — художественным. Они, как видно, не совпадают. «Если бы они полностью совпали, это означало бы, что художнику нечего сказать о мире и остается лишь повторять его; напротив, исчезни тождественное основание между художественными и реальными параметрами, оказалось бы, что речь идет о несуществующем и не могущем существовать ни во времени, ни в пространстве» (Гей 1975: 253). Время в художественном произведении — это не только и не столько календарные отсчеты, сколько соотнесенность событий: «В литературе есть свой „принцип относительности“. События в сюжете предшествуют друг другу и следуют друг за другом, выстраиваются в сложный ряд, и, благодаря этому, читатель способен замечать время в художественном произведении, даже если о времени в нем ничего специально не говорится. Где нет событий, нет и времени: в описаниях статических явлений, например, в пейзаже или в портрете и характеристике действующего лица, в философских размышлениях автора (от последних следует отличать философские размышления действующих лиц, их внутренние монологи, которые протекают во времени)» (Лихачёв 1967 — www). Каждое событие имеет свою временную последовательность (начало, продолжительность, конец), которая в действительности никогда не может нарушаться, так как одним из основных положений временной логики является постулат линейности времени (Караваев 1983: 90—94). В художественных произведениях, однако, эта линейность нарушается, и то, что является концом, может появиться в начале, и, таким образом, настоящее может предшествовать прошлому. Писатель может представить прошлое как современное (как сейчас происходящее) и наоборот. Он может огромный временной период в несколько столетий до предела сузить (вспомним «Дело Артамоновых» А. М. Горького, «Русь изначальную» В. Д. Иванова, «Войну и мир» Л. Н. Толстого и др.). «Два дня из жизни Николеньки Иртенева как бы “вбирают” в себя все его детство, собирают в фокусе лучи, идущие отовсюду. Или — скупая манера чеховской новеллы, где в двух-трех строках схвачены годы существования Ионыча» (Гей 1975: 255). В. Я. Пропп заметил, что в эпосе дело обрисовывается так, будто татары появились всего один раз и сразу же были изгнаны из пределов Руси. «Один былинный день равен по значению целой эпохе. […] время между изображаемыми событиями, в героическом эпосе, как правило, растягивается, тогда как непосредственно событийное время сжимается» (Медриш 1974: 122—123). Повествование может охватывать очень небольшой временной отрезок. М. Лалич, скажем, в «Hajka» («Погоня») описывает события, происходившие в течение каких-то 12 часов, а действие романа «Горячий снег» Ю. В. Бондарева длится всего два дня, «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского — девять дней, «Идиота» — тринадцать дней, а «Рудина» И. С. Тургенева — три месяца. «Автор может изо-

бразить короткий или длинный промежуток времени, может заставить время протекать медленно или быстро, может изобразить его протекающим непрерывно или прерывисто, последовательно или непоследовательно (с возвращениями назад, с «забеганиями» вперед и т. п.)». Иногда используется цифровое обозначение времени: «[…] у Рабле засуха продолжается «тридцать шесть месяцев, три недели, четыре дня и тридцать с лишним часов (пожалуй, даже несколько больше)». (Для сравнения заметим, что в мифологии, например, китайской, засуха длится ровно семь лет)» (Медриш 1974: 129). Время можно изобразить в тесной связи с историческим временем или в отрыве от него — замкнутым в себе; можно изображать прошлое, настоящее и будущее в различных сочетаниях. «Художественное время, в отличие от времени объективно данного, использует многообразие субъективного восприятия времени. Ощущение времени у человека, как известно, крайне субъективно. Оно может “тянуться” и может “бежать”. Мгновение может “остановиться”, а длительный период “промелькнуть”. Художественное произведение делает это субъективное восприятие времени одной из форм изображения действительности. Однако одновременно используется и объективное время: то соблюдая правило единства времени действия и читателя-зрителя во французской классицистической драматургии, то отказываясь от этого единства, подчеркивая различия, ведя повествование по преимуществу в субъективном аспекте времени» (Лихачёв 1967 — www). Когда временной объем растягивается в прошлом, писатель пользуется методом ретроспективы: герои из настоящего возвращаются в прошлое и уходят в будущее. Н. К. Гей утверждает, что живопись не в состоянии «изобразить» время, а литература его «описать», так как время, чтобы быть воссозданным в произведении, ищет свое выражение в образе. «Недоступное непосредственному восприятию, оно присутствует в произведении не только как “исполнительское” время, необходимое на обозрение картины или прочтение литературного произведения, но и как время изображаемого» (Гей 1975: 260).

1. Временем в литературе называется временной ряд в различных аспектах воплощения, функционирования и восприятия его в произведениях художественной литературы как явлении искусства (Рыжухина. Время в литературе — www). Такое время иногда называется поэтическим (Гей 1975: 252—268). Художественное время некоторые считают техническим литературным приемом, имея в виду его сюжетную функцию, т. е. функцию ускорителя или замедлителя хода повествования и гораздо реже функцию прямого и преднамеренного воздействия на читательское восприятие (Молчанов 1974: 200—201).

Художественное время имеет два аспекта: 1) время как проблема и 2) время как само время. В том, что художественное время является настоящим предметом литературных исследований, Д. С. Лихачёв не сомневается: «Наиболее существенны для изучения литературы исследования художественного времени: времени, как оно воспроизводится в литературных произведениях, времени как художественного фактора литературы. Художественное время — это не взгляд на проблему

времени, а само время, как оно воспроизводится и изображается в художественном произведении. Именно исследования этого художественного времени в произведениях, а не исследования концепций времени, высказываемых теми или иными авторами, имеют наибольшее значение для понимания эстетической природы словесного искусства [...]» (Лихачёв 1967 — www).

2. В литературных текстах происходит своеобразная игра временных планов, прямых и переносных значений, повторяемых и пропускаемых форм. Сравнивая употребление времен в ЛФС и НФС, М. Н. Кожина приходит к выводу: «В целом можно говорить о своеобразном тяготении функциональных значений временных форм глагола в контексте научной речи к оттенку качественности, «признаковости», а в художественной — к действенности, динамичности, собственно глагольности. Это и придает научной речи (наряду с другими средствами) характер отвлеченности, а художественной — конкретности» (Кожина 1972: 230—231). Л. А. Серебрякова отмечает такие существенные различия между прозаическими и поэтическими видами речи: **(а)** в речи художественной прозы важным является основной временной фон изложения, создаваемый формами прошедшего несовершенного и совершенного видов (86, 9%), частотность форм настоящего времени относится к частотности форм прошедшего как 1 : 34; **(б)** в поэтических текстах происходит смешение разных временных планов, понятие временной доминанты лишено конкретности, разрыв между численностью настоящего и прошедшего времени значительно сглажен — 1 : 1,7 (Серебрякова 1974б: 11). «Прошедшее время НС вида, — продолжает она, — наиболее часто встречается в художественной прозе, наименее — в структурах научного и публицистического стилей. Формы прошедшего времени СВ вида широко используются только в текстах художественной прозы (43,6%), в других типах речи их активность значительно снижена и особенно мала в научных работах (15,6%). Наивысшая концентрация форм будущего СВ вида отличает структуру поэтической речи» (Там же: 12)[1]. Констатируя, что для русской прозы XIX и XX веков характерна высокая частотность употребления форм прошедшего времени от глаголов обоих видов, В. В. Евстафьева подчеркивает: «Поэзию XX века характеризуют временные формы: настоящее, прошедшее и будущее время, а поэзию XIX века — настоящее и прошедшее время и повелительное наклонение» (Евстафьева 1970: 87). Как специфическую особенность А. М. Ломов отмечает способность временных форм отражать действительность в двух ракурсах — статическом и динамическом (Ломов 1977а: 86). «К статическому способу отражения действительности обычно прибегают в диалоге, когда собеседникам важно лишь зафиксировать расположение во времени самых разных, порой даже непосредственно не связанных действий, которые происходили в разное время и в разных местах. Собеседники в этом случае могут употреблять любую вре-

[1] О видовых нюансах временных форм в функционально-стилистической плоскости см. также (Серебрякова 1974а).

менную форму, выбор которой диктуется единственно тем, когда относительно момента речи осуществлялось упоминаемое действие» (Там же: 86). Динамический способ отражения действительности, — продолжает А. М. Ломов, — используется обычно в монологическом рассказе с детализированной — в той или иной степени — структурой, когда задача говорящего заключается в том, чтобы показать, как и в какой последовательности развивались связанные друг с другом действия, образующие в совокупности какое-то целое событие (Там же: 87). Автор полагает, что абсолютное употребление времени по своему характеру нейтрально, иначе говоря, оно не предполагает никакого стилистического эффекта (Там же: 87). Н. П. Шумарова утверждает, что в описаниях природы будущее время практически не встречается и что значения настоящего времени различаются в диалогах и описаниях природы в том, что отправной точкой в диалоге является момент речи, а в описаниях природы — временной план произведения (Шумарова 1980: 75—76). Н. В. Сурова делает вывод, что временные формы глагола в том узком значении, какое традиционная грамматика в них усматривает, встречаются в повестях А. П. Чехова довольно редко — только в случаях резко очерченного противопоставления времени одного действия времени другому; гораздо более распространенным является употребление временных глагольных форм в их непрямом значении (Сурова 1951: 124). На примере произведения К. Г. Паустовского «Повесть о жизни» Н. В. Суханова показывает, как смена временных планов и чередование видовременных глагольных форм с различными оттенками значений создают разнообразные ритмы и окраску повествования (основным временным планом является прошедшее время), см. (Суханова 1970). Работы «Введение в грамматическую стилистику современного испанского языка» (Фирсова 1981), «Стилистика временных форм испанского глагола» (Фирсова 1979) и особенно «Стилистика испанского глагола» (Фирсова 1976), в которых детально проанализирована система временных форм испанского глагола, свидетельствуют о том, что художественное время проявляет универсальные особенности, особенности, характерные для всех языков[2].

Формировались различные подходы к проблеме художественного времени, особенно в поэзии (Р. О. Якобсона, Г. Марселя Пруста, Джеймса Джойса, Виржинии Вулф, Ф. Скотта Фицджеральда, Томаса Манна и Томаса Волфа). Анализируя время в литературе и науке, Г. Мейергофф устанавливает постепенное нарастание интереса к проблеме времени в современной литературе и строит предположения о значении проблемы времени в литературе, в науке, в философии (Лихачёв 1967 — www). В литературе упоминаются самые различные типы художественного времени. Одни выделяют конкретное художественное время, обобщенное художественное время, художественное время-абстракцию и поэтическую трансформацию ху-

[2] О различных аспектах времени в художественных произведениях см. (Слащёва 1967, Шмелёв 1960, Нелисов 1977, Поташкина 1977, Ардентов 1975, Петров 1974, Кузьмина 1974, Кузьмина 1972).

дожественного времени (Квасова 1993)[3]. Другие рассматривают художественное время как категорию, состоящую из двух планов — авторского времени и времени героя. Авторское время — точка отсчета времени повествования о событии, когда это событие удалено хронологически от времени повествования, а время героя — точка отсчета времени от лица героя (Егоров 1974: 161)[4]. Об авторском времени Д. С. Лихачёв пишет: «Если в произведении заметную роль играет автор, если автор создает образ вымышленного автора, образ рассказчика, повествователя, как своего рода «ретранслятора» художественного замысла, то к изображению времени сюжета прибавляется изображение времени автора, изображение времени исполнителя — в самых различных комбинациях» (Лихачёв 1967 — www). Время автора, продолжает Д. С. Лихачёв, меняется в зависимости от того, участвует автор в действии или не участвует. «Авторское время может быть неподвижным, как бы сосредоточенным в одной точке, из которой он ведет свой рассказ, но может и двигаться самостоятельно, имея в произведении свою сюжетную линию. Время автора может то обгонять повествование, то отставать от повествования[5] [...] Следовательно, автор может изобразить себя современником событий, может следовать за событиями «по пятам», события могут перегонять его (как в дневнике, в романе в письмах и т. п.). Автор может изобразить себя участником событий, не знающим в начале повествования, чем они кончатся. Но автор может отделить себя от изображаемого времени действия его произведения большим промежутком времени, он может писать о них как бы по воспоминаниям — своим или чужим, по документам; события могут развертываться от него вдалеке; он может изобразить себя знающим их от начала и до конца и в самом начале своего повествования на-

---

[3] В этом толковании конкретное художественное время является эстетическим воспроизведением автором физического времени, соотнесенного с лирическим героем, событием в жизни обществ или природы, а обобщенное художественное время — продукт творчества автора, эстетически воплощающий представление о времени, субъектом которого может быть любое лицо. Художественное время-абстракция — продукт творчества автора, эстетически отражающий представление о существовании «чистого времени, лишенного субъекта бытия. Поэтическая трансформация художественного времени — продукт творчества автора, эстетически воплощающий фантастический образ, который замещает представление о времени.

[4] Некоторые говорят о личном времени героя (Познякова 1980: 86).

[5] Д. С. Лихачёв иллюстрирует это следующим примером: «Гоголь в “Старосветских помещиках” пишет: “Я недавно услышал об его (Афанасия Ивановича. — Д. Л.) смерти…” Следовательно, Гоголь изображает свое “авторское” время как бы обгоняемым временем, о котором он повествует: когда он начинает повествование, он еще не знает о том, умрет ли Афанасий Иванович. В рассказе Гоголя “Как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем” время, о котором он пишет, также продолжается, пока пишет автор, и отчасти обгоняет его работу: автор в середине работы над рассказом едет на место своей истории и тут узнает об ее продолжении».

мекать или прямо указывать на их будущее завершение» (Лихачёв 1967 — www). Третьи выделяют историческое время (Познякова 1980: 86, Яковлева 1991: 141), противопоставляемое внеисторическому бытию (Егоров 1974: 161), четвертые — метрическое время, стиховое время, субъективное время, артикуляционное время, время-созидатель и время-разрушитель (Николюкина 1987), пятые — авантюрное время, народно-мифологическое время (Бахтин. Формы времени — www), трагедийное время, пасторальное время (Николюкина 1987) и т. п.

В анализе художественного времени Д. С. Лихачёв выделяет еще одно, особое время — читательское: «В некоторых случаях к этим двум “накладывающимся” друг на друга изображаемым длительностям может быть прибавлено также изображенное время читателя или слушателя. Дело в том, что автор всегда в известной мере рассчитывает, сколько времени отнимает у читателя или слушателя его произведение. Это истинный “размер” произведения. Изредка, однако, эта длительность не только фактична (“естественна”), но и изображена. В этих случаях она всегда связана с образом читателя так же, как изображаемое авторское время связано с образом автора. Это изображенное читательское время также может быть длительным и коротким, последовательным и непоследовательным, быстрым и медленным, прерывистым и непрерывным. Оно по большей части изображается как будущее, но может быть настоящим и даже прошедшим» (Лихачёв 1967 — www).

Б. В. Томашевский различает фабульное время и время повествования. «Фабульное время — это время, в которое предполагается совершение излагаемых событий, время повествования — это то, которое занимает прочтение произведения (соответственно, — длительность спектакля). Это последнее время покрывается понятием «о б ъ е м произведения». Фабульное время дается: 1) датировкой момента действия, абсолютной (когда просто указывается хронологический момент происходящего, например: “в два часа дня 8 января 18** года” или “зимою”) или относительной (указанием на одновременность событий или их временное отношение: “через два года” и т. д.); 2) указанием на временные промежутки, занимаемые событиями (“разговор продолжался полчаса”, “путешествие длилось три месяца” или косвенно “прибыли в место назначения на пятый день”); 3) созданием впечатления этой длительности: когда по объему речей или по нормальной длительности действий, или косвенно — мы определяем, сколько времени могло отнять излагаемое. Следует отметить, что третьей формой писатель пользуется весьма свободно, втискивая длиннейшие речи в краткие сроки и, наоборот, растягивая краткие речи и быстрые действия на длительные промежутки времени. При этом повествовательные формы обычно состоят из кусков н е п р е р ы в н о г о действия (обычно при наличии ведущего повествование персонажа), разделяемого временными интервалами и дополняемого суммарным сообщением (без ведущего персонажа) о событиях, попадающих в эти интервалы или выходящих за пределы непрерывного повествования (произошедших до начала рассказа или после его конца)» (Томашевский. Фабула и сюжет — www). Г. В. Рыжухина также различает

фабульное время (время действия) и сюжетное время, но дает другое толкование: «Фабульное время, время действия — историческое, биографическое, природное, социально-бытовое, событийное (приключенческое) выступает как условие совершения многообразных действий (поступки, реакции, душевные движения, жесты и мимика), см. (Рыжухина. Время в литературе — www)[6]. Выполняя функцию ускорителя / замедлителя хода повествования, сюжетное время отличается скоростью и последовательностью. «Поэтическое время быстрее реального в повествовании, синхронно с ним в диалоге, замедленно по сравнению с ним в описании. Сюжетное время по-разному сориентировано относительно фабульного времени (закон хронологической несовместимости, временные сдвиги в повествовании)». Существуют и другие названия сюжетного времени: время события, событийное время, «время как длительность» (Медриш 1974: 122). Г. В. Рыжухина выделяет несколько типов художественного времени: **(1)** время испытания, становления героя (авантюрное время греческого романа, авантюрно-бытовое время позднего римского романа) и подробнее останавливается на авантюрном времени — «невременном зиянии между двумя моментами биографического времени[7], **(2)** чудес-

---

[6] Она более подробно останавливается на фабульном времени, повторяя мысли Б. В. Томашевского, но не ссылаясь на него: «Фабульное время дается датировкой момента действия, абсолютной (когда просто указывается хронологический момент происходящего, например — “в два часа дня 8 января 18** года” или “зимою”) или относительной (указанием на одновременность событий, на их временное отношение: “через два года”), указанием на временные промежутки, занимаемые событиями (“разговор продолжался полчаса”, “путешествие длилось три месяца” или косвенно “прибыли в место назначения на пятый день”); созданием впечатления этой длительности: когда по объему речей, или по нормальной длительности действий, или косвенно (косвенные признаки — состояние человека в связи с субъективным чувством времени: в ситуации ожидания человек начнет нервно расхаживать, обрывать лепестки цветов, немузыкально забубнит повторяющийся мотивчик, создавая себе ощущение периодичности), по отношению времени к расстоянию (если есть необходимость отмерить промежуток времени при перемещении героя в пространстве (например, “не успели они сделать и полста шагов, как до них долетело эхо ужасного вопля…”) мы определяем, сколько времени могло отнять излагаемое. Этой формой писатель пользуется весьма свободно, втискивая длиннейшие речи в краткие сроки, и, наоборот, растягивая краткие речи (даже мысли, если использует прием психологического анализа (внутренние монологи героев Л. Толстого) и быстрые действия на длительные промежутки времени» (Рыжухина. Время в литературе 01 — www).

[7] «Это время, не оставляющее в жизни героев и их характерах никакого следа, лишенное исторической локализации, измеряемое в категориях “вдруг” и “как раз”, время вмешательства иррациональных сил в человеческую жизнь. Герой вступает в авантюрное время как человек, с которым что-то случается […] Авантюрный хронотоп — техническая, абстрактная связь пространства и времени. А.-б. время оставляет глубокий

ное время рыцарского романа — «мир для рыцаря существует только под знаком чудесного “вдруг”, это нормальное состояние мира, в отличие от греческого романа, где случайное событие — признак нарушенной закономерности временной цепи бытия»[8], **(3)** средневековое эсхатологическое время, которому соответствует пространственная вертикаль, вертикальный хронотоп[9], **(4)** созидающее, производительное, продуктивное время Возрождения (вселенский хронотоп, созданный Рабле) — «разрушение исторической концепции Средневековья, в которой реальное время было обесценено и растворено во вневременных категориях», **(5)** время «кругозора» героя, время незнания (классический роман) — настоящее принципиально не завершено, требует продолжения в будущем[10], **(6)** время памяти, «по-

---

след в самом человеке и во всей его жизни, но вместе с тем оно также определяется случаем. Например, Люций в романе Апулея “Золотой осел”, пройдя через три посвящения, приступает к своему жизненному пути ритора и жреца. Инициатива вины, заблуждения, ошибки принадлежит самому герою (любопытство толкнуло Люция на опасную затею с колдовством). Бытовое время вводится через хронотоп дороги. Люций внутренне не причастен бытовой жизни, для него она является опытом познания людей (“под прикрытием шкуры”). В “Сатириконе” Петрония появляются зачатки исторического времени в изображении примет эпохи (описание пира Тримальхиона и сам его образ)» (Рыжухина. Время в литературе — www).

[8] Г. В. Рыжухина считает, что этому времени присущ сказочный гиперболизм: то растягиваются часы, то сжимаются дни до мгновения, время можно заколдовать вплоть до исчезновения целых событий (так, в «Парцифале» исчезает событие в Монсальвате, когда герой не узнает короля).

[9] Сюда относятся средневековые видения — «Роман о розе» Гильома де Лорриса, «Видение о Петре-пахаре» Ленгленда, «Божественная комедия» Алигьери Данте). Г. В. Рыжухина утверждает, что временная логика вертикального мира А. Данте — одновременность всего. «Все, что на земле разделено временем, в вечности сходится в чистой одновременности сосуществования. Чтобы понять мир, надо сопоставить все в одном времени (вневременной план). В вертикальную иерархию втянуты историческая и политическая концепции (стремление выйти в историческую горизонталь — рассказы Франчески и Паоло, история графа Уголино и архиепископа Руджиери)».

[10] «В корне меняется временная модель мира: первого слова нет, а последнее еще не сказано. Время и мир впервые становятся историческими. Концепция среды способствует появлению в литературе хроникально-бытового времени, получающего особое оформление: сумма многократно воздействующих на человека обстоятельств выносится за рамки времени действия (экспозиция в “Отце Горио” Бальзака — описание пансиона госпожи Воке, “Сон Обломова” в романе Гончарова) или распределение по всему календарному плану произведения эпизодов, окутанных кодом повседневности (в романах Тургенева, в “мирных” главах эпопеи Л. Толстого). В романах Достоевского — специфическое переломное, кризисное время, измеряемое немногими днями и часами. Хроникальная постепенность обесценивается во имя решительного раскрытия героев в роковые их мгновения (этому времени соответствует пространство

тока сознания» — активная работа памяти повествователя, детализация механизма припоминания, при котором образы прошлого наплывают один на другой, взаимопроникают, своеобразно трансформируясь в сознании героя (Рыжухина. Время в литературе — www). Она приходит к следующему выводу: «Хотя абстрактное время остается единым, сюжетно оно раздваивается. Сюжеты исторические стали специфически отличными от сюжетов частной жизни (любовь, брак), перекрещивающимися лишь в некоторых точках (война, брак короля, преступление), от этих точек расходясь все же в разных направлениях (двойной сюжет — исторические события и жизнь исторического лица как частного человека)» (Там же).

И. Я. Чернухина различает три разновидности изображаемого художественного времени: превентивное — совпадающее с жизнью и творчеством автора; историческое — предшествующее жизни и творчеству автора; футуральное — относящееся к предполагаемому будущему (Чернухина 1984: 56). «В свою очередь, каждое из названных художественных времен может быть изображено как основной план изложения — развитие действия совпадает с моментом повествования; ретроспективный — развитие действия предшествует моменту изложения и как план проспективный — развитие действия последует после момента изложения. В конкретных текстах находим многочисленные варианты совмещения разновидностей изображаемого времени и временных планов» (Там же).

В немецкой литературе используются два термина — *Erzählzeit* и *erzählte Zeit*. Понятие *Erzählzeit* подразумевает реальное время совершения действия (при чтении или повествовании), а *erzählte Zeit* обозначает историческое время, время содержания, время, о котором сообщается в определенном тексте [11]. Если *Erzählzeit* соответствует *erzählte Zeit*, речь идет о das *zeitdeckende Erzählen* (совпадающем времени повествования), которое особенно часто появляется в сценических формах повествования [12]. Эти термины, созданные Гюнтером Мюллером (Günther Müller) в 1946 году и далее популяризируемые его учеником Эберхардом Леммертом (Eberhard Lämmert), получили широкое распространение в немецкоязычной среде и вообще за ее пределами.

“порога” (двери, лестницы, коридоры, переулки, где не разминуться)» (Рыжухина. Время в литературе — www).

[11] В сербском / хорватском языке используются для обозначения времени в драматических произведениях выражения *vrijeme izvedbe* (то, что в немецком языке *Erzählzeit*) и *izvedbeno vrijeme* (*erzählte Zeit*).

[12] «Модификация композиционно-речевых форм связана, прежде всего, с двумя факторами: 1) с соотнесением временных планов, что обусловлено различием между реальным временем (фабульным временем, т. е. временем протекания действия — erzählte Zeit) и временем изложения (повествовательное время — Erzählzeit), иными словами, возникает проблема сочетания двух временных планов: объективного и субъективного; 2) с пространственной точкой зрения, что создает возможность излагать события и факты с разной степенью подробности» (Брандес 1990: 80—82).

3. На вопрос, что такое художественное время по отношению к грамматическому времени и философскому пониманию времени, Д. С. Лихачёв отвечает: «Художественное время — явление самой художественной ткани литературного произведения, подчиняющее своим художественным задачам и грамматическое время, и философское его понимание писателем» (Лихачёв 1967 — www). Он считает, что проблема изображения времени в словесном произведении не является проблемой грамматики и приводит такую аргументацию: «Глаголы могут быть употреблены в настоящем времени, но читатель будет ясно осознавать, что речь идет о прошлом. Глаголы могут быть употреблены и в прошедшем времени, и в будущем, но изображаемое время окажется настоящим. Грамматическое время и время словесного произведения могут существенно расходиться. Время действия и время авторское и читательское создаются совокупностью многих факторов: среди них — грамматическим временем только отчасти» (Там же). Он констатирует, что при этом расхождение грамматики с художественным замыслом только внешнее: само по себе грамматическое время произведения входит часто в художественный замысел высшего ряда — в метахудожественную структуру произведения. «Грамматика выступает как кусок смальты в общей мозаичной картине словесного произведения. Реальный цвет каждого куска этой смальты может быть совсем не тем, каким он кажется в картине в целом. Метахудожественность этой грамматики видна только специалисту» [13]. Таким образом, изображаемое в словесном произведении время во всех его аспектах не может быть сведено к грамматике. «Кроме того, грамматика — не самый даже показательный фактор создания художественного времени. Функцию времени имеют все детали повествования. Течение времени, в частности, зависит от того, насколько тесно, “компактно” изо-

[13] В качестве примера Д. С. Лихачёв приводит «Записки охотника», в которых «Тургенев берет своего воображаемого читателя “за руку” и ведет с собой. Он описывает то, что происходит с ними в этой воображаемой прогулке. Весь смысл ее в том, что она происходит в “настоящее время” — в тот момент, когда читатель читает его рассказ. “Вот кладут ковер на телегу… Вот вы сели… Вы едете… Вам холодно немножко, вы закрываете лицо воротником шинели; вам дремлется… Но вот вы отъехали версты четыре…”[...] Здесь рассказ ведется в настоящем времени, хотя употреблены грамматические формы и настоящего, и прошедшего времени. Далее рассказ ведется и в прошедшем времени, и в настоящем, но все эти грамматические категории подчинены настоящему. “Но вот вы собрались в отъезжее поле, в степь. Верст десять пробирались вы по проселочным дорогам — вот, наконец, большая. Мимо бесконечных обозов, мимо постоялых двориков с шипящим самоваром под навесом, раскрытыми настежь воротами и колодезем, от одного села до другого, через необозримые поля, вдоль зеленых конопляников, долго, долго едете вы. Сороки перелетают с ракиты на ракиту; бабы, с длинными граблями в руках, бредут в поле; прохожий человек в поношенном нанковом кафтане, с котомкой за плечами, плетется усталым шагом… Глянешь с горы — какой вид!”».

бражаются события. Нет времени вне событий (событий — в самом широком понимании этого слова). Большое количество событий, совершившихся за короткое время, создает впечатление быстрого бега времени. Напротив, малое количество создает впечатление замедленности. Останавливают время описания (описания природы, в частности); поэтому у писателя, стремившегося замедлять изображаемое время, у Тургенева, эта его черта органически связана с его склонностью к описаниям природы, а романисты, стремящиеся создавать быстрое течение времени, воздерживаются от статических описаний вообще (Достоевский). Во всех своих проявлениях время фактическое и время изображенное, сюжетное и авторское, читательское и исполнительское (в дальнейшем мы встретимся с ним в фольклоре) оказываются явлениями стиля художественного произведения» (Там же).

4. На уровне литературных родов выделяются три основные разновидности художественного времени — лирическое, прозаическое и драматическое время. Первое появляется в субъективно-эмоциональных размышлениях (в лирике), второе — в повествованиях о событиях (в эпосе), а третье — в диалогическом изображении событий (в драме).

5. Лирическое художественное время называется еще внефабульным и подразумевает темпоральную организацию лирических произведений. Г. В. Рыжухина утверждает, что лирическое время — одно мгновение, предельно эмоционально насыщенное (*раскрытый рояль*, *дрожащие струны*, *раскрытые сердца* — метафорическое значение этих слов явно вытесняет номинативное: рояль имеет душу, сердце). «В лирическом пространстве-времени объект раскрывает такие свои стороны и свойства, которые в реальности для них не характерны, существуют как некоторые потенции. Время в лирике психологизируется: мгновение пронизывают временные “лучи” прошлого и будущего. В лирике обычно более развит временной аспект художественного мира (минимальная дистанция между автором и героем)»[14] (Рыжухина. Время в литературе — www). Подобного мнения придерживается и Д. Н. Медриш: «Если внутри эпического повествования происходят

---

[14] Она подчеркивает, что временная динамика может создаваться за счет грамматического времени глаголов и приводит в качестве примера стихотворение С. Есенина «Не жалею, не зову, не плачу…», в котором обнаруживается следующая временная картина: «“не жалею, не зову, не плачу” — форма наст. вр. — создает ситуацию стабильности, статичности, “пройдет” — буд., “охваченный” — прич. прош. вр., “не буду молодым, не так уж будешь биться, сердце”, “страна березового ситца не заманит” — отрицание того, чего уже никогда не будет, “расшевеливаешь” — наст., “утраченная” — прич. прош. вр., назывные предложения — иллюзия настоящего, “теперь” — фиксация временного момента, вокруг которого строится сюжет стихотворения, далее — по “временной нисходящей”: “стал, приснилось, проскакал” — прош., “льется” — наст., “будь благословенно” — грамматически вневременная форма повелительного накл.,

количественные превращения, если оно способно ускорить или замедлить ход времени, то в лирическом образе, этом идеальном ускорителе, минуты или годы, недели или века — все оказывается рядом, в одном мгновении. Для лирики прошлое и будущее — "одно и то же сплошное настоящее" (Е. Винокур). Лирическое время — это "время живое, уплотненное до взрыва" (Вл. Луговской). Не это ли имел в виду Б. Пастернак, утверждая, что поэт — "вечности заложник у времени в плену"? Не об этом ли и у В. Маяковского:

"Я счет не веду неделями.
Мы, хранимые в рамках времен,
мы любовь на дни не делим…"?

Не по этой ли причине для М. Светлова

"Небо полнится голосами тех,
кто жил и любил на Земле"?

"Время, уплотненное до взрыва" —

выражается в лирике самим движением ритмически и методически организованных строк. Отсюда — пусть спорные, но такие схватывающие какую-то сторону этого движения термины, как метрическое время, стиховое время, субъективное время, артикуляционное время» (Медриш 1974: 132—133).

Что касается членения лирического художественного времени, то разграничение художественного настоящего, будущего и прошлого представляет собой задачу сложную для лирики вообще, а для романтической лирики особенно, поскольку отмечается транспозиция одного временного плана в другой через призму создания лирического героя (Квасова 1993: 59)[15].

6. В истории русской поэзии XIX века несколько поэтов оставили сильный отпечаток на использовании художественного времени (в первую очередь, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. А. Некрасов и А. А. Григорьев). А. С. Пушкин впервые включил личное, частное время героя в историческое время, он «сопоставил миг настоящего с прошедшим временем и вывел настоящее из прошлого» (Егоров 1974: 161). М. Ю. Лермонтов, развивая реалистические принципы А. С. Пушкина, «тоже вписывал личное время героя в историю, но, сопоставляя настоящее с прошлым, не выводил первое из второго, а противопоставлял одно другому, подобно грибоедовскому противопоставлению "века нынешнего" "веку минувшему". […] В творчестве Лермонтова возник как бы исторический разрыв,

---

"пришло" — прош., "процвесть, умереть" — инфинитив, выход в вечность (усилено словом "всегда")» (Рыжухина. Время в литературе — www).

[15] Например, Л. В. Квасова констатирует, что у Ф. Тютчева и П. Шелли чаще всего встречается транспозиция прошлого и будущего в настоящее.

“провал” между прошлым и настоящим. Зато будущее Лермонтов выводил из настоящего как закономерность: вслед за плохим настоящим наступит еще более плохое будущее» (Егоров 1974: 162). «В целом же будущее у Лермонтова — закономерное следствие настоящего, поэтому частые прогнозы поэта, как правило, носят мрачный, даже жуткий характер: “Предсказание” (1830), “Не смейся над моей пророческой тоскою…” (1837), “Гляжу на будущность с боязнью” (1838) […] “Мне грустно, потому что я тебя люблю…” (1840)» (Там же: 162—163). Вслед за А. С. Пушкиным он стремится слить время героя с вечностью в стихотворении «Выхожу один я на дорогу […]». Иным было представление о времени у Ф. И. Тютчева, для которого человеческая жизнь — «миг, миг как интенсивный сгусток и миг как длящееся мгновенье» (Там же: 163). «Начиная с “денисьевского” цикла Тютчев довольно часто создает стихотворения, в которых бытовая сторона жизни оказывается ограниченной историческим временем, т. е. становится мгновенной и конечной […]» (Там же: 164). Поэт сопоставляет миг с вечностью, историческое время с внеисторическим существованием, соотносит настоящее с прошлым. Особую позицию занимает А. А. Фет. Его, в противоположность Ф. И. Тютчеву, не интересует ни историческое, ни внеисторическое время, не интересует вообще временная протяженность: он берет момент жизни героя и подробно его описывает. «Лишь косвенно миг у Фета противопоставляется всем временным категориям: вечности, с одной стороны, длительности — с другой. […] У Фета, подобно большинству субъективных романтиков, возникает апология настоящего времени, апология мгновения. В этом отношении от фетовской лирики протягиваются нити к русской романтической лирике конца XIX — начала XX вв. и к ранним М. Цветаевой и Б. Пастернаку (и даже частично к поздним) […]» (Там же: 165—166). Большой вклад в развитие лирического художественного времени внес Н. А. Некрасов. Его самым оригинальным приемом является введение в текст стихотворения двух равноправных личных времен, связанных с историческим временем, что «является совершенно новым явлением для русской поэзии (да, кажется, и вообще для мировой поэзии). Некрасов стал также радикальным новатором, включил в одно стихотворение два времени одного героя, постоянно чередующихся, перебивающих друг друга (такое смешение и перебивание двух времен одного героя станет характерной чертой литературы XX в.)»[16] (Там же: 168). Введение в текст одного стихотворения двух разных личностей приводит к появлению двух личных времен: каждый персонаж живет в своем времени, которое лишь частично соприкасается с временным ходом второго персонажа. Так, в стихотворении «Поэт и Гражданин» Поэт весь обращен в прошлое, а Гражданин устремлен в будущее, причем он

[16] В этом отношении, продолжает Б. Ф. Егоров, чрезвычайный интерес представляет стихотворение «На Волге» (1860), целиком построенное на перебивах двух времен: настоящего, когда герой (Валежников) попадает в родные места, и прошедшего, когда он вспоминает о проведенных здесь детстве и юности.

не углубляется в прошлое и повествует о настоящем с точки зрения будущего. «Гражданин и Поэт сосуществуют в настоящем моменте, но устремлены в разные стороны, в разные времена. Некрасов свою память о прошлом и устремленность к будущему как бы разделяет между двумя персонажами» (Там же). Стремление Н. А. Некрасова к эпичности, к сюжету и типизации персонажей приводило поэта к реалистическому вписыванию лирики в историческое время. В его поэзии особое место занимает будущее время, которое «[…] лишено многопутья, вариативности; на основании прошлого и настоящего поэт как бы точно знает, что будет потом (“Тройка”, “Маша”, “Свадьба”, “Школьник”). С этим связано чрезвычайно частое употребление повелительного наклонения в стихотворениях Некрасова: императив возможен при полной уверенности именно в таком направлении жизни, истории, а не в каких-либо других. Неуверенность в будущем исключительна у Некрасова (ср. концовку стихотворения “Размышления у парадного подъезда…”). Указанными особенностями Некрасов резко отличен от поэтов-романтиков его эпохи» (Там же). В сложной и хаотической поэзии А. А. Григорьева, утверждает Б. Ф. Егоров, можно найти чуть ли не все возможные виды поэтического времени: и историческое время, и внеисторическое время длящееся, и вневременное существование (своеобразную «нирвану»). «Григорьев решает в своих стихотворениях проблемы прошлого, вехи-идеала, памяти — и проблемы будущего, предсказания, судьбы, “доли”. Проблема времени у Григорьева, как и у Тютчева, присутствует постоянно» (Там же: 167). В своем творчестве 1860-х годов А. А. Григорьев явно заимствовал у Н. А. Некрасова прием перебивов двух равноправных времен героя (Егоров 1974: 170). «Идя за Некрасовым в приеме перебива времени, Григорьев, разумеется, резко отличается от предшественника самой сущностью понимания этих времен и смысла их соотнесенности» (Там же: 172). Дальнейшее развитие русской поэзии показало, что оба рассмотренных принципа («некрасовский» и «григорьевский») нашли своих последователей (Там же).

7. Взаимными отношениями, переплетением между собой глагольные времена вносят большой вклад в лирическое художественное время. В этом смысле имеется бесчисленное множество комбинаций. Если исходить из физического времени, поэт может следовать за реальным течением действия, может повествование начать с прошлого, перейти к настоящему и закончить будущим. Нечто подобное имеем в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта». Начало — в прошлом, следует часть с формами прошедшего времени (*вынесла*, *восстал*, *свершился*, *гнали*, *раздували*, *мог*, *угас*, *увял*, *навел*, *дрогнул* и др.), затем появляется настоящее время:

Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — все молчи...
Но *Есть* и грозный суд: он *ждет*,
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он *знает* наперед...

и наконец будущее:

И вы не *смоете* всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь.

8. Часто происходит переплетение времен в самом узком контексте — строфе. Одной из возможностей является употребление двух времен глагола в середине стиха:

Запад *гаснет* в дали бледно-розовой,
Звезды небо *усеяли* чистое,
Соловей *свищет* в роще березовой,
И травою *запахло* душистою.
(А. К. Толстой. «Запад гаснет [...]»)

В первой строфе стихотворения «Встреча зимы» И. С. Никитин употребляет прошедшее время:

Ночь *прошла*.
Рассвело...
И замерзла река [...],

а в другой — настоящее время:

Снег *лежит* полотном
И от солнца *блестит*.

Подобное отмечается и у Ф. И. Тютчева, разница в том, что сначала идет настоящее время:

Они не *видят* и не *слышат*,

а затем — прошедшее время:

Лучи к ним в душу не *сходили* [...]

9. Прозаическое художественное время появляется в жанрах типа романа, повести, новеллы, рассказа, очерка и т. п. Здесь выделяются, в первую очередь, две позиции — классицистическая и романтическая. В классицизме преобладала регламентация событийного времени и требовалось единство действия, времени и места в форме теории «трех единств» (Гей 1975: 259—260), синхронизация поэтического и реального времени. В романтизме, наоборот, наблюдается нечеткость, нестрогость событийного времени. «У романтиков на туманном фоне повседневного времени “без протяжения и границ” (В. А. Жуковский) происходят вспышки сконденсированного времени, отведенного под исключительные события, нередко загадочные, необъяснимые» (Медриш 1974: 125). Классицисты, как и романтики, нередко переносили время в прошлое (Там же: 130). Романтики поступают совершенно по-другому, так как романтический герой не может действовать сегодня.

Реализм отличается открытым временем, которое окончательно утверждается в реалистической литературе, когда перестраиваются и все другие временные координаты. «Не случайно А. П. Чехов советовал авторам, написав рассказ, отбросить начало и конец. “Жизнь без начала и конца”, — вот кредо художника-реалиста» (Там же: 129).

По характеру изображения времени Л. А. Герасименко выделяет два типа романа: в одном используется хронологический принцип большого эпического романа (романы Л. Н. Толстого, И. А. Гончарова и др.), в другом — «чистое», фактическое время ограниченной длительности («Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского), см. (Герасименко 1980: 52—53). Н. К. Гей отмечает различную устремленность писателя: «Если для Ф. М. Достоевского, писателя, целиком нацеленного в настоящее, в современность, временные завихрения — завихрения самой жизни, то для И. А. Бунина, художника другого склада и другой эпохи, время приобретает метафизически-онтологический смысл» (Гей 1974: 217).

10. Особый тип — эпическое (сюжетное) художественное время, которое мы наблюдаем в эпических жанрах, какими являются эпос (героический и социально-бытовой, в первую очередь, былины), скоморошины, мифы[17], сказки, устные рассказы, заговоры, народные поэмы, легенды, предания, басни, некоторые виды духовных стихов и исторических песен. Эпическое время характеризуется скоростью и последовательностью. «Известно, что течение поэтического времени не совпадает с реальным: оно то движется быстрее, чем реальное время — в повествовании, то синхронно с ним — в диалоге, то замедляет или даже приостанавливает свой бег — в описании; оно то последовательно представляет события, в действительности протекающие одновременно, то разветвляется, то обращается вспять; оно, наконец, по-разному может быть сориентировано (или же вовсе не быть ориентировано) относительно времени повествования. Отсутствие остановок и разветвлений в фольклорном и раннем литературном эпосе находит соответствие в явлении, которое А. А. Потебня сформулировал так: “описание превращено в повествование”» (Медриш 1974: 130—131). Г. В. Рыжухина различает (а) фольклорное время и (б) время в героическом эпосе. **(1)** «Фольклорное время (“объективное” время, время “окружения” героя) — коллективное (измеряется событиями коллективной жизни), трудовое (измеряется фазами земледельческого труда), цикличное (рост ограничивается циклом). Фольклорное время не знает четкой дифференциации на настоящее, прошедшее и будущее (оно предполагает индивидуальность). Жизнь человека и жизнь природы воспринимается в едином комплексе, все элементы которого равнодостойны. Единое событие жизни раскрывается в различных своих сторонах и моментах (Солнце — в Земле, в потребленном продукте, его едят и пьют, но метафоричность в выражении понятий разного уровня отсутствует!)» (Рыжухина. Время в литературе — www). **(2)** «Время в ге-

[17] О мифологическом времени см. (Иванов 1974: 39—49).

роическом эпосе — отгороженное от всех последующих времен, замкнутое и завершенное время национального предания, время памяти. Изображаемый мир и реальная действительность певца и слушателей отделены эпической дистанцией. Абсолютное прошлое — ценностно-временная категория эпического мира. В нем локализуются такие категории, как идеал, справедливость, совершенство, гармония и под. (мифы о рае, о золотом веке, о древней правде в эпосе и античном романе). Историческая инверсия — изображение как уже бывшего в прошлом того, что на самом деле будет осуществлено только в будущем. Сила реальности — в категориях "было" и "есть", категория будущего лишена реальной весомости. Чтобы наделить идеал реальностью, его мыслят как уже бывший в золотом веке, в настоящем — за тридевять земель, за океаном, под землей, на небе и т. д., в эсхатологическом пространстве-времени — отнесено в горизонтальные и вертикальные потусторонние надстройки» (Там же).

Каждый эпический жанр отличается особенной организацией художественного времени. Например, в волшебной сказке замкнутость времени — абсолютна: сказка безразлична даже к циклической смене времен года (Медриш 1974: 128). «Одно из существеннейших отличий фольклора от литературы — наличие в нем непосредственного контакта между тем, кто воспроизводит текст, и тем, кто этот текст воспринимает» (Медриш 1974: 131). В современной литературе эпическое время протекает несравненно многообразнее, чем в дореалистическую эпоху (Там же: 133).

11. Существует заметная разница между художественным временем в былине, сказки и басне. «Если в русской былине или в сербской юнацкой песне хронология условна, то в сказке хронология — сплошная фикция (сказочное "когда-то" по сути значит "никогда"), а в басне она отличается всеобщностью (басенное "однажды" равнозначно "всегда")» (Там же: 130). В эпическом времени временные отрезки получают конкретное, заранее обусловленное значение, варьируемое в рамках отдельных жанров. «Каждая русская былина или сербская героическая песня воспроизводит один какой-то эпизод из жизни богатыря или юнака, в то время как волшебная сказка охватывает обычно определенный этап жизни героя — от рождения и от юности, но непременно до его женитьбы» (Там же: 126). В героическом фольклорном повествовании важную роль играет т. н. промежуточное время (продолжительность «паузы»), которое выражается при помощи сакраментальных чисел (тройка, семерка, тысяча). «Русский богатырь может быть в походе (т. е. отсутствовать) три года, либо шесть лет — "друго три", либо, наконец, "друго шесть" — двенадцать лет. В сербских героических песнях всякий попавший в руки врага находится в неволе 9 лет и 7 месяцев, даже если это известный исторический деятель, и документально зафиксирован иной (обычно намного меньший) срок пребывания в плену. Неповторимая индивидуальная судьба для древнего повествователя не существует» (Там же: 126).

12. Как соотносятся временные планы в былине, покажем на тексте «Илья Муромец и Соловей Разбойник» (Муромец 01-www*). В нем использовано 232 глагольные формы. Так как речь идет о повествовании, преобладают формы прошедшего времени (101), затем следуют формы настоящего времени (61), многие из которых использованы для передачи действия в прошлом (настоящее историческое). На третьем месте находится инфинитив (21). Остальные формы незначительно представлены (страдательное причастие прошедшего времени 7, будущее время 5). Былина начинается формами прошедшего времени:

Из того ли то из города из Мурома,
Из того села да Карачарова
Выезжал удаленький дородный добрый молодец.
Он стоял заутреню во Муроме,
А й к обеденке поспеть *хотел* он в стольный Киев-град.

Да й *подъехал* он ко славному ко городу к Чернигову.

Затем появляется настоящее время, но перемена временнного плана осуществляется промежуточным использованием причастия:

У того ли города Чернигова
Нагнано-то силушки черным-черно,
А й черным-черно, как черна ворона.

Формы настоящего времени используются в обобщающем значении:

Так пехотою никто тут не *прохаживат*,
На добром коне никто тут не *проезживат*,
Птица черный ворон не *пролётыват*,
Серый зверь да не *прорыскиват*.

Затем опять начинается описание событий в прошлом, и появляются друг за другом формы прошедшего времени:

А *подъехал* как ко силушке великоей,
Он как *стал-то* эту силушку великую,
Стал конем топтать да *стал* копьем колоть,
А й *побил* он эту силу всю великую.
Он *подъехал-то* под славный под Чернигов-град,
Выходили мужички да тут черниговски
И *отворяли-то* ворота во Чернигов-град.

Зигзаг варьирования временных форм продолжается, но с этого места формы настоящего времени используются в форме транспозиции, для обозначения действий в прошлом.

---

* О ссылках на интернет-источники см. примеч. на с. 464.

А й *зовут* его в Чернигов воеводою.
Говорит-то им Илья да таковы слова:

В диалоге используются формы настоящего времени.

— Ай же мужички да вы черниговски!
Я *не йду* к вам во Чернигов воеводою.
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую да в стольный Киев-град.

Следуют стихи, в которых появляются только формы прошедшего времени и которые шесть раз подряд повторяются.

Говорили мужички ему черниговски:
– Ты, удаленький дородный добрый молодец,
Ай ты, славный богатырь да святорусскиий!
Прямоезжая дорожка *заколодела*,
Заколодела дорожка, *замуравела*.
А й по той ли по дорожке прямоезжею
Да й пехотою никто да не *прохаживал*,
На добром коне никто да не *проезживал*.

В последующих стихах повторяется данный прием, причем семь раз повторяется настоящее историческое.

Как у той ли то у Грязи-то у Черноей,
Да у той ли у березы у покляпыя,
Да у той ли речки у Смородины,
У того креста у Леванидова
Сидит Соловей Разбойник на сыром дубу,
Сидит Соловей Разбойник Одихмантьев сын.
А то *свищет* Соловей да по-соловьему,
Он *кричит*, злодей-разбойник, по-звериному,
И от его ли то от посвиста соловьего,
И от его ли то от покрика звериного
Те все травушки-муравы *уплетаются*,
Все лазоревы цветочки *осыпаются*,
Темны лесушки к земле все *приклоняются* [...]

Такое чередование двух глагольных форм (прошедшего и настоящего) в одном и том же значении (для передачи прошлых действий) продолжается до конца текста. При этом на некоторые места прием усиливается нагромождением одной из этих форм. Так, прошедшее время максимально (девять раз) представлено в следующих стихах:

То Владимир-князь да стольно-киевский,
Он скоренько *шел* в столову свою горенку,
Наливал он чару зелена вина,
Да не малу он стопу — да полтора ведра,
Разводил медами он стоялыми,
Приносил-то он ко Соловью Разбойнику.
Соловей Разбойник Одихмантьев сын
Принял чарочку от князя он одной ручкой,
Выпил чарочку ту Соловей одним духом.
Засвистал как Соловей тут по-соловьему,
Закричал Разбойник по-звериному —
Маковки на теремах *покривились*,
А околенки во теремах *рассыпались*.

На одном месте прошедшее время встречается 9 раз:

Он тетивочку шелковеньку *натягивал*,
А он стрелочку каленую *накладывал*,
Он *стрелил* в того-то Соловья Разбойника,
Ему *выбил* право око со косицею,
Он *спустил-то* Соловья да на сыру землю,
Пристегнул его ко правому ко стремечку булатному,
Он *повез* его по славну по чисту полю,
Мимо гнездышка *повез* да соловьиного.
Во том гнездышке да соловьиноем
А *случилось быть* да и три дочери,
А й три дочери его любимыих.

Самое сильное нагромождение форм настоящего времены представлено в следующей части:

У того креста у Леванидова
Соловей *сидит* Разбойник Одихмантьев сын.
То как *свищет* Соловей да по-соловьему,
Как *кричит* злодей-разбойник по-звериному –
То все травушки-муравы *уплетаются*,
А лазоревы цветочки прочь *осыпаются*,
Темны лесушки к земле все *приклоняются* [...]

Лишь на двух местах наблюдается скопление других глагольных форм — будущего времени (6 раз):

Я *повыпью-то* как чару зелена вина –
Мои раночки кровавы *поразойдутся*,
Да й уста мои сахарны *порасходятся*,

Да тогда я *засвищу* да по-соловьему,
Да тогда я *закричу* да по-звериному.

и повелительного наклонения (6 раз):

— Ай же зятевья мои любимые!
Побросайте-ка рогатины звериные,
Вы *зовите* мужика да деревенщину,
В свое гнездышко *зовите* соловьиное,
Да *кормите* его ествушкой сахарною,
Да вы *пойте* его питьецом медвяным,
Да й *дарите* ему дары драгоценные!

В одном открывке вместо нагромождения используется противоположный пример — глагольные формы даются только однажды (настоящее время — инфинитив — прошедшее время — настоящее время — инфинитив — прошедшее время — повелительное наклонение — инфинитив — повелительное наклонение — инфинитив — прошедшее время).

А не вас-то я *хочу* да и *послушати*.
Я *обедал-то* у старого казака Ильи Муромца,
Да его *хочу-то* я *послушати*.
Говорил-то как Владимир-князь да стольно-киевский:
— Ай же старыя казак ты Илья Муромец!
Прикажи-тко засвистать ты Соловья да й по-соловьему,
Прикажи-тко закричать да по-звериному.
Говорил Илья да таковы слова:
— Ай же Соловей Разбойник Одихмантьев сын!

В то время как повествование начинается прошедшим временем, текст заканчивается формами настоящего времени, точнее, настоящим повествовательным.

А тут Соловью ему й славу *поют*,
А й славу *поют* ему век по веку!

В использовании временных форм наблюдается явно выраженная тенденция к их повтору и нагромождению.

13. В сербской юнацкой песне «Zidanje Ravanice» преобладают формы настоящего времени (из 102 глагольных форм — 36, или 35,3%). Но из 36 форм настоящего времени 17 имеют транспозитивное значение, так как используются для обозначения прошлых действий (настоящее историческое — 15 примеров) и будущих действий (настоящее будущее — 2 примера). Форма прошедшего времени, самая частотная в русском тексте, здесь встречается лишь два раза, столько же, сколько и экспрессивная форма краткого перфекта. Отличие состоит и в том, что аорист занимает вторую позицию (19 примеров, причем даже 6 от глаголов несовершен-

ного вида) и что довольно хорошо представлены формы будущего I (18 примеров). Повествование открывает настоящее историческое в сочетании с однокоренными существительными (сознательная тавтология).

Službu *služi* slavni knez Lazare
U Kruševcu šancu šarenome,
Službu *služi* svetog Amosija;
Svu gospodu *zove* na svetoga
Sa knjigama i sa zdravicama.

Дальнейшее повествование базируется на чередовании аориста (3 раза), инфинитива (5), настоящего времени (3), настоящего исторического (3) и имперфекта (1) затем повторяются шесть раз формы аориста, четыре из которых относятся к несовершенному виду (*carovaše*, *trpaše*, *gradiše*).

Carovaše, pa i *preminuše*,
Ne *trpaše* na gomile blago,
No *gradiše* s njime zadužbine,
Sagradiše mloge namastire:
Sagradiše visoke Dečane [...]

После зигзага употребления различных форм появляется будущее I (четыре примера):

Udariću temelj od olova,
Pa *ću* crkvi *sagraditi* platna,
Sagradiću od srebra bijela,
Pokriću je žeženijem zlatom,
Podnizati drobnijem biserom,
Popunjati dragijem kamenjem.

Последние два инфинитива являются, по сути дела, футуральными формами. Будущее время нагромождается и в последующем повествовании.

Oboriće naše zadužbine,
Oboriće naše namastire,
Oboriće crkvu Ravanicu,
Iskopaće temelj od olova,
Slijevaće u tope đulove,
Te *će* naše *razbijat'* gradove;
I crkvi *će rasturiti* platna,
Slijevaće na ate ratove [...]

Употребление настоящего не сосредотачивается в одном месте и не повторяется больше, чем **(а)** три раза в самом начале (см. выше) и **(б)** четыре раза в середине песни:

No tu *sjedi* Obilić Milošu,
Sjedi Miloš dolje udno sovre,
Miloš *sjedi*, ništa ne *besjedi* [...]

Динамизм повествования создается контактным использованием настоящего исторического от глаголов несовершенного и совершенного вида.

Primi Miloš zlatnu kupu vina,
Ne *pije* je, *počne* besjediti [...]

Интересно, что в одном месте появляется краткая форма плюсквамперфекта.

Tad' Milošu *bio govorio* [...]

В эпическом времени иногда нарушается традиционное событийное время, хранителем которого выступает царь. Например, это происходит в вышеупомянутой сербской юнацкой песне «Opet zidanje Ravanice». «Вместо отпущенных им двенадцати лет зодчие завершили труд за год (событийное время), но при этом, ослушавшись царя, не отдыхали ни в праздники, ни в пятницу, ни в воскресенье» (Медриш 1974: 140—141). Эпическое время песни течет непрерывно, не разветвляясь и ни на миг не останавливаясь, и даже церковь описана «в счет» того времени, пока царь проезжал мимо нее (Там же: 141).

Что касается задачи «согласования времен», она обычно обязательная в эпосе, и, видимо, отсутствует в лирике, «ибо лирика — "praesens", эпос — "perfectum" — положение, которое в качестве общепризнанного приводит Потебня» (Там же: 132).

Одним из приемов в организации эпического времени является сдвиг событийного времени влево и вправо (Там же: 126). Этот прием использован как раз в песне «Opet zidanje Ravanice». «Особого внимания заслуживает тот факт, что событийное время песни (по сравнению с молвой, зафиксированной документально) сдвинуто "вправо". В гневе царь приказал казнить зодчих, но его любимец воевода Милош, которому поручена немедленная расправа, поступает так же, как Забава Путятична в былине о ссоре Ильи Муромца с князем Владимиром или Никита Романович в русской песне об Иване Грозном: тайно от царя сохранив строителям жизнь, он велел их поить и кормить […]» (Там же: 141).

Существуют определенные точки соприкосновения структур поэмы Д. Б. Кедрина «Зодчие» и сербской юнацкой песни «Opet zidanje Ravanice» (Там же: 142). Но во временном плане они резко отличаются. Во-первых, в сербском тексте используется больше глагольных форм (13 : 9). Во-вторых, в русском тексте преобладает прошедшее время (57 форм из 96, или 66,28%), а в сербском — настоящее (36 из 102, или 35,29%). Из этого следует, что в русском тексте намного чаще будет встречаться нагромождение форм прошедшего времени, чем других форм. Например, в следующей части автор 11 раз подряд использует форму прошедшего времени:

Государевы зодчие
Фартуки наспех *надели*,
На широких плечах
Кирпичи *понесли* на леса.

Мастера *выплетали*
Узоры из каменных кружев,
Выводили столбы
И, работой своею горды,
Купол золотом *жгли*,
Кровли *крыли* лазурью снаружи
И в свинцовые рамы
Вставляли чешуйки слюды.

И уже *потянулись*
Стрельчатые башенки кверху.
Переходы,
Балкончики,
Луковки да купола.
И *дивились* ученые люди,
Зане эта церковь
Краше вилл италийских
И пагод индийских *была*!

Был диковинный храм
(Кедрин. Зодчие-www)

Конец поэмы содержит только формы прошедшего времени (13 примеров):

Увидеть они не *могли*.
И *клеймили* клеймом,
Их *секли* батогами, болезных,
И *кидали* их,
Темных,
На стылое лоно земли.

И в Обжорном ряду,
Там, где заваль кабацкая *пела*,
Где сивухой *разило*,
Где *было* от пару темно,
Где *кричали* дьяки:
«Государево слово и дело!» —
Мастера Христа ради
Просили на хлеб и вино.

И *стояла* их церковь
Такая,
Что словно *приснилась*.
И *звонила* она,
Будто их *отпевала* навзрыд,
И запретную песню
Про страшную царскую милость
Пели в тайных местах
По широкой Руси
Гусляры.

14. Как временные планы сосредотачиваются в сказке, покажем на примере текста «Волк и лиса». Из 89 глагольных форм более половины — формы прошедшего времени (51), намного меньше форм настоящего (16). Далее, по убыванию частоты, следует инфинитив (11), повелительное наклонение (8) и причастие (1). Как и в былинах, повествование открывает прошедшее время:

Жили волк и лиса. У волка избушка хворостяная, у лисички — ледяная. *Пришла* ростепель, у лисы избушка *растаяла*. *Явилась* лиса к волку на ночлег проситься [...].

В следующей части чередуются различные формы:

— *Пусти* меня, куманек, *обогреться*!
— Мала моя избушка, — *говорит* волк. — Одному *повернуться* негде. Куда тебя *пущу*?

После этого начинается накопление форм прошедшего времени:

Не *пустил* волк лису.
Явилась лиса другой раз, *явилась* третий. *Заладила* каждый день к волку ходить [...]

Их цепь прерывает инфинитив и повелительное наклонение, но сразу потом появляется пять форм прошедшего времени:

Сжалился волк, *пустил* лису. Первую ночь лиса на приступочке *спала*, на вторую *забралась* в избу, а на третью на печи *развалилась*.

Далее следует часть, в которой формы используются вперемежку (прошедшее время — настоящее историческое — прошедшее время — инфинитив, повелительное наклонение — настоящее историческое — прошедшее время):

Услыхал волк, *спрашивает*:
— Кто у тебя, кума?
— Никого, куманек, нету.
Легли спать, а лиса *знай* лапкой в печную трубу *стучит*: «Тук, тук, тук!

Тук, тук, тук!»
Проснулся волк [...]

И до конца повествования наблюдается такая стратегия. Лишь в трех местах происходит нагромождение форм прошедшего времени.

1. *Сжалился* волк, *пустил* лису. Первую ночь лиса на приступочке *спала*, на вторую *забралась* в избу, а на третью на печи *развалилась*.

2. *Вышла* лиса в сени за дверь. А из сеней *забралась* в кладовушку, где волк запасы *берег*. *Стала* в кладовушке сметанку да маслице слизывать.

3. *Стала* отрекаться лиса:
— Я слепа и убога. Не *видала* маслица, не *лизала* сметанки, не *рассыпала* твоей муки!
Еще раз *поверил* волк хитрой лисе, *оставил* в избушке жить до весны.
Жила лиса до весны, *жила* до холодной осени.

15. Драматическое время является временем драматических произведений. Его отличает сюжетность, конфликтность действия, сплошная цепь высказываний персонажей и отсутствие повествования. «Особенность фабульного развертывания драматического произведения состоит в том, что действие происходит перед зрителями, т. е. наиболее ответственные моменты фабулы развиваются с законченной полнотой, причем в развитии их автор стеснен местом и временем. И то и другое приблизительно совпадает с местом и действием спектакля, т. е. предполагается, что действующие лица в пределах акта или картины не выходят за пределы площади, равной площади сцены, и действие занимает столько времени, сколько длится исполнение акта. Только антракты дают возможность изменения места и предполагают протекание неопределенного срока времени. При этом почти все должно произойти перед глазами зрителя, и как можно меньше должно сообщаться в речах о происходящем за пределами сцены. Все эти правила приблизительны, т. е. условная сценическая площадка может предполагаться значительно более широкой, чем она есть на самом деле, время спектакля может не совсем совпадать со временем, протекающим в фабуле (так, ничего особенного не будет, если часы на сцене будут отбивать часы через каждые четверть часа), точно так же о многом могут только рассказывать герои на сцене. Но все эти отступления от драматического принципа («сценические условности») ограничены театральной традицией и в излишнем нарушении иллюзии могут разрушить театральный эффект» (Томашевский. Жанры драматические—www). Ограниченное время спектакля (2—3 часа), продолжает он, не дает возможности вводить длинные цепи событий.

16. Тот факт, что время всегда связано с пространством и что друг без друга они существовать не могут, очень сильно отражается в художественном времени. Не случайно поэтому появился термин, объединяющий время и пространство и выражающий их единство — хронотоп (cronos ‘время’, topos ‘место’). В литературове-

дение его ввел М. М. Бахтин. Он писал: «Существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе, мы будем называть х р о н о т о п о м (что значит в дословном переводе — “времяпространство”). Термин этот употребляется в математическом естествознании и был введен и обоснован на почве теории относительности (Эйнштейна). Для нас не важен тот специальный смысл, который он имеет в теории относительности, мы перенесем его сюда — в литературоведение — почти как метафору (почти, но не совсем); нам важно выражение в нем неразрывности пространства и времени (время как четвертое измерение пространства)» (Бахтин. Формы времени—www). Единство времени и пространства в литературных произведениях М. М. Бахтин называет литературно-художественным хронотопом. В нем имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. «Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп» (Бахтин. Формы времени—www). Существуют самые различные типы литературно-художественного хронотопа (хронотоп порога, дороги, природы, замка, гостиной, провинциального городка, сна и т. п.).

Своеобразным является художественный хронотоп в поэзии И. А. Бродского. Во-первых, в этом симбиозе поэт отдает предпочтение времени[18]. Во-вторых, он подчеркивает тождество человека и времени, которое неравновесно: время вечно и властно, человек пассивен и смертен[19]. В-третьих, предпочтение времени

---

[18] «Смысловая нагруженность пространства у Бродского не идет ни в какое сравнение с аналогичным параметром времени. Пространство Бродский пишет, как правило, с маленькой буквы, но Время, начиная примерно с начала 70-х годов, — почти всегда с заглавной. Бродский был просто загипнотизирован могуществом феномена времени, недаром минское двухтомное издание сочинений Бродского озаглавлено “Формы времени”. […] Сравнивая время с пространством или с имеющими отношение к пространству вещами, Бродский всегда отдает предпочтение времени как чему-то более важному, могущественному и грандиозному» (Фрумкин. Пространство-время Бродского—www).

[19] «В “Пьяцца Маттеи” утверждается, что Пространство глупее времени, и выражается сомнение, что время когда-либо так поглупеет. В “Путешествии в Стамбул” Бродский подробно и не без философии разъясняет: “…пространство для меня и меньше, и менее дорого, чем время. Не потому, однако, что оно меньше, а потому, что оно — вещь, тогда как время есть мысль о вещи. Между вещью и мыслью, скажу я, всегда предпочтительнее последнее”. В “Колыбельной трескового мыса” — поэме, где философия времени дана наверное в наиболее развернутом после “Мрамора” виде — то же самое повторяется ритмически: Время больше пространства. Пространство—вещь, / Время же, в сущности, мысль о вещи» (Фрумкин. Пространство-время Бродского—www).

пространству имело для И. А. Бродского и политический аспект[20]. В-четвертых, несмотря на свою важность и предпочтительность по сравнению с пространством, время сходно в пространстве по своим эпистимиологическим функциям[21]. В-пятых, из всех функций и качеств времени наиболее понятна и очевидна для И. А. Бродского была функция уничтожения[22].

О различных аспектах художественного хронотопа существует целый ряд работ: хронотоп в произведениях Ф. М. Достоевского (Галкин. Пространство и время у Достоевского—www), художественный хронотоп в поэтическом тексте (Петрова 1989), типология пространственно-временных отношений в сфере искусства (Зобов 1974), пространство и время в искусстве как проблема эстетической науки (Каган 1974), организация пространственно-временного континуума художественного произведения (Сапаров 1974) и т. п.

---

[20] «Поэт оказался в центре некоего историко-культурного парадокса: себя — эмигранта, космополита, кочевника — он ощущал явно носителем свободы по преимуществу, но свобода явно тяготела к Западу, кочевники же обитали на Востоке. Восток — место рождения всяческого деспотизма, несмотря на сосуществование рядом с последним кочевой культуры. […] И не случайно, рассуждая о тирании в своих поэтических, прозаических и драматических произведениях, Бродский вспоминал и древнеперсидских царей, и китайских императоров, и римских цезарей, и, разумеется, фюреров, и вождей тоталитаризма — но никогда не вспоминает лидеров кочевых или переселяющихся народов. […] Впрочем, что Азия есть несвобода — в этом сомнений не было, и выход из получившегося парадокса был найден естественный: важно не только кочевать, важен вопрос о среде кочевья. Исторические кочевники кочевали в пространстве, в то время как истинное кочевье происходит во времени (вернее, во Времени). Здесь важно привести любопытнейшие размышления Бродского о западном и восточном орнаменте, помещенные в эссе “Путешествие в Стамбул”: “Я бы отметил еще, что единица этого (западного. — *К. Ф.*) орнамента — день — или идея дня — включает в себя любой опыт, в том числе и опыт священного речения. Из чего следует соображение о превосходстве бордюрчика греческой вазы над узором ковра. Из чего следует, что еще неизвестно, кто больший кочевник: тот ли, кто кочует в пространстве, или тот, кто кочует во времени”» (Фрумкин. Пространство-время Бродского—www).

[21] «Время — это монотонная пустота, которую следует увидеть за разнообразием вещей и событий. […] Чистое время, то что можно достичь лишь вне человеческой жизни, — это истинная природа человека, и то, что при жизни ощущается как течение времени, есть, во-первых, то же самое, как умирание, а во вторых, — не что иное, как возврат в исходное состояние, соскальзывание к чистому времени, если угодно даже — тяга к нему» (Фрумкин. Пространство-время Бродского—www).

[22] «О времени, как убийце и разрушителе, поэт написал много, со вкусом и со знанием дела. […] Конечно, пространство также убивает, “вытесняя” тела и вещи, но действие времени отличается своей безотказностью, а также — своим демократизмом» (Фрумкин. Пространство-время Бродского—www).

Настоящее время

0. В плоскости времени существует то, что произошло—происходило (прошедшее) и то, что произойдет (будущее). Между ними находится то, что происходит в данный момент — настоящее. В темпорологии оно определяется следующим образом: «Настоящее — форма проявления времени. Настоящее — это то, что существует в действительности. Быть — значит, быть настоящим. Экзистенциальное определение настоящего категориально фиксирует факт существования человека и других людей, мира культуры, мира природы, факт, который специально не доказывается, но и не подвергается сомнению, ибо это очевидность, с нею невозможно не считаться. Настоящее с л и т о с с о б ы т и я м и, заполняющими его. Выражение "пустое настоящее" лишено смысла. Настоящее — это синтез существования, взятого в аспекте времени. Настоящее — это бытие в его конкретности. Настоящее д л и т с я . В свете теории относительности необходимо различать настоящее и отношение одновременности как различные аспекты проявления времени» (Казарян. Настоящее—www)[1]. В языке настоящее время — «[...] форма финитного глагола, указывающая в прямом употреблении, что ситуация, о которой говорится в предложении, либо одновременна моменту речи:

Тсс! Ребенок *спит*,

либо повторяется на протяжении периода времени, охватывающего момент речи:

В последнее время ребенок плохо *спит*.

В первом случае настоящее время является конкретным, или актуальным, во втором — повторительным, многократным, или абстрактным» (Маслов 1990б: 323). Формы настоящего времени обладают категориальным значением одновременности (настоящего) по отношению к грамматической точке отсчета. «[...] категориальное значение формы наст. вр. реализуется при функционировании данной формы не только как одновременность действия по отношению к моменту речи или какому-либо иному моменту, но и как настоящее время в более широком с м ы с л е н а л и ч и я обычной, типичной или постоянной ситуации. Таково, например, употребление данной формы при обозначении обычных, типичных действий:

— Обстоятельства *связывают* иногда людей совершенно разнородных характеров (Дост.); О, как убийственно м ы л ю б и м , Как в буйной слепоте страстей Мы то всего вернее *губим*, Что сердцу нашему милей! (Тютч.)

Категориальное значение формы наст. вр. в подобных случаях выступает как значение наличной, действительной для настоящего (не ушедшей в прошлое и

---

[1] Существуют и импрессионистские толкования настоящего: «В полном отрыве от будущего и прошлого настоящее спрячется как чистый страх, как опасность» (Мандельштам), цит. по (Яковлева 1991: 142).

не предстоящей в будущем) абстрактной ситуации. С точки зрения отвлеченных грамматических отношений, такое употребление также охватывается значением одновременности в указанном выше смысле» (Грамматика-1980/1: § 1496).

1. В предложении

Я *читаю*

с точки зрения грамматики, речь идет о настоящем времени. Но грамматическое настоящее время не совпадает с физическим настоящим временем[2]. Дело в том, что реальное настоящее время не может быть процессом, это только мгновение, переходный момент между прошедшим и будущим. *Читаю* — значит: 'я читал, я сейчас читаю, я буду читать еще какое-то время'. Точнее, данное предложение можно разложить на бесчисленное множество выражений: *я сейчас читаю*, *я сейчас читаю*, *я сейчас читаю*… Подлинное, реальное настоящее время было бы только одно — *я сейчас читаю*. Итак, грамматически мы одновременно выражаем не только настоящее время, но и время, не являющееся настоящим. Кажется, что языковыми средствами невозможно выразить лишь одно — *я читаю* не только потому, что в языке нет такой формы, но и потому что в чистом виде момент настоящего не существует. Если прибегнуть к образному представлению, самым подходящим было бы сравнение с процессом превращения воды в лед (и обратно), ибо этот физический процесс в значительной степени напоминает процессы в поле глагольного времени. Если представить, что вода — это то, что происходило (прошедшее), а лед — то, что будет происходить (будущее), то тогда то, что «находится между ними», является настоящим. И это можно было бы назвать своеобразным временным атомом. Такой элементарный момент можно выразить только одним способом — выражением момента как процесса:

Лед *тает*,

т. е. нельзя отобразить только один момент настоящего, не отобразив какой-то его другой момент или сегмент. Таким образом, речь идет об одном из несовпадений обозначения и обозначенного. Как невозможно физически определить мгновение, когда вода превращается в лед (это, вероятно, какая-то миллионная доля секунды), так невозможно установить и границу временного атома[3]. Э. Ф. Караваев подчеркивает, что во временной логике появляется множество логических времен, не имеющих соответствующих грамматических аналогов (Караваев 1983: 38). На то, что настоящее время не существует, указывает и В. Г. Гак: «Реальное настоящее

---

[2] В. Г. Гак подчеркивает, что языковое время (Tense) не обязательно совпадает с объективным временем (ТГАЯ 1983: 48) и что грамматическое время отличается от физического (Гак 1979: 203).

[3] Психологическая продолжительность настоящего времени является как раз одним из таких атомов.

время фактически не существует: оно представляет лишь точку встречи прошлого и будущего, которая постоянно перемещается» (Гак 1979: 303). Этого мнения придерживаются и некоторые югославские лингвисты. Ср: «Так как в р е м я состоит из непрерывного ряда моментов, среди которых как только один возникает, он сразу исчезает и уступает место второму, второй — третьему и так далее до бесконечности, и так как нельзя изменять эти моменты, собственно настоящего и нет, потому что все это — прошлое и будущее. — Н а с т о я щ и м мы называем один сегмент времени, когда мы говорим. Оно, таким образом, состоит из определенного числа моментов, которые прошли (с тех пор, как мы начали говорить) и определенного числа моментов, которые наступят (пока мы не закончим речь)» (Stojanović 1921: 187—188). Таким образом, по отношению к прошедшему и будущему настоящее — более абстрактная категория. Настоящее время не имеет очерченную временную границу и представляет собой разделительную линию между двумя другими временными областями, «грамматическое настоящее время охватывает некоторый отрезок, включающий в себя часть прошедшего и часть будущего» (Гак 1979: 203).

2. Очевидно, что природа физического и грамматического настоящего времени не совпадает. Это несоответствие не очень мешает в коммуникации, так как создан механизм, способный отражать временные отрезки в той мере, в какой это необходимо. Михаило Стеванович, пишет: «Давно уже не только замечалось, но и отмечалось [...], что действие, состояния или характеристики, выражаемые настоящим временем в индикативе, не ограничиваются только одним моментом или моментами, в которых что-то констатируется, но что обычно они из прошедшего через момент речи продолжаются во времени, следующим за моментом речи» (Stevanović 1957/58: 31). Он подчеркивает, что подлинное, «истинное настоящее» не безгранично, четко не ограничено во времени. «Оно не совпадает с самим течением действия, выражаемым настоящим временем в индикативе, так же, как начало действия может предшествовать времени, в данный момент воспринимаемому как настоящее; точно так же начало длительного настоящего действия может быть связано с одним из моментов, до которых это действие происходило. Настоящее, т. е. лингвистическое настоящее — точно не определенный временной отрезок, оно же зависит от того, что под ним в данном случае подразумевается. Поэтому выражение “момент речи” можно считать правомерным, только если оно употребляется в значении “время” речи, в котором он, очевидно, и используется. Но допуская, что его можно трактовать и что, кажется, трактуется буквально как одна секунда или что-то близкое к ней, как очень короткий временной период, считаем, что вместо термина “момент речи” лучше употреблять термин “время речи” (vrijeme govorenja), или, по известным причинам, еще лучше — “временная ситуация речи”» (Stevanović 1957/58: 33—32). Йован Вукович основную особенность настоящего времени видит в том, что им охватывается момент прошедшего и ряд моментов в будущем (Vuković 1967: 368).

3. Способность форм настоящего времени передавать не только один момент речи, но и более широкий временный отрезок, создает благоприятные условия для их широкого экспрессивного употребления.

4. Одна из самых ярких транспозиций настоящего времени — употребление для выражения прошлых действий формы исторического настоящего. Оно особенно часто используется в ЛФС. В историческом настоящем времени выделяются три аспекта — логический, психологический и грамматический. «Историческое настоящее в логическом отношении — есть прошедшее, в грамматическом отношении — настоящее, а в психологическом (стилистическом) — ни то, ни другое: события разыгрываются перед нашим умственным взором. Результатом пересечения всех этих планов и стали особенности исторического настоящего» (Авдеев 1977: 8—9). По отношению к абсолютному и относительному времени, историческое настоящее время занимает особую позицию, которая толкуется поразному. Так, Ф. Ф. Авдеев утверждает, что историческое настоящее в современном русском языке не является относительным употреблением формы настоящего времени. «Оно представляет собой вторичную стилистическую функцию ее, осуществляемую ради субъективного смещения временной перспективы. Форма презенса в этом случае вступает в синонимические отношения с претеритальной формой, но не на основе “сближения по своему денотативному значению” — путем утраты инвариантного значения презенса, а путем транспозиции» (Там же: 2). Следовательно, историческое настоящее и относительное употребление настоящего времени — факты разных сфер языка, и если их отождествлять — значит, включать стилистику в грамматику. В толковании этого соотношения, помимо абсолютного и относительного употребления, Ф. Ф. Авдеев вводит понятие соотносительного употребления[4]. Ф. Ф. Авдеев подчеркивает, что от функций видовременных форм в современном русском языке необходимо отличать особую вторичную функцию, так называемое переносное употребление (транспозицию) форм, и он это применяет к настоящему историческому времени[5]. Историческое настоящее

---

[4] «Наряду с абсолютной системой, выявляются обусловленные и подчиненные ей относительное и соотносительное употребления временных форм. При относительном употреблении время действия определяется в соотношении с временем другого действия, помимо момента речи. [...] Соотносительное употребление, думается, надо понимать как частные случаи абсолютного или относительного употребления, как отвлечение от точки отсчета и концентрацию внимания исключительно на соотнесенности самих действий» (Авдеев 1977: 8).

[5] «Именно переносным употреблением, но не относительным или соотносительным (тем более не абсолютным), мы и считаем историческое настоящее. Лишь своей противопоставленностью абсолютной функции форм оно сближается с относительным употреблением, да и противопоставленность эта носит различный характер. Абсолютное и относительное употребление противопоставлены, лучше сказать, сопоставлены между

время, по его мнению, является метафорой[6]. Вследствие своего стилистического характера, продолжает Ф. Ф. Авдеев, состоящего в транспозиции формы презенса в область функционирования претерита, историческое настоящее не только не имеет ни в одном языке специальных форм, но вообще всегда факультативно в языке и всегда может быть заменено прямой формой — претеритом. Замена лишь снимает экспрессию, денотативное же содержание остается неизменным. «Если бы историческое настоящее было действительно обусловлено не стилистической целью, а грамматической необходимостью, то его нельзя было бы заменить формой прошедшего времени» (Там же: 8).

5. Историческое настоящее время используется во всех славянских языках, причем каждый из них отличается общими и специфическими чертами. Общим является основное направление развития: от более широкого употребления форм совершенного вида в настоящем историческом к менее широкому. «Налицо общая тенденция к расширению нейтрализации видовых различий в формах несовершенного вида» (Бондарко 1958: 8—9). Своеобразие заключается в следующем: «Как известно, конкретное настоящее время момента речи не допускает в славянских языках совершенного вида. В историческом же настоящем, при обозначении неповторяющихся действий, в целом ряде славянских языков возможно употребление форм не только несовершенного, но и совершенного вида. Возможность видового противопоставления в настоящем историческом обуславливается тем, что время каждого действия, находящегося на линии развертывающихся событий, определяется не с точки зрения момента речи, а с точки зрения того момента, который соответствует течению этого действия. Благодаря отсутствию такого ограничения, как соотнесенность с моментом речи, действие в настоящем историческом может быть представлено в его целостности, в его сосредоточении, т. е. в совершенном виде» (Там же: 5). На основе видовых характеристик и противопоставлений исторического настоящего А. В. Бондарко разделил все славянские языки на три группы: 1) отсутствие видового противопоставления, полная или почти полная (за исключением отдельных особых случаев) нейтрализация видовых различий в формах несовершенного вида; 2) полное и последовательное противопоставление несовершенного и совершенного видов; 3) непоследовательное видовое противопоставление, частичная его нейтрализация. «Первый тип — отсутствие видового противо-

---

собой в плане прямого функционирования, а историческое настоящее противопоставлено им обоим как переносная функция. В этом заключается самое главное различие относительного и переносного употребления презенса» (Авдеев 1977: 8).

[6] «Метафорический эффект, ради которого и происходит замена формы прошедшего времени, возникает на основе удвоения: столкновения и взаимодействия временного значения употребляемой формы презенса и гомокатегориального значения контекста (прошедшего времени), в результате возникает новый, метафорический смысл» (Авдеев 1977: 2).

поставления в настоящем историческом — мы находим в русском, украинском, белорусском, польском и болгарском языках; использование в настоящем историческом глаголов лишь несовершенного вида характерно также для некоторых современных сербохорватских писателей (напр., Б. Чосича). Второй тип — последовательное противопоставление несовершенного и совершенного видов — обнаруживается в сербохорватском и словенском языках. Третий тип — частично нейтрализованное видовое противопоставление — характерен для чешского и словацкого языков; настоящее историческое такого типа представлено также в произведениях ряда сербохорватских писателей (напр., И. Чипико, Б. Нушича, Р. Петровича). Бросается в глаза, что в пределах западнославянской группы умещаются два типа употребления видов, а в южнославянской группе даже три (в частности, все три типа представлены в сербохорватском языке)» (Там же: 8—9)[7].

А. В. Бондарко отдельно рассматривает историческое настоящее время в сербохорватском языке (Там же). Он подробно останавливается на взаимоотношениях между настоящим историческим глаголов несовершенного и совершенного видов и на связи настоящего исторического глаголов совершенного вида с аористом (Там же: 141). В трактовке соотношения настоящего исторического глаголов обоих видов в грамматической литературе А. В. Бондарко выделяет две линии. В первой подчеркивается связь этих временных форм[8]. А. В. Бондарко не согласен с мне-

---

[7] В другом месте он дает следующее толкование: «В одних языках — русском, украинском, белорусском и польском — употребление настоящего исторического глаголов совершенного вида, по существу, всегда является специализированным. Единичные исключения не меняют общей картины. В других языках — чешском и словацком, а также в некоторых болгарских говорах — напротив, использование форм совершенного вида в специализированной функции выступает на фоне широкого употребления этих форм исключительно для выражения значения совершенного вида. Отсюда вытекает существенное различие в той роли, которую играют специальные значения в первом и во втором случае. В первой группе языков самый факт употребления в настоящем историческом формы совершенного вида оказывается возможным лишь при том условии, если эта форма выражает какое-либо специальное, особое значение. Следовательно, выражение таких значений является в этих языках и функцией, целью употребления рассматриваемых форм, и условием, определяющим возможность их использования. В другой группе языков в специальных значениях также заключена особая функция форм совершенного вида и настоящем историческом. Но эта функция не является условием, которое определяет возможность использования указанных форм, так как они широко употребляются и при отсутствии каких-либо особых значений, кроме значения совершенного вида» (Бондарко 1959: 55—56).

[8] «К этой линии относится А. Мусич, который писал: “Настоящее историческое глаголов совершенного вида не может быть отделено от настоящего исторического глаголов несовершенного вида”. А. Белич считает, что различие между настоящим историческим глаголов несовершенного и совершенного вида заключается лишь в видовом

нием А. Белича, который отрицал временную значимость форм обоих видов в настоящем историческом: «[...] как раз по временному значению, как будет показано ниже, эти формы во многом отличаются друг от друга. Однако мысль о связи обеих видовых форм настоящего исторического, заключающаяся в приведенном выше положении А. Белича, так же как и в высказывании А. Мусича, является верной, хотя она отражает лишь одну сторону явления» (Там же: 141—142). Вторую линию А. В. Бондарко связывает с А. Стоичевичем, который подчеркивал различия между настоящим историческим глаголов несовершенного и совершенного вида. «А. Стоичевич говорит о необходимости строго различать глаголы совершенного вида в этом временном плане от глаголов несовершенного вида. Он считает, что настоящее историческое глаголов совершенного вида при обозначении единичных действий "является презенсом лишь по своей грамматической форме, а по значению является повествовательным претеритом". В другом месте говорится о том, что настоящее время глаголов совершенного вида "самой своей формой может обозначать прошлое". Указание на необходимость строго отличать одну видовую форму настоящего исторического от другой очень ценно. И в замечании о претеритальном характере настоящего исторического глаголов совершенного вида много верного. Однако, определяя этот временной план как повествовательный претерит, А. Стоичевич допускает ошибку, так как он возводит в абсолют различие между обеими видовыми формами настоящего исторического и действительно имеющее место сближение настоящего исторического глаголов совершенного вида с претеритом, не учитывая связи глаголов совершенного и несовершенного вида» (Там же: 141—142). В этом исследовании А. В. Бондарко предпринял попытку показать как связь обеих видовых форм настоящего исторического, так и различия, существующие между ними, с учетом сложного взаимодействия этих двух сторон явления. Он останавливается на вопросе о сближении настоящего исторического и аориста. Констатируя, что многие ученые отметили тот факт, что настоящее историческое глаголов совершенного вида в своем употреблении сближается с аористом (А. Белич трактует это сближение с точки зрения своего учения об индикативном и релятивном употреблении времен; А. Мейе и А. Вайан дают общую формулу, говоря о тенденции к слиянию настоящего времени и аориста глаголов совершенного вида; А. Стоичевич неоднократно отмечает обратимость, возможность взаимной замены настоящего времени глаголов совершенного вида и аориста в повествовании, обращая в то же время внимание на некоторые стилистические различия между этими временами), А. В. Бондарко сосредоточивается на проблеме, которая в существующей литературе почти не была затронута — на видовом противопоставлении в настоящем историческом[9].

значении, что эти формы "обозначают не время, а лишь глагольный вид, а время они получают от ситуации, которая связана с прошлым"» (Бондарко 1958: 141—142).

[9] Анализ А. В. Бондарко основан главным образом на материале современного литературного языка, в то время как грамматическая литература, посвященная настояще-

Что касается значения исторического настоящего в сербохорватском языке, А. В. Бондарко подчеркивает, что формы несовершенного вида выступают в таком переносном значении (настоящее вместо прошедшего), которое является производным от основного (конкретное настоящее время). «Напротив, за формами совершенного вида в значении настоящего исторического не стоит никакого другого основного, главного значения. Переносным значение этих форм является лишь постольку, поскольку они, находясь в контексте, содержащем настоящее время глаголов несовершенного вида, получают по соотношению с ними то же значение (настоящее вместо прошедшего)» (Бондарко 1958: 149—150). А. В. Бондарко наблюдает двоякую соотнесенность настоящего исторического глаголов совершенного вида — с настоящим историческим глаголов несовершенного вида и с аористом. «Соотнесенность эта различна по существу: по отношению к настоящему историческому глаголов несовершенного вида она заключается в противопоставлении по виду, по отношению к аористу — в тенденции к тождеству, к слиянию. Таким образом, настоящее историческое в сербохорватском языке не образует единого, однородного временного плана, противопоставленного в системе языка другим временам. Настоящее историческое глаголов совершенного вида, сохраняя в ряде своих признаков связь с настоящим историческим глаголов несовершенного вида, по ряду других признаков занимает обособленное положение, выходит за рамки настоящего исторического и тяготеет в своем употреблении к аористу» (Там же: 156—157).

6. Анализ повести «Судьба человека» М. А. Шолохова дал, на первый взгляд, удивительные данные: из 774 форм настоящего времени (что составляет 23% всех глагольных словоформ) 343, или 72,4% относится к историческому настоящему. Это значит, что 2/3 форм настоящего времени подвергается транспозиции. Данное явление нетрудно объяснить. В большей части повествования главный герой А. Соколов описывает свою жизнь, автор же появляется лишь в начале и в конце произведения. Речь идет о человеке из народа и о его монологе в форме сказа. Все примеры настоящего повествовательного мы нашли как раз в его рассказе.

То, что историческое настоящее будет господствующей формой, предвещает само начало повести. При знакомстве с автором главный герой говорит:

> Ну что ж, пока отдохнем, спешить нам некуда. А я иду мимо, *гляжу*: свой брат-шофер *загорает*. Дай, *думаю*, зайду, перекурим вместе (Шолохов 1975: 10)[10].

му историческому в сербохорватском языке, в качестве языкового материала использует, как правило, лишь народные сказки и песни, а литературный язык, по существу, оставался вне поля зрения (Бондарко 1958: 141—142).

[10] Далее, если источник повторяется, вместо автора текста, из которого взят пример, указывается лишь страница, например: (25) вместо (Шолохов 1975: 25).

Главный герой часто пользуется историческим настоящим временем, например, когда он вспоминает жену, жизнь с ней и с детьми:

> Ласковая, тихая, не *знает*, где тебя усадить, бьется, чтобы и при малом достатке сладкий кусок тебе сготовить. *Смотришь* на нее и отходишь сердцем […] утром я *встаю* как встрепанный, иду на завод, и любая работа у меня в руках *кипит* и *спорится*! (13) Кое-когда бывало и так, что *идешь* домой и такие кренделя ногами *выписываешь*, что со стороны, небось, глядеть страшно (13). Только *посмеивается* моя Иринка, да и то осторожно, чтобы я спьяну не обиделся (13). Всю получку домой *несу*, семья стала числом порядочная, не до выпивки (14). Дети кашу *едят* с молоком, крыша над головою есть, одеты, обуты, стало быть, все в порядке (15).

Одну из самых трогательных сцен в произведении — прощание с семьей перед уходом на войну — Соколов рисует, употребляя историческое настоящее время. Оно делает рассказ более живым и впечатляющим. Герой словно снова возвращается на вокзал в тот момент, когда командиры объявляют посадку и когда Иринка прижимается к нему:

> Она вся *дрожит*, дети *уговаривают* мать, но все напрасно — ничего не *помогает* (15).

Соколов не только возвращается в прошлое, пережитое, но и читателя заставляет перейти в другую плоскость времени. Чем больше герой приближается к окончательному расставанию с семьей, тем больше усиливается напряженность и тем чаще появляются эти формы. Их кульминация в употреблении совпадает с максимальной частотой исторического настоящего:

> Оторвался я от Ирины, взял ее лицо в ладони, *целую*, а у меня губы как лед. С детишками попрощался, *бегу* к вагону, уже на ходу вскочил на подножку. Поезд взял с места тихо-тихо; проезжать мне мимо своих. *Гляжу*, детишки мои осиротелые в кучку сбились, руками мне *машут*, *хотят* улыбаться, а оно не *выходит*. А Ирина прижала руки к груди; губы белые как мел, что-то она мне *шепчет*, *смотрит* на меня, не сморгнет, а сама вся вперед *клонится*, будто *хочет* шагнуть против сильного ветра […] (17).

Также, описывая события войны, Соколов рассказывает, словно он сейчас их видит:

> [...] слева чьи-то танки *гремят*, справа стрельба *идет*, впереди стрельба, и уже начало попахивать жареным […] (18). […] пехотка наша и справа и слева от грейдера по чистому полю *сыпет*, и уже мины *рвутся* по их порядкам. Что мне делать? Не поворачивать же назад? *Давлю* вовсю! (19) Ну, вот, стало быть, *лежу* и *слышу*: танки *гремят* (20). Думал, все прошли, приподнял голову, а их шесть автоматчиков — вот они, *шагают* метрах в стах от

меня. *Гляжу*, *сворачивают* с дороги прямо ко мне. *Идут* молчаком. «Вот, — *думаю*, — и смерть моя на подходе». И вот как потешно человек устроен: никакой паники [...] Только *гляжу* на него и думаю […] (19—20).

И плен, в который он попал, очень образно изображен при помощи исторического настоящего (20—21, 28—29). Нагромождение этой формы наблюдается тоже в описании ночи, проведенной в запертой церкви (22—23), и тяжелой жизни в плену. А сцена с Мюллером и шок, пережитый в его комнате, не обладали бы такой силой и эмоциональностью, если бы были описаны при помощи форм прошедшего времени. М. А. Шолохов употребил 50 форм исторического настоящего времени для создания одной из самых впечатляющих сцен в советской литературе (29—32). В дальнейшем повествовании Соколов продолжает использовать настоящее повествовательное, описывая бегство из плена (34—35), выздоравливание в больнице (36) и т. д. Затем следует потрясающая сцена — отец видит в гробу убитого сына. Рассказ замирает, время словно остановилось в тот день, 9 мая 1945 года.

Подошел к гробу. Мой сын *лежит* в нем и не мой. Мой — это всегда улыбчивый, узкоплечий мальчишка, с острым кадыком на худой шее, а тут *лежит* молодой, плечистый, красивый мужчина, глаза полуприкрыты, будто *смотрит* он куда-то мимо меня, в неизвестную мне далекую даль […] (39).

Историческое настоящее время играет определенную роль и в других описаниях, как например, в изображении восторга мальчика Вани (когда он нашел отца), в выражении проснувшихся отцовских чувств у Соколова и т. п.

В «Судьбе человека» дана потрясающая картина человеческих страданий. Для того, чтобы выразить ужасы войны и семейные трагедии, нужно было найти соответствующее языковое выражение. М. А. Шолохов мастерски решает эту проблему: герой его рассказа сам рассказывает о пережитом, рассказывает обычным народным языком, основным звеном которого является историческое настоящее.

Выразительность повествования достигается не только употреблением этой формы глагола. Соединяясь то с одной, то с другой формой, она создает широкую сеть художественного времени. Так, в «Судьбе человека» историческое настоящее время сочетается с прошедшим временем:

Думал, все *прошли*, *приподнял* голову, а их шесть автоматчиков — вот они, *шагают* метрах в ста от меня (20).

«Контраст прошедшего времени и настоящего исторического может быть использован для подчеркнутого противопоставления исходного пункта высказывания и его ядра (данного и нового)» (Бондарко 1971а: 147). Настоящее историческое обычно чередуется с формами прошедшего времени. «Это особенно характерно для “разговорного” настоящего исторического. Тем самым достигается особый стилистический эффект пластичного и живого повествования. Обычно данное представлено прошедшим временем, а новое — настоящим историческим» (Там

же: 147). Подобным контрастом можно создать эффект неожиданности, как, например, в сцене, когда Соколов, убежав из лагеря, понимает, что немцы идут по его следу.

Намял в ладони зерен, *пожевал* немного и в карманы *насыпал* про запас и вот *слышу* собачий брех, и мотоцикл *трещит* […] *Оборвалось* у меня сердце, потому что собаки все ближе голоса *подают* […] (26).

Неожиданный взрыв радости у Ванюши также строится на контрасте времен.

Боже мой, что тут *произошло*! *Кинулся* он ко мне на шею, *целует* в щеки, в губы, в лоб, а сам, как свиристель, так звонко и тоненько *кричит*, что даже в кабинке глушно […] (41).

М. А. Шолохов использует и другую возможность: употребляет то одно, то другое время.

Оторвался я от Ирины, *взял* ее лицо в ладони, *целую*, а у меня губы как лед. С детишками *попрощался*, *бегу* к вагону, уже на ходу *вскочил* на подножку. Поезд *взял* с места тихо-тихо; проезжать мне мимо своих. *Гляжу*, детишки мои осиротелые в кучку *сбились*, руками мне *машут*, хотят *улыбаться*, а оно не *выходит*. А Ирина *прижала* руки к груди […] (17).

Особое сочетание образуют настоящее историческое и прошедшее время от глаголов совершенного вида, подчеркивая оппозицию предыдущего и последующего действия.

Встал и *говорю* взводному: «Пойдем отсюда, товарищ, церковь велика» (Шолохов 1975: 25). *Попробовал* и *говорит*: «О-о-о!» — и *показывает* на дорогу, на заход солнца (20). *Сел* я на землю, *снял* сапоги, *подаю* ему […] *Размотал* я портянки, *протягиваю* ему, а сам *гляжу* на него снизу вверх. Но он *заорал*, *заругался* по-своему и опять за автомат *хватается* (21). *Опомнился* я и *спрашиваю* […] *Слышу*, он *засмеялся* потихоньку и *говорит* […] (23).

Таких примеров довольно много в «Судьбе человека».

И с будущим временем настоящее историческое образует сеть различных отношений. В таких случаях будущее время употребляется для обозначения прошедшего действия (историческое будущее).

Смотришь на нее и *отходишь* сердцем, а спустя немного *обнимешь* ее, *скажешь*: «Прости, милая Иринка, нахамил я тебе [...]» Только посмеивается моя Иринка [...] *Разует* меня и *шепчет* […] Ну, я, как куль с овсом, *упаду*, и все *поплывет* перед глазами. Только *слышу* сквозь сон, что она по голове меня тихонько *глядит* рукою и *шепчет* что-то ласковое, *жалеет*, значит […] (14). Всю получку домой *несу*, семья стала числом порядочная, не до выпивки. В выходной кружку *выпью* и на этом *ставлю* точку (14). […] что-то она им *шепчет*, *смотрит* на меня, не *сморгнет*, а сама вся вперед *клонится* […] (17).

Как видно из примеров, настоящее историческое время выступает одновременно в комбинациях и с прошедшим, и с будущим временем, что еще больше усиливает экспрессивность.

Добавим к этому, что историческое настоящее время часто употребляется в комбинации с модальной частицей *бывало*[11]:

> Целый день, *бывало*, *жует* да коньяк из фляжки потягивает. (33) Кое-когда *бывало* и так, что *идешь* домой и такие кренделя ногами выписываешь, что со стороны, небось, глядеть страшно (13).

Эта частица иногда используется в комбинации и с историческим настоящим, и историческим будущим:

> Бывало, *выстроит* нас перед блоком — барак они так называли, — *идет* перед строем со своей сворой эсэсовцев, правую руку *держит* на отлете (29).

Михаило Стеванович подчеркивает: «У некоторых новых и новейших писателей оно (= настоящее историческое. — *Б. Т.*), конечно, встречается несколько реже под влиянием повседневного делового языка, в котором все чаще для обозначения прошлого действия используется почти исключительно прошедшее время. Все же очень редко можно найти произведения какого-нибудь беллетриста, в которых он вообще бы не употреблял эту форму. И наоборот, в интеллектуальном стиле, за исключением исторических произведений, оно почти не встречается или встречается очень редко. И еще, оно не в равной степени часто употребляется от глаголов совершенного и несовершенного вида, особенно в новейшее время. А Вук его, скажем, в своих сочинениях, особенно исторических, очень широко использовал. Значительно реже оно встречается у наших классиков после Вука, а еще реже — у новейших писателей и в восточных областях сербохорватского языка, где аорист все еще широко употребляется […]» (Stevanović 1975 / II: 585).

7. В произведении М. А. Шолохова представлены также два других вида настоящего времени — актуальное (протекающее в момент речи) и неактуальное (выражающее действие, не происходящее в момент речи). Значение расширенного настоящего времени, охватывающего меньший или больший временной отрезок в прошедшем или будущем, имеет ряд глаголов, например:

> Он, видать, такой же шофер, как и твой папанька, только мы с тобой на грузовой ездили, а он вот эту маленькую *гоняет* (9).

Неактуальное настоящее время представлено в следующем случае:

> Нет, не только во сне *плачут* пожилые, поседевшие за годы войны мужчины. *Плачут* они и наяву (45).

---

[11] В. В. Виноградов называет ее частицей для обозначения повторявшегося действия в далеком прошлом (Виноградов 1972: 451).

Повесть «Дама с собачкой» А. П. Чехова является противоположностью «Судьбе человеке» М. А. Шолохова: в чеховском тексте мы не обнаружили ни одного примера исторического настоящего времени. Причины в следующем. Во-первых, здесь отсутствует рассказчик, и сам автор описывает события. Во-вторых, герои этого рассказа — не представители простого народа; это господа, приехавшие на отдых на море, это люди, жизнь которых уютна и скучна, и лишь некая любовная авантюра нарушает привычный образ жизни.

Расширенное настоящее время встречается довольно часто:

А от нее он узнал, что она выросла в Петербурге, но вышла замуж в С., где *живет* уже два года […] (Чехов 1975: 9). Я не мужа обманула, а самое себя. И не сейчас только, а уже давно *обманываю* (11).

Нелокализованное действие во времени (абстрактное настоящее время) появляется в нескольких местах в рассказе А. П. Чехова:

— Время *идет* быстро, а между тем такая скука! — сказала она, не глядя на него (8).

Настоящее время иногда употребляется в значении будущего времени:

— Это хорошо, что я *уезжаю*, — говорила она Гурову. — Это сама судьба. (Чехов 1975: 13). В декабре на праздниках он собрался в дорогу и сказал жене, что *уезжает* в Петербург хлопотать за одного молодого человека — и уехал в С. (16).

Экспрессивно-эмоциональный оттенок имеет пример, в котором форма *будет* используется в значении наречия:

— Перестань, моя хорошая, — говорил он, — поплакала — и *будет* […] Теперь давай поговорим, что-нибудь придумаем (21).

8. В поэзии, особенно в дескриптивной (в описаниях природы), настоящее время часто употребляется в форме квалификативного настоящего:

Мчатся тучи, *вьются* тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна […]
Вьюга *злится*, вьюга *плачет* […]
(А. С. Пушкин. Бесы)

Зима недаром *злится*,
Прошла ее пора —
Весна в окно *стучится*
И *гонит* со двора […]
Зима еще *хлопочет*

И на весну *ворчит*.
Та ей в глаза *хохочет*
И пуще лишь *шумит*.
(Ф. И. Тютчев. «Зима недаром злится...»)

Еще земли печален вид,
А воздух уж весною *дышит*,
И мертвый в поле стебль *колышет*,
И елей ветви *шевелит*.
(Ф. И. Тютчев. «Еще земли печален вид...»)

Едва лишь в полдень солнце *греет*,
Краснеет липа в высоте,
Сквозя, березник чуть *желтеет*,
И соловей еще не *смеет*
Запеть в смородинном кусте.
(А. А. Фет. «Еще весны душистой нега…»)

В отдельных стихотворениях квалификативное настоящее время может являться грамматико-экспрессивной доминантой. Такой случай в известном стихотворении М. Ю. Лермонтова «Парус»:

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом!..
Что *ищет* он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..

Играют волны — ветер *свищет*,
И мачта *гнется* и *скрипит*...
Увы! он счастия не *ищет*
И не от счастия *бежит*! […]

М. Ю. Лермонтов известен в русской поэзии своей склонностью к глубокой эмоциональности (постоянному беспокойству, стремлению к дисгармонии), как поэт, умевший различными способами усилить эту эмоциональность, в том числе использованием настоящего времени:

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь *блестит*;
Ночь тиха. Пустыня *внемлет* богу,
И звезда с звездою *говорит*.

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? *Жалею* ли о чем?
(М. Ю. Лермонтов. «Выхожу один я на дорогу…»)

Настоящее время выполняет важную функцию в выражении одного из самых сильных чувств в поэзии — любви. В ее описаниях могут скрещиваться различные временные планы:

В часы одинокие ночи
Люблю я, усталый, прилечь —
Я *вижу* печальные очи,
И *слышу* веселую речь;

И грустно я так *засыпаю*,
И в грезах неведомых *сплю*...
Люблю ли тебя — я не *знаю*,
Но *кажется* мне, что *люблю*!
(А. К. Толстой. «Средь шумного бала, случайно…»)

Экспрессия может усилиться использованием цепочки форм настоящего времени, особенно в форме климакса или антиклимакса:

Раненый *стонет*, *зовет*, *проклинает*,
Ветер над полем кровавым *летает*.
(Н. А. Некрасов. Саша)

Не *ест* он, не *пьет* он и ночи не *спит*,
Молчит, — лишь порой, как безумный, *кричит*:
«Молчите, проклятые струны!»
(А. Н. Майков. Менестрель)

Имеются стихотворения, в которых используется только настоящее время. Таким является, например, стихотворение А. С. Пушкина «Няне» (формы *ждешь*, *горюешь*, *медлят*, *глядишь*, *тянет*, *чудится*). Подобное наблюдаем и в стихотворении И. С. Никитина «В синем небе плывут над полями» (*плывут*, *веет*, *грезит*, *встает*, *обдает*, *стою*, *молюсь*).

9. Историческое настоящее время от глаголов несовершенного вида неодинаково употребляется в русском и сербском / хорватском языках. Покажем это на примерах из романа «Tvrđava» («Крепость») Меши Селимовича:

E *vidiš* ti sreće! Ja *hoću* kući, a društvo ne *da*. Šta si, vele, navalio, sjedi još malo. Te malo popij, malo popričaj, taman da naiđem na tebe (Selimović 1970: 75). Еще удачно все *вышло*. *Собрался* я домой, а меня не *пускают*, посиди да посиди, куда торопиться, выпей еще. Так вот за разговорами и засиделся, потому и на тебя наткнулся (Селимович 1974: 61). Već dva dana Mahmut ne *dolazi*. Ni Mula Ibrahim (89). Уже два дня не *приходит* Махмут. Не *показывается* Мулла Ибрагим (72). Bio sam u kafani, zagušljivo, sve jedan na drugome *sjedi*, zbog kiše (178). Был в кофейной, там душно, *сидят* на головах друг у друга — дождь, деваться некуда (146).

Это несовпадение состоит в следующем: 1) употребление прошедшего времени вместо исторического настоящего времени: *hoću — собрался*; 2) появление двойного исторического настоящего времени: ne *dolazi — приходит*, не *показывается*, (что является не результатом грамматического несовпадения, а результатом выбора переводчика).

Историческое настоящее время от глаголов совершенного вида в русском языке употребляется редко, а в сербском/хорватском языке довольно часто. Поэтому в русском переводе используется историческое настоящее время от глаголов несовершенного вида:

> Otkud ja znam šta se desilo. Nailazim slučajno, i vidim, neko leži, napio se, mislim. *Priđem*, kad — ti. I nisi pao od pića, prijatelju (Selimović 1970: 74).
> Откуда я знаю, что с тобой? Я здесь случайно, иду, вижу — лежит человек, ну, думаю, пьяный. *Подхожу* ближе, смотрю — ты. И свалился-то ты, приятель, не спьяну (Селимович 1974: 60).

Данную русско-сербохорватскую межъязыковую ассиметрию анализировал Дойчил Войводич и пришел к следующим выводам: **1)** в сербском/хорватском языке историческое настоящее от глаголов совершенного вида имеет четыре значения — **а)** значение обычного действия в прошлом, **б)** действия повторяющегося и сменяющегося, **в)** аористное значение, **г)** значение так называемого сценического перфективного настоящего времени (использование этого времени в авторских замечаниях, в ремарках драматических произведений); **2)** в сербском/хорватском языке транспозиция настоящего времени от глаголов совершенного вида обладает высокой частотностью (52% от общего употребления глагольных форм); **3)** в русском языке настоящее время от глаголов совершенного вида со значением действия в прошлом почти не используется (из 618 примеров в настоящем времени на эту форму приходится всего 10 примеров, или 1, 6%), а настоящим временем от глаголов несовершенного вида выражаются как несовершенное, так и совершенное действие, выражаемое глаголом; **4)** транспонированные формы настоящего времени от глаголов совершенного и несовершенного вида в сербском/хорватском языке всегда параллельны; **5)** русское и сербскохорватское настоящее время от глаголов совершенного вида в транспозиции не имеет своего собственного временного (темпорального) признака, это проявляется в контексте (Vojvodić 1989: 86, 94).

10. Что же касается комбинаций временных форм, то в сербском/хорватском языке их больше, так как он располагает более широкой системой временных форм для обозначения действия в прошлом. Историческое настоящее время может переплетаться с прошедшим временем, аористом, имперфектом, плюсквамперфектом, а также может попеременно использоваться исторический презенс от глаголов совершенного и несовершенного вида. Приведем несколько примеров:

а) Комбинация «историческое настоящее + прошедшее время»:

A s Mejdana su vojnici *odlazili* u rat. I njih prate majke, očevi, sestre, djevojke. *Plači* ili *ćute* ubijeno (Selimović 1970: 418). А с Мейдана солдаты *уходили* на войну. Их *провожали* матери, отцы, сестры, невесты. Одни *плачут*, другие *молчат* подавленно (Селимович 1974: 342).

б) Комбинация «историческое настоящее + аорист»:

Mene nešto *presječe*, *hoću* da upitam, da kažem šta bilo, da se začudim, a ne *mogu*, samo *krkljam* (383). Я так и *сел*, *хочу* спросить, сказать что-нибудь, а слова произнести не *могу*, в горле *клокочет* — и все тут (313).

в) Комбинация «историческое настоящее от глагола совершенного вида + историческое настоящее время от глагола несовершенного вида»:

Ispričam joj, u smijehu, svoju nevolju, a ona me *gleda* u čudu (110). *Смеюсь*, я рассказываю ей про свою беду, а она *смотрит* на меня широко раскрытыми от удивления глазами (88).

11. В корпусе современной сербской/хорватской поэзии мы не нашли ни одного случая употребления исторического настоящего времени, из чего можно сделать вывод, что оно в поэзии редко встречается, точнее, используется меньше, чем в прозе. Но зато им изобилуют народные песни.

12. Как в русском, так и в сербском / хорватском языке настоящее время может употребляться в значении будущего времени (Я завтра *еду* в Москву — Sutra *idem* u Moskvu). «О каком времени идет речь, обычно уточняет какое-либо наречие, какое-то определение времени или языковая ситуация вообще. И эти определения точно указывают, что действие, выраженное настоящим временем, относится к временному периоду после момента речи, к будущему, то есть здесь мы имеем настоящее время, используемое для обозначения будущего» (Stevanović 1975 / II: 588).

13. Русский и сербский / хорватский языки одинаково используют настоящее время в относительном употреблении: в обоих языках им могут заменяться как прошедшее время (историческое настоящее время), так и будущее.

14. Настоящее время значительно реже употребляется в ЛФС: в нашем материале 24,2%, а в корпусе М. Н. Кожиной еще меньше — 11%: она полагает, что описание в речи художественной совсем не обязательно тяготеет к настоящему времени, оно обычно «оформляется» глаголами прошедшего времени, тогда как в повествовании широко используются формы настоящего (Кожина 1972: 212). Некоторые виды настоящего времени тесно связаны с ЛФС. Таково историческое настоящее время, которое в «ортодоксальных» научных, публицистических и деловых текстах почти не используется. Способ изложения может отчасти изменить процентные отношения — в зависимости от того, идет ли речь об описании, повествовании, рассуждении, увеличивается или уменьшается употребление

этой формы [12]. Больше всего форм настоящего времени в текстах «Макар Чудра» М. А. Горького (29,2%) и «Судьба человека» М. А. Шолохова (28,6%), а меньше всего в «Каштанке» А. П. Чехова (6,0%) и «Метели» А. С. Пушкина (7,7%) .

15. Что касается сербского / хорватского языка, то настоящее время намного чаще употребляется, чем другие глагольные формы [13] — показатель употребления настоящего времени на 50% меньше не только в поэзии, но и в ПФС: «Этот общий порядок использования основных категорий глагола в языке ежедневной прессы и современной поэзии полностью совпадает с показателями их использования, полученными нами только на основе анализа текстов современной поэзии. Настоящее время по частотности его использования в обоих языковых материалах значительно превосходит все остальные формы. Настоящее время составляет 65,4% всех глагольных форм, при этом в ежедневной прессе — 63,5%, а в современной поэзии — 67,3%, таким образом оно по употреблению своих форм и по своим функциям доминирует в нашем языке» (Kostić 1966: 138).

Здесь возникает вопрос, чем вызвана такая диспропорция между двумя языками. Одним из объяснений может быть то, что в сербском / хорватском языке широко употребляется конструкция *da* + настоящее время, которая отсутствует в русском языке. Вторым фактором может быть вид глагола: формы от глаголов совершенного вида типа *pročitam* ‘прочитаю’ в сербском / хорватском языке являются формами настоящего времени, а в русском — формой будущего времени. Третье предположение касается функций настоящего времени: сербская / хорватская форма несет большую функциональную нагрузку. На это указывают и 19 функций настоящего времени, которые приводит Дж. Костич и которые он отмечает как prezent, prez-s-perf, s-prezent, prezent-s-perf-pas, prez-s-f, prez-s-prez, prez-s-pln-pas, prez-s-pot, prez-s-f-pas, prez-s-f1-pas, prez-s-imp, prez-s-pln, prez-s-f1, prez-s-aor, prez-s-prez-pas, prez-s-imp, prez-s-pri-sad, prez-s-inf, prez-s-imp-pas (Kostić 1966: 138—139). Частотность их употребления приблизительно следует в таком же порядке. На повышенную частотность употребления сербского / хорватского настоящего времени влияет и широкое употребление вспомогательного глагола [14].

---

[12] О стилистических возможностях настоящего времени в ЛФС см. также (Иванова 1969, Засыпкина 1967) (в последней работе речь идет об использовании форм настоящего времени в авторских ремарках, описаниях природы, людей, ситуаций и т. п.). Об употреблении настоящего времени в ЛФС и РФС см. (Орехова 1973).

[13] Это подтверждает и анализ цикла стихотворений «Igre» («Танцы») Васко Попа, в котором имеется 191 форма глагола (глагольная форма), при этом — 175 форм настоящего времени, 11 форм перфекта, 1 форма деепричастия настоящего времени, 2 формы страдательного причастия и две формы инфинитива (Jović 1975: 38).

[14] Количественное соотношение времен глагола в сербском / хорватском языке иллюстрируют частотные списки форм глагола (Jocić I968) и исследование отдельных форм, например, в работе о будущем II (Milošević 1970).

Проведенный нами анализ языка рассказа «Kroz maglu» («Сквозь туман») Петра Кочича подтверждает преобладание настоящего времени: настоящее время 50,3%, аорист 17,9%, прошедшее время 13,0%, инфинитив 7,1%, деепричастие настоящего времени 3,25%, императив 2,3%, страдательное причастие 1,95%, будущее время I 1,95%, имперфект 1,3%, сослагательное наклонение 0,65%, плюсквамперфект 0,3%. По нашим наблюдениям, в повести «Mustafa Madžar» («Мустафа Мадьяр») Иво Андрича настоящее время реже представлено, чем в произведении Петра Кочича «Kroz maglu» («Сквозь туман»): настоящее время 50,3%, аорист 17,9%, прошедшее время 13,0%, страдательное причастие 7,1%, деепричастие настоящего времени 3,25%, имперфект 2,3%, инфинитив 1,95%, императив 1,95%, сослагательное наклонение 1,3%, плюсквамперфект 0,65%, деепричастие прошедшего времени 0,5%, будущее I 0,4%. Проанализировав данные Мичо Делича (Delić 1970/71) об использовании глагольных форм в рассказе Иво Андрича «Put Alije Đerzeleza» («Путь Алии Джерзелеза»), мы получили следующие соотношения: настоящее время 33,0%, аорист 28,2%, страдательное причастие 25,1%, деепричастие настоящего времени 4,1%, прошедшее время 3,8%, сослагательное наклонение 1,4%, императив 1,1%, будущее I (настоящее I) 0,9%, страдательное причастие 0,9%, плюсквамперфект 0,6%, деепричастие прошедшего времени 0,5%, имперфект 0,4%.

16. Одним из приемов создания экспрессивности в системе глагольных времен, в том числе на основе настоящего времени, является преломление глагола в имени. Такой прием встречаем в поэзии А. Левина. Например, заглавие стихотворения «*Ластица* и *мурлычет*» формально представляет собой сочетание существительного *ластица* (**А**) и глагола *мурлычет* (**Б**), но союз *и* ясно показывает, что это нельзя воспринимать как связь существительного и глагола, так как здесь должны быть грамматически однородные слова: или а) сочетание двух существительных, или б) сочетание двух глаголов. Проблема осложняется и тем, что в русском языке, насколько нам известно, нет существительного *ластица*. Лишь тщательное прочтение целого стихотворения может подсказать решение: эти два слова формально являются глаголами (причем первый в фонетическом варианте настоящего времени *ластится* → *ластица*, второй в стандартной форме настоящего времени *мурлычет*), а фактически — существительными: первое обозначает девочку *Ластицу,* второе — мальчика *Мурлычет*.

У ластицы белая сница
и розоватая мница.
Она вьётся, как лента и лестница,
верещит, как синица.
Мурлычет — гордый, как кочет,
с перьями, как у кречета.
Что хочет, то и ворочает,
никто ему не перечит.

Ластица — словно лисица,
стелется, но не боится,
плещется, но не водица,
глядит — не наглядится
на мурлычета на могучего,
телом сухого, а сердцем горячего,
чистого, ясного, но набыченного,
накачанного и навороченного.

Он её приголубит,
такую какую-то мнимую.
Она его не продинамит,
такого какого-то конкретного.
Он её: «Моя гёрлица!»,
она его: «Мой кудахчик!»
И никогда не ссорятся.
Так, иногда ругаются […]

Кроме *ластица* здесь есть и другие глаголы, преломленные в имена: *сница* (← *снится*), *мница* (← *мнится*), *водица* (← *водится*).

17. В других ФС настоящее время проявляет экспрессивный потенциал поразному. В ПФС встречается особый тип настоящего времени — настоящее репортажа, которое позволяет у читателя создать впечатление, что все происходит перед его глазами и что он сам является участником событий. Использованием этой формы достигается аутентичность повествования, так как картина того, что происходило, перерастает в картину того, что происходит (прошедшие события изображаются словно в кинематографии). Покажем это на примере репортажа о первомайских празднествах на Красной площади («Правда», 2 мая 1982):

> Мы *видим* рабочих прославленных предприятий. […] Куранты *отбивают* десять ударов. *Звучит* фанфарный сигнал. […] И снова на площади *проносится* шквал оваций, когда *проносится* здравица. […] В это время на центральную трибуну Мавзолея В. И. Ленина *поднимаются* пионеры. […]

В такой тональности репортаж продолжается в пяти столбцах, при этом настоящее время репортажа комбинируется с другими временными формами, а чаще всего — с прошедшим временем:

> По горящей на экране радуге *узнаем*: на Красную площадь *вступили* представители объединения «МЭЛЗ».

Только в нескольких местах события описываются с использованием прошедшего времени, которым и заканчивается репортаж, и таким образом читатель возвращается в реальность. Настоящее репортажа встречается обычно при описании

центральных событий, составляющих предмет репортажа и происходящих в момент речи (Стилистика 1981: 55).

Для ПФС характерно и постоянное настоящее время, которое отображает действие общего характера, действие, не связанное отдельными временными сегментами прошлого, будущего и настоящего:

> Каждая новинка *анализируется* на совещании заинтересованных сторон. […] Сегодня повышенным спросом *пользуются* трикотажные изделия. Объединение, словно барометр, чутко *реагирует* на веяния моды («Правда», 30 апреля 1982, с. 6).

Иногда имеет место параллельное употребление прошедшего, настоящего и будущего времени:

> Не по-весеннему *выдался* в этом году апрель на Львовщине. Календарь *приближается* к маю, а за окном нет-нет да и снег *пойдет* (6).

В передовице содержится достаточно много форм настоящего времени (в некоторых текстах даже больше 40%).

18. Специфичным для НФС является употребление настоящего времени во вневременном значении, значении времени в самом широком смысле [15]. М. Н. Кожина даже утверждает, что настоящее время в НФС почти в 100% случаев носит такой характер (Кожина 1979). Это можно объяснить тем, что в этом стиле анализируются постоянные признаки, особенности и процессы. Ср. примеры из книги Р. А. Будагова (1977):

---

[15] «Тип временной нелокализованности, характеризуемый как временная обобщенность, гномичность, “вневременность” […] отличается максимальной степенью абстрактности действия и ситуации в целом. Данная разновидность НЛ [нелокализованности. — *Б. Т.*] (наиболее характерна для форм настоящего времени. Значение этих форм открывает наибольшие возможности для реализации семантики временной обобщенности. Не случайно “вневременность” или “всевременность” упоминается в грамматиках именно при описании значений форм настоящего времени. Формы прошедшего и будущего времени также способны к выражению временной обобщенности (особенно в пословицах), однако чаще эти формы, если они выступают при выражении ситуаций НЛ, передают “простую повторяемость” или обычность (те разновидности семантики НЛ, которые легко умещаются в рамках прошлого или будущего) […] Форма настоящего времени представляет “общие истины” как действительные для максимально расширенного плана настоящего: ‘так бывает’ (в жизни, в этом мире), ‘это действительно для нашего времени’ (и для времени речи), ‘таково общее правило’: *Что ни делается — все к лучшему*; *Рука руку моет*; *Волка ноги кормят*» (Бондарко 2002: 458—459).

К сожалению, до сих пор *господствует* убеждение... согласно которому […] (134). Как *показывает* материал европейских литературных языков […] (136). Большой же ученый даже в специальной области знания *пользуется* всеми ресурсами литературного языка (139). В литературных памятниках самых разных жанров и у самых различных народов *встречаются* постоянные жалобы авторов на затруднения […] (141).

В научно-технической литературе употребление настоящего времени в таком значении выглядит еще более выразительным.

На земле *происходит* 100 000 землетрясений в год. Известно, что их *вызывают* движения земной коры. Землетрясения *изучают* ученые разных специальностей. Изучением колебаний земной коры *занимается* отдельная наука — сейсмология (Аросеева 1980: 160). Вся Вселенная, как целое, *эволюционирует*: постоянные изменения *происходят* на поверхности Солнца, *эволюционируют* звезды, планеты, атмосферы планет (165). Мировой океан *вырабатывает* более половины кислорода, поддерживает постоянство кислородно-углекислого баланса в атмосфере. Таким образом, океан *обеспечивает* условия для жизни человека (166). Такие свойства, как электропроводность, теплоемкость, *определяются* не свойствами молекул, а структурой вещества в целом (167). Растворимость вещества (коэффициент растворимости) *зависит* от природы растворителя, а также от температуры и давления (167).

При таких глагольных формах используются детерминативы типа *всегда*, *обычно*, *как правило*. Ср. примеры из книги (Будагов 1977):

обычно не *интересует* (134), *часто повторяется* (135), *нередко приходится* (139), *как правило, создаются* (144), *постоянно наталкиваются* (150), *никогда* не *останавливаются* (160).

19. В ОФС довольно трудно говорить о какой-либо экспрессивности форм настоящего времени[16]. Для употребления настоящего времени в ОФС характерна сильно выраженная функция предписания. Скажем, в статье 49 Конституции СССР (1974) настоящее время употребляется только в таком значении (*созыва-*

[16] В этом стиле настоящее время далеко не самая частотная форма глагола (в Конституции СССР — 69%, в Уставе КПСС — 55%). В то время как в ЛФС, по данным М. Н. Кожиной, употребление настоящего времени сводится всего к 11%, в ОФС оно достигает 79% (в научном стиле — 69%), см. (Кожина 1972: 156). Самый высокий процент настоящего времени — в ОФС (97%), а самый низкий — в ЛФС (24,2%): ЛФС 24,2%, ПФС 45,2%, НФС 74,5%, ОФС 97,0%, РФС 44,3%. Средний показатель использования настоящего времени в технических текстах составляет 481, а в ЛФС — 103 (Кауфман 1970: 182).

ет, *издает*, *дает*, *распускает*, *назначает*, *производит*, *отменяет*, *освобождает*, *учреждает*, *устанавливает*, *награждает*, *присваивает*, *осуществляет*, *сменяет*, *объявляет*, *ратифицирует* и т. д.).

Прошедшее время

0. Объективное время необратимо и может развиваться в одном направлении — от прошлого к будущему. Прошлое, как форма проявления времени, определяется по отношению к настоящему: «прошлое — это то, что уже было настоящим, и теперь им не является. Прошлое эмпирически н е н а б л ю д а е м о, поскольку уже не существует как действительное. В этом смысле прошлое является чисто у м с т в е н н о й к о н с т р у к ц и е й. Оно мыслится как заполненное событиями, которые когда-то были настоящими. Прошлое оставляет в настоящем свои следы. Прошлое является з а к р ы т ы м: его нельзя изменить, от него нельзя отказаться, нельзя заменить другим. Реконструируя, постигая прошлое, человек может давать различную интерпретацию прошлого и давать различную оценку событиям в соответствии со своими ценностями и пониманием происходящего» (В. П. Казарян. Прошлое — www). В нашем сознании прошлое связано с настоящим и хранится в памяти (ПВД 1971: 77). Лингвистически прошедшее время — форма финитного глагола, указывающая, что ситуация, о которой говорится в предложении, предшествует моменту речи или другому моменту, мысленно приравниваемому к моменту речи (Маслов 1990в: 403). Формы прошедшего времени имеют категориальное значение предшествования (прошедшего) по отношению к грамматической точке отсчета (Грамматика-1980/1: § 1496). Значение прошедшего времени выражается при помощи двух форм — форм несовершенного и совершенного вида[1]. Формы

[1] «Между прош. вр. глаголов несов. вида и прош. вр. глаголов сов. вида имеются различия в типах употребления, связанные, главным образом, с категорией вида. Формы прош. вр. глаголов сов. вида, выступая в перфектном типе употребления […], тесно связывают план прошедшего времени с планом настоящего времени. Напротив, при несов. виде глагола формы прош. вр., как правило, обозначают действие, полностью отнесенное к прошлому и не имеющее связи с настоящим. Сравним значения форм прош. вр. глаголов несов. и сов. вида: *Попробуй только ослушаться*, *немедленно Клавдию Петровичу расскажу*, *кто п о р т р е т с п р я т а л... Я видел вчера*, *как ты е г о п р я т а л* (А. Н. Т.). Лишь в редких случаях, в строго ограниченных условиях, формы прош. вр. глаголов несов. вида способны выступать в перфектном употреблении: *Она отлично образованна*, *умеет мыслить… Н е л ю б и л а ни разу в жизни. Ленива*, *любит философствовать*, *читает книги лежа* (Чех., переписка). […] Таким образом, прош. вр. глаголов сов. вида отличается от прош. вр. глаголов несов. вида способностью выражать прошедшее действие, тесно связанное по своему результату с планом настоящего времени, что для прош. вр. глаголов несов. вида возможно лишь в исключительных случаях. Кроме того, прош. вр. глаголов сов. вида способно высту-

прошедшего времени используются **(а)** для передачи действий в прошлом и **(б)** для выражения действий, которые происходят в данный момент или даже будут происходить в будущем. Второй случай представляет собой транспозицию, приводящую к созданию экспрессивности.

1. Прошедшее время глаголов совершенного вида используется иногда для передачи будущих действий, представленных как уже реализованные. Особенно часто встречаются выражения типа мы *пропали,* мы *погибли*:

> Империалистический двустандартный фундаментализм США приведет, если у власти будет Ющенко, — к полной деморализации большой части общества, и это приведет, в свою очередь, к глобальному экономическому кризису, чего и добивается США, посредством своей «незалежной» апельсиновой марионетки. Если будет пан, — то мы *пропали*. (Прош. вр. 04-www). — Саша, мы *пропали*! — раздался голос Герды, пробиравшейся между столиками к нашим друзьям. — Жужу простудила горло, и у нас некому петь! (Прош. вр. 05-www). Если он снова сядет на коня, то мы *пропали*. (Прош. вр. 06-www). Ты слышишь, все рушится вокруг! Мы *погибли*! — кричала Вера. (Прош. вр. 03-www). Все на судне принимали меры. Работали не покладая рук. «Мы *погибли*», — говорили все. Но вдруг вдали показалось широкое судно. Оно направлялось к ним (Сысуева Катерина. «Шторм»).

Такое употребление в некоторых случаях фразеологизировано в форме разговорного и шутливого выражения типа *плакали денежки*, *плакала наша премия*, *плакал твой отпуск* для передачи того, что пропало, чего не вернешь, что могло бы быть, но уже не будет (Ожегов, Шведова 1996)[2]. Данное употребление иногда встречается в заголовках газетных статей:

> *П л а к а л и* в а ш и д е н е ж к и. Кто платит за недобросовестную рекламу (Известия. — Москва: 19 июля 1995, № 132, с. 11).

Иногда ассоциативно соотносится прямое значение глагола *плакать* (*плакали дети*) с переносным (*плакали денежки*):

> Детская тургруппа из Якутии — Саха намеревалась по линии этой турфирмы посетить Италию, было передано в руки директора турфирмы более 7 тысяч долларов, но *денежки*, как говорится, *плакали вместе с детьми* (Прош. вр. 04-www).

пать в ряде переносных употреблений, не свойственных прош. вр. глаголов несов. вида […]» (Грамматика-1980 / 1: § 1497).

[2] В «Фразеологическом словаре» выражение *плакали денежки* снабжается пометой «Прост. Экспр.» (Фраз. словарь 1967).

Форма прошедшего времени совершенного вида может выступать в функции будущего простого (*получил = получу*):

Ну хорошо, я *получил* список ссылок. Что мне делать, чтобы закачать файлы? (Прош. вр. 01-www)

Ср.:

Ой, доктор, я стесняюсь. Хорошо, я *погашу* свет. А куда мне положить одежду? (Прош. вр. 02-www)

Особая разновидность форм прошедшего времени в контексте будущего представлена оборотом типа: «Так я и *поверил*!» или «Как же, *испугался* я». Отрицание факта в будущем эмоционально выражается как ироническое признание его уже свершившимся.

Мне удалось снизить цену за рогатку в семь раз! Хитрый негр потом спросил, откуда я, — и заявил, что Москва делает отличный бизнес. Конечно, так я ему и *поверил*! Меня успокоило известие о том, что писатель Андрей Битов купил такую же рогатку в два раза дороже (Ю. Нечипоренко. «В Париж»).

Два мужика. Первый идет и канючит:
— А я секс-гигант, а я секс-гигант, не, я в натуре секс-гигант!!!
— Ой, так я тебе и *поверил*...
— Ты мне не веришь? (Прош. вр. 07-www)

А может быть, он и вправду невиновен? — Так я и *поверил*. — Не говорите гадостей (Прош. вр. 08-www).

2. Формы прошедшего времени не только фразеологизируются, но и «гномизируются» — используются в пословицах и поговорках и, таким образом, теряют основное значение, значение действия в прошлом. Вот несколько примеров:

Леший *обошел*. *Задумал* мужик брагу сварить, а уже черт с чаркой стоит. *Перестоялась* трава — ни сено, ни труха. Федул на двор *заглянул* — пора серпы зубрить. К миру *приложился* — головою *заложился*. Коли у поля *стал*, так бей наповал. *Умерла* та курица, которая *несла* татарам золотые яйца. *Вселился* черт в боярский двор. *Пришла* беда — отворяй ворота. *Пошел* в суд в кафтане, а *вышел* нагишом. Правда на небо *улетела*. *Были*, *были*, и бояре волком *выли*. *Пропал*, как швед под Полтавой. *Отогрелся* в Москве, а *замерз* на Березине. *Взял* у черта рогожу, отдать будет и кожу. *Нанялся* — *продался*. Нужду мужик в реке *топил*, да не *утопил*. *Шли* бечевой, а хлеба ничего. Дворня вотчину *съела*. Дворня да псаря барина *съела*. *Пропали* наши головы за боярами голыми. Как *родился*, так и за молот *ухватился*. *Стали* дела наши поправляться: *стало* земли от семян оставаться. Ко дворцу *шли* просители, от дворца *шли* мстители. *Остался* заряд — не пяться назад.

Пришел Гитлер в гости, да *растерял* кости. Родня: наши собаки из одного корыта *лакали*. Овсяная каша *хвалилась*, будто с коровьим маслом *родилась*. Сам кашу *заварил*, сам ее и расхлебывай. Синица за море *летала* и море зажигать *хотела*, синица много *нашумела*, да не *было* из шума дела. *Пошла* по масло, а в печи *погасло*. *Стирала* — не *устала*, *выстирала* — не *узнала*. На печи по дрова *поехал*. *Застала* зима сватью в летнем платье. Коня *положили*, да зайца *уходили*. У дружных соседей и сохи *свились* вместе. С дерева *убился* бортник, *утонул* рыбак, а убит солдат. *Уходили* бурку крытые горки. Не вдруг Москва *строилась*. *Умерла* щука, да зубы *остались* [3].

Прошедшее время от глаголов совершенного вида употребляется в контексте будущего времени (действие изображено как будто уже завершено). На контрасте двух значений создается экспрессия:

Скоро стемнеет, а я, кроме двора, еще ничего не *видала*! (Прош. вр. 10-www).

Просторечный характер имеет оборот, в котором ироническая констатация действия, обозначенного формой прошедшего несовершенного, передает фактическое отрицание этого действия в настоящем:

— Чего она тебе, на самом деле, повернуться не дает! — Да ну, *боялся* я ее (то есть не боюсь), отвечал Плещеев [...] (цит. по [Бондарко 1971а: 132]).

3. Прошедшее время от глаголов совершенного вида содержит два типа значений — перфектное (связанное с настоящим временем) и аористическое (не связанное с настоящим временем). Перфектное значение имеем в следующем случае:

Все это, браток, ничего бы, как-нибудь мы с ним прожили бы, да вот сердце у меня *раскачалось*, поршня надо менять (Шолохов 1975: 45).

Аористическое значение:

Мы с товарищами *выехали* до восхода солнца (7).

Прошедшее время от глаголов совершенного вида может получать и обобщающий характер:

Так бывает в иных семьях, где жена дура; *насмотрелся* я на таких шалав, знаю (14). Прошлое — вот та дальняя степь в дымке. Утром я *шел* по ней, все было ясно кругом, а *отшагал* двадцать километров, и вот уже *затянула* степь дымка, и отсюда не отличишь лес от бурьяна, пашню от травокоса […] (14).

---

[3] Примеры взяты из различных сборников пословиц.

Прошедшее время от глаголов несовершенного вида иногда выражает отдельное конкретное действие:

Провожали меня все четверо моих […] (15).

Оно же употребляется и для обозначения нелокализованного, неопределенного и обобщенного действия:

Видали вы когда-нибудь глаза, словно присыпанные пеплом […] (11).

В описаниях природы в равной степени употребляется прошедшее время от глаголов совершенного и несовершенного вида:

В конце марта из Приазовья *подули* теплые ветры, и уже через двое суток начисто *оголились* пески левобережья Дона, в степи *вспухли* набитые снегом лога и балки, взломав лед, бешено *взыграли* степные речки, и дороги *стали* совсем непроездны (7). Ялта была едва видна сквозь утренний туман, на вершинах гор неподвижно *стояли* белые облака. Листва не *шевелилась* на деревьях, *кричали* цикады, и однообразный, глухой шум моря, доносившийся снизу, *говорил* о покое, о вечном покое, какой ожидает нас. Так *шумело* внизу, когда еще тут не *было* ни Ялты, ни Ореанды, теперь шумит и будет шуметь так же равнодушно и глухо, когда нас не будет (Чехов 1975: 12).

Описание большей частью дается в прошедшем времени, затем используется настоящее, а заканчивается — в будущем.

4. Экспрессивность форм прошедшего времени достигается и повторением, скоплением глаголов в форме прошедшего времени:

Потом каждый полдень они *встречались* на набережной, *завтракали* вместе, *обедали*, *гуляли*, *восхищались* морем (Чехов 1975: 13). Ну, через год *вернулся* с Кубани, хатенку *продал*, *поехал* в Воронеж. Поначалу *работал* в плотницкой артели, потом *пошел* на завод, *выучился* на слесаря. Вскорости *женился*. Жена *воспитывалась* в детском доме. Сиротка. Хорошая *попалась* мне девка! (Шолохов 1975: 12)

5. В поэзии прошедшее время часто используется в описаниях природы:

Смеркалось, жаркий день *бледнел* неуловимо,
Над озером туман *тянулся* полосой. […]
(А. К. Толстой. «Смеркалось, жаркий день бледнел неуловимо… »)

В любовной поэзии эта форма также часто присутствует, о чем, к примеру, свидетельствует стихотворение Пушкина «К А. П. Керн», в котором из 12 глаголов 10 имеют форму прошедшего времени (*явилась* — два раза, *звучал*, *снились*, *шли*, *рассеял*, *забыл*, *тянулись*, *настало*, *воскресли* — по одному разу).

Повторение форм прошедшего времени усиливает их значение:

Трупы деревьев недвижно *лежали*;
Сучья *ломались*, *скрипели*, *трещали.* […]
(Н. А. Некрасов. Саша)

6. Формы прошедшего времени иногда вступают в соотношение на основе их видовой принадлежности. Ср.:

Утром он *возил* нас на станцию очень быстро (указывается на неопределенность движения). — Утром он *вез* нас на станцию очень быстро (уточняется характер протекания действия)[4].

Такие замены можно связать с понятиями «ситуативно актуализованной/неактуализованной речи» (Теория 1984: 5). «В первом типе речи, — подчеркивает А. В. Бондарко, — представлена актуальная прямая соотнесенность указанных элементов содержания высказывания с позиции говорящего, тогда как во втором типе эта соотнесенность остается неактуализованной и подвергается определенным модификациям и сдвигам. Первый тип речи характерен для непосредственного общения говорящего и слушающего, ... тогда как второй — для художественного повествования, а также для констатации закономерностей и правил в научных трудах, учебниках и т. п.» (Там же: 6).

О замене несовершенного вида совершенным в прошедшем времени и наоборот Д. Э. Розенталь пишет: «В ряде случаев, в зависимости от значения глагола, форма несовершенного вида употребляется вместо формы совершенного вида, хотя мыслится действие законченное, результативное. Так, в репликах

— *Читали* ли вы “Анну Каренину”? — Да, *читал.*

имеется в виду значение ʻознакомиться с произведением в результате процессаʼ, но обозначается факт прошлого безотносительно к его пределу и в связи с настоящим, поэтому употреблено прошедшее время несовершенного вида. Формы же:

— *Прочитали* вы “Анну Каренину”? — Да, *прочитал.*

имеют значение доведение действия до его предела, результата» (Розенталь 1977: 165).

О синонимии («конкуренции») двух видов в прошедшем времени писал Б. А. Маслов (Маслов 1984: 78—82). Синонимию и конкуренцию видов он обнаруживает при выражении длительных и повторяющихся действий, когда имеет место то или иное ограничение длительности или повторения либо многократное или потенциальное действие оказывается представленным «пластически» — как бы на наглядном примере одного конкретного случая (Там же: 78). Б. А. Маслов выделяет три типа видовой конкуренции-синонимии. Первый сводится к тому, что

[4] Примеры взяты из (Розенталь 1977: 169).

ограниченно-длительное действие всегда может быть выражено с помощью НСВ, но в определенных случаях также и с помощью СВ:

Он *стоял* / *простоял* целый час.

«Смысловое различие между одним и другим способом выражения очень небольшое: в случае НСВ упор делается на длительность как таковую, а в случае СВ — на ограничение (“охват”) этой длительности. [...] Следует также подчеркнуть, что при пердуративных глаголах употребление обстоятельств продолжительности строго обязательно. Предложение

Он *простоял* там —

без подобных обстоятельств можно встретить лишь как прерванное, вообще, — не доведенное до конца. При демилитативном глаголе обстоятельство продолжительности может быть опущено:

Ты *поспал* после обеда? Не буди его, пусть *поспит* и т. д.» (Маслов 1984: 79).

Второй тип подразумевает, что «ограниченно-многократное действие тоже может быть выражено двояким образом — в СВ и НСВ — причем эта двойственность встречается не в каких-то особых условиях, а в любых случаях ограниченной кратности. В предложении вроде

Он два раза (пять раз и т. д., даже несколько раз) *обернулся* / *оборачивался*

формы одного и другого вида, так сказать, абсолютно равноправны... Обе формы — СВ и НСВ — обозначают, в принципе, одно и то же. Только при использовании НСВ перед нами ограниченно-кратное значение: ограниченное повторение изображается “само по себе”, без подчеркнутого суммирования» (Маслов 1984: 80). «Однако, есть случаи, — продолжает Б. А. Маслов, — в которых НСВ в ограниченно-кратном значении “звучит естественнее” в русском языке, чем в значении суммарном, а именно те, в которых предпосылкой каждого нового повторения действия является устранение результата, полученного в предыдущий раз, т. е. “двустороннее действие”. Так,

Я два раза *открывал* окно

лучше, чем

Я два раза *открыл* окно,

так как его ведь надо снова закрыть [...], прежде чем его можно вторично открывать». Третий же тип касается случаев, когда неопределенно-повторяющееся или потенциальное действие может быть выражено не только с помощью НСВ, как мы это видели во II семантической оппозиции, но, при определенных условиях, и с помощью СВ. Так, [...] предложение

Как только он возвращался с прогулки, он *открывал* окно

можно перестроить следующим образом:

Он, как вернется, бывало, с прогулки, (сразу) *откроет* (или же: *открывает*) окно.

По мнению Б. А. Маслова, «в подобных случаях, можно говорить о “наглядно-примерном значении”, о “партикуляризации” многократного события. Обыкновенное и типичное наглядно изображается здесь, так сказать, на конкретном примере[...]». Далее он подчеркивает, что условия, при которых возможна «партикуляризация» многократного или потенциального действия, являются довольно различными в разных славянских языках. «В западнославянских языках она распространена значительно шире, чем в восточнославянских языках. В русском языке она довольно широко представлена в презенсе, в инфинитиве, но лишь скупо — в прошедшем времени. Но в одном отношении положение во всех славянских языках оказывается сходным: везде партикуляризация не изменяет денотативного содержания высказывания, везде она служит лишь средством стилистической нюансировки» (Маслов 1984: 81).

7. В русском языке формой прошедшего времени не обозначается лицо, совершающее действие, поэтому эту форму обязательно сопровождает личное местоимение. Если мы скажем

читал книгу,

в изолированном высказывании (вне контекста) совсем неясно, кто является действующим лицом (1, 2 или 3 лицо). Поэтому в подобных случаях никогда не опускается личное местоимение (оно не используется только в случаях, если контекст ясно указывает на агенса). В сербском / хорватском с прошедшим временем — иная ситуация. В нем прошедшее время — сложная форма глагола, и благодаря вспомогательному глаголу *jesam* известно действующее лицо и без личного местоимения. Ср.:

Čitao sam knjigu. *Čitao si* knjigu. *Čitao je* knjigu. — *Я читал* книгу. *Ты читал* книгу. *Он читал* книгу.

Кроме того, русские *читал*, *читала* и т. п. стилистически немаркированные, а сербохорватские *čitao, čitala* и т. п. без вспомогательного глагола экспрессивны, поэтому писатели их с удовольствием используют (это так называемый краткий перфект). В русском языке нельзя опустить вспомогательный глагол, так как его просто нет, и поэтому для достижения определенного стилистического эффекта прибегают к опусканию личного местоимения. Кроме того, таким действием (исключением местоимения) усиливается динамичность, живость изложения.

В голодный двадцать второй год *подался* на Кубань, ишачить на кулаков, потому и уцелел. А отец с матерью и сестренка дома *померли* от голода.

Остался один […] Ну через год *вернулся* с Кубани, хатенку *продал*, *поехал* в Воронеж. Поначалу *работал* в плотницкой артели, потом *пошел* на завод, *выучился* на слесаря. Вскорости *женился* (Шолохов 1975: 12).

Такое употребление связано с формой повествования от первого лица. Местоимение опускается очень часто при перечислении:

Куда меня только не *гоняли* за два года плена! Половину Германии объехал за это время: и в Саксонии *был*, на силикатном заводе *работал*, и в Рурской области на шахте уголек *откатывал*, и в Баварии на земляных работах горб *наживал*, и в Тюрингии *побыл*, и черт-те где не *пришлось* по немецкой земле походить (Шолохов 1975: 7).

Как видно из примеров, М. А. Шолохов в основном опускает местоимение 1-го лица единственного числа.

8. Некоторые выделяют две формы прошедшего времени — повествовательное прошедшее время (нарратив) и неповествовательное прошедшее время (Маслов 1990в: 404). Первое используется в рассказах о событиях прошлого или о вымышленных событиях, относимых к любому времени, в частности, и к будущему. Оно подразделяется на аорист и имперфект. Второе (актуальное прошедшее, акциональный перфект) обозначает такое событие прошлого, которое по своим прямым и косвенным последствиям важно для настоящего момента.

9. Особой экспрессивностью отличаются формы прошедшего времени от многократных бесприставочных глаголов с суффиксами *-а-*, *-ва-*, *-ыва-*/*-ива-* типа **(а)** *едал*, *езжал*; **(б)** *бивал*, *знавал*, *живал*, *певал*; **(в)** *бегивал*, *видывал*, *гащивал*, *говаривал*, *гуливал*, *даривал*, *езживал*, *игрывал*, *писывал*, *плакивал*, *рубливал*, *сиживал*, *служивал*, *шучивал*, *хаживал*. Они выражают неоднократную повторяемость и длительность действия в прошлом, и поэтому А. В. Бондарко называет их «прошедшим давнего обыкновения», подчеркивая, что они имеют характер особого стилистически окрашенного оборота с ограниченной сферой употребления (Бондарко 2002: 490)[5].

---

[5] «Такие образования, возможные лишь от немногих глаголов, характеризуются малоупотребительностью и стилистической окрашенностью. […] Сокращение употребительности подобных форм отмечается уже в русском литературном языке второй половины XIX в. […] Свободное употребление характерно лишь для формы *бывал* от многократного глагола, употребительного и в других формах (ср. *бываю).* [...] Образования данного типа нет оснований рассматривать в одном ряду с регулярными и свободно употребляющимися временными формами, образующими ядро грамматической категории времени и поля темпоральности в целом. Эти образования явно относятся к окружению парадигмы глагольного времени (к ближней периферии)» (Бондарко 2002: 489—490).

10. Экспрессивный характер этих форм покажем на примере нескольких глаголов. Так, прошедшее время глагола *едать* (*едал, едала, едало, едали*) имеет разговорный характер и употребляется в значении ʻпринимать, поглощать пищуʼ:

> Не знаю, что это у англичан — не *едал*. Может, кто *едал* — расскажет? (Едал 03-www) А *едал* ли кто-нибудь из вас, хлопцы и девчата, хорошего борща в ресторанах, особенно в зарубежных? (Едал 04-www) […] давненько я не *едал* такого стейка, а уж стейков я *едал* много где (Едал 06-www).

Иногда оно используется в обобщенном, вневременном значении:

> Тот не знает наслажденья, кто картошки не *едал*! (Едал 01-www)

Прошедшее время данного глагола встречается в прозаических рифмовках типа:

> Кто в Суздале не бывал, тот огурцов не *едал*! (Едал 02-www) У двух мужиков идет беседа: — Да,... ну и хороша же гречневая кашка! — А ты *едал*? — Ну,… я не *едал,...* но мой дядя видал, как барин *едал*! (Едал 05-www)

Продолжительность действия может уточняться наречиями и наречными выражениями:

> Следившие за жизнию его, замечали, что не *едал* он по три и по четыре дня, а иногда и целую неделю (Толстой. Рассказы-www).

11. От многократного глагола *езжать*, имеющего разговорный характер, не используется настоящее время, а формы прошедшего времени употребляются для обозначения действия, совершающегося часто или в разных направлениях, также в значении ʻпосещать кого-/что-нибудь, приезжаяʼ:

> […] набожный царь часто *езжал* туда молиться за упокой своих предков и давал на монастырь щедрое жалованье (Костомаров-www). Как почему? Да сколько раз, бывало, в неделю он на мельницу *езжал*? (Езжал 01-www). Что значит, человек молодой, непривычный. Таким-то родом *езжал* он к нам часто (Езжал 02-www). Кто *езжал* по таким дорогам, тот, верно, поднимал стрепетов и даже видал, как они бегут впереди лошадей (Аксаков-www). Когда муж *езжал*, то он шуточно заявил — мол, теперь нестрашно и умереть, «семя я посадил» (Езжал 03-www).

Этот глагол встречается и в поэзии:

Не сложилось начала
у начала начал.
Ты *езжала* —
молчала.
Я *езжал* и молчал.

Сквозь чужие скелеты
и изгибы до дыр
я купил сигарету.
Я *езжал* и курил.
[…]
Ты *езжала* —
молчала.
Я *езжал* и внимал.
(Андрей Анатой. кие0710)

Родина-мать! по равнинам твоим
Я не *езжал* еще с чувством таким!
(Н. А. Некрасов. Свобода)

Ох ты, гой еси, матушка родимая,
Сколько я по пирам не *езжал*,
А таково еще пьян не бывал. […]
(Езжал 07-www)

В некоторых стихах происходит нагромождение данных форм:

Пять лет, как я сию уж должность отправляю,
Пять лет, как я кнутом лошадок погоняю;
Езжал на резвых я, *езжал* на усталых,
Езжал на смирных я, *езжал* на удалых. […]
(Манфред Шруба-www)

12. Многократный глагол разговорного характера *бивать* не используется в настоящем времени, а в прошедшем времени чаще всего выступает в значении ʻударять’, ʻизбивать’, ʻнаносить поражение’. В следующих примерах реализовано значение ʻизбивать’:

Вечно болезненный и злобный, Илья бесчеловечно *бивал* Лизавету, когда та приходила домой (Достоевский. Братья Карамазовы-www). — Ты ее *бивал*, Павел Никифорович? — Нет, не *бивал* (Москвин. Дерево-www). — Приведешь! Ты откуда, а я чей? — Чей! Да я вот тебя и *бивал*, да не хвастаю, а то еще чей! — Ты *бивал*! Да кто меня прибьет, еще тот не родился, а кто *бивал*, тот в земле лежит! (Достоевский. Записки из Мертвого дома-www)

Значение ʻнаносить поражение’ встречается в таких предложениях:

К десяти годам мальчик уже сделался местной достопримечательностью. Не раз *бивал* он юного Анатолия Карпова и бегал гораздо быстрее Ивана Поддубного (Бивал 02-www). Себя Уильямс, конечно, рекламировал,

как боксера страшного, бесстрашного и непобедимого. Еще бы — самого Тайсона *бивал*, было дело! (Бивал 01-www)

Этот глагол реже появляется в нашем материале:

Одевал и кормил, без пути не бранил,
Уважал, тоись, вот как, с охотой...
А, слышь, бить — так почти не *бивал*,
Разве только под пьяную руку...
(Н. А. Некрасов. В дороге)

13. У глагола *живать*, имеющего разговорный характер, также отсутствуют формы настоящего времени. В нашем материале он используется в значении ʻпроводить жизнь в каком-н. месте, среди кого-н.ʼ, ʻобитатьʼ:

Зато летом оно посещалось Устюговыми усиленно, а П. П. *живал* в нем иногда и месяцами (Живал 02-www). Я довольно долго *живал* в Воронежской области […] (Живал 03-www).

Иногда параллельно употребляются *жил* и *живал*:

А. Абдулов. — Вы в деревне жили — долгое время? — *Живал*, Александр Гаврилович, *живал* (Живал 05-www). В домике этом *живал* лесник, к которому Кант во время своих философических прогулок любил хаживать в гости, дабы в приятной компании выпить бокал-другой хорошего вина. Дом, где жил сам Кант, не сохранился, его снесли еще в прошлом веке (Живал 04-www).

Форма *живал* появляется в форме игры слов, чтобы подчеркнуть определенное значение:

Кто в общаге не *живал*, тот студентом не бывал!.. (Живал 01-www)

14. Прошедшее время разговорного глагола *певать* используется в значении ʻиздавать голосом музыкальные звуки, исполнять вокальное произведениеʼ:

Частенько *певал* «Живет моя отрада в высоком терему» и еще «По Дону гуляет» (Певал 01-www). Подавай нам гимн государству, но не тот, что *певал* товарищ Сталин […] (Певал 05-www).

В большинстве случаев форма прошедшего времени этого глагола перекликается с формами однокоренных слов — глаголов *петь*, *спеть*, *напевать*, существительных *песня, песенка* и т. п.:

А я, брат, никогда еще не плавал и давно не *певал*... Но всю свою жизнь собирался... Все-таки поплаваю здесь... Только вот петь... Ангина проклятая... А ведь у меня был хороший голос когда-то... Тенором в семинарской церкви первые партии *певал*... (Гребенщиков. В бору-www).

Не любила Карповна новых песен и сама в досужую минуту напевала сыну старые. А Спиридон учил товарищей и частенько вместе с ними тешил Карповну, будя в ней образы давно прошедшего. Она послушает-послушает да и вспомнит песню еще того старее. — А еще *певали* прежде, — скажет она, грустно улыбнувшись, — мой дедушка *певал*, бывало, вот такую песню (Гребенщиков. Змей Горыныч-www). Песенка-то трогательная, я ее сам в юности под гитару *певал*, а вот не замечал никогда, с каким поразительным и, я бы сказал, жестоким мастерством описана смерть этой самой Женьки […] Ах, как я любила... Я до обожания любила этот романс, Полечка!.. Знаешь, твой отец... еще женихом *певал*... О, дни!.. Вот бы, вот бы нам спеть! Ну как же, как же... вот я и забыла... да напомните же, как же? (Певал 02-www). — Спойте, Аполлон Александрович, что-нибудь! — Спой, в самом деле! И он не заставлял себя упрашивать. *Певал* он по целым вечерам, время от времени освежаясь новым стаканом чаю, а затем, нередко около полуночи, уносил домой пешком свою гитару (Фет. Кактус-www).

В некоторых случаях перед формой прошедшего времени стоит *как*:

Как *певал* Владимир Семенович Высоцкий «Образованность все хочут показать»! […] (Певал 03-www) И опять же, в контексте правоты америкоса, как *певал* Высоцкий «но огромное это светило, к сожалению, было еврей» (Певал 04-www).

Из всех глаголов данной группы чаще всего встречается форма *певал*. Она может появиться уже в первом стихе:

Так *певал* без принужденья,
Как на ветке соловей,
Я живые впечатленья
Полной юности моей.
(А. А. Дельвиг. Эпилог)

Иногда все стихотворение пронизано данной глагольной формой и формами однокоренных слов:

Осенне времечко настало.
Не пой, унылый снегирек!
Не пой, как ты *певал* бывало,
Не пой, мой добренький дружок!
Пускай павлин, хвостом пушистый,
Своею славится трубой!
Петух, и ночью голосистый,
А ты, мой друг снегирь, не пой.
Их песни и сердца железны
Почувствуют огромный глас!

Души твоей напевы нежны...
Не пой, мой друг снегирь, на час.
Осенне времечко настало.
Не пой, унылый снегирек!
Не пой, как ты *певал* бывало,
Не пой, мой добренький дружок!
(Н. А. Львов. Снегирь)

В поэзии наблюдается разнообразная сочетаемость данных форм прошедшего времени. В нашем материале мы обнаружили следующие случаи:

а) *певал* (*-ла*, *-ло*, *-ли*) к т о :

Надо мной *певала* матушка,
Колыбель мою качаючи:
«Будешь счастлив, Калистратушка,
Будешь жить ты припеваючи!»
(Н. А. Некрасов. «Надо мной певала матушка…»)

б) *певал* (*-ла*, *-ло*, *-ли*) ч т о (чаще всего песню / песни):

Пил я водку под селедку,
на приличия плевал,
в жарких спорах драл я глотку,
песни дерзкие *певал*…
(М. А. Кулижников. «Эх, кружило, так кружило…»)

Очи потускли, и голос пропал,
Что заунывную песню *певал*,
(Н. А. Некрасов. Несжатая полоса)

Мы *певали* песни, как из леса шли —
Как купцов с товаром мы в овраг вели...

Ты б нас тут послушал — ладно пели мы;
Да не долго песней тешились купцы...»
(Баллада)

Эту песню *певал*
Мой страдалец-отец,
И по смерть завещал
Допевать мне конец.
(Н. А. Клюев. «Безответным рабом…»)

в) *певал* (*-ла*, *-ло*, *-ли*) к о г о (например, вас, ее):

Авось на память поневоле
Придет вам тот, кто вас *певал*

В те дни, как Пресненское поле
Еще забор не заграждал.
(А. С. Пушкин. Е. Н. Ушаковой)

Напрасно я любви Светланы
Надежно, пламенно искал;
Напрасно пьяный и непьяный
Ее хвалил, ее *певал*.
(Н. М. Языков. «Напрасно я любви Светланы…»)

г) *певал* (*-ла*, *-ло*, *-ли*) к о м у (например, ей):

Так *певал*, бывало, *ей*,
И красавицы моей
Сердце песнью любовалось;
Но блаженство миновалось.
(А. С. Пушкин. С португальского).

д) *певал* (*-ла*, *-ло*, *-ли*) к а к (например, от души):

Не тревожь, не буди тайну грусти моей.
Было время, *певал* я и сам от души.
(«Ты не пой, не свисти на заре соловей...»)

е) *певал* (*-ла*, *-ло*, *-ли*) г д е (например, в домике):

Да еще *певал* я — в домике твоем;
Запивал я песни — все твоим вином […]
(Баллада)

ж) *певал* (*-ла*, *-ло*, *-ли*) к о г д а (например, когда-то):

И встал Нафтул, и кашель пропал,
Борода — как смоль, а лицо — как мел.
И пел он так, как когда-то *певал*,
И как никогда не пел.
(Игорь Белый. Прадед)

з) *певал* (*-ла*, *-ло*, *-ли*) ч т о , уточняемое придаточным предложением:

Шаляпин, помнится, *певал*, что люди гибнут за металл.
Уж целый век с тех пор прошел — никто, как видно, не нашел.
(Сноб)

Прошедшее время от этого глагола встречается и в частушках:

Что же ты, родимый батюшка,
И молод не бывал?

На беседушку не хаживал
И песен не *певал*?
(Частушки. «Парни хохочут...»),

а также в других песнях:

Никогда такие песни
Я в походах не *певал*,
Никогда еще чудесней
Командиров не встречал.
(Советская патриотическая песня «Встреча со Сталиным»)

15. Форма прошедшего времени *знавал* используется в значении ʹбыть знакомым с кем-н.ʼ:

— А ты *знавал* его, что ли? — Дедку-то Данилу? Не только *знавал*, а на страшном суде господнем рядом судиться будем... Вот как я его *знавал*. Ямщиком я был у него, по тайге возил (Знавал 02). «Эх, Петька, Петька, — сказал Чапаев, — *знавал* я одного китайского коммуниста по имени Цзе Чжуан» (Знавал 03). *Знавал* я одну провинцию, в которой происходили прелюбопытнейшие вещи (Знавал 04).

Значение данного глагола иногда подчеркивается анафорическим употреблением:

Жаль вот только очень редко — дизайнер и художник — одно лицо. *Знавал* я хороших дизайнеров интерьеров, но художников никаких. *Знавал* и художников отменных, но безыдейных каких-то... (Знавал 01).

В поэзии этот глагол может появиться в начале стихотворения:

Я *знавал* глупых женщин,
Это были в основном блондинки.
Их белое тело обтягивал розовый,
Голубой или черный купальник.
(Анжелика Миллер. «Я знавал глупых женщин…»)

Вот еще несколько примеров:

Я вас *знавал*... тому давно,
Мне, право, стыдно и грешно,
Что я тогда вас не заметил...
(И. С. Тургенев. К А. С.)

Знавал я нищего: как тень,
С утра, бывало, целый день
Старик под окнами бродил
И подаяния просил...
(Яков Полонский. Нищий)

Знавал я женщин многих — таинственных и строгих,
Не в меру одиноких, не в меру разбитных.
(Филипп Киркоров. Милая)

Я *знавал* ребят, которые могли постоять за себя.
Я *знавал* девочек, с которыми всегда можно было здорово поразвлечься.
(Карл Сэндберг. Мысли в служебном вагоне)

16. Глагольные образования с суффиксом *-ыва-*/*-ива-* одни называют давнопрошедшим временем (Виноградов 1972: 431—433), другие — формами давнопрошедшего времени (Власова 1965). «В современном русском языке формы давнопрошедшего времени все еще употребительны, хотя встречаются значительно реже, чем в XIX и тем более — в XVIII веке. Эти формы довольно распространены в живом разговорном языке и встречаются в произведениях художественной литературы. Но круг глаголов, от которых они образуются, в современном русском языке ограничен. Некоторые формы давнопрошедшего времени существуют только как возможная модель, но реализуются они очень редко. В исследованных произведениях художественной литературы и записях народных говоров встретилось лишь 69 основ глагола, послуживших для образования формы давнопрошедшего времени» (Власова 1965: 115). Эти формы очень употребительны в баснях, сказах, сказках и народных песнях (Там же: 117, 120), в то время как в литературных произведениях XX века они, особенно *хаживал*, *нашивал* без отрицания, встречаются очень редко (Там же: 117, 121). «Чаще всего они употребляются с отрицательной частицей *не*, т. е. в форме категорического отрицания» (Там же: 121). Эти формы обозначают действие, происходившее давно, в неопределенное время, но далеко не всегда им присуще значение многократности (Там же: 132).

17. Многократный глагол *хаживать* отличается отсутствием форм настоящего времени и употреблением форм прошедшего времени в значении *'идти'*.

Зато увидите форму, в какой *хаживал* бравый солдат Швейк […] (Хаживал 01-www). Хмуришься, невесел? С прибауткой-шуткой в бой *хаживал*, дружочек (Хаживал 02-www). Костров *хаживал* к Ивану Петровичу Бекетову, двоюродному брату моего дяди (Хаживал 03-www). Еще учась в здешней академии, я не раз и не два *хаживал* сюда насладиться духовною радостию, насытиться глубокими религиозно-нравственными переживаниями (Хаживал 04-www). Хотя и по снегу, и по грязи, бывало, *хаживал* немало. Спецом испытания проводил (Хаживал 06-www). Я с ним не *хаживал*, а отец мой *хаживал*. Тут по Чулыму ходили они, бывали на Оби (Прош. вр. 11-www). Он зимой и летом *хаживал* босой. И не стоял в очередях за колбасой (Прош. вр. 12-www). Я вот когда-то в качалку *хаживал*, так после того, как палку кинешь, тяжело заниматься [...] (Прош. вр. 13-www). Раб Божий (имя), где бы ты ни *хаживал*, где тело свое ни нашивал, а душу ко мне, рабе (имя) принесешь (Прош. вр. 14-www).

Данный глагол часто сочетается с частицей *бывало*:

> И-и-и, родненькая, баба — она себе на уме. Хитрюща! Бывало, дед мой на бабу частенько *хаживал*, отважный мужик был — без двух-трех зараз не возвращался (Баба — она хитрая-www).

Иногда они используются в значении ʻбыть неустойчивым в любовных отношениях, изменять’:

> И все бы было хорошо, если б Высоцкий не встретил новую любовь — PHP. Признаться, еще до этой встречи он *хаживал* налево — к прекрасной Flash, но была она девочкой своенравной и отдавалась с капризками (Хаживал 05-www).

Форма *хаживал* употребляется и в значении ʻбыть храбрым’:

> Да вы всегда славились здоровьем, — сказал председатель, — и покойный ваш батюшка был также крепкий человек. — Да, на медведя один *хаживал*, — отвечал Собакевич (Гоголь. Мертвые души-www).

В поэзии формы прошедшего времени глагола *хаживать* встречаются довольно часто, иногда уже в первой строке:

Я по свету немало *хаживал*.
Жил в землянке, в окопах, в тайге,
Похоронен был дважды заживо,
Знал разлуку, любил в тоске.
(Гимн города Москвы)[6]

Форма *хаживал* может сочетаться с формой *бывал*:

Я ведь тоже *бывал-хаживал*,
и сквозил и насквозь *веивал*,
застывая сквозно, заживо
в любопытстве зрачка клеевом.
(П. А. Вар. Испытание чувств)

В фольклорной поэзии, в частушках она используется для создания глагольной рифмы и т. п.:

Я к молоденькой соседке
Не однажды *хаживал*.
У нее была подружка —
Я двоих уважива́л!
(Мы — ребята удалые-www)

---

[6] Этот гимн создан на основе песни И. О. Дунаевского, а на стихи М. С. Лисянского и С. И. Аграняна «Моя Москва».

Я к молоденькой соседке
Не однажды *хаживал*.
У нее была подруга —
Я обеим всаживал.
(Матерные частушки—www)

18. Глагол *сиживать* имеет значение ʻнаходиться, не передвигаясь’, ʻбыть в каком-н. месте’. Он также не используется в настоящем времени:

— Ты еще винограду сверху положи, — тихо сказала Гелла, пихнув в бок кота. — Попрошу меня не учить, — ответил Бегемот, — *сиживал* за столом, не беспокойтесь, *сиживал*! (Булгаков. Мастер и Маргарита-www) Друзья, долгими зимними вечерами *сиживал* я как-то, как обычно, расставляючи теги и музычку различну, обращая в правильный цифровой формат mp3. (Сиживал 01-www).

Формы прошедшего времени от этого глагола иногда служат для того, чтобы подчеркнуть, что на определенном месте сидела какая-нибудь известная личность:

Они с удовольствием проводят вас к бару, в котором *сиживал* Эрнест Хемингуэй и угостят […] (Сиживал 02-www). — За этим столиком, — объяснил сосед, — когда-то *сиживал* сам чемпион мира Михаил Ботвинник […] (Сиживал 03-www).

В поэзии:

Как уж езжу на кони ровно тридцать лет,
За рекой на коне не *сиживал*,
Перевоз на кони я не вапливал.
(Три поездки Ильи Муромца-www)

19. Многократный глагол *гуливать* в прошедшем времени используется в значении ʻходить’ (разг.), ʻбыть свободным от работы’ (разг.), ʻвеселиться, развлекаться’ (прост.):

И по Летнему саду *гуливал*, хотя это не самое мое любимое место (Гуливал 01-www).

— А давно ль когда-то
Был я молодец!
По тропе неброской
В самый ранний час
С елью и березкой
Гуливал не раз…
(Владимир Шилин. Дед-Мороз-www)

20. Подобным употреблением отличаются и другие глаголы данной группы —

а) *плакивал*:

Сроду не *плакивал*, а тут слезы катятся (Плакивал 02-www). Сроду я не *плакивал*, а тут даже в голос заголосил (Лесков. Очарованный странник-www). Долго хаживал, много *плакивал*, изнемог от устали и выбрал место, чтоб сил набраться (Плакивал 01-www).

б) *игрывал* ʻисполнять роль на сцене’:

Поступила в Киевский театральный институт, *игрывала* на сцене, в том числе, даже и Дездемону, но так и не сумела научиться публичному творчеству (Игрывал 01-www).

в) *шучивал*:

Л. А., забавляя императрицу, нередко пред ней *шучивал* и нечаянным образом спускал пред ней кубари (Западов. Комментарий-www). Он *шучивал*, отвлекался на пустяки, говорил о мелочах (Снегов. Прыжок над бездной-www).

в) *служивал*:

Служивал я и в доблестной ГСВГ (Группа Советских войск в Германии) (Служивал 01-www). И армию не больно жаль — *служивал*, знаю не понаслышке (Служивал 02-www).

Не хочу тебе я, князь, вреда-погибели,
А хочу служить тебе, как дед мой *служивал*,
Верой-правдою, да крестным целованием.
(Сказка о Великом князе Мстиславе Ярославиче,
о воеводе Блуде и жене его Марфе-www)

21. Как видно, с глаголами данной группы часто используются временные наречия и наречные сочетания: часто *езжал*, частенько *певал*, частенько *хаживал*, долго *живал*, долго *хаживал*, прежде *певал*, еще женихом *певал*, по целым вечерам *певал*, *знавал* давно, не раз и не два *хаживал*, зимой и летом *хаживал,* немало *хаживал*, не однажды *хаживал*, долгими зимними вечерами *сиживал*, когда-то *сиживал*, не раз *гуливал*, когда-то *игрывал*. Данное явление было уже отмечено в русской литературе второй половины XIX века: «Эти наречия подчеркивают и усиливают значение неоднократной повторяемости действия, которое заключено, по существу, уже в самих многократных формах. Поэтому самый факт присоединения наречий, усиливающий указанное значение, можно рассматривать как свидетельство того, что значение неоднократной повторяемости действия в последних уже ослаблено […]» (Прокопович 1969: 80). Сочетания с *когда-то* также свидетель-

ствуют о том, что в данных формах ослабляется и значение давности прошедшего действия, «прошедшего времени давнего обыкновения» (Прокопович 1969: 85).

22. Значение повторяемости действия в прошлом усиливается сочетанием данных глаголов с частицей *бывало*:

Не пой, унылый снегирек!
Не пой, как ты *певал бывало*,
Не пой, мой добренький дружок!
(Н. А. Львов. Снегирь)

23. В сербском / хорватском языке отсутствуют подобные глагольные образования, поэтому грамматико-стилистическая неэквивалентность компенсируется, в первую очередь, на лексическом уровне при помощи различных лексико-семантических групп, например: **(а)** *едал — jeo*, *езжал — išao, putovao*; **(б)** *бивал — tukao, udarao*, *знавал — znao, poznavao*, *живал — živio*, *певал — pjevao*; **(в)** *бегивал — trčao, trčkarao*, *видывал — vidio, viđao*, *гащивал — boravio, bio gost, gostovao*, *говаривал — govorio, pričao, zborio*, *гуливал — bekrijao, liumpovao*, *сиживал — sjedio*, *служивал — služio*, *шучивал — šalio se*, *хаживал — hodao.*

24. Транспозиция в рамках поля претеритальности сербохорватского поля значительно шире, чем русского, так как прошлое действие выражается четырьмя формами глагола: прошедшим временем, аористом, имперфектом и плюсквамперфектом. Прошедшее время может заменяться аористом (*skočio sam — skočih*), имперфектом (*držao sam — držah*) и плюсквамперфектом. С другой стороны, прошедшее время, как и в русском языке, употребляется вместо настоящего и будущего времени.

25. В сербском / хорватском языке так же употребляется прошедшее время для выражения действия в будущем, точнее выражается уверенность, предположение в том, что оно совершится.

> Zemljotres! — vikao je Teks. — Zemljotres! *Propali smo*! Zemlja se i dalje tresla. (Prošl. vr. 01-www) Ženo, *propali smo*, sve sam potrošio na pivu [...] (Prošl. vr. 02-www). Najnoviji otkriveni način slanja spama je pomoću famoznih trojanskih konja. Dakle, *nastradali smo*, pogotovo ako je suditi po mudrim «stručnjacima» naših provajdera. (Prošl. vr. 03-www) Narodski rečeno, ako do tada neko ne završi u Hagu, «*obrali smo* bostan». (Prošl. vr. 04-www)

Томо Маретич говорит об употреблении прошедшего времени в значении настоящего в пословицах:

> I mačka *je* kralja gledala, ama ga se nije bojala; čim *se* koza *dičila*, tim se ovca sramila (Maretić 1963: 630).

Русские формы прошедшего времени для выражения готовности совершить действие типа «я *пошел*»:

— Ну, я *пошел*, — сказал Джефи. — Ну, раз ты *пошел*, то и я с тобой (Прош. вр. 16-www). Мам, да я не влезу... Как скажешь, мама... Да я *пошел*, *пошел* уже (Прош. вр. 17-www).

имеют в сербском / хорватском языке эквивалент в аористе (*odoh* ja) или в сослагательном наклонении (ja *bih pošao*):

Vidim ja da ti smetam, *odoh* ja […] (Prošl. vr. 05-www). *Odoh* ja da spavam, biće ovo duga noć!!! Pozdrav!!!! […] e pa *odoh* ja sad […] (Prošl. vr. 07-www). [...] leskovački grafit: «NATO, predaj se! *Izgibosmo*!» (Prošl. vr. 06-www). Gospode, spasi, *izgibosmo* (Prošl. vr. 08-www).

Таким образом, аорист употребляется для обозначения событий, которые будут происходить в будущем, особенно для тех, которые, как полагают, обязательно должны случиться и которые почти в любой момент могут осуществиться (но в момент речи еще не произошли). М. Стеванович приводит примеры типа:

Pukoše mi leđa. Dobro, kad nećeš da ućutiš, ja *odoh* u kafanu.

и продолжает: «То, что в этих и подобных случаях аорист использован не для определения времени, легко увидеть уже по тому, что им обозначенные действия являются нереализованными. Эти действия в случае их реализации принадлежат будущему, поэтому этот аорист называли аористом для обозначения будущего. Им, между тем, не обозначается никакое время, и не будущее, а позиция говорящего как намерение, уверенность, убежденность, что действительно произойдет то, что выражается этой формой, или все же им выражается условие (modus kondicional). А этой формой можно выразить и какое-то другое личное мнение» (Stevanović 1975 / II: 651). Исходя из этого, этот ученый полагает, что в сербском / хорватском языке нет релятивного аориста, которым бы выражалось совершение действия в какой-то другой момент, не относящийся к прошедшему времени; значит, можно говорить только об его модальном употреблении (Там же)[7].

В переводах на русский язык сербохорватское настоящее время может использоваться в качестве корреспондента русскому прошедшему времени типа «я *пошел*».

— Ja sad *idem* (Selimović 1970: 320). — Ну я *пошел* (Selimović 1974: 320).

---

[7] Более подробно об индикативном, релятивном и модальном употреблении аориста в романе «Na Drini ćuprija» («Мост на Дрине») см. (Petrović 1971), а об его использовании в романах Мирко Божича см. (Bogdan 1977).

Аорист может употребляться в значении прошедшего, настоящего и будущего времени. Томо Маретич подчеркивает, что аорист редко используется для обозначения подлинного настоящего времени типа:

О *čuli* me (tj. *čuješ* li me), moj brate Stefane! (Maretić 1963: 621).

Имперфект может употребляться в значении прошедшего времени (*držao sam — držah*) и настоящего времени (*držim — držah*). Имперфект редко встречается в значении подлинного настоящего времени (*što veljaše — što veliš*), и в основном обозначает не подлинное настоящее:

Kad se sinovac *ženjaše*, strica ne *pitaše* […] (Maretić 1963: 624).

М. Стеванович приводит такие примеры:

Odakle vi *biste*? Kako se *zvaste*? (Stevanović 1975/II: 660).

Исследования показывают, что плюсквамперфект может употребляться только как замена прошедшего времени (*pjevao sam — bijah pjevao*). Он постепенно уходит из употребления, на что влияет и краткий перфект, который, по мнению М. Стевановича, имеет несравненно большую частотность, особенно в повествовании, экспрессивном высказывании (Stevanović 1975/II: 670).

26. В сербском / хорватском языке прошедшее время можно использовать в значении повелительного наклонения. Например:

Hajde, *prošetala*![8] (=Hajde *prošetaj*). Da *si* smjesta *krenuo* (= Smjesta *kreni*).

Такая транспозиция встречается в народных тостах. Один из них приводит М. Стеванович:

Od boga *se radovali*, zdravljica *se nanosili*, dobre sreće *nahodili*, lepa žitka *naživili* .

У него мы обнаружили и такие примеры:

Umukni, *pukao*; Ninaj Jovo, ti *živio* majci; Da ste odmah *pošli* k njemu! Da se *nijesi makao* odatle!

27. В русском языке с формами прошедшего времени используются две частицы — *было* и *бывало*.

28. Частица *было* употребляется с прошедшим временем и указывает на прерванность действия, например:

Я *хотел было* спросить, куда идет с ребенком, какая нужда его гонит в такую распутицу, но он опередил меня вопросом! (Шолохов 1975: 11) Я *было*

[8] Из серии «Top-lista nadrealista» Телевидения Сараево (90-е годы XX в.).

из его рук и стакан *взял*, и закуску, но как только услыхал эти слова, — меня будто огнем обожгло (30).

29. Частица *бывало* употребляется для усиления значения давности действия:

Когда, *бывало*, ребенком на меня *находило* желание капризничать и не слушаться, мать ничем не могла так напугать меня, как обещанием отдать в корпус: про него она нарочно рассказывала мне разные ужасы (Прошедшее время 22-www). *Бывало*, пекли блины (Прошедшее время 19-www).

Она используется и в сочетании с настоящим историческим временем:

Бывало, выйдешь из трамвая, Бурлит вокруг тебя Москва […] (Прошедшее время 18-www).

Бывало является и глагольной формой:

Таких женщин не *бывало* и не могло быть в старое время. Ты тоже будешь героем! (Прошедшее время 20-www) То, чего еще не *бывало* на свете [...] (Прошедшее время 21-www).

30. В русском языке экспрессивностью отличаются глаголы с суффиксами *-ану*; *-ну-*, *-а-* , *-ва-*, *-ыва-* (*-ива-*), которые в основном употребляются в прошедшем времени.

31. Формы с *-ану-* образуются от глаголов совершенного вида и обозначают однократный способ действия, мгновенного, интенсивного, неожиданного характера с оттенком ироничности. «Все такие глаголы обозначают однократное действие, производимое резко, с силой и грубо, но при этом о нем говорится с некоторой иронией, говорящий к нему относится как бы “не всерьез”» (Глаголы *-ану-*— www). Эти глаголы обозначают ослабленность мгновенного действия или чаще резкость, грубость, напряженность такого действия (Виноградов 1947: 439). Они имеют ярко выраженную экспрессивную окраску — разговорную или просторечную. «[…] каковы ни были по своему происхождению образования на *-ану-*, несомненно, что они занимают о с о б о е положение в системе русского языка, входя в группу экспрессивных, эмоционально окрашенных форм. Живой разговорный характер рассматриваемых образований создает специфику их употребления в различных функциональных разновидностях литературного языка, вызывает своеобразие их стилистического использования в языке художественной литературы» (Прокопович 1969: 67). «Вместе с другими формами и конструкциями, присущими разговорной речи, они способствуют созданию живого, образного и яркого по своей эмоциональной окрашенности языка, составляя в то же время определенную речевую характеристику действующего лица» (Там же: 75).

32. В «Грамматическом словаре» мы нашли всего 43 примера: *хлебануть, гребануть, стебануть, шибануть, долбануть, рубануть, рвануть, шагануть, сте-*

гануть, жигануть, сигануть, дергануть, пугануть, шугануть, садануть, звездануть, газануть, сказануть, мазануть, резануть, лизануть, стрекануть, шикануть, щелкануть, толкануть, черкануть, сыпануть, тесануть, чесануть, хватануть, хлестануть, крутануть, махануть, психануть, тряхануть (Зализняк 1977: 766). Эти глаголы всегда имеют ударение на **-у-**. Они отличаются различной семантикой, например *рубануть* ‘ударив чем-н. острым, разделить на части, отсечь, размельчить; действовать решительно и необдуманно; действовать прямо, говорить прямо, резко’:

> **а)** *хлебануть* — А зачем вам, Михаил, блюда японской кухни, если вы пришли всего-навсего *хлебануть* воды с заваркой? (Хлебануть 01-www) Но вот, рабочий денек в скаутском лагере закончен, пора бы *хлебануть* чего-нибудь горяченького (Хлебануть 02-www). Курков залпом *хлебанул* кофе, откусил от пирожного и вышел вслед за девушкой. (Хлебануть 03-www); **б)** *рубануть* — Почему бы старушку топориком не *рубануть*? (Рубануть 01-www) Томас *рубанул* зверя по ноге, держа меч обеими руками. (Рубануть 02-www); **в)** *садануть* — Стена первые полтора сантиметра поддавалась, а потом заупрямилась, чем немного меня разнервировала, ну сами понимаете, вечер, усталый, а тут еще и гвоздь в стену не лезет, короче, *саданул* я себе по пальцу молотком, нечаянно, разумеется, промахнулся (Садануть 01-www). Шо случилося? — с приятным малороссийским акцентом спросила дородная, чернобровая Валя, жена Александра Давыдовича. — Да бык какой-то *саданул* меня только что в багажник. Ну, *саданул* и *саданул*. (Савич. Авария-www); **г)** *газануть* — Сел Валера за руль, завел, задняя передача, *газанул* (слегка), лонжерон не поддается (Газанул 01-www).

Некоторые из этих глаголов можно употреблять и в других формах времени:

> — Он не посмеет до меня дотронуться! А если рискнет, я так *сдану* ему по башке, что у него глаза вылетят, — и Аждар стукнул об пол суковатой палкой (Аббас-заде. Просьба-www).

Особенно интересным является просторечный глагол *звездануть* ‘сильно и резко ударить’. Этот глагол не имеет соотносительных форм на *-ну-*, как, например, *жиганул — жигнул*, *толканул — толкнул*, *резанул — резнул*, *стеганул — стегнул*, *— хлестанул — хлестнул*). Этот глагол очень часто используется с творительным падежом:

а) конкретных существительных:

> Вот так просто кто-то шел и *звезданул* камнем. И дальше пошел (Звездануть 05-www). Я своему капитану по голове так *звезданул* пистолетом, что непонятно чем он будет... (Звездануть 10-www);

б) существительных, обозначающих часть человеческого тела:

Командир в сердцах *звезданул* кулаком по столу, разбудив закунявшего вахтенного […] (Звездануть 07-www). Но я все видел. Ясно, как божий день. Он ее ударил. Не просто шлепнул, а *звезданул* кулаком. Жуть (Ее мужик-www). Он его *звезданул* носом об лед и еще несколько раз повозил взад-вперед (Звездануть 06-www).

в) существительных, обозначающих часть тела животных:

— Ну что тебе, жалко, матушка? Голова болит, как конь копытом *звезданул*. Налей стаканчик, не жадись. А я тебе водички принесу, а? (Звездануть 21-www);

г) существительных, выражающих образ действия:

[…] он мне *звезданул* с размахом Бэкхема […] (Звездануть 02-www).

Этот глагол также довольно легко сочетается с винительным падежом:

Скотина! Как он меня *звезданул*, я даже замаха не увидел! (Звездануть 11-www) Тот исподлобья глянул на Федора и *звезданул* его по больному уху. (Звездануть 01-www),

а также с дательным падежом:

Муж же, узнав об этом, прямо во дворе встретил эту дуру и в ответ на ее сочувствие и всякие ласковые слова (бедненький, ты, наверное, переживаешь) *звезданул* ей в челюсть. После нескольких ударов оставил ее лежать там, а сам поехал к жене (Звездануть 06-www). *Звезданул* по плечу ручищей: — Наш человек! Ну, заходи вечером, расскажу что почем (Звездануть 08-www).

В некоторых случаях он используется по схеме «субъект + глагол + объект»:

Тогда, недолго думая, Репа *звезданул* Витька, который стоял ближе всех, по морде (Звездануть 09-www).

Этот глагол иногда появляется в переносном значении ʻвыпитьʼ, ʻудивитьʼ:

Звезданул с утра коньяк и в тебе погиб маньяк (Звездануть 22-www). Я как-то Wolfa тоже так *звезданул* ответом (Звездануть 15-www). Рассказывать о гниде-Буше мне не нужно... И о том, что он решил подмять под себя Ирак... Китай *звезданул* по роже Америке, на него че-то войны не поднимается […] (Звездануть 17-www). Я сидела на троне, закинув ногу на ногу, и смотрела, как Нефрит появляется в зале. За ним появился Орикс и, поймав мой взгляд, быстро провел ребром ладони по горлу. Ясно. Он его слегка радугой *звезданул*, чтоб соображалось лучше... (Сумеречный страж-www) Ты там был основной посетитель, вы с Бастеном, вроде как раз певцов обсуждали […] Вот он и *звезданул* автопробегом (Звездануть 16-www).

Глагол *звездануть* используется и в значении ʻчто-нибудь сказать неправильно, глуповато, ляпнуть’:

> […] знавал я одного профессора, который тут недавно *звезданул*: «Что вы все — наука да наука! Зарабатывать надо, какая нафуй у нас щас наука?» Для вас, хинт, это, наверное, идеал ученого? (Звездануть 14-www)

Звездануть появляется очень часто в ироничных, пародийных стихах:

> А наш соперник Евтушенко
> Любви безумье помянул:
> Подумав хорошенько,
> Очередным шедевром *звезданул*.
> (Звездануть 12-www)

> Я живу с реальным миром невпопад:
> *Звезданул* меня божественный разряд...
> (Пародия на стихотворение Нойонца-www)

Экспрессивность глагола *звездануть* усиливается тем, что он может парадигматически и синтагматически соотноситься с существительным *звезда* (фильма, музыки, спорта и т. п.):

> Звездоперерабатывающий комбинат имени Крутого — 4 *звезданул* на первом канале. Какие же они все милые эти звездюшки, эти звезденыши малининские, кузминские, пьехинские, жемчужные… Помнится, в прошлом веке тоже было что-то подобное, правда, именовалось не так нагло, а типа «Алё, мы ищем таланты!». Нынешние трансгенные продукты — звездные мутанты — самоуверенны, но не опасны. Как переваривали мы лежалый праздничный набор из леонтьева—киркорова, вайкуле—долиной, так и этих переварим, а все, что не растворилось — не всосалось — позвольте на выход (Серебро-www). Толпа стала считать удары: сначала городовой врезал коммунальщику, затем коммунальщик *звезданул* власти в лоб, но звезд у городового не посыпалось (Чучело-www).

В поэзии:

> Все звезды *звезданул* Всевышний.
> А я фанерой фонарею
> И прею от противных прений,
> И шифер шифром кроет крыши.
> (Звездануть 20)

> Моя любовь, ну как тебе горится?
> Светлеет грусть, когда Любовь горит,
> И пусть покой тебе лишь только снится,
> Зато звезда с звездою говорит.

Юрочка!
Звезданул! Под дых!
(Звездануть 18-www)

Он часто используется в целях создания иронии:

> Нагадил яйцеголовый Хрущ и прекратил торговлю с Китаем, чуть войну не устроил в угоду жидам, такой был «наш» видный деятель международного коммунистического движения, с сахаревичами. *Звезданул* его Л. И. Брежнев по делу. Люди облегченно вздохнули, а им опосля подсунули нового яйцеголового — Мишку Меченого, Горбачевского, значит (Звездануть 13-www).

Экспрессивному употреблению данного глагола способствует и тот факт, что он может выражать значение ʻнаградить’. Например, один газетный текст начинается заголовком:

> Милошевич «*звезданул*» Сергеева по заслугам (Звездануть 19-www).

В нем говорится о том, что российский министр обороны получил «Орден Югославской Звезды I степени».

Один пример является особенно интересным. После покушения на председателя правительства Сербии Зорана Джинджича появился заголовок:

> Джинджича «*звезданул*» спецназ.

Он использован по той причине, что лицо, совершившее покушение, звали *Звезданом* (*Zvezdan*).

> Баллистической экспертизой снайперской винтовки «Хеклер и Кох» G3 «однозначно подтверждено, что убийцей премьер-министра Сербии Зорана Джинджича является заместитель командира специального подразделения *Звездан* Йованович» (Звездануть 04-www).

Напомним, что в сербском/хорватском языке отсутствует глагол, формально соответствующий русскому *звездануть*.

33. Экспрессивными претеритальными формами русского языка являются глагольные формы совершенного вида с суффиксом *-ну-* (у них нет параллельной формы с суффиксом *-ану-*), выражающие однократность действия и используемые в разговорной речи и в просторечии типа *агитнуть*, *гребнуть*, *грызнуть*, *гульнуть*, *катнуть*, *критикнуть*, *крутнуть*, *курнуть*, *мазнуть*, *пугнуть*, *резнуть*, *рубнуть*, *ругнуть*, *скрежетнуть*, *спекульнуть*, *терпнуть*, *тормознуть*, *хохотнуть* и т. п. В современном языке сфера их использования все больше расширяется. В ЛФС они встречаются в диалогах и в авторской речи.

34. Так, просторечный глагол *гульнуть* используется в значении ʻкутить, веселиться’:

Молодость — такая девка, что *гульнула*, и хватает (Гульнуть 09-www). Говорить будет Сэмми: он прошлой ночью *гульнул* в одной компании и только очухался […] (Гульнуть 04-www).

Хотя речь идет об однократном значении, он может обозначать более широкий период времени, как в следующем примере:

А где была... как и обещала, очень неплохо *гульнула* — так на 4 дня (Гульнуть 22-www).

Этот глагол используется в сочетании с падежными формами, например:

а) с родительным — *гульнуть* от кого-нибудь:

Сама, в общем-то, себе несладкую жизнь и устроила. Мать его словно рада, что он от меня *гульнул*, а моей тут же позвонила и сказала, что та вырастила такую никчемную жену, которая мужчину удержать не может, а значит, муж гулять у такой будет. (Гульнуть 03-www);

б) творительным — *гульнуть* с кем-нибудь:

Вторая жена — Ленка — на самом деле хорошая девка. Но тут уж я *гульнул* с Натальей. (Гульнуть 06-www);

в) родительным и творительным — *гульнуть* от кого-нибудь с кем-нибудь:

Вспомнилось, как эта толстая корова *гульнула* от Виктора с одним знакомым. (Гульнуть 21-www)

Чтобы выразить способ действия, *гульнуть* сопровождает наречие или наречное выражение:

Привет, Макс! сегодня ночью так *гульнула* отлично! (Гульнуть 13-www) А ты, оказывается, *гульнула* вчера на славу! (Гульнуть 07-www) Мой муж мечтает, чтобы я ему изменила. Его это заводит. Мы вместе 11 лет и только 2 раза я *гульнула* по глупости, потому что очень люблю мужа и мне кроме него никто не нужен (Гульнуть 10-www). А тот, когда ушел в армию, она по-пьяни *гульнула* с Петькой. И, конечно же, забеременела (Гульнуть 12-www). Спортивный спецназ классно *гульнул* в честь своего триумфа! (Гульнуть 01-www) Привет, Заяц! Спасибо за поздравления! Немного *гульнул*! Тут у друга дочка родилась! (Гульнуть 02-www)

Тоже в сочетании с идиомой:

Не знаю, в кого я такой получился. Может, мама где на стороне *гульнула*... (Гульнуть 11) И ведь ни разу больше на сторону не *гульнула*. Хотя была возможность (Гульнуть 20-www).

В некоторых случаях *гульнуть* выражает действие конкретного неодушевленного предмета:

Случилась такая фишка: у меня 2109, спереди распорка стоек, сделал на дороге разворот на 180 гр. с ручником, после чего сидел 10—15 мин. в заглушенной машине, вдруг раздался громкий хлопок, и заднее стекло покрылось паутиной. Одним словом, стекло пока еще не осыпалось, но все лопнуло. Внешних пробоин и дефектов нет. Получается, что кузов *гульнул*? Но там, вроде, задняя дверь не очень жестко контачит с кузовом. У кого-нить такое было? Был бы рад получить какие-нибудь советы (Гульнуть 05-www).

Этот глагол иногда соотносится с отвлеченными существительными, какими, скажем, являются *тема*, *фантазия*, *цена*, *беседа* и т. п.:

Быстро, однако, у вас тема *гульнула* от частот оборудования к рекомендациям […] (Гульнуть 16). Ухх как моя фантазия *гульнула* насчет табуреток — но, пожалуй, не стану, идея не моя […] (Гульнуть 14-www). Верно. Все верно. Кстати, интересно наша беседа *гульнула* — я всего лишь спросил насчет работы, а разговор как-то плавно перетек на тему именуемую «о бабах» (Гульнуть 24-www).

Глагол *гульнул* реже указывает на действие животного:

У нашей соседки собака *гульнула* в 15 лет, родила, правда, одного щенка […] (Гульнуть 23-www).

Иногда наблюдается его употребление с другим глаголом, имеющим суффикс *-ну-*:

Ну *гульнула*, ну вильнула задницей, так ведь сама же хотела [...] (Гульнуть 08-www).

35. Просторечный глагол *тормознуть* используется в значении ‘замедлить движение при помощи тормоза’, ‘прекратить движение’:

В гонках — главное иметь хорошую реакцию и холодную голову. На трассе счет идет на секунды, чуть *тормознул*, и все — суши руль, меняй покрышки […] (Тормознуть 03-www). Сначала пассажиров в машине было двое: я и малый на переднем сиденье. Через тридцать метров шофер *тормознул*, и ко мне на заднее сиденье втиснулся еще один пассажир (Тормознуть 05-www). Резко *тормознула*, пару раз вильнула из стороны в сторону и кувыркнулась с велосипеда (Тормознуть 07-www).

Часто глаголом *тормознуть* изображаются ситуации, когда водителя останавливает милиция/полиция:

Что случилось что с тобой? *Тормознул* гаишник злой? Может двигатель подвел? Техосмотр не прошел? (Тормознуть 02-www) Сегодня *тормознул* меня гаишник и сказал, что с сегодняшнего дня запрещается тонировочная пленка на задних боковых стеклах, только по ГОСТу (Тормознуть 06-www).

Сразу же после схода с поезда меня *тормознула* доблестная горьковская милиция […] (Тормознуть 08-www).

Этот глагол может использоваться и в переносном значении:

Лукашенко *тормознул* рубль […] (Тормознуть 01-www). Да ладно, Nifertity, не воспринимай ты так близко к сердцу и подтягивайся на встречу! Просто встречи немного *тормознули*.... их временно нет... или есть, но не для всех (Тормознуть 09-www). А мы с Максом глотнули еще пива и *тормознули* крутейший Pentium (Тормознуть 10-www).

В целом ряде анекдотов используется глагол *тормознуть*, причем структура высказывания сохраняется, точнее, немножко модифицируется (милиционеры выпили и *тормознули* кого-нибудь), лишь тип и марка средства передвижения изменяются — «копейка», «Волга», «легковуха», автобус, крутейший автобус, грузовик, «Запорожец», «Мерседес», крутой 600-й «Мерседес», «Жигули», трактор, реальная тачка. Все это ведет к клишированию анекдота такого типа.

Выпили мы с Максом по фанте и *тормознули* «копейку». Выпили мы по пиву и *тормознули* «Волгу». Выжрали мы по пузырю водки и *тормознули* по 600-му Мерсу. А че ж нам не тормозить, мы ж — м е н т ы! (Тормознуть 11-www) Выпили мы с Вовиком фанты и *тормознули* легковуху, выпили еще и *тормознули* автобус, глотнули еще и *тормознули* грузовик! А чего ж нам их не *тормознуть*, мы ж менты! (Тормознуть 12-www). Глотнули мы с Максом «Фанты» — и *тормознули* Запорожец! Глотнули еще — и *тормознули* Волгу! Еще раз глотнули «Фанты» и *тормознули* крутой 600-й Мерседес. А почему бы нам их и не тормозить? Мы же с Максом полицейские! (Тормознуть 13-www). Мы выпили «Фанты» и *тормознули* «Запор», еще выпили «Фанты» и *тормознули* «Жигули», еще выпили «Фанты» и *тормознули* «Мерседесс» — еще б мы не *тормознули*, мы ж м е н т ы! (Тормознуть 14-www). Встретились два приятеля, один рассказывает: Вот мы вчера с корешем погуляли! Прикинь, выпили мы с Максом Фанты и *тормознули* на трассе трактор! Потом выпили еще Фанты, *тормознули* автобус! Знаешь, так с корешем разошлись, нам так понравилось, мы целый ящик Фанты на двоих выпили и остановили 600-й Мерседес! Друг перебивает и говорит мол, гонишь ты, настоящий Мерседес 600-й остановили на дороге?!?! Конечно н а с т о я щ и й! А че нам, мы же с Максом г а и ш н и к и!!! (Тормознуть 15-www). Глотнули мы с Максом Фанты и *тормознули* реальную тачку, глотнули еще Фанты и тормознули крутейший автобус. А че нам — мы ж менты […] (Тормознуть 16). Потом Серега глотнул Фанты, и *тормознул* 600-й Мерседес. Затем я глотнул еще […] (Тормознуть 04-www).

Из-за своей экспрессивности глагол *тормознуть* часто используется в газетных заголовках, чтобы привлечь внимание читателей:

Под Брестом милиция «*тормознула*» спиртовозов (Тормознуть 17-www). Минюст «*тормознул*» тарифные инициативы мэра Киева! (Тормознуть 18-www) Кучма *тормознул* приватизацию «Укртелекома» (Тормознуть 19-www).

36. Просторечный глагол *спекульнуть* выражает однократное действие ʻзаниматься спекуляцией, скупать, перепродавать с целью наживыʼ. При этом только констатируется, что действие имело место, без указания на другие обстоятельства:

Но это не означает, что Хрущев-сын не продался. Конечно, продался, *спекульнул* (Спекульнуть 10-www). Алена *спекульнула* — Анггун осчастливила. В четверг на прошлой […] (Спекульнуть 13-www). Она купила десять штанов и *спекульнула*. Возбудили уголовное дело. Продавщицу осудили (Спекульнуть 15-www).

Он иногда используется в отвлеченном значении:

— Неужели вот все эти тысячи привезенных с нами рублей здесь ничего не стоят? — вздыхали мои родственники. — Ведь по совету самых верных людей мы разменяли на них по очень выгодному курсу полученные от тебя когда-то французские франки! «*Спекульнули*», «*спекульнуть*» — какие отвратительные слова произносили в те тяжелые дни самые когда-то чистые женские уста... (Игнатьев. Пятьдесят лет в строю-www)

даже как лозунг, слоган:

Куда бы, интересно, автор отнес бы замки Керберос с наличием комбинаций от 5,7 миллиона до 268 миллионами? Думаю, что никуда. Так как Керберос не подходит по параметрам «купил — *спекульнул* — впарил»! (Спекульнуть 09-www)

В сочетании с предложным падежом (*спекульнул* на чем) данный глагол указывает на предмет действия.

Кто-то хорошо *спекульнул* на наличном долларе (Спекульнуть 01-www). Ходят слухи, что кто-то *спекульнул* на евро (Сорос, Баффет говорили покупать евро). (Спекульнуть 02-www) Рынок *спекульнул* на Гринспене […] (Спекульнуть 07-www). Кто-то *спекульнул* на елках. В Челябинске полным ходом идет продажа елок (Спекульнуть 12-www).

В подобной конструкции такой глагол может иметь переносное значение:

Она просто *спекульнула* на общественном спросе на подобные картинки (Спекульнуть 14-www). Позвольте с вами не согласиться: Аскар не циник, Аскар о детях в этой ситуации подумал. А спекулировать на такой ситуации (а Ватикан, ИМХО, *спекульнул*) — не цинизм? (Спекульнуть 03-www) Мне

кажется, что автор затратил меньше времени на написание рассказа, чем я читал, осмысливал и писал рецензию. То есть, автор *спекульнул* на острой теме «Жизнь и смерть» (Спекульнуть 11-www). Таким образом, вы, уважаемый Анатолий, *спекульнули* на том, что с вами произошло (Спекульнуть 16-www).

Сочетанием с предложным падежом иногда обозначается место действия:

А пока Святой Петр препирался с художником, Дядюшка Смерть незаметно перемахнул за ограду, нарвал в эдемском саду сочной антоновки и выгодно *спекульнул* на базаре. (Дядюшка Смерть-www).

В некоторых случаях творительным падежом конкретизируется предмет спекуляции:

Ну ладно, я действительно, пару раз *спекульнул* акциями, хотя это и против семейных традиций — но ведь надо же человеку как-то зарабатывать на жизнь. (Спекульнуть 17). Макс, ты че *спекульнул* дисками? (Спекульнуть 08-www)

Переносное значение появляется и в сочетании с этим падежом:

Ну а я, — что я ? Удачно «*спекульнул*» темой... Дал старику поговорить […] (Спекульнуть 05-www). Так что с названием статьи я *спекульнул*, но не сильно. Радиоактивный фон в нашем «белом доме» завышен, да не опасен, если не торчать сутками у порога (Спекульнуть 06-www). Николай Павлович *спекульнул* вопросами общегосударственного масштаба […] (Спекульнуть 04-www).

37. Глаголом *критикнуть* очень часто смягчается критика, утешается и ободряется критикуемое лицо, ему подается надежда. Поэтому перед таким глаголом стоит *не обижайся*/*обижайтесь*, *не беда*. Вежливые слова могут появиться и после *критикнуть* (*всего доброго*, *рад был знакомству*):

Не обижайся, дружище. Это я не по злобе тебя *критикнул*, но только чтобы проверить степень устойчивости при таких транзитах. Начальство уже достает тебя? Так еще достанет (Критикнуть 04-www). Женя, не обижайтесь, если я что и *критикнул*! (Критикнуть 06-www) Не обижайтесь, плиз, что я вас *критикнул*, вам, действительно, нужно пересмотреть свой подход к написанию стихов, почитать, как это делается […] (Критикнуть 01-www). И не беда, что упустил, — наверстаешь! Считай, что я тебя *критикнул*, и наверстывай! В жизни еще не то бывает! (Максименко. Милый эп-www) Я бы его тоже переименовал. Ну, вот, видите, как *критикнул*! Всего доброго, рад был знакомству, Ион (Критикнуть 08-www).

Данный глагол иногда сочетается с наречием для выражения степени и характера критики:

> Я немного *критикнул*, но по существу (Критикнуть 07-www). Иван тоже давно интересовался вашими редукторами (немного *критикнул* концепцию) и лично вами (вы, вроде, однокурсники?) (Критикнуть 09-www). Вождь сурово *критикнул* Пудовкина, читая сценарий «Суворова» (Критикнуть 11-www). Да, уместно *критикнул* (Критикнуть 12-www). Впрочем, *критикнул* как-то без осуждения, а так, для порядка и даже вроде с пониманием (Критикнуть 03-www).

Иногда указывается на то, что критика вызвала серьезные последствия:

> Один работник *критикнул* Горького — он срезал ему ставку на 100 рублей (Критикнуть 13-www).

Этот глагол используется и с однокоренными словами:

> А критикой администрации я как бы и не занимался. Я всех *критикнул*, вместе с Дарком (Критикнуть 10-www). Не есть ли это — форма установления диктатуры? Типа, нас нельзя критиковать, потому как — пострадавшие? А почему такое есть (существует) что, *критикнул* кого-то, а он — еврей — и, значит, ты уже по определению не прав? (Критикнуть 02-www) Тем более, что есть бездарная и безответственная поза критиканства — *критикнул*, и вот ты уже как бы по умственным способностям выше даже самой английской писательницы (Критикнуть 05-www).

38. И другие глаголы употребляются в подобных случаях, напр. *хвастнуть*, *ругнуть*, *пугнуть*, *пальнуть*:

> Ну, что нам конфеты! Зато мы в таком месте были, где ни одна человеческая нога не ступала, — *хвастнул* Трубачев, — где снежные обвалы (Валентина Осеева. Васек Трубачев и его товарищи). «Чёрт подери!» — *ругнула* она себя (Ругнуть 01-www). Нина Ивановна промолчала, но тоже *ругнула* про себя Зинку... Лезет не в свое дело! (Ругнуть 02-www) Дааaа! Нехило их Вова *пугнул* (Пугнуть 01). И сам себя *пугнул*: — Женюсь! (Пугнуть 02-www) — А во вторник уже заметка выйдет, — *пугнул* корреспондент. — Ну, это ваше дело […] (Пугнуть 03-www). Бежишь себе с пистолетом, вдруг навстречу — шкаф (мы на нем физику тестируем), страшный такой. Ну, *пальнул* в него, а он, зараза, рванул, как ракета, вверх и давай полками оттуда бросаться. Не порядок, исправили, запустили. Снова бежишь. А вот и шкаф, *пальнул* — стоит, *пальнул* еще — хоть бы дверкой дернул. Прямо зло берет — игнорирует, гад! Ну, думаю, держись! А сам в это время двустволку из-за плаща достаю. Как шарахну! Шкаф, конечно, не устоял, рассыпался,

только стенка одна стоит (Пальнуть 02-www). Я тоже, как дурак, хожу ружьем помахиваю. Даже *пальнул* пару раз в кусты (Пальнуть 01-www).

39. Специфичными формами сербского / хорватского языка является аорист, имперфект, плюсквамперфект и краткий перфект.

40. Аорист имеет очень выраженную экспрессивность. В ЛФС он является важным элементом художественного повествования, в РФС встречается реже, в ОФС не употребляется, а в собственно публицистических и научных текстах почти не появляется. Аорист в основном обозначает ограниченное действие в прошлом, которое действующее лицо (говорящий) заметило или пережило. По мнению Йована Вуковича, в анализе аориста основной проблемой является разграничение между абсолютно-индикативным и релятивным употреблением аориста (Vuković 1961). Основываясь на определении аориста А. Беличем, М. Стеванович подчеркивал, что всякое действие в аористе, если оно является по времени отдаленным от момента речи (непосредственное настоящее), принадлежит к категории релятива (относительного индикатива). Такой взгляд, по мнению Й. Вуковича, остается в значительной степени одиноким, и анализ, проведенный М. Стевановичем, находится в существенном противоречии с толкованиями аориста в категориях индикатива и релятива А. Белича. При разграничении абсолютно-индикативного и релятивно-индикативного употребления аориста (а также и прошедшего времени) Й. Вукович предлагает исходить из фактов, являющихся основными по отношению к различным видам временного восприятия глагольных действий, а именно **(1)** при обычном сообщении, при констатации факта, глагольные действия (и прошедшего времени и аориста) передаются по отношению к моменту речи (абсолютный индикатив); **(2)** в повествовании, в рассказе (художественный, поэтический способ выражения) действия передаются в стиле, который сам по себе требует релятивного употребления аориста и настоящего времени. Он утверждает, что М. Стеванович не может понять, что аористы в предложении:

Ко *sagradi* ovu crkvu? — *Sagradiše* Nemanjići, a da ko bi drugi

не представляют ничто иное, как формы, употребленные в их прямом значении (абсолютный индикатив). Исходя из анализов А. Стоичевича и П. Сладоевича, Й. Вукович считает, что аорист может и для очень отдаленного прошлого иметь абсолютно-индикативное значение (новейшие исследования все более подтверждают такой взгляд).

Для того, чтобы понять место аориста в претеритальной системе, необходимо сравнить его с прошедшим временем, которое, по мнению А. Стоичевича, в славянских языках не имеет никакого специфического значения прошлого (как это в случае с аористом), а обозначает прошлое вообще, т. е. что действие глагола совершалось или совершилось в неопределенном прошлом (Stojićević 1954: 14). Общеупотребительный характер, свойственный прошедшему времени, также яв-

ляется не его отличительной чертой. В некоторых районах сербского / хорватского языка аорист частично или полностью утрачен, а в других более или менее сохраняется, однако наблюдается общая тенденция к сокращению его использования. В связи с этим М. Стеванович подчеркивает, что аорист в литературах культурных центров на западе встречается несколько реже, и, во всяком случае, из-за того, что в диалектах (в чакавском и кайкавском) он совсем исчез. «А в некоторых других народных говорах (имеем в виду говоры штокавского диалекта) стал несколько реже употребляться […]. И потому, что мы сейчас знаем о народных говорах, можно только считать относительно точным мнением Маретича, согласно которому в языке южных областей он все еще часто употребляется, а в говорах других краев значительно меньше […]. В целом в восточных областях аорист в повествовании всякого рода, да и в повседневном языке, обычен. В языке литератур названных областей, в центрах, где развивается хорватская литература и хорватская культурная жизнь, особенно в Загребе, в котором эта жизнь протекает наиболее бурно, аорист заметно реже представлен и в языке художественной литературы. А это, впрочем, и вполне понятно и легко объясняется известными причинами. В языке хорватской литературы, той литературы, которая развивалась до тридцатых годов XIX столетия в основном на чакавском и кайкавском диалектах, в последние два столетия аориста уже не было, так как в этих диалектах как раз в это время аорист исчезает из употребления […]. Живость повествования у писателей восточных культурных центров, скажем, достигается частым использованием аориста в изображении событий и ситуаций конкретного прошлого, писатели загребского центра для достижения такого же стилистического эффекта чаще употребляют перфективное настоящее время, что, конечно, не означает, что в этой функции современные хорватские писатели не используют и формы аориста, как и то, что сербские писатели, наряду с аористом, употребляют и перфективный презенс (настоящее время от глаголов совершенного вида)» (Stevanović 1967: 76—78). И несмотря на то, что аорист редко встречается в современной литературе, в письменной форме языка вообще, М. Стеванович считает, что чувство важности этой формы полностью сохранилось в литературном языке, что можно считать относительным, исходя из предвидения Т. Маретича в конце прошлого века, что аорист исчезнет из сербскохорватского языка. Йосип Табак в 1950 году выступил против мнения, что аорист уже умер: «И прошедшее время, и аорист в областях штокавского диалекта — а это большая часть нашего народа — живут полной жизнью, живы они и в Боснии и Герцеговине, в Далмации и Черногории, в Лике и других краях, да и будут жить и тогда, когда от новых “реформаторов” не останется ни следа ни слуха. То, что продолжается со времени священника Дуклянина […] до Владимира Назора […] живет в народе и будет жить […] » (Tabak 1950: 697). Неодинаковая стилистическая окраска аориста зависит от того, образован ли он от глаголов несовершенного или совершенного вида: аорист первого типа встречается значительно реже, а аорист второго типа — чаще. Аорист от глаголов несовершенного вида, по мнению М. Стевановича, встречается настолько редко, что выглядит более необычным, если даже и встречается.

В произведениях фольклора, особенно в народных песнях, где его употребление и метрически обусловлено, аорист встречается значительно чаще (Stevanović I967: 79). М. Стеванович подчеркивает, что экспрессивность аориста от глаголов совершенного вида более яркая, чем от глаголов несовершенного вида и, добавляет: «Но его несравненно более частое употребление следует связывать не именно с этим, а с его семантико-синтаксической значимостью. В этом и заключается достаточно сильная жизненность аориста от глаголов совершенного вида, чтобы можно было говорить об его исчезновении из сербскохорватского языка, хотя и возможны предположения такого рода, в то время как аорист от глаголов несовершенного вида почти исчез, и в грамматических справочниках он и не упоминается […]» (Там же).

Аорист в ЛФС употребляется в функции усиления динамики текста, живости изложения и большей экспрессивности (Stefanović 1984: 79). «Как грамматическая категория стилистически релевантная в сербскохорватском языке, аорист в языке писателя получает дополнительную контекстуальную значимость. Так, им широко пользуется Самоковлия в описаниях динамичных действий и вообще в описаниях тех событий, динамика которых для говорящего непосредственно присутствует» (Там же). Стефан Стефанович подчеркивает, что аорист — наиболее удобная форма претерита и вообще глагольная форма для выражения пережитого события (под этим подразумевается и сопереживание писателя тому, что он в действительности, лично не пережил в прошлом с целью изобразить это событие как пережитое или внушить, что оно таким является; следовательно, речь идет о пережитом в воображении художника). Он подчеркивает, что иногда аорист употребляется в неэкспрессивном значении и что такие примеры в произведениях Исака Самоковлии малочисленны[9].

Экспрессивность сербского/хорватского аориста особенно проявляется в сопоставлении с языками, в которых отсутствует эта форма. Это относится и к русскому языку. Носитель русского языка не обладает возможностью, свойственной носителю сербского/хорватского языка, выразить одну мысль двумя способами (*skočio sam* и *skočih*), так как в русском языке нет аориста[10], что приводит к одно-

---

[9] О значении аориста от глаголов несовершенного вида см. (Stevanović 1966/67). Подробно об аористе пишут (Stevanović 1975/II, Sladojević 1963/64, Sladojević 1955/56, Sladojević 1966).

[10] На одном этапе развития была эта форма: древнерусские памятники содержат ее еще в XI веке. От XII до XIV века аорист активно употреблялся, о чем свидетельствуют письменные памятники того времени (официальные документы, грамоты, правовые акты и т.п., отражающие дух народного языка), что привело некоторых исследователей к выводу, что аорист был характерен для народной речи. К концу XIX века исчезает аорист, хотя вплоть до XVII столетия регистрируется его употребление. Более подробно об этом см. (Историческая 1982).

му из самых заметных несовпадений в поле темпоральности русского и сербского/хорватского языка. Поскольку при переводе на русский язык нельзя адекватно передать различия в выражениях типа *skočio sam* и *skočih*, можно сделать вывод, что речь идет о безэквивалентном феномене, создающем большие трудности переводчикам. Чтобы в какой-то степени передать экспрессивность аориста, приходится прибегать к различным переводческим приемам, как, например, к лексической или словообразовательной компенсации, т. е. к возмещению экспрессии на другом языковом уровне. Вот как переведены некоторые типы аориста в романе «Tvrđava» («Крепость») Меши Селимовича:

Dušu mu njegovu pedersku, baš me kurvinski *namagarči* (Selimović 1970: 73). Вот чертов педераст, *продал* ни за понюшку табака! (Селимович 1974: 59) — *Postade* mi jasno odjednom, sjetim se šta me snašlo. Kao onaj pametni čovjek, kad mu *skidoše* gaće, *obališe* na zemlju i *uzeše* šibe, njemu odmah *pade* na um da će ga tući!.. (94) И вдруг мне все *стало ясно*, я понял, что произошло. Точь-в-точь, как тот умник, с которого *стянули* штаны, *положили* на землю, *взяли* розги, и он только тут *сообразил*, что его будут сечь (76). — Ali kad mi Mahmut *reče* da me defterdar očekuje prekosutra […] ja se još jednom *uvjerih* da o životu ne znam ništa (105). Но когда Махмуд *сказал*, что тефтердар ждет меня послезавтра, […] я снова *вынужден был признаться*, что совершенно не знаю жизни (85). — Ona *pusti* u kuću svoga ljubavnika i njegovog oca, Ibrahima Pakru, *uvede* ih u sobu gdje je mirno spavao stari Muharemaga, otac i sin ga složno *izbodoše* noževima […] (132). Она *впустила* в дом своего любовника и его отца, Ибрагима Пакро, *провела* их в комнату, где безмятежно спал старый Мухарем-ага; отец и сын, дружно работая кинжалами, *зарезали* его […] (107). […] onu dvojicu *odvedoše* ko ovce, što li ne *pobjegoše*, bogo moj […] a Avdagu odjednom *pogodi* i nesreća i sreća, *izgubi* brata a *dobi* toliki imetak […] (139). […] этих-то *повели*, словно овечек, и не *подумали бежать*, господи […] Авдаге-то *привалило* счастье с несчастьем пополам — брата *потерял*, зато богатство *приобрел* […] (113). Kud se ne *sprijatelji* s kakvim muftijom, a ne sa mnom (188). Тебе с муфтием *дружбу водить*, не со мной! (154) — *Dođe* mi jedan trgovac, njega sam smirio preksinoć, veli […] (233). *Подходит* ко мне один торговец, я его накануне обставил, и говорит […] (190). Tako nas šljivar *udesi*, i još *priznade* da se onaj trgovac sam ponudio da nas navede na njega (235). Так и *отделал* нас садовник, да еще *признался*, что это торговец навел его на нас (192). Ja, snaho, *rekoh*, čini mi se, da je on uzeo meni a ne ja njemu (235). Я, сношенька, кажется, *сказал*, что он у них меня отнял, а не я у него (192). Kad je Šehagin sin navršio osamnaest godina, *zamoli* oca da ga pusti u vojsku, u rat […] (237). Когда сыну Шехаги исполнилось восемнадцать лет, он *стал просить* отца отпустить его на войну […] (193). Vlast *pohvata* i ostale bjegunce, i *zatvori* u tvrđavu […] Mladić *priznade* sve i *primi* krivicu na sebe […] On tada *kaza* svoje pravo ime i *zamoli* da obavijeste njegova oca […] (238). Тут же *пой-*

мали и остальных и *посадили* в тюрьму […] Юноша *взял вину* на себя […] Тут он *открыл* свое настоящее имя и *попросил* сообщить отцу […] (195). On ti *ustade*, pa polako, ama korak neće da *pruži* […] *udari* ga po desnom, *udari* po lijevom obrazu, onako izamaške, grmalj samo kleče, Osman *priđe* drugom, *išaketa* i njega […] Onda jednome *naredi* da otvori vrata, a obojica da se gube […] i bogami, *uvukoše* vratove, *poslušaše* ga, kao djeca hodžu, i *klisnuše* u mrak. A on *se vrati* u društvo […] Tada Muharem Pjevo, oduševljen, *poruči* pjesmu, i *htjede* da plati, Osman samo *izdrelji* oči […] pa veli Pjevi […] (256—257). Он тихонько *встает* и вразвалочку, не спеша, словно торопиться ему некуда, […] *дал* ему по правой щеке, *дал* по левой, да наотмашь, изо всей силы, у того колени и подкосились. Осман не торопясь *подошел* к другому, *надавал* и ему оплеух. […] Потом Осман *приказал* открыть двери и *выставил* обоих, *велев* на глаза не показываться. […] Те *втянули* головы в плечи, словно нашкодившие мальчишки, и давай бог ноги. А Осман *вернулся* к застолью. […] Тут Махарем Пево на радостях *заказал* музыкантам песню и *сунул было* руку в карман за деньгами. Осман глаза *выпучил* и он сказал Пево […] (209). Muselin ne *izdrža* dugo, *diže se*, lijepo se, doduše, *oprosti*, i *klisnu* prvi. Kadija *ostade* duže, pa *ode* i on, zelen (272). Муселим первым не *выдержал*, *поднялся*, чин чином *простился*, и *давай бог ноги*. Кадия *посидел* чуть дольше и тоже *выкатился*, зеленый от злости (222).

Приведенные примеры показывают, что в русском языке трудно передать экспрессивный потенциал аориста: из 48 примеров 38 форм аориста переведены обычным прошедшим временем от глаголов совершенного вида, переведены так, словно по-сербски/хорватски было написано *namagarči* вместо *namagarčio* ʻ*продал*ʼ, *postade — postalo* ʻ*стало*ʼ, *uzeše — uzeli* ʻвзялиʼ, *reče — rekao* ʻ*сказал*ʼ и т. п. И только в некоторых случаях (в 10 из 48 примеров) переводчик попытался другими средствами более адекватно передать экспрессивность аориста (живость повествования, наглядное и образное изложение). В одном случае он употребляет историческое настоящее время (*dođe — подходит*)[11], в другом — частицу *было*,

[11] Но в сербском/хорватском языке аорист может заменяться настоящим историческим. Вот один пример: «Čuo sam da su naši pioniri ispod Grmeča vrlo vrijedni momci. Neki dan tako *prođe* jedna vjeverica pa mi se žali: «Branko, tvoji pioniri obraše sve lješnike i odnesoše u bolnicu». — «Oho, zar su tako vrijedni!» — *začudih* se ja i *izbečih* oči». Данный пример сопровождает такой комментарий: «В этом отрывке прошлое выражено прошедшим временем, имперфектом, настоящим временем и аористом. Формы аориста не можем заменить формами настоящего времени, а формы имперфекта можем. Первыми формами сообщается писателю, что произошло нечто, ранее ему неизвестное. Этот вид аориста нельзя заменить историческим настоящим. Аорист нельзя заменить настоящим временем и тогда, когда он выражает удивление, гнев, упрек или какое-нибудь другое чувство» (Brabec/Hraste/Živković 1968: 247).

означающую начатое и прерванное действие (*htjede da plati — сунул было*), а в третьем — развернутую конструкцию, фразеологический оброт и т. п. (*uvjerih — вынужден был признаться*, *pobjegoše — подумали бежать*, *sprijatelji — дружбу водить*, *zamoli — стал просить*, *priznade — взял вину на себя*, *klisnuše — давай бог ноги*, *klisnu — давай бог ноги*). Итак, чтобы хотя бы приблизительно адекватно выразить особенности сербского / хорватского аориста, при переводе приходится искать различные решения.

41. Имперфект, как и аорист, имеет выраженный экспрессивный потенциал. По сравнению с ранее рассмотренной формой, употребление его очень ограничено и все реже встречается, даже в народной речи. Фактически, имперфект находится в стадии исчезновения. «Это исчезновение, соответственно, и полная его утрата, возможно именно потому, что основная его функция — обозначать параллельность, то есть одновременность действия в прошлом, имеет более или менее одинаковую семантико-синтаксическую характеристику с релятивным, точнее, с историческим настоящим временем» (Stevanović 1967: 110). В другой работе этот же автор пишет: «У нас часто по тому или иному поводу подчеркивают, что имперфект и в нашем языке все больше утрачивается, в то время как в большинстве славянских языков он уже давно полностью исчез […]. Чувство особенности употребления имперфекта в настоящее время имеет только население некоторых юго-западных областей нашего языка. Это чувство, конечно, живее всего в говорах черногорских, и при том в более старых; но и в них, особенно в некоторых из них, имперфект также все реже употребляется» (Stevanović 1952). Второй характеристикой имперфекта является его функционально-стилистическая «односторонность»: он, в основном, связан только с двумя функциональными стилями — ЛФС и РФС. Об этом Степко Тежак пишет: «В практическом и простом оповещении нет необходимости в тонкостях, которые имеет или когда-то имел имперфект. Поэтому имперфект не является выразительным средством разговорного, официально-делового, в узком смысле публицистического и научного стиля. В деловом и административном общении имперфект совсем неуместен. В разговорном стиле может появиться как произвольная или специфическая черта отдельной личности, и тогда он ярко стилистически маркирован. В научном стиле он может появиться в цитатах как особая стилистическая черта данного писателя. В полунаучном стиле имперфект возможен, так как этот стиль может содержать и элементы литературно-художественного стиля. В публицистических текстах имперфект может иметь место только в рамках смежных жанров, в которых есть и повествовательность, и поэтичность (очерк, анекдот, фельетон, постоянная рубрика, репортаж, интервью), юмореска, (авто)-биографическая заметка т. п.» (Težak 1977—78: 52—53). Из-за своего редкого употребления, слоговой и звуковой структуры, — продолжает С. Тежак, — имперфект — исключительное выразительное средство в различных видах повествовательных и поэтических жанров. Поэтому он часто появляется в лирической и эпической поэзии и повествовательной прозе (сказках, баснях, рассказах, новеллах, романах

и др.). С. Тежак делает вывод, что имперфект — глагольное время, характерное для литературно-художественного стиля, в котором он используется, чтобы **(1)** избежать монотонности; **(2)** создать ритмичность и метрику; **(3)** добиться звучности (звукоподражания, ассонанса, аллитерации, параллелизма звуков); **(4)** получить сжатость, добиться преувеличения; **(5)** композиционно оформить предложение (рифму, порядок слов); **(6)** создать выражение, адекватное аористу. Эти характеристики имперфекта С. Тежак вывел, прежде всего, сопоставляя имперфект с прошедшим временем. Он констатирует, что во многих случаях замена имперфекта прошедшим временем может привести к ослаблению выразительности из-за нарушения ритмичности, звучания и образности. «Своим ритмом и одночленной структурой имперфект воздействует более сильно и глубоко, чем прошедшее время» (Там же: 45). На конкретных примерах С. Тежак недвусмысленно показал, что дилемма с размещением энклитик также является причиной преимущества использования имперфекта. Он добавляет, что к стилистическим причинам употребления имперфекта иногда добавляются и грамматические. Кроме недоумения с размещением энклитик имперфект позволяет решить и проблемы согласования подлежащего и сказуемого (Там же: 48). Но все же основную причину для выбора имперфекта, как стилистического средства, он видит в звуковой и слоговой структуре этой формы.

В ЛФС имперфект по-разному употреблялся в разные периоды. В связи с этим М. Стеванович дает следующее толкование (Stevanović 1967: 101—120, Stevanović 1953/54: 39). Югославские классики довольно часто используют эту форму, и не только Петр П. Негош, Стефан Митров Любиша, Симо Матавуль, Марко Милянов и другие писатели, родившиеся и долго жившие в краях, где чувство употребления имперфекта еще и в настоящее время живо, но и писатели, на родине которых в их время имперфект или мало употреблялся или совсем не используется. В языке произведений Матии Ненадовича и Вука Караджича имперфект очень редко встречается. Эта форма широко представлена у сербских и хорватских писателей XIX века. С наступлением XX столетия имперфект начинает все меньше употребляться[12], так как произведения фольклора уже не являются исключительными языковыми образцами для новейших писателей. У современных авторов эта форма почти отсутствует, и очень редко встречается у тех прозаиков, в народном языке которых хорошо сохранилось восприятие его семантики.

Само значение имперфекта в течение длительного времени вызывало споры. Михаило Стеванович подчеркивал, что еще точно не установлено, что в действительности означает имперфект в языке (Stevanović 1953/54: 40). В то же время Петр Сладоевич утверждает, что имперфект употребляется в синтаксическом ин-

[12] Об этом свидетельствуют и конкретные исследования, например, анализ использования имперфекта в языке произведений Бориславa Радовановича (Radovanović 1974).

дикативе и в прямом употреблении обозначает прошедшее длительное и неограниченное действие в прошлом, причем не важно, как долго длилось действие, а важно, что говорящий, употребляя имперфект, не воспринимает его как действие, ограниченное временными рамками (Sladojević 1953). Он приходит к выводу, что имперфект используется только для обозначения тех действий, которые пережил и наблюдал сам говорящий. Несколько позднее М. Стеванович констатирует, что имперфект обозначает действие, которое в определенное время в прошлом происходило, которое длилось, протекало в то время, когда совершалось или совершилось какое-то другое действие, обозначенное каким-либо другим прошедшим временем (Stevanović 1967). Им, подчеркивает автор, несравненно чаще обозначаются действия, пережитые в действительности или в воображении. К этой дискуссии присоединился Йован Вукович, опубликовав большую монографию (Vuković 1967: 107—245). В ней констатируется, что имперфект служит для обозначения **(1)** близкого, недалекого прошлого; **(2)** «охваченного» настоящего; **(3)** несколько отдаленного и значительно удаленного прошлого; **(4)** удаленного и далекого прошлого; **(5)** неопределенного прошлого. В последнее время в качестве основной особенности имперфекта выделяется «переживаемость» («сопереживаемость»), о которой Стефан Стефанович с полным основанием говорит о том, что она имеет стилистический, а не синтаксический характер (Stefanović 1983: 8)[13]. Однако такие выводы следует воспринимать с осторожностью, так как в произведениях Исака Самоковлии имперфект значительно чаще употребляется для обозначения событий, лично не пережитых (Там же: 86)[14]. «В таких случаях писатель интенсивным внутренним сопереживанием занимает позицию очевидца какого-нибудь процесса в прошлом, производящего сильное воздействие или отличающегося исключительной особенностью. Почти всегда, когда Исаку Самоковлии удается возвыситься над обычным повествованием до сильного художественного воздействия, присутствует имперфект, стилистически самая экспрессивная форма (это имеет место в “Дрине” /“Drina”/, “Во дворе рафина” /“Rafinova avlija”/, в повести “От весны до весны” /“Od proljeća do proljeća”/. Он присутствует и там, где ощущается литературная патетика или романтический пафос. В таких случаях имперфект очень часто имеет аромат архаичности и торжественный возвышенный тон» (Там же). В случаях же, когда преобладает сырая фабула или выраженный рационалистический план, когда фотографическое преобладает над художественным, имперфект не употребляется. Тогда используется почти исключительно прошедшее время, т. е. стилистически немаркированная форма.

---

[13] В древнерусском языке формы имперфекта в целом равномерно употребляются на всем протяжении XII—XIV веков (Историческая 1982: 83).

[14] Неясно, почему Стефан Стеванович заканчивает работу формулировкой, являющейся диссонансом к предыдущим положениям: «И в конце сделаем вывод: имперфект в произведении Исака Самоковлии употребляется для обозначения прошедшего незакончившегося действия, в какой-то степени пережитого» (Stefanović 1983: 88).

Одной из проблем является определение имперфекта как категории индикатива или релятива. По этому вопросу сербокроатисты разделились на три лагеря: одни считают, что он является формой индикатива (М. Ивич, хотя она это не эксплицирует), вторые утверждают, что имперфект представляет собой форму релятива (Б. Милетич, М. Стеванович), а третьи считают его формой индикатива, которую можно использовать в релятиве (А. Белич, А. Стоичевич, П. Сладоевич).

В статье «О синтаксическом значении имперфекта в сербско-хорватском языке», Йован Вукович сравнивал значения имперфекта с остальными временными глагольными формами, в особенности, с аористом, определяя различия в их употреблении (Vuković 1961). Автор подвергнул критическому разбору объяснения синтаксических явлений, обремененные традиционными взглядами (а также и новые стилизации старых объяснений, имея в виду М. Стевановича), и показал, насколько свойства, приписываемые по традиции аористу и имперфекту, не согласуются с тем новым, что появляется во взглядах даже и самих авторов (Там же). Йован Вукович критически анализировал взгляды М. Стевановича на употребление имперфекта и высказал несогласие с его позицией. Для Й. Вуковича является неприемлемым поиск форм имперфекта и аориста у писателей с территорий, на которых они вышли из употребления, в то время как М. Стеванович как раз берет примеры и из языка этих писателей. В противоположность М. Стевановичу, Йован Вукович показал, что при классификации имперфекта надо принимать во внимание временную отдаленность от момента речи (собственно настоящее), прошлое близкое, более отдаленное, давнее[15]. Он констатирует, что М. Стеванович лишь в последних работах об имперфекте и аористе показал (хотя недостаточно последовательно и точно, с явными противоречиями), что термины «определенный» и «определенность» следует отождествлять с терминами «лично воспринятое событие» и «личное восприятие события» (doživljeno i doživljenost). Он подчеркивает, что в настоящее время, когда связь имперфекта с лично воспринятыми прошедшими действиями признается всеми, термины «определенный» и «определенность» становятся лишними (сам Й. Вукович в них не нуждается, в том числе, потому, что он обнаружил примеры употребления имперфекта для выражения неопределенного прошлого и в границах личного восприятия:

> Moj ded *pričaše* da je zapamtio kada je u našem selu bilo samo dvanaest kuća.
> — Мой дедушка *рассказывал*, что запомнил, когда в нашей деревне было только двенадцать домов.

Когда рассказывал? — Когда-то, давно, неважно когда, и сам говорящий, возможно, не помнит, когда). В то же время, подчеркивает он, становится ясным, что параллельность, которую М. Стеванович приписывает имперфекту, является ни-

---

[15] Й. Вукович указал на то, насколько туманно толковали в предыдущих работах временную определенность действий, выраженных имперфектом.

чем иным, как тем свойством, которое А. Белич регуляно приписывал настоящему времени, а именно то, что имперфект, по существу, обладает этим свойством как форма, выражающая релятивное (относительное) настоящее. Следовательно, раз уже принята концепция автора в отношении имперфекта, как одного из видов релятивного настоящего времени (что подтверждают М. Стеванович, М. Ивич, П. Сладоевич и др.), то термины «параллельное действие», «параллельность» становятся лишними и непригодными. Они вызывают путаницу в тех случаях, когда требуется выразить последовательность действий. Действие, выраженное настоящим временем, и действие, выраженное имперфектом, продолжает Й. Вукович, неестественно характеризовать его параллельностью в отношении ко времени, в котором оно совершается (в сущности, это является свойством всякого имперфективного действия), так как люди не живут и не действуют параллельно со временем, а живут и действуют во времени. По его мнению, М. Стевановичу не удалось точно разграничить оттенки в употреблении временных глагольных форм в категориях индикативного и модального значений, вследствие чего он и не счел возможным признать толкования его и П. Сладоевича о модально употребленном имперфекте для выражения действий в настоящем [16].

В русском языке, как мы отметили, имперфект отсутствует, поэтому и здесь происходит то же, что и с аористом: однообразие повествования посредством использования прошедшего времени нельзя избежать и трудно передать основные оттенки имперфекта, такие, как звуковое своеобразие, ритмичность, необыденность, торжественность и т. п. Об этом свидетельствуют и примеры из рассказа «Mustafa Madžar» («Мустафа Мадьяр») Иво Андрича:

> *Bijaše* pognut i nekud malen […] (Antologija 1980: 73). Он *ехал*, *пригнувшись* к седлу, и показался всем очень маленьким […] (Андрич 1976: 48). Dok su se prvi redovi kolebali na splavovima, on već *bijaše* na drugoj obali […] (75). Первые ряды турок еще не решались двинуться по плотам, а он уже *был* на том берегу […] (51). Ranjeni se fratar (*bijaše* laik), u očekivanju smrti, ispovijedio starijem […] (78). Раненый монах (это *был* послушник), предчувствуя близкую смерть, исповедался старшему […] (55). E, beli, što *bijaše* jedan, omalen a brz, pa se nago da bježi, a ja se naturio za njim. (80) *Попался* вот один, маленький такой ростом, а проворный — как припустил, я за ним. (58) *Bijahu* dječaci, plave podšišane kose, bijeli i gospodski odjeveni. (75) Это были беленькие, аккуратно подстриженные, хорошо одетые барские дети. (50) Vazdan ih *varahu* oblaci prašine sa druma. (73) Целый день горожане *принимали* облака пыли на дороге за приближающийся торжественный поезд.

---

[16] О. Есперсен очень образно выразился об имперфекте и аористе французского языка: «С некоторым преувеличением можно даже сказать, пользуясь библейским выражением, что имперфект употребляет тот, кому один день кажется тысячелетием, а аорист — тот, кому тысячелетие кажется одним днем» (Есперсен 2002: 322).

(48) Te noći putovaše bez prestanka kroz šumu. (80) Всю ночь без передышки *скакал* Мустафа Мадьяр через лес. (59) *Prezaše* i *zaobilazaše* one koji su imali opasan i čudan stav. (80) Он тоже *стал пугаться* и *объезжать* те, что казались ему странными и опасными. (59) On podiže pušku, uperi je posred prozora i *čekaše*. (80) Он поднял пистолет, прицелился в середину оконного квадрата и *стал ждать*. (59) A kad drum pođe uzbrdo a sunce zađe, iznemože ranjeni fratar i svaki čas se *onesvješćivaše* i *padaše*. (77) Но дорога пошла в гору, солнце зашло, раненый монах обессилел, то и дело *терял* сознание и *падал*. (55) Straže *osmatrahu*. (75) Часовые вот-вот *могли поднять тревогу*. (51) Alah! Alah! — *prihvataše* vojska i *prolamaše se*. (75) Аллах! Аллах! — *подхватил* его *крик многоголосый вопль*. (51) Neočekivano se, iz noći u noć, *pojavljivahu* već sasvim zaboravljeni, bezumno pomršeni, ulomci prošlog života. (76) Ни с того ни с сего, из ночи в ночь, перемешиваясь в кошмарных оборванных снах, *возникало* давно забытое. (52)

Как видно, имперфект переводится в основном при помощи перфекта от глаголов несовершенного вида (*bijaše — был*; *попался*; *bijahu — были*; *varahu — принимали*; *putovaše — скакал*; *onesvješćivaše se — терял сознание*; *padaše — падал*; *pojavljivahu — возникало*). Переводчик в двух случаях использует прошедшее время в сочетании с инфинитивом (*prezaše* и *zaobilazaše — стал пугаться* и *объезжать*, *čekaše — стал ждать*). В некоторых случаях встречается более широкая конструкция, что в большей степени выглядит, как свободный перевод, а не как необходимость (*bijaše — ехал пригнувшись*, и *показался*). Все эти переводы, в отличие от оригинала, стилистически нейтральны[17].

[17] В данной повести Иво Андрича мы нашли 17 форм имперфекта, что составляет 1,5% всех форм глагола. Это немаленькая цифра, если принять во внимание тот факт, что И. Андрич не очень часто использовал данную форму глагола (автор чаще употреблял имперфект в первый период своего творчества, когда писал на иекавском говоре, а в последующий период мало его использовал; Stanojčić 1967: 221). Если в десяти рассказах раннего И. Андрича всего 27 форм имперфекта, а мы только в «Мустафе Мадьяре» обнаружили 17, то можно сделать вывод, насколько заметно использование форм имперфекта.

В других художественных произведениях имперфект по-разному используется. В литературном творчестве Гасана Кикича его употребление ограничивается только авторской речью и совсем отсутствует в диалогах (Smailović 1979: 90). В языке Петра П. Негоша отмечено всего 33 примера (Ostojić 1976a: 165). Он редко встречается в произведениях Степана Матиевича (Pavešić 1968: 438), Якова Игнатовича (всего около 10 примеров; Jerković 1973: 164), а очень часто у Доситея Обрадовича (Kuna 1970: 147). Имперфект с большой частотностью представлен только в первых рассказах Иво Андрича, и то в значительно меньшей степени, чем аорист (Stefanović 1984: 82). В произведениях Исака Самоковлии имперфект ограничивается только глаголами несовершенного вида и редко встречается (по частоте употребления находится в конце списка,

Вместо выводов об употреблении и стилистических особенностях имперфекта приведем мнение С. Тежака: «Если в конце попытаемся сжато ответить на вопрос, жив ли имперфект или он окаменевший элемент в современном хорватском литературном языке, нужно сказать, что он жив, но не в такой степени, как перфект и аорист. Его жизнь беднее, и при этом в первую очередь сводится в основном к употреблению 3 лица единственного и множественного числа, в то время как 1 и 2 лицо очень редки. Беднее и потому, что значительно чаще употребляется имперфект глагола *biti* ʻбытьʼ, чем имперфект всех других глаголов» (Težak 1977—78: 52).

42. В последнее время формы аориста (и намного реже имперфекта) обретают новую жизнь в интернет-форумах, чатах, sms-сообщениях и в электронной почте. Такое употребление аориста можно разделить на чистое и комментирующее. Чистое употребление — это случаи, когда используется форма аориста без каких-либо комментариев, пояснений и уточнений. Оно особенно характерно для sms-сообщений. Ср.:

> *Poslah* važan mejl. (Aorist 02-email) *Poslah* ti mail. (Aorist 03-email) *Napisah* mejl. (Aorist 54-email) *Napisah*. Pročitati. (Aorist 55-email) *Pročitah*. Dojdi kad možeš. (Aorist 56-email) *Dobih* kompliment da mi je lijepa kosa. (Aorist 51-email) Joj. *Pomiješah* datume. Ne da mi se raditi. (Aorist 53-email) *Šokirah se* porukom. (Aorist 52-email)

только перед историческим императивом и плюсквамперфектом), но все же отмечается на всем протяжении творчества писателя (Stefanović 1984: 82). На 1300 страницах Стефан Стефанович нашел 11 форм имперфекта, из них 40 от глагола *biti* ʻбытьʼ, а 72 — от других глаголов. Из остальных глаголов только *kazivati* ʻговорить, рассказывать' и *moći* ʻмочь, смочь' повторяются три раза, а *prolaziti* ʻпроходить', *znati* ʻзнать', *stajati* ʻстоять' и *izgledati* — ʻвыглядеть' — по два раза. «К имперфекту Самоковлия прибегает тогда, когда он желает воссоздать определенную сильную и экспрессивную картину прошлого "в его бывшей актуальности". Всякая замена формой прошедшего времени от глагола *biti* ʻбытьʼ, что вполне возможно на чисто синтаксическом уровне, привела бы к заметному обеднению текста, потере экспрессивности и запечатлевающихся картин» (Там же: 85). Исаак Самоковлия имперфект также использует в различных описаниях из-за возможного сильного оживления, при описаниях различных душевных состояний и настроений (радости, ненависти, гнева, злобы). Такое употребление, подчеркивает С. Стефанович, придает изложению живость, а у читателя складывается впечатление, что о происшедшем рассказывает очевидец. Важно и его утверждение, что части текста, в которых регулярно используется имперфект, являются самыми выразительными. Поэтому каждая замена имперфекта настоящим временем от глаголов несовершенного вида, а особенно полной формой прошедшего времени, привела бы к крайнему обеднению текста, однообразию и замедлению изложения да и потере динамики» (Там же: 86).

Данный тип часто встречается для выражения информации о том, что автор получил определенное сообщение по электронной почте, по мобильному телефону или же получил определенный предмет.

> Pre par dana *dobih* mail sledeće sadržine [...] (Aorist 107-www). Tako *dobih*, taman koliko je red, paket zapakovan u kutiju «multi graina»,od 32 table koji sam joj kupio ovde, da časti bratovu decu. (Aorist 108-www) *Dobih ljubazno pisamce pa reko da ga podelim s vama*. (Aorist 109-www) Nije to ništa zvanično ni ja ne *dobih* ništa... (Aorist 116-www) *Dobih* danas dva filma (Sniper i Startacus) pa ću ih možda i odgledati večeras — možda. (Aorist 110-www)

Суть комментирующего употребления состоит в том, что автор **(а)** считает нужным и целесообразным пояснить, почему он использует эту форму, или **(б)** желает усилить выражение в целях создания эффекта. Такими комментариями можно

1) подчеркивать:

> Al stvarno plaža iza hotela bila je predivna... sutradan buđenje i ja i crna kao prave sportašice trk u teretanu... koji smjehovi su to bili.... ma grejt.... i kasnije *svratismo* (aorist)! do krke and pravac home... (Aorist 66-www) Potaknut ovakvim saznanjem kao i onim što *čuh* (aorist, op. a.) od špijuna, *odlučih* ja jučer uputiti se na spomenutu lokaciju. (Aorist 78-www) *promjenih* (aorist) izgled bloga. (Aorist 70-www)

2) выражать сомнение:

> Evo *pročitah* ovo na iskonu, pa se *šokirah*... (jel to aorist ili imperfekt?). (Aorist 65-www)

3) проверять:

> Književnost, filozofija i još mnogo toga simpsone, uvijek me zanimalo kako pišu te knjige pa *zavirih* (jel to korektna upotreba aorista ili aorist uopće ili su možda united aorists) na simpsone. (Aorist 90-www)

4) реагировать:

> Zakaj sve u aoristu pišeš??? E... da mi nisi reko, ne bih ni skužio... fakat nemam pojma zakaj. Uostalom, pa nije nit aorist tak loš. Možda je to do proljeća pa me neki pjesnički nagon navodi da se tako pomalo nesvakodnevno i lirsko-epskone baš-sasvim-zdravorazumski izražavam. (Aorist 103-www)

5) играть словами:

> *nađoh* te!!! evo ti aorist... (Aorist 6-www 8)

6) предупреждать:

> Opet ti *nepročitah* ono pod brojem 10 (pazi da se open ne oklizneš na aorist). (Aorist 60-www)

7) извиняться:

I ništa, to *rekoh* i *zaboravih*. Neka mi mladi hrvatski pisci oproste ovaj aorist, *htjedoh* krenuti na ručak, na biftek ili lignje u neki restoran, ali *odustadoh* u zadnji čas i *odlučih* za te novce kupiti neku knjigu. (Aorist 59-www)

8) эстетически оценивать:

Baš tako, aorist se upotrebljava vrlo rijetko, a zvuči lirski, puno ljepše od samog perfekta. (Aorist 86). ako upotrijebiš aorist ili imperfekt, jest da ćeš zvučati malo neobično, al i simpatično bar meni. (Aorist 92-www) Nakon trogodišnjih propalih obećanja o svjetlijoj budućnosti, stidljiv aorist djeluje vrlo ugodno. (Aorist 9-www 4) Samo, kada vi o tome pričate, s onim pustim aoristima... *bijah*, *pomislih*... više mi nekako izgleda kao da razgovaraju Ivan Mažuranić i Ljudevit Gaj, nego Grop i ja. (Aorist 97). Ma nije loš aorist, fora ovak zvuči ali grozno za forum! (Aorist 103-www)

9) выражать положительную позицию:

Naravno paduckala je i kišica ali ne strašno. Mi sve stvari *spakovasmo* u kola i *ponesosmo* (ala volim aorist) kasete sa isključivo domaćom muzikom, kako bi nam srce bilo što bliže otadžbini. Bilo je tu i Azre I Čorbe i Dugmeta i Brejkersa i svega ostalog, uleteli su i Dire Straitsi i Duran i još ponešto od ove neprijateljske muzike. (Aorist 115-www) Biće kafa, kako već *rekoh* / opet moj voljeni aorist / ... i prije no što misliš. (Aorist 113). a nit pospan nit umoran jerbo kafu jaču *popih*. mnogo mi se ovaj aorist sviđa u poslednje vreme. [...] I svi se grohotom *nasmijaše*!!! (obožavam aorist, ako je to moguće). (Aorist 63-www)

10) предполагать:

Budući da glavni lik naše priče, kao i većina nas, *imadoše* (aorist, Žigička bi bila ponosna) familije i prijatelja pripadnika druge nacije požali se on i njima na svoju muku. (Aorist 93-www)

11) убеждать:

[...] vjerojatno *pronađoh* prave O tak se dugo ne *vidjesmo* i nemojte mislit da sam malo cvrknuta kaj koristim aorist, to pokupih od blanke. (Aorist 80-www)

В электронных средствах коммуникации появляются и необычные формы аориста:

Aj *odoše* ja. Raska nam je rekla da su se aorist i imperfekt počeli više koristiti zahvaljujući SMS-u jer je to ljudima kraće. Hm? (Aorist 99-www) Dosađujem se doma pa si *dah* (aorist ili imperfekt) truda da poslušam malo dvije najdraže pjesme s novom albuma i zapišem textove za one koji bi ih htjeli a nemaju viška vremena... (Aorist 98-www) *umrh* od smjeha dok čitah post *rofl* *smajl koji

STRAŠNO *volih* aorist* a ono, ispozdravljat ću ih sve večeras PŽ!!!!!! (Aorist 74-www)

В некоторых случаях сам термин *аорист* используется в переносном значении для обозначения давно минувшего, неактуального, потерянного:

Ajd deda Blaž, i ne gledaj ženske okolo, to je aorist za tebe. (Aorist 95-www) Kada ti nešto takvo pozvoni na vrata možeš biti siguran da je tvoj utjecaj na vlastito dijete davni aorist [...] (Aorist 100-www). Jordanić je već danas aorist, pa ne treba gubiti vrijeme na njega. (Aorist 104-www)

Аорист также появляется в форме ложной, «народной» этимологии:

Željeli vi to priznati ili ne ustaše nisu bili fašisti. To je aorist od glagola *ustati*. (Aorist 96-www)

Он иногда встречается в заглавии:

Aorist je zakon (Aorist 77-www).

Многочисленные примеры, обнаруженные нами, не укладываются в существующие толкования аориста. Например, «Хорватская грамматика» утверждает, что аориста нет в информативных текстах (Hrvatska gramatika 1995: 413), хотя основная часть аористов в sms-сообщениях выполняют как раз чисто информативную функцию. Ср.:

[...] tocko, da te obavijestim, mejl ti *poslah* [...] (Aorist 13-www). Kolegice, jel' vam onaj mali što ga *poslah* dao kovertu s plaćom? (Aorist 12-www)

Рассуждение о том, что использование аориста является маркированным, кажется лишь частично точным, так как в электронных средствах коммуникации такой аорист часто выполняет только функцию сообщения. Новая жизнь аориста также не укладывается в мнение о том, что употребление аориста в основном связано с деревней (Kravar 1981): ведь все то, что появляется в чатах, почти полностью идет из города. Также утверждение, что аорист используется для «разговора и повествования» (Там же: 124) не совсем отражает суть дела. Положению о том, что он является редким в НФС и ОФС (Babić 1981 / 1982: 265), противостоит целый ряд примеров в профессиональном общении, прежде всего, в речи компьютерщиков:

Je, ovo sam i ja bio napravio: ali obradi meni BOINC dva rezultata i spojim se ja na NET, kada ono iznenađenje: *poslah* 2 obrađena [...] (Aorist 23-www). *Dobih* ja napokon grafičku karticu sa reklamacije. Željno otvorim paket — a na cooleru od očito polovne kartice taman i prst debel sloj fine prašine i meni se stegne u želucu jer odmah *pomislih* pa što su ovo poslali, radi li ovo uopće?! (Aorist 36-www) Danas *dobih* software u pošti, i čitam na kutiji da je APP dezajniran za Microsoft Windows XP. (Aorist 38-www) Sad, dok je gugl tulbar skoro sve blokirao. Upravo *dobih* ovo upozorenje Confused Kakvo flodovanje, spam?? (Aorist

39-www) Danas *dobih* qsl-ke. Složio, poređao i odabrao. [...] Pozdrav YU1KT, *dobih* i ja istu, ali nigde čovek nije napisao da je sponzor [...] (Aorist 40-www). *Dobih* screen shot kako bi to trebalo izgledati, pa vidjeh... Nemam toga, nego mi nakon change e-mail/password odmah ide dio gdje upisujem birthday... (Aorist 41-www) [...] *dobih* jedan zanimljiv mail. tj pitanje. osoba x između ostaloga kaže da vječito pišem o dobrom site-u i stranicama a još nigdje nisam napisala kako dobru napraviti. kritika prihvaćena, zahvaljujem. (Aorist 43-www)

Причины «реинкарнации» аориста не надо искать в тех импульсах, которые во второй половине XX столетия повлияли на временный «ренессанс» аориста, когда «ожили» его контакты с западноевропейским миром, в частности, через переводную литературу с тех языков, которые имели две претеритальные формы (романские языки) или же только одну (немецкий и английский), противопоставленную перфекту (Kravar 1981: 135). Если тогда речь шла об искусственном оживлении, о том, что аорист был больше «вопросом школы, чем жизни, больше стилевой моды, чем потребностей в выражении» (Там же: 135), в настоящее время новая жизнь аориста является спонтанной, не продиктованной какими-либо политическими или идеологическими причинами, внешними импульсами, давлением пуристов и т. п. Краткость аориста, его необычность оказались решающими факторами для оживления, а его периферийное положение в грамматической системе дополнительно способствовало использованию для создания экспрессии. Интересно, что из всех известных нам толкований аориста, для объяснения новой тенденции самым подходящим является то, которое высказано в 1940 году: аорист используется, когда **(а)** кому-либо сообщается о том, что что-либо целесообразно и нужно знать, или **(б)** кому-либо сообщается о том, что недавно произошло, а для него это неизвестно, или **(в)** напоминается о том, что ему уже известно (Florschütz 1940: 245).

Эффект, создаваемый аористом, в некоторых случаях усиливается параллельным использованием уменьшительно-ласкательных слов.

[...] *dobih* jednu interesantnu porukicu neki dan [...] (Aorist 32-www). E da, *dobih* i jedan bodić. (Aorist 44-www)

Оживление аориста наблюдается и у носителей других диалектов, в первую очередь кайкавского. Очень часто кайкавцы используют аорист, хотя в этом диалекте он отсутствует.

[...] misliš...le miting? prošel je dobro, ako niš, nasmijali smo se i prošetali i ja *dobih muziku* i tak. (Aorist 33-www) Frozen, evo jedno od mogućih rješenja tvojeg problema (kaj ne voliš da ti se obraćaju u ženskom rodu) u međusobnoj komunukaciji upotrebljavajte samo prezent on ti je unisex :D i nema problema, problemi nastaju sa perfektom al tomu se da doskočiti ako upotrijebiš aorist ili imperfekt, jest da ćeš zvučati malo neobično, al i simpatično bar meni. (Aorist 92-www) Ma nije loš aorist, fora ovak zvuči ali grozno za forum! (Aorist 103-www)

Комбинирование форм аориста и прошедшего времени является нормальным, так как использовать только аорист для передачи прошлых действий было бы очень трудно и неестественно:

> Sms voljenoj. Počeo sam razgovarati s sms-om. Doktoraaaaa. Poslao sam sms voljenoj osobi s tekstom: «*Poslah* svog anđela čuvara da te čuva». (Aorist 18-www)

Экспрессивными являются случаи, когда чередование аориста и имперфекта прерывается комментарием о том, является ли определенная форма аористом или имперфектом:

> *pijah* sinoć jedno pivo jedino. (jel to imperfekt uskače?! jes. i poetski ja to složih).
> primjetiste li vi da *pukoh* ja?
> ili i prije *bijah* vaki kreten. (Aorist 63-www)

Иногда действительно трудно определить, о какой форме идет речь, особенно если она является неологизмом, т. е. если образована от несуществующего глагола несовершенного вида. В следующем примере от существительного *Blog* (названия одного из самых популярных хорватских чатов) образована форма *blogah*, которую автор определяет как аорист:

> Petak 13. dugo me nije bilo. palim osmicu. najnoviji brend FDS-a. odličan. ostavio sam lucky. konačno pušim domaće-rekli bi neki. koji? nije bitno. sad znate da sam bosanac. šta da vam kažem. desilo se mnogo toga u vremenu u kojem ne *blogah* (aorist). (Aorist 64-www)

Экспрессию создает и употребление аориста в контексте далекого прошлого, что не является типичным значением данной формы:

> *Dobih* ga [mobitel] davne 2000-te... kao rezultat mamine i tatine raskošnosti u jednom trenutku. (Aorist 49-www)

Интересными являются случаи, когда дается большое введение, перед тем как использовать аорист[18]:

---

[18] О том, что аорист является важным и нужным выразительным средством, писал Людевит Йонке: «Zagledajmo i u tekstove naših dobrih pisaca i prevodilaca, poetske i prozne, pa ćemo se i opet osvjedočiti kako je funkcionalna upotreba aorista i imperfekta podigla i oživila vrijednost teksta. Poslušajte kako je živa, pregnantna i adekvatna rečenica u prijevodu dobrog poznavaoca našeg jezika: "I *vidje* dvije lađe gdje stoje u kraju, a ribari *bjehu* izišli iz njih i ispirahu mreže." Naši protivnici aorista i imperfekta, pa i pluskvamperfekta, rekli bi to sasvim prozaično, neadekvatno i razliveno: "I vidio je dvije lađe gdje stoje u kraju, a ribari su izišli iz njih i ispirali mreže." U prvoj nam je rečenici kazano da je subjekt u tren oka spazio sliku prema kojoj su ribari, pošto su već prije izišli, ispirali mreže. Te finese vremenskih

Već neko vrijeme, na padinama Srđa, zapadno od naselja Bosanka, planiraju se izgraditi golf tereni. Naravno da je takva informacija brzo našla put do lokalnih mešetara koji sada otkupljuju zemlju od neukih seljaka znajući da će cijena takvom zemljištu višestruko narasti. Dobro, u redu, nisam oduševljen idejom da mi se holivudski jet-set preseli u Dubrovnik ali to su te neke stvari na koje ne mogu utjecati. To je ono što se naziva — progres. Mogao sam se i sam obogatiti budući sam među prvima znao da te urbanističke planove ali ja sam domoljub po zanimanju i takva ideja bila mi je naprosto strana. Istina, već je meni i prije bila sumnjiva ta lokacija (prilično neprikladna) za golf terene a sumnja se dodatno produbila kad sam primijetio da je potiho, u neposrednoj blizini hotela Argentina, otvoren novi Golf club iako je izgradnja terena još na «duuugom štapu«. Potaknut ovakvim saznanjem kao i onim što *čuh* (aorist, op.a.) od špijuna, *odlučih* ja jučer uputiti se na spomenutu lokaciju. (Aorist 78-www)

Наконец, следует упомянуть еще одну тенденцию, обнаруженную нами в электронных средствах коммуникации: стремление в неформальном общении через Интернет публиковать художественные произведения, в первую очередь поэтические, с использованием этой формы:

Ubih thanatosa i *bacih* sve noževe u vatru,
Jer ljubav je pokucala na moja vrata…
Sruših sve ograde i *skinuh* veo sa svoga lica,
Jer ljubav je pokucala na moja vrata…
I *predah se* cijela neizvjesnoj igri ljubavi ,
Jer na pragu mom…stojiš ti…
(Aorist 62-www)

[…]
Tražih svijetlost
zauzvrat *dobih* tamu
Tražih sreću
zauzvrat *dobih* tugu
Tražih svoj odraz u drugim očima
nađoh razorenu pustinju života...

Umjesto da *uvidjeh*
plavetnilo neba
vidjeh samo
tamu tamnice duše moje...

---

odnosa, i trajanja gube se samim prenošenjem u perfekt, a da bi se ipak i uz perfekt sačuvale, potrebno je dodavati neke pomoćne riječi: *u tren oka*, *već prije* i sl. A k tome još dolazi i monotonija jednog te istog glagolskog vremena» (Jonke 1965: 415—416).

Sada jedan za drugom
suza iz oka se kotrlja
jer prijateljstva i zezancije nema
već samo seksa i života

Zarobih se davno
u samici tuge i samoće
čekajući princa
da me izvuče...

Tomu danas došao je kraj...
jer u potrazi za svijetlom
zauzvrat *dobih* mrak
jer u potrazi za srećom
zauzvrat *dobih* tugu
jer u potrazi za dodirom
zauzvrat *dobih* pljusku
[...]
(Aorist 105-www)

Na pijesku *napisah* tvoje ime ali ga *obrisa* vjetar ludi.
Na stablu ga *urezah* ali ga *posjekose* zli ljudi.
Tad ga *urezah* u srce svoje gdje će zauvijek ostati moj.
(Aorist 58-www)

В некоторых случаях такая поэзия выносится на обсуждение, в котором высказываются мнения об употреблении аориста. Вот один пример:

Ova pesma je onako po malo neobična, meni je jako draga. Znači, ona se zove «Semena»: «Učinila si da se osećam kao peto godišnje doba proleće-jesen, koje se javlja samo jednom u prestupnom trenu našeg života, samo sada kao presudno zrnce peščanika nalik kolopletu više stvarnosti, gde je zapreteno sve — i pupoljci, i plodovi, i seme, i rod, i zametak, i porod, dok na zemlji i granama čekaju da ih neko pokupi i bele meke lati i zrenja trud. Teku i setva i žetva, selice dolaze i odlaze u beskrajnim ponovcima, kipti, šiklja, žeže. U meni uzvrjalo, *oplodih* sam sebe, *usadih* si seme života, i *poče* iz mene da niče. *Propupeh*, *prolistah*, *izdžikljah*, *razgranah se*, pa se ne vidim, ne mogu da se pojmim, ne sagledavam se, ne prepoznajem, od kose mi krošnja, od udova grane i stabla. Na i u meni takav život buja kakav ne *osetih* nikad. *Postadoh* dom, stanište, roditelj čudnog cvoća, *prohrveše* iz mene tako čudni plodovi ljubavi, a odasvud iz daljina otajnih, iz blizine obesne *dođoše* kriomice po nevidelu uzajamno nesvesni da uzberu seme namošusnog. *Smejah se* grohotom a nečujno, jer mi to *beše* prava nakana da obremenim vaskolikost darovima, ćutilima, što ih sami *zaboraviše*, *izgubiše*,

i koji se u meni *ovaplotiše* i što *šiknuše* iz moje zanebesane ljubavi i ljudskosti.» (Aorist 111-www)

Последовал такой комментарий откликнувшегося участника форума:

Boga mi, sve u aoristu? Aorist — fino jedno vreme za poeziju. Zanimljivo. (Aorist 111-www)

43. Плюсквамперфект — третье сербское / хорватское прошедшее время, которое нехарактерно для русского языка и которое обогащает сербский / хорватский язык на экспрессивном уровне. И в его употреблении заметно что-то общее с судьбой аориста и имперфекта: в настоящее время он достаточно редко употребляется, и чем больше проходит времени, тем все реже он встречается в устной и письменной коммуникации. Однако он все же чаще используется, чем имперфект. Его экспрессивность связана не только с тем, что он редко встречается, но и с тем, что (1) он обладает только ему присущими грамматико-стилистическими значениями и что (2) имеются две формы плюсквамперфекта: сложная и двукратно сложная (*bijah znao — bio sam znao*), при этом чаще употребляется форма, образованная при помощи прошедшего времени от глагола *biti* 'быть'. Кроме взаимозаменяемости в рамках самой сферы плюсквамперфекта, эта форма может входить в синонимические сочетания с прошедшим временем и кратким перфектом (при этом последний в этой функции употребляется несравнимо чаще). И причастие прошедшего времени может иногда появиться в значении плюсквамперфекта:

A lice, *preplanulo* od vjetrova, probilo je jedva vidljivo bljedilo (kao da je kazano: A lice, *koje je bilo preplanulo* od vjetrova probilo je jedva vidljivo bljedilo. (Stevanović 1967: 131)

Исследование употребления плюсквамперфекта в «Романе о Лондоне» Милоша Црнянского показывает, что относительно низкую частотность имеет плюсквамперфект в значении одновременного или последующего действия по отношению к другому действию или состоянию (Radovanović 1975). Наоборот, относительно высокую частотность эта форма получает в значении предшествующего действия, что подтверждает мнение М. Стевановича о том, что плюсквамперфект обозначает действие, очень редко происходящее в прошлом до какого-то другого действия, также обозначенного прошедшим временем (Stevanović 1967: 121). С другой стороны, 1000 примеров плюсквамперфекта не подтверждает позицию грамматической нормы о все более низкой частотности этой глагольной формы. «При этом регулярно плюсквамперфект употребляется от глаголов совершенного вида, что полностью, однако, соответствует новейшим представлениям, что именно плюсквамперфект от глаголов совершенного вида все еще живая грамматическая категория» (Radovanović 1975: 166). Исследования Бранислава Остоича, Йована Ерковича, Херты Куны и некоторых других свидетельствуют о невысокой частотности плюсквамперфекта в языке отдельных писателей новейшего и более

раннего периода (Ostojić 1976a: 173; Jerković 1973: 169; Kuna 1970: 155). При помощи плюсквамперфекта можно придавать различные нюансы художественным текстам, как, например, архаичность (скажем, ее замечает Живоин Станойчич в первом периоде творчества Иво Андрича, когда он проявил себя как яркий рассказчик, см. [Stanojčić 1967: 202]).

И здесь между русским и сербским / хорватским языками имеет место грамматическая и стилистическая безэквивалентность[19], поскольку при переводе плюсквамперфекта русский переводчик располагает только одной возможностью (употребление прошедшего времени), то трудно говорить о каких-то нюансах перевода. Об этом свидетельствуют следующие примеры из «Мустафы Мадьяра» («Mustafa Madžar») Иво Андрича:

> *Bijaše pognut* i nekud malen (jer u pričanjima i očekivanju bijaše porastao). (Antologija 1980: 73) Он *ехал*, *пригнувшись* к седлу, и показался всем очень маленьким (видно, вырос в разговорах за долгие часы ожидания). (Андрич 1976: 48) Jedini Mustafa *bijaše odmakao*. (75) Мустафа один *вырвался* вперед. (51) Poslije mnogih i drugih ratova, *bijaše se namnožilo* besposlenjaka i pijanica […] (81). После многочисленных и затяжных войн и в самом Сараеве, и по всей Боснии *развелось* множество пьяниц и бродяг […] (61). Progoneći neprijatelja, *bijahu zanoćili* u nekom napuštenom letnjikovcu na Krimu. (74) Преследуя противника, отряд *решил заночевать* в имении, брошенном хозяевами. (50)

В рассказе Иво Андрича мы не отметили употребление плюсквамперфекта, образуемого соединением причастий на *-л-* с формами прошедшего времени глагола *biti* ‘быть’, но зато мы нашли примеры в романе Меши Селимовича «Tvrđava» («Крепость»):

> Potpuno *sam bio zaboravio* za tog svog rođaka […] (Selimović 1970: 38). Я совершенно не *помнил* об этом своем родиче […] (Селимович 1974: 30).

Как видно, в русском языке плюсквамперфекту соответствует прошедшее время от глаголов совершенного вида (*bijaše porastao — вырос*, *bijaše odmakao — вырвался*, *bijaše se namnožilo — развелось*). В качестве корреспондента может выступать и прошедшее время от глаголов несовершенного вида (*bio sam zaborav-*

---

[19] Она появилась в процессе развития русского языка в направлении сведения всех претеритальных времен к одному — к прошедшему времени. Форма плюсквамперфекта могла сохраняться без изменений в русских диалектах, но зато она теряла свое специфическое значение, обозначая просто прошедшее действие. Так произошло в ряде северных русских диалектов: старое значение почти не встречается (*Земля была высохла* да опять промокла), а реализуется значение обычного прошедшего действия (Зимусь все *промерзло было*), см. (Историческая 1982: 127).

io — не помнил) и разные конструкции в результате свободного перевода (*bijahu zanoćili — решили заночевать*).

44. Особым экспрессивным потенциалом отличается форма, тоже не характерная для русского языка. Это так называемый краткий перфект (сокращенный перфект, усеченный перфект, перфект без вспомогательного глагола и т. п.) типа:

Pala magla. Лег туман. — *Poginulo* mnogo ljudi. Погибло много людей.

Эта форма прошедшего времени, которая употребляется без вспомогательного глагола *biti* 'быть', наряду с болгарским и словенским языками является специфичной для сербского/хорватского языка[20]. Ее экспрессивные возможности очень велики. Ирена Грицкат в качестве одного из трех его основных элементов (релятивности, относительности и результативности) выделяет экспрессивность. «Это, короче говоря, выражение действия скорее в его статичном, чем в динамическом аспекте, а затем значение отвлечения внимания или обращения внимания на течение или завершение действия, с известным акцентом на его значение, а не на его совершение в прошедшем времени» (Grickat 1954: 77). Указывая на то, что довольно трудно охватить в нескольких словах все нюансы его значений, И. Грицкат семантику краткого перфекта разделяет на семь категорий: « […] I кат. — картина, которая поражает; адверзативность; II кат. — статичность, представленность действия, картина; III кат. — новизна, несвязанность с предыдущим текстом; IV — привлечение внимания к соответствующему действию; V кат. — картина, статичность; VI — картина; VII — контраст с контекстом, но в то же время и картина, действие глагола представлено как свершившийся акт» (Там же: 62). Все эти нюансы И. Грицкат объединяет в две подгруппы: **1)** прошедшее действие отображается в его результативности, статично, как картина, созданная предыдущим действием; **2)** в конструкциях с этой формой наличествует момент отсутствия связи с предыдущим высказыванием, присутствует новое, повествование останавливается, и делается психологический акцент. Центр семантики краткого перфекта она видит в его статичности, значении образности, результативности и значении претерито-презенсном (Там же: 181). Без вспомогательного глагола краткий перфект легко выражает статичность и получает значение результативности, и поэтому употребление глаголов совершенного вида отмечается значительно чаще, чем глаголов несовершенного вида, отношение 239: 66 в пользу первых (Там же: 191). Говоря о стилистически окрашенном кратком перфекте, автор указывает на то, что он в литературном языке имеет две основные функции, то есть стилистические

[20] Ирена Грицкат, наиболее полно рассмотревшая эту форму, подчеркивает, что в болгарском языке краткий перфект имеет другое значение, в словенском языке он часто не употребляется, а в других славянских языках вообще не встречается (Grickat 1954: 167, 203). Данная форма появилась в XVI и XVII веке, как считают, в юго-западных говорах.

характеристики: **а)** выражение статичности, отображение законченных картин и **б)** подчеркнутое выражение действия глагола (Там же: 197—198). Чаще всего его используют писатели экавских и иекавских областей новых диалектных типов; он больше распространен среди писателей екавцев, чем среди экавцев (Там же: 201). Неполный перфект не может везде без ограничений употребляться: краткая форма используется тогда, когда выражается или экспрессивность, или результативность, в основном несмотря на индикатив и релятив (Там же: 179). Вспомогательный глагол нельзя опускать там, где без него нет указания на действующее лицо, а также в предложениях типа:

Došao sam u Beograd. — Я *приехал* в Белград. (Там же: 78).

Анализируя краткий перфект, М. Стеванович делает такое замечание: в придаточных предложениях он не употребляется и «вообще в сербскохорватском языке, кроме повествования в какой-либо форме и выражения экспрессии, разумеется (мы имеем в виду интеллектуальный стиль повседневной речи), довольно редко употребляется» (Stevanović 1967: 68). В романе «Koreni» («Корни») Добрицы Чосича прошедшее время и неполный перфект смешиваются, причем не одинаково употребляются полная и краткая формы прошедшего времени (Pajić 1976). В этом произведении очень широко используется краткая форма (116 примеров на 292 страницах) для описания природы, природных явлений, и в этих случаях она получает значение результативности. Краткий перфект — активная категория в народных говорах (Jović 1959b).

На сопоставительном уровне проблема заключается в том, что сербский / хорватский краткий перфект совпадает с полной и единственной в русском языке формой прошедшего времени:

Poginulo mnogo ljudi. — *Погибло* много людей,

т. е. вторичная форма одного языка совпадает с первичной формой другого языка, экспрессивная форма глагола совпадает со стилистически нейтральной формой (по крайней мере, в основных значениях). Как это выглядит в конкретном употреблении, показывают следующие примеры из романа Меши Селимовича «Tvrđava» («Крепость»).

— Hadži Husein, zvani Pišmiš, *zapao* u dugove i *sklonio se* u vojsku. (Selimović 1970: 10). Хаджи Хусейн, по прозвищу Банкрот, *заявил* о долгах и *укрылся* от своих кредиторов на войне. (Селимович 1974: 7) Što *rekao* onaj pametni čovjek kad su ga vodili na vješala. (23) Как *сказал* один умник, когда его вели к виселице. (18) Eto mu rodni grad, eto mu zavičaj! Povazdan *gledao* sokake, veliš? *Gledao* smrad, gledao svoju i našu nevolju. (40) Вот и повидал город, вот и повидал родину! Целый день *ходил* по улицам, говоришь? *Дышал* нашим смрадом, *глядел* на свое и наше несчастье. (32) A možda je i greška. *Čekali* drugog, pa *udarili* tebe, *pogriješili.* (76) А может, ошибка. *Подстерегали* дру-

гого, а *кинулись* на тебя, *обознались*. (61) Učinio je ono što je lakše, *otvorio* čekmedže, *izbrojio* novac, pa *dodao* više nego što je bio odredio. (145) Он сделал то, что легче, *выдвинул* ящик стола, *отсчитал* деньги и *добавил* еще — сверх того, что *определил* раньше. (118) Eto, sinoć, ja *legao*, a ono *pritislo*, vidim, promijeniće se vrijeme […] (179). Вот вчера вечером *лег*, *парит*, вижу, погода *меняется* […] (146). Kako *lagao*, čovječe božji! (182) *Врал*, скажешь тоже. (149) Oko ponoći *došli* nekakvi grmalji, pa hoće da pokvare veselje […] (256). Незадолго до полуночи *явились* какие-то неотесанные чурбаны и давай портить веселье […] (208).

Как видно, русская полная форма прошедшего времени не в состоянии выразить экспрессивные особенности краткого перфекта.

Таким образом, краткий перфект, наряду с аористом, имперфектом, плюсквамперфектом, — четвертая форма глагольного времени, которую мы не находим в русском языке. Однако в языке, как и везде, действует закон компенсации, и русский язык это восполняет на других уровнях (об этом позднее). В начале развития оба языка имели идентичные претеритальные формы, но с течением времени русский язык все формы прошедшего времени свел только к одной — форме прошедшего времени, а сербский/хорватский язык сохранил старые формы. Однако и в сербском/хорватском все больше проявляется тенденция исчезновения тех форм, которые русский язык уже давно утратил (аориста, имперфекта, плюсквамперфекта). Сохранив четыре формы прошедшего времени, сербский/хорватский язык в стилистическом отношении получил достаточно преимуществ. Как мы знаем, одним из фундаментальных понятий стилистики является выбор (там, где он имеется, появляется и стилистика). В этом отношении между русским и сербским/хорватским языком существует абсолютная асимметрия, так как отношение 1: 4 в пользу последнего. Если мы согласимся с тем, что богатство выбора — важный критерий, то отсутствие какой-либо формы представляет собой обеднение стилистического потенциала. Поэтому, вероятно, стилисты с сожалением наблюдают за исчезновением из активного употребления аориста, имперфекта и плюсквамперфекта[21].

---

[21] Отношение 1 : 4, конечно, является важным и для теории развития, и для совершенствования языка. Если мы согласны, что язык совершенствуется, то процессы, происходящие в сербском/хорватском языке, мы охарактеризовали бы как прогресс. Но и в отношении русского языка мы бы могли найти аргументы, которые сведение всех форм прошедшего времени к одной форме позволили бы нам рассматривать как усовершенствование (скажем, язык отбрасывает все то, что ему мешает, что ему ненужно). Что же тогда, совершенствование языка — **(1)** упрощение, унификация и экономия или все же **(2)** богатый выбор, излишки? Стилисты скажут, что совершенствование — все то, что приводит к ясному, точному, образцовому стилю. Вероятно, у них при взвешивании аргументов верх возьмет мнение, что основным является возможность выразить одну и ту же мысль несколькими способами. Исходя из этого, примеры, которые мы

45. В ЛФС наиболее частотным является прошедшее время [по нашим расчетам, 68% всех временных форм, по данным М. Н. Кожиной (1972), этот процент еще выше — 85%; у Б. Н. Головина и И. В. Урамбашева (Головин, Урамбашев 1967) на 361—450 примеров прошедшего времени приходится по 10—13 примеров настоящего времени и по 6—18 примеров будущего времени]. Причина доминирующего употребления прошедшего времени лежит в природе самого ЛФС, который в значительной степени обращен к прошлому, так как в нем в основном говорится о том, что произошло (или могло произойти) или, как говорит М. Н. Кожина, «предмет же художественного изображения — преимущественно события как бы уже случившиеся, происшедшие, отсюда преобладающее использование здесь форм прошедшего времени […] Преобладание здесь форм прошедшего времени, как более конкретных, может быть объяснено также стремлением к максимальной конкретности того, что изображается и обусловлено спецификой поэтического мышления. Это подтверждается тем, что общий характер речи и анализируемые временные формы глагола выступают здесь в своих наиболее конкретных значениях (это касается и форм настоящего, и прошедшего, и будущего времени)» (Кожина 1972: 157).

В ЛФС встречаются различные приемы создания экспрессии при помощи форм прошедшего времени. Некоторые из таких приемов выглядят как странный эксперимент. Например, необычным употреблением форм прошедшего времени отличается поэзия московского поэта А. Левина. Наблюдения за речью детей, в которой глаголы, сохраняя собственную форму, превращаются в существительные (он заметил, что дети говорят:

Вон *чирикают*, Вон они *чирикают* —

формой *чирикают* одновременно выражается и предметность и глагольность) привело его к мысли сделать что-нибудь подобное. Так возникло стихотворение «Разные *летали*», в котором на одном месте глаголы являются глаголами, а на другом выполняют номинативную функцию (глаголы отмечены полужирным шрифтом, существительные — курсивом):

За окном моим **летали**
две веселые *свистели*.
Удалые *щебетали*
куст сирени **тормошили**.
А по крыше магазина
важно *каркали* **гуляли**
и большущие *вопили*
волочили взад-вперед.

приводили, указывают на то, что очень хорошо, что сербский/хорватский язык развил широкую систему временных форм для выражения прошедшего действия.

Две *чирикали* лихие
грызли корочки сухие,
отнимая их у толстых
косолапых воркутов.
А к окошечку **подсели**
две *кричали*-и-*галдели*
и **стучали** в батарею,
не снимая башмаков.

Формы прошедшего времени *кричали* и *галдели* представляют имена двух мальчиков. Эти формы вызывают познавательский конфликт, прежде всего, из-за числительного *две*. Эффект создают формы прошедшего времени в значении имени существительного (такие глаголы можно считать verba propria). Они имеют только одну форму, причем неизменяемую (как безличные глаголы, инфинитив или деепричастие). Данное стихотворение хорошо показывает, насколько язык устойчив к помехам, насколько самые смелые эксперименты, перевертыши не могут «убить» смысл. Поэтому превращение глаголов в «неглаголы» не в состоянии создать непреодолимые препятствия при декодировании. Все вышеуказанные глаголы, благодаря контексту, осмысляются как существительные. Это своеобразный парадокс, грамматический оксюморон: используется глагол, а речь идет о существительном. Эффект настолько выражен, что тот, кто первый раз читает эти стихи, не может сразу разобрать, что такое, с чем он имеет дело — с глаголом или с существительным. Этими стихами А. Левин показал, что глагол можно превратить в существительное, не применяя никакие деривационные трансформации.

В стихотворении «Торжественное произнести» А. Левин повторяет данный прием и превращает форму прошедшего времени *упал* и *победил* в существительное *Упал* и *Победил*:

Когда *Упал*, ударившийся оземь,
восстал опять, как древний *Победил*,
за ним возникло маленькое Тише,
шепча свое опасное сказать.

Когда *Упал* в сиянии косматом
повел Никто в загробное Ура,
за ним росло клубящееся Тише,
твердя свое отравленное но.

Когда *Упал* взлетел и, озаренный,
ушел один к небесному темну,
за ним стояло выросшее Тише
и лысых звезд касалось головой.

Субстантивированная форма прошедшего времени *Упал* является вторичной номинацией, используемой в целях мистификации: речь идет о ком-то, кто упал (пришел) с неба[22].

В ПФС заметно широкое использование форм прошедшего времени (в «Правде» от 28 февраля 1982 года мы нашли 31% форм прошедшего времени, 30% форм настоящего времени, 17% форм инфинитива, 7 форм страдательного причастия прошедшего времени, 5, 5% форм будущего времени и т. д.). Поскольку публицистика обращена к событиям ближайшего прошлого, разумеется, что в ПФС наблюдается повышенная частотность употребления форм прошедшего времени.

Жанровая специфика ПФС существенно влияет на возникновение специфических особенностей в употреблении форм прошедшего времени. В коротких сообщениях, скажем, преобладает их употребление, но они часто заменяются страдательным причастием прошедшего времени (Этим *завершено* строительство […] (Правда, 28 февраля 1982, с. 2).

46. В НФС прошедшее время намного реже используется, чем в ЛФС и ПФС. Только в некоторых видах научной деятельности (например, в историографии, биографиях, описаниях произведенных экспериментов и т. п.) оно имеет более высокую частотность. В названном тексте Р. А. Будагова прошедшее время занимает ведущее положение именно потому, что говорится о том, как появился НФС (Будагов 1977). Но в учебнике В. А. Приходько употребление прошедшего времени сводится к символичным 3,5% (Приходько 1971). Насколько употребление прошедшего времени зависит от вида научной деятельности, свидетельствуют данные по некоторым учебным предметам: биологии — 12,3%, химии — 11%, физике — 8%, математике — 3,5% (Сенкевич 1976: 118).

47. Прошедшее время мало используется в ОФС, о чем свидетельствует соотношение прошедшего времени в «Судьбе человека» и в «Уставе КПСС» (50% : 2%). В Конституции СССР мы не обнаружили не одной формы прошедшего времени (Конституция 1974).

Будущее время

0. Будущее, как форма проявления времени, определяется по отношению к настоящему: «[…] будущее — это то, что может стать настоящим, но им не является. Будущее не является наблюдаемым и носит у м о з р и т е л ь н ы й характер. Будущее мыслится как заполненное событиями, которые могут когда-нибудь стать настоящими. Все утверждения о будущем носят м о д а л ь н ы й характер и являются в е р о я т н о с т н ы м и. Будущее делает время о т к р ы т ы м» (Казарян.

[22] Речь идет о метафоре Христа.

Будущее-www). Некоторые ученые связывают будущее со свойством активности[1]. «Понятие будущего неотделимо от представления о необратимости. Абсолютная повторяемость и абсолютная обратимость событий лишают прошлое, настоящее и будущее реальных различий. То, что будет, уже было, и то, что есть, уже было и еще будет; все потенции реализованы, вещи и события не возникают в собственном смысле этого слова, а лишь воспроизводятся. К такому миру неприложимо понятие развития. Именно такой была Вселенная Ф. Ницше с ее "вечным возвращением". Именно такого типа человеческий мир конструирует психоаналитическая концепция З. Фрейда, который исходит из того, что у взрослого человека нет ничего, кроме его прошлого, что его поведение однозначно "запрограммировано" сексуальными впечатлениями раннего детства, отложившимися в подсознании. Таким образом, Фрейд предлагает человеку в качестве будущего его прошлое» (Аскин 1974: 68—69). Я. Ф. Аскин утверждает, что мир без развития есть мир без будущего, без течения времени и вообще без времени (Там же: 69). Он считает, что рассмотрение повторяемости как своего рода опоры в потоке времени имеет определенный смысл, так как повторяемость есть выражение стабильности в процессе изменчивости (Там же: 69). После только что процитированных слов («К такому миру неприложимо понятие развития») этот автор попадает в противоречие: «Будущее связано с процессом развития, им мы называем не просто то, чего нет, а то, что мы надеемся видеть осуществившимся» (Там же: 70). Далее следует размышление: «Будущее не существует, но это не просто отсутствие: оно не существует в качестве актуальной, наличной действительности, но существует в потенции, в тенденции, это сфера реальных возможностей развития. (Прошлое — это уже реализованные возможности, а настоящее — это момент перехода возможностей в действительность.) С другой стороны, возможности многообразны, их реализация — вероятностный процесс» (Там же: 70)[2]. Я. Ф. Аскин критически относится к отождествлению будущего с целью и считает, что будущее не исчерпывается ею, которая «есть лишь одна из форм, в которых будущее предстает в качестве детерминирующего поведение людей фактора» (Аскин 1974: 71).

1. Важным вопросом является представление будущего в художественном творчестве. В связи с этим выделяются два случая использования категории будущего в нем. Один случай, когда художник не говорит читателю, зрителю о будущем своего героя, а наоборот, он нередко старается утаить как можно надежнее это

---

[1] «Эта категория привлекает внимание физиологов (концепция И. К. Анохина, Н. А. Бернштейна), психологов (идея установки Д. Н. Узнадзе), о явлении упреждения говорят в кибернетике, усиленно обсуждаются вопросы прогнозирования в социальных и, в частности, экономических науках» (Аскин 1974: 68).

[2] Процессы, связанные с будущим, он метафорически объясняет: «Двигаться в будущее — совсем не то, что лететь к звездной системе, которая уже существует, но еще не достигнута. Идти в будущее означает творить будущее» (Аскин 1974: 71).

знание (Аскин 1974: 71)[3]. Второй случай, когда знание будущего используется как художественный прием в рассказе о настоящем[4]. Таким образом, литературоведческая суть соотношения будущего, с одной стороны, и прошедшего и настоящего, с другой, базируется на выяснении случаев, когда будущее вводится в повествование о прошлом или настоящем для их характеристики в развитии. В языке используется подобный прием, но здесь в центре внимания — желание более образно, более ярко представить будущее при помощи форм будущего, настоящего и прошедшего времени.

2. Писатели и литературоведы часто толкуют будущее очень импрессионистски. Так, Б. Л. Пастернак называет его худшей из всех абстракций и добавляет: «Будущее никогда не приходит, каким его ждешь. Не вернее ли сказать, что оно вообще никогда не приходит? Если ждешь **А**, а приходит **Б**, то можно ли сказать, что пришло то, чего ждал? Все, что реально существует, существует в рамках настоящего. Наше ощущение прошлого тоже дано нам в настоящем». (цит. по [Егоров 1974: 165—166]). Особый взгляд на будущее находим у М. М. Бахтина: «Смысловое будущее враждебно настоящему и прошлому как бессмысленному, враждебно, как враждебно задание не-выполнению-еще, долженствование бытию, искупление греху. Ни один момент уже-наличности для меня самого не может стать самодовольным, уже оправданным; мое оправдание всегда в будущем, и это вечно

---

[3] «Крайний случай — детектив, где вся соль в том, чтобы не дать возможности с самого начала узнать будущее героев; более того, искусность создания детектива связана с умением внушить превратные представления об истинной развязке событий, заставить ошибаться относительно будущего, ожидающего персонажей» (Аскин 1974: 71). Автор подчеркивает, что в полной мере знание будущего для характеристики настоящего имеет значение в мемуарной литературе или в художественных произведениях, написанных в форме мемуаров. Наконец, он указывает о предсказательной и объяснительной роли категории будущего. «При этом в свою очередь можно говорить об использовании будущего двояко. В известной мере это включение пророчеств, предсказаний, корреляция реализуется по ходу действия. Такое предсказание и его реализация могут составлять весь смысл произведения, как это имеет место, например, в “Царе Эдипе”. Герой не верит предсказанию, он борется с судьбой, хочет создать другое будущее, и зритель не знает, удастся ему это или нет. Смысл — в борьбе разных моделей будущего, в борьбе героя против модели нежелательного будущего. Тщетность этой борьбы — финал произведения» (Там же: 72).

[4] «Мы понимаем прошлое, как правило, лучше, чем настоящее, потому что знаем, что́ из него получилось: мы узнаем зревшие в нем тенденции, ростки, которые дали плоды. Можно говорить не только о предсказательной, но и об объяснительной роли категории будущего. Показ объективного, реального развития предмета в его будущем дает критерии и для оценки настоящего, для наиболее полного его изображения» (Аскин 1974: 73).

противостоящее мне оправдание отменяет мое для меня прошлое и настоящее в их претензии на уже-наличность продолжительную, на успокоенность в данности, на самодовление, на истинную реальность бытия, в претензии быть существенно и всем мною, исчерпывающе определить меня в бытии (претензии моей данности объявить себя всем мною, мною воистину, самозванстве данности). Будущее осуществление не является для меня самого органическим продолжением, ростом моего прошлого и настоящего, венцом их, но существенным упразднением, отменою их, как нисходящая благодать не есть органический рост греховной природы человека» (Бахтин 1979: 107)[5].

3. В языкознании будущее толкуется как **(а)** грамматическая категория, которая выражается определенными формами; **(б)** как грамматическая форма, которая выражает процессы, действия и состояния в будущем. С одной стороны, указывается, например, что будущее время — процесс, названный глаголом, будет осуществляться после момента речи или какой-либо иной точки отсчета (РЯЭ 1997: 56). С другой, будущее время — форма финитного глагола, указывающая, что ситуация, о которой говорится в предложении, следует во времени после момента речи или другого момента, мысленно приравниваемого к моменту речи (Маслов 1990: 77), — форма времени глагола, обозначающая действие, последующее по отношению к моменту речи (Розенталь, Теленкова 1976: 42). Формы будущего времени выражают категориальное значение следования (будущего) по отношению к грамматической точке отсчета (Грамматика-1980/1: § 496).

---

[5] Он продолжает: «В другом — совершенствование (эстетическая категория), во мне — новое рождение. Я в себе самом всегда живу перед лицом предъявленного ко мне абсолютного требования-задания, и к нему не может быть только постепенного, частичного, относительного приближения. Требование: живи так, чтобы каждый данный момент твоей жизни мог быть и завершающим, последним моментом, а в то же время и начальным моментом новой жизни, – это требование для меня принципиально невыполнимо, ибо в нем хотя и ослаблена, но все же жива эстетическая категория (отношение к другому). Для меня самого ни один момент не может стать настолько самодовольным, чтобы ценностно осознать себя оправданным завершением всей жизни и достойным началом новой. И в каком ценностном плане может лежать это завершение и начало? Самое это требование, как только оно признано мною, сейчас же становится принципиально недостижимым заданием, в свете которого я всегда буду в абсолютной нужде. Для меня самого возможна только история моего падения, но принципиально невозможна история постепенного возвышения. Мир моего смыслового будущего чужероден миру моего прошлого и настоящего. В каждом моем акте, моем действии, внешнем и внутреннем, в акте-чувстве, в познавательном акте, оно противостоит мне как чистый значимый смысл и движет моим актом, но никогда для меня самого не осуществляется в нем, всегда оставаясь чистым требованием для моей временности, историчности, ограниченности» (Бахтин 1979: 107—108).

4. В русском языке существует простое и сложное будущее время. Между ними имеются существенные различия в семантике. «Значение форм будущего сложного ограничено сферой будущего: [...] Формы же будущего простого, наряду с этим основным значением в определенных условиях контекста […], выявляют периферийное значение настоящего времени повторяющегося (в частности, обычного и типичного) действия, нередко с дополнительными модальными оттенками» (Грамматика-1980 / 1: § 1498)[6].

5. На экспрессивный потенциал форм будущего времени, в первую очередь на их переносное употребление (для передачи действий в настоящем и прошлом) решающее влияние оказывают следующие факторы: **1)** будущее настолько связано с настоящим, что формы настоящего времени очень часто используются в значении будущего, и наоборот, — разница между ними очень часто стирается («будущее это то, что может стать настоящим, но им не является»); **2)** формы будущего простого являются, по сути дела, формами настоящего времени; **3)** будущее является потенциальной реализацией определенного действия, процесса, состояния, поэтому переплетаются и взаимно заменяются формы будущего времени и формы повелительного наклонения. Сам факт, что во многих грамматических толкованиях (в первую очередь в германских) будущее время считается не изъявительным, а

---

[6] Далее указывается, что существенную роль при этом играет сама форма, по типу своего образования являющаяся формой настоящего времени. «Роль контекста заключается в том, что он обусловливает возможность реализации того значения, которое заложено (как побочное, периферийное) в самой форме, наряду с ее основным значением. [...] В одних случаях значение настоящего времени повторяющегося (обычного) действия не связано со значением будущего времени; таковы приведенные выше примеры. В других случаях значение наст. вр. повторяющегося действия может совмещаться со значением будущего. Такое совмещение обоих значений особенно характерно для тех случаев, когда временные значения сопровождаются модальными значениями возможности или невозможности осуществления, необходимости, долженствования. В таких случаях обозначается то, что бывает обычно (постоянно, всегда) и что может быть (должно быть) и в будущем: — *Послушай еще*: *я ведь не вздор говорю*; *я согласен*, *во всем Петербурге не найдешь такого почерка*, *как твой почерк* (Дост.) (т. е. невозможно найти сейчас, но не исключается и план будущего времени); *Львов честен*, *прям и рубит сплеча*, *не щадя живота*. *Если нужно*, *он бросит под карету бомбу*, *даст по рылу инспектору*, *пустит подлеца*. *Он ни перед чем не остановится*. *Угрызений совести никогда не чувствует* (Чех., переписка) (выражается уверенность в том, что в определенных условиях могут произойти и непременно произойдут указанные действия, и это является характерным для данного субъекта; совмещаются значения будущего, настоящего времени обычного действия, указанные модальные значения и квалифицирующий оттенок по отношению к субъекту)» (Грамматика-1980 / 1: § 1498).

модальным наклонением, говорит о том, насколько они являются близкими. А это создает благоприятные условия для транспозиции и экспрессии.

6. Будущее простое можно использовать вместо прошедшего времени в форме т. н. исторического будущего (будущего в настоящем). «Поскольку область прямого употребления этих форм (= формы настоящего-будущего совершенного. — *Б. Т.*) охватывает сферу будущего и настоящего, на долю переносного употребления остается обозначение событий прошлого» (Бондарко 1971а: 163).

В «Судьбе человека» такое употребление довольно часто встречается (из 151 формы — 45). Можно заметить, что простое будущее время обычно перекрещивается с историческим настоящим.

> Широко *шагнешь* — он уже на рысь *переходит*, вот и изволь к такому пехотинцу приноравливаться […] Чуть *отвернешься*, а он по лужине *бредет* или леденику *отломит* и *сосет* вместо конфеты (Шолохов 1975: 10).

Сочетание исторического настоящего времени и будущего времени создает разнообразие и контраст в изображении действий: явление факта в его целостности сменяет происходящий процесс, сменяет продолжительность, выражаются соотношения предшествующего и последующего, изменения, последовательности и т. п. (Бондарко 1971а: 106—107). Это побудило некоторых исследователей к выводу о генетической связи форм простого будущего и настоящего времени, а также об их свободном употреблении в одном и том же контексте.

Историческое будущее чаще всего выражает обычные, постоянно повторяющиеся действия.

> *Придешь* с работы усталый, а иной раз и злой, как черт. Нет, на грубое слово она тебе не *нагрубит* в ответ (Шолохов 1975: 13).

Иногда в подобном употреблении перед глаголом появляется частица *бывало*:

> *Бывало*, *выстроит* нас перед блоком — барак они так называли, — идет перед строем со своей сворой эсэсовцев, правую руку держит на отлете. (29) Из рейса, *бывало*, *вернешься* в город — понятно, первым делом в чайную: перехватить чего-нибудь, ну, конечно, и сто грамм выпить с устатка. (40)

Историческое будущее может передавать обычные, устоявшиеся, повседневные действия.

> Ходит, пыхтит, как паровоз, а жрать сядет — только держись! Кое-когда и мне от него перепадало: в дороге *остановится*, колбасы *нарежет*, сыру, *закусывает* и *выпивает*; когда в добром духе, — и мне кусок кинет, как собаке. (33) Шустрый такой парнишка, а вдруг чего-то притих, задумался и нет-нет, да и *взглянет* на меня из-под длинных своих загнутых кверху ресниц, *вздохнет*. (41) Они, оба мои, бездетные, сразу сообразили, в чем дело, засуетились, забегали. А я никак сына от себя не *оторву*. (42) И беспокойно с ним

спать, а то привык, скучно мне без него. Ночью то *погладишь* его сонного, то волосенки на вихрах *понюхаешь*, и сердце отходит, становится мягче, а то ведь оно у меня закаменело от горя […] (43). Перед рассветом проснулся, не *пойму*, с чего мне так душно стало. (43) Однако ночью четыре раза вставал. *Проснусь*, а он у меня под мышкой *приютится*, как воробей под застрехой, тихонько *посапывает*, и до того мне становится радостно на душе, что и словами не *скажешь*! Норовишь не ворохнуться, чтобы не разбудить его, но все-таки не утерпишь, потихоньку *встанешь*, *зажжешь* спичку и *любуешься* на него […] (43). И вот удивительное дело: днем я всегда крепко себя держу, из меня ни «оха», ни вздоха не *выжмешь*, а ночью *проснусь*, и вся подушка мокрая от слез […] (45). Все это, браток, ничего бы, как-нибудь мы с ним прожили бы, да вот сердце у меня раскачалось, поршня надо менять. Иной раз так *схватит* и *прижмет*, что белый свет в глазах *меркнет*. (45) Однако опять же ничего не *пойму*, где я и что со мной стряслось. (19) *Погляжу*, *погляжу* на них краем глаза и опять *прижмусь* щекой к земле, глаза *закрою*; тошно мне на них глядеть, и на сердце тошно […] (20).

Экспрессивность исторического будущего создается в сочетании с формой прошедшего времени.

Выпью, *поблагодарю* ее без слов, одними глазами, *поцелую* и пошел на работу, как миленький. (14)

Такое употребление носит иногда обобщающий характер.

Утром я *шел* по ней, все было ясно кругом, я *отшагал* двадцать километров, и вот уже *затянула* степь дымка, и отсюда не *отличишь* лес от бурьяна, пашню от травокоса. (14)

В «Даме с собачкой», в отличие от «Судьбы человека», историческое будущее почти совсем не употребляется (мы нашли всего два примера).

Обыватель живет у себя где-нибудь в Белеве или Жиздре — и ему не скучно, а *приедет* сюда: «Ах, скучно! ах, пыль!» *Подумаешь*, что он из Гренады приехал (Чехов 1975: 9).

Как особый прием А. В. Бондарко выделяет «авторское предвидение» повествования, которое ведет к созданию своего рода «нарративного будущего», и для которого он приводит такие примеры:

Ну, пошли, Иван Иосифович! ... Они вместе *зайдут* в редакцию, *улыбнутся* друг другу, расходясь по кабинетам, и только через несколько месяцев Никита Ваганов *поймет* значение того утрешнего происшествия. «Спасите наши души!» — сохраняя всегдашнее чувство юмора, *подумает* он, когда Иван Мазгаров *попытается* поставить капкан на его пути вперед и вверх. Капкан только *лязгнет*, пребольно *защемит* нежную икру, но вскорости *ра-*

зожмет стальные челюсти — игрой, впрочем, это не назовешь, но нет худа без добра: великой школой *станет* для Никиты Ваганова урок, преподанный добрейшим и великодушнейшим Иваном Иосифовичем Мазгаровым... (В. Липатов. Лев на лужайке)

«В таких случаях четко проявляется отличие относительной временной ориентации от временного дейксиса, исходным пунктом которого является момент речи. Вместе с тем очевидна производность "точки отсчета, перенесенной в прошлое" от момента речи как центра временного дейксиса: при образном переносе точки отсчета как бы имитируется реальная ориентация по отношению к "сейчас"» (Бондарко 2002: 482—483).

Форму сложного будущего можно использовать в значении прошедшего времени для обозначения обычного или повторяющегося действия.

Об арифметике и помину не было: вряд ли и считать-то умел, но зато лакомиться, франтить — мастер! Целое утро *будет сидеть* (уп. *готов сидеть*) и не пошевелится, только завей ему волосы (Писем.) (цит. по [Бондарко 1971: 108]).

7. Простое будущее время иногда сопровождается частицей *как* для выражения неожиданного начала однократного действия интенсивной продолжительности[7]. Усилительная частица *как* является обязательной при выражении данного значения.

Надул он щеки, фыркнул, а потом *как захохочет* и сквозь смех что-то быстро говорит по-немецки […] (Шолохов 1975: 31).

Этот оборот выражает внезапное наступление действия, отличающегося особой интенсивностью (Бондарко 1969б: 27)[8]. Но от такого употребления надо отличать случаи, когда отсутствует неожиданность, а сохраняется интенсивность:

Тяжело мне, браток, вспоминать, а еще тяжелее рассказывать о том, что довелось пережить в плену. *Как вспомнишь* нелюдские муки, какие пришлось вынести там, в Германии, *как вспомнишь* всех друзей-товарищей, ка-

---

[7] «[...] данное употребление ограничено определенным кругом глагольной лексики, причем преобладающими способами действия всюду являются одноактный и начинательный» (Бондарко 1969б: 31).

[8] А. В. Бондарко считает, что данный оборот развился из употребления глагольной формы в придаточном предложении с союзом *как*, где отношение предшествования-следования является вместе с тем отношением причины и следствия: «[...] обороты типа "как прыгнет!" исторически восходят к выражению предшествования действия причины во временном придаточном предложении по отношению к действию-следствию в главном предложении» (Бондарко 1969б: 31).

кие погибли замученные там, в лагерях, — сердце уже не в груди, а в глотке бьется, и трудно становится дышать […] (Шолохов 1975: 27).

Употребление будущего простого с частицей *как* А. В. Исаченко называет настоящим драматическим: «[...] “настоящее драматическое” обозначает “событие”, относящееся к объективному прошлому, но выраженное в транспозиции формой перфективного презенса. Форма перфективного презенса в плане повествования “живее”, “нагляднее”, чем форма имперфективного презенса: она служит для драматизации повествования. Вот почему такую форму можно назвать “настоящим драматическим”» (Исаченко 2003: 458). Оно широко распространено в словацком и чешском языках. В русском языке употребление перфективного презенса в значении настоящего драматического почти неизвестно. «Исключением из общего правила является употребление в русском языке перфективного презенса в ярко экспрессивных конструкциях в сочетании с частицей *как* для обозначения внезапных, неожиданных действий […] Сочетания с *как* произносятся с особой интонацией (ср. восклицательный знак!), причем частица *как* обычно произносится протяжно» (Там же: 459).

8. Чтобы понять природу и структуру данного оборота, мы провели анализ 47 примеров будущего времени от глагола *дать* в сочетании с *как* (*как даст*) и пришли к следующим выводам.

Будущее время чаще всего создает падежную рамку, в которой, как правило, появляется предлог *по* с дательным падежом[9]. В ней используются все падежи, кроме предложного. При этом выделяются следующие случаи.

Предложная конструкция с *по* может быть в препозиции (И*по*Д_):

Он по тормозам *как даст*, я — башкой об торпеду, а он ходу от меня, только пятки засверкали! (Как даст 02-www) Он по тормозам *как даст*, я — башкой об торпеду, а он ходу от меня, только пятки засверкали! (Как даст 42). И гранатой Медведю по башке *как даст*! (Как даст 43-www),

но преобладающая часть примеров относится к постпозиции (И_Д).

Вдруг отец задумался, поворачивается к дочке, *как даст* ей, но она с синяком спрашивает: — За что?! — Нечего так чавкать! Поели... сидят телек смотрят, отец задумался, поворачивается, как *даст* ей [...] (Как даст 40-www).

---

[9] В дальнейшем используются следующие сокращения: **И** — именительный падеж, **Р** — родительный падеж, **Д —** дательный падеж, **В** — винительный падеж, **Т** — творительный падеж. Знак _ обозначает форму будущего времени *даст*. Одиночное **И** в скобках (**И**) указывает на то, что именительный падеж формально не выражен или в предложении удален от *даст*. Знак ноль (**0**) обозначает отсутствие падежного отношения.

В шести случаях появляется конструкция с двойным дательным (И_Д*по*Д):

> Тут дед ложкой *как даст* бабе по лбу! (Как даст 01-www) Приходит мужик в аптеку и просит что-нибудь от икоты. Аптекарь *как даст* ему по морде. — Что вы делаете? — Ну вот! Теперь у вас нет икоты! (Как даст 04-www) Тот испугался, подумал что псих щас *как даст* ему по башке! (Как даст 15-www) Особое умиление и восторг вызывают шутки типа: «А тот *как даст* ему по башке, он копыта и откинул». Сразу становится весело и даже не скучно... (Как даст 24-www) Вдруг Ельцин встает, берет графин с водой *и как даст* Клинтону по голове! (Как даст 33-www) Первый лилипут *как даст* второму по роже. (Как даст 37-www)

Пять раз за дательным падежом следует винительный, причем только один раз беспредложный (И_ДВ):

> Тут супруг *как даст* своей половине подзатыльник. — За что? — Если б не твоя идиотская диета на манной каше, мы бы тут уже два года жили! (Как даст 32-www),

а четыре раза винительный с предлогом *в* (И_Д*в*В):

> Затем муж *как даст* супруге в глаз. (Как даст 05-www) А Влад *как даст* ему в глаз! (Как даст 44-www). Тут он встает и *как даст* мне в глаз. (Как даст 23-www).Тут мой знакомый *как даст* мне в рыло и челюсть сломал. (Как даст 38-www)

Один раз за дательным падежом следует родительный с предлогом *промеж* (И_Д*промеж*Р):

> Один бугай, не говоря ни слова, *как даст* герою нашему промеж глаз! (Как даст 01-www)

и творительный беспредложный (И_Д*по*ДТ):

> Борман *как даст* Штирлицу по спине какой-то дубиной. (Как даст 31-www)

Реже встречаются конструкции, в которых за будущим временем с дательным падежом следуют два падежа (И_Д*по*ДТ):

> Дед получает письмо, читает его, подходит к жене и как *даст* ей по голове сковородкой... (Как даст 09-www)

Перед оборотом «*как даст*» дательный падеж с предлогом *по* появляются следующие падежи:

именительный (И*по*Д_):

> Он по тормозам *как даст*, я — башкой об торпеду, а он ходу от меня, только пятки засверкали! (Как даст 02-www),

именительный и дательный (ИД_Т_*по*Д):

Вдруг Алена Степе *как даст* ложкой по лбу! (Как даст 25-www),

именительный, дательный и творительный (ИДТ*по*Д_):

Ну бомж ей веслом по жопе *как даст*. (Как даст 46-www),

творительный и двойной дательный (ТДД*по*Д_):

И гранатой Медведю по башке *как даст*! (Как даст 43-www).

Два раза использован именительный падеж + дательный падеж без предлога (И_Д):

Вдруг отец задумался, поворачивается к дочке, *как даст* ей, но она с синяком спрашивает: — За что?! — Нечего так чавкать! Поели... сидят телек смотрят, отец задумался, поворачивается, как *даст* ей, но она с синяком: — А щас то за что?! — Да... вспомнил как ты чавкала!!! (Как даст 40-www)

После «*даст* + дательный падеж» иногда следует винительный падеж с предлогом *в* (И_Д*в*В):

Затем муж *как даст* супруге в глаз. (Как даст 05). А Влад *как даст* ему в глаз! (Как даст 44-www) Тут он встает и *как даст* мне в глаз. (Как даст 23). Тут мой знакомый *как даст* мне в рыло и челюсть сломал. (Как даст 38-www) Да *как даст* переодетому Чебурашке в бубен! (Как даст 29-www)

Дательному и винительному падежу может предшествовать творительный падеж (И_ТД*в*В):

Как даст этим копьем мне в живот, я буду как курица на вертеле. (Как даст 26-www)

После винительного используется еще один падеж — родительный (И_Д*в*ВР):

Рассердился на такое дело царевич, и *как даст* ей в лоб со всей дури — принцесса, трижды перевернувшись, ударилась оземь и... вновь стала лягушкой. (Как даст 35-www)

Будущее время реже встречается в беспредложной конструкции типа (И)_:

У него тактика такая: 364 дня в году тренируется, а на 365-й — *как даст*! И чтобы все о... обомлели. (Как даст 11-www) Уже на боевом курсе, идет прицеливание (километров пять до цели), я смотрю, вываливается «пешка» факелом и к земле, *как даст*! — разлетелось все. (Как даст 12-www)

Например, один человек говорил по телефону в грозу, и *как даст* молния, и он упал, пронзенный, и не откачали. (Как даст 06-www)

Эта конструкция может иметь и форму И_ _, то есть форму удвоения будущего времени:

Но на севере февральский мороз *как даст-даст*, — тут всем жукам конец. (Как даст 08-www)

После *как даст* иногда появляется родительный падеж (0_Р):

Спускаемся на площадь и садимся в машину и вдруг раскат, и *как даст* с неба, аж щетки на лобовом стекле не успевают сметать воду. (Как даст 28-www)

Лишь один пример относится к случаям, когда вообще нет дательного падежа, а стоит творительный (И_Т):

Тот как даст клюшкой! (Как даст 45-www)

Редкими являются конструкции типа

(И)*со*Р_:

Поднимает он зайца за уши, и со всей дури *как даст*, у зайца чуть уши не оторвались. (Как даст 22-www)

И_Р:

Два проповедника ехали на богослужение, сели в такси. А таксист *как даст газу*. (Как даст 10-www)

ИД_Р:

Тут отец ему *как даст* подзатыльника! (Как даст 18-www).

Перед *как* может появиться частица *да*, которая еще больше усиливает неожиданность и интенсивность действия:

Да *как даст* переодетому Чебурашке в бубен! У того уши и отвалились. (Как даст 29-www) Стукнул Вася Петю по шее, чтобы тот дорогу уступил. А Петя как развернется, да *как даст* Васе поддых, что он аж задохнулся и на минуточку забыл про батон. (Как даст 41-www) Поплевал на ладони, момент выждал, приметился да *как даст* промеж ушей пробегавшей мимо образине. (Как даст 30-www) Тут к нам подошла еще какая-то лошадь, повернулась задом, да *как даст* копытом моей лошади по брюху. Да *как даст* еще раз — теперь уже мне по ноге. (Сипаров. Египетская ночь-www). «Ни хера себе мама», — опешил зять, да *как даст* подносом с пирогами теще по башке. (Как даст 07-www)

Усилению способствует также союз *и*:

Рассердился на такое дело царевич, и *как даст* ей в лоб со всей дури — принцесса, трижды перевернувшись, ударилась оземь и... вновь стала лягушкой. (Как даст 35-www) Дед получает письмо, читает его, подходит к жене и *как даст* ей по голове сковородкой... (Как даст 09-www) Потому что Машка, когда от меня защищалась, перевернулась на спину, и *как даст* мне своей левой лапой по лбу! У меня даже искры из глаз посыпались. (Как даст 21-www). Например, один человек говорил по телефону в грозу, и *как даст* молния, и он упал, пронзенный, и не откачали. (Как даст 06-www) И вот как-то один из мужиков открыл дверь, вышел на улицу, а с крыши на него упала снежная глыба и *как даст* по кумполу. (Как даст 17-www) Спускаемся на площадь и садимся в машину и вдруг раскат, и *как даст* с неба, аж щетки на лобовом стекле не успевают сметать воду. (Как даст 28-www) Тут он встает и *как даст* мне в глаз. (Как даст 23-www) Вдруг Ельцин встает, берет графин с водой *и как даст* Клинтону по голове! (Как даст 33-www) Практикант размахнулся и *как даст* кувалдой мастеру по каске. (Как даст 16-www).

Неожиданность действия подчеркивается наречием *вдруг* (*и вдруг*):

Второй мужик смотрит на это дело и вдруг *как даст* первому мужику веслом по башке! (Как даст 13-www)

Данная конструкция может начинать и заканчивать предложение:

а) *Как даст* этим копьем мне в живот, я буду как курица на вертеле. (Как даст 26-www)

б) Ну бомж ей веслом по жопе *как даст*. (Как даст 46-www)

Наш материал показывает, что *как* + *даст* особенно часто используется в анекдотах. Приведем несколько примеров.

Встреча глав «восьмерки». Клинтон, Ширак, Ельцин... Вдруг Ельцин встает, берет графин с водой *и как даст* Клинтону по голове! Клинтон: — Борис!!! Что такое?!! Ельцин: — А вот такой я непредсказуемый политик... (Как даст 33-www) Жена, зажги свет! Зажгла. И так раз десять она свет тушила и зажигала... Затем муж *как даст* супруге в глаз. — Ты кому, стерва, сигналишь? (Как даст 05-www) Приходит мужик в аптеку и просит что-нибудь от икоты. Аптекарь *как даст* ему по морде. — Что вы делаете? — Ну вот! Теперь у вас нет икоты! (Как даст 04-www) Два проповедника ехали на богослужение, сели в такси. А таксист *как даст* газу. Проповедники спрашивают: — Ты чего так летишь, не боишься врезаться? — Не боюсь, я — христианин, меня ангелы охраняют! — отвечает тот. Проповедники все-таки не выдержали и вышли, а таксист помчал дальше. Тут его кто-то по плечу стучит. Он оборачивается, а на заднем сидении три ангела сидят и говорят

ему: — Останови, мы тоже выйдем… (Как даст 10-www) Приходит муж домой. Жена, красавица, умница, тапочки ему принесла, накормила его, приласкала, постель постелила, а муж ей *как даст* по голове. Жена: — За что, милый? — Знал бы за что, вообще убил бы! (Как даст 27-www)

В сербском / хорватском такой оборот отсутствует, так что его экспрессивный характер нужно выражать при помощи других средств. «Обороты, аналогичные русскому “как прыгнет!”, имеются в украинском, белорусском и польском языках, а также в некоторых болгарских говорах [...]» (Бондарко 1969б: 30).

9. Экспрессивным может быть употребление будущего времени во «вневременном значении», о чем пишет А. В. Бондарко: «Особым образом представляются нелокализованные во времени действия формы будущего времени. Как и другие временные формы, они и при “вневременности” способны проявлять свое категориальное значение. Значение будущего выявляется не только как коннотативный оттенок способа представления действия, но и как достаточно явный элемент смысла ʻтак бывает всегда, так может быть и в будущем, непременно так и будетʼ. Например:

Свято место *не будет* [ср. возможное *не бывает*] пусто (В. Даль. Пословицы русского народа); Два медведя в одной берлоге *не уживутся*» (Там же) (Бондарко 2002: 459—460).

Одной из разновидностей относительного употребления временных форм, продолжает А. В. Бондарко, является употребление форм будущего времени в функции «будущего сопоставительного»: писатель как бы переносится в прошлое и с точки зрения какого-то момента в прошлом «предвосхищает будущее», например:

Николай Иванович Рубцов вкалывал, бегал, зажигал собственным примером усомнившихся, вялых... Через годы Рубцов *приедет* в «Урожайный», *привезет* фотовыставку... (Г. Горышин. Что читать при инфаркте); Изрядная доля правды в приведенном пассаже была... Впрочем, на протяжении 20-х годов Мирский не раз *изменит* свою оценку творчества Маяковского (В. Лавров. Духовный озорник).

10. Экспрессивность форм сложного будущего времени усиливается повтором обеих частей (напр., *буду писать*, *буду писать*), только первой (*буду*, *буду*) или же их нагромождением.

То что не разговаривайте я *буду* тихо ничего *мешать* у себя там вам и Юрию Петровичу *не буду* я тихо и свет *буду гасить* а круг в туалете я без круга *буду делать* правильно и никогда больше не напачкаю и *буду* все *гасить* не убивайте меня не надо. (Сорокин. Сердечная просьба-www)

11. Экспрессивным является простое будущее с двойным отрицанием (*нет-нет*; *нет*, *нет*) + *да и*. В нашем материале мы обнаружили следующие закономерности.

Во-первых, в таком обороте используются все личные формы простого будущего, кроме первого и второго лица множественного числа:

> **1-е л. ед. ч.**: Правда, рисуя свою фронтовую юность*, нет-нет, да и вспомню*, как возвышенный урок, то окопы Некрасова, то Симонова, то Быкова, то Бакланова, то Бондарева, все это грозное, трагическое, героическое, кровавое. (Булат Окуджава. Все еще впереди: (Нет-нет 03-www).— **2-е л. ед. ч**.: *Нет-нет да и задумаешься*, как здорово было бы, если бы на счету имелась кругленькая сумма денег. (Богатым быть опасно-www) — **3-е л. ед. ч**.: Увидишь голубицу, которая *нет-нет да* и махнет крылом, *нет-нет да* трепыхнет крылом, смело бери ее. (Нет-нет 17-www). — **3-е л. мн. ч**.: В канун нового тысячелетия в редакционной почте *нет-нет да и мелькнут* читательские размышления и вопросы о «вечном» — реальном и нереальном, мире и Боге, жизни и смерти... (Нет-нет 04-www)

Во-вторых, на первый план выступает повторность действия:

> В канун нового тысячелетия в редакционной почте *нет-нет да и мелькнут* читательские размышления и вопросы о «вечном» — реальном и нереальном, мире и Боге, жизни и смерти... (Нет-нет 04-www)

В-третьих, таким оборотом обобщается повторность действия в прошлом:

> *Нет-нет да и задумаешься*, как здорово было бы, если бы на счету имелась кругленькая сумма денег. (Богатым быть опасно-www)

В-четвертых, в близком значении можно использовать инфинитив:

> Она превратилась в игрушку, в некий аттракцион для чердачных «силачей» и их приспешников, стайками проносящихся сквозь прорехи в паутинчатой физиологии, и норовящих *нет-нет*, *да и зацепить*, *нет-нет*, *да и уязвить*, нет-нет, *да и надорвать* и без того души ее надорванную пряжу. (Стрижак. Зеркало человека-www)

и прошедшее время:

> Он часто заходил к нам в гости, иногда они запирались с мамой в комнате и оттуда доносились очень интересные звуки, под которые, я иногда *нет-нет*, *да и подрачивал*. (Нет-нет 14-www) *Нет-нет*, *да напоминал* о своих талантах и вообще о себе. (Нет-нет 13-www)

В следующем случае за прошедшим временем:

> Например, если в общении с ними она разговаривала только о сплетнях, тряпках, детях, болезнях да о кулинарных и постельных заморочках, то вот в телефонных разговорах с неизвестными людьми иногда, *нет-нет*, *да и проскакивали* у нее какие-то элементы явного зазнайства.

сразу появляется будущее время:

Нет-нет, *да брякнет* что-нибудь такое назло, «концепт» там, «конструкт» какой-то или «артефакт». (Прохорчук. Сергей Малашенок-www)

В-пятых, данный оборот часто открывает предложение:

Нет-нет да и задумаешься, как здорово было бы, если бы на счету имелась кругленькая сумма денег. (Богатым быть опасно-www) *Нет-нет, да и возникает* ощущение двойственности, когда осмысливаешь эпизоды аграрной реформы в Молдове. (Нет-нет 10). *Нет-нет*, *да напоминал* о своих талантах и вообще о себе. (Нет-нет 13-www)

В-шестых, в целях усиления иногда добавляется частица *да*:

Да и старик Алонзо Моурнинг *нет-нет*, *да* и покажет подрастающему поколению, как нужно играть невысокому центровому. (Нет-нет 16-www)

В-седьмых, данный оборот используется для того, чтобы подчеркнуть действие, противоположное желаемому:

Плиз, кто чего знает: советы, способы и т. д. Очень хочу бросить, но на работе *нет-нет да* и выкурю сигарету. (Нет-нет 08-www)

В сербском / хорватском языке эквивалентом является:
(а) оборот *malo-malo* (*malo — malo*) *pa* + форма настоящего времени совершенного вида:

Malo, *malo*, *pa* mu oči *zasuze*. Prijatelji i oni drugi ga svaki čas bockaju, pokušavajući da ga oraspolože i da mu izmame osmeh. *Malo, malo, pa* mu neko u šali *kaže* da Saša Popović nije vredan njegovih suza! (Malo malo 01-www) Ankete koje se malo, *malo pa daju* pročitati u svim srpskim medijima pokazuju da ovo pitanje to nije. (Malo malo 02-www) Malo — *malo pa je* neko nešto *zamarao*! (Malo malo 03). *Malo*, *malo*, pa mu *padne* sistem. Pozovem telefonom druga koji se razume u hardver. (Malo malo 04-www) *Malo*, *malo pa se desi*. (Malo malo 06-www) *Malo malo pa se* v Gradu Rike *održi* kakov spektakl. (Malo malo 07-www);

б) (*malo — malo*) *pa* + форма настоящего времени несовершенного вида:

Malo-malo pa gledam neku njihovu muzičku televiziju: imaju mnogo gluposti, tipa Britney Spears ili kako se već piše, ili Boy zone [...] (Malo malo 09-www);

в) безглагольная конструкция:

Ćudan je taj igrać, *malo malo pa kiks*, *malo malo pa* ne *igra* dobro. (Malo malo 05). *Malo malo*, *pa repom po sapima*, da ošine mušice sa sebe. (Malo malo 08). *Malo*, *malo* pa *evo ti* kelnera sa bokalom i pitanjem: Ko je isk'o vina? (Malo malo 10-www)

12. Ироническое отношение можно выразить при помощи будущего времени от глагола *учить*:

Я пятьдесят лет уже борщ варю, а *он меня учить будет*! (Будет учить 03-www). И этот старикашка еще *будет меня учить*! Да он и представить не может себе того, чего достиг Рейстлин! (Будет учить 08-www). Смотрите, он меня еще и *учить будет*, это самородок! (Будет учить 07-www). Кто тут *меня учить будет*?! Ты, козел? (Будет учить 10-www). Новый думает, да ладно, будет он *меня учить*. (Будет учить 09-www). — О, придрался к пословице! Молодец. Практикант *учить* меня *будет*. Да я десять лет работал главным врачом отделения. Если бы не водка, сейчас был бы главным хирургом клиники. Запомни, Олег, водка — враг твой номер один. Водка, а не курево. (Будет учить 12-www) Конечно, бывает, что люди скептически относятся. А студенты тем более, потому что многие из них прошли армию, войну, у них оправданный скептицизм: сидит тут какая-то девица, я вот там воевал, а она тут сидит и еще чему-то сейчас *будет* меня *учить*! (Будет учить 02-www) Вот тут и смотри: любишь ты этого человека или нет. Если в сердце: о, ты смотри, я подвизаюсь, уже столько-то лет живу в пустыне, только Господа призываю, а этот вообще понятия не имеет, и он меня *учить будет*? Все! если такая мысль пришла, то горе тебе. (Будет учить 06-www)

13. Существуют различные типы экспрессивного использования форм будущего времени с отрицательными частицами. Один из них — повтор в форме параллелизма. Так, следующее стихотворение полностью базируется на таком приеме:

Я *не буду идти* один.
Я *не буду идти* вслепую.
Я *не буду дрожать* в пути —
Против слабости протестую!

Я *не буду смотреть* назад.
Я *не буду* одним из первых.
Я *не буду мешать* слезам –
Если только они от ветра.

Я *не буду* теперь *страдать*.
Я *не буду болеть* душою.
Я *не буду* уже *терять*
Драгоценный момент покоя.

Я не буду читать слова,
Расщепившие правду в призме.
Я *не буду внимать* мольбам
Агитаторов прежней жизни.

Я *не буду* теперь *спешить*
К неизвестному повороту.
Я *не буду* уже *грешить*,
Отвечая на похоть плоти.

Я *не буду*, как прежде, *лгать* —
Сам себе, всем вокруг и Богу.
Я *не буду* других *сбивать*
С этой узкой, прямой дороги.

Я уже не собьюсь с пути.
Я небес не утрачу вкуса.
Я *не буду* уже *идти*
Против Господа Иисуса.
(Б. Мычка. Не буду-www)

Другой случай — повтор только первой части сложного будущего времени в форме эхо.

> Один из авторов пишет, что старый Новый год будет встречать с мамой, а потом, уже под утро, встретится со своей компанией и продолжит празднование. «*Буду*, *буду*, *буду отмечать*!!!» — пишет другой слушатель, сопроводив письмо таким количеством восклицательных знаков, что остается только догадываться, как именно он отметит праздник. (Буду 01)

По такому принципу строится целая строфа:

Буду, *буду* думать! *Буду*, *буду* верить!
Буду помнить, буду знать!
Буду, *буду* думать! *Буду*, *буду* верить!
Что мы встретимся опять.
(Mr. Credo. Буду думать-www)

Буду погибать молодым, *буду погибать*,
Буду погибать, *буду погибать буду-буду*,
Буду погибать молодым, *буду погибать*!
(Мистер Малой. Буду погибать молодым-www)

или целое стихотворение:

Стану я, стану я
Змеем морским.
Буду я охранять все кочевья китов.

Б*уду* я косить желтым глазом,
Косить желтым глазом,
Глядеть на купанье детей буду я.

Буду длинный и гибкий,
И слишком уж страшный,
Так, чтоб быть опасным.
Морской змей, морской
Буду я.

Слишком невероятный, о невероятный,
Так, чтобы быть сказкой.
Морской змей, морской
Б*уду* я.

Рассекающий воду резиновым телом
Один на Земле, так я буду жить вечно,
Один.

Стану, я стану таким после смерти.
Я стану, я стану таким после смерти.
Слишком уж мудрый, так чтобы быть сильным,
И слишком уж старый, чтобы быть хитрым,
Мой змей.

Морской змей, морской,
Обвивающий Землю.
Морской змей, морской,
Обвивающий Землю.
Мой змей.

Стану я, стану я,
Змеем морским буду я.
Буду я *охранять* все кочевья китов.

Буду я косить желтым глазом,
Косить желтым глазом,
Глядеть на купанье детей *буду* я, *буду* я.

Стану, я стану таким после смерти.
Я стану, я стану таким после смерти опять.
(Бутусов, Кормильцев. Морской змей-www)

Иногда формы будущего времени повторяются только в первом стихе:

Довольно. *Не буду*, *не буду*
О вечной любви на земле.
Склоняет к холодному блуду
Меня отраженье в стекле.
(Васильев. Романс Аллы Вадимовны-www)

Они могут появиться в начале строфы:

Не буду. Все зря.
Теряю слова.
Не думаю, а молчу.
Не знаю, чего хочу.

Не буду. Все зря.
Не жду от себя
Ни подвигов, ни картин.
Так много осталось сил.
(Филиппова. Не буду-www)

В некоторых случаях повторяется только инфинитив:

У меня на груди засыпают мгновенья,
Но я не верю в их сон и в твое наслажденье.
Я *буду петь*, *петь*, *петь* о тебе.
Я *буду думать* и *знать*, что ты где-то во мне.
Ты притаилась внутри и вот-вот постучишь
В мое стеклянное сердце.
(Танцы Минус. Стеклянное сердце-www)

14. Особая экспрессивность возникает в случаях эмоционального и (иногда) иронического отказа совершать действие. При этом утвердительная форма будущего времени имеет противоположное, отрицательное значение ʻне буду’:

Вы что, Эроем, дразнитесь? Неужели непонятно, что это — перепечатка?!! *Буду* я еще тратить время на внесение туда поправок! Скажите «спасибо» за интересную информацию — или не читайте вовсе. (Буду 05-www) Папаша: — Ты гонишь?! Дочка, *буду* я с человеком за 40 копеек разборки чинить. (Буду 04-www) Зовет супера, посмотри, мол. Супер отмахивается: «Щас *буду* я еще над этим голову *ломать*, ты модератор — ты и решай». Геморрой? Ага. Поэтому проще без такого ограничения обойтись. (Буду 06-www)

15. Частица *не* используется для создания контраста:

Председатель городского избиркома: *буду — не буду*, *уйду — не уйду*! (Буду не буду 01-www)

16. Оборотом *будете или нет* усиливается констатация или вопрос:
а) констатация:

А вот *будете или нет* ходить в церковь и там молиться — это дело пятое. (Я не вру — так сказано в Библии.) (Будете или нет 01-www) Все это относится к самим таблицам, а не к данным, которые в них содержатся. *Будете*

или не будете Вы выполнять эти операции самостоятельно, но их концептуальное понимание увеличит ваше понимание языка SQL и природу таблиц, которые вы используете. (Будете или нет 08). *Будете* вы *использовать* религиозных солдат в этом процессе *или нет*, *будете ли бросать* в тюрьмы всех, кто не примет участие в эвакуации *или нет*, *будете ли привлекать* людей из организации «Шалом ахшав» (Мир сейчас) и других *или нет* в качестве добровольцев, *будете ли поручать* ЦАХАЛу только выполнение функций, связанных с эвакуацией лишь косвенно, *или нет*... В конце концов ЦАХАЛ перестанет существовать. (Будете или нет 09-www) А вы уже можете решить, *будете* ли вы *общаться* дальше *или нет*. (Будете или нет 10-www) Я не знаю, возьмете ли вы меня в свое шоу *или нет*. Я не знаю, *будете* ли вы его *делать или нет*. Но вам следует знать, что я принимаю вызов и я готова идти до конца. (Будете или нет 12-www)

б) вопрос:

Вы *будете или* не *будете* принимать в них участие? (Будете или нет 02-www) Вы о Весах говорить *будете или нет*? (Будете или нет 03-www). Мы встречаемся *или нет*? (Будете или нет 04-www) Вы *будете или* не *будете* участвовать в выборах Президента ЧР? (Будете или нет 05-www) Вы так и не ответили на мой вопрос: так вы *будете или нет*? (Будете или нет 06-www) Вы *будете* выступать *или нет*? Только ответьте честно... Заранее спасибо. Ленка. (Будете или нет 07-www) — Вы билет *брать будете или нет*? А то я вас сейчас высажу. — Как это «высадите»? (Будете или нет 11-www)

17. С точки зрения современного русского литературного языка, архаичными, следовательно, экспрессивными, являются случаи использования будущего с кратким страдательным причастием прошедшего времени (что можно найти в поэзии XVIII века):

Доколе *буду* я *забвен*
В бедах, о боже мой, тобою?
Доколе *будешь отвращен*
От жалоб, приносимых мною?
(Богданович. Доколе буду я забвен-www).

18. Будущее время сербского/хорватского языка имеет сходства и отличия по отношению к русскому языку. Сходство в том, что в обоих языках будущее время имеет две формы, из которых одна — синтетическая (простое будущее время — будущее I), а вторая — аналитическая (сложное будущее время — будущее II)[10]. Различие в том, что не совпадают формы от глаголов совершенного вида: то, что

[10] Орфографически в сербском языке будущее I является синтетической формой (*čitaću*), а в хорватском — аналитической (*čitat ću*).

в русском языке простое будущее время (*мы ударим*), в сербском / хорватском — настоящее время от глаголов совершенного вида (mi *udarimo*)[11]. В связи с этим В. П. Гудков предложил ввести термин — будущее III: «В отличие от русского языка, в сербохорватском формы настоящего времени совершенного вида (*napišem* ʻнапишуʼ, *prevedem* ʻпереведуʼ) не имеют в главных предложениях значения будущего времени. Однако в придаточных предложениях они употребляются в этом значении наряду с формами будущего II. Поэтому настоящее время совершенного вида, выражающее в придаточных предложениях значение будущего, может быть причислено к формам будущего времени и названо будущим зависимым простым, или будущим III. По значению эти формы близки к будущему II. Они выражают действие, которое осуществится в будущем раньше другого действия:

> Ako šta *doznaš*, obavesti me (S. Jakovljević). Если что-нибудь *узнаешь*, сообщи мне. — Videćemo ko je u pravu kada se sve ovo *svrši* (D. Ćosić). Увидим, кто прав, когда все это *кончится*. — *Mrdne* li ko, pucaću (M. Oljača). Если кто *пошевелится* — буду стрелять!» (Гудков 1969: 60).

На переводе трех примеров (выше приведенных) из «Судьбы человека» покажем, что сербохорватское настоящее время от глаголов совершенного вида совпадает с русским простым будущим временем в значении прошедшего времени:

> *Vratiš* se s posla umoran, a nekad i ljut kao đavo. Ne, na grubu reč ona ti *neće* grubo *odvratiti.* (Šolohov 1962: 11). Dešavalo se, *postroji* nas pred blokom — tako su barake nazivali — ide ispred stroja s čoporom svojih esesovaca, desnu ruku drži u stranu ispruženu. (29) Gazi, hukće, ko lokomotiva, a *sedne* li da ždere — sačuvaj te bože! (34)

Русское историческое настоящее время почти всегда можно перевести формально адекватной формой будущего III (в терминологии В. П. Гудкова). На мысль о том, что обратное не является правилом, наводит анализ оригинала и перевода романа «Tvrđava» («Крепость») Меши Селимовича: сербохорватское историческое настоящее время от глаголов совершенного вида редко переводится русским историческим будущим. Вместо него стоит или историческое настоящее время от глаголов несовершенного вида или прошедшее время:

а) замена формой настоящего времени от глаголов несовершенного вида:

> Nailazim slučajno, i vidim, neko leži, napio se, misli. *Priđem*, kad — ti (Selimović 1970: 74). Я здесь случайно, иду, вижу — лежит человек, ну, думаю, пьяный. *Подхожу* ближе, смотрю — ты. (Селимович 1970: 74). — *Ispričam* joj, u smijehu, svoju nevolju, a ona me gleda u čudu. (110) Смеюсь, я

[11] М. Стеванович констатирует, что индикативное настоящее время не может употребляться и не употребляется от глаголов совершенного вида; их можно найти в релятивном настоящем времени (Stevanović 1975/II: 585).

рассказываю ей про свою беду, а она смотрит на меня широко раскрытыми от удивления глазами (88);

б) замена формой прошедшего времени:

Pa *požurim* u magazu, *zatvorim se* i *počnem* hodati između vreća žita i bala vune. (383) *Помчался* в лабаз, *заперся* там и давай ходить между мешками с зерном и тюками шерсти. (313) Pa *se sjetim*, *kleknem* ovdje na sećiju i *zahvalim* bogu […] (383). Потом *спохватился*, *сел* и *возблагодарил* Бога […] (313). Kad su tako sve lijepo sredili, konja *odvedu* u staju, a oni *odu* u svoj stan nad konjušnicom […] (132). Сделав все как следует, коня *поставили* в стойло, а сами *пошли* в свою конуру над конюшней […] (107). Kod Smedereva trojica *pobjegnu* i *prijave se* vlastima, ne mogavši više podnijeti napore i strah […] I oni, svi do jednog *optuže* Šehaginog sina da ih je nagovorio na bjekstvo iz vojske […] (238). Под Смедеревом трое, сломленные усталостью и страхом, *отдались* в руки властей […] Все до одного *показали* на сына Шехаги, он, мол, подбил их дезертировать из армии […] (194). […] te ti on skoči, *prebije* ih kao mačke, *stignu* policajci kad čuju njihovu dreku, *odvedu* u zatvor, Osmana i Hercegovca, i jutros ih *puste*, ali im *odrape* debelu globu. (401—402) […] тогда он *бросился* на них с кулаками, на шум *прибежали* полицейские. Османа с герцеговинцем *отвели* в тюрьму. Утром их *отпустили*, но *содрали* большой штраф. (329)

В переводе «Крепости» М. Селимовича историческое настоящее время от глаголов совершенного вида выражается в основном прошедшим временем, в меньшей степени — настоящим временем от глаголов несовершенного вида, еще реже — историческим будущим временем. Поскольку в наших материалах мы не нашли примеров исторического будущего времени, приведем примеры М. Стевановича:

Mačvani se podignu i udare na Lješnicu, no prije nego što *će udariti* poizopijaju se; Afisapaš povuče sa sobom mnoštvo ličina kojima *će* poglavice *vezati*; Oni se popnu na jednu veliku planinu otkuda *će vidjeti.* (Stevanović 1975/II: 672)

М. Стевановић подчеркивает, что от этой формы отличается будущее время, выражающее действия, которые происходили в прошлом по какому-то обычаю, по привычке или склонности и которые неоднократно повторялись, например:

Svakoga će ko u njegov dućan uđe ljubazno dočekati, *uslužiće* ga onim što traži, a ako nešto nema u svome dućanu, on *će* svakoga *naučiti* gde to može naći, tek *će* svako iz njegova dućana zadovoljan *izaći.* (Stevanović 1975/II: 672)

Сербохорватское будущее II может иметь разные транспозиции. «В зависимости от значения и вида предложения, в которых используется и видовое значение основы глаголы, будущее II очень широко охватывает границы времени: его действия действительно могут относиться ко всем временным сферам» (Milošević

1970: 163).[12] М. Стеванович подчеркивает, что будущее II можно использовать и для обозначения действия, происшедшего в прошлом (Stevanović 1975/II: 691).

19. В поэзии при помощи будущего времени можно добиться особенной выразительности в описании природы:

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя,
То, как зверь, она *завоет*,
То *заплачет*, как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой *зашумит*,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко *застучит*.
(А. С. Пушкин. Зимний вечер)

Солнце зимнее не мещет
На него свой луч косой –
В нем ничто не *затрепещет*,
Он весь *вспыхнет* и *заблещет*
Ослепительной красой.
(Ф. И. Тютчев. «Чародейкою зимою…»)

Как поздней осенью порою
Бывают дни, бывает час,
Когда *повеет* вдруг весною
И что-то *встрепенется* в нас […]
(Ф. И. Тютчев. К. Б.)

Целый день спят ночные цветы,
Но лишь солнце за рощу *зайдет*,

---

[12] И дальше: «Поскольку действие будущего II осуществляется в сфере временного релятива, в котором формы больше соприкасаются и смешиваются в употреблении, некоторые его значения могут покрывать и другие формы: настоящее время несовершенного и совершенного вида, настоящее время с расширенной основой (*mognem*, *mognete*. — *Б. Т.*), настоящее время с приставкой *uz-* и прошедшее время».

О будущем времени и глагольных формах, им эквивалентных, более подробно см. (Vuković 1957/58, Marković 1958, Kravar 1960). В русском языкознании сербохорватским будущем временем больше всего занимался В. П. Гудков, который в 1964 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Формы будущего времени в сербохорватском литературном языке» (Гудков 1964). Он является и автором других работ на эту тему (Гудков 1958, 1963а, 1963б, 1963в).

Раскрываются тихо листы,
И я слышу, как сердце цветет.
(А. А. Фет. «Я тебе ничего не скажу…»)

В некоторых стихотворениях будущее является преобладающей формой. Так «Во глубине сибирских руд» А. С. Пушкина из 10 форм — 8 будущее время (*пропадет*, *разбудит*, *придет*, *дойдут*, *падут*, *рухнут*, *примет*, *отдадут*).

20. Из всех временных форм русского языка меньше всего используется будущее время (в нашем корпусе 6,3%, но зато 34% — настоящее, 31% прошедшее время). Оно чаще всего встречается в «Макаре Чудре», а реже всего — в «Метели» («Макар Чудра» М. Горького — 11,4%, «Судьба человека» М. А. Шолохова — 9,8%, «Невский проспект» Н. В. Гоголя — 6,9%, «Муму» И. С. Тургенева — 4,1%, «Дама с собачкой» А. П. Чехова — 3,6%, «Каштанка» А. П. Чехова — 3,6%, «Метель» А. С. Пушкина — 3,1%). Значительно чаще употребляется простое будущее время. Формы будущего времени ни в одном стиле не превышают 20%; их больше всего в РФС — 17,3% (в КФС 7,8%, ПФС 7,4%, НФС 2,1%, ОФС 1,2%, в среднем 9%).

21. В НФС наблюдается семантическая близость будущего времени и императива (побуждение к совершению действия), будущего времени и настоящего времени (действие между настоящим и прошедшим временем), причем преобладает значение начала действия. Такое будущее можно использовать для осуществления плавного перехода с одного воображаемого целого на другое (примеры взяты из книги [Будагов 1977]):

> В ответ на подобное довольно распространенное возражение *прислушаемся* к голосу некоторых больших ученых прошлого и нынешнего столетия. (137) *Перенесемся* в середину нашего столетия и прислушаемся к более категорическому суждению […] (137). *Вернемся*, однако, к «темным местам» в художественной литературе […] (144).

В НФС будущее время не очень выразительно. Эта форма особенно часто встречается в работах по математике, преимущественно в расчетных операциях (примеры из [Аросеева 1980]):

> В данном случае за *x* принимается любое число, меньше единицы. Тогда равенство *примет* следующий вид […] (155).

22. Будущее время редко употребляется в ОФС и имеет нейтральный характер (скажем, в Конституции СССР на 322 формы глагола приходится только одна форма будущего времени, а в Уставе КПСС на 461 глагольную форму — всего 5 форм будущего времени). Обычно им выражается модальность (долженствование, предписание, необходимость и т. п.) или условие.

Повелительное наклонение

0. При помощи повелительного наклонения выражается приказание, распоряжение, запрещение, просьба, желание, совет, приглашение, разрешение, команда и т. п. Члены императивной парадигмы обладают общим грамматическим значением — волеизъявление говорящего относительно выполнения/невыполнения действия (Храковский, Володин 1986: 11). Постоянными компонентами императивной парадигмы является грамматическое императивное значение волеизъявления, номинативное значение действия, значение 1 л. ед. ч. говорящего; переменными — грамматическое значение лица и числа исполнителя, грамматическое значение числа слушающего (Там же: 17—18). В семантической структуре императива существуют различные признаки: 1) признак зависимости говорящего от адресата (возможность выполнения или невыполнения адресатом действия, к которому тот побуждается (что выражается в форме категоричного или смягченного побуждения); 2) признак заинтересованности говорящего в действии (он желает, чтобы действие совершалось или совершилось); 3) признак предоставления возможности выбора (адресат может выбирать совершать или не совершать действие), см. (Андреева 1973: 125—127). Повелительное наклонение находится на периферии глагольной системы и стремится отпасть от нее, так как его притягивают междометия (Виноградов 1986: 479). «В русском языке основная форма повелительного наклонения, свободная от императивной интонации, выходит далеко за пределы императивных синтаксических конструкций. Сочетаясь с личными местоимениями и существительными в именительном падеже, в некоторых синтаксических условиях она выражает разнообразные модальные значения, близкие к кругу значений условно-желательного наклонения» (Там же: 485).

1. Императив обладает особым экспрессивным потенциалом. «[…] формы повелительного наклонения наиболее богаты возможностями экспрессивного смещения значения и в русском языке. Сравните:

> *Ну да, рассказывай*! (выражающее недоверие и несогласие) или *Дожидайся*! (ироническое осуждение бесполезной надежды)» (Арнольд 1973: 211).

Так, мягкое приказание может выражаться при помощи императива:

Возьмите конфету.

При выражении предупреждения (т. н. превентив) употребляется форма 2-го лица ед. ч. — *смотри*, при выражении вежливости — с частицей *-те* (*пойдемте*), а близости, фамильярности — с частицей *-ка* (*скажи-ка*). В отличие от этих семантико-стилистических частиц частицы *пусть* и *пускай* относятся к функционально-стилистическим, так как они различаются по стилистической окрашенности (*пусть* является нейтральной, а *пускай* — разговорной).

2. Глаголы совершенного вида в повелительном наклонении обозначают категорическую просьбу, приказ; действие представляется конкретным, однократным, причем за пределами разговорной и художественной речи они не всегда допустимы в силу своей грубой категоричности и безапеллятивности, ср.:

Поговори у меня еще!

В то время как глаголы несовершенного вида в повелительном наклонении обозначают менее категорическое приказание, часто они имеют значение просьбы или совета (обозначение же действия мыслится как длительное, повторяющее), см. (Бондалетов 1982: 141). При выражении приказания глагол совершенного вида может иметь более категорический характер, чем глагол несовершенного вида. В аппелятивных предложениях можно употребить оба вида (*говорите — скажите*). Им обычно предшествуют вопросительные предложения, причем в утвердительном ответе — совершенный вид, а в отрицательном — несовершенный. Ср.:

Можно *прочитать*? — 1. *Прочитайте*. 2. *Не читайте*.

Если нет отрицания, то возможны оба вида:

Прочитайте. — *Читайте*.

3. Подобные формы различаются и смысловыми оттенками: императив от глаголов совершенного вида с отрицанием выражает предостережение (*не забудь*), а императив от глаголов несовершенного вида с отрицанием — запрет (*не забывай*). Иногда повелительное наклонение сопровождает *смотри не*:

Смотри не опоздай. *Смотри не опаздывай*.

4. Видовые различия повелительного наклонения служат средством выражения экспрессивных оттенков: «Императив несовершенного вида более конкретен. В нем волевой акт прямее и непосредственнее направлен на самый процесс [...] Поэтому обычно повелительное наклонение несовершенного вида выражает волеизъявление в более прямой, фамильярной форме, чем императив совершенного вида […] Просьба же или приказание, выраженные формой повелительного наклонения совершенного вида, большей частью представляются менее произвольными и вследствие этого более мягкими. […] Однако экспрессивные оттенки видовых значений в формах повелительного наклонения могут резко измениться,

почти до полной противоположности. Так как в форме совершенного вида приказание направлено на результат, то при соответствующей ситуации и при соответствующем взаимоотношении лиц эта форма повелительного наклонения иногда звучит более категорично и безапелляционно, как призыв к безусловному и безоговорочному исполнению. Напротив, так как форма повелительного наклонения несовершенного вида заключает в себе приказание или убеждение сделать что-нибудь безотносительно к достижению цели, независимо от осуществления результата, то при соответствующей экспрессии она может звучать более вежливо и мягко. Например: *кланяйтесь* (ср. *поклонитесь)*; *приходите к нам в гости* (ср. *придите в среду*); *садись* (ср. *сядь*) и т. п. Ср. новое разг.: *передавай (-те) привет* вместо *передай* (*-те*) *привет*» (Виноградов 1986: 484—485).

5. На примере пары *возьми — бери* покажем сложность их семантических и экспрессивных взаимоотношений.

Во-первых, обе формы используются в аппелятивной функции.

а) Консервы, мыло и станок *возьми* — и в армию, сынок! (Возьми 03-www) *Возьми* меня с собой. (Возьми 04-www) *Возьми* на *в о з ь м и* . р у ! Тем более, что у нас всегда дешевле. (Возьми 05-www) Молодец, *возьми* с полки пирожок. (Возьми 07-www) Приди и все *возьми*. (Возьми 08-www) *Возьми* снова в руки гитару. (Возьми 09-www) *Возьми* то, что больше нравится. (Возьми 10-www) *Возьми* книгу — и ты не одинок. (Возьми 12-www) *Возьми* на память мое фото […] (Возьми 13-www) *Возьми* ручку и пиши. (Возьми 14-www) *Возьми* с собой самое необходимое. *Возьми* провиант. *Возьми* и беги. (Возьми 15-www) Вот картошка, вот нож. Робик, *возьми* нож и чисть картошку. (Возьми 16-www) Ах, миленький ты мой, *Возьми* меня с собой […] — Миленький ты мой; **б)** *Бери* ружье — иди домой! (Бери 01-www) Хлеба к обеду в меру *бери*... (Бери 02-www) О том, как использовать наши материалы на вашем сайте. *Бери* мышь — пошли домой! (Бери 03-www) Алла мне говорит: «Не *бери* в голову — *бери* в рот». Бери 04-www) *Бери* стакан, пошли за стол. (Бери 05-www) Я бы хотел купить сканер, а мне сказали *бери* со слайд-адаптером, а что такое — я не знаю. (Бери 06-www) *Бери*… лыжи, выходи на улицу! (Бери 07-www) Какое дают, такое и *бери*. Лекарственный голод в области не утолен. (Бери 08-www) *Бери* пример с кошки. (Бери 09-www) Нужные вещи *бери* на прокат! (Бери 10-www) *Бери* купальник и — на север! (Бери 11-www) Главное — не *бери* автоматические крепления (с кнопками). […] *Бери*, сколько унесешь! (Бери 12-www)

Во-вторых, с одним и тем же дополнением (существительным) можно использовать и совершенный, и несовершенный вид, типа *возьми* трубку — *бери* трубку:

а) *Возьми* трубку, жена звонит. (Возьми 01-www). Шура, *возьми* трубку! Сейчас буду звонить на пейджер долго и нудно. Поставь его на это, режим вибрации. Шура, трубку *возьми*! (Короткие гудки-www). Реер! Саша, *возьми*

трубку! (Монолог любящей женщины-www). Уже дома я принял таблетку, чтобы понизить температуру, и решил позвонить Ламину. — *Возьми* трубку, Игорь. *Возьми* трубку. Но на том конце трубку никто и не собирался брать. — Что за черт, где он? (Контора смерти-www); **б)** При первых звуках попытайся представить, кто бы это мог быть, затем *бери* трубку и проверяй. (Возьми — бери 01-www). Ну, давай, *бери* трубку, ну, Серый, *бери* же! (Ресурс удава-www). Нажала кнопку и тут звонок! Я ему — вот видишь! Звонок!! Это уже вызывают! *Бери* трубку, говорю!!! (Возьми — бери 02-www). *Бери*. Трубку *бери*! (Возьми — бери 03-www)

или *возьми* конфет(к)у — *бери* конфет(к)у*:*

а) *Возьми* конфетку, мальчик! (Возьми 02-www). Вместо сигареты *возьми* конфету. (Возьми 11-www); **б)** Так вот же, *бери* конфетку, — предложил Мак Патрульскин, улыбаясь и потряхивая хрустящим пакетиком. (О'Брайен. Третий полицейский-www)

В-третьих, можно параллельно использовать повелительное наклонение совершенного и несовершенного видов, причем несовершенный вид выражает побуждение более требовательно, настойчиво, в более фамильярном тоне. «Но при наличии отрицания глаголы совершенного вида передают волеизъявление более энергично, с большей императивной силой; ср.: *не тронь* его — *не трогай* его» (Розенталь 1977: 162). В нашем корпусе мы обнаружили следующие комбинации:

1. *Возьми* + *бери*:

Аптечку *возьми* обязательно, что-то от отравлений *возьми*. […] Одежду теплую *возьми*. Мы там были в августе, днем — жара страшная, ночью — в одежде под двумя одеялами мерзли жутко. В принципе ничего страшного. Военизированный пионерлагерь... оружие не *бери*, как ни как со свом потоком едешь, и потерять — легко, или упереть могут... на машине тоже не стоит... езжай как на отдых! (Возьми/бери 02-www) *Возьми* еще конфетку. Тебе понравилась, кушай, не стесняйся, *бери*. (Возьми/бери 01-www) Джейра, перестань меня обнимать! Имоен, Минкс, ну хватит уже. Итак, эй... братва, мы же щас этого Ильича-то и грохнули. Ну, в натуре, честно! Вот и желуди у него, будь они неладны. Имоен, *возьми* их. *Бери*, говорю! Да не воняют они. Ой-ой, нашлась тут чистюля! *Бери*! […] Молодец, Имоен. *Возьми* с полки пирожок, там их два — *бери* средний. (В логове зверя-www) — На, *возьми* папиросы «Фестиваль»! — сказал Левин Глущенко. — Видишь, они с серебряной бумагой, будешь в столовой официанткам показывать — какие старшина папиросы позволяет себе курить. И ты, Жакомбай, *возьми* пачку. *Бери*, *бери*, не стесняйся, я ведь такие не курю […] (Проект «Военная литература»-www) Как сказали ранее, главное — в жигах кузов! Анька, *возьми*

себе другую пудру. *Бери* вообще все, что хочешь. На. На вот еще... Бери... (Драгунская. Яблочный вор-www) *Возьми* Элантру, тебе говорят. Элантру *бери*. *Б е р и* Э л а н т р у. (Возьми/бери 12-www). *Возьми* зольда два, догонишь. Только покрепче *бери*, мне тут взводного-профессора хватает […] (Возьми/бери 14-www). Носильщик! *Возьми* барину билет. *Бери* вещи! — Спасибо тебе, Николай Николаевич! (Возьми/бери 2-www 1) Приходи, *возьми* ты злато, Серебро *бери* скорее, Расстели платок широкий, Положи платок […] (Возьми/бери 24-www). — Вот, *возьми*. Конфетку хочешь? — Нет. — Да вот из этих, купленных. *Бери*. (Африканские байки-www)

2. *Бери* + *возьми*:

Опять отправился царь бабку-повитуху искать. Невестка ему говорит: — Не *бери*, батюшка, ту, что первой встретится, *возьми* вторую. (Девять золотых сыновей-www) Не *бери* в голову, это бракованная партия. Многие нарвались. *Возьми* другие s52. (Возьми/бери 0-www 5) Слева *бери* топор. Иди на площадь перед таверной и *возьми* там пустую кружку справа. (Джаз и Фауст-www) Если у тебя хорошая спортивная одежда, то *бери* только один комплект. Ботинки — свободный выбор, если сможешь, — *возьми* пару. (Board the World. Предметы первой необходимости в путешествии: (Возьми/бери 04-www) Ну, конечно же, если денег мало, то *бери*. А если они есть, то лучше *возьми* 6600 или 7610. (Возьми/бери 06-www) Я уже писала, что *бери* все, что тебе нравится. За красивый купальник и белье ты здесь заплатишь недешево. Обувь *бери* удобную и, конечно же, *возьми* на каблуках, вечернюю. (Возьми/бери 08-www) Давай твою руку, *бери* ее! — *Возьми* мою кровь. (Возьми/бери 16-www) *Бери*, *бери*, потом увидишь. А еще *возьми* марли, метров пять пленки и штук десять прищепок […] (Возьми/бери 18-www) *Бери* К-500, а еще лучше — *возьми* бэушный немного, зато ты получишь мощный девайс […] (Возьми/бери 23-www)

3. Зигзаг *бери* — *возьми*:

«Спасибо, дорогой, — радуется первый, — в награду возьми лучшую овечку из моего стада!» «Да не надо... Я же это так, по дружбе...» «Нет, *возьми*! Я перед тобой в долгу!» «Не за что не возьму!» «Ну *бери* две овечки!» «Тем более две! Не *возьму*, и все!» «Три *бери*», — красный весь уже, на крик переходит. «Не *возьму*, не *возьму*!» — мотает головой другой. (В награду-www)

4. *Не бери* + *не возьми*:

Душу не *бери*. Еще совсем невинного младенца! Мою *возьми*, — отдам! (Возьми/бери 07-www). Что там нового-то найдешь? Боюсь, — ничего, все, что как бы новое — давно забытое старое; савагу не *бери*, *возьми* либо вантус, либо в этом районе, S3 Trio 3d и подобное — полный отстой,

для игр в особенности. (Посоветуйте-www) И не *бери* их ты, лучше *возьми* за эти деньги малолитражку-иномарку посвежее, дешевле будет в обслуге! Помянешь мои слова. (Возьми / бери 1-www) Не *бери* с собой кипятильник, чашки и ложки, а *возьми* зубную пасту, запас бритв, крема […] (Если ты едешь-www). А бабушка-киоскерша начала ее отговаривать, типа не *бери*, маленькая девочка, этой карты, *возьми* другую. (Возьми / бери 13-www) Во вторых, не *бери* 128-бит 9800 — лучше доплати, *возьми* нормальный. И будет тебе счастье. (Возьми / бери 15-www) Не *бери* много — *возьми* больше! (Возьми / бери 20-www) Только, ради бога, не *бери* всякую американскую дрянь. *Возьми* что-нибудь пофилософичнее […] (Возьми / бери 22-www)

В нашем корпусе мы не обнаружили сочетание *не возьми — бери*.

5. Композиционный стык *возьми*, *бери* или *бери, возьми*:

а) Улыбаясь мне, она опускает ладони с пирогом к полу. Ты становишься на четвереньки. У тебя лицо между ее ладонями. Опираясь локтями и коленями, ты снова ешь. «Возьми», — предлагает твоя девка. «*Возьми*. *Бери*» (Возьми / бери 03-www) Она лучезарно улыбалась и протягивала ему что-то. *Возьми*. *Бери* все, что у меня есть. (Возьми 19-www) Не стихла еще мелодия вальса, как из объятий Густлика, тарахтя крыльями, выскочила деревянная птица и во все горло провозгласила: «Ку-ку!» — *Возьми*! *Бери*, а то шмякну об пол! — разозлился Елень. (Бой часов-www) Ты лучше у меня яблок *возьми*. *Бери*, не стесняйся, у меня их много! (Мешок-www) Прими ж в подарок лучшую косу, Тригей. Кувшин *возьми*, *бери* и это! Даром все! (Возьми / бери 19-www); **б)** — Спасибо, дочка, не надо. Какая уж старому еда! — *Бери*, *бери*. *Возьми* на дорогу. А мне пора дальше. Солнце уже высоко. (Скуениекс. Не оглядывайся-www) Вот зуб, вот два, вот три, вот четыре, все твои — *бери*: *возьми* ты мою скорбь, сокрой от меня […] (Возьми / бери 17-www)

В поэзии:

Детка, *возьми* конфетку!
Бери чертову конфетку —
Эту сладкую штуку
Бери и вали...
(Вадиму. Моему читателю-www)

Пр.: Эй, утро, выпей голоса
Из этих рук, из этих лет!
Возьми с собой, *бери* с собой
Мой белый свет, мой белый свет...
(Белый свет-www)

Хотя форма повелительного наклонения совершенного вида, выражающая приказание, направленное на результат, может иметь более категорический характер

по сравнению с соответствующей формой несовершенного вида, бывают и другие случаи: «[…] в зависимости от взаимоотношения лиц, ситуации, интонации, контекста форма несовершенного вида повелительного наклонения, выражающая волевой акт, направленный на самый процесс, может оказаться более категорической и резкой, фамильярной:

> *Сядь*, Илька! Ради бога, сядь! Ну, да *садись* же! (Ч..); Свинья ты, коли так... *уйди* от меня! *Уходи*! (М. Т.)» (Розенталь 1977: 162)

6. В значение повелительного наклонения частицы вносят различные оттенки и экспрессию. Одни из них используются в препозиции, другие — в постпозиции.

7. Частица *да* имеет разговорный характер и используется с обоими видами для выражения нетерпения, настойчивости просьбы и т. п. Это проиллюстрируем на примере форм *помни* / *запомни*:
Совершенный вид:

> Убирайся отсюда немедленно *да запомни* хорошенько: что бы ни показал твой гороскоп, все твои куры останутся при тебе! (Глупец Эмвей-www) *Да запомни*: на каждом крылышке ее должно быть десять тысяч перышек. (Запомни 01-www) *Да запомни* вот еще что: кого Бог сильнее любит, того больше и казнит. (Запомни 03-www) *Да* хорошенько *запомни* вход в эту пещеру! (Сказка 01-www)

Для усиления иногда добавляется союз *и*:

> *Да и запомни* одно правило: все что ты качаешь, может оказаться трояном. (Запомни 02-www). *Да и запомни*: ты побеждаешь, чтобы покоряться мне. Это твоя единственная на ближайшее время задача. (Маленькое эссе-www). *Да и запомни*: божество, царь, самодержец и прочее — это у россеян, у нас же — демократически избранный президент (парламентско-президентской или пока наоборот, республики). (Продажные звезды эстрады-www)

Несовершенный вид:

> *Да помни*: короб по дороге не открывай, пирожки не вынимай. (Маша и медведь-www) *Да помни*: как будешь спать ложиться, королевны подадут тебе сонных капель испить; а ты повернись к стене и вылей в постель, а пить не моги! (Ночные пляски). *Да помни* о капкане для педали газа, где в самый неподходящий момент может застрять правая нога. (Трудовая повинность-www) Вот и постарайся, голубушка, *да помни*: не сразу все труды отзовутся, терпение имей, а уж как отзовутся, век меня за науку благодарить будешь! (Антонова. Заговор против бессилия-www) Вольному воля. Езжай, отрок. *Да помни*: поднявши меч — руби. (Ясен меч княжой-www) Дочка, ты пока обомни тесто, что в тазике, *да помни* — не меняй направления. Ни о чем. А

пока ступай домой, *да помни*: приходи один да ружье дома оставь. (Федор и счастье-www) Иди, дочка, *да помни* — платье твое белое, на нем любая грязь видна! Не садись по дороге, и не играй с девочками. Береги платье. (Ханэле-www)

8. Частица *пусть* и *пускай* используется для выражения уступки, побуждения, согласия после отказов, возражений и т. п. «Экспрессивные оттенки, связанные с различием видовых форм, отражаются и в значениях модальных частиц *пусть* и *пускай. Пусть* — выражает волю более решительную, крепко и повелительно. *Пускай* — означает скорее допущение, позволение […]» (Виноградов 1985: 485).

Так *пусть* вам всегда *сопутствует* фортуна, а сам торговый дом *процветает* и развивается. (Пусть 01-www) *Пусть постучатся* головой о стенку, говорят, помогает. (Пусть 02-www) *Пусть пришлют* генерал-губернатора, но не вора и не терминатора! (Пусть 03-www) *Пусть* инопланетянки *окажутся* красавицами! (Пусть 05-www) *Пусть сбудутся* самые смелые творческие планы. (Пусть 07-www) *Пускай умру*, но… (Пускай 04-www) И *пусть* им *будет* страшно! (Пусть 10-www) *Пускай* испанцы *думают*, как приспособиться к нашей погоде. (Пускай 01-www) *Пускай* самое лучшее ваше прошлое *станет* вашим худшим будущим. (Пускай 02-www) *Пускай* ты *выпита* другим [...] **(**Есенин. Пускай ты выпита другим-www)

Частица *пусть/пускай* используется без глагола в значении уступки:

Путин: — *Пусть* Ющенко — лишь бы без сионистов. (Пусть 04-www) *Пусть* он козел, зато мой! Ты не понимаешь, я же его люблю! Ну и *пусть* он такой! (Пусть 06-www) Ну и *пускай* хуже. Не бойся — не такой уж я и слабый, кое-чего выдержать смогу. Ты только не уходи. (Пускай 03-www)

В поэзии:

Была б жива Цветаева,
Пошел бы в ноги кланяться —
Пускай она *седая бы*
И в самом ветхом платьице.
(Губанов. Марине Цветаевой-www)

Пускай я порою от спирта вымок,
Пусть сердце *слабеет*, тускнеют очи,
Но, Гурвич! взглянувши на этот снимок,
Ты вспомни меня и «Бакинский рабочий» […]
(Есенин. «Пускай ты выпита другим...»-www)

Форму повелительного наклонения с частицей *пусть/пускай* можно использовать по отношению к самому себе:

Если я не смогу победить — *пусть* я *буду* смелым в этой попытке! (Пусть 09). Согласна и ни на что не жалуюсь. *Пускай я* не белый медведь и мне не бросают в охлажденный бассейн сырую рыбу. (Хочу быть белым медведем).

Такое употребление встречается очень часто в поэзии:

Он женщиною был,
Шептал про Рим, манил в Париж,
Как плакальщица выл...
Он больше без меня не мог:
Пускай позор, *пускай* острог...
Я без него могла.
(Ахматова. Из «Черных песен»-www)

И *пускай* я гроши наскребу с трудом,
И *пускай* велика цена —
Кредитор мой суровый, мой Отчий Дом,
Я с тобой расплачусь сполна!
(Галич. Песня об Отчем Доме-www)

Я часто время торопил,
Привык во все дела впрягаться.
Пускай я денег не скопил,
Мои года — мое богатство.
Я часто время торопил,
Пускай я денег не скопил,
Мои года — мое богатство.
(Застольные песни-www)

Пускай я получу по морде!
Пускай я получу урок.
Я ваш удар приму как орден,
И кудри будут мне курок,
Перо мне будет словно шпага
Я вас похищу, дайте срок.
(Потерянный мною-www)

Какое нам, в сущности, дело,
Что все превращается в прах,
Над сколькими безднами пела
И в скольких жила зеркалах.
Пускай я не сон, не отрада
И меньше всего — благодать,

Но, может быть, чаще, чем надо,
Придется тебе вспоминать […]
(Ахматова. Первое предупреждение-www)

Частица *пускай* может сочетаться формально с 1-м л. мн. ч. будущего времени / повелительного наклонения, выступающим в функции вводного слова.

Допустим пускай, что Бопп был бы самым что ни на есть антиимпериалистическим и пролетарски настроенным интернационалистом и коммунистом […] (Поливанов. Историческое языкознание — www).

9. Императивная частица *смотри / смотрите* (используемая чаще всего с *не*) употребляется в разговорной речи. В сочетании с повелительным наклонением она потеряла лексическое значение и выражает запрет, предостережение, предупреждение. «Императивные слова, приобретающие полувспомогательное значение, вроде *смотри,* также имеют различный смысл в сочетании с формами совершенного и несовершенного вида. При форме повелительного наклонения несовершенного вида *смотри* обозначает усиление приказания, требование сосредоточить внимание на исполнении действия:

Да *смотри*, *учись* лучше.

При форме повелительного наклонения совершенного вида *смотри* выражает только усиленное предостережение:

Смотри, *не проговорись*». (Виноградов 1985: 485)

В нашем корпусе представлены такие примеры:
а) совершенный вид:

Смотри, *не продешеви*, а то потом жалеть будешь. (Смотри 01-www) *Смотри*, *не перестарайся*. (Смотри 03-www) *Смотри*, *не обожгись* — кипяток! (Смотри 04-www) Пожалуйста! *Смотри*, *не обожгись*, только закипел! (Смотри 10-www) *И смотри*, *не обожгись*. Ведь ты уже не ребенок. (Смотри 06-www) Камуфлируя прыщи толстым слоем крем-пудры, *смотри*, *не переусердствуй.* (Смотри 07-www) Только *смотри*, *не вздумай* ночью *напасть* на нас. Бесполезно. (Саломатов. Я дарю тебе жизнь-www) Только *смотри не огорчи* фанов! (Смотри 08-www) Обычный день устроен так: встал, пошел на работу (*смотри*, *не наступи* на слизняков) [...] (Сполски. А вот еще про отпуск-www). Только эти слова нужно 30 раз повторить, *смотри*, *не сбейся*. (Смотри 09-www) Когда все кончится, одевайся, *смотри*, *не забудь* снять защиту от всех болезней и, открыв окно, вылазь. (Смотри 11-www) *Смотрите, не перепутайте* последовательность! (Смотрите 01-www);

б) несовершенный вид:

Смотрите, *не творите* милостыни вашей перед людьми с тем, чтобы они видели вас (Смотрите 02-www).

В поэзии:

Метель ей пела песенку:
«Спи, елочка, бай-бай!»
Мороз снежком укутывал: «*Смотри, не замерзай*!»
Мороз снежком укутывал: *«Смотри, не замерзай*!»
(В лесу родилась елочка-www)

10. Частица *ну* подчеркивает просьбу, приказ и т. п.:

Просила же, *ну читай* внимательнее мои посты. (Ну 01-www) Стихи-то ты, наверное, забыл? — Нет, не забыл. — *Ну читай*. (Булгаков. Псалом-www) Милая девушка, *ну читай* ты внимательнее... (Ну 02) А *ну читай*. Я прочел […] (Василенко. Рассказы о Артемке-www). Ну что, Власов! Выучил ты стихотворение? — Конечно, Татьяна Васильевна! — *Ну читай*! (Учись, Власов-www)

Она может выражать и отрицательное отношение:

Не надо лицемерить, господа! Или вы читали эту статью насильно? И кто-то стоял над вами с дубиной и говорил: «А *ну читай*, гад!» (Ну 03-www)

11. Частица *-ка* используется для выражения просьбы, непринужденного, смягченного приказания, близости отношений, простоты обращения, иронии, насмешки:

Скажи-ка, лоцман… (Ка 01-www) *Подсчитай-ка*. (Ка 03-www) *Скажи-ка*, мама... (Пирогов. Скажи-ка, мама-www) *Расскажи-ка*, милая, как дела? (Ка 05-www) *Давай-ка*, выпей вина в спортзале! (Ка 06-www)

В последнее время наблюдается использование этой частицы для наименований лекарственных препаратов (напр., для похудения), сортов чая и даже названий трудовых организаций, фирм и магазинов:

[…] чай Кардиотон, чай Очищающий, чай *Похудейка*, *Похудей-ка* […] (Ка 07-www). Биологически активная добавка к пище «Экспресс *Похудей-ка*». (Ка 08-www) Форум WOweb «Интернет» *Зацените-ка*! (Ка 04-www) О т ч е т об итогах клинических испытаний биологически активной добавки к пище фиточая Сибирский травник «Похудей-ка» производства 000 НПЦ «Витиус», РФ. (Ка 09-www) *Похудейка* — это виртуальная комната, в которой будут располагаться различные материалы по здоровому образу жизни, включая сведения по рациональному питанию, способы похудеть, интервью с людьми, которые могут служить примером в этой области etc. (Ка 10-www) Чай *«Похудей-ка»* — фитосупертоник для снижения веса. (Ка 11-www) Приглашаем вас посетить наш магазин «*Похудей-Ка*». […] В нашем магазине есть все для тех, кто следит за своей фигурой, а также и для

больных диабетом. ТД «*Похудей-Ка*», г. Москва[…] (Ка 12-www). *Похудей-ка*. Или опыт, поставленный на себе. (Ка 02-www)

12. Частица *-те*, прибавляемая к форме 1-го лица множественного числа, выражает вежливое приглашение к совместному действию:

— Муж болен! — продолжает Нелли, сдерживая рыдания. — Ради бога, *поедемте*... Скорее... как можно скорее! (Чехов. Зеркало-www) Дома сидеть не хочу, — заявил он сразу. — *Пойдемте* сперва на скамейку, отдышимся. (Власенко. Разговор о литературе-www) — Девушка, ну как вас зовут? — А-а-а, Лена! — Девушка, девушка, *пойдемте* ко мне в номер — Че, че? — Девушка, девушка, *пойдемте* ко мне в номер. — Че, че? — Ну девушка, *пойдемте* ко мне в номер! — А-а-а, *пойдемте*! (Посмейся-www)

В поэзии также встречаются подобные примеры:

Пойдемте, девчонки,
Саранку копать,
У моего миленка
Портянки видать.
(Пойдемте 01)

В некоторых случаях усиление значение получается добавлением еще одной частицы (*-ка*):

Пойдемте-ка есть пиццу! (Пицца 01)

Я крикнул: — Эй, вы, кошки!
Пойдемте-ка со мной,
Пойдемте по дорожке,
Пойдемте-ка домой.

Скорей *пойдемте*, кошки,
А я вам на обед
Из лука и картошки
Устрою винегрет.
(Даниил Хармс. Кошки)

Другой способ усиления — повтор императивной формы:

— *Пойдемте*, *пойдемте*, *пойдемте* на бал! — радостно закричала Треугоша. (Баранова, Армоштат. Ластик и скрепочка-www) У м (все это время он очень внимательно следил за беседой, как будто бы забыв о том, что по природе он беспокойный. После последних слов преданного он встрепенулся и знаками, действием и т. д. стал уводить преданных): *Пойдемте*, *пойдемте*! *Пойдемте*... *Пойдемте-пойдемте-пойдемте*! (Мейстер. Нет уж-www).

Иногда повтор выступает в форме кольца:

> — Так *пойдемте*! А как хорошо поет — слышите, слышите? Отсюда слышно! Тут филин было в дупле начал кричать — и тот замолчал. *Пойдемте*. (Гончаров. Обрыв-www)

Особый прием — добавление *-с*:

> Ч е м Е. Бакину привлечь женщин-с? Извольте-с, расскажу. В изящной стихотворной форме-с. Только *пойдемте-с* в отдельный тред, а то тут... женщины-с. (Катя-www).

13. Семантическим и стилистическом своеобразием является употребление императива с отрицанием (славянский императив) для выражения двух значений: запрещения — императивом от глаголов несовершенного вида (*не говорите*) и предупреждения — императивом от глаголов совершенного вида (*не скажите*). В отрицательно-императивных предложениях типа:

> Мальчик, *не читай* книгу!

появляется т. н. прохибитив[1]. О славянском императиве с отрицанием подробно писала Милка Ивич (Ivić 1958b). Она подчеркивает, что в славянских языках в рамках императива наблюдается преобладание категории несовершенного вида, а для обозначения запрещения употребляется исключительно несовершенный вид. Параллелизм в употреблении совершенного и несовершенного вида, продолжает Милка Ивич, может появиться только в случае, когда действие не происходит в момент выражения запрещения. Она констатирует, что морфологическое различие запрещения и предупреждения характерно для восточной и западной группы славянских языков, и только в южнославянских языках формы императива широко заменяются перифрастической конструкцией (*nemoj čitati* и *nemoj da čitaš*). Конструкция с *nemoj* является вежливой формой выражения[2]. Императив с отрицанием значительно реже используется, чем императив без отрицания, причем **(а)** в некоторых случаях формой положительного императива выражается то же, что и формой отрицательной; **(б)** императивное значение может выражаться конструкциями настоящего времени от глаголов *moći*, *morati* и *smjeti* (*ne smiješ* to uraditi = *nemoj* to uraditi); **(в)** императивное значение выражается лексическим значением некоторых глаголов (*prekinuti*, *zabranati*), см. (Tanasić 1984: 22).

---

[1] Различаются аналитический и синтетический прохибитивы (подробнее см. [Храковский, Володин 1986: 89—107]).

[2] В сербском / хорватском языке наблюдается тенденция связывать перифрастическую форму с выражением смягченного запрещения, а простую форму с отрицанием − с выражением строгого запрещения (Tanasić I984: 25).

Повелительное наклонение с отрицанием *не* передает различные экспрессивные оттенки. С глаголами совершенного вида оно выражает предупреждение, предостережение. Запрет передается только при помощи несовершенного вида. Ср.:

(а) Никогда *не пишите* в качестве пароля ваше имя или день рождения! (Не пишите 01-www) Сержант милиционер смог сказать только: «Парень, знаешь, а ведь они и впрямь военкомы. Мой тебе совет: ты в армию лучше *не ходи*». (Не ходи 01-www) Если человеку 60 или 70 лет и вдруг ему говорят: *не ходи* на выборы, а он всю жизнь ходил и голосовал. (Ходи не ходи-www) Говорила мама: *не ходи* ты с этим рыжим... у него любовь не глубокая...(Не ходи 02-www). В налоговую *не ходи*, там опасно! (сообщения на пейджер). (Не ходи 03-www) *Не ходи*, моя милая, на крыльцо. (Не ходи 04-www); **(б)** Беня! Чего хочет женщина — того хочет Бог! А тут сразу две женщины хотят одного и того же! Задумайся, Беня, и *не уходи*! (Не уходи 06-www) Не понял. Slimm Slimushka, *не уходи*. Пожалуйста. *Не уходи*, *не уходи*. Мы тебя все очень любим [. . .] Вернись. Прошу, вернись. *Не уходи*. Как что случилось? (Не уходи 07-www) Срочно надо скорую. Я пойду, вызову. А ты здесь побудь, никуда *не уходи*. (Фортель. Жизнь собачья-www) *Не уходи*, без меня пропадешь! (Не уходи 04-www)

В поэзии и в песнях очень часто используется данное сочетание:

Не уходи, побудь со мною!
Здесь, так отрадно, так светло!
(Не уходи-www)

Не уходи, остановись!
Не уходи, оставь обиду!
Ты нанемного задержись,
Не исчезай так сразу с виду.
(Дьяченко. Не уходи-www)

Бывают случаи, когда цепь однокоренных глаголов заканчивается повелительным наклонением с отрицанием:

Уходят годы длинной чередою,
Уходят государства и вожди,
Беда приходит за бедою,
Но только ты от нас *не уходи*.
(Вера 01-www)

С формами повелительного наклонения совершенного вида частица *не* вносит оттенок предупреждения или предостережения. «Однако и здесь экспрессия тона может вызвать резкие изменения в смысле. Оттенка предостережения нет в таком предложении у Крылова:

«Степанушка, родной, *не выдай,* милый!» (Виноградов 1986: 495).

Сербский / хорватский язык предоставляет несколько возможностей формальной синонимизации: 1) при помощи отрицательных частиц *ne* и *nemoj* (*ne čitaj — nemoj čitati*); 2) при помощи инфинитива и конструкции *da* + настоящее время (*nemoj čitati — nemoj da čitaš*), о чем мы уже говорили.

14. Частица *давай / давайте* используется, как правило, в разговорной речи для передачи побуждения или приглашения к совместному действию и сочетается с несовершенным видом. В таком значении повелительное наклонение имеет нейтральный характер. Экспрессивным является употребление императива с инфинитивом «*давай / давайте* + инфинитив» типа *давай плакать* для выражения прошлого действия. Призывной характер такого сочетания теряется, когда оно вторгается в сферу изъявительного наклонения и используется для обозначения прошлого действия в значении ʻначал, стал, принялся + инфинитивʼ:

Решили хозяева козленка убить. Прознал про это Иванушка, прибежал к козленку и *давай плакать*: — Хотят тебя убить, мой дружочек. (Иванушка и козленок с золотыми крыльями-www) Что же это я опять натворил! Сел на пень и *давай плакать*. Проплакал до самого вечера. (Плакал 02-www) И *давай плакать* вместе с ней. Да и как не заплакать, когда у мамы горе какое-то? (Симакина. Шубка на зависть-www) Ночью Макс проснулся, *давай плакать*, типа, кушать хочу. (Плакать 01-www) […] как встала да прибежала в избу — сейчас бросилась к свекрови и *давай плакать*. (Солдат, мужик и баба-www) Мужик как прыгнет — мимо. Опять *давай плакать* и жену ругать. […] Она *давай плакать*! (Были и небылицы деревни Киндасово-www) И плакал еще очень долго, пока папа не пошел в индейскую сувенирную лавку, ну, местную, которая у них там в резервации, а дудок там не было (не завезли), потому как их, кроме исчезнувшего Дона Хуана, никто делать и не умел. Ну папа и *давай плакать* тоже. (Как сделать индейскую флейту-www) — Что же это я опять натворил! Сел на пень и *давай плакать*. Проплакал до самого вечера. (Зять Хома, сказка-www) Поднялся мужик на полати, жена встала внизу, порты держит. Мужик как прыгнет — мимо. Опять *давай плакать* и жену ругать. (Дорогие шкуры-www) Однажды вот так продержали, а когда отпустили, он приходит домой и говорит: «Все, вступил я». Мама *давай плакать*, а он ей: «Нет-нет, раз ты так не хочешь...» (Черняхович. Я не одна-www) Потом нашли папу, организовали встречу. Увидели они друг друга и *давай плакать*, по цепной реакции слезами разразилась вся студия. (Спасите, тону-www) Только я к двери направилась, а дядька мне на шею прыг и *давай плакать*, мол, не уходи, «Сьеня», полюбил я тебя, и нахал такой под юбку лезет. (Обои-www) Мама, как услышала, что у меня аппендицит, и тоже *давай плакать*. («Мисс Москва» едва не умерла). Пришла Таня в желтом сарафане... Стали Таню раздевать, *давай плакать* и *рыдать*. (Давай

плакать-www) Ну и протащил я его скрозь тайгу. Пришел белый! Спирту хватанул и *давай плакать*. Страшно ему стало! (Ворфоломеев. Золото Бурхана-www) Сестричка, которая со мной была, как упала на колени и *давай плакать*. (Моя встреча с Богом-www) Что тут началось! Старик сразу, без подготовки, перешел на визг: «В абортарий их девают!» Я *давай плакать*. (Искусство быть свободной-www) А я в первый рабочий день пошла сюда, в эту квартиру на ремонт по вызову. Двери открывает — Зинка! Ну *давай плакать*, вспоминать, как мы валетом спали, молодость и она меня позвала к себе домработницей. (Коляда. Мы едем-www) Говорю ему, давай заедем в магазин, купим бутылку водки, иначе я сойду с ума! И вот мы купили с сыном эту бутылку, сели в машину и *давай плакать*. Не тронули эту водку, а просто сидели и рыдали. (Овсяник. Медали смерти вопреки-www)

Употребление, подобное этому, А. В. Исаченко называет транспозицией аналитических императивных форм: «Форма императива может быть транспонирована в индикативный контекст; этим самым она лишается призывной модальности, ее применимость выходит за пределы 1-го и 2-го лица» (Исаченко 2003: 503). В то время как подобные сочетания обычно трактуются как соединение частицы *давай* с инфинитивом, А. В. Исаченко предлагает рассматривать данную форму как форму аналитического императива совместного действия, приобретающую, при транспозиции в индикативный (повествовательный) план, значение драматического императива. «Форма типа *давай бежать* сама по себе не выражает никаких временных значений. Временное значение она приобретает только в контексте, причем таким контекстом может быть не только общий план прошедшего времени, но и общий план неактуального настоящего, ср.:

Встречает меня и *давай ругать*.

Форма *встречает* выражает в данном случае настоящее историческое; в подобном контексте форма *давай ругать* воспринимается также как выражение настоящего исторического (*начинает ругать*), а не как выражение «прошедшего времени». Форма императива типа *давай бежать*, *давай ругать* не утрачивает при перенесении в индикативный план своей «императивности», она не «растворяется» в своем индикативном окружении, а сохраняет отчетливо экспрессивное значение интенсивного действия […] Формы типа *давай бежать* конкурируют с формами типа *и ну бежать* или *бежать*, ср.:

Он испугался и (ну) *бежать*.

И эти формы сами по себе не имеют значения прошедшего времени» (Исаченко 2003: 503—504).

15. Одним из типов транспозиции является замена множественного числа единственным при существительном множественного числа:

А ну, ребята, *подвинься*! Я щас Дядю Ваню буду учить рокет-джамп делать. (ОдЕссея Робинзона-www) Соловьев раскрыл толстую конторскую книгу и сказал: — Ну, ребята, *подходи* по очереди. (Жемайтис. Ребята-www) А ну, братцы, *помогай* паруса к ветру ставить! — крикнул Химков […] (Бадигин. Путь на Грумант-www). А ну-ка парни, *навались*, девка сильная! (Частушки 01-www)

Противопоставление единственного и множественного числа усиливается их комбинацией (мн. ч. + ед. ч. + мн. ч.), как в следующем примере (*товарищи* + *готовь* + *попробуем*):

Как только отправили первый обоз с хлебом, Лукашин сказал колхозникам: — Ну товарищи, теперь *готовь* свои мешки. Попробуем новины сами. (Абрамов. Пряслины-www)

Бывают случаи, когда 2-е лицо множественного числа заменяется 2-м лицом единственного числа для выражения приказания, обращенного к группе лиц:

Офицеры и солдаты, *выходи* по одному! (Тв.) (цит. по [Розенталь 1977: 159]).

«Применение же основной формы повелительного наклонения ко 2-му лицу множественного числа (“*Прощай*, хозяйские горшки” — Крылов, “Обоз”) сопровождается резким изменением, фамильярным огрублением экспрессии. 2-е лицо множественного числа здесь понимается как недифференцированная масса, как собирательное множество, поставленное к говорящему лицу в отношение если не подчинения, то, во всяком случае, повиновения. Например:

“Я затяну, а вы не *отставай”* (Крылов); “Нечего делать, *ломай* дверь, ребята” (Н. Чернышевский, “Что делать?”); “*Берись* по двое. Рычаг *давай* сюда!” (Л. Толстой, “Война и мир”); “Пожарные, *лей*!” (Чехов, “Брожение умов”)» (Виноградов 1986: 481).

16. Особую экспрессивность имеет повелительное наклонение, используемое в значении прошедшего действия. Хотя о таком императиве имеются различные мнения[3], все соглашаются с тем, что им обозначается действие, случившееся неожиданно. Исходя из этого, А. В. Исаченко называет его драматическим императивом — оттенок неожиданности, выражаемый такой формой, сообщает повествованию известную драматичность, и поэтому им было предложено такое название (Исаченко 2003). «В русском языке, особенно же в повествовании, форма императива 2 лица ед. ч. совершенного вида может употребляться в повествовательных предложениях в качестве драматизирующего стилистического приема» (Там же: 498).

[3] См. (Прокопович 1969: 50—51).

А на другой день снова явился. «Кто ее отец?» — громом гремит по табору. Данило вышел. «Продай дочь, что хочешь возьми!» А Данило и *скажи* ему: «Это только паны продают все, от своих свиней до своей совести [...]» (Горький 1979: 24). Он любил только коней и ничего больше, и то недолго — проездит да продаст, а деньги кто хочет, тот и *возьми.* (Там же)

Существует и точка зрения, согласно которой здесь речь идет об «антиобусловленном» действии: «Императивные формы могут употребляться еще в одной разновидности противительной конструкции, где они обозначают не столько обусловленное, сколько "антиобусловленное" действие, т. е. действие, не вытекающее из действия обусловливающего. В первой части такой противительной конструкции выражается некоторая реальная и уже реализованная ситуация, которая обозначается формами прош. вр., во второй части — другая реализованная ситуация, которая хотя и следует непосредственно за первой, однако не выражает действия, вытекающего из первой ситуации, т. е. выражает неожиданное действие, которое совершается Агенсом помимо его воли:

Прожили они год душа в душу, а на другой-то год она *возьми да и помри* (= *взяла да и померла*) (Г. Успенский)». (Типология императ. констр. 1992: 49)

В сербском/хорватском языке употребление императива в таком значении не является типичным (или почти не имеет места), и поэтому в переводах русских примеров используются другие формы. На сербский/хорватский язык вышеупомянутый пример можно перевести семантически и стилистически адекватно формой усеченного будущего времени:

A Danilo *će* ti njemu...

Однако и сербохорватский императив можно использовать в таком же значении. Об этом свидетельствует перевод примеров из рассказа «Судьба человека»:

Одна кожа осталась на костях, да кости-то свои носить было не под силу. А работу *давай*, и слова не *скажи*, да такую работу, что ломовой лошади и то не впору (Шолохов 1975: 27). — […] posao *radi*, i ne *pisni*, i to posao takav da bi se i teretni konj pretrgao. (Šolohov 1962: 28)

Другой переводчик дает развернутую конструкцию:

A što se posla tiče — tu nije bilo vrdanja; *nije se smjelo ni pisnuti*, a od takvog posla bi se i tegleći konj pretrgao (Šolohov 1977: 220).

В. В. Виноградов констатирует, что форма типа *скажи* очень экспрессивна и по внешнему облику совпадает с формой повелительного наклонения единственного числа глаголов совершенного вида, но отличается от императивной формы особой интонацией неожиданности (Виноградов 1986: 448). Он подчеркивает, что отсутствие формы 2-го лица усиливало разницу между этим прошедшим време-

нем и императивом и что омонимическое слияние форм аориста с императивом (*просвети*, *роди* и т. п.) было обусловлено рядом экспрессивно-семантических и синтаксических причин (Виноградов 1986: 449). Формы (*и*) *скажи*, *возьми и* (*да*) *принеси*, (*и*) *попадись*, (*и*) *покажись* Е. Н. Прокопович рассматривает как особые формы прошедшего времени совершенного вида в системе временных форм изъявительного наклонения: «Формы *и подай*, *возьми д*а... *и привяжись*, *возьми да и оденься*, *и заболей* […] употребляются в одном временном плане с другими формами прошедшего времени (*узнала*, *привязался*, *дал*, *пошел*, *поехал* и др.). Как и последние, они обозначают прошедшее время, приобретая при этом весьма своеобразное модальное значение» (Прокопович 1982: 166). Единый временной план (прошедшее время), продолжает она, сохраняется и при употреблении рассматриваемых образований в одном ряду с формами настоящего-будущего времени (в рассказе о событиях прошлого):

> У ней на табакерке ее собственный портрет, когда еще она невестой была, лет шестьдесят назад. Вот и *урони* она табакерку. Я *подымаю* да и *говорю*... (Достоевский, Униженные и оскорбленные) (цит. по [Там же]).

Этот автор находит еще одну дифференциальную черту между данными формами и собственно повелительным наклонением: «Отличаясь от форм повелительного наклонения наличием у них временного значения, рассматриваемые формы прошедшего времени, как показывают наблюдения, образуются только от глаголов совершенного вида. Следовательно, и в отношении категории вида они отличаются от форм повелительного наклонения, образование которых возможно как от глаголов совершенного, так и несовершенного вида (Прокопович 1982: 166—167). Следующее отличие касается категории лица: «Формы прошедшего времени *и скажи*, *возьми и напиши*, *попадись* коренным образом отличаются от форм повелительного наклонения и своим отношением к категории лица. Они могут относиться к любому лицу (к 1-му, 2-му и 3-му), но, как и в других образованиях прошедшего времени, в самой их форме нет указания на лицо. Указание на лицо передается описательно: либо при помощи местоимений (прежде всего, здесь следует отметить широко представленные в языке случаи, когда рассматриваемые формы — глагольные сказуемые — относятся в составе предложения к подлежащему в форме личного местоимения 3-го лица ед. числа), либо отнесением к имени существительному (3-е лицо)» (Там же: 167). Для выяснения грамматической природы рассматриваемых образований представляется важной и показательной возможность их употребления в строе предложения и с личными местоимениями 1-го лица ед. числа» (Там же: 168). Е. Н. Прокопович делает следующий вывод: «Все это свидетельствует о том, что такие образования, как *и скажи*, *возьми да принеси*, *и попадись*, *и покажись*, представляют собой глагольные формы прошедшего времени, омонимичные формам повелительного наклонения. Они, как и глагольно-междометные

формы, занимают в результате развития видовременных отношений русского глагола особое место в системе глагольного слова» (Там же: 168). Что касается их экспрессивности, они характерны, прежде всего, для живой разговорной речи, и их отличает яркая модальность, экспрессивная насыщенность (Там же: 169). А. А. Шахматов связывает эти формы со старым аористом — в них он «[…] видел особое прошедшее время с экспрессивным видовым значением мгновенности, быстроты, резкости действия, отличающееся от прошедшего времени на *-л* отсутствием результативного отношения к плану настоящего, т. е. полным отсутствием оттенков перфективности» (Виноградов 1986: 449).

На основе анализа транспозиционных употреблений императива авторы «Типологии императивных конструкций» приходят к выводу о том, что императивные формы выступают как квазисинонимы форм, обозначающих действия, еще не реализованные к моменту речи (индикативных форм с презенсно-футуральной перспективой, форм косвенных наклонений и конструкций с модальными глаголами) и указывают, что не засвидетельствованы случаи употребления императива вместо форм, иррелевантных к признаку реализованности. «Для глагольных грамматических категорий очень важна демаркационная линия, которая связана с понятием ʻмомент речиʼ и разделяет все действия на реализованные к моменту речи и нереализованные, причем последние включают в себя как действия, которые будут реализованы, но в момент речи еще не реализованы, так и действия, реализация которых не осуществилась и не предвидится. Императив вместе с презентно-футуральными формами индикатива, косвенными наклонениями и конструкциями с модальными глаголами образует множество форм, обозначающих нереализованные действия. Наличие общего смыслового компонента у всех этих форм и создает базу для их взаимной транспозиции, которая в ряде случаев приводит не только к увеличению синонимических средств языка, но и к замещению одними формами других форм, отсутствующих в той или иной языковой системе. Такую транспозицию следует рассматривать как непременный атрибут устойчивой динамической языковой системы, обеспечивающий надежность этой системы и дающий возможность наиболее адекватным образом выразить определенное смысловое задание» (Типология императ. констр. 1992: 49). Далее констатируется, что в эту схему не укладывается взаимная транспозиция императива и перфективных форм прошедшего времени:

> Я уже засыпал, а он *возьми и стукни* кулаком по столу (=*взял и стукнул* кулаком по столу). *Пошли*! (=*Идем*!) *Начали*! (=*Начинаем*!),

«которая обеспечивается, по-видимому, за счет других компонентов значения, а именно значения начала действия, краткости, результативности, неожиданности действия, не вытекающего из сложившейся ситуации, и т. п., что, впрочем, заслуживает специального анализа» (Там же).

17. Повелительное наклонение обычно используется без местоимения, но если оно (2-е лицо) добавляется, смягчается требование или просьба. «В то же время местоимение создает оттенок интимности, близости отношений. Поэтому в резких приказах употребление *вы* невозможно:

Отойдите прочь!; *Замолчите*!» (Гвоздев 1965: 184).

Вот несколько таких примеров с глаголом *спать*:

— Ах, какая прелесть! Ну, теперь спать, и конец. — *Ты спи*, а я не могу, — отвечал первый голос, приблизившийся к окну. (Толстой. Война и мир-www) *Ты спи*, не тревожься. (Спи 16-www) *Ты спи*, дорогой сын, в счастливом сне […] (Ивасюк. Колискова-www). — Слушай, подруга, ты зря нервничаешь, — обратился он к ней. — *Ты спи*, не переживай. (Спи 03-www) Лиля сказала: — *Ты спи*, я пойду порисую. (Спи 12) — *Ты спи* в моей тачке! На заднем сиденье мы будем с тобой. (Спи 14-www) — *Ты спи*. — Не спится. (Спи 20-www)

Их можно найти и в поэзии:

Ты спи и не бойся ненастий,
Тебя огражу я от них.
(Спи 07-www)

Что ж ты, Эсмеральда?
Ты спи на моих руках,
Покойся так на них в веках.
Пой же, Эсмеральда!
(Спи 09-www)

Указывая на то, что препозиция местоимения усиливает категоричность приказания, совета, побуждения, В. В. Виноградов подчеркивает: «[…] местоимения *ты* и *вы* (особенно *ты*) чаще всего ставятся при формах повелительного наклонения в тех случаях, когда от глагола зависит прямой или косвенный объект, выраженный формами местоимения 1-го или 3-го лица. Например:

ты скажи ему, *ты удержи* его от этого решения и т. п.

Кроме того, необходимо заметить, что при соотносительности императивного предложения с другим употребление местоимений *ты* и *вы* в сочетании с формами повелительного наклонения может выражать и другие значения: оно нередко вызывается чисто синтаксическими условиями (логическим расчленением, параллелизмом конструкций и т. п.). Например:

„Ну вот, коль ты — умен, так *ты* его прежде учтивости *поучи*“ (Островский); у Тургенева в „Рудине“: „Я к тебе еще приду, а *ты* не *унывай* и лекарство *принимай* аккуратно“. (Виноградов 1986: 479)

В одном и том же контексте можно употребить повелительное наклонение без местоимения и с местоимением:

Собака просыпается и поднимает голову. «*Спи*, глупая», — говорю ей я. «Это *ты спи*, глупая», — отвечает она. Кладет голову на лапы и вздыхает. (Спи 10-www). Мама открыла глаза и сказала: — *Спи*, еще ночь! […] Но мама прошептала: — Шесть часов. Не буди ты отца, *спи*, пожалуйста! […] — Пять минут седьмого, — сказала мама, — *ты спи*, не беспокойся, я тебя разбужу, когда надо. (Драгунский. Денискины рассказы-www) Ты, Коля, устал сегодня. И водки выпил. *Ты*, Коля, *спи*. И я спать буду, мне ж на работу завтра, во вторую. (Какая-то ерунда). […] а главное, там и делать-то нечего, приедешь — и *спи*, отдыхай. (Евстигнеев. Как курдль-www) Ну что *ты*, *спи*, мой маленький Баскервиль! Ой, да ты совсем мокренький! *Спи*, солнышко! (Спи 13-www)

Усиление значения получается инверсией личного местоимения:

Крепко, крепко *спи ты*. (Спи 01-www)

В. В. Виноградов указывает на то, что присоединением местоимения постпозитивно (если нет оттенка заклинания, брани или пожелания) смягчается тон приказания (Виноградов 1986: 479).

Второй вид усиления — добавление частицы *-ка*:

А *ты спи-ка* покрепче. Мама побудет с тобою. (Леонид Андреев. Цветок под ногою). Уж *ты спи-ка*, *спи* […] (Спи 22-www);

частицы *давай* в постпозиции:

Ты спи давай! (Спи 11);

местоимения *сам*:

Ты сволочь. Ты умница. *Ты спи сама*. (Спи 20-www);

или *себе*:

Не беспокойся. Я специально приехал на ночь — буду к детям вставать, а *ты — спи себе*. (Горланова. Объяснение в любви-www)

Усиление получается повтором формы повелительного наклонения:

На что Валера успокаивающе ответил: «*Ты спи*, *спи*, еще только 5 утра» (Спи 04). А все вместе — дорожки, разрывы, коконы боли, мостики переживаний — это ткань твоей судьбы... да *ты спи*, *спи*, чего ты все таращишься. (Спи 05-www) […] да *ты спи*, *спи*, чего ты все таращишься. Это же я тебе сказку на сон грядущий сказываю. (Спи 06-www)

Повторение может быть прервано обращением:

А *ты спи*, мой мальчик, *спи*... (Спи 15-www).

Перед местоимением иногда появляются союзы типа *и*, *а*, *но*:

(а) Отправили другого шпиона, научив: «Все на лекции будут спать *и ты спи*». (Спи 08-www) Я сплю с другой женщиной — *и ты спи* с другим мужчиной, поняла? (Спи 17-www) […] взял меня за руку и сказал мудрую вещь — вот есть у тебя 10 минут или больше — и *ты спи*!; **(б)** Отцу тоже позвони. Я пошла. А *ты — спи*. И чтобы — никакого чтения! (Спи 18-www) (Спи 19-www) *А ты спи* спокойно и не думай ни о чем […] (Спи 21-www); **(в)** *Но ты спи*, потому что завтра мне надо будет брать тебя за руку и целовать твои губы. (Мобильник-www)

В поэзии:

Кляксона, милая моя,
Ты спи спокойно, детка.
Прости, что вырвать не смогла…
(Вечной Памяти Кляксы-www)

Но *ты спи*.
Сегодня особенная ночь.
(Лобарев. Колыбельное заклинание-www)

Особенно часто местоимение используется в колыбельных песнях типа:

Спи ты, мой хороший,
Скорее засыпай.
Пусть тебе приснится
Кенгуру и попугай.
(Колыбельные для детей-www)

Здесь также часто используется повелительное наклонение без местоимения:

Спи, моя радость, усни!
Усни! Усни!
(Колыбельные для детей-www)

А пока отдохни,
Спи, малышка, усни.
Баю-бай…
(Колыбельные для детей-www)

В поэзии в одном и том же контексте можно реализовать обе возможности:

Любимая, какая ночь сегодня...
Ты спи, твой сон покараулю я.
Спи, лучшее создание Господне,

Единственная женщина моя.
Любимая, *спи*...
(Кухаренко. Зое-www)

18. Особенно экспрессивным (просторечно-разговорным) является повелительное наклонение в сочетании с инфинитивом, используемым в сказуемом в поговорках, пословицах и афоризмах типа:

Шутить шути, да людей не мути. (Даль. Афоризмы, пословицы и поговорки-www). *Любить не люби*, а почаще взглядывай. (Любить — люби 01-www). Жена, ты *любить не люби*, а поглядывай! (Даль. Афоризмы, пословицы и поговорки-www). *Любить* хоть не *люби*, да почаще взглядывай! (Даль. Афоризмы, пословицы и поговорки-www).

19. В сербском/хорватском языке повелительное наклонение употребляется для выражения действия, происходившего в прошедшем, действия, совершаемого по привычке, или действия обычной длительности (реже означает действие совершенное). Поскольку оно используется в повествовании, такая форма называется повествовательным (описательным) императивом. В основе его — народные говоры (в первую очередь, герцеговинские и черногорские, а также говоры южной Сербии)[4]. Вот примеры из рассказа Зиё Диздаревича «Brkina priča o kugi» («Рассказ Брко о чуме»):

[...] narod nejmade kad ni ono najpreče da ujagmi od pobješnjele poplave, nego *rintaj* i *radi* oko kajmekanove kuće dok him voda do pasa ne dođe. (Antologija 1980: 172) [...] dovuče ti taj kajmekam zaptije, a oni *udri* po narodu. (172) Što god nije otišlo u soldačiju, sve je to k'o od nevolje i ne znajući šta bi, udarilo po rakiji, pa *pij*, *opijaj s*e, sve dok neko ne potegnu kamu. (172)

Из примеров видно, что продолжительность действия может подчеркиваться употреблением нескольких форм императива. Использование повествовательного императива позволяет добиться динамичности высказывания. Этой формой более образно описываются события. Существенная особенность повествовательного императива — сопереживаемость происходящему. В связи с этим Митар Пешикан пишет: «Народный рассказчик повествует о прошлом, со слуха (как-то молва передает), стремясь к конкретной достоверности: он почти никогда не вносит в рассказ что-то от себя в такой степени, чтобы непережитое событие представить пережитым. Писатель наоборот, как правило, не только описывает события таким образом, словно он является свидетелем происходившего, но и передает собственные мысли и чувства. Для писателя это — отступление от конкретной достоверности в целях художественной достоверности. А текст, приписываемый действующим лицам, писатель может представить в том или ином стиле. Действующие лица все

[4] Более подробно см. (Pešikan 1956, Popović 1973).

же в основном говорят в стиле устного повествования, что естественно и реалистично, так как и в самом деле так говорят» (Pešikan 1956: 160).

Несмотря на имеющуюся близость, русский драматический императив и сербохорватский повествовательный императив не совпадают. Русская форма используется преимущественно для обозначения совершенного действия, без уточнения длительности его протекания, а сербская / хорватская форма значительно реже образуется от глаголов совершенного вида. Русский драматический императив обозначает действие, неожиданно, вдруг происшедшее в прошлом, а сербский / хорватский повествовательный императив подчеркивает длительность протекания действия, без его ограничения. Повествовательный императив поэтому можно было бы отнести к сфере имперфективности. Однако между ним и имперфектом имеются различия: «В противоположность имперфекту, который выражает действие длительное, но воспринимаемое как статистическое, этой формой выражается динамичное длительное действие как один этап в каком-то определенном конкретном повествовании» (Там же: 153). Примеры перевода романа «Tvrđava» («Крепость») и рассказа «Mustafa Madžar» («Мустафа Мадьяр») показывают, что сербохорватский повествовательный императив нельзя переводить русским драматическим императивом:

> Ja hoću kući, a društvo ne da. Šta si, vele, navalio, sjedi još malo. Te malo *popij*, malo *popričaj*, taman da naiđem na tebe. (Selimović 1970: 75) Собрался я домой, а меня не пускают, посиди да посиди, куда торопиться, выпей еще. Так за разговорами и *засиделся*, потому и на тебя наткнулся. (Селимович 1974: 61) — E, beli, što bijaše jedan, omalen a brz, pa nagô da bježi, a ja se naturim za njim. Pa, kako me je bog dao brza, *poteci*, te *poteci*, te *poteci* [...] (Antologija 1980: 80). Попался вот один, маленький такой ростом, а проворный — как припустил, я за ним. Проворством меня бог не обидел. *Я за ним, за ним, за ним* [...] (Селимович 1974: 58).

20. В русском языке повелительное наклонение иногда выступает в функции сослагательного наклонения, выражая условные действия. Сдвиги такого типа создают определенную экспрессию:

> Да оно, как тебе сказать, и не *случись* у меня этой аварии с коровой, я все равно подался бы из Урюпинска. (Шолохов 1975: 44). *Будь* моя хибарка в другом месте, может, и жизнь сложилась б*ы* иначе […] (15). *Упади* я, — он и пришил бы меня к земле очередью […] (21). Люблю, говорит, больше всего на свете, а ну-ка, *уколи* ее булавкой, она разорвет тебе сердце (Горький 1979: 23). […] и уж коли ему понравился конь, так хоть полк солдат *поставь* сторожить того коня — все равно Зобар на нем гарцевать станет! (23) Да *приди* к нему сатана со всей своей свитой, так он бы, коли б не пустил в него ножа, то наверно бы крепко поругался […] (23—24). […] *моргни* я ему глазом, все они пали бы мне в ноги, *захоти* я того. (30) […] но *исчезни* она — и женщине

нужно быть в двадцать раз умнее мужчины[…] (Гоголь 1962: 463). Как ни *развевайся* вдали плащ красавицы, я ни на что не пойду за нею любопытствовать. (468)

Некоторые такие формы называют квазисинонимами форм желательных наклонений: «Достаточно широко в разных языках императивные (или псевдоимперативные?) формы выступают как квазисинонимы форм желательных наклонений (оптатива, конъюнктива), но обладают при этом большей экспрессией. Особенно активно формы императива используются в сложноподчиненных предложениях, где выполнение одной ситуации обусловливается выполнением другой, например, в условных и уступительных придаточных, обозначая теоретически допустимую ситуацию, при осуществлении которой реальной становится и ситуация, обозначаемая в главном предложении. Допустимые ситуации делятся на гипотетически и реально допустимые. Первые — это ситуации, которые могли бы реально осуществиться до момента речи, обусловливая тем самым осуществление еще одной ситуации, но тем не менее они не осуществились; ср.:

Щепотки волосов лиса не *пожалей*, остался б хвост у ней (Крылов) —

в этом случае в главном предложении употребляется форма желат. накл., подчеркивающая неосуществленность обозначаемой ситуации. Вторые — это ситуации, которые в принципе могут осуществиться после момента речи в будущем, обусловливая осуществление еще одной ситуации; ср.:

— *Привези* он ленту через полчаса, сеанс начнется вовремя —

в этом случае в главном предложении употребляется форма буд. вр., что подчеркивает реальность осуществления ситуации» (Типология императ. констр. 1992: 48). В таких предложениях могут использоваться императивные формы глаголов, у которых по семантическим причинам не может быть повелительного наклонения. «Таковы, например, стативные глаголы, обозначающие неконтролируемое действие:

— *Принадлежи* эта книга мне, я был бы самым счастливым человеком на свете.

Интересно отметить, что в славянских языках при таком употреблении форма 2-го л. фактически становится общеличной […], способной выражать действие любого лица:

— *Приди* я/ты/он чуть раньше, ничего бы не случилось […]» (Там же).

Существует еще один интересный тип употребления такого повелительного наклонения: «Есть случаи, когда императив употребляется для обозначения обусловленной ситуации, выступая в качестве квазисинонима конструкции с модальным словом (*должен*, *вынужден*) и зависимым от него знаменательным глаголом,

чаще всего выступающим в неспрягаемой форме (типа инфинитива), обозначающей зависимую предикацию. В этом употреблении императиву присуще значение долженствования, вынужденности, предписанности, осложняемое значительной экспрессией. Кроме того, в таких случаях обычно выражается заведомо негативная оценка говорящим возникающей ситуации. Предложения этого типа представляют собой противительную конструкцию, в первой части которой обозначается объективно реальная ситуация, выражаемая индикативными временными формами, а во второй — ситуация, реализация которой детерминируется первой ситуацией и которая тем самым не находится под контролем ее агенса, не по своей воле выполняющего действие:

> — Устроили революцию, а мы *жри* (= *должны жрать*) обезьян (А. Толстой); — Поедет по магазинам, наберет товаров, не спрашивая цены, а потом я по счетам и *расплачивайся* (= *должен расплачиваться*) (А. Островский)» (Типология императ. констр. 1992: 48).

В сербском / хорватском языке императив в этом значении не употребляется, и подобные формы заменяются сослагательным наклонением.

21. В поэзии яркая экспрессивность возникает применением радикальных приемов, каким, в частности, являются случаи, когда существительное превращается в повелительное наклонение. Такой пример мы обнаружили в стихотворении А. Левина, заглавие которого предсказывает его неординарность, — «Наклонительное повеление»:

Рыбина, голоси!
Дерево, улетай!
Ижина, *небеси*!
Миклуха, *маклай*!

Спящерица, проснись!
Тьматьматьма, *таракань*!
Яблоко, падай ввысь!
Усадьба летом, *рязань*!

Хлебников, *каравай*
слово свое несъедобное!
Автобус, *трамвай*
все самое красное, сдобное!

Сладкое — поцелуй,
белое — отпусти,
тихое — нарисуй,
гладкое — перешерсти.

Ясного не мути.
Дохлого не оживляй.
Если ты нем — свисти,
если лама — *далай*! (…)

В этом стихотворении существительное стало глаголом: *небеса → небеси*, *таракан → таракань*. Даже формы *маклай* (ассоциация связана с путешественником Миклухо *Маклаем*), *далай* (ассоциация с *Далай Ламой*) являются императивами. Но самое радикальное новообразование мы видим в третьей строфе, в которой от существительного *трамвай* образован глагол *трамваить* (в форме императива). Радикализм проявился и в том, что слово *каравай* является в данном контексте не существительным, а глаголом в императивном значении ‘сделай съедобным’ (хлебниковский прием).

22. Существительное может и по-другому вторгаться в сферу глагола, может «глаголизироваться», создавая особую экспрессию. При этом возникает познавательный конфликт между предметностью, которую выражает корневая морфема существительного, и глагольностью (признаковостью, предикативностью), которую передает аффиксальный показатель. Типичным примером является рекламное новообразование:

«Не тормози. *Сникерсни*!»,

возникшее в 90-е годы XX века. Его первую часть (основу) составляет существительное, вторую — глагольный суффикс *-н-* и окончание *-и*. В данном слове наблюдается довольно странное явление: вербализация субстантива — предметность «процессируется», т. е. она сохраняется, но усложняется процессуальностью. Предметность не исчезает, не растворяется в процессуальности.

Словоформа *сникерсни* состоит из двух частей: субстантивной (*сникерс-*) и глагольной *(-ни*). При помощи первой сообщается о предмете, проводится его идентификация (говорящий находит его в реальном мире), таксономизация (говорящий, а потом и слушающий выделяет его в определенной группе других подобных предметов — «это сладкий батончик») и номинация. Таким образом, первый элемент *сникерс-* выполняет референтную функцию. Лексическая группа, к которой принадлежит *сникерс*, является а) конкретным предметом; б) продуктом питания; в) батончиком; г) сладким и питательным шоколадом (поэтому в витринах магазинов часто встречается надпись *шоколад «Сникерс»*). Несколько предметов из этой группы являются его конкурентами, в первую очередь, сникерс и марс (имеется в виду шоколадный батончик «Марс»). Оба имеют различные слоганы в рекламе. Слоган марса: Энергия твоего дня! следует за эйнштейновской формулой $E = Mc^2$, в которой E обозначает энергию, M подразумевает «марс», а C — скорость жизни. Такая реклама ориентирована на интеллектуалов и на молодых людей. Ориентация производителя сникерса направлена на активных молодых людей, т. е. на подрост-

ков: «Не тормози. *Сникерсни*!»[5]. В качестве третьего рекламного конкурента можно добавить Twix (с двумя палочками, что обыгрывается в анекдотах), телевизионный слоган которого не содержит никакой мистификации. Он призывает очень просто и четко: «Сделай паузу! *Скушай* Twix!». Батончик «Баунти» рекламируют как «Райское наслаждение» (ассоциация не только гастрономическая, но и эротическая: *Баунти* олицетворяет женщину и в анекдотах используется как лицо женского пола).

Некоторые уже окрестили слоган *Сникерсни*! как новояз. Об успешности и оправданности этого нововведения мнения расходятся. Одни считают, что оно является очень удачным, экспрессивным и целесообразным. Для них реклама с «прекрасным миром» великолепна и представляет гимн «поколению *сникерсни*, накати пепси и тормозни автобус ОМОНом» (Сникерсни 01-www). Поэтому не случайно на московском рекламном конкурсе в 1998 году граффити из серии «Не тормози, *сникерсни*!» заняли третье место в категории «Продукты питания». Другие имеют противоположное мнение и данный слоган относят к наглой, лживой, подлой, даже гангстерской рекламе[6]. Многие констатируют, что здесь речь идет о странном призыве (Сникерсни 02)[7]. Отрицательная реакция особенно часто связана с самим рекламным жанром[8]. В ежедневной электронной газете «Утро» от 23 ноября 1999 года (Сникерсни 05-www) в статье «Заболеть рекламой» констатируется: «Удивительно, что “больны” рекламой не только дети. Порой вполне взрослые и солидные люди, упершись взглядом в “ящик для идиота”, безумно поглощают рекламное варево. […] по мнению психологов, современная реклама предназначена

---

[5] Данный слоган немножко ассоциируется с девизом генерала Александра Лебедя: «Упал, отжался». Поэтому не случайно, что в духе лебедевских афоризмов пошли переделки типа: «*Сникерснул*, упал, отжался!»

[6] Это разнообразие вызвано и тем, что русская телевизионная реклама зародилась недавно, у нее нет традиции и опыта.

[7] В некоторых реакциях данная глагольная форма ставится в ряд других: *купи*, *посмотри*, *отдохни*, *сникерсни*: «Что нынче волнует потребителя? Нормальное сочетание цены и качества товара (или услуги). И когда первое вполне устраивает человека, то он становится далеко не равнодушен ко второму. Что понятно и естественно. Особенно в последние годы, когда прилавки буквально ломятся от громадного многообразия товаров, хороших и разных, а навязчивая реклама рекомендует всем и каждому — купи, посмотри, отдохни, *сникерсни* и т. д.! Но бог с ней, с рекламой! Как никак — она “движитель прогресса”. Да и цены, при том, что обнаружили вдруг тенденцию роста, никак не связанную с отношением родного рубля к заокеанскому доллару, — тема другого разговора. Ибо поговорить хочется именно о качестве» (Сникерсни 03).

[8] Так Ольга Шестопалова проводит анализ рекламы в статье под заголовком «Это страшное слово — реклама» (еженедельная газета «ТВ+») и констатирует, что в среднем на одного человека приходится порядка 75 роликов в день и более тысячи в год (Сникерсни 04).

не столько для информации, сколько для "вторжения в разум человека с целью подчинить его волю, навязать свой стереотип поведения". Не случайно все исследования показывают, что среди любителей рекламы всегда преобладают женщины и дети, то есть группы со слабой толерантностью к "промывке мозгов". Теперь я понимаю, почему мой сынок с таким вниманием пялится на экран. Пройдет немного времени, и он начнет выдавать цитаты, типа: "Не тормози. *Сникерсни*!" […]». В анализах влияния рекламы все больше говорится о воздействии постоянного мелькания товара перед потребителем, пресловутом 25-м кадре и зомбировании через телеэкран. Особенно отрицательную позицию к *Сникерсни*! занимают люди пожилого возраста, что и понятно, так как речь идет о нестандартной рекламе или, как любят рекламисты говорить, рекламе «в кайф». Отрицательная реакция у тех, которые не любят рекламу и которые телевизор считают «главным демоном нашего времени»[9]. Один из критиков пишет: «Я не знаю, сколько брома надо принимать ежедневно, чтобы создавать такие произведения, и не знаю, проведены ли свинцовые трубопроводы в столовые копирайтеров. — Я знаю одно — после таких текстов дизайн должен тихо подняться со стула и пустить себе пулю в висок. Потому что жить с этим рядом нет никакой возможности». (Сникерсни 06-www) В «Огоньке» от 14 декабря 1998 года автор статьи «Россия подсела на рекламу» Влад Васюхин называет *сникерсни* неуклюжим и добавляет: «Очень сомневаюсь, что он приживется, как не прижилась у русских лесорубов привычка утолять голод шоколадкой, а у комбайнеров — маргарином "Рама". Кстати, слышали анекдот: Что думают покупатели о вкусе маргарина "Рама"? — Дерево оно и есть дерево… "Сникерсни". Звучит как изысканное ругательство, как допустимый эвфемизм. Этот птичий язык активно используют не только потребители товаров и услуг, но и те, кто его придумывает и насаждает. Когда намедни я спросил у одного крупного рекламного деятеля о нынешнем состоянии его бизнеса, он ответил предельной рекламной строчкой: "Не сухо и не комфортно"». Другие журналисты задают вопросы, надо ли так отрицательного реагировать на подобную рекламу. Так, Тамара Виркунен пишет в «Аргументах и фактах» от 10 мая 2000 года: «"Опять эта ненавистная реклама!" — так восклицает каждый из нас по нескольку раз за вечер. Когда мы слышим: "Я открыла для себя прокладки „Олвейз" — сухо и комфортно" — "С „Тайдом" я готова ко всему" — "Не тормози! *Сникерсни*!" и так далее — мы готовы хвататься за пистолет. А стоит ли?» Она правильно замечает, что чем больше рекла-

[9] «Большинство рекламных роликов не выдерживает проверку простейшей логикой. Сразу становится понятно, что в реальной жизни люди так не поступают и не говорят такими кривыми и неестественными фразами… Достаточно один раз повторить любой из них, вдумываясь в его буквальный смысл, как выясняется, что вдумываться не во что. Потому что совместить в одной фразе (причем желательно в рифму) название продукта, описание его положительных качеств и призыв к его приобретению можно только такой ценой. Думайте, и никакие "не тормози — *сникерсни*!" и "только Тампакс" не застрянут у вас в голове тупой речевкой» (Сникерсни 24-www).

ма раздражает, тем лучше запоминается[10]. Об этой губительности пишут и другие, например: «Кровь стынет в жилах от прочитанного. Ведь это же м ы , это н а ш и дети. Можно сколько угодно клеймить позором как тех, так и других. А в это время ежеминутно на этих же детей сыплется наслаждайся, оттянись, не тормози — *сникерсни* и т. д и т. п. Мы хоть когда-нибудь задумаемся о том, что природа не терпит пустоты, а броуновское движение души не признает границ в моменты крушения идеалов» (Сникерсни 07-www). В одной статье рекламу «Не тормози, *сникерсни*» окрестили как использование «псевдошизоидных» образов и моделей поведения: «Некоторые рекламы, ориентированные на молодежь (типа “Не тормози, *сникерсни*” — “Стена”), использовали типичные для телепрограмм MTV “псевдошизоидные” образы и модели поведения. Впрочем, эти исключения, скорее, оттеняли общий высокий уровень конкурсной программы, не делая погоды». (Сникерсни 08-www) А преподаватель кафедры экономической теории Т. Д. Нураева в лекции по ценообразованию говорит: «Поймите, что когда вы покупаете *сникерс* в ларьке, то таким образом вы покупаете иностранную рабочую силу, в лице *сникерса*! Да!» (Сникерсни 09-www). Другой преподаватель — В. Ф. Мисюченко (кандидат философских наук, заместитель руководителя Пресс-службы Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации) пишет: «Наша политическая реклама убивает искусство политического убеждения. За редким исключением. К сожалению, очень много копирования зарубежных образцов рекламы, не работающих у нас. Пытаются привить российскому гражданину привычки зарубежного потребителя рекламы. Но это также невозможно, как и заставить нас признать слово “сникерсни” явлением русского языка». (Сникерсни 10-www)

Императив *сникерсни* все чаще встречается в языке СМИ и повседневной речи[11]. Обыгрывание данного новообразования (назовем это «сникерсированием»), охватывает уже и художественные произведения. Вот пример из одной студенческой сказки.

> И вот Раиса Ефимовна начала читать оценки. После девятой или десятой двойки, Катя в ужасе посмотрела на Кирилла и начала общаться с ним

---

[10] И добавляет: «Судя по тому, какие сюжеты у нас “крутят” чаще всего, нас смело можно назвать страной вечного кариеса и разнообразных прокладок.» Далее эта журналистка приводит данные социологического опроса, согласно которому реклама раздражает 59% подростков и 73% взрослых.

[11] Появляются и анекдоты типа: «Учитель физики рассказывает на уроке пример: — Вот представьте, едете вы на машине, вдруг видите — впереди человек идет. Вы резко тормозите... — С задней парты раздается голос: — Не тормози, *сникерсни*!» (Сникерсни 11-www) Или: «Ехал Володя на машине ночью. Свет фар выхватил из темноты девушку, которая присела на дороге, чтобы завязать шнурок. Володя занес ногу над тормозом, но вдруг вспомнил: “Не тормози — *сникерсни*!” и крепко задумался». (Сникерсни 12-www)

знаками. Она указала пальцем на себя, а потом показала 2 пальца. «Нет, не двойка», — помотал головой Кирилл. Тогда Катя показала 3 пальца, а получив отрицательный ответ, — 4. Но когда и на 4 он отрицательно покачал головой, Катя с круглыми от удивления глазами показала Кириллу всю пятерню. Он утвердительно кивнул и рассмеялся. Катя облегченно вздохнула, а затем показала на Лену, и Кирилл проделал то же самое. Только после отрицательного ответа на 4 пальца Катя и Лена в радостях тихо крикнули «Yes!» и дружно откусили с разных концов от Катиной шоколадки «Южный Урал». Они победили Раису Ефимовну. — Не тормози — *сникерсни*! — прокомментировал Кирилл, за что Раиса Ефимовна как-то странно посмотрела на него, а он сказал ей в ответ, — По-нашему — это шок! — Да, мало кто сдал экзамен! Мало кто! Счастье тем, у кого Кирилл работы проверял! Хоть чуть-чуть человеческих оценок в ведомости добавилось. Слишком жестоко ставила оценки Раиса Ефимовна. Мало кому повезло! Многие остались на апелляцию, но мало у кого получилось. Кате надоело все это ждать и она достала Кириллу и Лене почитать для прикола: «13 заповедей студента». (Сникерсни 13-www)

Форма *сникерсни* вторгается и в речь персонажей, для которых она не очень характерна и не звучит естественно. Даже Дед Мороз начал говорить:

Сникерсни не тормози. (Сникерсни 17-www)

У некоторых машин стоит на заднем стекле надпись «Не тормозни — *сникерсни*». Под впечатлением этого слогана появляются предложения новых рекламных лозунгов типа:

Не тормози — *Памперсни*! (Сникерсни 18-www)

или:

«Если диарея застает вас врасплох — не тормози, *сникерсни*!» (Сникерсни 19-www).

Второй элемент императива *сникерсни* — суффикс *-ни-* выводит понятие из сферы предметности. Он указывает на то, что совершается определенное действие по отношению к данному предмету (сникерсу). В русском языке такого глагола не было до появления данной рекламы, он представляет собой семантическую «сгущенку» и его скорее надо его рассматривать как свернутое предложение, чем отдельное слово. Одним из аргументов является и то, что в левом контексте уже есть императивное предложение, правда отрицательного характера. В нем существует начальный (тематический) и конечный (рематический) компонент. В коммуникативном фокусе находится не первый, субстантивный сегмент (*сникерс*), а второй, глагольный (*-ни*). Другими словами, актуализация проводится морфемой *-ни*.

Слоган «Не *тормози — сникерсни*!» представляет собой текст, состоящий из двух предложений. Первое — императивное предложение с отрицанием (*Не тор-*

мози!), второе — императивное предложение с ассерцией (*Сникерсни*!). Ни в одном из них нет имени. Но в обоих предметность налицо. Она заложена в семантике глаголов *тормозить* и *сникерснуть*. Первый предмет мог вызвать появление второго, точнее есть взаимообусловленная связь, в которой предмет **А** (*тормоз*) влечет за собой появление предмета **В** (*сникерса*)[12]. Можно догадываться, какой смысл заложен в императивное предложение *Сникерсни*! Это может быть: ʻкупи, попробуй, возьмиʼ и т. д. На одном из русских чатов участникам задан вопрос: *Что значит* «*сникерсни*»? Получены ответы типа: «Только ненада, ненада тормозить!» — «жри *сникерс*, сволочь, мы столько денег вбухали», — «*Сникерснешь* — узнаешь», — «просто повелительное наклонение глагола "*сникерснуть*"», — «Это как сникерс с ним, только *сникер* ушел» — «кончай скорее» (Сникерсни 20-www)[13].

У данной формы пока нет стабильной и законченной парадигмы, хотя возникают отдельные попытки расширить его употребление. Этот глагол встречается в форме инфинитива совершенного вида (*сникерснуть*), инфинитива несовершенного вида (*сникерствовать*), будущего времени (*сникерснете*) и причастия (*сникерствующие*). Но парадигма постоянно расширяется[14].

Данный слоган является русской «разработкой». На многие языки трудно его перевести, сохраняя все формально-семантические компоненты, не только в силу неординарного новообразования, но и из-за того, что он относится к группе глаголов, очень своеобразной и трудно переводимой (глаголов с суффиксом *-ну-*ть, имеющих, как правило, разговорный или просторечный характер и выражающих однократность, порой мгновенность действия). Число таких отыменных глаго-

---

[12] Одни считают, что слово *тормозить* пришло из транспорта: «Недавно задумался, как много терминов пришло к нам из транспорта. Причем словари не успевают отражать новообразования: *Тормозить* — Не понимать, затрудняться с ответом, реакцией. *Не тормози, сникерсни*! Таким же образом трактуются и следующие глаголы: *въехать* — понять, осознать что-либо. *Ты не* въехал*? Выхлоп* — чистая прибыль. *Тут* выхлопа *не будет. Заехать* — ударить с размаху. *Ну Петр ему и заехал. Подъехать* — подойти с предложением. *Подъехал к шефу насчет премии. Съехать* — 1) распоясаться (*Съехал с тормозов*); 2) сойти с ума (*С катушек съехал совсем*). *Тормозной* — вялый, тупой» (Сникерсни 22-www).

[13] Не случайно при голосовании ответ «Жри *сникерс*, сволочь, мы столько денег вбухали» получил больше всего очков.

[14] Так, в конкурсе на одном русском чате надо было продолжить предложение: «Скажи спасибо, что мы таем здесь, а не в руках» (Сникерсни 21). Оно породило 25 «связанных» ответов. Для данной темы интересно, что после 11-го ответа: «Не падай духом, ведь дома нас Баунти ждет! — Какая в жопу Баунти, когда у меня весь арахис давно уже в ботинки сполз!!!», последовал 12-й: «План вместе "сосали", а глюки так один смотришь», а потом и 13-й: «Второй Сникерс нервно орет: — *Сник*! *Сник*! Первый очнулся из небытия: — Что? — Куда подевался мой второй носок? Первый, обводя пустыню отсутствующим взглядом: — А куда бы делся ты?»

лов довольно большое, но мало «предметных» глаголов (прежде всего глаголов, включающих объект действия) типа *звездануть* (прост.) ʻсильно и резко ударить', *клюнуть*/*клевать* ʻбранить, нападать на кого-н.' (разг.), *козырнуть*/*козырять* разг. ʻвыставлять что-н. на вид, хвастаться', *пульнуть*/*пулять* прост. ʻбросать чем-н. куда-н. или в кого-н., палить', *чебурахнуть* (прост.) ʻбросить или ударить с шумом', *чебурахнуться* ʻупасть или удариться с шумом' (прост.)[15]. Глагол с суффиксом *-ну- тормознуть* мог подготовить деривационную основу для появления глагола *сникерснуть*.

В сербском/хорватском языке в качестве эквивалента может выступать глагол с суффиксом *-nu-*, *-ovati* или *-irati*: *snikersnuti*, *snikersovati*, *snikersirati*, и слоган мог бы иметь следующую форму:

Ne koči. *Snikersni*!, Ne koči. *Snikersuj*! или Ne koči. *Snikersiraj*!

С английским языком проблема более сложная, так как в нем уже существует существительное *snickersnee*, которое обозначает длинный нож, кинжал и поножовщину (шутл. — Большой англо-русск. сл. 1998)[16]. Поэтому, англичане могли бы понять, что их призывают:

Не тормози. — Бери нож! Давай ножом! Давай рубить! и т. п[17].

На немецком языке можно образовать глагол *snickersieren* и сказать:

Nicht bremsen! Bitte, *snikersieren* Sie!

Но такой слоган отсутствует. В других языках ситуация, наверно, подобная.

23. В отдельных функциональных стилях императив по-разному употребляется. В ЛФС он получает различные функции. Используя его, можно переходить из одной семантической целостности в другую. Так в «Судьбе человека» М. А. Шолохов

---

[15] Толкования даются по (Ожегов, Шведова 1996).

[16] Глагол to *snick* имеет ряд значений, напр. *Snick* — v. 1. make a small notch or incision in. 2. Cricket deflect (the ball) slightly with the bat. — n. 1. small notch or cut. 2. Cricket slight deflection of the ball. [snickersnee long knife, ultimately from Dutch]; *snicker* n. & v. = *snigger. [imitative]; *snigger* -n. half-suppressed laugh. — v. utter this. [var. of *snicker]. (Oxford Dictionary 1996) В. Г. Костомаров считает, что в *сникерсе* речь идет о значении «хрустеть» (Костомаров 1999: 118). Он приводит толкование одного журналиста, который, по его мнению, не различает долгие и краткие согласные в английском языке: «Все в "сникерсах" — это не шоколадка, а кроссовки, кеды. От глагола "ту сник" — проскальзывать, прошмыгивать бесшумно, шоколадка тоже, надо полагать, в глотку проскальзывает с шумом только для кармана мамы-папы» (Сникерсни 22).

[17] Это напоминает одну рекламу в сараевской газете «Oslobođenje» в 80-е годы: накануне мусульманского праздника байрама какой-то мясник дал объявление и предложил услуги в форме: Koljem po kućama (ʻЯ режу по домам').

сначала сообщает, что главного героя немцы взяли в плен («Попробовал и говорит: “О-о-о!” — и показывает на дорогу, на заход солнца. *Топай*, мол, рабочая скотина, трудиться на наш райх».). В нескольких местах его рассказ прерывается употреблением императива, которым привлекается внимание собеседника:

> Норма — четыре кубометра в день на душу, *заметь*, на такую душу, какая и без этого чуть-чуть, на одной ниточке в теле держалась (Шолохов 1975: 28). И *заметь*, браток, что... (36)[18].

Экспрессивность императива иногда выражается в виде общей лексико-грамматической коннотации (как результат выбора стилистически маркированного глагола и свободного выбора императива):

> Ходит, пыхтит, как паровоз, а жрать сядет — только *держись*. (33)

Нюансирования можно достигнуть при помощи глаголов как совершенного, так и несовершенного вида. В следующем примере при обращении к собеседнику употребляется *давай*, а при обращении к себе — *дай*:

> *Давай*, браток, перекурим, а то что-то удушье давит. (37) *Дай*, думаю, зайду, перекурим вместе. (10)

Императив часто используется в идиоматических сочетаниях:

> *Возьми* же себя в руки, милая Иринка! (15) Один черт мне умирать, так *провались* ты пропадом со своей водкой! (30) И *скажи* на милость, откуда эта детская похвальба у меня взялась? (36) Не *дай* бог никому таких писем получать!.. (36) Как ни *крути*, а мой родной сын — капитан и командир батареи, что не шутка! (38) А той — *подай* бог, она еще пуще разливается, прямо-таки размокла вся! (42)

Двойной императив, в составе которого первый образован от глаголов *смотреть* или *глядеть* и служит для выражения предупреждения, а второй носит разговорный характер:

> Только, *гляди*, ноги не промочи... (11)

Императив от глагола *сказать* может употребляться и в значении модальной частицы *скажем*:

> И боль во всем теле такая, как, *скажи,* меня двое суток подряд били чем попадя. (19)

Употреблением императива можно усилить лаконичность выражения:

---

[18] Более подробно о *сникерсни* см. (Тошович 2001).

А тут вот она, война. На второй день повестка из военкомата, а на третий — *пожалуйте* в эшелон. (15)

Императив может использоваться как один из элементов (один из компонентов) сравнения:

Целый день дождь шел, лохмотья на нас хоть *выжми*: все мы на холодном ветру продрогли, как собаки, зуб на зуб не попадает. (20)

Здесь имеется в виду ʻлохмотья у нас так промокли, что их можно выжиматьʼ.

24. Особую экспрессивность имеют эллиптические (безглагольные) императивные конструкции, т. е. императивные конструкции без императива. «Употребление эллиптических императивных конструкций характерно для стандартных ситуаций, в которых каузируемое действие обычно заранее известно исполнителю. Для большинства таких ситуаций (если не для всех) характерен дефицит времени, и лаконизм императивных предложений оправдывается своевременным и, следовательно, успешным исполнением каузируемого действия» (Храковский, Володин 1986: 173). Типичным примером императивных предложений без императива являются военные команды:

Батарея, подъем! (Команда 01-www) Чтобы проверить психологическую подготовку военных, студент крикнул одну из военных команд «*Вспышка слева*». (Команда 02-www)

Все эллиптические императивные конструкции можно разделить на три группы (Там же: 174). В предложениях первой группы представлены актанты (чаще всего один), т. е. элементы, участвующие в толковании эллиптированного глагола» (Вертящее колесо! = ʻснимайте вертящее колесоʼ). В предложениях второй группы представлены сирконстанты (чаще всего один), т. е. элементы, не участвующие в толковании эллиптированного глагола:

— *Да* тише ты! = *Веди* себя тише.

В третью группу входят предложения, состоящие из одного звательного падежа, который нередко вообще не включают в состав императивного предложения:

(*Товарищ*! *Гражданин*!), см. (Там же: 175).

Эллиптические императивные конструкции мы называем императивными зероплазмами (подробнее см. ниже).

25. В поэзии наблюдается высокая частотность императива. Это связано с тем, что поэты очень часто к кому-нибудь обращаются (к отдельным лицам, группе лиц, природе и т. п.). Обращение иногда имеет форму повторения императива:

Прости. Не *помни* дней паденья,
Тоски, унынья, озлобленья,

Не *помни* бурь, не *помни* слез,
Не *помни* ревности угроз.
(Н. А. Некрасов. Саша)

Скопление императива может быть двусоставным:

Помедли, *помедли*, вечерний день,
Продлись, *продлись* очарованье [...]
(Ф. И. Тютчев. Последняя любовь);

многосоставным:

Молчи, *скрывайся* и *таи* [...]
(Ф. И. Тютчев. Silentium);

может находиться на выделяющихся местах, как, например, в начале и в конце стихотворения:

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.
(А. С. Пушкин. Зимний вечер)

Экспрессивность императива может усиливаться использованием различных императивных форм от различных глаголов, скажем в «Вакхической песне» А. С. Пушкина мы находим следующие формы: *раздевайтесь*, *наливайте*, *бросайте*, *подымем*, *содвинем*, *гори*, *да здравствует*, *да скроется*.

При помощи императива поэты иногда описывают природу:

Шуми, *шуми*, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
(А. С. Пушкин. Погасло дневное светило)

В поэзии он также может транспонироваться в поле темпоральности:

Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — все *молчи*!..
(М. Ю. Лермонтов. Смерть Поэта)

В ряде стихотворений А. В. Кольцова эмоциональное и стилистическое наполнение концентрируется в императиве (Жиляков 1966б). Здесь заметно использо-

вание местоимений в повелительном наклонении (в некоторых исследованиях это происходит в 20% случаев), что повышает аффективный план изложения[19].

26. Статистические показатели свидетельствуют, что императив не обладает высокой частотностью. В нашем материале, содержащем тексты всех ФС, он составляет всего 5% глагольных форм (в ЛФС — 3,3%). Больше всего он представлен в РФС (13%). А. Н. Васильева это объясняет так: «В разговорной речи императив более активен, чем в других функциональных стилях (научном, газетно-публицистическом), поскольку функция волеизъявления наиболее актуальна именно при живом общении людей в повседневной жизни» (Васильева 1969б: 39). Г. Г. Йоссельсон отмечает меньший процент употребления императива в РФС (совершенный вид — 11,1%, несовершенный вид — 11,2% (Josselson 1953: 86). Он указывает на исключительно низкую частотность в неразговорных, письменных стилях (совершенный вид — 0,4%, несовершенный — 0,5%). В поэзии XIX века В. В. Евстафьева находит 3,65% (Евстафьева 1970: 86). Частотность употребления императива различна в личных формах — в нашем материале наиболее частотные формы 2-го лица единственного числа (в «Макаре Чудре» их даже 92%, а в «Даме с собачкой» — 44%). Остальные личные формы имеют следующие показатели: в «Даме с собачкой» 1-е лицо множественного числа — 25%, 3-е лицо единственного числа — 6%, в «Макаре Чудре» 2-е лицо множественного числа — 4%, 3-е лицо единственного числа — 3%, 1-е лицо множественного числа — 3%.

Данные, полученные в анализе материала на сербском/хорватском языке, аналогичны: в повести Петра Кочича «Kroz maglu» («Сквозь туман») имеется 2,3% словоформ императива, а в рассказе Иво Андрича «Put Alije Đerzeleza» («Путь Алии Джерзелеза») — 2,1%. В тексте «Mustafa Madžar» («Мустафа Мадьяр») их число несколько меньше — 0,9%. Формы множественного числа значительно чаще употребляются, чем формы единственного числа. Как и в русском языке, 2-е лицо намного шире используется, чем 1-е и 3-е лицо.

27. В НФС употребительность императива не превышает 1%, что составляет ничтожно малую долю и что привело некоторых исследователей к мысли о том, что в научной речи практически отсутствует императив (Васильева 1976б: 118). Несколько большая употребительность императива отмечается в научно-учебном подстиле, а особенно в формулировках заданий. Отсюда и одна из особенностей НФС — инклюзивный императив (императив совместного действия), совпадающий с формами 1-го лица множественного числа настоящего времени, т. е. будущего времени типа *вспомним*, *давай/те вспомним* — *sjetimo se*. Поэтому нелегко

---

[19] Более подробно о стилистических характеристиках русского императива см. (Шмелёв 1955, Андреева 1973). О субстантивации глагола с императивом в пословицах и художественной литературе типа *Встань кормит, а лень портит* см. (Лукин 1973). О природе императива в русском и сербском/хорватском языке см. (Tošović 1988).

провести разграничение (лишь в контексте можно определить, о каком значении идет речь). В НФС инклюзивный императив выполняет две функции: 1) побуждения автором обобщенного собеседника к совместному действию в нужном направлении; 2) выражения автором готовности к выполнению действия вместе с читателями (Stojanović 1989: 128). Эти синтаксические конструкции представляют собой способ сближения автора с читателями и попытку сконцентрировать их внимание. Андрей Стоянович констатирует, что в рамках НФС инклюзивный императив связан с жанрами научно-технической литературы. Предикативную основу этих конструкций почти всегда составляют формы глагола типа *докажем*, *возьмем*, *перенесем*, *проведем*, *рассмотрим*, *вычислим*, *найдем*, *отложим*, *представим себе*, *введем*, *проследим*, *выясним*, *примем*, *дополним*, *разделим*, *подставим*, *обозначим*, *поместим*; *будем обозначать*, *будем рассматривать*; *обращаем внимание* и др. (Stojanović 1989: 130). Далее констатируется, что инклюзивный императив присущ и НФС сербского / хорватского языка[20] и что он наиболее частотен в школьных учебниках математики и физики. Предикативную основу предложений в сербском/хорватском НФС большей частью, по мнению А. Стояновича, составляют формы инклюзивного императива от так называемых оперативных глаголов *razmotrimo*, *odredimo*, *nađimo*, *ilustrujmo*, *pokažimo*, *posmatrajmo*, *analizirajmo*, *izvršimo množenja* или *pomnožimo* и др. В сербском / хорватском языке побуждение к совместному действию может выражаться 1-м лицом мн. ч. настоящего времени и будущего времени, употребленным в модальном значении (*pišemo*, *nacrtaćemo*). В заключении автор говорит, что эта форма в обоих языках больше всего представлена в учебной научно-технической литературе (преимущественно в учебниках по математике и химии).

28. Употребление императива в ОФС связано с волюнтативным характером этого стиля (Логинова 1975: 13) и является нейтральным. Оно варьируется от жанра к жанру. Так, в Конституции СССР и Уставе КПСС мы не нашли ни одной формы императива (если не принимать во внимание лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»). Императив имеет заметную частотность в документах приказного типа. В переписке он также встречается, при этом здесь имеет место неодинаковая дистрибуция личных форм — 1-е лицо больше связано с частной перепиской, а 3-е лицо — с деловой (Лившиц 1969: 101). Императив особенно часто присутствует в лозунгах, особенно в тех, которые публиковались в СССР накануне государственных праздников. Скажем, в обращении советского руководства к народу по случаю Первого мая 1982 года употреблено 106 форм императива, и он стал наиболее частотной формой глагола (чаще всего используется 2-е лицо — 66 раз, затем конструкция *да здравствует* — 18 раз, 1-е лицо мн. ч. — 9 раз, 3-е лицо ед. ч. — 9 раз) — Правда, 11 апреля 1982 года, с. 1). В лозунгах, которые преоб-

[20] В сербохорватской терминологии эта форма называется императивом 1-го лица множественного числа.

ладали в советском обществе, призыв выражался безглагольным предложением типа:

> Все — для блага человека, все — во имя человека! Мир и счастье — детям всей Земли! Экономике — интенсивное развитие! Миру — мир! Слава народу!

Иногда обозначался адресат:

> Советские ученые, *повышайте* эффективность исследований!

29. Функционально-стилистические свойства сербохорватского повелительного наклонения мало изучены. Единственную известную нам серьезную попытку такого рода представляет работа Срето Танасича «Об императиве в сербском/хорватском языке» (Tanasić 1984). В ней констатируется, что императив достаточно широко распространен в современном сербском/хорватском языке. «Он имеет место в разных языковых стилях, а особенно распространен в литературно-художественном стиле». (Там же: 25). В художественных произведениях употребление императива неодинаково. Так, в романе Анджелко Вулетича «Deveto čudo na istoku» («Девятое чудо на востоке»), императив довольно часто употребляется (поскольку имеет место диалог), а в романе Иво Андрича «Travnička hronika» («Травницкая хроника») встречается очень редко. В учебной литературе императив не в одинаковой степени используется в разных областях преподавания. «В одних учебниках он появляется в текстах очень часто, а в других очень редко. Часто появляется в учебниках физики, химии, математики. Это связано с особенностями предметов преподавания, из чего и следует метод и разработка отдельных тем. Здесь необходимо постоянное участие учащихся во время подготовки и проведения определенных операций и экспериментов. В текстах учебников по этим предметам формой императива дается указание учащимся, какие операции в данный момент нужно производить» (Там же: 17). В других справочниках, за исключением текстов заданий, императив появляется очень редко. В языке печати императив часто используется в интервью (в форме вопросов).

Экспрессивность императивных форм может рассматриваться с точки зрения оправданности, вежливой формы обращения и регламентации их употребления, точнее, — границ стилистического речевого этикета[21].

---

[21] Этому вопросу посвящена десятая глава книги «Типология императивных конструкций» (Храковский, Володин 1986: 211—226).

Сослагательное наклонение

0. Сослагательное наклонение служит для выражения желания, возможности, уверенности, намерения, условия и т. п. Его семантику можно соотнести с высказыванием и ситуацией, как это делает Т. В. Парменова. Она выделяет три вида отношений содержания высказывания к действительности и различает пять типов соотношения гипотетической и реальной ситуации (Парменова 1975в: 4).

1. Для выражения желательности действия в русском языке существуют различные способы. Ср.:

Я *хочу*. — Мне *хочется*. — Я *хотел бы*. — *Хотелось бы*.

Личная форма содержит ноту активности и уверенности, безличная отличается пассивностью и инертностью, а сослагательное наклонение выражает мягко, некатегорично и ненавязчиво желание. В случаях употребления сослагательного наклонения в значении изъявительного наклонения может иметь место совпадение речевого акта и самого действия, и тем самым усиливается значение вежливости, учтивости, осторожности (Там же: 7). Р. А. Кулькова констатирует, что в предложениях типа:

Я *советовал бы* вам написать ей обо всем более подробно.

подчеркивается ненавязчивостъ, некатегоричность (Кулькова 1979: 96). Она также отмечает широкое использование в письменных и устных стилях конструкции:

Я *сказал бы* (я *бы сказал*)

в значении ʻя думаю’, ʻмне кажется’. Для нас важен ее вывод, что использование сослагательного наклонения в значении изъявительного наклонения имеет высокую частотность и является распространенным способом выражения мыслей.

2. В отличие от русского языка, в сербском / хорватском языке имеется два вида сослагательного наклонения: настоящее (краткое) и прошедшее (полное). Первое образуется от ударной формы аориста вспомогательного глагола и причастия прошедшего времени на *-л* знаменательного глагола (*pisao bih*). Второе состоит из сослагательного наклонения настоящего (краткого) и причастия на *-л* спрягаемого глагола (*bio bih pisao*). Эта форма реже употребляется. Иосип Томич замечает, что

штокавец из материковых областей, «из центра штокавщины», чувствующий свой язык, никогда не скажет:

Da si mi zaiskao odijelo, *poklonio bih* ti ga *bio*, a «[…] *poklonio bih* ti ga». (Tomić 1970: 403).

Он заметил, что студенты родом из городов Хорватского приморья и Далмации употребляют полную форму, а с островов — пользуются только одним живым сослагательным наклонением (кратким).

3. А. Г. Широкова считает, что основной смысловой элемент категории наклонения — модальность — является предпосылкой для употребления категории наклонения в переносной, вторичной функции (Широкова 1983а: 87). А предпосылку транспозиции сослагательного наклонения в область изъявительного наклонения она видит в характеристиках действия по признакам реальности / нереальности, уверенности / неуверенности и др.

4. В сербском / хорватском языке сослагательное наклонение вступает в отношения с настоящим временем типа *Htio bih* da čitam ↔ *Hoću* da čitam[1]. Анализируя употребление форм глагола в относительных предложениях типа:

Ide svaki dan na pijacu *da kupi* namirnice // *da bi kupio* namirnice,

Боголюб Станкович делает вывод, что выбор между настоящим временем и сослагательным наклонением для обозначения сказуемого не всегда возможен: «В многочисленных предложениях с тождественным лексическим составом взаимозамещение сослагательного наклонения и настоящего времени приводит к изменению семантико-синтаксической структуры таким образом, что настоящее время придает предложению желательный (пояснительный), а сослагательное наклонение — результативный оттенок. Сравните:

Nije se protivio da ga *puste* — Nije se protivio da *bi* ga *pustili*». (Stanković 1985: 130—131).

Сослагательное наклонение, продолжает Б. Станкович, является недвусмысленным сигнализатором результативных отношений и в сложных компонентах предложений, состоящих из придаточных предложений. Что же касается русского языка, то в нем сказуемое чаще всего конкретизировано временными формами глагола, но возможно употребление и сослагательного наклонения:

Брат сказал, что с удовольствием *присоединяется* / *присоединился* / *присоединится* / *присоединился бы* к нам.

---

[1] Сюда относится и пример М. Стевановича: Zar i ciglo jedan prst ne *nađete* da mi pomognete (Stevanović 1975 / II: 602).

5. В сербском/хорватском языке наблюдается тенденция к унификации вспомогательного глагола, то есть сведение шести глагольных форм (*bih*, *bi*, *bi*, *bismo*, *biste*, *bi*) к одной (*bi*). В русском языке уже давно произошла такая унификация, и осталась только одна форма *бы*. Но в русском языке прослеживается нечто другое — сокращение *бы* в *б*, особенно это проявляется в поэзии в целях достижения ритмичности (Я *б хотел* забыться и заснуть! М. Ю. Лермонтов). И в поэзии на сербском/хорватском языке с этой же целью используется похожий прием сокращения (например, в стихотворении Бранко Радичевича *b'im'o*)[2].

6. Сербохорватское сослагательное наклонение отличается от русского сослагательного наклонения прежде всего тем, что оно может употребляться в значении действия, которое много раз повторялось в прошлом или происходило в установленной последовательности (такое сослагательное наклонение имеет особую экспрессивность), для которой в сербохорватской терминологии имеется специальное название — претеритальное, или повествовательное сослагательное наклонение. Аугуст Мусич пользуется выражением «сослагательное наклонение в значении многократного претерита» (Musić 1896: 185), а Радослав Катичич — названием «многократное сослагательное наклонение» (Katičić 1986: 68). Дана Бошков выделяет особую разновидность — квалификативное сослагательное наклонение, которое в значительной степени выполняет определяющую, квалификативную функцию, например:

> On joj pomilovao lice, kao što *bi pomilovao* dete Trifunovo ili u Đurđa [...] (Boškov 1978: 285).

Русское сослагательное наклонение не может иметь такую функцию и переводится обычным прошедшим временем, что приводит к потере экспрессивности, содержащейся в сербохорватском сослагательном наклонении. Продемонстрируем это на примерах из «Крепости» («Tvrđava») Меши Селимовича:

> […] i što sam ga, bolesnog pola puta nosio, vukao, hrabrio, kad *bi pao* na koljena ili legao na leđa, i nepomično zurio u mutno tuđe nebo, želeći da umre. (Selimović 1970: 7) […] что я выволок его пробитую лодку из опасной стремнины, полдороги нес его, больного, на спине, тащил, ободрял, когда он *падал* ничком или валился на спину и устремлял неподвижный взгляд в чужое мутное небо, призывая смерть. (5) Stotinama, hiljadama puta *prolazio bi* poznatim sokacima, i mislio kako čovjeku ništa nije važnije ni draže od zavičaja.

---

[2] О функциях сослагательного наклонения сербского/хорватского языка больше сведений в анализе отдельных художественных произведений, см. например, (Ostojić 1976b) и др. О морфо-синтаксической природе сослагательного наклонения русского и сербского/хорватского см. (Tošović I988).

(39). Сотни, тысячи раз *проходил* он знакомыми улочками, думая о том, что нет для человека ничего дороже и важнее родины. (31) I opet je nalazio kraj uzglavlja, kad god *bih otvorio* oči. (77) И снова, как только *открывал* глаза, видел ее у своего изголовья. (63) A ja *bih* ponekad *ustao* samo da prohodam po sobi, i opet *legao*. (91) А я *вставал* лишь иногда, чтоб поразмяться, и снова *ложился*. (73) — Zaustavili smo se […] kad *bi* Mahmutove noge *počele* da klecaju. (114) Останавливались мы […] чуть только у Махмуда *начинали* сдавать ноги. (93) Kad *bi* me *umorilo* uzaludno očekivanje […] kad *bi* mi *dosadilo* besciljno hodanje po gradu, kad *bi* mi razgovori s ljudima *postali* nezanimljivi […] odlazio sam u staru biblioteku […] (154) Когда я *уставал* бессмысленно ждать […] когда мне *надоедало* бесцельно бродить по городу и *наскучивали* разговоры с людьми […] я шел в старую библиотеку. (25) Ponekad *bi* me gotovo *zaprepastio* poznavanjem života, filozofije, književnosti […] (155). Порой […] он *приводил* меня *в трепет* своим знанием жизни, философии, литературы. (126) […] ljutila se ako *bih počistio* sobu […] (171) Она […] сердилась, если я *убирал* комнату […] (139).

Из приведенных примеров видно, что экспрессивность сербохорватского сослагательного наклонения теряется при переводе на русский язык, в котором в качестве корреспондентов выступают: 1) прошедшее время от глаголов несовершенного вида (*падал*, *валился*, *устремлял*, *проходил*, *вставал*, *ложился*, *начинали*, *уставал*, *надоедало*, *наскучивали*, *приводил*, *убирал*, *останавливался*); 2) деепричастие несовершенного вида настоящего времени (*думая*, *всматриваясь*, *поджидая*).

Транспозиция форм сослагательного наклонения в русском и сербском/хорватском языке подробно проанализирована в кандидатской диссертации «Функционирование сослагательного наклонения в русском и сербскохорватском языках» (Тошович 1992а: 86). Автор пришел к выводам, что при субституции повествовательного сослагательного наклонения другими формами претерита (**а)** использование прошедшего времени приводит к стилистически невыразительной форме; (**б)** использование аориста возможно только в случае, если употребляется глагол совершенного вида, при этом утрачивается значение повторения действия; (**в)** использование имперфекта обычно придает нюанс архаичности; (**г**) использование плюсквамперфекта носит в основном искусственный характер независимо от вида глагола. Поскольку такая транспозиция несвойственна русскому языку, сослагательное наклонение на русский язык переводится разными способами: 1) если речь идет о глаголе несовершенного вида, употребляется прошедшее время от глагола несовершенного вида; 2) если речь идет о глаголе совершенного вида, также используется прошедшее время от глагола несовершенного вида. Иногда русское деепричастие несовершенного вида переводится повествовательным сослагательным наклонением:

(Во сне *сжимая*, двигал черными, пухлыми в суставах пальцами. — U snu *bi stezao* i *micao* crnim prstima, oteklim u zglobovima. (Там же).

В случаях, когда в русском языке образуется цепочка форм прошедшего времени от глаголов несовершенного вида и когда такое скопление этих форм имеет стилистическую значимость, при переводе на сербский / хорватский язык самым лучшим эквивалентом выступает сослагательное наклонение. В функционировании русского и сербохорватского сослагательного наклонения самое большое несовпадение проявляется в отсутствии / наличии повествовательного сослагательного наклонения. Автор приводит ряд примеров, свидетельствующих о том, насколько трудно (или почти невозможно) выразить экспрессивный потенциал сербского / хорватского сослагательного наклонения в русском языке.

7. Хотя в русском языке нет претеритального сослагательного наклонения, существуют случаи транспозиции сослагательного наклонения в поле темпоральности, когда такие формы получают темпоральное значение. Так, «существует несколько небольших групп глаголов, которые в определенных условиях в форме сослагательного наклонения имеют значение изъявительного наклонения: **1)** модальные глаголы со значением желания (*хотеть*, *хочется*, *желать* в значении ‘хотеть, предпочесть / предпочитать’); **2)** модальные глаголы со значением просьбы, совета (*просить — попросить*, *советовать — посоветовать*, *рекомендовать — порекомендовать*); **3)** сослагательное наклонение в значении изъявительного наклонения от глаголов, выражающих модус предложения (*выразить*, *выразиться*, *назвать*, *напомнить*, *объяснить*, *оговориться*, *описать*, *ответить*, *сказать* и др.) (Кулькова 1979). При этом приводятся такие примеры:

> **а)** Я *хотел бы* поблагодарить = я *хочу* поблагодарить; **б)** Я *советовал бы* вам написать ей об этом подробно = *советую*; **в)** Я *бы объяснил* это следующим образом = я *объясню*.

В связи с этим Л. А. Вольская подчеркивает, что в высказываниях гипотетического условия или возможности темпоральная определенность действия выражается лишь в том случае, если гипотетическая ситуация, описываемая данным высказыванием, противопоставлена конкретной реальной ситуации (Вольская 1982: 7). Она констатирует, что «в высказываниях с формами сослагательного наклонения темпоральная отнесенность к плану настоящего находит свое выражение лишь при функционировании форм сослагательного наклонения с модальным значением предположительного условия или возможности. Выделяются следующие разновидности данной темпоральной отнесенности: отнесенность к настоящему актуальному, отнесенность к настоящему неактуальному». В качестве примера темпоральной отнесенности к настоящему актуальному она приводит следующее высказывание:

> «Меня нет, я умер […] Но почему я думаю? Если *бы* я *был* мертв, я *бы* не *знал*, что я умер; я *бы* ничего уж не *думал*» (В. Белов).

К категории темпоральной отнесенности гипотетического действия к настоящему неактуальному она включает примеры типа:

«*Если бы было* у ледника устье, он впадал бы куда-нибудь, во что-нибудь» (В. Солоухин).

Темпоральную отнесенность гипотетического действия к прошедшему она видит в примерах типа:

«Он отдал бы несколько лет своей жизни, если *бы* я *открыл* ему тогда тайну» (Ф. Достоевский).

Темпоральная отнесенность гипотетического действия к будущему представлена в таких случаях:

«Я думаю, что если *бы* мы с тобой здесь теперь раз или два погромче *рассмеялись*, то *поселили бы* восторг в их робких сердцах». (Ф. Достоевский) — Вольская 1982: 13—14.

Конечно, и в сербском / хорватском языке можно обнаружить такие же транспозиции и такие же соответствующие стилистические характеристики.

8. В обоих языках сослагательное наклонение употребляется сравнительно редко. Среди исследованных текстов на русском языке оно составляет не более двух процентов, а чаще всего встречается в РФС. Распределение сослагательного наклонения по разным ФС следующее: РФС 2%, ПФС 1%, ЛФС 0,8%, НФС 0,6%, ОФС 0,1%[3]. В НФС сослагательное наклонение используется больше в тех случаях, когда выдвигается какая-то гипотеза, высказывается предположение и т. п. Употребление сослагательного наклонения в сербском / хорватском языке можно проиллюстрировать данными из рассказов «Mustafa Madžar» («Мустафа Мадьяр») Иво Андрича и «Kroz maglu» («Сквозь туман») Петра Кочича: в первом мы нашли 0,9%, а во втором 0,6% этих форм от общего числа глагольных форм.

[3] Исследование Н. Х. Йоссельсона также свидетельствует о высокой частотности сослагательного наклонения в РФС. Он приводит следующее соотношение форм сослагательного наклонения в устных и письменных стилях: от глаголов совершенного вида — 2,1 : 1,0, а от глаголов несовершенного вида — 1,3 : 0,3 (Йоссельсон 1966: 123).

Инфинитив

0. Инфинитив представляет собой исходную форму глагола, обозначающую действие вне связи с его субъектом (безотносительно к времени и наклонению, лицу и числу). «Инфинитив является наиболее обобщенной, наиболее отвлеченной глагольной формой с минимальной грамматической нагрузкой». (Исаченко 2003: 569). В инфинитиве различается категория вида, возвратности и залоговости. Его экспрессивный потенциал предопределяет то, (**1**) что он выполняет различные синтаксические функции — как инфинитив зависимый (в составном глагольном сказуемом), инфинитив независимый (в функции подлежащего или сказуемого двусоставного предложения и в функции главного члена односоставного предложения), инфинитив субъектный (как часть составного глагольного сказуемого), инфинитив объектный (в функции дополнения); (**2**) что образует особый тип синтаксических конструкций: а) инфинитивные предложения (односоставное предложение, в котором независимый инфинитив выражает неизбежность, необходимость, невозможность действия, императивность, долженствование и условно-следственные отношения); б) инфинитивный оборот (инфинитив с зависимыми словами), который является переходной конструкцией от члена предложения (обстоятельства цели) к придаточному предложению; (**3**) что выражает различные эмоциональные значения (возмущение, негодование, сильное желание, удивление и т. п.); (**4**) что может выступать в функции других глагольных форм изъявительного и сослагательного наклонения.

1. Инфинитив может иметь значение повелительного наклонения, и тогда выражает категорическое приказание, запрещение и т. п.:

> Суровцев выскочил из провала и что было сил крикнул: — *Молчать*! Никому не *подходить*! Савельев, принять на себя командование! Все *отойти* к дальней стене и *лечь* там! Ясно? (Чаковский 1979: 395).

О таком употреблении инфинитива А. Н. Гвоздев пишет: «Для выражения категорического приказа используется форма инфинитива с особой повелительной интонацией […] По сравнению со 2-м лицом повелительного наклонения, эта форма выражает особую категоричность, а кроме того, она выдвигает на первый план требование о выполнении действия и оставляет в тени того, к кому направлено

это требование. Поэтому эта форма, как правило, употребляется без обозначения лица» (Гвоздев 1965: 186). В предложениях, выражающих категорическое запрещение, возможно употребить и совершенный и несовершенный вид:

Встать! — Не *вставать*!

«Формы повелительного наклонения и инфинитива, выражающего повеление, у глаголов несовершенного вида с отрицанием представляют более широкую категорию, чем формы без отрицания, и бывают соотносительными с формами без отрицания глаголов несовершенного вида (не *приносите — принесите*, не *опускать — опустить*). И в этих случаях они могут сообщать о единичных действиях в зависимости от контекста и ситуации. Вследствие невозможности вместо форм несовершенного вида с частицей *не* употреблять с той же частицей формы совершенного вида с отрицанием не имеют синонимичных им форм совершенного вида» (Там же: 199). Употребление с отрицанием только глаголов несовершенного вида связано с тем, «что отрицательные предложения, выражающие побуждение, имеют обобщенный характер, они не ограничивают запрет одним конкретным случаем, а распространяют его на целую категорию случаев, тогда как глаголам совершенного вида свойственно обозначение единичных действий» (Там же).

Кроме частицы *не* в качестве отрицания можно употребить и *нельзя*, при которой, как и в предыдущем случае, глагол совершенного вида указывает на запрещение, а несовершенного — на предупреждение: Нельзя *прочитать*. — Нельзя *читать*.

2. В сербском/хорватском языке употребление инфинитива для выражения приказов является периферийным, а основным средством выступают существительные и различные конструкции:

Молчать! — *Tišina*! *Ni riječi*! *Da niko nije pisnuo*! и т. п.

Духу сербского/хорватского языка не отвечает употребление инфинитива вместо императива (Maretić 1963: 656). Александр Белич пишет, что такой императив употребляется часто в русском, польском и других славянских языках, а в сербском/хорватском языке он превратился в модальное уступительное предложение типа:

Znat mi je *sidjeti* i tri bijela dana. (Belić 1951: 181—182)

Михаило Стеванович подчеркивает, что подлинное императивное значение у инфинитива встречается не очень часто и добавляет: «Мы, правда, придерживаемся несколько другого взгляда, чем Белич, и считаем, что эта форма в сербохорватском языке встречается в значении восклицательного императива: *Izaći* van! обычно говорит преподаватель, скажем, направляя это приказание безлично, когда кто-нибудь из учеников на уроке мешает работать. Или так обратятся к вооруженному противнику, натолкнувшись на него или неожиданно встретившись с ним:

Ruke u vis! *Položiti* oružje!

Здесь, по нашему мнению, налицо исключительно императивное значение без какого-либо другого модального оттенка» (Stevanović 1975/II: 773). В нашем материале мы обнаружили такие примеры:

> Nikad ne *zaboraviti*! (Inf 31-www) Ali *zaboraviti* — nikad u potpunosti. (Inf 32-www)

Экспрессивность следующего анекдота создается большей частью использованием инфинитива с отрицанием:

> Gledali tata ljudožder i sin ljudožder ljude na aerodromu. Sin ljudožder je bio jako gladan, te ugleda nekog mršavog frajera i kaže tati ljudožderu: — Tata to *jesti*! Tata ljudožder kaže: — Ne sine. To *ne jesti*. To kost i koža! Tad sin ljudožder ugleda nekog debelog frajera i kaže svom starom: — Tata to *jesti*! Tata ljudožder kaže: — Ne sine. *Ne* to *jesti*. To puno masti. To nezdravo! Tad sin ljudožder ugleda prekrasnu plavušu i kaže: — Tata to *jesti*! A tata ljudožder kaže — Ne to *jesti*, to *uzeti* doma, mamu *jesti*! (Inf 43-www)

Инфинитив употребляется в различных инструкциях, предписаниях и т. п.:

> Zube *prati* tri puta dnevno. *Koristiti* pastu za zube sa sastojcima fluora. Redovno *mijenjati* četkicu za zube, najkasnije u roku tri mjeseca [...] (Inf 141-www) *Reći* roditeljima ako dođeš u kontakt s bilo kojom informacijom zbog koje se osjećaš neugodno. (Inf 2). *Stati* na kraj terorizmu. (Inf 24-www) *Stati* na loptu. (Inf 28) *Stati* na kraj elektroenergetskoj mafiji u Hrvatskoj. (Inf 29-www)

Это особенно часто бывает, когда указывается, чего нельзя делать:

> Nikad ne *zaboraviti*! (Inf 31-www) *Ne davati* nikome osobne informacije, kao što su vlastito ime i prezime, adresa, broj telefona, ime i lokacija škole, imena roditelja. Na teroriziram *ne odgovarati* odmazdom. (Inf 01-www) Nikada se *ne nalaziti* s nekim koga si upoznao/upoznala «online». Nikada *ne slati* drugim ljudima ili organizacijama svoju sliku ili bilo što drugo. *Ne odgovarati* na poruke koju se vulgarne, proste, zločeste ili na bilo koji način čine da se osjećaš neugodno. (Inf 02-www) Na primljeni e-mail *ne odgovarati* odmah u ljutnji — ostaviti odgovor za sutradan. (Inf 07-www) Prvi i najvažniji savjet je *ne odgovarati* na njih, *ne odlaziti* na u njima navedene adrese, čak i ne otvarati ih. (Inf 08-www)

Он часто встречается в аптечных и кулинарных рецептах:

> Isti čaj *uzimati* izmedju obroka, oko 10 sati i 16 sati — po 1/2 dcl. Posle napitka uzetog pre jela, *uzimati* po 1 supenu kašiku rafiniranog maslinovog ulja [...] (Inf 11-www) Savjeti — Kalcij-acetat *uzimati* neposredno prije ili uz obrok [...] (Inf 13-www) *Pustiti* da se ohladi, *proceditі*, podgrejanog *uzimati* svaka 2 sata po 1... izmešan s medom, *uzimati* po 1 čajnu kašikicu u ravnomernim intervalima [...] (Inf 15-www) Hranu *uzimati* sveže pripremljenu, bolje kuvanu nego prženu. 4.... Jogurt i kiselo mleko *uzimati* u manjim količinama u odnosu na obrano mleko [...]

(Inf 217-www) Uz čaj obavezno *uzimati* biljne kapi za poboljšanje funkcije bubrega. (Inf 17-www) Potom nastaviti *uzimati* po 1 kapsulu dnevno. U slučaju infektivnog proljeva važno je *uzimati* 2-4 kapsule dnevno dok se ne uspostavi normalna stolica [...] (Inf 18-www) *Uzimati* odmah nakon treninga [...] Ovaj zadnji protein može se *uzimati* bilo kada tijekom dana [...] (Inf 19-www) Tekućinu procijediti te *uzimati* u gutljajima 1 puta na dan [...]. Ljutu papriku umiješati u med te *uzimati* 1-2 puta na dan. (Inf 20-www)

Инфинитив используется в перечислении действий, которые необходимо совершить, например, в течение дня:

9:00 — *ustati*
od 9:00 do 9:30 — *tuširati se*, *prati* zube, *obući se*
9:30 — *ići* na doručak
10:30 — *ići* na plažu
do 12:00 — *plivati* u moru, *sunčati se* na plaži, *razgovarati*, *čitati* novine
12:00 — *igrati* tenis
13:00 — *ručati*, *ići* na kavu u kafić
od 14:30 do 16:00 — *odmarati se* u sobi, *čitati* knjigu, *drijemati*
16:00 — *skijati* na vodi
17:00 — *šetati* po gradu, *kupovati* suvenire i slične sitnice u dućanima
19:30 — *doći* kući, *presvući se, tuširati se*
20:00 — *ići* na večeru
21:30 — *sastati se* s prijateljima, *ići* na piće, *plesati*
u ponoć ili kasnije — *vraćati se* u hotel, *ići* spavati (Inf 133-www).

3. Средняя функционально-стилистическая значимость инфинитива в наших материалах составляет 15,55% (по отношению ко всем формам глагола)[1]. Из всех ФС инфинитив меньше всего представлен в ЛФС, а больше всего — в НФС и ОФС[2]. Не случайно самый высокий процент инфинитива — в ОФС: «Высокая частотность инфинитива в деловых текстах обусловлена императивным характером речи» (Кожина 1972: 145). Инфинитив иногда настолько частотен в этом стиле, что часто образует инфинитивные цепочки типа:

---

[1] В корпусе Эвы Штейнфельдт процент почти такой же — 15% (Штейнфельдт 1963: 43).

[2] Вот как выглядит его употребляемость в отдельных текстах: «Устав КПСС» (Устав 1973) — 22, Будагов 1977 (гл. IV) — 21, Люстрова, Скворцов 1972 (с. 44—59) — 20, «Правда» (28. 2. 1982) — 17, «Поставьте мальчику тройку» (Иващенко 1980) — 16, «Феномены» (Горин 1980) — 14, «Дама с собачкой» (Чехов 1975) — 11, «Судьба человека» (Шолохов 1975) — 10, «Конституция СССР» (Конституция 1974) — 9. М. Н. Кожина нашла следующее соотношение в исследуемых ей материалах: ОФС — 38%, НФС — 20%, ЛФС — 13% (Кожина 1972: 139).

> Каждый гражданин СССР обязан *соблюдать* Конституцию Союза Советских Социалистических Республик, *исполнять* законы, *блюсти* дисциплину труда, честно *относиться* к общественному долгу, *уважать* правила социалистического общества (Конституция 1974: 29). Член партии обязан [...] *бороться* за создание базы коммунизма, служить примером, повышать производительность труда, *выступать* застрельщиком, *поддерживать* и *распространять* передовой опыт, *овладевать* техникой, *совершенствовать* свою квалификацию, *беречь* и *приумножать* общественную, социалистическую собственность [...] (Устав 1973: 7—10).

Большая употребительность инфинитива — в текстах предписывающего и приказного характера (в приказах, указах, решениях и т. п.). Например:

> За заслуги в подготовке квалифицированных специалистов для народного хозяйства, развития научных исследований и в связи со 150-летием со дня основания, *наградить* Ленинградский инженерно-строительный институт орденом Октябрьской революции («Правда», 19 мая 1982, с. 4).

Процент инфинитивных форм (по отношению к общему количеству форм глагола) со значением категорического предписания или долженствования колеблется в зависимости от жанра деловой речи: больше всего их в приказах (63%), меньше всего в договорах (32%), см. (Барлас 1978: 84). В этом стиле часто употребляются условно-инфинитивные конструкции, особенно в законах, где это мотивировано целевым заданием (оговорить обусловленность правовой нормы), см. (Логинова 1975: 13)[3].

4. В НФС как особенность можно выделить употребление инфинитивных сочетаний модального типа *следует заметить*, *можно наблюдать*, *могут стать*, *нужно объединить*, *должен согласиться*, *необходимо различать*, *надо понимать*, *нельзя обнаружить* + инфинитив, в основном в научно-учебном подстиле. Так в учебнике Приходько (Приходько 1971: 3) из 138 форм инфинитива 110 (80%) употреблено в таких сочетаниях.

5. Если в русском языке на инфинитив приходится 13—19% форм глагола, то в сербском/хорватском языке его процент намного меньше. Вот подтверждение: в рассказе «Mustafa Madžar» («Мустафа Мадьяр») Иво Андрича из 1167 глагольных форм всего 1,03% инфинитива (12 на 1167 глагольных словоформ). В рассказе Петра Кочича «Kroz maglu» («Сквозь туман») их несколько больше — 7,1%. Невысокую частотность инфинитива отмечает и Дж. Костич, который в исследу-

---

[3] Об употреблении инфинитива в письменной и устной речи можно судить по следующим данным: **а)** письменная речь — 13,2% от глаголов совершенного вида и 13,5% от глаголов несовершенного вида; **б)** устная речь — 18,6% от глаголов совершенного вида и 17,4% от глаголов несовершенного вида (Josselson I953).

емом материале регистрирует 1,07%, при этом в поэзии — 1,02%, а в ежедневной печати 1,12% (Kostić 1966: 138). Он делает вывод, что жанр текста не имеет какого-то значительного влияния на частотность инфинитива (Там же: 133). Меньшую употребительность инфинитива в сербском/хорватском языке по сравнению с русским языком можно объяснить, прежде всего, конкуренцией конструкции *da* + настоящее время, которая берет на себя значительную часть потенциального употребления инфинитива. В связи с этим еще в 50-е годы XX в. происходила дискуссия между Далибором Брозовичем и Мирославом Крваром. На вопрос, является ли инфинтив — хорватской, а «*da* + инфинитив» — сербской формой, Д. Брозович писал: «Некоторые старательные языковые редакторы с обеих сторон отыскивают старательно так называемые “сербизмы” и “хорватизмы”, обычно без злого умысла, но таким образом распространяется ошибочное представление». (Brozović 1953b: 13) Он присоединяется к мнению С. Московлевича, что эти две конструкции имеют не одно и то же значение (предложение

Učenici ne smiju *pušiti* —

значит, что им запрещено курить, а предложение

Učenici ne smiju *da puše* —

значит, что они не решаются курить). Д. Брозович приходит к выводу: «Когда полагают, что в штокавском диалекте инфинитив и настоящее время + *da* выступают в разных функциях, совершенно ясно, что одна из этих форм не может быть хорватской, а другая сербской, так как и сербы, и хорваты должны использовать обе формы, если они желают хорошо и точно писать и говорить, поскольку диалект является их общим литературным языком. А в большинстве случаев, как мы видели, можно употреблять обе формы, так что у хорватов чаще можно обнаружить одну, а у сербов другую. Различие в количественном, а не качественном отношении» (Там же: 18). Мирослав Кравар констатирует, что Далибор Брозович пытается найти разницу в смысле между двумя этими выражениями и считает, что решение, которое предлагает Д. Брозович, нельзя легко подтвердить ни речевой практикой, ни анализом примеров из литературы (Kravar 1954a: 44). Он утверждает, что не очень ошибется, если употребление этих конструкций разделит на три пояса: восточный — с преимущественным употреблением конструкции «*da* + настоящее время» и почти полным отсутствием инфинитивной конструкции, средний — с умеренным использованием конструкции «*da* + настоящее время» конкурирующей с инфинитивом, и западный пояс — со слабым использованием конструкции «*da* + настоящее время» и с широким использованием инфинитива. Эти три пояса, в общих чертах, совпадают с территориями трех штокавских наречий: экавского, екавского и икавского. Конструкция «*da* + настоящее время», подчеркивает М. Кравар, перемещалась с востока на запад, и этот процесс проходил на линии Белград — Загреб, хотя различие в употреблении этих конструкций нельзя трактовать как сербохорватское. «К этому следует добавить, что конструкция “*da* + настоящее время”

в последнее время распространялась в другом направлении: сверху (по направлению к низу) вниз, чему способствовали органы управления, армия, школы, печать, радио, и т. п. Все дело в том, что эта конструкция распространялась из города в деревню, а не наоборот» (Kravar 1954a: 44). М. Кравар сомневается в исправности положения Д. Брозовича о том, что различие между двумя выражениями может быть тройным: синтаксическим, семантическим и стилистическим: «Мне кажется, что, следовательно, не нужно ожидать многого от попыток обнаружить какие-то основные различия между инфинитивом и конструкцией "*da* + настоящее время". В обоих случаях можно обнаружить что-то, но в основном это случай местного использования или результат личного впечатления» (Kravar 1954b: 73). Его языковое чутье не позволяет ему согласиться с тем, что обозначение чего-то постоянного и общего можно было бы связывать с инфинитивом, а изменчивого и конкретного — с презенсом[4]. Приблизительно в то же время М. Стеванович изложил свою точку зрения, которая в основном совпадает с мнением М. Кравара (Stevanović 1953). Позднее появились и другие работы по этому вопросу (Ivić 1970, Kulenović 1958—1960, и др.). Мы склоняемся к мнению, что эти две конструкции семантически не различаются или почти не различаются и что они могут взаимно заменяться между собой, а это позволяет избежать излишнего нагромождения одной или другой конструкции. Если критерий выбора мы поставим на первое место, то можно сказать, что в стилистическом отношении в данном случае сербский / хорватский язык богаче русского (одна и та же мысль может быть выражена двумя способами).

6. Сербохорватский инфинитив употребляется и в значении долженствования:

Jedanput mi je *mrijeti*. Koga je *moliti*, nije ni *srditi* (пример Йосипа Флоршчича [Florschütz 1940: 258]).

---

[4] Происхождение конструкции «*da* + настоящее время» Мирослав Кравар толкует следующим образом: «Замена инфинитива конструкцией "*da* + настоящее время" относится, как известно, к числу общих для нашего языка и балканских языков синтаксических черт, в которых инфинитив или полностью исчез (в греческом, тосачко-албанском, болгарском или македонском), или частично теряется (в румынском языке и в штокавском диалекте нашего языка), заменяя его в обоих случаях придаточным цели» (Kravar 1953: 43). В связи с этим Ян Седлачек пишет: «Сербохорватский язык предоставляет важный и до настоящего времени мало использованный материал для освещения развития предложений с *da* в более широких балканских отношениях. Зарождение предложений с *da* относится к времени более тесных контактов южных славянских языков, хотя мало вероятным кажется, что речь идет об общем наследии из добалканского периода. Генетически предложения с *da* связаны с балканской средой […]» (Sedlaček 1970: 59). Более широкое и комплексное исследование данного вопроса провела Ирена Грицкат (Grickat 1975: 81—111).

Александр Белич подчеркивает, что инфинитив используется для обозначения намерения (hteo sam *reći*) желания и уступки (a do jeseni i ja *doći* i tebe ne *naći*), приказания (*pročitati*) — (Belić 1958: 180—181).

7. В сербском / хорватском языках бывают случаи транспозиции инфинитива в поле будущего времени следующего типа:

Da li *se podsjećati* na to uvijek kad dođe zima? (= ćemo se podsjećati) na to uvijek kad dođe zima?; Ono su ti braća rođena, svi *izginut* (= izginuće) jedan za drugoga, ne *pobjeći* (= neće pobjeći) jedan od drugoga; (Пример Томо Маретича [Maretić 1963: 655]).

8. В русском языке инфинитив широко используется в значении других глагольных форм. Например:

Да что там *говорить* (= буду говорить), суди сам... (Шолохов 1975: 27) ... а когда вернешься к нам, — посмотрим, куда тебя *определить* (= определим) […] (36) Куда *идти*? (= пойдем) Неужто в Воронеж? Ни за что! (39) Из рейса, бывало, вернешься в город — понятно, первым делом в чайную: *перехватить* (= хочу перехватить) чего-нибудь, ну конечно, и сто грамм *выпить* с устатка. (40) Со стороны *глядеть* (= если бы со стороны посмотрели) — не так уж она была из себя видная... (12) Куда же мы теперь пойдем? Не *поехать* ли нам (= давайте поедем) куда-нибудь […] (Чехов 1975: 10). По случаю волнения на море пароход пришел поздно, когда уже солнце село, и прежде чем *пристать* (= чем он пристал) к молу, долго поворачивался. (10) Если же *послать* (= пошлю) записку, то она, пожалуй, попадет в руки к мужу, и тогда все можно испортить. (16)

9. В сопоставительном плане интересной является русская конструкция «дательный + инфинитив» (Что *нам делать*?). Ее можно рассматривать как своеобразный транспонируемый эквивалент конструкции, состоящей из именительного падежа и личной глагольной формы (Vojvodić 1994:10). «Такую точку зрения можно подкрепить и тем фактом, что, помимо временного значения футуральности (которое имеют и основные грамматикализованные формы в сочетании с именительным), конструкция «дательный + инфинитив» имеет и сопровождающие модальные значения, встречающиеся чаще всего именно при транспозиции видовременных форм. Таким образом, о данной конструкции можно говорить как о средстве транспозиции нефинитной формы в финитную, а о футуральности — как о стилистически маркированной категории» (Vojvodić 1994:10)[5]. Примеры употреб-

[5] Д. Войводич констатирует, что взятый в словарном виде, инфинитив не имеет своего исполнителя действия. «Следовательно, на морфологическом уровне данная форма не выражает действия, т. е. является вербоидом. Лишь в сочетании с дательным паде-

ления инфинитива с дательным в сербском / хорватском языке очень редки, и они, в отличие от того же употребления в современном русском языке, в котором они широко распространены, встречаются, как правило, только в поэтической речи и в высоком (архаизированном) стиле. «В качестве соответствия русской конструкции в сербском языке часто используется рестриктивная глагольная метаплазма (т. е. опущение одной из двух частей формы будущего времени). Процесс утраты настоящей конструкции в сербском языке объясняется влиянием неславянской части балканского языкового союза (влиянием греческого и албанского)». (Там же)

10. Здесь надо упомянуть одно несовпадение между русским и сербским / хорватским языками. Речь идет о повествовательном, или историческом инфинитиве (инфинитиве, который используется для передачи прошлого действия). Согласно утверждению Владимира Бабича, в сербском / хорватском языке (в речи и повествовании) он значительно чаще употребляется, чем в русском языке (Babić 1951 — 1952: 214). Он приводит следующий пример:

Pa Turci kad *nadrvati* i *osvojiti* Bosnu, *zarobiti* i toga bana i *baciti* u tamnicu[6].

С другой стороны, в русском языке встречается инфинитив независимый (инфинитив в функции подлежащего или сказуемого двусоставного предложения). В «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях» А. С. Пушкин использует его в значении прошедшего времени:

И ей зеркальце в ответ:
«Ты, конечно, спору нет:
Ты, царица, всех милее,
Всех румяней и белее».
И царица *хохотать*,
И плечами *пожимать*.
И *подмигивать* глазами,
И *прищелкивать* перстами,
И *вертеться* подбочась,
Гордо в зеркальце глядясь.

жом (синтаксический уровень) инфинитив в русском языке достигает более высокого функционального статуса, что отражается в проявлении им временной и модальной информации. Временная информация относится, в первую очередь, к категории футуральности, т. е. к одному из компонентов (подкатегорий) категории темпоральности. Другими словами, благодаря его семантическим свойствам, определяющим, между прочим, характер связи, в которую входит глагольное действие, инфинитив приближается к личным (грамматикализованным) видовременным формам» (Vojvodić 1994:10).

[6] О повествовательном инфинитиве см. также (Živković 1951 / 52).

Эти известные стихи породили ряд пародий. Так, Сергей Кудин написал «Сказку о мертвой царевне и о семи мужиках»:

И ей зеркальце в ответ:
«Ты массивна, спору нет;
Ты, царица, всех рельефней,
В жиме лежа равных нет!»
И царица *хохотать*,
Бицепс давай *напрягать*,
И *подмигивать* глазами
Протеины *принимать*,
И *вертеться*, напряжась
Гордо в зеркальце глядясь[7].

(Сергей Кудин. Сказка о мертвой царевне и о семи мужиках)

Также:

И тихонько улеглась.
Вот Иван мешок на стол.

(Ершов. Конек-горбунок)

«Ну-ка, бабушка, пошел!»
И, схвативши свой мешок,
Хлещет вдоль и поперек.
А царица *хохотать*,
И плечами *пожимать*,
К белой груди прижимает,
И смеется, и рыдает!
Честь недолго берегла —
С первой ночи понесла.

(Эммануэль-www)

В прозаических текстах встречаются примеры следующего характера:

— Эта матрона считает себя первой леди в литературной критике. Один отупевший поэт сдуру упал перед ней на колени: «Пощадите, царица!» И она — *хохотать*, как филин: «Что за оскорбленный плач? Бездарь! [...]» (Новая критика-www). [...] ведь как они там, за экраном, облажались-то! Обхохочешься! — И ну, *хохотать*, за животики держаться, на себя с любовью искренней взирая глазами слепыми. (Вукс. Была зима-www)

11. Один случай употребления инфинитива в сербском/хорватском заслуживает особого внимания. Речь идет о явлении, которого, насколько нам известно, нет

[7] В конце стихотворения стоит: *Сергей Кудин* (*Помогал А. С. Пушкин*).

в других славянских языках: об использовании предлога в сочетании с инфинитивом (типа *za ponijeti*). Такой синтаксический феномен можно назвать предложным инфинитивом. Так как он в современном языке имеет двойную стилистическую окраску (нейтральную и экспрессивную), необходимо более подробно рассмотреть примеры, чтобы понять, когда такое сочетание несет с собой экспрессию.

Во-первых, надо сказать, что здесь речь идет о связи двух несовместимых форм — глагола и предлога. В целях выяснения такого необычного случая, мы провели небольшое исследование сербохорватских предлогов и пришли к выводу о том, что из всех предлогов (в нашем списке их оказалось 112, из которых 14 являются архаичными) только предлог *za* 'за' широко используется в сочетании с инфинитивом. Некоторые предлоги являются одновременно наречиями, которые, как известно, легко сочетаются с инфинитивом. Такие предлоги мы называем гомопредлогами (= гомонимичными предлогами). Сюда относятся: *blizu*, *do*, *nadohvat*, *nadomak*, *nakraj*, *naokolo*, *nasuprot*, *niže*, *oko*, *okolo*, *poviše*, *pozadi*, *prije*, *protiv*, *širom*, *ukraj*, *ususret*, *uzduž*, više. Ср.:

> Bili smo *nadomak grada*/*gradu* (предлог). Sve je bilo *nadomak* (наречие). — Petar stanuje *niže* crkve (предлог). Petar se spustio malo *niže* (наречие). — Snijeg je *ležao okolo nas* (предлог). Svašta se *okolo* priča (наречие). — Lijek treba uzimati *prije jela* (предлог). — *Prije* se živjelo mirnije (наречие).

Намного интереснее являются предлоги, которые могут выступать только как предлоги (мы их называем чистыми, монофункциональными). В нашем списке их 48. Кроме предлога *za* (*за*), в литературе не упоминается ни одного другого, который мог бы сочетаться с инфинитивом. Но наши наблюдения показывают, что и они могут в особых контекстах соединяться с инфинитивом. Это относится к следующим предлогам: *ispred*, *iznad*, *nakraj*, *navrh*, *pokraj*, *pored*, *preko*, *unutar*, *između*. Например:

> Knjigu možete *staviti ispod*. Možete nešto *ogrnuti preko*. To je nešto *između*.

Как видно, речь идет о неполном предложении, так как после предлога подразумевается наличие определенного существительного:

> Knjigu možete *staviti ispod* stola. Možete nešto *ogrnuti preko* ramena. To je nešto *između* i istine i laži.

Но здесь надо сделать оговорку и сказать, что такое употребление выходит за рамки предлогов и что эти слова скорее надо рассматривать как наречия, чем предлоги. Этот факт указывает на то, что в грамматических пособиях необходимо (**1**) подобные предлоги толковать как гомопредлоги, т. е. как формы, которые могут быть и предлогами и наречиями, или (**2**) указать на то, что в эллиптических конструкциях их можно использовать в сочетании с глагольными формами, или (**3**) по-другому давать определение предлогов, чтобы можно было охватить подобные случаи.

12. Лишь один чистый предлог, как мы уже сказали, является бесспорным предлогом, используемым с инфинитивом, — это *za*. Ср.:

> Ja nisam ovdje *za donijeti* konačni sud. (Inf 147-www) Ako mu je *za vjerovati*, moramo reći da je turizam jedna od rijetkih pojava koja na vrlo pozitivan način spaja sve krajeve i ljude svijeta. (Inf 226-www) *Za radovati se* što tako dobar slikar, kao što je Nikola Večenaj Leportinov, ima priliku u trenutku svojega izvannacionalnog proboja izlagati [...] (Inf 233-www) *Za primiti* čudo od Boga potrebna je vjera, trebaš izaći iz područja naravnog u područje nadnaravnog, jer vjera ne gleda na okolnosti. (Inf 234-www)

О том, что такое употребление является не новым и что оно уходит своими корнями в XIX век (может быть, еще раньше), свидетельствуют стихи П. П. Негоша:

Hajte meni pod mojim satorom,
ti, vladiko, i glavniSerdari,
samo da ste caru na bjeljegu,
za primiti od mene darove,
pa zivite kao dosle sto ste.
(Njegoš 01)

Одним из первых, кто обратил внимание на это необычное явление в грамматической системе сербского / хорватского языков, был Томо Маретич (Maretić 1924). Он писал, что примеры типа:

> jabuka dobra *za jesti*, knjiga lijepa *za čitati*, ova je livada *za prodati*, mnogo se trudio *za dokazati* im

лучше заменить сочетаниями:

> *za jelo*, *za čitanje*, *na prodaju* (*prodaje se*), trudio se *da* im *dokaže* (Maretić 1924: 179).

Т. Маретич обратил внимание на то, что данная конструкция заимствована из немецкого языка. К этому вопросу вновь ученые вернулись во второй половине XX века (Jonke 1952 / 53, 1965, Stevanović 1970, Pavešić 1971, Mevlinger 1982, Vidović 1983). В их исследованиях повторялось то, что сказал Томо Маретич, уточнялась его позиция (речь идет не только о влиянии немецкого, но и итальянского и французского) и указывалось на некоторые новые аспекты (напр., Людевит Йонке писал, что данная конструкция используется в придаточном цели [Jonke 1952 / 53: 151], а Ясна Мельвингер называет ее просторечной синтаксической инновацией [Melvinger 1982: 74]. Все они советуют избегать данный оборот, а нормативные пособия резко сопротивляются его употреблению (скажем, М. Стеванович писал, что инфинитив нельзя использовать с предлогом [Stevanović 1975 / II: 775]). Но в практике получается совсем иное: предложный инфинитив все сильнее вторгается во все функциональные стили, больше всего, в РФС и ПФС. В ЛФС он использу-

ется для характеристики речи персонажей, из-за чего не вызывает отрицательной реакции.

13. Чтобы понять, как и когда используется предложный инфинитив, мы сделали небольшой анализ предложной конструкции *za* + *ponijeti* (*за* + *взять*) и нашли очень много примеров типа:

> Ako vas obuzme manija shoppinga i poželite kupiti par stvarčica *za ponijeti* doma, tu je i veliki trgovački centar El Corte [...] (Inf 214-www). Kada je nešto mobilno, nastoji se da bude što manjih dimenzija, lako *za ponijeti*, pa je tako i kod photosmart-a 1200. Kakav je onda to mali skener... (Inf 215-www) Prije odlaska obvezno se u mjesnoj uljari kupi ulja *za ponijeti* kući. (Inf 216-www)

Оборот *za* + *ponijeti* в значении ʻвзять (с собой) что-нибудьʼ открывает возможности сочетания с целым рядом существительных. Их можно разделить на 13 тематических групп: 1) пища (*burek*, *doručak*, *jedno jaje*, *kolač*, *pica*, *sendvič*, *proteini*, *srpska hrana*, *zejtin*); 2) напитки (*kafa*, *zdrava voda*); 3) части тела (*glava*, *gole grudi*); 4) предметы (*bočica*, *eksponati*, *igračke*, *knjiga*, *kondom*, *opušci*, *pješački prelaz*, *pustinjski pijesak*, *stvarčica*, *zebra*, *zvučnik*); 5) абстрактные понятия (*brojke*, *kategorija*, *minimum*, *oblik*, *patriotizam*, *snaga*, *teorija*); 6) культура и искусство (*balet*, *bioskop*, *film*, *kompozicije*, *opera*); 7) развлечение (*grčka pjesma*, *horoskop*, *pjesma*, *praznik*, *zabava*); 8) электроника (*digitalne zezalice*, *multimedija*, *Online*); 9) квалификация / квантификация (*bijedan*, *pola*); 10) финансы (*krediti*, *zajam*); 11) указание (*ovo*, *što*); 12) способ (*lako*); 13) разное (*ekologija*, *Fornetty*, *krađe*).

В сочетании с другими словами получаются такие связи:

infinitiv + infinitiv:

> Nažalost, spisak svih finansiranih projekata može se samo pogledati, ali ne i dobiti *za ponijeti* jer «nije sređen». (Inf 152-www);

za + infinitiv + infinitiv:

> Eksponati *za poneti* i *popiti*. U Rakovici, na periferiji Beograda, nalazi se najneobičnija postavka posvećena šljivovici. (Inf 157-www);

za + *ovdje* + infinitiv:

> Radila plavuša na kiosku. Dolazi momak i traži kutiju kondoma. — Za ovdje *ili za ponijeti*? (Inf 150-www);

da + prezent + *za* + infinitiv:

> Čak iako vam nije stalo do ovih pogodnosti (dezert uvek možete da tražite da se zapakuje *za poneti*), molimo vas da se predstavite kao članovi [...] (Inf 169-www);

sa + instrumental + *za* + akuzativ + *za* + infinitiv:

Papirne čaše sa poklopcem *za* kafu *za poneti*, original američke, u dve veličine. (Inf 174-www);

za + *ovdje* + *ili* + *za* + infinitiv:

Nikola Vranjković o novom albumu i knjizi pesama *Za ovde* ili *za poneti.* (Inf 178-www)

Предложный инфинитив часто используется без какой-либо установки на создание эффекта, и поэтому иногда приводит к стилевым погрешностям, слабостям, приводит к тому, что можно охарактеризовать как «конструкционная ошибка»:

Nažalost, spisak svih finansiranih projekata može se samo pogledati, ali ne i dobiti *za ponijeti* jer «nije sređen». (Inf 152-www)

В некоторых случаях происходит ненужное и неэстетичное нагромождение предлогов:

Papirne čaše sa poklopcem *za* kafu *za poneti*, original američke, u dve veličine. (Inf 174-www)

Стилистически неоправданным является ненужное нагромождение глагольных форм:

Čak iako vam nije stalo do ovih pogodnosti (dezert uvek možete da tražite da se zapakuje *za poneti*), molimo vas da se predstavite kao članovi [...] (Inf 169-www) Nažalost, spisak svih finansiranih projekata može se samo pogledati, ali ne i dobiti *za ponijeti* jer «nije sređen» [...] (Inf 217-www)

С другой стороны, то что данная конструкция является **(1)** варваризмом; **(2)** странной для грамматической системы сербского/хорватского языков; **(3)** что против нее борются все нормативные пособия, что дает основу для его использования в стилистических целях. Причину (или повод) для такого использования следует искать, в первую очередь, в укоренившейся практике в продовольственных магазинах и лавочках, где при продаже/купле «быстрой пищи» (особенно пирогов, шашлыков, люля-кебабов, пицц, сосисок) продавец интересуется, желает ли покупатель кушать/пить на месте или будет брать с собой:

Želite li burek *za ovdje* ili *za ponijeti*. = 1. Хотите пирог *здесь съесть* или *будете брать с собой*? 2. Вам *положить* пирог в тарелку или *завернуть*?

Например:

Odmah s vrata prodavačica izgovori «izvoli», a ja odgovorih «burek *za poneti*». (Inf 210-www) Kao zgodan doručak «*za poneti*» može da posluži i ovaj omlet [...] (Inf 15-www 9) Kolač *za poneti* [...] (Inf 154-www) U ruci mi je bila topla kafa *za poneti*. (Inf 207-www) Za sada se ovde neće prodavati *kafa za poneti*, ali

i to je u planu. (Inf 180-www) «Pola *za poneti*. I dva jogurta», naruči Miroljub i pošto se slatko ispričao sa veselim Ferdinandom, svrati da kupi sladoled. (Inf 197) U petak, 30.01.2004. u časopisu «Tagblatt der Stadt Zürich» izašao je zanimljiv tekst o srpskoj hrani «*za poneti*». (Inf 198-www) Pre svakog polaska na posao, spremio bi sendvič *za poneti*. (Inf 19-www 9) Naravno ćevapi i vešalice mislim na kategoriju *za poneti*, jer mi se čini da Balkan drži primat po pitanju ozbiljnog roštilja. (Inf 202) Jedno jaje *za poneti* molim. (Inf 206-www) Zdrava voda *za poneti* sa slikama takmičara na juniorskom takmičenju u umetničkom klizanju, prijatno iznenađenje *za* organizatore, trenere i takmičare [...] (Inf 171-www) Za sada se ovde neće prodavati kafa *za poneti*, ali i to je u planu. (Inf 180-www) Prije odlaska obvezno se u mjesnoj uljari kupi ulja *za ponijeti* kući. (Inf 216-www) Proteini *za poneti*. (Inf 166-www) Fornetti mini peciva su moderna i zdrava hrana (bez masti) prilagođena modernom čoveku u pokretu: «Fornetti *za poneti*». (Inf 186-www)

Может быть и другая ситуация: гость или покупатель спрашивает, можно ли пищу или напиток взять с собой:

Kelneri su se pojavili sa poslužaonicima u kojima su bile servirane palačinke, koje se gotovo nisu videle od preliva, pa su čak i stranci zinuli. A onda je usledilo Vladovo pitanje (LC Ljubljana) konobaru: «Mogu li ja ovo *za poneti*?» Naravno da se šalio. Prepunih stomaka smo se vratili [...] (Inf 209-www)

Предложный инфинитив употребляется и при продаже/купле других предметов (одежды, игрушек и т. п.):

Ako vas obuzme manija shoppinga i poželite kupiti par stvarčica *za ponijeti* doma, tu je i veliki trgovački centar El Corte [...] (Inf 214-www) Način pakovanja zdrave vode podseća na prilagodljivost lego kockica: od bočica *za poneti*, preko porodičnih pakovanja do pakovanja za watercooler aparate! (Inf 163-www) Igračke *za poneti*. Deca su na ovo čarobno mesto, smešteno u samom centru grada, dolazila u pratnji roditelja ili starijih [...] (Inf 176-www)

Данный оборот получает еще одну функцию — он используется для названий типов и марок определенных изделий (портативных, переносных механизмов и устройств):

Zbog ogromne popularnosti prenosivih digitalnih audio uređaja, nova generacija sistema zvučnika «*za poneti*» proizvodi najprirodniji zvuk, najviše nivoe [...] (Inf 188-www)

Иногда предложный инфинитив сочетается с несовместимыми друг с другом понятиями:

Gole grudi, krađe i zejtin *za poneti*! (Inf 196-www)

В последнее время наблюдается сильно выраженная тенденция обыгрывать ситуацию продажи / купли, причем за рамками вышеуказанного повседневного контекста (в закусочной, кафе, ресторане, буфете, продовольственном магазине и т. п.) и в самых неожиданных местах. При этом предложный инфинитив сочетается с необычными понятиями, например, с театральным спектаклем. Так, одно высказывание начинается:

Teško da možete da naručite pozorišnu predstavu «*za poneti*»,

а заканчивается:

ali je odskora moguće dobiti Šekspira «*za doneti*». U Njujorku, gde je kućna dostava jedan od glavnih načina kupovine svega i svačega, radi pozorišna trupa Shakespeare Delivery, koja dežura kraj telefona, spremna da ekspresno dostavi sonet, odlomak ili scenu u stan ili gde god to poželi mušterija. (Inf 149)

Или:

Ako ste u Njujorku i želeli biste Šekspira «*za doneti*» po, rekli bismo, vrlo povoljnoj ceni, pozovite (212) 714-5461. (Inf 149-www)

Использование предложного инфинитива по отношению к театральной жизни встречается довольно часто:

Opera *za poneti*. Nastavljajući svoju nameru da za različita scenska dela «otvori» nove prostore u Narodnom pozorištu i van njega, uprava kuće odlučila [...] (Inf 200-www) *Za* ideju 'balet *za poneti*', u srcu i mislima, i veliki deo njene realizacije bili su odgovorni Nebojša Bradić, pozorišni reditelj i upravnik [...] (Inf 172-www)

Особенно странным (следовательно, очень экспрессивным) является сочетание предложного инфинитива со словами, выражающими абстрактные понятия типа *патриотизм*, *сила*, *заем*, *кредиты*, *развлечение*, *песня*, *праздник*, *экология*, *теория*, *нищета*:

Još se pothranjuje i u zakone ugrađuje patriotizam *za poneti*, sa istim se uvek mogla koja glava skratiti i dobro naplatiti. (Inf 153-www) Snaga *za poneti*. Naš pregled domaćeg tržišta notebook-a pokazao je da je ponuda solidna, a cene u prihvatljivim granicama. (Inf 155-www) Kreditne kartice na neki način funkcionišu kao sistem zajam «*za poneti*»: kada vam se izda kreditna kartica vaša banka vam dodeljuje kreditni limit [...] (Inf 177-www) Krediti *za poneti*. (Inf 211-www) Zabava *za poneti*. (Inf 184-www) Međutim, ni grčka pesma prošle godine nije bila «*za poneti*»!... (Inf 190-www) Proslava Dana državnosti u Kragujevcu 15. februara, na Sretenje, bio je pravi primer «praznika *za poneti*» — sve je bilo utvrđeno i obezbeđeno [...] (Inf 204-www) Ekologija *za poneti*. (Inf 208-www) [...] mogli su samo da redefinišu svoju teoriju *za poneti* i zaključe da je gospodar ovdašnjih političkih prilika ponovo na početku. (Inf 191-www) Beda «*za*

poneti» — socijalni status porodice i samopoštovanje kod devojaka. Predavačica: Biljana Branković. (Inf 201-www)

Необычным и экспрессивным становится употребление данного оборота по отношению к пустынному песку:

Dvesta grama pustinjskog peska *za poneti*, molim... Leto je na izmaku, svako od nas je ovog leta nešto iskusio.... (Inf 162-www)

Эффект неожиданности получается, когда сообщается, что части тела известных персонажей можно брать с собой. В следующем примере это относится к *guza* («попочке») одной певицы:

Guza *za poneti*! 4. Goca Tržan (pevačica): «Moguće je da se na omotu moje nove ploče nađu fotke na kojima su delovi mog tela» [...] (Inf 189-www)

Бывают и сочетания парадоксального характера (взять с собой кино, окурки):

Bioskop «*za poneti*». Digitalni projektor U3-810SF japanske firme PLUS Vision Corp., osnovni model serije projektora zasnovanih na najnovijoj DLP [...] (Inf 165-www). Irska: Opušci — *za poneti.* U Irskoj, od kraja marta, možete da zapalite cigaretu samo na mestima na kojima ne želite da budete — u zatvoru [...] (Inf 195-www)

Самым интересным является пример, в котором говорится о том, что можно даже и пешеходный переход взять с собой:

Slučaj novopostavljenog pešačkog prelaza ispred Republičke skupštine se ne smiruje. Juče su protiv spornog pešačkog prelaza organizovane čak dve akcije. Najpre su članovi redakcije «Ošišanog ježa» napravili «Prvi srpski pešački prelaz za poneti». Oni su u Ulici generala Ždanova ispred svoje redakcije rasprostrli platneni pešački prelaz, i prešli ulicu. Vozači automobila, koji su odmah napravili kolonu, strpljivo su čekali da svi pešaci pređu. Potom je prisutnim građanima podeljen «Pešački *za poneti*» na kojem stoji i uputstvo: «Kad čuješ pištaljku, izvadi 'Prelaz' iz džepa, brzo stani na svoje noge i sačekaj da ti se policajac izvini». I ovom prilikom, kao i u sličnim svečanim prilikama, bilo je poželjno održati govor. Govornik je bio Paja Minčić, prvak drame i komedije «Ošišanog ježa». (Inf 170-www)

В одной реакции на такое употребление вместо *pešački prelaz* (пешеходный переход) используется *zebra* (зебра):

Što je bio vaš utisak ove nedelje: Suđenje u Hagu, zebra *za ponijeti*, Milova da nikada nije rekao da referenduma mora biti [...] (Inf 213-www)

Предложный инфинитив иногда употребляется для того, чтобы высмеять кого-нибудь или что-либо, чтобы передать иронию и т. п. Поэтому он часто встречается в анекдотах типа:

Radila plavuša na kiosku. Dolazi momak i traži kutiju kondoma. — Za ovdje ili *za ponijeti*? (Inf 150-www)

14. В русском языке яркую экспрессивность имеет инфинитив в конструкции с дательным падежом (обычно с отрицанием) для выражения необходимости совершить действие:

Закипела тут во мне горючая слеза, и сразу я решил: «Не *бывать* тому, чтобы нам порознь пропадать!» (Шолохов 19756: 41)

15. Экспрессивность инфинитива сильно проявляется и в поэзии. В этом виде художественного творчества выделяются случаи, когда целое стихотворение состоит из инфинитивов, т. е. когда отсутствуют (полностью или частично) другие глагольные формы. Такой прием мы называет инфинитивизацией. В русской поэзии она настолько распространена, что можно выделить особый тип стихотворений — инфинитивную поэзию. Одним из лучших примеров является стихотворение С. Гандлевского «Устроиться на автобазу...», написанное в 1985 году:

Устроиться на автобазу
И *петь* про черный пистолет.
К старухе-матери ни разу
Не *заглянуть* за десять лет.
Проездом из Газлей на Юге
С канистры кислого вина
Одной подруге из Калуги
Заделать сдуру пацана.
В рыгаловке рагу по средам,
Горох с треской по четвергам.
Божиться другу за обедом
Впаять завгару по рогам.
Преодолеть попутный гребень
Тридцатилетия. Чем свет
Возить «налево» лес и щебень.
И *петь* про черный пистолет.
А не обломится халтура —
Уснуть щекою на руле,
Спросонья вспоминая хмуро
Махаловку в Махачкале.
(С. Гандлевский. «Устроиться на автобазу…»)

Как видно, только на одном месте появляется форма будущего времени (*обломится*) и деепричастия (*вспоминая*). Об этом стихотворении писал А. К. Жолковский: «В широком интертекстуальном смысле стихотворение следует изощренной минималистской поэтике варьирования одного формального принципа, здесь —

того, что я назову абсолютно инфинитивным письмом» (Жолковский 2002: 34). Семантическим ореолом инфинитивного письма, продолжает он, является медитация об альтернативном жизненном пути. В анализе логики этого «мысленного инфинитивного эксперимента по освоению хабитуса и словаря блатного шофера» А. К. Жолковский замечает: «Все строфы, кроме одной, целиком состоят из инфинитивных предложений. Все предложения, кроме одного, простые, сочиненные паратаксисом. У всех инфинитивов один и тот же неопределенный субъект. Все инфинитивы располагаются в началах строк. В тексте всего один личный глагол, одно деепричастие и четыре прилагательных [...] Сюжетом служат банальные события из жизни шофера-дальнобойщика, и автомобильная лексика проходит в каждой строфе (*автобаза*; *канистра*; *завгар*; *попутный*; *руль*). Блатной элемент тоже представлен повсюду, хотя сначала приглушенно (*черный пистолет*; *старуха-мать*)». (Там же: 34—35) А. К. Жолковский констатирует, что инфинитивность разрабатывается с постепенной аккумуляцией разнообразия и кольцевым замыканием. Синтаксическое членение строф на инфинитивные конструкции образует эффектную композицию (1+1+2 — 4 — 0+0+2 — 1,5+2,5 — 4). «Сначала длина инфинитивных предложений нарастает от одной строки до целой строфы, потом происходит падение почти до минимума, затем новое, причем иное, динамически сдвинутое нарастание (III: 1,5 + 2, 5) и, наконец, вторичное достижение максимума. Разнообразно и расположение инфинитивов по строкам в строфах» (Там же: 35). Первым сильным местом он считает вторую строфу: она состоит из одного предложения. Появление инфинитива, продолжает А. К. Жолковский, оттянуто до последней строки. Инфинитив управляет двумя дополнениями и тремя обстоятельствами, два из которых богато распространены, хотя и без привлечения гипотаксиса. Третья строфа, которая отличается «модальной двухэтажностью инфинитивов», перебивает инфинитивную инерцию вводом безглагольных предложений и сбоем мелодического размаха. «Но в двух последних строках достигается новый рекорд: подчинение инфинитива инфинитиву (*божиться… впаять* в смысле «божиться, что впаяешь») создает двухэтажность предикатов, удваивая модальность описываемого». Сюжетное успокоение-завершение вносит мотив засыпания, перекликающийся с «усыпительными финалами» многих инфинитивных текстов.

А. К. Жолковский открывает повод для написания такого стихотворения: «По устному сообщению Гандлевского, на „Устроиться…“ повлиял инфинитивный финал последнего из четырех посланий Набокова „К Кн. С. М. Качурину“ о виртуальной поездке автора в Россию с подложным паспортом, кончающейся желанием

> *вернуться домой* /.../ *В пампасы молодости вольной*, / *в тексасы, найденные мной,*

т. е. в жизнь и смерть по Майн-Риду, читанному в детстве и обретенному в эмигрантской реальности» (Там же: 38). А. К. Жолковский предполагает, что возможные подтексты для стихотворения С. Гандлевского обнаруживаются в частично инфинитивных оттепельных стихах советского поэта старшего поколения Александра

Межирова. Но, с другой стороны, «Устроиться…» сознательно отталкивается от 2-го стихотворения «Литовского дивертисмента» И. А. Бродского — «Леиклос [Улица в Вильнюсе]»[8].

Родиться бы сто лет назад
и, сохнущей поверх перины,
глазеть в окно и видеть сад,
кресты двуглавой Катарины;
стыдиться матери, *икать*
от наведенного лорнета,
тележку с рухлядью *толкать*
по желтым переулкам гетто;
вздыхать, накрывшись с головой,
о польских барышнях, к примеру;
дождаться Первой мировой
и *пасть* в Галиции — за Веру,
Царя, Отечество, — а нет,
так пейсы *переделать* в бачки
и *перебраться* в Новый Свет,
блюя в Атлантику от качки.

А. К. Жолковский продолжает: «Не дублируя убедительных лексических и тематических сопоставлений Лекманова (согласно которому, Бродский подменяет “патриотичную русскость” Блока гротескной игрой с “еврейскостью” лирического героя, а Гандлевский возвращает “иному” русскость, но с иронией), сосредоточусь на инфинитивном аспекте вопроса. “Леиклос” — одно из многих инфинитивных стихотворений Бродского, но единственное, написанное 4-ст. ямбом, что дополнительно укореняет его в блоковско-пастернаковской традиции (несмотря на смену рифмовки: МЖМЖ вместо ЖМЖМ). Оно являет образец почти абсолютно инфинитивного письма — за тем исключением, что первый инфинитив дается под знаком оптативного *бы,* далее постепенно забывающегося. Все инфинитивы, кроме одного, располагаются в началах строк. Синтаксическое разнообразие достигается, в отличие от Блока и Пастернака, и как в дальнейшем — у Гандлевского, без обращения к гипотаксису и деепричастиям». (Там же: 39)

Отметим, что А. К. Жолковский в данном стихотворении находит особый тип инфинитива — автономный. «Автономные инфинитивы являются носителями специфического “медитативного” наклонения, не отраженного в “Русской грамматике”, которая сосредотачивается на неавтономных конструкциях со значениями желательности, невозможности и т. п. [...] Это наклонение, сконструированное

[8] Тему «Бродский и инфинитивное письмо» А. К. Жолковский рассматривает в отдельной статье (Жолковский 2000).

многообразной риторической разработкой стихотворного инфинитивного письма, для практической речи нехарактерной, можно считать вкладом поэзии в развитие естественного языка». (Там же: 41)

В анализе этого же стихотворения Анатолий Воробей подчеркивает другие моменты и аспекты: «У Гандлевского прием использован, на мой взгляд, очень уместно. У инфинитивов есть несколько функций. Одна — как в феврале, неопределенная модальность. То ли надо достать чернил, то ли можно достать чернил, то ли хорошо бы достать чернил и плакать. Другая и, пожалуй, самая распространенная в стихах, особенно в современных — "вот бы". У Гандлевского же внешне то же самое "вот бы" — примерка чужой судьбы. Но есть и еще одна, сугубо инфинитивная функция — неопределенность времени. С одной стороны, в стихе есть явная последовательность действий. Мы можем заменить все, кроме подчиненного *впаять*, на прошедшее — *устроился на автобазу* и *пел про черный пистолет*. Единственное, где изменился бы смысл — в конце на "уснуть", да и то не очень сильно:

Не обломилась мне халтура, уснул щекою на руле.

Можно поставить за настоящее время *гребень*, тогда будет *свожу*, *спою*, *усну*. Но тогда исчезнет главное — неявное ощущение того, что речь идет об одном дне и жизни, спрессованной в этот день. С утра устроился, поехал, к матери не заскочил — вместо этого к подруге, потом обед, перевалил через горку, найдется халтурка — еще поработаю, нет — посплю. Инфинитивы допускают оба смысла одновременно. В результате на клише "жизнь-дорога" накладывается "жизнь-день" и получается весьма интересная интерференция, с пиком как раз в "гребне тридцатилетия"». (Воробей. Инфинитивная поэзия-www). Сам прием инифинитивизации Анатолий Воробей критически оценивает: «В последние 2—3 года я ловлю себя на том, что к инфинитивным стихам отношусь с медленно растущим раздражением. По-моему, этот прием исчерпал себя; но как часто бывает в таких случаях, именно тогда, когда от него лучше уже отказаться, он, наоборот, становится все более популярным и превращается даже в клише (не слишком частое, к счастью)». (Там же)

Интересным инфинитивным стихотворением являются стихи А. А. Блока «Грешить бесстыдно, непробудно...»:

Грешить бесстыдно, непробудно,
Счет *потерять* ночам и дням,
И, с головой от хмеля трудной,
Пройти сторонкой в Божий храм.

Три раза *преклониться* долу,
Семь — *осенить* себя крестом,
Тайком к заплеванному полу
Горячим *прикоснуться* лбом.

Кладя в тарелку грошик медный,
Три, да еще семь раз подряд
Поцеловать столетний, бедный
И зацелованный оклад.

А воротясь домой, *обмерить*
На тот же грош кого-нибудь,
И пса голодного от двери,
Икнув, ногою *отпихнуть*.

И под лампадой у иконы
Пить чай, отщелкивая счет,
Потом *переслюнить* купоны,
Пузатый отворив комод,

И на перины пуховые
В тяжелом *завалиться* сне...
Да, и такой, моя Россия,
Ты всех краев дороже мне.

Характерным в этом стихотворении является обилие деепричастных оборотов, с виртуозным разнообразием определяющих инфинитивы (Жолковский 2002). «Блоковская тема «греха/покаяния» оригинально наложена на один из ореолов инфинитивного письма — «однообразную повторность мысленно обозреваемого чужого образа жизни». (Там же: 36)

А. К. Жолковский вводит понятие инфинитивного письма. Под этим он подразумевает тексты, содержащие достаточно автономные инфинитивы, т. е. «(а) абсолютные инфинитивы, образующие самостоятельные предложения (типа:

Грешить бесстыдно, непробудно),

не подчиняющиеся никаким управляющим словам (типа *чтобы*; *можно*; *хочу*; *желание*) или связкам (в отличие от:

Печальная доля — так сложно, / *Так трудно и празднично жить*)

и грамматически не привязанные к конкретным лицам и более специальным модальностям (в отличие от:

Быть в аду нам...; *Эх, поговорить бы иначе...*; *Мне бы жить и жить...*; *Не поправить дня усильями светилен...*);

или (б) инфинитивные серии, зависящие от одного управляющего слова и благодаря своей протяженности развивающие мощную инерцию. Таковы почти целые строфы в “Онегине”, начиная с первой, описывающие характер и времяпрепровождение героя:

(*Какое низкое коварство* / *Полуживого забавлять*, / *Ему подушки поправлять*...),

две из четырех строф державинского “Снигиря”:

(*Кто перед ратью будет, пылая*, / *Ездить на кляче, есть сухари*...)

и почти все фетовское:

“*Я пришел к тебе с приветом*...”

с его четырьмя анафорическими *Рассказать*». (Там же: 41) А. К. Жолковский отличает инфинитивное письмо от другого минималистского стиля — назывного — следующим образом: «Классические *Шепот, робкое дыханье*... и *Ночь. Улица. Фонарь. Аптека*… представляют описываемое как имеющее место здесь и сейчас[9]. Инфинитивы, напротив, трактуют о неком “там” — виртуальной реальности, которую поэт держит перед мысленным взором в порядке “медитации об ино-бытии” (медитации, насущность которой усиливается благодаря наличию у русского инфинитива также значения повелительности; соображение Т. Д. Корельской)» (Там же). Этот автор дает краткий комментарий развития такой формы поэтического творчества[10].

---

[9] О таком типе назывного, или именного, стиля в русском поэзии см. (Иванов Вяч. Вс. 1981, Панченко 1993).

[10] «Развитие русского инфинитивного письма начинается еще в силлабический период и сразу обнаруживает ориентацию на иностранные — французские и античные — источники. В сатирах Кантемира есть инфинитивные серии, описывающие как порицаемое, так и образцовое поведение. Риторически ориентированная поэзия XVIII в. богато разрабатывает эти возможности. Пример разоблачительного письма — “На модное остроумие 1780 года” Державина (абсолютные инфинитивы, кроме концовки: *Вот остроумием что часто мы считаем).* У Ржевского есть иронический “Портрет” (1763) влюбленного: ... *Желать*; *желав*, *не знать желанья своего*. / *Что мило, то узреть всечасно торопиться*; / *Не видя, воздыхать*; *увидевши, крушиться*… и т. д., тоже абсолютно инфинитивный за исключением последней строки: *Се зрак любовника, несчастного в любви* (1763). “Снигирь” Державина (1800) переадресовывает “характерное” инфинитивное письмо явно положительному и восхваляемому герою. В “Евгении Онегине” немало традиционно характерологических строф — о Евгении в том же ключе, что и о Зарецком (гл. I, IV, VI), но в “Письме Онегина” (гл. VIII; 1831) происходит лирическая апроприация дотоле отчужденного дискурса типа “Портрета” Ржевского: … *как ужасно* / *Томиться жаждою любви*, / *Пылать — и разумом всечасно* / *Смирять волнение в крови* /.../ *притворным хладом* / *Вооружать и речь и взор*...). Определенную роль в серьезном освоении инфинитивного письма сыграл, по-видимому, монолог Гамлета “To be, or not to be...”, впервые вольно переложенный Сумароковым (1748) и неоднократно переводившийся на протяжении XIX и XX вв. Очередной сдвиг в эволюции инфинитивного письма открывает “Одним толчком со-

гнать ладью живую...” Фета (1887) — с образом “творчества как транспорта в иное”. За этим, около 1900 года, следует мощный модернистский всплеск, связанный с эстетизацией “иного” — будь то “возвышенно творческого” или “низкого, аморального, декадентского и т. п.”: Гиппиус, Брюсов, Сологуб, Бальмонт, Блок, Анненский, Северянин, Саша Черный, Пастернак, Ахматова, Мандельштам, Г. Иванов, Цветаева, Маяковский, Набоков. Среди советских поэтов выделю Багрицкого с его “Весной”, где “переходом в иное” оказывается превращение в зверя и даже в рыбу: *С площадки нырнуть, Раздирая пальто* /…/ *Чтоб, волком трубя У бараньего трупа*, / *Далекую течку Ноздрями ощупать*; / *Иль в черной бочаге, Где корни вокруг*, / *Обрызгать молоками Щучью икру*; / *Гоняться за рыбой, Кружиться над птицей*, / *Сигать кожаном И бродить за волчицей*, / *Нырять, подползать И бросаться в угон*, / *Чтоб на сто процентов Исполнить закон*... Новый подъем приходит с поколением шестидесятников — у Ахмадулиной, Кушнера, раннего Бродского. В меньшей степени, но вполне явственно, инфинитивное письмо представлено у Лосева, Цветкова, Седаковой, Кибирова, Иртенева и даже у прозаиков — Саши Соколова и Сорокина». (Там же: 41—42)

Причастие

0. Мнения об экспрессивном потенциале причастий довольно разные. Несовпадение взглядов особенно заметно у писателей. М. В. Ломоносов выделял возвышенную тональность причастий и поэтому считал, что «очень пристойно их употреблять в высоком роде стихов» (цит. по [Кавецкая 1975: 139]). Выразительную краткость причастий отмечал А. С. Пушкин. С другой стороны, А. М. Горькому не нравились слова с шипящими звукосочетаниями (*вши*, *вша*, *вшу*, *ща*, *щей*), которые он называл «насекомыми» и без которых, по его мнению, вполне можно обойтись: «А за слогосочетаниями Вы совершенно не следите: “вших-ся”, “вшимся” — очень часты у Вас. Все эти “вши”, “ши” и прочие свистящие и шипящие слоги надобно понемножку вытравлять из языка [...] Избегайте таких слогов, как “щущих”, “щая”, “щей”, “вшей”, а также вообще шипящих и свистящих везде, где они не звукоподражательны. “Трепещущая тишина” не изображает тишины, потому что слоги “щу”, “ща” слишком определенно звучат»[1]. (Причастие — www) К. И. Чуковский, однако, думал иначе: «Недавно один знаменитый писатель сравнивал это повторение *-щих* с многократным чиханием: от ликующих, праздно болтающих, но, очевидно, народу, который создал эти звуки, они не противны, если он сохраняет их у себя в языке». (Из работы «Некрасов как художник» (цит. по [Там же]). Ни одна грамматическая норма не вызвала столько противоречивых оценок и замечаний по поводу ее использования в русской художественной литературе, как причастия (Там же: 138).

Экспрессивный потенциал причастий связан с широтой их значений, возможностью позиционного варьирования, синонимизации, выражения возвышенности и торжественности. Их характерная звуковая выразительность может вызвать разнообразные предметно-смысловые ассоциации и усилить выразительность. Причастия могут образовать синонимическую пару с однокоренными прилагательными (причастиями подчеркивается действенная сторона, а прилагательны-

---

[1] В романе «Жизнь Клима Самгина» Максима Горького на первые 3000 слов в каждом томе приходится 20,8% действительных причастий и 79,2% страдательных причастий (Краснов 1968). Это различие объясняется тем обстоятельством, что автор избегал употребления действительных причастий.

ми — качественная; см. [Рублева 1973]), создавать благозвучие, проявлять звукоподражательность (Краснов 1968), соотносить актив и пассив (Багаджиева 1978), выступать в синонимичных связях (Никитина 1961). В литературных произведениях причастия отличаются динамизмом, так как часто адъективизируются и дезадъективизируются (Рублева 1973).

1. Причастия слабо представлены в ЛФС. Например, в «Судьбе человека» М. А. Шолохова их всего 3,7%, а в «Даме с собачкой» — 2,7%. В этих произведениях чаще встречаются страдательные причастия прошедшего времени (75% в «Судьбе человека» и 58% в «Даме с собачкой»). Абсолютно преобладают причастия прошедшего времени (в первом произведении — 75%, а во втором — 92%)[2]. В «Судьбе человека» почти все повествование идет от лица Андрея Соколова (только в нескольких местах, в основном в начале и конце рассказа, появляется автор), и половина причастий приходится на его рассказ. Большая часть сконцентрирована в начале рассказа (в авторском введении), где мы обнаружили причастные обороты типа:

> в степи вспухли *набитые* снегом лога и балки; колеса [...] проваливались в *отсыревший*, *перемешанный* со снегом и льдом песок; запахло лошадиным потом и *согретым* деготком щедро *смазанной* конской сбруи; под ногами хлюпал *размокший* снег; все еще держался *поблескивавший* на солнце ледок; небольшая, местами *пересыхающая* летом речушка [...], в *поросшей* ольхами пойме разливалась; на утлой плоскодонке, *поднимавшей* не больше трех человек; нас ожидал старенький, *видавший* виды «виллис», *оставленный* там; из *прогнившего* днища [...] забила вода; от воды тянуло [...] горечью *гниющей* ольхи, а с дальних прихоперских степей, *тонувших* в сиреневой дымке тумана, легкий ветерок нес [...] аромат недавно *освободившейся* из-под снега земли; волна хлестнула через борт низко *сидевшей* лодки; я бережно извлек из кармана *раскисшую* пачку [...] и стал раскладывать [...] *побуревшие* папиросы (Шолохов 1975).

Значительную часть причастий (10) содержит небольшой отрывок из 96 слов (в описании одежды):

> Мальчик был одет просто, но добротно: и в том, как сидела на нем *подбитая* легкой, *поношенной* цигейкой длиннополая курточка, и в том, что крохотные сапожки *были сшиты* с расчетом надевать их на шерстяной носок, и очень искусный шов на *разорванном* когда-то рукаве курточки — все выдавало женскую заботу, умелые материнские руки. А отец выглядел иначе: *прожженный* в нескольких местах ватник был небрежно и грубо *заштопан*, латка на *выношенных* защитных штанах не *пришита* как следует, ско-

[2] В этих тестах мы нашли только один пример страдательного причастия.

рее *наживлена* широкими, мужскими стежками; на нем были почти новые солдатские ботинки, но плотные шерстяные носки *изъедены* молью, их не коснулась женская рука [...] (12).

Почти в каждом сегменте авторской речи встречаются причастия, особенно в разных описаниях (природы, одежды и т. п.). В речи персонажей употребление причастий сведено к минимуму, что является отражением незначительного присутствия этих форм в РФС. Из причастий, употребляемых главным героем, чаще всего встречаются формы страдательного причастия прошедшего времени типа *одеты*, *обуты* (Там же: 15), *разбита*, *выбита* (23), *убит* (39) и т. п. Заметную частотность имеют полные формы типа *встрепанный* (13), *тронутого*, *подрубленное* (15), *прижатые*, *раскрытые* (17), *побитая*, *срезанный* (19), *устроен* (20), *раненые*, *полусоженные*, *разбитым* (21), *растелешенные*, *подбитая*, *разбитая* (22), *убитых* (23), *замученные* (26), *открытые* (29), *стоптанными* (20), *налитая* (38), *отжатое* (38), *обитый*, *полуприкрыты* (39), *демобилизованный*, *покрытом*, *груженый* (40), *загнутых* (41). И только в двух местах мы нашли действительные причастия: *трудящую* (17) и *умерших* (25).

В рассказе А. П. Чехова «Дама с собачкой» соотношение причастий в монологической и диалогической речи более поразительно: все примеры находятся в авторской речи. Как и у М. А. Шолохова, причастия открывают повествование:

> Говорили, что на набережной появилось новое лицо: дама с собачкой. Дмитрий Дмитрич Гуров, *проживший* в Ялте уже две недели и *привыкший* тут, тоже стал интересоваться новыми лицами. (Чехов 1975: 7). И казалось, что еще немного, и решение *будет найдено* [...] (Там же).

2. На сопоставительном уровне наблюдается значительное несовпадение: в русском языке четыре причастия, а в сербском/хорватском — только два, из которых причастие прошедшего времени на *-л-*, наряду с самостоятельным, собственно причастным употреблением (типа dijete *usnulo* u majčinom krilu), используется при образовании сложных форм прошедшего времени — прошедшего времени (*čitao sam*), плюсквамперфекта (*bio sam čitao*), будущего II (*budem čitao*) и сослагательного наклонения (*bih čitao*). По форме причастие прошедшего времени совпадает с русским прошедшим временем (*čitao — читал*). Различие между двумя языками в том, что формы русских страдательных причастий могут иметь краткую и полную форму (*любимая — любима*; *прочитанный — прочитана*). Эти грамматические несовпадения переносятся также на стилистический уровень. И если мы в поле темпоральности отмечали большее стилистическое богатство сербского/хорватского языка, то здесь русский язык имеет преимущества, так как обладает четырьмя возможностями выбора, а сербский/хорватский — двумя. В нем невозможно варьировать выражением, как это имеет место в русском языке, используя причастный оборот и придаточное предложение типа:

Студент, *сдающий* экзамен, сидит за партой. — Студент, *который сдает* экзамен, сидит за первой партой.

И хотя речь идет об одной и той же мысли, между двумя предложениями имеется различие: причастием выражается действие, происходящее в данный момент, а придаточное предложение указывает на действие вообще. В сербском / хорватском языке — только одна возможность: использовать придаточное предложение:

Student *koji* /*što*/ *polaže* ispit sjedi u prvoj klupi.[3]

Анализ оригинала и перевода романа «Tvrđava» («Крепость») Меши Селимовича указывает еще на одну особенность: сербохорватское страдательное причастие очень часто переводится на русский не страдательным причастием, а прошедшим временем:

Ostali *su poklani.* (Selimović 1970: 7). Остальных *перебили.* (Селимович 1974: 5). — [...] kći pokojnog Miće Bjelotrepića, hrišćanina, *ubijenog* rukom nepoznatih i *nepronađenih* ubica. (18) Отца ее, Мичу Белотрепича, христианина, *убили* неизвестные, так и не *найденные* убийцы [...] (14). A kad *su* opet *pozvani* u rat [...] (26). А когда солдат снова *взяли* на войну [...] (20). Sinoć je imam *zadavljen* u tvrđavi sa još dvojicom seljaka [...] (29). Вчера вечером имама и еще двоих крестьян *задушили* в крепости [...] (23). [...] zato što *su ubijeni* imam i dva seljaka iz Župče [...] (25). [...] потому, что *убили* имама и двух крестьян из Жепчи [...] (25). Kao da *sam udaren.* (34) Во мне словно все *перевернулось.* (27) *Odveden je* u tvrđavu i zadavljen. (39) Ферхада *отвели* в крепость и задавили. (31) Tvojoj ženi *je isplaćen* njen dio imanja. (43) Твоей жене ведь *выплатили* ее долю наследства. (34). Za kaznu *je prebijen* i *protjeran* iz Sarajeva. (44) Его *избили* палками и *выслали* из Сараева. (35)

На фоне таких сербских / хорватских корреспондентов заметна выразительность русского причастия (лаконичность, компактность, сжатость). Ср.:

Переправляться надо было на утлой плоскодонке, *поднимавшей* не более трех человек (Шолохов 1975b: 8). — Trebalo se prebacivati trošnim čamcem ravnog dna *koji je mogao primiti* i jedva tri čoveka (Šolohov 1962: 6).

Здесь употреблены четыре слова (*koji je mogao*), а в русском одно (*поднимавшей*). В переводах русской поэзии такие случаи вызывают сложность в ритмизации стихотворения, так как они ставят переводчика перед дилеммой: если придерживаться грамматической структуры, можно нарушить метрику стиха, а если сохранить мелодический ряд, следует отступить от обычного, переводческого при-

[3] Более подробно о сербских / хорватских причастиях см. (Musić 1934, 1935, Stevanović 1956, Pešikan 1959, Tanasić 1982). Об экспрессивном употреблении действительного причастия см. (Trezner 1971 / 72, Težak 1970/71).

ема. Например, несколько причастий в стихотворении Константина Бальмонта «Придорожные травы» переведены при помощи деепричастий:

> Спите же, *взглянувшие* на страшный пыльный путь. — Spavajte, *gledajući* taj drum, prašnjav i prek; Спите, не *видавшие* расцвета красоты — Spavajte, ne *saznavši* lepotu cvetanja (Antologija 1977: 409).

В какой степени речь идет о неадекватном переводе, можно судить по такому факту, что и в русском языке можно было употребить деепричастие. Последняя строфа стихотворения К. Бальмонта «Ковыль» еще нагляднее показывает, насколько сжатость русского причастия является ярко выраженной особенностью и как трудно ее переводить:

Месяц меркнет, омрачается,
Догорающий и *тающий*,
И дружа, ковыль качается,
Точно призрак *умирающий*.
S potamnelom lunom sliše se
Ugasnule mračne plaveti,
A kovilj drhti, njiše se
Poput *umirućih* aveti.
(Antologija 1977: 399)

Формальная и семантическая компактность причастия сильно проявляется в глагольной рифме, что еще больше затрудняет перевод. В подобных случаях переводчики обычно деглаголизируют рифму, используя вместо причастий неглагольные формы. В приведенном стихотворении К. Бальмонта в трех (из четырех) строфах появляется непарная глагольная рифма (*умирающий — догорающий*, *мелькнувшее — минувшее*, *тающий — умирающий*), которая в переводе имеет другой вид (*aveti — plaveti*, *silama — mogilama*, *plaveti — aveti*).

В поэзии при помощи причастий можно создавать благозвучие, лаконичность и т. п. Одним из способов их экспрессивного использования является концентрация причастий. Самым впечатляющим примером является стихотворение Дмитрия Кедрина «Я», состоящее из восьми стихов с девятью причастиями (нет других глагольных форм):

Много *видевший*, много *знавший*,
Знавший ненависть и любовь,
Все *имевший*, все *потерявший*
И опять все *нашедший* вновь.
Вкус *узнавший* всего земного
И до жизни жадный опять,
Обладающий всем и снова,
Все *боящийся* потерять.

В этом стихотворении имеет место сознательное нарушение грамматической структуры в том отношении, что причастия — единственные формы глагола и что они не сопровождаются словами, с которыми они в «нормальных» контекстах обязательно сочетаются и от которых формально зависят. Здесь причастия не имеют такой поддержки, и вся семантико-грамматическая нагрузка переносится на них. Эллиптическая выразительность усилена отсутствием личных глагольных форм и личных местоимений[4], чем нейтрализуется динамичность, а выражение становится экспрессивным. Одной из основных особенностей этого стихотворения является недосказанность. Причастие способствует тому, что мысль не доводится до конца, и таким образом достигается большая ассоциативность. Если бы не было заголовка, стихотворение можно было бы воспринять более широко, обобщенно и абстрактно. Причастие здесь служит для выражения предчувствия и способствует тому, что читатель становится активным участником художественного акта. И в отношении звуковой выразительности причастие создает определенные эффекты. Повторением шипящих согласных создаются звуковые картины, на основе которых возникают ассоциации. Морфема *-вши-* проходит через всю ткань стихотворения и производит сильное акустическое впечатление, создает специфический мелодический резонанс. Она, пересекая структурные направления стихотворения, акустически выделяет причастие среди остальных грамматических форм.

Из-за отсутствия соответствующих причастий в сербском/хорватском языке экспрессивность русских причастий трудно сохранить при переводе. В формальном переводе, приблизительно таком:

Onaj *koji je* mnogo *vidio*,
onaj *koji je* mnogo *znao* [...],

нарушается метрика, исчезает лаконичность, становится неясной звуковая картина. Поэтому нужно искать другой способ, который бы отвечал трем основным критериям: сохранению числа слогов, соблюдению перекрестной рифмы и употреблению только одной формы глагола, адекватной русскому причастию. Проблема заключается в том, что причастие в данном случае проявляет свою двойственность в семантико-грамматической структуре, ту эквилибристику между процессуальностью и атрибутивностью, тот, очень тонкий, и, в который раз, едва уловимый нюанс. Таким образом, вместо формально адекватного перевода следует прибегнуть к свободному, который бы отвечал приведенным критериям. В качестве первого решения можно использовать деепричастия, которые, согласно нашему анализу, часто появляются вместо русских причастий в переводной русской поэзии. Однако в этом случае их употребление является не лучшим решением, так как Д. Кедрин мог использовать деепричастия:

---

[4] Обезличение обычно связано с пропуском местоимения и интерверсией личных глагольных форм.

Mnogo *vidjevši*, mnogo *spoznavši*,
Spoznavši mržnju i ljubav,
Sve *imavši*, sve *izgubivši*
I sve *našavši* iznova.
Ukus *osjetivši* svega zemaljskog
I života *ostajući* žedan,
Posjedujući sve i opet
Sve *bojeći se* gubitka.

Употребление деепричастий не позволяет передать метрику и ритмику оригинала. Проблема и в том, что нельзя сохранить перекрестную глагольную рифму.

Следующей возможностью является употребление временных форм. Так как причастия, используемые в тексте, отсутствуют в сербском/хорватском языке, нужно найти форму, близкую русским причастиям и экспрессивную. Одно из решений — употребление аориста. Однако если мы остановимся на этом выборе, то получим недостаточное обезличение: высказывание будет относиться только ко второму и третьему лицу:

Mnogo *vidje*,
mnogo *spozna* [...]

Кроме того, аорист употребляется при описании событий, которые происходили моментально, а этого нет в данном стихотворении — в нем действие развивается в более широком временном периоде, и в некоторых местах нужно использовать имперфект, который выражает действие/состояние, продолжавшееся и повторявшееся в течение более длительного времени. Но и это является недостаточным, так как в последних стихах нужно употребить деепричастие. Таким образом, для обозначения одной русской формы надо использовать две или три сербские/хорватские, что не желательно, поскольку нарушается грамматическая непрерывность оригинала.

Использование прошедшего времени также нельзя считать лучшим выбором: его употребление значительно бы удлинило стихи, полностью бы нейтрализовало безличность, так как переводчик должен частично дистанцироваться от своего «я» употреблением 3-го лица:

Mnogo *je vidio*,
mnogo *je znao* [...]

или решиться на изложение в 1-м лице единственного числа:

Mnogo *sam vidio*,
mnogo *sam znao* [...]

Кажется, самым адекватным является краткий перфект. Употребление этой формы имеет несколько положительных элементов: сохраняется лаконичность русско-

го причастия (так как и краткий перфект — компактная грамматическая форма), метрика и рифма, а обезличение становится более выразительным, чем при употреблении полных форм прошедшего времени. Следует иметь в виду то, что стихотворение Д. Кедрина интонировано больше статистически, чем динамически, действие представлено как результат. Статичность стихотворения такова, что причастие в нем ближе к прилагательному, чем к глаголу. Все это (результативность, статичность, безличность) можно выразить кратким перфектом. Здесь он удобен и из-за того, что формально, семантически и стилистически отличается от русского прошедшего времени. И так мы приходим к выводу, что русские причастия лучше всего перевести сербскими / хорватскими формами краткого перфекта:

Mnogo *vidio*, mnogo *znao*,
Mrzio, često *ljubio*,
Sve *imao*, sve *proćerdao*
I ponovo sve *dobio*.
Sve ovozemaljsko *volio*,
Života željan *ostao*,
blagostanje sebi *stvorio*,
Zalud: u strahu *ostao*.[5]

К этому выбору нас склоняют и известные стихи Бранко Радичевича, в которых использован краткий перфект:

Mnogo *hteo*, mnogo *započeo* [...]

Проведенный анализ указывает на стилистическую ценность русских причастий и трудности при ее передаче на языки, в которых нет таких форм. Стихотворение Д. Кедрина демонстрирует значение причастий как средства лаконичного, экономичного выражения, средства обезличения, ритмики, акустичности и т. п. Однако этим не ограничиваются экспрессивные возможности причастий. Русские причастия могут создавать оттенок торжественности, высокопарности. Покажем это на примере заключительной части стихотворения М. Ю. Лермонтова «Смерть Поэта».

А вы, надменные потомки
Известной подлостью *прославленных* отцов,
Пятою рабскою *поправшие* обломки
Игрою счастия *обиженных* родов!

[5] Этим не исчерпываются все возможности. Одна из них — употребление отглагольных существительных (Mnogo *gledanja*, mnogo *znanja* [...]), прилагательных (Pogledom *dubok*, znanja *prepun*), страдательного причастия (Pogledom i znanjem *prodoran* [...]), комбинация некоторых из приведенных способов и т. п. Такие варианты имеют определенные преимущества, но и недостатки.

Вы, жадною толпою *стоящие* у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!

Тон стихов — возвышенный, осуждающий и предостерегающий. В переводе вместо причастий используются различные формы — аорист (*zgaziše*), прилагательное (*propalih*), настоящее время (*puzite*), что создает пестроту, которой нет в оригинале (Antologija 1977: 209).

В прозе причастие в основном сохраняет особенности, отмеченные в поэзии, и вызывает такие же трудности при переводе.

То, что отличает русское причастие от сербских/хорватских корреспондентов, это — разнообразие, возможность синонимизации, варьирования и замены. Использованием причастий (причастных конструкций) и синонимичных ему слов и сочетаний в узких текстуальных контекстах усиливается разнообразие изложения, так необходимое во всех видах прозаического выражения. Благодаря причастной конструкции, можно избежать чрезмерного и нескладного нагромождения придаточных предложений с соединительным словом *который*. В сербском/хорватском языке это возможно только тогда, когда речь идет о страдательном причастии прошедшего времени. Кроме того, можно также варьировать союзами *koji* и *što*, хотя и здесь бывают случаи, когда очень трудно или невозможно воспользоваться данным приемом (в качестве ограничивающего фактора выступает поляризация названных союзов на сербские и хорватские. Например, если Изет Сарайлич в стихотворении «Rođeni dvadeset treće, streljani četrdeset druge» («Рожденные в двадцать третьем, расстрелянные в сорок втором») хотел или должен повторить одну и ту же конструкцию:

Mi *koji smo* na peronima jednog veka
odbolovali samoće svih svetskih Robinzona,
mi, *koji smo nadživeli* tenkove i nikog *nismo ubili* [...],

то русский переводчик мог воспользоваться обеими возможностями:

Мы, *которые* по перронам века
отболели одиночеством всех мировых Робинзонов,
мы, *пережившие* танковые атаки и никого не *убившие* [...]
(Из совр. поэзии 1972: 75)

Исчезновение в сербском/хорватском языке некоторых причастий отрицательно сказалось на экспрессивном потенциале. С уменьшением числа причастий сократилась возможность лаконичного и разнообразного выражения. В связи с этим Меша Селимович пишет: «Вуку [Караджичу] принадлежит вся заслуга в том, что он разработал и в целом сформулировал демократический взгляд на язык, литературу и культуру и что он осуществил его историческую инаугурацию, достиг предельно возможного, став выразителем стремлений своего времени и предводителем своего народа. При этом не следует забывать, что язык и мысль в этой

революции утратили часть своих возможностей и что в известной степени была потеснена смысловая сторона и недооценено богатство духовной многосторонности» (Selimović 1975: 162).

Русское причастие входит в синонимические сочетания с прилагательными типа *желтеющий* лист — *желтый* лист. Причастием выражается процесс, еще не завершенный, а прилагательным — признак в окончательном виде. Стилистически-семантические оттенки таких сочетаний особенно заметны в тех случаях, когда синонимическую пару образует причастие и однокоренное прилагательное: *летящий — летучий*, *висящий — висячий*, *дремлющий — дремучий*, *горящий — горячий*. Пара может быть расширена паронимическими элементами (*бродящий — бродячий — бродяжий*). В таких сочетаниях хорошо заметно семантико-стилистическое различие между причастиями и прилагательными: значение причастия относится к моменту речи, а значение прилагательного имеет вневременной характер (прилагательное обозначает постоянную, неизменяемую особенность или свойство)[6].

3. Игра с причастиями может вызвать сильную экспрессию. Так, Александр Левин превращает их в существительные (но не так, как это делается при субстантивации причастий типа *заключенный*, *верующая*, *ископаемое*): он убирает корень, и остаются только грамматические элементы (суффиксы и окончания) без лексического значения. Такие формы можно назвать defektoverba appelativa (дефектными нарицательными глаголами):

Все *аемые* и *яемые*
всем *ающим* и *ающим*:
«Что вы щиплетесь, что вы колетесь!
как вам не ай и яй!»
Все *ающие* и *яющие*
всем *аемым* и *яемым*:
«А вы двигайтесь, двигайтесь!
Ишь, лентяи-яи!»

Все *ущиеся* и *ющиеся*
всем *ащимся* и *ящимся*:
«Что вы акаете? Что вы якаете,
как москвичи?»

---

[6] Об этом также см. Tošović 1988: 314—328, 343—344. Русский язык имеет еще одно преимущество: синонимию действительного причастия настоящего времени с отрицанием и адъективизированного причастия (*не забывающий — незабываемый*), причастия и прилагательного с суффиксом *-им-* (*не умоляемый — неумолимый*), действительного причастия прошедшего времени и прилагательного (*устаревший — устарелый*) и т. п.

Все *ащиеся* и *ящиеся*
всем *ущимся* и *ющимся*:
«А вы не мычите, не брюзжите
и отстаньте-яньте!»

Все *ательные-ятельные*
всем *ованным-ёванным*:
«Почто ругаетесь матерно
в общественных местах?»
А каждый *ованный-ёванный*
каждого *ательного-ятельного* —
к маме евонной
лично и недвусмысленно!

Блаженны *инные* и *янные*, ибо их есть
царствие небесное.
Блаженны *авливаемые-овываемые*, ибо их есть
не пора еще.
Блаженны *ующиеся-ающиеся*, ибо их есть
нихт вас нах послать унд вас нах пойтить.
Дважды блаженны *айшие* и *ейшие*, ибо их есть
у нас, а нас есть у них!
(Александр Левин. Все аемые и яемые…)

Причастные «остатки» используются для номинации людей. При помощи таких метаплазм осуществляется предельное обобщение. Этими примерами автор показал, что, несмотря на отсутствие корня, слово может нормально функционировать. В роли существительных выступают все типы усеченных причастий (действительных и страдательных, настоящего и прошедшего времени) и причастные маркеры: 1) *ащимся, ящимся*, *ащиеся*, *ящиеся*, *ающие*, *яющие*, *ающим*, *яющим*, *ущиеся*, *ющиеся*, *ущимся*, *ющимся*, *ующиеся*, *ающиеся*; 2) *айшие*, *ейшие*; 3) *аемые*, *яемые*, *аемым*, *яемым*, *авливаемые*, *овываемые*; 4) *ованный-ёванный*, *ованным-ёванным*[7].

Общей чертой причастий является книжный характер. «Это объясняется историей причастий. Основные разряды причастий относятся к элементам литературного языка, заимствованным из старославянского языка, что сказывается на ряде их фонетических особенностей, например, в наличии *щ* в причастиях настоящего времени: *текущий, горящий,* которым соответствуют прилагательные *текучий, горячий,* представляющие собой по происхождению древнерусские причастия, а

[7] Это стихотворение пронизано самыми различными мотивами — начиная с Жванецкого (*А вы двигайтесь, двигайтесь* — речь идет о дамах), повседневными мотивами (поведение москвичей: *Что вы якаете, как москвичи*?), библейскими мотивами (стихи, начинающиеся словом *Блаженны*).

также в наличии у ряда причастий перед твердым согласным под ударением *е,* тогда как в глаголах, от которых они образованы, при этих же условиях имеется *ё* (*о*): *пришедший,* но *пришёл, изобретший,* но *изобрёл, расцветший,* но *расцвёл*» (Гвоздев 1965: 200). В настоящее время, продолжает А. Н. Гвоздев, причастия являются принадлежностью литературного языка (они отсутствуют в диалектах), почти не встречаются в разговорной речи, и дети их не усваивают до школы. «Особняком стоят краткие причастия прошедшего времени страдательного залога *(написан, принесен, налит),* которые широко используются в бытовой речи и употребляются в диалектах. Наоборот, для разных стилей книжной речи полные причастия представляют собой одно из необходимейших средств, которое используется исключительно широко. Это связано с тем, что причастия способствуют сжатости речи, давая возможность заменять придаточные предложения, ср.:

Предприятия, досрочно выполнившие план и *Предприятия, которые досрочно выполнили план*; *Избранный общим собранием делегат* и *Делегат, которого избрало общее собрание*.

В газетной речи почти всегда предпочитаются обороты с причастиями» (Гвоздев 1965: 201).

4. Формы причастий по-разному представлены в ФС. В нашем корпусе, который содержит 91 572 слова, мы нашли всего 870 причастий, или 0,95%. Их распределение по стилям выглядит следующим образом: ЛФС — 0,8%, ПФС — 2,6%, НФС — 2,1%, ОФС — 1,3%, РФС — 0,3%. Причастия имеют книжный характер и поэтому чаще всего употребляются в ПФС, НФС и ОФС, реже в РФС[8]. В РФС настоящего времени действительного и страдательного залога малоупотребительны: «Причастия настоящего времени действительного залога, т. е. причастия на *-ущий*, *-ащий* составляют 8,5% всех причастий, а причастия настоящего времени страдательного залога, т. е. причастия на *-мый*, составляют 7,3%. И те, и другие чаще адъективированны» (Кретова 1956: 19). В наших материалах мы нашли всего пять

[8] В драме «Феномены» (Горин 1980), отражающей РФС, мы нашли 15 причастий (из 1996 глагольных словоформ), а в драме «Поставьте мальчику тройку» (Иващенко 1980) еще меньше — 6 из 1479 слов. В этих текстах преобладает использование страдательных причастий прошедшего времени (в драме «Феномены» из 15 на них приходится даже 10, а в драме «Поставьте мальчику тройку» из 17 их имеется 14). В исследуемых В. Н. Кретовой материалах причастия страдательного залога прошедшего времени составляют 81,5% от общего количества причастий, причем преобладает краткая форма этих причастий (Кретова 1956: 18). Причастия в выборке, рассмотренной О. В. Вишняковой, занимают 0,1% всех словоформ (Вишнякова 1967: 12). Употребление причастий в РФС зависит от возраста: дети младшего возраста не используют причастия и только в школе начинают их усваивать. За исключением краткого страдательного причастия они не представлены в диалектах (Гвоздев 1965: 201).

причастий действительного залога настоящего времени. Кроме того, представители отдельных областей, общественных слоев, возрастных групп, профессий и т. п. не в одинаковой степени употребляют эти формы[9].

5. Под влиянием книжной речи, в РФС отмечается тенденция расширения сферы употребления причастий. «Причастия вообще малоупотребительны в разговорной речи, хотя в речи современных носителей языка они более употребительны, чем в прошлом веке — здесь сказывается влияние книжной речи на разговорную» (Васильева 1976а: 198).

6. Во всех стилях, за исключением ОФС, чаще встречаются причастия прошедшего времени (ЛФС 94,1%, ПФС 70,5%, НФС 56,9%, ОФС 48,4%, РФС 85,7%), чем причастия настоящего времени (ЛФС 5,9%, ПФС 29,5%, НФС 43,1%, ОФС 51,6%, РФС 14,3%). Самая большая разница в употреблении причастий настоящего и прошедшего времени отмечается в ЛФС (6% : 94%), а самая маленькая — в ОФС (52% : 48%). Причастия настоящего времени наиболее частотны в ОФС, реже всего встречается в ЛФС. Исключительно высокую частотность имеет причастие прошедшего времени в ЛФС (даже 94%).

Из всех причастных форм в нашем материале самый высокий процент имеют страдательные причастия прошедшего времени, а самый маленький — страдательные причастия настоящего времени. Существует различие в употреблении полной и краткой формы; так, в романе «Приваловские миллионы» в 56,9% случаев используется полная форма, а в 34,7% — краткая (Генкель 1974: 17).

Страдательными формами насыщен НФС, что объясняется тем, что при описании механизма, процесса, структуры внимание сосредотачивается на них самих, а не на производителе действия (Сенкевич 1976: 119). В НФС высокую частотность имеют краткие страдательные причастия, так как они более экономны. Они также предпочтительнее форм глагола в неопределенно-личном предложении, потому что способствуют объективности речи.

> ”Линия в спектре люминесценции рубина *использована* для определения состояния генератора (а не линию [...] *использовали* [...]).» (Там же: 120)

Функционально-стилистическое расслоение действительных и страдательных форм показывают следующие данные: а) действительные причастия ЛФС 31,4%, ПФС 39,7%, НФС 39,9%, ОФС 43,9%, РФС 31,4%; б) страдательные причастия — ЛФС 68,6%, ПФС 60,3%, НФС 60,1%, ОФС 56,1%, РФС 68,6%. Меньше всего действительных причастий в ЛФС и РФС (31,4%), больше всего — в ОФС (43,9%). Страдательные причастия больше употребляются, чем действительные. По употреблению страдательных конструкций стили значительно различаются: больше всего их в НФС (21,5%), меньше в ЛФС (в художественной прозе 4,4%, в

[9] Об употреблении причастий в городской речи см. (Федорова 1966).

поэзии — 4%), а ПФС занимает среднюю позицию. «Художественный стиль, как и следовало ожидать, оказался значительно беднее страдательными формами, почти лишенными свойств художественного изображения, выразительности и экспрессии» (Серебрякова 1970а: 236). Причастия неодинаково представлены в языке автора и диалогических частях: больше их в монологической речи [10].

7. В ПФС страдательные причастия прошедшего времени часто используются вместо форм прошедшего времени:

> *Принят* в эксплуатацию 18-километровый магистральный межхозяйственный коллектор Кара-Кель а таджикском оазисе Туркмении. Этим *завершено* строительство крупной коллекторно-дренажной системы на юге республики («Правда», 28 февраля, 1982, с. 2).

Из-за книжного характера передовицы содержат большое число причастий.

8. В НФС причастие имеет в основном два семантических типа: статический и процессуальный. Первым выражается состояние как результат совершенного действия, вторым — процесс, отдаленный от производителя действия [11].

9. Для ОФС характерно употребление параллельных синтаксических конструкций, причастных и глагольно-обстоятельственных (глагольно-деепричастных) сочетаний, конструкций с отглагольными существительными и т. п.).

10. Сербскохорватские причастия функционально-стилистически и стилистическо-статистически мало изучены: здесь можно привести данные только анализа Джорджа Костича, который исследовал поэзию и газетные статьи и зарегистрировал в них 0,4% форм страдательного причастия прошедшего времени (в поэтических произведениях — 0,5%, в печати — 0,3%), см. (Kostić 1966: 137). В повести Петра Кочича «Kroz maglu» («Сквозь туман») мы нашли 1,95% этих форм и 4,1% в рассказе Иво Андрича «Mustafa Madžar» («Мустафа Мадьяр»).

---

[10] Это подтверждают и данные Ю. А. Маркова, который в монологах нашел 2,5%, а в диалогах 0,3% (Марков 1964: 19).

[11] Более подробно см. (Локшина 1979).

Деепричастие

0. Деепричастие является неизменяемой глагольной формой, объединяющей признаки глагола (лексическое значение, вид, залог, управление, сочетание с наречием) и наречия (отсутствие спряжения, примыкание, обстоятельственные значения). Деепричастия выражают относительное время, т. е. время по отношению к моменту совершения другого действия (одновременное, предшествующее, последующее действие). «Деепричастие, обозначая добавочное действие, характеризующее другое действие, в первую очередь, используется для того, чтобы одно из действий отодвинуть на второй план по сравнению с другим. В этом отношении глагол с относящимся к нему деепричастием противопоставляется двум глаголам. Так:

Стоял у окна, *читая* письмо —

указывает, что основным является *стоял,* а *читая* детализирует это состояние указанием на сопровождающее его занятие, тогда как:

Стоял у окна и *читал* письмо —

представляет оба глагола равноправными и независимыми. Употребление деепричастия дает возможность установить еще одно отношение между этими глаголами:

Стоя у окна, читал письмо,

где на первом плане оказывается *читал,* а добавлением, указывающим на то, в каком положении проходило чтение, — *стоя.* Такая возможность давать сочетание равноправных глаголов, с одной стороны, и устанавливать между ними перспективу, выделяя главное и второстепенное, с другой — служит удобным средством для выражения разнообразных взаимоотношений между несколькими действиями и состояниями. Сравним:

> Он рассказывал и смеялся — Он рассказывал, смеясь — Рассказывая, он смеялся; Перебегали и стреляли — Перебегали, стреляя — Перебегая, стреляли». (Гвоздев 1969: 208—209)

1. Деепричастия распространены в книжной речи и не характерны для бытового общения.

2. В русском языке существует деепричастие несовершенного вида (настоящего времени) и деепричастие совершенного вида (прошедшего времени). Деепричастие несовершенного вида обычно обозначает действие, происходящее одновременно с основным действием. Эта форма часто употребляется в комбинации с прошедшим временем:

> Пара сытых лошадей, в струну *натягивая* постромки, еще тащила тяжелую бричку (Шолохов 1975: 7). Шофер пригнал из хутора машину, подошел к лодке и сказал, *берясь* за весло [...] (8). [...] горько *досадуя* на свою оплошность, я бережно извлек из кармана раскисшую пачку [...] (9). Хорошо было сидеть на плетне вот так, одному, целиком *покорясь* тишине и одиночеству [...] (9). *Глядя* мне прямо в глаза светлыми, как небушко, глазами, чуть-чуть *улыбаясь*, мальчик смело протянул мне розовую холодную ручонку. (9)

Деепричастие несовершенного вида может обозначать действие, происходившее до начала основного действия:

> Один из них, не *доходя* шагов нескольких, плечом дернул, автомат снял. (20)

Оно может употребляться для обозначения действия, следующего за основным действием:

> Особенно, когда ты отказался вступать в партию, *ссылаясь* на свою неграмотность. (9)

3. В «Судьбе человека» основная функция деепричастия прошедшего времени сводится к обозначению действия, происшедшего до действия главного предложения:

> [...] *взломав* лед, бешено взыграли степные речки [...] (7) [...] *сунув* руку в правый карман ватной стеганки, к великому огорчению, обнаружил, что пачка «Беломора» совершенно размокла. (8) [...] надо было, *бросив* весло, побыстрее вычерпать воду [...] (8). *Выломав* из плетня сухую искривленную хворостинку, он с минуту молча водил ею по песку [...] (11)

В некоторых случаях выражается одновременное действие:

> Он сидел, понуро *склонив* голову, только больше, безвольно опущенные руки мелко дрожали [...] (10)

В «Судьбе человека» деепричастия сконцентрированы в вступительной части (на первых шести страницах употребляются 24 раза, а на остальных 44 страницах — только 14 раз). Как только главный герой начинает рассказывать, почти прекращается употребление деепричастий (всего 8 примеров): даже на 12 страницах не использована ни разу эта форма. Соотношение употребления деепричастий в авторской речи и речи Соколова (30 : 8) является одним из подтверждений книж-

ного характера деепричастий. Из всех текстов, вошедших в исследованный нами материал, больше всего деепричастий в рассказе Чехова «Дама с собачкой» (3,8%). И здесь преобладает употребление деепричастий несовершенного вида (соотношение 29% : 8% в пользу последнего). Все деепричастия обозначают действия, происходящие одновременно с основным: *сидя* (с. 7, 12), *глядя* (8, 13, 17), *ложась* (9%), *отыскивая* (10), *ожидая* (10), *глядя* (8, 12, 17), *спеша* (11, 16), *уходя* (14), *выходя* (15), *поглядывая* (16), *зная* (17), *улыбаясь* (18), *веря* (18), *борясь* (18), *решаясь* (18), *поднимаясь* (18), *спускаясь* (18), *обдавая* (18), *дыша* (18), *торопясь* (8), слушая (18), *отстраняя* (18), *оглядываясь* (19), *хватая* (21). Деепричастия совершенного вида выражают действие, происшедшее до основного действия: *оставшись* (13), *закрывши* (15), *проснувшись* (17), *заложив* (17), *проводив* (18,20) *приехав* (19).

Деепричастие может образовать деепричастный оборот, синонимичный придаточному предложению обстоятельственного типа. Например, конструкцию:

> *Приехав в Москву*, она останавливалась в «Славянском базаре». (Чехов 1975: 19)

можно заменить придаточным предложением времени:

> *Когда она приезжала в Москву*, она останавливалась в «Славянском базаре».

Деепричастный оборот может обозначать время, способ действия, причину и т. п.

Деепричастие совершенного вида имеет два суффикса: *-в* и *-вши*. В современном русском языке в основном употребляется первая форма, что можно объяснить ее краткостью и мелодичностью. Это подтверждают и статистические данные: в 94,6% случаев используется первая форма и только в 5,4% — вторая (Граудина 1976: 225—231). Параллельные формы могут иметь возвратные глаголы совершенного вида на *-нуть*: *вторгшись — вторгнувшись*. Первая форма употребляется в 77,4%, вторая — в 22,6% (Граудина 1976). В русском языке имеется еще одна форма: на *-учи* (*-ючи*). Она в основном используется в ЛФС для стилизации народного или старинного способа выражения. Лексически эта форма ограничена несколькими глаголами: *греючи*, *едучи*, *жалеючи*, *живучи*, *играючи* и т. п. (Грамматика 1960: 524):

Спи, не спи — валяйся по печи,
Каждый день *надоедаючи*,
Трать задаром *накопляючи*.
[...] У купца у Семипалова
Живут люди не *говеючи*,
Льют на кашу масло постное
Словно воду, не *жалеючи*.
(Н. А. Некрасов. Дума)

Весело и горестно сердцу моему,
Молча твои рученьки грею я и жму,

В очи тебе *глядючи*, молча слезы лью,
Не умею высказать, как тебя люблю.

(А. К. Толстой. «Осень. Обсыпается весь наш бедный сад ...»)

В произведениях А. С. Пушкина деепричастия редко используются, обычно в целях подражания народно-поэтическому или низкому, разговорно-просторечному колориту речи (Зелинская 1972: 59). В языке Г. Р. Державина эти формы употребляются довольно свободно и широко, в различных жанрах — в баснях, лирических песнях, трагедиях (Там же). «Максим Горький, чаще других современных писателей, пользуется деепричастиями с/в на *-я (-а),* ср.: “*положа* голову на шерстяную грудь его”, “ходил, *наклоня* голову”, “*остановись у* двери”, “Ушла *не простясь* ни с кем”, “*Остановясь,* подняла голову”, «сидел, *развалясь* в кресле” и т. п. Но и у новейших авторов можно встретить новообразования, ср.: “Скоболев сидел на решетчатой скамье в скверике у вокзала, *поворотясь* спиной к вечернему солнцу” (Вс. Кочетов, Журбины)». (Исаченко 2003: 533)

4. Интересные примеры экспрессивного использования деепричастий можно найти в поэзии Александра Левина. В ней они превращены в существительные. Так, по мотивам стихотворения Ф. И. Тютчева «Весенняя гроза»:

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы *резвяся* и *играя*,
Грохочет в небе голубом…

А. Левин написал стихотворение, в котором в функции теонимов (собственных имен божеств, в данном случае трех юных богинь) выступают деепричастия *Резвяся, Играя, Смеясь*:

Когда Резвяся и Играя
танцуют в небе голубом,
одна их них подобна снегу,
другая — рыжему огню.

Одна плывет, как в хороводе,
уклюжей грации полна,
другая бегает по небу,
локтями детскими торча,

а третья льется, как простая
громошипучая вода,
Смеясь из кубка золотого
сама себя на землю льет.

И лишь Громам все вторит, вторит,
уже не весело ему,
и он стоит волван волваном
с тяжелым яблоком в руках,

с огромно-синим яблоком в руках.
(Александр Левин. Суд Париса)

Также:

Такси меня куда-нибудь,
туда где весело и жуть,
туда, где светится и птица,
где жить легко и далеко,
где, *простыня* и *продолжаясь*,
лежит поляна, а на ней
Полина или же Елена,
а может Лиза и зараза,
а может *Оля* и *лелея*,
а я такой всего боец [...]

5. Л. А. Булаховский приводит случаи употребления форм деепричастия несовершенного вида на *-в* или *-вши* в предложениях, в которых главное действие не отнесено к плану прошлого:

Давно, Полканушка, мне больно самому, Что, *бывши* одного двора с тобой собаки, Мы дня не проживем без драки. (Крылов),

что комментирует А. В. Исаченко следующим образом: «Естественно, что деепричастие нс/в на *-в, -вши,* не имея (в данном синтаксическом применении) опоры в живой речевой практике, было почти полностью вытеснено другим деепричастием нс/в на *-я* (*-а*). Владимиру Маяковскому, пытавшемуся было оживить форму на *-в, -вши,* не удалось остановить общего хода развития. Формы типа *каркав, мутив, носивши, трунив,* и даже *совмещав* и *умирав* (от приставочных глаголов нс/в!), встречающиеся в произведениях Маяковского [...], не привились». (Исаченко 2003: 528)

6. Сербский / хорватский язык обладает тоже двумя формами: деепричастием настоящего времени и деепричастием прошедшего времени. Последняя форма имеет два окончания *-v* и *-vši*, причем первое реже употребляется (чаще всего от трех глаголов: *početi — počev*, *uzeti — uzev*, *izuzeti — izuzev*). При помощи деепричастия настоящего времени выражается действие, одновременное с действием сказуемого, а при помощи деепричастия прошедшего времени — действие, предшествующее действию сказуемого. Деепричастия более свободно используются, чем в русском языке, в котором существенным условием для употребления дее-

причастия является тождество деятелей в главном предложении и в придаточном обороте, чего нет в сербском / хорватском деепричастном обороте типа:

Ulazeći u kuću zapljusnuo nas je topao dah = *Когда мы входили* в дом, нас обхватило жарким воздухом. (Гудков 1969: 63),

так как существуют два агенса: *mi* (*мы*) и *dah* (*воздух*). «При употреблении деепричастий следует не упускать из виду, какому лицу принадлежат действия, обозначаемые деепричастием и глаголом. В этом отношении существуют значительные ограничения. Именно условием общепринятого в русском языке употребления деепричастий является то, чтобы действия, обозначаемые деепричастием, совершались тем же лицом, которому принадлежит действие, обозначаемое глаголом-сказуемым. Это находит место в личных предложениях, в которых деепричастие и глагол обозначают действия подлежащего. Так:

Конструктор, *демонстрируя* чертеж, разъяснял особенности новой модели. Здесь *демонстрировал* и *разъяснял* конструктор». (Гвоздев 1969: 209)

А. В. Гвоздев продолжает: «Ошибками в использовании деепричастий является их употребление в зависимости от глагола тогда, когда деепричастие и глагол представляют действия разных лиц, например:

Вошедши в комнату, мать стояла у окна.

Здесь *вошедши* является действием говорящего (=когда я вошел в комнату), а *стояла* мать. Недопустимость таких оборотов, помимо того, что они не приняты в русском языке, объясняется также тем, что они приводят к двусмыслице вследствие возможности приписать действие, обозначаемое деепричастием, лицу, которое выступает подлежащим предложения: например, если бы мы фразу:

Когда я *вернулся* домой, бабушка *накормила* меня обедом

заменили конструкцией с деепричастием:

Вернувшись домой, бабушка накормила меня обедом, то создалось бы впечатление, что вернулась домой бабушка». (Там же: 210)

7. Деепричастия имеют слабую частотность — около 1%: в нашем русском корпусе 0,2% (деепричастие несовершенного вида 0,2% и деепричастие совершенного вида 0,05%)[1] и около 0,2% в сербохорватском корпусе Дж. Костича (Kostić 1966: 138). В русских текстах, относящихся к ОФС, мы не нашли ни одного деепричастия совершенного вида, небольшое количество мы обнаружили в РФС (7,1%), больше всего — в ПФС (27,6%), а в ЛФС намного преобладает дееприча-

[1] В других исследованиях 0,6% (Марков 1964: 19), и 0,9% (Генкель 1974: 15).

стие несовершенного вида[2]. В «Поднятой целине» М. А. Шолохова деепричастия несовершенного вида составляют 30%, а совершенного — 70% (Пискунов 1965: 120)[3].

[2] В романе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы» отношение 75 : 25 в пользу деепричастия несовершенного вида (Генкель 1974: 17).

[3] В монологических и диалогических сегментах ЛФС Ю. А. Марков обнаружил в авторской речи 1,2% деепричастий и ни одного в речи персонажей (Марков 1964: 19). О том, что деепричастия реже используются в речи персонажей, свидетельствует и Г. Г. Йоссельсон, который в исследуемых текстах нашел 44 деепричастия в диалоге и даже 682 в монологе (Йоссельсон 1966: 114). И Г. Ф. Жидкова констатирует (на материале «Мертвых душ»), что деепричастия широко распространены в монологических частях (Жидкова 1959: 31). В. В. Евстафьева подчеркивает, что в прозе XIX века эта форма представлена 1,55%, а в поэзии XX столетия — 1,7% (Евстафьева 1970: 87). В повести «Мальва» А. М. Горького больше деепричастий, чем в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» (Чичерин 1963: 69).

Глагольно-междометные формы

0. Особой экспрессивностью отличаются глагольные формы без суффикса типа *прыг*, *шлеп, шмыг, бах*, которые в основном употребляются в функции глагольного предиката для выражения мгновенного, неожиданного действия в прошлом, для передачи быстроты и интенсивности действия. Данные формы толкуются поразному. Некоторые языковеды не считают их глагольными формами. Например, А. Х. Востоков, В. Клоссовский, А. В. Исаченко называют их звукоподражательными междометиями и звуковыми жестами, заменяющими сказуемое. Другие лингвисты относят их к глагольным формам и дают различные названия: глагольные междометия (А. А. Шахматов), усеченные глагольные формы (Ф. И. Буслаев), глагольные частицы (И. И. Срезневский, А. А. Потебня), формы ультрамгновенного вида русского языка с нулевым аффиксом (А. М. Пешковский), глагольно-междометные формы внезапно-мгновенного действия (В. В. Виноградов), эмоциональные формы полных глаголов (Абрамис 1963: 114). «О связи глагольно-междометных форм с системой глагольного слова свидетельствует выполнение ими в языке номинативной функции, способность выступать в предложении в роли сказуемого (как и у всех форм verbum finitum) и управление зависимыми словами, типичное для глаголов» (Прокопович 1969: 32).

1. Если на уровне их номинации (терминологического обозначения) и грамматической природы (происхождения) глагольные междометия вызывают споры[1], то их синтаксическая роль не вызывает никаких сомнений. «[…] глагольные междометия выполняют все функции сказуемого-глагола, хотя и не имеют многих грамматических показателей глагола, а именно: категории лица, числа, рода и т. д.» (Абрамис 1963: 114). Их можно разделить на две группы — а) формы, преимущественно связанные с звукоподражательными основами (их не так много: *бац*, *бряк*, *бултых*, *бух*, *грох*, *ёк*, *звяк*, *кап*, *ляп*, *пых*, *скрип*, *стук*, *топ*, *трах*, *хвать*, *хлоп*, *хоп*, *хрусть*, *хрясть*, *чик*, *чмок*, *щелк*, *шлеп*), используемые в функции глагольного сказуемого и междометий; б) глагольные формы, как правило, не связанные с звукоподражательными основами (их также мало: *верть*, *дерг*, *кувырк*, *мах*, *морг*, *плюх*,

---

[1] Некоторые считают, что они представляют собой остаток сильного аориста (А. А. Шахматов).

перх, *прыг*, *пырь*, *свис*, *скок*, *толк*, *трях*, *тырк*, *хап*, *хлысть*, *цап*, *царап*, *шарк*, *шасть*, *шварк*, *шмыг*, *юрк*), см. (Прокопович 1969: 33—35).

2. Глагольно-междометные формы присущи преимущественно народно-разговорной речи, чрезвычайно богатой различными и разнообразными экспрессивными наслоениями, и поэтому, проникая в русский литературный язык, они приносят с собой характерную для них в живой разговорной речи экспрессию, яркую модальность (Прокопович 1969: 38). Междометия хорошо укладываются в структуру басен, поэтому И. А. Крылов их часто использует, прежде всего, для обозначения мгновенного действия в прошлом, которое произошло стремительно и неожиданно (Абрамис 1963: 113, Прокопович 1969: 42).

3. Как употребляются глагольные междометия, покажем на примере формы *прыг*. Во-первых, очень часто она появляется только один раз:

> Девица *прыг* с меня, встает на колени и начинает заниматься […] (Прыг 03-www).

Во-вторых, глагольные междометия могут чередоваться в одном и том же контексте:

> Вот мы и приехали! Теперь на кроватку, — *прыг*! Ну что, миленький, я вижу, ты уже совсем оклемался, молодец! Давай на кроватку, — *прыг*! Ну, что же ты? Давай, — *прыг* на коечку!.. (Резанов. Электрорат-www) Сажусь в машину — не завести, батарея сдохла, я снял пиджак с карманами, толкнул ее вниз (припаркован в кармане был), *прыг* в нее — почти схватила, обратно в горочку ее затолкал, опять вниз, *прыг* — ну, почти схватила! Опять ее в горочку (но уже помедленнее), вниз, *прыг* — почти! Снял с себя рубашку, затащил ее, краснея, назад, на горочку, толкнул, *прыг* — слов нет, как близко было! Стою, пот льется, тут сзади мягким голосом […] (Прыг 06-www)

Очень часто глагольное междометие повторяется контактно (как правило, два или три раза), что иногда орфографически фиксируется (при помощи тире).

> Это мне тоже бабушка с молоком матери впитала. Она со мной всегда сидела. Когда я маленькая была, она со мной гуляла. Подведет меня к ступенечкам дома. Я *прыг-прыг-прыг*. А она стоит и хохочет. Мудрая бабушка, правда! (Верни паспорт-www) Жил-был маленький Бегемотик. И была у него Лягушка — совсем зеленая. И очень заводная. Опустишь ее, бывало, в траву, а она — *прыг*, *прыг*, *прыг*… И комара слопает. (Прыг 07-www)

Глагольное междометие *прыг* используется (контактно и дистанционно) в паре с другим глагольным междометием, в первую очередь, в сочетании *прыг-скок*.

> Я — маленький зеленый лягушонок-журналист. С маленьким зеленым блокнотиком. Мне очень-очень надо успеть на интервью! Правда-правда…

Прыг-скок! (Прыг 12-www) На своем пьедестале командир во время торпедных стрельб мелом записывал необходимые цифры — аппаратные углы, торпедные треугольники и все такое прочее. Соскочит с ящика, запишет — и обратно на ящик *прыг*. И так всю торпедную атаку он *прыг-скок*, *прыг-скок*. Очень ему было удобно с этим пьедесталом. (Прыг 02-www) Поручик Ржевский собирается на бал и вызывает денщика: — Нужна свежая загадка, но не пошлая; а то ты как расскажешь, так все жопа да жопа. — Хорошо. Маленькое, серенькое по полю *прыг-скок*, *прыг-скок*... (Прыг 04-www)

В-третьих, из-за своей экспрессивности оно появляется в шутках, анекдотах и языковых играх:

Идет лиса по лесу, слышит из кустов кукареку — *прыг* туда. Проходит час. Вылезает волк, застегивая ширинку, и говорит: — Как хорошо знать иностранные языки. (Анекдоты про Зверей-www)

В-четвертых, данная форма иногда сочетается с однокоренными глаголами (аффиксальными и безаффиксальными):

Вот набрел на колодец, а в колодце висела бадейка. — Никак, тут прохладно, — сказал Братец Кролик. — Заберусь-ка сюда и вздремну. Сказал так — и *прыг* в ведро. И только прыгнул, ведро поехало вниз да вниз. (Харрис. Братец Кролик — рыболов-www) Надо нам, говорит Смерть, через эту реку перепрыгнуть и дальше идти. Кошечка разбежалась, *прыг* — и на том берегу. Потом лошадка разбежалась, *прыг* — и на том берегу. Потом Смерть разбежалась, *прыг* — и на том берегу. Потом собачка разбежалась, *прыг* — упала в воду и утонула. А вечером кошечка и говорит всем: я не могу заснуть, послушайте, это ужасно. Я все время чувствую, что это моя вина. Я так давно ее знаю, я должна была понимать, что она не сможет перепрыгнуть эту проклятую реку. (Горалик. Сказки-www) Пару раз в неделю она приходит играть на пианино и петь детские песенки, а мама Таня показывает в это время, как надо хлопать в ладоши, топать то одной ножкой, то другой, подпрыгивать и кружиться. Упадешь — не страшно. Под ногами — мягкий ковер. Зато весело! У Коленьки все отлично получается. Зайчик — *прыг*, *прыг*, *прыг*! Молодец, молодец, Коленька! (Они работают мамами-www)

Две глагольно-междометные формы может связывать союз *да*:

Но недолго они на него любовались. Очень скоро с удачей своею расстались. Он с окошка — на лавку, потом на порог — *прыг* да *скок*. На пороге один да другой сапожок. (Колобок жив-www) — Я на крышу заберусь, До упаду напляшусь, *Прыг* да *скок*, *прыг* да *скок* — И сломаю твой домок! А гусыня в ответ: — Ты на крышу заберись. — До упаду напляшись, Прыг да скок, *прыг* да *скок* — Не сломаешь мой домок! Лиса залезла на крышу

и — топ, топ! — давай прыгать да скакать и так и этак (Кальвино. Гусыня и лиса-www).

Такое сочетание может превратиться в имя собственное:

Но как я ранее заметил, шутят в девяноста девяти случаях из ста неповоротливые толстяки — и оттого король был в немалой мере доволен собою, ибо принадлежавший ему *Прыг-Скок* (так звали дурака) являл собою тройное сокровище в одном лице. Наверное, имя *«Прыг-Скок»* ему не дали при крещении, но единогласно присвоили семь министров ввиду его неспособности двигаться, как все (По. Прыг-Скок-www).

Форма *прыг* выступает и как нарицательное существительное:

Перемещение с одного квадратика на другой строго дискретно. *Прыг*, *прыг*, большой *прыг*, разворот, удар током (Прыг 13-www),

которое часто используется в спортивной речи:

Первый день прыгали после 15-00 и я сделал 2 *прыга* на парашютике под названием ХИТ (та же Талка, но в 2 раза легче, более верткий и ВСЕ прощает) (Прыг 09-www).

Вместе с такой формой появляются и другие глагольные междометия:

Сказано-сделано. Птица *ныpк*, а рыба от усердия чуть ране ее в воздух *прыг*… (Прыг 01-www) Для Номадовской пассии коварный аватар ухажера должен служить предупреждением о его дальнейших намерениях. Умная девчушка должна сразу просечь, что он к ней просто *прыг-прыг-прыг*, а потом *шмяк-шмяк-шмяк*, да и *шмыг-шмыг-шмыг*. Возможно, просто пришлет кого-нибудь со стороны, чтобы позабавиться, наблюдая со стороны. (Прыг 11-www) Встает, поднимает руки и поет: Бабочка крылышками (весь класс) *бяк-бяк-бяк-бяк*, А за ней воробышек (весь класс) *прыг-прыг-прыг-прыг*, Он ее голубушку *бряк-бряк-бряк-бряк*, *шмяк-шмяк-шмяк-шмяк* да и *шмыг-шмыг-шмыг-шмыг* (все поется в движении) (День учителя-www).

Дистанционное употребление разных глагольных междометий представлено в следующих случаях:

Да нет, не человечки — лягушата. И куда хвост девался? *Прыг* в ручеек и поплыли к озеру: пока доплывут, уже лягушками будут. А там на озере, на мелководье и комар гуляет, и муха. Без них лягушке было бы скучно. Еще, видишь, в луже жук-плавунец, усами своими *шлеп* — поплыл. Он в ручейке жить не хочет — холодно, ему пруд подавай. […] А в ручейке вода сладкая, студеная — ах, как по жаре пить хочется! — Не пей, потерпи. Обманчив ручеек, прохватит горлышко, а то еще и конский волос зачерпнешь — вон плывет, извивается — совсем худо будет. Плавунец за головастиками туда-

сюда, жук-вертячка так и вертится, гладыш кверху пузом плывет — это все ребята хищные, зубастые. А у них по головам, по воде аки по-суху — *прыг-прыг* — водомерочка. — Куда бежишь, водомерочка? И уж чем она питается, не знаю (Ландышевая страна-www).

Глагольные междометия служат и для обозначения сменяющихся действий:

В этом смысле наиболее характерен Розанов. То, что он писал, сейчас, конечно, назвали бы чистым перформансом. Еще бы! Сегодня одно, завтра другое. То светлый образ Христов. То «темный лик» и «страшная смертная тайна церкви». То «радостный ангел Иеговы, трепещущий на срамном уде каждого иудея». То «обонятельное и осязательное отношение» известно кого известно к чему. *Прыг* туда, *прыг* сюда, *прыг* обратно… Всем приятно (Нифонтов. Триумф и катастрофа-www).

Особое употребление наблюдаем в военном языке для выражения приказаний:

Сержант построил солдат перед траншеей: — Иванов, два шага вперед, руки в стороны, ноги согнуть, в траншею *прыг*! Иванов выполняет. — Петров, два шага вперед, руки назад, ноги вперед, в траншею *прыг*! Петров выполняет. — Сидоров, два шага вперед, руки вперед, ноги в стороны, в траншею *прыг*! Сидоров выполняет. Подходит полковник: — Товарищ сержант, как вам не стыдно, все уже давно на учениях, а вы здесь в тетрис играете... (Прыг 10-www) Видит старик, что убежали мальчишки, и позвал грушу: — Груша, спускайся вниз, Груша, обратно вернись! С ветки на ветку *прыг*! С верхней на нижнюю *прыг*! Спустилась на его зов груша. Снова повисла на нижней ветке. Груша, вверх! Груша, вниз! (Прыг 08-www)

В поэзии эти формы часто используются:

Окунь с ветки в речку *прыг*.
(Прыг 05-www)

Очень рыжая, как осень,
Я мелькаю между сосен.
Прыг-прыг-прыг.
Прыг-прыг-прыг.
(Песня Белочки-www)

Междометные глаголы встречаются в песнях и стихотворениях для детей:

«Г о р о х» — дети берутся за руки, подпрыгивают на месте и приговаривают:

Баба сеяла горох,
Прыг-скок, *прыг-скок*,
Провалился потолок.
Прыг-скок, *прыг-скок*,

Баба шла, шла, шла,
Пирожок нашла.
(Игры-хороводы-www)

Иногда глагольными междометиями заканчиваются стихи:

Кто тут будет — *куп*, *куп*,
По водичке — *хлюп*, *хлюп*,
В ванну быстро — *прыг*, *прыг*,
В ванне ножкой — *дрыг*, *дрыг*?
(Капутикян Куп, куп-www)

Глагольные междометия могут повторяться в форме параллелизма:

Прыг, ласточка, *прыг*, по белой стене.
Прыг, ласточка, *прыг*, прямо ко мне;
Солнце взошло — видно время пришло.
Прыг, ласточка, *прыг* — дело к войне.
Прыг, ласточка, *прыг*, прямо на двор;
Прыг, ласточка, *прыг*, в лапках топор.
С одной стороны свет; другой стороны нет.
Значит, в нашем дому спрятался вор.
(Ласточка-www)

4. В сербском / хорватском языке глагольные междометия представлены почти также широко и разнообразно. В грамматиках они не выделяются в особые глагольные группы. В одних случаях они могут появляться в функции глагольных форм (сохраняя значение номинативности и выражая прошедшее время совершенного вида), а в других появляются в форме восклицания (ономатопоэтического характера) и поэтому лишены номинативности, не коррелятивны с формами прошедшего времени совершенного вида, не имеют при себе зависимые частицы. Они считаются восклицаниями ономатопоэтического характера:

Preskočim baštenski plot […] i — *bub* u baštu. (Ćopić, Bašta 1984/85: 160)

Особенно часто встречается форма *tres* (от *tresnuti* ‘ударить’):

Kupim — ili, još bolje, ukradem — flašu klakera; tečnost u usta a staklo, gde niko ne vidi, jednim dobro odmerenim udarcem o kamen: *tres*! Ispadne kuglica. (Gl. uzvik 15-www)

В употреблении и этой формы выделяются два случая:

а) междометная глагольная форма не нуждается в уточнении (типа ударить *как*, *чем*, *где* и т. п.):

Znaju stranci kad treba da nas bubnu po glavama — *tres*! — da nas narod ne bi opet doživeo stres. (Gl. uzvik 09-www);

б) междометная глагольная форма открывает место для уточнения при помощи падежной конструкции
tres + творительный падеж:

I taman da ću ući u razred, onako punih ruku, nešto pored mene prozuja i «*tres*» vratima. Umalo ne dobih po nosu. (Gl. uzvik 03-www);

tres + *u* + винительный падеж:

Ipak, ne mogu ih ja pištoljima juriti po svetu, a nisam ni Bin Laden pa da uzmem avion i *tres* u zgradu WTA turnira! (Gl. uzvik 07-www);

tres + *na* + винительный падеж:

I popnu se oni na drvo na jednu granu i počnu drndanje, grana beše malo trula slomi se i lala i Sosa *tres* na zemlju. (Gl. uzvik 10) Zapamtite, štos je u paradajzu, u sosu, a meso je samo začin, može i bez mesa kao na splavu. Ma bilo je odlično, impresivan lonac, kao za veš, pa *tres* na sred stola. (Gl. uzvik 08-www);

tres + *za* + винительный падеж:

[...] zovite mu bre taksi ili ga prselite iznad kafane pa čim ispadne iz kreveta *tres* za šank hahha eh tko zna da pije treba i da zna hodati također radit....diži se lenčugo jedna šta si se opustio. (Gl. uzvik 16-www);

tres + *po* + предложный падеж:

[…] a ona mene *tres*! stolicom po glavi […] (Gl. uzvik 02-www).

Интенсивность и неожиданность действия усиливается употреблением союзов *i*, *pa*:

Slušali smo radio, pričali o nekim životnim stvarima, problemima i dogovarali se gde ćemo da proslavimo ako uspešno odradimo posao. Odjednom sam ugledao automobil koji ide pravo na nas i ... *t r e s* ! Mrak. Sledeće čega se sećam jesu krevet i zidovi sobe na hirurgiji banjalučke klinike. (Gl. uzvik 13-www) Desetak godina kasnije mi priča čovik u Beogradu kako je u Splitu opalija nekog na motoru sa matunom po glavi u blizini Popaja. Kaže da je taj isti kružija okolo i piva neke pisme, ovi ga sačekali i *tres*. (Gl. uzvik 01-www) Eh, da sam bila tada pametna ovako, pa jedno toljagu u ruku pa ga sačekala u mraku... pa *t r e s* ... «šta nećeš biti moj» i tako ga odvukla kući! (Gl. uzvik 11-www)

Междометная глагольная форма *bub* (от *bubnuti* ʻударить, шлепнуть, наткнутьсяʼ) используется для передачи неожиданной встречи:

Ide sine jedna mlada jedno nosi jedno vodi ide kraj starog hotela i *bub* na mene znate li đe ovđika policija, znam znam samo pravo do mosta i prije mosta... (Gl. uzvik 05-www)

Экспрессивным является глагольное междометие *kih* от глагола *kihnuti* ‘чихнуть’:

Opet *kih*, *kih*. Za razliku od drugih dana, danas sam ustao začuđujuće rano. Mozda zato što je virus kulminirao pa mi nije dao da spavam. (Kih-kih 01-www)

Как и в русском, глагольные междометия иногда используются параллельно с однокоренными глаголами:

«[...] Ti ćeš ovde, vojniče,» obrati se Miroljubu, «da se oslobodiš tih pogubnih navika. Ja», tresnu ga lentom još jednom, «ti (*tres*!) ga-ran-tu-jem! (*tres*! *tres*! *tres*!)» (Gl. uzvik 06-www).

И здесь наблюдаются двухчленные и трехчленные повторы различных междометных глаголов:

Koga zanimaju duhovne vrijednosti? Nisam u sebi ni završio pokajničku misao, kadli — *tres*.... *bum*... (Gl. uzvik 04-www) OK, to je prelilo čašu, odlazim odavde (*klap*, *klap*, *klap*,... *t r e s* !). (Gl. uzvik 14-www) Prvo u pećinu ulazi Rus i sa sobom nosi suvremeno naoružanje. Iz pećine se čuje *bum*... *tres*... *kraš*... brdo se trese. (Gl. uzvik 12-www) Niko pjate lupa. Malo tanjur po zidu (*bum*! *tres*!), malo tanjur po namještaju (*tup*! *tup*!), i onda kad bi vrag odnijo sve konje i sve samare [...] (Gl. uzvik 17-www)

Лицо

0. Глагольное действие может относиться к говорящему, к тому, кому говорят, о ком или о чем говорят («не-лицу», Бенвенист, Якобсон). Субъект может быть лицом «я» («я говорю»), индивидом-лицом, кроме «я» («мальчик говорит»), индивидом не-лицом («камень упал»), определенным множеством индивидов-лиц или не-лиц («цыплят по осени считают»; «там что-то сыплется»), определенным по пространственно-временным границам явлением внутреннего или внешнего мира («меня знобит», «сегодня с утра морозит», «в Москве светает»), неопределенным по пространственно-временным границам явлением природы («холодно», «темно», «плохо»), см. (Степанов 1990: 272). Семантические понятия, которые выражаются только предложениями с субъектом «я», называются перформативами. Категорию лица в русском языке выражают три формы единственного числа и три формы множественного числа настоящего времени, будущего времени и повелительного наклонения, а также одна форма единственного и одна форма множественного числа прошедшего времени и условного наклонения. В сербском / хорватском языке в этой функции выступает настоящее время, аорист, имперфект, плюсквамперфект, будущее I, будущее II, повелительное и сослагательное наклонение.

1. Из-за больших транспозиционных возможностей категории лица некоторые ученые рассматривают ее как одну из важнейших категорий глагола. Признак принадлежности действию выражается двумя способами: нейтральным и экспрессивным. Последний подразумевает нарушение симметрии: 1-е лицо — лицо говорящего, 2-е лицо — лицо присутствующего, 3-е лицо — лицо неприсутствующего; чаще всего замещается 1-е лицо (шесть возможностей), а реже всего 1-е и 3-е лицо множественного числа (две возможности), см. (Соскова 1972: 11). Все лица могут использоваться для обозначения действий говорящего. Форма первого лица единственного числа может употребляться только в своем значении. На это указывает и И. Н. Дымарская-Бабалян: «Форма 1-го лица единственного числа, будучи наиболее устойчивой и наименее многозначной в смысловом отношении, никогда не заменяет собой другие формы лица, хотя сама заменяется довольно часто» (Дымарская-Бабалян 1959: 28). В сербском / хорватском языке мы обнаружили как раз такие случаи, например, когда мать обращается к ребенку:

Jesam li se naspavao? ʻЯ выспался?ʼ (= *Jesi* li se naspavao? ʻТы выспался?ʼ).

Каким образом сдвиги личных форм реализуются в художественном тексте, покажем на примере повести «Судьба человека» М. А. Шолохова. Чаще всего в ней замещается первое лицо единственного числа вторым лицом единственного числа. Таким действием достигается двойная цель: главный герой избегает чрезмерного употребления 1 лица и производит большее впечатление в рассказе о своей жизни. При этом он устраняет свое «я» и заменяет его обобщенной формой. Глаголы в таком значении обычно обозначают действие длительной протяженности и не указывают на отдельные процессы (что приводит к своеобразной типизации):

Через него я и подбился. Широко *шагнешь* — он уже на рысь переходит, вот и изволь к такому пехотинцу приноравливаться... Чуть *отвернешься*, а он уже по лужине бредет [...] (Шолохов 1975: 10). *Придешь* с работы усталый, а иной раз и злой, как черт... *Смотришь* на него и *отходишь* сердцем, а спустя немного *обнимешь* его, *скажешь*... Кое-когда бывало и так, что *идешь* домой и такие кренделя ногами *выписываешь*, что со стороны, небось, глядеть страшно. (13) [...] и отсюда не *отличишь* лес от бурьяна, пашню от травокоса [...] (14). Бывало, *напишешь*, что мол, все в порядке, помаленьку воюем и хотя сейчас отступаем, но скоро соберемся с силами и тогда дадим фрицам прикурить. (17) Кто этого на своей шкуре не испытал, тому не сразу в душу *въедешь*, чтобы до него по-человечески дошло, что означает эта штука. (19) А ходок тогда из меня был никудышный, в час по километру, не больше. Ты *хочешь* вперед шагнуть, а тебя из стороны в сторону качает, возит по дороге, как пьяного. (21) [...] сухого места даже в алтаре не *найдешь*. (22) Как *вспомнишь* нелюдские муки, какие пришлось вынести там, в Германии, как *вспомнишь* всех друзей-товарищей, какие погибли замученные там, в лагерях, — сердце уже не в груди, а в глотке бьется, и трудно становится дышать [...] (26—27). Били и за то, что не так *выглянешь*, не так *ступнешь*, не так *повернешься*. (27) Тут своих не *успеваешь* хоронить, а слух по лагерю идет... Одно горе к другому, да так гнут, что глаз от земли не *подымешь*, вроде и ты туда, в чужую немецкую землю, *просишься*. (28) Из рейса, бывало, *вернешься* в город — понятно, первым делом в чайную [...] (40). [...] и до того мне становится радостно на душе, что и словами не *скажешь*! Норовишь не ворохнуться, чтобы не разбудить его, но все-таки не *утерпишь*, потихоньку *встанешь*, *зажжешь* спичку и *любуешься* на него [...] (43). Ночью то *погладишь* его сонного, то волосенки на вихрах *понюхаешь*, и сердце отходит, становится мягче [...] (43).

Второе лицо иногда появляется перед обращением (звательной формой *браток*):

На заре услыхал я в первый раз за два года, как громыхает наша артиллерия, и, *знаешь*, браток, как сердце забилось! (33) И, *заметь*, браток, что еще долго я... невольно голову в плечи втягивал [...] (36). А ты *думаешь*, браток,

что про кожаное пальто он зря спросил? (44) *Видишь*, какое дело, браток, еще с первого дня задумал я уходить к своим. (25)

Для усиления используется отрицание, которое вместе с глагольной формой выделяется с обеих сторон знаком тире:

Мигом оглядел я всю эту жратву, и — не *поверишь* — так меня замутило, что за малым не вырвало. (29)

В целях интимизации иногда добавляется местоимение *сам*:

[...] а сала, сам *понимаешь*, — только губы помазать. (32)

Поскольку действующее лицо обозначается личной формой глагола и личным местоимением, их нужно рассматривать как единое целое, особенно если речь идет о прошедшем времени. В «Судьбе человека» очень часто опускается местоимение первого лица. Одной из самых характерных особенностей этого произведения является уменьшение количества местоимений при формах прошедшего времени, что не затрудняет понимание, так как контекст указывает, о каком лице идет речь. Пропуск первого лица начинается уже на первой странице:

Только часов через шесть *покрыли* расстояние в тридцать километров, *подъехали* к переправе через речку Еланку. (8) Едва *отчалили*, как из прогнившего днища в разных местах фонарчиками забила вода. Подручными средствами *конопатили* ненадежную посудину и *вычерпывали* из нее воду, пока не *доехали*. (8)

Особенно это заметно в рассказе главного героя:

В гражданскую войну *был* в Красной Армии, в дивизии Киквидзе. В голодный двадцать второй год *подался* на Кубань, ишачить на кулаков, потому и *уцелел* [...] Но, через год *вернулся* с Кубани, хатенку *продал*, *поехал* в Воронеж. Поначалу *работал* в плотницкой артели, потом *пошел* на завод, *выучился* на слесаря. Вскорости *женился*. (12)

Он иногда пропускает и местоимение 1-го лица единственного числа:

В руки никогда не давал, нет, *считал* это для себя за низкое. (33)

Такой прием — результат желания достигнуть большего динамизма, живости изложения. Местоимение в приведенных примерах могло тормозить, замедлять повествование. В употреблении «я» нет необходимости, ибо контекст определенно показывает, кто является действующим лицом.

Опускание личного местоимения у А. П. Чехова наблюдается значительно реже, чем у М. А. Шолохова. В то время как в «Судьбе человека» этим приемом достигается динамичность повествования и кажется, что герой спешит, что у него нет времени воспользоваться местоимением, в «Даме с собачкой» динамичность замедляется. Ср.:

— Вы давно изволили приехать в Ялту?
— Дней пять.
— А я уже дотягиваю здесь вторую неделю.
Помолчали немного.
— Время идет быстро, а между тем здесь такая скука, — сказала она, не глядя на него. (8)
Думал и *мечтал.* (17)

2. Следующий пример касается употребления 3-го лица ед. ч. в неопределенно-личном значении.

[...] а я кричу: «Да разве так *прощаются*? Что ты меня раньше времени заживо хоронишь?!» (Шолохов 1975: 16)

Этот пример интересен тем, что сразу же после обобщения следует конкретизация.

Что ты меня раньше времени заживо *хоронишь*?!

Русской неопределенно-личной конструкции в сербском/хорватском языке обычно соответствует возвратно-безличная конструкция в единственном числе («Pa zar *se* tako *oprašta*?»).

В художественных текстах могут иметь место нарушения грамматических норм, то есть бывает несовпадение, некоординация в выражении подлежащего и сказуемого. Такой случай мы заметили в рассказе Соколова, когда он с подлежащим в единственном числе употребляет глагол в 3-м лице единственного, а потом множественного числа.

А лагерная охрана каждый день *пьет*, песни *горланят*, *радуются*, *ликуют.* (Там же: 28)

В данном случае — так называемое согласование по смыслу.

Соколов заменяет 1-е лицо 3-м лицом, когда рапортует командиру лагеря, что он прибыл (при этом он это говорит так, словно речь идет о каком-то другом лице).

Военнопленный Андрей Соколов по вашему приказанию, герр комендант, *явился.* (30)

Особый прием используется на странице 44: главный герой вместо 3-го лица ед. ч. употребляет 2-е лицо, настаивая на как можно большей временной аутентичности.

Пишет, что, мол, *поработаешь* полгода по плотницкой части, а там в нашей области выдадут тебе новую книжку.

Переход с третьего лица на первое некоторым особенно нравится, например О. Э. Мандельштаму: «Какое наслаждение для повествователя от третьего лица перейти к первому. Это все равно, что после легких и неудобных стаканчиков-на-

перстков вдруг махнуть рукой, сообразить и выпить прямо из-под крана холодной сырой воды» (цит. по [Винокур 1979: 50]).

Безусловно, рассказы М. А. Шолохова и А. П. Чехова различаются способом повествования и тематикой. Поэтому в «Судьбе человека» преобладает 1-е лицо, а в «Даме с собачкой» — 3-е лицо. А. П. Чехов, в отличие от М. А. Шолохова, сам описывает события. М. А. Шолохов же остается в тени главного героя (писатель появляется в начале и в конце рассказа, в других местах его присутствие почти незаметно, в повествовании он уступает место своему герою — Соколову). У А. П. Чехова транспозиция лица намного скромнее. Уже первое слово, которым начинается «Дама с собачкой», предвещает специфический способ изложения:

> *Говорили*, что на набережной появилось новое лицо: дама с собачкой. (Чехов 1975: 7)

Неопределенность значения 3-го лица в самом начале создает ощущение широты, которая затем будет сужаться и фокусироваться на центральный объект: даму с собачкой. А. П. Чехов начинает повествование, в котором не будет частых отступлений от нейтрального, общепринятого использования личных форм. Речь идет о спокойном повествовании, рассказе на дистанции (со стороны), в котором лишь в нескольких местах применяется интерверсия лица. Первое лицо заменяется вторым, но замена эта по сравнению с шолоховской значительно скромнее:

> [...] ему вспомнились эти рассказы о [...] романе с неизвестной женщиной, которой не знаешь по имени и фамилии [...] (Там же: 9). *Подумаешь*, что он из Гренады приехал. (9) [...] и уйти и бежать нельзя, точно сидишь в сумасшедшем доме или в арестантских ротах! (Там же: 16). «От такого забора *убежишь*», — думал Гуров [...] (16)

А. П. Чехов очень удачно заменяет форму 2-го лица единственного числа вежливой формой 2-го лица множественного числа и тем самым подчеркивает нюансы изменения отношений между Анной Сергеевной и Гуровым. Главный герой так начинает знакомство:

> Вы давно *изволили* приехать в Ялту? (9)

Анна Сергеевна подхватывает обращение на «вы», что совсем нормально при знакомстве[1]. После слов Анны Сергеевны:

> Вы же первый меня не *уважаете* теперь. (11)

Гуров достаточно неожиданно переходит на «ты»:

---

[1] В западноевропейских языках обращение на «вы» вошло в официальное употребление во второй половине IV века новой эры, а в русском языке приблизительно в эпоху Петра I (об этом см. [Шмелёв 1961а: 50]).

— Отчего бы я мог перестать уважать *тебя*? — спросил Гуров. — Ты сама не *знаешь*, что *говоришь*. (11)

Анна Сергеевна, однако, продолжает обращается к нему на «вы»:

— *Верьте*, *верьте*, умоляю вас ... — говорила она [...] (18).

Проходят дни, они расстаются, уверенные, что никогда больше не будут вместе. Но они снова встречаются, и Гуров опять переходит на «вы»:

Но *поймите*, Анна, *поймите* [...] (18).

Между тем, при повторной встрече Гуров еще раз переходит на «ты».

— Ну, как *живешь* там? — спросил он. (20)

И только тогда, почти в конце, Анна Сергеевна переходит к более непосредственному общению и отвечает:

— *Погоди*, сейчас скажу... Не могу. (20)

3. Каждый стиль отличается специфичным употреблением личных форм. Некоторые это соотносят с функциональными стилями и связывают личные формы НФС, с одной стороны, и ЛФС и ОФС, с другой (Кожина 1972: 251—266). «Количество личных форм глагола, — подчеркивает М. Н. Кожина, — наименьшее в деловой речи, [...] самое большое в художественной речи; научная же речь занимает срединное положение [...] Значительно большее, по сравнению с другими разновидностями, число исследуемых глагольных форм в художественной речи связано вообще с глагольностью этой речевой сферы и ее динамичностью, а также преобладающим характером речи в связи со спецификой содержания […] Деловая же речь по причинам противоположным (именной, а не глагольный характер фраз, большой процент среди глаголов инфинитива, безличность и т. п.) характеризуется наименьшим из всех трех стилей количеством исследуемых языковых средств (на равную протяженность текста)» (Там же). Анализ показывает, что во всех ФС абсолютно преобладает 3-е лицо. По сравнению с НФС, тексты, относящиеся к ЛФС, содержат в два раза больше форм 3-го лица, а по сравнению с ОФС, даже в 3,5 раза. В то время как в ЛФС используются все личные формы, в НФС нет 2-го лица ед. ч. и очень редко используются формы 2-го лица мн. ч. Тексты, исследованные М. Н. Кожиной, вообще не содержат формы 1-го и 2-го лица ед. и мн. числа.

Личные формы чаще всего встречаются в драматургии (21,9%), а безличные — в науке (6,8%) (Евстафьева 1970: 84)[2].

---

[2] Поле персональности, состоящее из вертикальной временной оси (оси будущего и настоящего времени) и горизонтальной оси лица (1-е, 2-е и 3-е лицо ед. ч. и мн. ч.) Г. Г. Йоссельсон относит к разговорному и неразговорному стилю (Йоссельсон 1966:

4. В исследованных нами материалах мы получили похожие результаты. В «Судьбе человека» имеется около 2105 глагольных форм, из которых 1781, или 85%, — личные формы. В «Даме с собачкой» соотношение приблизительно такое же: из 981 глагола — 794 глагола в личных формах, или 81% (меньше всего личных форм мы нашли в Уставе КПСС — всего 57%). В «Судьбе человека» на первом месте — 3-е лицо ед. ч. (42%), затем следует 1-е лицо ед. ч. (31%). На эти два лица приходится 73% всех личных форм. Второе лицо ед. ч. составляет 8,5%, 1-е лицо мн. ч. — 4%, а 2-е лицо мн. ч. — всего 1%. Значительная частотность 1-го лица ед. ч. связана с природой этого произведения, а прежде всего, с тем, что оно написано в форме сказа. В «Даме с собачкой» повествование ведется от лица автора, и отношения в поле персональности совсем другие: 1-е лицо — 5%, 3-е лицо ед. ч. — 75%. На втором месте — 3-е лицо мн. ч. (14,5%), а остальные лица значительно отстают (2-е лицо мн. ч. — 3%, 2-е лицо ед. ч. — 2%, и 1-е лицо мн. ч. — 1%). Личные глагольные формы чаще всего представлены в ЛФС (83%), а реже всего — в ОФС (62%). ЛФС не занимает первое место по употреблению кого-либо лица, но имеет высокую частотность употребления 3-го лица ед. ч. и мн. ч., а также 1-го лица ед. ч. Полярное место по отношению к этому стилю занимает ОФС, в котором практически употребляется только 3-е лицо ед. и мн. ч. Наиболее равномерно распределены личные формы в РФС.

5. Анализ частоты использования грамматических категорий и форм, проведенный Дж. Костичем, свидетельствует, что показатели по сербскому/хорватскому языку не во многом отличаются от данных по русскому языку. Дж. Костич подчеркивает, что первое лицо единственного и множественного числа в текстах ежедневной печати использовано в 6,8% из общего числа случаев употребления настоящего времени, а в текстах современной поэзии — в 2,8%. «Очень большая разница в употреблении форм первого лица единственного и множественного числа, имеющихся в этом виде текстов, одно из самых заметных отличий текстов ежедневной печати от текстов современной поэзии. В то время как в ежедневной печати первое лицо редко употребляется, в текстах современной поэзии оно используется почти в 2,5 раза чаще» (Kostić 1966: 139). Второе лицо, продолжает Дж. Костич, составляет 0,2% от общего числа исследованных слов, а в текстах современной поэзии — 1,0%. «Как видно, и здесь существует большая разница в употреблении второго лица настоящего времени. Третье лицо в текстах ежедневной печати составляет 7,5% от общего числа исследованных слов, а в текстах современной поэзии — 9,9%. Следовательно, в ежедневной печати третье лицо используется чаще, чем в поэзии» (Там же: 139).

---

125). При этом во всех стилях формы 3 лица ед. ч. наиболее частотные, особенно в «неразговорных» текстах, в которых они от глаголов несовершенного вида составляют 65,9%, а от глаголов совершенного вида — 73,5%.

6. Р. П. Афанасьева утверждает, что в системе личных форм самое важное — 1-е лицо. С другой стороны, самой неинформативной (стандартной) формой лица является 3-е лицо, так как в русском языке нет глаголов, не имеющих данных форм. «Из двух других лиц — 1-го и 2-го — наиболее информативным является 1-е лицо, так как существуют глаголы, имеющие форму 2-го лица, но не имеющие формы 1-го лица» (Афанасьева 1979: 51)[3].

Некоторые замены личных форм глагола менее характерны для ЛФС. Скажем, авторское «мы» в большей степени является отличием НФС и частично ПФС[4]. Для РФС типично деревенское «мы» и докторское «мы», для ОФС императорское (царское) «мы». Но зато ЛФС отличается разнообразием повествования от первого лица[5].

Стили различаются и употреблением глагольных форм в неопределенно-личном значении. В ОФС в этом значении почти без исключения — формы глаголов на «ся», их численность намного превышает данные по прочим стилям (Кожина 1972: 263). «В художественной речи неопределенно-личные значения (кстати, весьма немногочисленные — 2,8%) выражаются обычно не переходными глаголами на *-ся*, а формой 3 лица множественного числа. При этом — что очень важно — преимущественно используются глаголы конкретного действия, к тому же называющие действия определенных, известных из контекста лиц» (Там же: 264). Значительно

---

[3] В рамках категории лица Р. П. Афанасьева различает пять классов глагола: класс **А** — глаголы с полной парадигмой лица и числа (*пишет*); класс **Б** — глаголы, не имеющие формы 1-го лица, то есть глаголы с неполной парадигмой лица и полной парадигмой числа (*лает*, *воет*); класс **В —** глаголы, не имеющие форм 1-го и 2-го лица, то есть также глаголы с неполной парадигмой лица, но с полной парадигмой числа (*пахнет*); класс **Г** — глаголы, имеющие неполную парадигму лица и числа (*свежеет*); класс **Д** — единственный глагол *есть*, имеющий синкретические формы во всех лицах и числах (Афанасьева 1979: 54). Она констатирует, что большинство глаголов употребляется во всех лицах. Глаголы, которые не имеют 1-го и 2-го лица, она распределила следующим образом: **1)** глаголы, связанные с миром животных (*телиться*); **2)** глаголы, связанные с миром растений (*червиветь*); **3)** глаголы, связанные с неживой природой (*течь*); **4)** глаголы, связанные с конкретными предметами (*ржаветь*); **5)** глаголы, связанные с человеческим организмом (*воспалиться*); **6)** глаголы с абстрактным значением (*длиться*), см. (Там же: 104—109).

[4] На 45 000 слов литературных текстов М. Н. Кожина обнаружила лишь 5 примеров авторского «мы», в то время как в научных текстах этого же объема оказалось даже 400 примеров (Кожина 1972: 260).

[5] Это хорошо показал С. Антонов, анализируя произведения И. С. Тургенева, И. А. Бунина, А. С. Грина, Ф. М. Достоевского, П. П. Бажова, М. М. Зощенко, Н. В. Гоголя и других (Антонов 1973). Полезная информация об употреблении категории лица в ФС содержится в (Винокур 1979, Петрищева 1977, Ляпунова 1954, Соскова 1972, Дымбарская-Бабалян 1959, Малеев 1977).

меньшей конкретностью отличаются глаголы с неопределенно-личным значением в НФС. Из-за различных стилистических характеристик формы лица глагола являются весьма сильными стилеобразующими средствами (Там же: 266).

И для сербского / хорватского языка характерна широкая интерверсия лица. В нем существуют большие возможности для замены 1-го лица. Ср.:

> *Ima* proto svega u svojoj kući; nemoj misliti da *nema* [...] (Kočić. Mračajski proto — Antologija 1980: 30). Čovjeku ti *dođe* nekad nekakva slutnja. *Slutiš* a ne *znaš* ni što *slutiš*... pa se odjednom zbude... a ti se *sjetiš* samo da si nekamo čudno slutio, jah! (Kikić. Kako su mušketali Šahbaza — Antologija 1980: 125)

Обобщенный характер в последнем примере усиливает слово *čovjek* (*человек*). В этом некоторые видят различие между русским и сербским / хорватским языком: «Для обозначения обобщенного индивидуума в сербскохорватском языке часто используются личные предложения с особым субъектным словом «человек» (*čovjek*). Хотя в русском языке существительное «человек» и употребляется в обобщенном или неопределенном значении — ʻнекое или всякое, любое лицоʼ, нельзя было бы сказать, что это тип предложения с обобщенным агенсом характерен для современного русского языка. Это проявляется и в том, что переводчики такие сербскохорватские конструкции переводят конструкциями с глаголом во втором лице единственного числа» (Marojević 1977: 105). Но все же такие конструкции могут иметь место и в русском языке, и об этом свидетельствует пример, замеченный у А. М. Горького:

> — Анна, — громко зовет Тихон Павлович [...] — *Человек мучается*, а она спит. (цит. по [Дымарская-Бабалян 1959: 29]).

В русском языке, в отличие от сербского / хорватского, предложения с глаголом во втором лице единственного числа грамматикализируются и приобретают характеристики стандартного средства для выражения обобщенного агенса (Marojević 1977: 115).

В рассказе «Put Alije Đerzeleza» («Путь Алии Джерзелеза») Иво Андрича преобладает третье лицо. «Рассказчик [...] дистанцируется в пространстве, во времени и пережитым от предмета литературного изображения, желая достигнуть универсальности, вневременного и временного, взятых вместе. Поэтому и появляются часто безличные формы» (Delić 1970 / 71: 32).

7. Из трех видов литературных произведений (лирики, эпики и драмы), может быть, самые большие возможности создания экспрессии при помощи личных форм глагола предоставляет лирическая поэзия, так как она «самая личная» художественная форма. В эпике поэт остается в стороне, он не выражает непосредственно свои эмоции, и поэтому такой вид творчества называют объективной поэзией. В драматических произведениях автор еще больше дистанцируется, он как автор максимально обезличен. Лирика отличается частым употреблением 1-го лица единственного числа и максимальной нагрузкой коммуникационного ка-

нала «я — ты», а эпика имеет меньше форм 1-го лица и значительно больше форм 3-го лица. Коммуникационный канал «я — ты» образует ядро, основу лирических любовных стихотворений и песен.

8. В поэзии чувства чаще всего выражаются в первом лице. И чем эмоциональнее поэтическое повествование, тем выразительнее употребление личных форм. Многие поэты придали узнаваемую тональность такому способу выражения. Одним из них был С. А. Есенин. Характерно его стихотворение «Не *жалею*, не *зову*, не *плачу*». Уже заголовок, вернее начальная строка намекает на исключительно личный характер стихотворения. После подчеркнуто интенсивного использования 1-го лица поэт отказывается от своего «я» так же быстро, как интенсивно его использовал раньше. Вместо повествования от действующего лица появляется имплицитное обращение к самому себе, точнее, обращение к сердцу:

Ты теперь не так уж *будешь* биться,
Сердце, тронутое холодком [...]

и своему бродяжьему духу:

Дух бродяжий, ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст.

Поэт потом снова возвращается к начальной ноте:

Я теперь скупее *стал* в желаньях [...],

затем переходит к обобщению:

Все мы, все мы в этой жизни тленны [...]

и заканчивает обращением самого широкого характера:

Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло *процвесть* и *умереть*.

И в «Письме матери» С. А. Есенин максимально использует экспрессивный потенциал личных форм глагола. Здесь, однако, на первый план выступает коммуникационный канал «я — ты». Стихотворение начинается обращением к матери, полным сыновней любви и нежности:

Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!

В дальнейшем обращение только на мгновенье прерывается подключением 3-го лица множественного числа:

Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне,

Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

Поэт затем включает 2-е лицо повелительного наклонения, которым пытается нейтрализовать материнские исконные беспокойства и предчувствия:

Ничего, родная! *Успокойся*.
Это только тягостная бредь.

Затем опять следует переход к 1 лицу:

Я по-прежнему такой же нежный
И *мечтаю* только лишь о том,
Чтоб скорее от тоски мятежной
Воротиться в низенький наш дом.
Я *вернусь*, когда раскинет ветви
По-весеннему наш белый сад [...]

До конца стихотворения поэт употребляет то одно, то другое лицо, чем усиливается разнообразие, динамика и экспрессия. Нечто подобное замечаем и в другом эпистолярном стихотворении С. А. Есенина — в «Письме к женщине», разница лишь в том, что в этом стихотворении поэт вместо 2-го лица единственного числа употребляет 2-е лицо множественного числа, например:

Вы *помните*,
Вы все, конечно, *помните*,
Как я стоял,
Приблизившись к стене,
Взволнованно *ходили*
Вы по комнате
И что-то резкое
В лицо *бросали* мне.

9. Одно из лучших любовных стихотворений на сербском/хорватском языке написал Лаза Костич. Оно называется «Snove snivam» («Снятся мне сны»). Его экспрессивность в значительной степени связана с личными формами глагола. Это стихотворение, отличающееся красотой изложения, силой чувства и художественным мастерством, могло бы войти в любую антологию любовной поэзии. Лаза Костич создал неповторимое лирическое произведение, удачно пользуясь, в частности, личными формами глагола. Начало «убийственно» — формы 1-го лица единственного числа словно волны наплывают:

Snove *snivam*, *snujem* snove,
snove *snujem* biserove,
u snu *živim*, u snu *dišem*,
al' ne mogu ih da *napišem*.

Snove *snivam*, snove *snujem*,
U slike bih da ih *kujem*,
al' *su* sanci poletarci,
ne *mogu* ih da prikujem
srcu svome laganome.

Здесь все сильно воздействует: и повторение глаголов в 1-м лице, и аллитерация (***Sn*ove *sn*i*v*am**), и паронимическая аттракция (***sniv**ati* — ***snov**ati*), и то, что сцена воспроизводится на одном дыхании. Очевидно, что этот тон невозможно было выдержать, и поэт вводит 2-е лицо единственного числа.

Al' *nasloni* na te snove
tvoje grudi biserove,
dve ledene biser-kapi:
ti *bi* studen *smrzla* snove,
sve te slike *sledila bi*.

10. В ПФС значительно меньше употребляются личные глагольные формы (в наших материалах они ниже среднего показателя в 75% — всего их 66%), при этом в основном речь идет о 3-м лице (в наших материалах оно представлено большой цифрой — 88%: 61% в единственном числе и 27% во множественном). Краткие информации, объединенные в небольшие рубрики, даются почти всегда в 3-м лице. Скажем, в «Правде» от 28 февраля 1982 года, рубрики «Позывные субботника», «Вчера», «Новости», «Новости культуры», «С телетайпной ленты», «Турнирная орбита» содержат 114 личных форм, из которых 112 в 3-м лице (69 в единственном числе и 43 во множественном числе). В этих рубриках полностью отсутствует диалог, что исключает возможность употребления 1-го и 2-го лица в разных формах обращения, и поэтому можно говорить об обезличивании как о важной характеристике хроникальных жанров. В них можно обнаружить обобщенно-личные предложения и безличные глаголы. В информационном подстиле ПФС, как и части аналитического подстиля, не имеет место или почти не имеет места интерверсия лица. Однако встречается авторское «мы», при помощи которого выражается скромность автора. Поскольку речь идет не о требовании на уровне нормы, автор сам определяет, будет ли он говорить от 1-го лица единственного или множественного числа. Многое зависит от общественно-культурной среды, печатного органа, жанра, содержания и т. п. Л. Г. Барлас подчеркивает, что речь от 1-го лица значительно чаще встречается в публицистике, чем в художественной литературе, и объясняет это следующим образом: «Главное же отличие в том, что "я" репортажа, очерка, статьи и т. д. — это не стилизация, не маска автора, а, как правило, действительное авторское "я", это и есть настоящий автор, имеющий возможность прямо и открыто выразить свое отношение к передаваемой информации. Этому способствует также документальность описываемых событий, свидетелем или участником которых был автор [...]» (Барлас 1978: 97). Публицистическое произведение обычно имеет

только один авторский речевой план, а если и приводится прямая речь (в интервью, репортаже и т. д.), то она не смешивается с речью автора (Барлас 1978: 98).

11. В научных текстах автор пытается занять объективную позицию по отношению к объекту исследования и дистанцироваться от того, что говорит, не вносить субъективной ноты, поэтому в таких текстах имеет место очень выраженное обезличивание, и категория лица сводится лишь к одной форме (абсолютно преобладает 3-е лицо — 95%). По нашим данным, в этом ФС личные формы глагола в основном используются меньше средних показателей (70% : 75%). М. Н. Кожина подчеркивает, что в НФС значение лица оказывается весьма ослабленным, неопределенным, а следовательно более, чем обычно, отвлеченным (Кожина 1977: 165). Ее мнение, что в этом стиле вообще не используется 2-е лицо («как наиболее конкретное»), подтверждает и анализ наших материалов: мы нашли только 1% форм 2-го лица единственного и множественного числа. Абстрактность научного мышления требует и наиболее абстрактных языковых норм, а в данной категории это, конечно, формы 3-го лица. Использование форм 1-го лица очень скромное (в наших материалах — всего 4%), при этом формы 1-го лица множественного числа употребляются значительно реже и с измененным значением.

Позиция автора в НФС почти такая же, как и в ПФС: очень часто она выражается формами 1-го лица ед. и мн. числа. Правила для употребления того или другого лица не установлены. Как и в ПФС, авторское «мы» подчеркивает скромность и объективность повествования. Первое лицо мн. ч. часто утрачивает конкретное значение и переходит в область абстракции и обобщения:

> Как мы уже *знаем* [...] (Будагов 1977: 148, 160). Как *видим* [...] (149). То же *наблюдаем* и при склонении отрицательных местоимений [...] (Приходько 1971: 28). Интересное наблюдение *встречаем* в учебном пособии [...] (33).

Авторская позиция может, наряду с заменой 1-го лица ед. ч. 1-м лицом мн. ч., выражаться и иначе:

а) замещением 1-го лица ед. ч. 3-м лицом ед. ч. возвратного глагола:

> В одной из глав книги *делается* попытка показать своеобразие подобного воздействия (Будагов 1977: 6);

б) замещением 1-го лица ед. ч. 3-м лицом мн. ч. возвратного глагола:

> В работе *анализируются* лишь литературные языки [...] (6);

в) замещением 1-го лица ед. ч. конструкцией «имя существительное + 3-е лицо ед. ч.»:

> *Автор понимает*, что в его книге много нет. (6);

г) замещением 1-го лица ед. ч. конструкцией «имя существительное + причастие»:

> В предлагаемой же вашему вниманию работе *акцент поставлен* на развитие и совершенствование языков. (6)

Последний прием встречается чаще в сербском/хорватском, чем в русском языке. Для НФС характерно замещение *хочу* формой *хочется* (*Хочется* сердечно поблагодарить рецензентов книги; Будагов 1977: 6), типичны сочетания *по моему глубокому убеждению* (7), *следует обратить внимание* (9), *если согласиться с доктриной* (12), *следует*, *вновь обратиться к некоторым общим аспектам* (12), *на мой взгляд* (19), *нередко приходится слышать* (23), *аналогичная картина наблюдается* (33).

12. И в ОФС заметно выражено обезличение. В нем, из всех функциональных стилей, меньше всего личных форм — 62% (ЛФС 83%, РФС 81%, НФС 70%, ПФС 66%; в среднем — 75%), и почти совсем не употребляется 1-е и 2-е лицо. В наших материалах мы обнаружили только один пример использования 2-го лица, да и то в лозунге «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Безличность усиливает и частое употребление 3-го лица в неопределенно-личном значении, которое, по данным М. Н. Кожиной, составляет 24% от общего употребления личных форм (НФС 10%, КФС 2,8%), см. (Кожина 1977: 84). Однако жанровое разнообразие ОФС настолько широко и разнородно, что можно найти и тексты, в которых используются другие личные формы (имеем в виду малые формы административного жанра, как например, расписки, справки, свидетельства, дипломы, характеристики, протоколы, приказы, декреты, указы, решения, страховые полисы и т. п.). Просьба, скажем, отличается более частым использованием формы 1-го лица ед. ч. (если речь идет об отдельном индивидууме) или во множественном числе (если речь идет о нескольких лицах). Поскольку этот жанр всегда подразумевает адресата, здесь употребляется и 2-е лицо. Доверенность обычно начинается 1-м лицом (*Я ... доверяю*…). Подобное имеет место и в разных расписках, сообщениях. В автобиографии часто опускается местоимение при личной форме глагола. В инструкциях возрастает употребление 2-го лица мн. ч., а в деловой корреспонденции повышенной частотностью отличается 1-е лицо мн. ч.

13. Для РФС характерно опускание местоимений при личных формах глагола, широкое использование 2-го лица, уменьшенное обобщение и повышенная конкретизация, а также смешение личных форм при обращении. Как следует из нашего материала, из всех ФС в РФС — самое гармоничное отношение этих форм (18%): 25 — 18 — 30; 7 — 13 — 7. Данный стиль отличается большей частотой использования 2-го лица ед. ч. Подобная же ситуация и со 2-м лицом мн. ч. РФС занимает в системе ФС первое место по употреблению 1-го лица ед. ч. (25%) и мн. ч. (7%). С другой стороны, формы 3-го лица используются в нем менее часто.

Горизонтальная и вертикальная организация глагола

0. Если сознательно нарушить обычное, установившееся размещение глагола в предложении и стихе, то есть если использовать его там, где обычно его не ставят, или если его включить в необычное окружение, без внесения изменений в содержание, возникает глагольная фигура. Для образования такой экспрессивной конструкции используются различные приемы: добавление, повторение, опускание, изменение местоположения, искусственное размещение, замещение[1].

1. Благодаря исключительному семантико-стилистическому и синтактико-стилистическому потенциалу, глагол обладает большими возможностями для использования в разных местах в предложении и стихотворении, для повторения, нагромождения, комбинирования форм в целях создания экспрессии.

2. Глагол, как правило, стоит в начале или в конце высказывания (предложения, стихотворения). Так, в «Судьбе человека» М. А. Шолохова большая часть глаголов занимает первое или третье место. Если глагол повторяется в начале предложения, стиха, отрывка и т. п., то образуется глагольная анафора. Таким приемом усиливается высказывание. Существуют анафоры **(а)** настоящего, прошедшего и будущего времени; **(б)** повелительного и сослагательного наклонения; **(в)** причастия, деепричастия и инфинитива. Вот как выглядит анафора форм прошедшего времени:

> *Били* за то, что ты русский, за то, что на белый свет еще смотришь, за то, что на них, сволочей, работаешь. *Били* и за то, что не так взглянешь, не так ступнешь, не так повернешься. *Били* запросто, для того, чтобы когда-нибудь да убить до смерти, чтобы захлебнулся своей последней кровью и подох от побоев. (Шолохов 1975: 27)

На претеритальной анафоре Изет Сарайлич строит стихотворение «Rođeni dvadeset treće, streljani četrdeset druge» («Рожденные в двадцать третьем, расстрелянные в сорок втором»):

---

[1] Фигуры обычно распределяют на две основные группы — языковые фигуры и фигуры художественного языка см. (Aristotel 1977, 1989, Kvintilijan 1967, Zima 1988, Античные 1937, Simeon 1969).

Večeras ćemo za njih voleti.
Bilo ih je 28.
Bilo ih je pet hiljada i 28.
Bilo ih je više nego što je ikad u jednoj pesmi bilo ljubavi.
Sad bi bili očevi [...]

В одной части стихотворения И. А. Бродского «На смерть Элиота» три раза подряд используется сложное будущее время:

Будет помнить лес и дол.
Будет помнить сам Эол.
Будет помнить каждый злак,
Как хотел Гораций Флакк.
(На смерть Элиота).

Императивную анафору находим у К. М. Симонова в известном стихотворении «Жди меня»:

Жди меня, и я вернусь,
Только очень жди.
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.

Она появляется и в стихотворении Ристо Тошовича «More, neutešno more» («Море, неутешное море»):

Sići niz ovo obamrlo kamenje.
Sići, pritajenog daha, do ovog slučajnog borja.
Sići neutešna,
neka te samo mrtvi šum tvoga tela prati.
Sići po mome tragu...

А вот примеры инфинитивной анафоры:

Biti hladan kao boja u travi...
biti hladan još više
biti hladan kao
ništa
kao moje i tvoje neznanje
kao prazno slovo
O
tako biti hladan.
(Veselko Koroman. Zdravo sunce, lijepi polipe)

Аккумуляция (нагромождение, фигура расширения понятия добавлением второго, близкого понятия) может быть в форме преднамеренного повторения, например, инфинитива:

Жить-жить-любить. Жить-жить-любить. —
Звучит из черного куста,
— *Жить-жить-любить. Жить-жить-любить.* —
Как эта песенка чиста.
(В. Д. Берестов. Жить-жить-любить)

Скопление инфинитива может иметь место в конце первого полустиха:

Коль *любить*, так без рассудку,
Коль *грозить*, так не на шутку,
Коль *ругнуть*, так сгоряча,
Коль *рубнуть*, так уж сплеча!

Коли *спорить*, так уж смело,
Коль *карать*, так уж за дело,
Коль *просить*, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!
(А. К. Толстой. «Коль любить, так без рассудку ...»)

Повторением данной формы могут усиливаться различные семантико-стилистические нюансы, например, необходимость совершения действия:

Но так и *быть*! Судьбу мою
Отныне я тебе вручаю.
(Десять русских поэтов 1981: 50)

Им не *забыть* своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не *поднять* плакучей иве
Своих поникнувших ветвей...
(Н. А. Некрасов. Забытая деревня)

Инфинитив может появиться в конце стиха.

Умом Россию не *понять*,
Аршином общим не *измерить*:
У ней особенная стать[2] —
В Россию можно только *верить*.
(Ф. И. Тютчев. Умом Россию не понять)

[2] Форма *стать* является морфологическим омонимом, который образует глагол *стать* и существительное *стать*. Здесь речь идет о существительном.

Повторение может распространяться по всей строфе, как в письме Татьяны к Онегину:

[...] в деревне нашей *видеть* вас,
Чтоб только *слышать* ваши речи,
Вам слово *молвить*, и потом
Все *думать*, *думать* об одном —
И день и ночь до новой встречи.
(Десять р. поэтов 1980: 48—49)

В результате повторения глаголов в конце синтаксических и стихотворных отрезков появляется глагольная эпифора.

В прозе:

Я отозвался. «Марш за нами, тебя сам герр комендант *требует*. Понятно, зачем *требует*» (Шолохов 1975: 29). «Папа, родненький. Я знал, что ты меня *найдешь*. Все равно *найдешь*. Я так долго ждал, когда ты меня *найдешь*» (Там же: 41).

В поэзии:

[...] В даль идут державным шагом...
— Кто еще там? *Выходи*!
Это вечер с красным флагом
Разыгрался впереди...
Впереди — сугроб холодный,
— Кто в сугробе — *выходи*!...
Только нищий пес голодный
Ковыляет позади...
(А. А. Блок. Двенадцать)

uzalud je budim
jer će se probuditi drukčija i nova
uzalud je budim
jer njena usta neće moći da joj kažu
uzalud je budim
ti znaš voda protiče ali ne kaže ništa
uzalud je budim
treba obećati izgubljenom imenu nečije lice u pesku.
(Branko Miljković. «Uzalud je budim [...]»)

Чередование глаголов в целях усиления или ослабевания интонации и семантического содержания порождает глагольную градацию.

А лагерная охрана каждый день *пьет*, песни *горланят*, *радуются*, *ликуют* (Шолохов 1975: 28).

В поэзии:

Не *жалею*, не *зову*, не *плачу* (С. Есенин. «Не жалею, не зову, не плачу...»);
još *strepi*, *dršće*, *gori* srce moje (Veljko Petrović. Erotika).

3. Очень интересным является повтор глагола в сербской / хорватской эпической поэзии. Анализ такого употребления позволяет выявить определенные закономерности (Hunjak 1976: 76—78). Во-первых, чаще всего повторяются формы вспомогательного глагола:

Ako me pitaš ko *sam* i oklen *sam* [...].

Во-вторых, глаголы удваиваются в целях противопоставления утверждения отрицанию:

Udri guju, ne *udri* sokola [...].

В-третьих, удвоение происходит перед цезурой и в конце стиха:

Majke *nemam*, a sestrice *nemam* [...],

а также в начале стиха и после цезуры:

Čuješ larmu, *čuješ* li topove?

В-четвертых, повторы иногда переходят в шаблон:

A Mujaga *haje* i ne *haje* [...].

Выделяются повторы глагола с комбинациями «существительное + глагол», «глагол + существительное» (Там же: 115—118):

Zemlji *padaj*, starac Radivoje,
Zemlji *padaj*, pušci oganj daji [...]
Pijte vino, moji sokolovi!
Pijte vino, propinjte opanke!

Такие повторы могут образовать композиционный стык:

Janko vam je blago *ostavio*,
Ostavio blago i oružje [...].

При использовании глагола в конце определенной синтаксической или стихотворной единицы и в начале другой возникает глагольный анадиплосис, или глагольный композиционный стык.

В прозе:

Так и прожил десять лет и не заметил, как они *прошли*. *Прошли*, как будто во сне. (Шолохов 1975: 14)

В поэзии:

Непогода — осень — *куришь*,
Куришь — все как будто мало.
(А. А. Фет. Хандра)

Poznala sam te kad se sneg *topi*,
topi, i duva vetar mlak.
Blizina proleća dušu mi *opi*,
opi, pa žudno udisah zrak.
(Desanka Maksimović. Predosećanja.)

Tek kao blede tišine da hode
Sneg *pada*, *pada* dan ubog i ceo
Sneg, beo, beo,
Sneg, beo, beo.
(M. Vidaković. Pada sneg beo [...])

Если в целях создания экспрессии употребляются глаголы с противоположным значением (глаголы-антонимы) в близком контексте, получается глагольная антитеза или контраст:

Sve što god *počneš svršila* u sreći!
(Velimir Rajić. Na dan njenog venčanja)

Контраст может возникнуть, если используются контекстуальные антонимы (слова, образующие только в данном окружении антонимическую пару):

Obnoć *grede*, a obdan *počiva* [...]
(Ivan Mažuranić. Smrt Smail-age Čengića)

Разновидность контраста — оксюморон (соединение двух несоединимых понятий). Глагол обычно выступает в сочетании с существительным:

Tu niko nije *umro* ko je *umro*.
(Branko Miljković)

Выразительность достигается и созданием предложения, смысл которого можно получать, читая и справа, и слева. Так образуются анаграммы. В них глагол является одним из компонентов. Например:

Ana *voli* Milovana ʻАнна любит Милованаʼ.

Этот прием называется еще и написанием (чтением) в обратном порядке, а одна его разновидность появляется в виде поэтических загадок. Анаграмма не связана только с синтаксическим планом — она встречается и на фонетически-фонологическом уровне, основывается на перемещении звуков и является паронимическим явлением. Например:

Ne *mari* marva za jednoga mrava. (Simeon 1969)

Одной из фигур является инверсия. Она строится на изменении обычного порядка слов:

А матершинничать *был* мастер ужасный. (Шолохов 1975: 28) *Ушел* он рано вечером. (Д. Мартынов. Первый снег) *Padao* je suton, dan je bio kišan. (M. Bojić. Put)

При помощи глагола строятся и другие фигуры. Для того, чтобы подчеркнуть важность глагола, можно прибегнуть к амплификации — объяснению выражения для выделения значения понятия:

Kočija je bila *prevrnuta* i *izvrnuta.* (Simeon 1969)

На основе омонимичности, то есть употребления слова и как глагола, и как существительного, возникают глагольно-именные диафоры типа:

O te *krši* (существительное) zub svoj zaman *krši* (глагол)[3].

Когда глагол связан с несколькими субъектами, образуется силлепсис:

Iz Omera zelen bor *nikao*, // Iz Merime /=*nikla*/ zelena borika[4].

Сознательное повторение одной глагольной формы без изменения смысла приводит к появлению эпаналепсы:

Dođe petak i *dođe* rastanak.

В обычной речи эта фигура приводит к ненужной избыточности:

Znam da je to *znao*.

Использование глагола для дополнительного пояснения существительного, от которого он образован, приводит к возникновению эпексегезиса, часто встречающегося в народной поэзии:

Izvir voda *izvirala* (Lirske narodne pjesme 1952: 56); Tu su svati *noćcu prenoćili*; (Lirske nar. pjesme 1952: 109); Ko ptičica sam pevala, Sam sladke *sanje sanjala* (Lirske nar. pjesme 1952: 138).

Бессоюзная связь между двумя глаголами образует асиндетон:

Rečeno — izvršeno, *Plaćeno — prodano*.

Если происходит опущение семантически слабого глагола и перенос его значения на существительное, то получается прегнанция (сжатость):

Hljeba, hljeba, gospodaru!

---

[3] Пример Рикарда Симеона (Simeon 1969).

[4] Пример Рикарда Симеона (Simeon 1969).

4. Для глагола особенно характерна фигура под названием зевгма. Она представляет собой экспрессивную синтаксическую конструкцию, основанную на опущении глагола при перечислении слов, с которыми он употребляется (в ряде однородных предложений общее сказуемое реализуется только в одном из них). Некоторые называют ее фигурой убавления. «Она состоит из главного слова и зависящих от него однородных членов предложения, равноценных грамматически, но разноплановых по значению, вследствие чего в многозначном главном слове одновременно актуализируются минимум два разных значения или смысловых оттенка» (Риторика. Словарь — www)[5]. Зевгмой некоторые называют стилистический прием, направленный на одновременную реализацию двух или более значений многозначного глагола. «В основе зевгмы лежит умышленная, направленная на определенный стилистический результат, экономия языковых средств» (Суховей. Семант. анализ — www)[6].

В следующем примере зевгма используется для изображения максимального напряжения физических усилий:

> Дедка — за репку, бабка — за дедку, внучка — за бабку, Жучка — за внучку, кошка — за Жучку [...] тянут-потянут [...] (Репка-www).

Грамматическая, или семантическая разнородность и несовместимость, несочетаемость членов предложения может вызвать юмористический эффект:

> а) *Шел* дождь и три студента, первый — в пальто, второй — в университет, третий — в плохом настроении. (Риторика. Словарь — www)[7];
>
> б) [...] Хозяин, *блестя очками и остроумием*, возглавлял стол, и позади него на стене во весь рост сам Петр Великий в ботфортах. (Белкина. Скрещение судеб-www) Доктор с озабоченным лицом, подающий надежду

---

[5] «Зевгмой в широком смысле античные грамматики называли такие обороты речи, когда какое-нибудь слово, чаще сказуемое, которое должно быть повторено два или несколько раз, ставится один раз, а в других местах лишь подразумевается. В пример приводили такую фразу: “Союзникам я *объявляю*, чтобы они взялись за оружие и что следует вести войну”» (подразумевается — я объявляю), см. (Зевгма — www).

[6] Более подробно о зевгме — дефиниции и месте в системе, морфологической, синтаксической, семантической и функционально-стилистической характеристике см. (Береговская 2004).

[7] В Интернете мы нашли следующий комментарий: «“За окном *шел* дождь и два студента” — является примером литературного приема, именуемого з е в г м а . Из литературы: “Она *встала* с кровати, вся в негодовании и в папильотках” — Виктор Гюго, произведения не помню, но это из дипломной работы моей сокурсницы — как раз по зевгме. Она может быть средством передачи иронии, как в приведенных двух примерах, а может и совсем другим целям служить: “*Закрой* двери и рот!” или скажем “Он *снял* с себя камзол и с ним груз пережитых потрясений”». (Зевгма 02-www)

на кризис, часто *имеет* палку с набалдашником и лысину. (Чехов. Что чаще всего-www) Марья Александровна *сидит* у камина в превосходнейшем расположении духа и в светло-зеленом платье, которое к ней идет. (Достоевский. Дядюшкин сон-www) Дочка, стройная и меланхолическая девушка лет семнадцати, *воспитанная* на романах и на чистом воздухе. (Пушкин. Роман в письмах-ww) Одни *обедают* с вином, другие с друзьями, одни *пользуются* палочками, другие случаем, одни *едят* за столом, другие задаром. (Вайль, Генис. Русская кухня-www)

Много таких примеров можно найти у Н. В. Гоголя:

Торговки *перебрасывались* рыбой и бранью. Она *носила* желтый капот и бородавку на носу. (Кукольный бог-www)

и других писателей:

Паровоз и проводница *взвыли* одновременно (Зевгма 03-www).

5. Глагол может образовывать и фонетические фигуры. Это может быть и аллитерация (повторение одинаковых согласных):

Snove **s**nivam, **s**nujem **s**nove (Лаза Костич),
uz put ka**š**lje
uz put pu**š**i
uz put diše čisti zrak (Душко Трифунович),

и ассонанс (созвучие гласных):

d**a** je sj**a**o j**a**o sj**a**o **a**o sj**a**o (Анджелко Вулетич. Upitni oblak).

При употреблении одинаковых синтаксических конструкций, одним из элементов которых является глагол, возникает параллелизм. Это может быть:

(**а)** вертикальное чередование одной формы глагола в середине стиха:

Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты *несешься* по ясной лазури,
Одна ты *наводишь* унылую тень,
Одна ты *печалишь* ликующий день.
(А. С. Пушкин. Туча)

Ona *ima* ruke od trave.
Ona *ima* glas od vetra i žita.
Ona *ima* oko od kiše.
Zašto sam izmislio da se ne vratim?
(Stevan Raičković. Povratak);

(б) вертикальное чередование нескольких форм глагола:

О тебе я хочу *думать*. *Думаю* о тебе.
О тебе не хочу *думать*. *Думаю* о тебе.
О других я хочу *думать*. *Думаю* о тебе.
Ни о ком не хочу я *думать*. *Думаю* о тебе.
(Лев Озеров. «О тебе я хочу думать ...»)

ja *ću pokušati* da kažem mucajući
ja *ću pokušati* da kažem smejući se
ja *ću pokušati* da kažem vičući
neizostavno kako bilo pokušaću
(Risto Tošović. Nedelja);

(в) вертикальное зигзаг-чередование:

Možda *spava* sa očima izvan svakog zla,
Izvan stvari, iluzija, izvan života,
I s njom *spava*, neviđena, njena lepota;
Možda živi i doći će posle ovog sna.
Možda *spava* sa očima izvan svakog zla.
(V. Petković Dis. Možda spava).

Если глагол употребляется в начале или в конце синтаксического или стихотворного единства, то образуется глагольное кольцо:

Люблю ли тебя — я не знаю, Но кажется мне, что *люблю*.
(А. К. Толстой. «Средь шумного бала...»)

6. Одной из доминантных поэтических позиций является конец стиха[8]. Интенциональные повторы в конце стиха называются рифмой. Существует несколько основных видов: смежная (**a-a-b-b**), перекрестная (**a-b-a-b**), кольцевая, охватная, или опоясанная (**a-b-b-a**), а также их варианты. Если совпадает один слог, речь идет о мужской рифме, если два — о женской. Рифма с тремя одинаковыми слогами называется дактилической, с полным звуковым совпадением — правильной, а с частичным — неправильной. Выделяется также акустическая рифма (когда рифмуются не окончания, а общие контуры слова), каламбурная и др.[9]

---

[8] В. В. Маяковский, скажем, на этом месте всегда использовал самое характерное слово и рифмовал его, как сам сказал, во что бы то ни стало.

[9] Список всех типов рифм очень большой: абсолютная рифма, абстрактная рифма, авторифма, авторская рифма, акустическая рифма, ассонансная рифма, базовая рифма, банальная рифма, бедная рифма, богатая рифма, внутренняя рифма, «выкающая рифма», гипердактилическая рифма, глагольная рифма, гласная рифма, глубокая рифма, грамматическая рифма, графическая рифма, графически-акустическая рифма, дактилическая рифма, двойная рифма, двоюродная рифма, двоякая рифма, двухсложная рифма, диссонансная рифма, добавленная рифма, достаточная рифма, дружественная

7. В рифмовке каждая часть речи ведет себя по-разному. Априорно можно предположить, что различные части речи обладают неодинаковыми возможностями рифмовки из-за своеобразия их лексической и словообразовательной структуры (Стехин 1970: 96). Так как глагол и существительное являются стержнем грамматической системы, они и здесь имеют господствующую функцию: к ним относится 74,2% рифмы (к существительным 57,9%, к глаголам 16,3%)[10]. (Стехин 1970: 97). В пользу такого вывода говорит тот факт, что всегда существует стремление рифмовать семантически самые широкие слова (в целях их выделения на фоне остальных), какими являются как раз глаголы и существительные.

8. Рифму, конститутивным элементом которой является глагол, называем глагольной. Б. В. Томашевский определяет ее следующим образом: «Когда глагольные окончания совпадают, когда вся рифма состоит только из повторов этих глагольных окончаний, такая рифма называется глагольной» (Томашевский 1959: 419). У Д. Ушакова находим такое определение: «Глагольная рифма (лит.) — рифма, образуемая двумя глаголами с одинаковыми окончаниями, напр.: *бежит — летит*» (Ушаков 2001). Есть и такое толкование: «Глагольная рифма — разновидность однородной рифмы; рифма, состоящая только из глаголов: *плыву — зову*, *жить — говорить*, *играем — страдаем*, *стараться — волноваться*…» (Рифма 1-www).

Семантическое многообразие, широкая сочетаемость, богатство морфологических форм и большой экспрессивный потенциал предопределяет то, что глагол

рифма, женская рифма, закрытая рифма, замещенная рифма, инородная рифма, йотированная рифма, каламбурная рифма, кольцевая рифма, конечная рифма, консонансная рифма, конфликтная рифма, корневая рифма, монорифма, мужская рифма, мультирифма, надстроечная рифма, начальная рифма, недостаточная рифма, неравносложная рифма, оборванная рифма, обособленная рифма, объединенная рифма, однородная рифма, односложная рифма, окончательная рифма, омонимическая рифма, открытая рифма, панторифма, параллельная рифма, перекрестная рифма, переставленная рифма, переходная рифма, полутавтологическая рифма, предударная рифма, префиксальная рифма, приблизительная рифма, приемная рифма, псевдорифма, пятерная рифма, пятисложная рифма, равносложная рифма, разнесенная рифма, разнородная рифма, разноударная рифма, рассеченная рифма, рифма с перестановкой, рифмы дальней степени родства, рифма с вклинением, рифма с выпадением, рифма с чередованием, рифма с наращением, рифма с раздвижением, родная рифма, связующая рифма, семисложная рифма, сквозная рифма, слогорифма, сложная рифма, случайная рифма, смежная рифма, смешанная рифма, согласная рифма, составная рифма, стыковая рифма, тавтологическая рифма, твердо-мягкая рифма, точная рифма, трехсложная рифма, тройная рифма, усеченная рифма, устоявшаяся рифма, холостая рифма, четверная рифма, четырехсложная рифма, шестерная рифма, шестисложная рифма, эхо-рифма (Рифма 5-www).

[10] Следуют прилагательные (10,15%), местоимения (8,8%) и наречия (6,85%).

является важным средством создания различных типов рифмы. Одно из доказательств: нет глагольной категории (времени, вида, лица, залога), элементы которой не находим в рифме.

9. Из всех моделей рифмы чаще всего в нашем корпусе встречается перекрестная (a-b-a-b) рифма. Ее могут составлять глагол и другая часть речи, поэтому такую рифму называем полуглагольной. В ней используются все глагольные формы:

1) инфинитив:

Степь — моя. И если *встретится*
Скифу житель чуждых стран, —
Кровью грудь его *отметится*,
Пал — и строй себе курган.
(К. Д. Бальмонт. Скиф)

Još jednom samo o da mi je *dići*
Ispod života svet umrlih nada;
još jednom samo o da mi je *ići*
Prostorom snova pod vidikom jada.
(Vladislav Petković Dis. Utopljene duše);

2) настоящее время:

И ответил мне меняла кратко:
О любви в словах не *говорят*,
О любви вздыхают лишь украдкой,
Да глаза, как яхонты, *горят*.
(С. А. Есенин. Из цикла «Персидские мотивы»)

Što mi vene moja draga,
što mi bledi, što mi *kleca*?
što mi drkće moja snaga,
što mi plače, što mi *jeca*?
(Laza Kostić. Što mi vene [...]);

3) прошедшее время:

Вот явилась. *Заслонила*
Всех нарядных, всех подруг,
И душа моя *вступила*
В предназначенный ей круг.
(А. А. Блок. «Вот явилась...»)

U horizont prazan gledajući tada,
Na ivici gde se mrak i svetlost *deli*,

Zamrznuće mirno suza zadnjeg jada,
Jada što se nikad, nikad nismo *sreli*.
(Jovan Dučić. Čekanje);

4) будущее время:

Ничего от страдных глаз не *скроешь*:
Он сквозит, холодный черный ров.
Ты меня, мой друг, не *успокоишь*
Золотистой оттепелью слов.
(В. М. Кузин. «Чу! Как сердце бьет...»)

Pa kad sija jarko sunce
Verno ću je *pratiti*,
I za njom ću sa stidljivim
Okom svuda *slediti* [...]
(Jovan Subotić. Želja ljubovnika);

5) повелительное наклонение:

Не уделяй мне много времени,
вопросов мне не *задавай*.
Глазами добрыми и верными
Руки моей не *задевай*.
(Б. А. Ахмадулина. «Не уделяй мне много времени...»)

Poljubi me, začaraj me, *svedi*
sasud srca do izlivanja;
odaj dušu, uzmi je, *izvedi*,
da počine od prebivanja
(Velimir Živojinović Masuka. Tuga);

6) сослагательное наклонение:

Da sam, braćo, ovo znao,
Glasa njemu ne *bih dao*.
(Antun Gustav Matoš. Revija I);

7) причастие:

И он пришел к тебе *несватанный*
И заглянул в твои глаза.
Увел на луг, в тумане *спрятанный*,
А не повел под образа.
(М. А. Дудин. Об Ольге Калашниковой моя песня)

Ustaj i huji, Jadran-more plavo,
Pjevaj mi pjesmu, još *nedopjevanu*,

Galebu, vjetru, zorama i danu, —
Pjevaj mi pjesmu još *nedopjevanu*!
(Aleksa Šantić. Na Jadranu);

8) деепричастие:

Паду на щит, чтоб вензель твой
Врагам не видеть, *умирая*,
И, побужден одной судьбой,
Умру, тебя *благословляя*!
(Н. В. Кукольник. Песня Депорта).

В чистой глагольной перекрестной рифме (в которой рифмуются только глаголы) бывают различные комбинации:

1) инфинитив — сослагательное наклонение:

Как бы я *желала*
К дубу перебраться;
Я б тогда не *стала*
Гнуться да качаться.
(И. З. Суриков. Рябина);

2) инфинитив — настоящее время:

Люди пишут, а время *стирает*,
Все стирает, что может стереть,
Но скажи: если слух *умирает*,
Разве должен и звук умереть?
(С. Я. Маршак. Т. Г.);

3) причастие — настоящее время:

Спит залив, каким-то духом *скован*,
Ветра нет, в траве роса лежит;
Полный месяц, словно *очарован*,
Высоко и радостно дрожит.
(К. К. Случевский. Приди!)

Ideja u nemi kamen *uvajana*;
Vera sva u suzi što neće da kapi;
Ta zakletva što je u neznan čas *dana*;
I najviši zakon bola koji vapi.
(Jovan Dučić. Ćutanje).

10. В глагольной перекрестной рифме комбинируется настоящее время возвратных и невозвратных глаголов (*остаюсь* — размышляю — *предаюсь* — проливаю; И. С. Никитин. «Как мне легко...») с различными окончаниями (*глянет* — зовет —

ранит — дает; В. С. Шефнер. «Любовь ведет через пустыни...»). Прошедшее время также используется от возвратных и невозвратных глаголов (*оглянулась* — снизошла — *завернулась* — ушла; А. А. Блок. «О доблестях, о подвигах, о славе...»), с одинаковым окончанием, но с различной основой (*говорила* — лила — *дарила* — отдала; М. В. Исаковский. «Любушка»). Неодинаковые окончания могут быть у будущего времени (*придешь* — приду — *найдешь* — найду; Н. Н. Матвеева. «Песня с пингвинами»), повелительного наклонения (*отдайся* — гляди — *пытайся* — иди; А. Н. Майков. «Ах, люби меня без размышлений...»). Комбинации действительно многочисленны.

11. В рамках смежной рифмы выделяется полуглагольная и чистая глагольная рифма. Здесь тоже находим два варианта: **a-a-b-b** и **b-b-a-a**. Из глагольных форм в полуглагольной смежной рифме используется:

1) инфинитив:

Легко проснуться и *прозреть*,
Словесный сор из сердца *вытрясть*,
И жить, не засоряясь впредь,
Все это — не большая хитрость.
(Б. Л. Пастернак. «Любить иных тяжелый крест...»);

2) настоящее время:

Когда домой со службы *прихожу*,
Я обязательно вот здесь *сижу*, —
И тополя в поземке круговой
Загадочно шумят над головой.
(В. А. Луговской. Снегурочка)

Ja kakva je pusta! Tako mi imama,
Stid je ne bi bilo da je kod sultana!
Pa još kada šeće i plećima *kreće* [...]
— Ni hodžin mi zapis više pomoć *neće*!
(Aleksa Šantić. Emina);

3) прошедшее время:

Сколько меж нас километров *легло*
Сколько — о, сколько столетий промчало!
Дождь еще хлещет в жилое стекло,
Ночь еще блещет красой одичалой.
(П. Г. Антокольский. «Вот наше прошлое сжато в горсти...»).

Чистая смежная глагольная рифма имеет следующую форму:

Утро... Солнце ярко *блещет*;
В каждой травке жизнь *трепещет*;

В небе тучки тихо бродят;
К речке девушка подходит.
(А. К. Толстой. Весной)

Hladna kiša pada. Studen vjetar *bije*.
Mračni veo vasionu *krije*.
Sve u grobnom miru mrtvi sanak sniva,
Nijedan se glasak glasu ne odziva
(Aleksa Šantić. Sestra).

12. Кольцевую, охватную, или опоясанную рифму (**a-b-b-a**) образует настоящее время (*смотрю* — взором — разговором — *говорю*; М. Ю. Лермонтов. «Нет, не тебя так пылко я люблю...»), деепричастие (*нахмуря* — коня — буря — *звеня*; А. М. Горький. Девушка и смерть), повелительное наклонение (*пробуждай* — исступлений — сновидений — *возвращай*; К. Батюшков. Романс), причастие (любви — *побеждающий* — *спасающий* — крови; С. Я. Надсон. «Верь в великую силу любви...») и другие глагольные формы. Чистую кольцевую глагольную рифму имеем в таких случаях:

Он в русую деву *влюбился*,
А русая дева смеялась,
С весны до весны издевалась
За то, что в нее он *влюбился*.
(К. Льдов[11]. «Он в русую деву влюбился...»)

U šta god da se *preodjenem*,
čemu god da se poklonim,
to samo jednom biću prilazim
i samo jednom poštu *odajem*.
(Ranko Risojević. Četrnaesta bosanska elegija).

13. Кроме трех основных разновидностей рифм (смежной, перекрестной и кольцевой) глагол может выступать и в других типах. В результате получается:

1) рифма с четырьмя стихами, имеющая **(а)** три одинаковые глагольные формы — инфинитив (тополиный — *стереть* — *сдвинуть* — *уцелеть*; С. С. Орлов. «Голос первой любви моей...»), настоящее время (милее — *светлею* — *хочу* — *грущу*), прошедшее время (*светел* — *встретил* — обида — *видел*; Д. Б. Кедрин. Кровь), причастие (*околдована* — *обвенчана* — *закована* — женщина; Н. А. Заболоцкий. Признание); **(б)** различные глагольные формы (*повстречаю* — хороша — *отчаясь* — *дыша*; Н. С. Тихонов. «Я люблю тебя...»);

---

[11] К. Льдов — литературное имя поэта Витольда-Константина Николаевича Розенблюма.

2) трехчетвертная перекрестная рифма (*проводишь — подарив — отводишь — порыв*; В. В. Казин. «Чу...»);

3) полная рифма с тремя одинаковыми формами (*бежит — замечая — дрожит — тает*; С. П. Бобров. «Не обмани...»);

4) полная рифма с одинаковыми формами (*несет — знает — поймет — узнает*; Н. В. Кукольник. ”Жаворонок»);

5) смежная рифма в строфе из двух стихов (*разлучить — приучить*, *разрубить — быть*; Н. Л. Браун. «Нас не сможет ничто никогда разлучить...»);

6) рифма в конце одной и в начале другой строфы (*смея — умея*; К. Д. Бальмонт. «Мэри»);

7) кольцевая рифма с двумя внешними неглагольными и тремя внутренними глагольными элементами (*твоей — жившим — любившим — сохранившим — ей*; Н. А. Некрасов. Я не люблю иронии твоей);

8) рифму в форме дистанционного глагольного охвата (*мечтаю — помышляю — стих — моих — мечтанья — молчаньи — нахожу — твержу*; Н. Ф. Щербина. «О чем, в тиши ночей, таинственно мечтаю...»).

Глагол также порождает мужскую рифму (*найду — отведу*), женскую рифму (*разлучить — приучить*) и дактилическую рифму (*заговорить — поговорить*). В нашем корпусе самой редкой является последняя рифма.

14. В толковании оправданности глагольной рифмы существуют противоположные мнения. Одни считают, что ее надо избегать во что бы то ни стало. Вторые допускают ее употребление в исключительных случаях [12]. Третьи утверждают, что глаголы вполне имеют свое место в поэзии и что глагольная рифма может быть очень красивой (Рифма 4-www). «Но есть вещи, которые люди повторяют просто, как попугаи: «Глагольная рифма недопустима». А почему? — Наличие глагольной рифмы скорее всего приведет к тому, что стихотворение будет звучать очень слабо, неинтересно, даже плохо. Но! Это не значит, что все глагольные рифмы в обязательном порядке должны исчезнуть из творчества — я встречал немало очень хороших стихов с глагольными рифмами. Просто их не должно быть много [глагольных рифм], но искусственно их избегать — делать стихотворение искусственным [...] Этот пример я привел к тому, что глагольные рифмы не дают покоя и сна многим

[12] «Думаю, что глагольная рифма допустима в исключительных случаях, когда по смыслу просто невозможно изменить ее мистический прорыв в стихотворение. Так бывает. А в остальное время мощное использование глагольной рифмы (ИМХО) — это просто отсутствие понимания поэзии и поэтического таланта у пишущего. Потому, что когда рифма начинает мешать поэту, тут-то и выскальзывает из карандаша глагольная рифма — просто и, главное, душа не напрягается. И, обратите внимание на многие стихи современных прекрасных поэтов — вы там найдёте глагольную рифму в редчайшем случае, когда по смыслу и вибрации стихотворения просто невозможно не поставить глагол.» (Рифма 3-www)

людям и везде, начиная еще с пушкинских времен [...] И на этом сайте я нередко встречаю абсолютно некомпетентные возражения против глагольной рифмы. А в произведениях крупного формата (поэмах, романах в стихах) совсем без глагольной рифмы обходиться — это уродовать все произведение» (Рифма 5-www).

Глагольная рифма может вызвать положительный и отрицательный эффект. Положительный эффект возникает в случаях, если она используется с мерой и не механически. В таких случаях появляется т. н. богатая рифма. Отрицательный эффект вызывает тот факт, что глагольную рифму не так сложно создать, что глаголы можно легко рифмовать (*читать — писать*, *знаю — думаю*, *бери — говори*), поэтому рифма иногда создается механически, не задумываясь, и поэтому называется бедной. По этим причинам в русской поэзии XX столетия произошел сдвиг в том плане, что поэты начали избегать глагольной рифмы, она стала крамольной. «Глагольные (точнее, грамматические) рифмы (ведь сюда входят не только окончания глаголов, но и окончания остальных склоняемых частей речи) не были “криминалом” до начала XX века. С подачи эстета Н. С. Гумилева, организовавшего Цех поэтов и действительно выучившего много талантов, стало принято внимательно относиться к технике стиха. Избегать грамматических рифм — это было лишь первое, самое легкое задание гуру-сенсэя. Далее надо было освоить сонет, канцону, рондо — при этом не отступив ни на йоту от канона. Далее в той же строгой форме надо было сделать акро по первой букве, по последней, по диагонали и перекрестно. Поэтому — “каждый выбирает для себя”. И в XX веке было написано много гениальных стихов с грамматическими рифмами» (Рифма 2-www).

В настоящее время многими поэтами, рецензентами, литературными критиками, любителями поэзии и др. глагольная рифма рассматривается как «убогая», «неоправданная», «примитивная», «тупая», «банальная», «мерзлая», как рифма, которая «сама по себе не приветствуется». Глагольная рифма — это даже «дурной тон», «полный ужас», «отстой». Она «дешево смотрится», это — «очень плохая рифма», «глагольная банальщина». Отсюда звучат и такие призывы: «Тем, кто рифмует *петь — шуметь* и *пить — грубить*: довольно! Друзья, положимте конец засилью рифм глагольных!» (Рифма 8-www). Оценка глагольной рифмы иногда исходит из конкретных случаев[13]. Но есть и те, которые выступают в защиту глагольной рифмы: «Нередко бывает, что самая бедная глагольная рифма оказывается сильнее (потому что нужнее) богатой и причудливой:

---

[13] «Как-то принес стихи в редакцию, а главред мне буркнул что-то навроде: «Ну что, нарифмовал глаголов?» Задумайтесь, ведь это сказал мне прожженный профи... С тех пор очень стараюсь свести к минимуму рифмование глаголов. Ведь на самом деле, это очень легкий путь написания стихов. Впрочем, изредка такое действительно оправдано, например, когда хочешь подчеркнуть экспрессию. Но это, скорее, исключение. Обычно такого рода стихи здорово похожи на самодельные, а мы ведь ВСЕ этого не хотим, не так ли?» (Рифма 11-www)

Так весь день она *рыдала*,
Божий промысел *кляла*,
Руки белые *ломала*,
Черны волосы *рвала* [...]

В этих строчках Катенина глагольная рифма не случайна. Глаголы эти и по смыслу должны быть в конце строчек; им как бы суждена участь рифмы уже потому, что все они выражают очень активное действие: “рыдала”, “кляла”, “ломала”, “рвала”. В результате — очень сильные стихи, искренне и взволнованно передающие отчаяние девушки» (Рифма 9). Или: «А вот парадокс: среди таких бедных могут быть и богатые рифмы, если в словах совпадают предударные звуки или слоги: *па**рить** — гово**рить**, **пастись** — за**пастись**, **вернуть** — за**вернуть**...*

Кто на лавочке *си**дел***,
Кто на улицу *гля**дел***,
Толя пел,
Борис *мол**чал***,
Николай ногой *ка**чал***.
(Михалков. А что у вас-www)»

В таком же духе высказано следующее мнение: «Я считаю, что глагольные рифмы допустимы в стихах! Должна быть золотая середина! Даже знаменитые писатели использовали их в стихах [...]». (Рифма 11-www) Другой автор констатирует, что многие рассуждают на тему глагольных рифм, но никто еще внятно не сказал, что это такое. «А это всего лишь разновидность однородной рифмы. Частенько глагольную рифму еще называют бедной, т. е. рифмой на основе одинаковых частей речи, особенно, если количество этих слов в русском языке велико. Но дело в том, что среди глагольных рифм попадаются “богатые” рифмы, и тут уже дело зависит как от мастерства, так и от “внутреннего слуха” автора. Но на самом деле все претензии к рифмовке зачастую необоснованы, поскольку все рифмы (как глагольные, так ассонансные и акустические) имеют право на жизнь, и требовать от непрофессионала богатства рифморяда есть не более, чем разновидность снобизма, поскольку базируется исключительно на вкусе критика, сознательно наделяющего абсолютно нейтральные понятия негативным смыслом. Глагольные рифмы — это не плохо и не хорошо — они просто существуют в поэтике» (Там же).

Отметим, что глагольная рифма имеет свое оправдание в детской поэзии, в которой она в состоянии приблизить содержание детскому пониманию.

Он все лето *веселился*,
Делал стойку и *кульбит*,
Он от смеха *утомился*,
Пусть немного *погрустит*.
(Шульжик Валерий. Клоун)

Субстанциональная модификация глагола

0. Одна из форм языкового динамизма — изменение формальной структуры в результате различных трансформаций. Субстантивированные модификации языковых единиц подразумевают четыре основных приема —добавление, сокращение, замещение и перемещение. Произвести изменения такого рода — значит добавить или отнять, включить или выбросить, расширить или сузить, уменьшить или увеличить, заменить или переставить или даже совсем опустить определенную языковую форму. В анализе трансформации языкового материала без изменения его формальной и категориальной принадлежности необходимо различать два понятия — понятие первичной формы, то есть эталона, который трансформируется, и понятие вторичной формы, то есть формы, которая получается в результате трансформации. Первую форму назовем протоплазмой, вторую — метаплазмой. Поскольку протоплазма подразумевает некий образец, служащий отправной точкой, то есть подразумевает эталон как утвержденный или идеальный тип чего-то, протоплазмой считаем то, что является общепринятым, засвидетельствованным обществом, относительно стабильным и унифицированным. Такой статус могут иметь нормативные единицы. Слово «метаплазма» означает две вещи. Первая его часть (*мета-*) указывает на процесс, на прием, приводящий к субстантивированной модификации, а вторая часть (*-плазм*) — на то, что получается. В качестве иллюстрации приведем самые обычные фоноплазмы существительных, прилагательных, местоимений, наречий и союзов в сербском/хорватском языке: *tenjak*, *tica*, *safun*, *pos'o*, *Inglez*; *ingleski*; *'naki*, *ovliki*; *ovdjeka*, *'vamo*, *vamo*, *doljena*, *oklen*, *đe*; *'vako*; *jopet*, *ondar*; *kono*; *k'o*, *il'*, *al'*, *nit'*; *daklem*. Особенно распространены глагольные метаплазмы с постфиксами *-der*, *-derte*, *-dete* типа императива *bjež'mo*, инфинитива (*zaboravit'*), настоящего времени (*jes'*), прошедшего времени (*doš'o*), аориста (*zadesi'*), сослагательного наклонения (*bi' zaisk'o*), будущего времени (*'oćemo*) и т. п. Это простейшие примеры — сложные находятся на более широком морфологическом, синтаксическом и текстуальном уровне. Поскольку метаплазм ассоциативно связывается со значением второй части сложного слова, то метаплазмой мы будем считать трансформированную форму протоплазмы, а сам прием имеет общие названия типа модификация, трансформация, деформация, структурное перемещение и т. п. или более — плюс-и-минус-прием. Под понятием метаплазмы подразумеваем, таким образом, грамматическую форму, об-

разованную в результате деформации грамматического эталона, добавлением или опущением какого-либо структурного элемента. Определение метаплазмы как «операции, которая меняет звуковую или графическую сторону сообщения, то есть форму выражения в ее звуковом или графическом обличье» (Дюбуа 1988: 92)[1], является более узким. Для нас метаплазма, прежде всего, — результат операции, а не процесс, так как вторая часть термина (*-плазм*) подразумевает субстанцию, материю. Кроме того, мы не дифференцируем метаплазму и метатаксис так строго, как это имеет место в «Общей риторике» (сами ее авторы признают, что граница между метаплазмой и метатаксисом не очень выраженная и резкая). В этой книге метаплазма рассматривается как фигура, изменяющая внешний вид слова (звуковой и графический), или единица высшего уровня, а метатаксис — как фигура, изменяющая структуру предложения. Поскольку структурные модификации, о которых идет речь, происходят и на первом, и на втором уровнях, нам представляется вполне оправданным расширить понятие метаплазмы на метатаксис. Поэтому под метаплазматическими операциями мы подразумеваем все действия, приводящие к субстанциональному изменению глагола на всех уровнях, начиная от фонетико-фонологического и до текстуального. Точнее, все виды структурных модификаций (фонетико-фонологических, морфологических и синтаксических) мы рассматриваем как разновидность метаплазмы. Это, конечно, не значит, что в некоторых случаях нельзя проводить четкое разграничение между метаплазмой и метатаксисом. Метаплазма — неоформа (новая форма), которая получается в результате трансформации первичной формы. Можем ее назвать и метаформой (формой формы). В ее основе — избыточность или экономия. Чтобы получить метаформу, применяются два приема: один, приводящий к возникновению избыточных форм, а другой, приводящий к образованию редуцированных (сокращенных) форм. Избыточность, то есть редукция, является на уровне формы, так как здесь имеет место нарушение сигнальной, а не семантической организации. В сущности речь идет о плюс-и-минус-приеме, то есть о добавлении и сокращении. И то, и другое представляет собой разновидность разрушения грамматической структуры (деформацию, аномалию, структурное перемещение, недостаточность, субстантивированную модификацию, обструкцию и т. п.).

1. Итак, метаплазма — неоформа, возникшая в результате субстантивированной модификации эталона различных языковых уровней (фонетико-фонологического, морфологического и синтаксического). Она обозначает изменение формальной структуры эталона, точнее, изменение его линейной организации. Протоплазма и метаплазма образуют различные отношения. В первую очередь их можно соотнести с нормой и нарушением нормы. Протоплазма — нормативная языковая едини-

[1] В классической риторике метаплазмами называются отступления (отклонения) от правильного произнесения или написания слов, возникшие в целях метрики или по другим причинам (Kvintilijan 1967: 98).

ца, то есть единица стандартно-языкового типа, а метаплазма — форма нарушения нормы. Отношение протоплазмы и метаплазмы близко к отношению инварианта и варианта. Инвариант, как и эталон, подразумевает абстрактную систему, отделенную от его конкретных реализаций, в то время как вариант и метаплазма представляют собой видовые типы или конкретные разновидности языковых единиц. Термин «вариант» уже достаточно распространен в языке, широко употребляется для обозначения разных понятий (упоминаются графические, диалектные, фонетические, лексико-семантические, морфологические, семантические, стилистические варианты; варианты фонем, морфем; вариантные глаголы), следовательно, как термин, он уже достаточно перегружен, и поэтому лучше по-другому обозначить явление, о котором идет речь, то есть выбрать термин с меньшей функциональной нагрузкой и с более точным значением. Кроме того, понятие «вариант» у́же понятия «метаплазмы» (вариант может быть одной из разновидностей метаплазмы, но ни в коем случае не ее единственной формой). В сущности, отношение эталона и метаплазмы — это отношение алло-эмического типа, поскольку речь идет об оппозиции структурного элемента и его модификации. Протоплазму и метаплазму следует также соотнести с основной и дублетной формой. Дублет в принципе может совпадать с метаплазмой, но она (как и в сопоставлении с вариантом) — более широкое понятие. В метаплазме нарушения эталона бывают более радикальными. Как альтернативная форма метаплазма ведет себя свободнее, чем дублет. Эталон является немаркированной, нейтральной формой, а метаплазма — коннотативной формой, формой, содержащей в себе дополнительную информацию. Эталон всегда — эксплицитная языковая форма, а метаплазма содержит в себе достаточно имплицитности или полностью является имплицитной категорией.

2. Метаплазмы в основном образуются по двум причинам; одна из них — социолингвистического, а другая — стилистического характера. Структурные изменения в какой-нибудь грамматической форме могут возникать в результате незнания или непонимания стандартно-языковой нормы данного языка, что приводит к появлению неправильных форм типа *ходют*, *doš'o* и т. п. (грамматические просторечия). С другой стороны, подобной трансформацией можно достигнуть особого эффекта, актуализировать данную форму и / или ее значение, чтобы привлечь внимание реципиента, создать определенное впечатление и вызвать соответствующую реакцию. Метаплазма, таким образом, является разновидностью затрудненной формы (всякое добавление и сокращение осложняет процесс декодирования информации). Изучением первичной формы таких феноменов занимается нормативная грамматика, вторичной формой (метаформой) — стилистика, а отдельными аспектами и одной, и другой формы — социолингвистика.

3. Метаплазмы имеют свою стилистику кодирования и декодирования. Отправитель метаформы вносит соответствующие изменения, которые получатель должен декодировать (расшифровать). Стилистика кодирования должна дать ответ

на вопрос, как протекает процесс подготовки метаплазмы, а стилистика декодирования должна установить, как протекает процесс ее восприятия.

4. Треугольник «избыточность — метаплазма — экономия» порождает одно из сложнейших отношений, отражающихся и на исследуемой здесь проблеме. Метаплазма в известной степени находится в переходной, серой зоне между двумя основными, очень выраженными тенденциями или законами: между законом экономии силы (или законом сокращения) и законом гиперхарактеризации (или законом избыточности). С формальной точки зрения, метаплазмы, возникающие на основе плюс-приема должны быть в сфере избыточности, так как речевое сообщение продолжается (возникает множество форм). Наоборот, метаплазмы, основанные на минус-приеме должны находиться в сфере экономии, так как в данном случае сокращается речевое сообщение. Организация более длительного сообщения связана с дополнительными затратами, и наоборот: более короткое сообщение экономит усилия по его выработке. Однако при подобном понимании метаплазмы принимается в расчет только один процесс языковой коммуникации — кодирование. Но если мы перейдем к декодированию, то поймем, что то, что при шифровке экономно (или избыточно) не должно быть экономным (или избыточным) при расшифровке. Каждое сокращение и расширение эталона создает для получателя дополнительные трудности, особенно если появляется то, что русские формалисты назвали затрудненной формой. Поэтому здесь, прежде всего, следует принимать во внимание позицию обоих участников языковой коммуникации (отправителя и получателя).

5. Существуют метаплазмы, возникающие сознательным и бессознательным путем. Сознательные метаплазмы появляются как результат преднамеренных трансформаций. Они достаточно разнообразны. Одна из самых выразительных форм — нарушение эталона для достижения выразительности и экспрессивности высказывания, которые можно назвать экспрессивными метаплазмами. Они в повседневной письменной и устной коммуникации представляют основную часть сознательных метаплазм и появляются в форме фоностилем, морфостилем, синтактостилем, лексикостилем, графостилем и др.

6. Сознательные метаплазмы неэкспрессивного типа находим в специфических видах речевой коммуникации. Один из них — криптография (тайное, секретное письмо и шифрование), образуемая транспозицией, субституцией, смешением, инверсией графических элементов. Криптограммы могут декодироваться только тогда, когда известен ключ для их расшифровки. Криптографию можем назвать глобальной (общей) метаплазмой. Особым видом криптолалии (тайного языка) является язык воров, который непонятен для непосвященных. Большую часть метаплазм находим в жаргоне — языке отдельных социальных слоев и групп, стремящихся к тому, чтобы их язык был изолирован и отличался от языка других социальных слоев, общественных групп. Например, в сербском / хорватском *geniš* ʿgen-

ijalac' (гениальный человек), *draga* 'dragstor' (продовольственный магазин, работающий круглосуточно), *krokodilka* 'ružna djevojka' (некрасивая девушка), *nabaciška* 'udvaranje' (ухаживание), *hanzaplastikanac* 'tango' (танго). Метаплазмы — составная часть языка уголовников, воров, бродяг и других элементов, принадлежащих к низким социальным слоям, и обычно конфликтующих с общественными нормами. Короче говоря, это язык деклассированных элементов. Одна из его форм — воровской жаргон: сознательное нарушение единиц различных языковых уровней, их умышленное искажение, перестановка структурных частей, изменение формы языкового выражения с тем, чтобы сообщение было понятно только посвященным (тем, кому оно направлено). Вообще каждый тип так называемых тайных языков (языков, специально создаваемых для ограничения, коммуникации общения) содержит большое число различных метаплазм.

Разновидностью глобальной метаплазмы считаем и скалографию (способ написания, при котором слова максимально сокращаются, структурные элементы опускаются и вводятся специальные знаки). Метаплазмы появляются и в форме анаграммы (перевернутого написания, перемещения в форме перестановки букв), гомеоптотона (многократного повторения одного падежа или окончания), ономатопеи (звукоподражания) и т. д.

7. Бессознательные метаплазмы имеют две формы: нормальную и патологическую. Нормальная форма возникает в результате недеформированных психофизических процессов, формирующих речь, а патологическая образуется вследствие расстроенной мозговой деятельности, которая в нейролингвистике известна как афазия. Под нормальными метаплазмами мы подразумеваем и непатологические ошибки в процессе речевой коммуникации (типографские, грамматические и др.). С давних пор известны названия *lapsus linguae* (речевая ошибка, ошибка в речи) и *lapsus calami* (письменная ошибка, ошибка в написании). Существует несколько видов таких метаплазм. Один из них — так называемый фантом (слово-фантом): слово, полученное в результате ошибочного написания или чтения, ошибки лексикографической или типографской. Известна она под названием *vox nihili*. Большое число таких ошибок объединяются в так называемую корригенду (список типографских погрешностей). Погрешности, возникшие в результате какого-либо недоразумения, называются ложными словами. Неправильное употребление языка на письме обозначается термином "какофония» (хотя под этим иногда подразумевается умышленно неправильное написание). Разновидностью какофонии является параграмма — написание одних слов вместо других. Такие метаплазмы могут рассматриваться и на отдельных языковых уровнях. Так, неправильный выбор грамматических форм приводит к так называемому солецизму. В письменной коммуникации часто появляются ошибки в написании — гаплография, когда сочетание букв, которое следовало бы два раза написать, пишется один раз (*filogija* вместо *filologija*). Иногда ошибочно исправляется правильная форма, и это приводит к гипернормализации (гиперкорректности). Преувеличенное стремление говорить

корректно, в духе нормы, приводит к появлению гиперурбанизма. Особым видом гиперурбанизма является малапропизм — искажение слов и оборотов литературно-книжной речи (стандартного языка) в устах малообразованного человека. Сюда же входит и парэтимология — ошибочное установление происхождения слов и на основе этого появление неправильных форм типа *гульвар* вместо *бульвар*, *ukopacija* вместо *okupacija* (народная этимология). В письменной коммуникации большое число метаплазм возникает на базе ошибочного произнесения отдельных фонем. Такие метаплазмы могут появляться в форме параламбдацизма (ошибочного произнесения /l/), параротацизма (неправильного произнесения /r/; дети вместо ***r****uka* говорят ***l****uka*), парасигматизма (неправильного произнесения /s/ и /z/), тетизма (замены некоторых согласных согласным /t/, например, ***tot****a* вместо ***kok****a*), тепания и т. п.

Отдельные виды коммуникации очень способствуют образованию метаплазм. Так, скоропись (агитография) или слишком быстрая речь (агитолалия) часто приводят к их образованию. Скороговорки (быстрое произнесение слов, на которые не обращается особого внимания) также порождают метаплазмы. Они могут появиться в краткой речи, известной под названием алокуция.

8. Метаплазмы на основе плюс- или минус-приема появляются в перепутанной или бессвязной речи (напр., в кухонном языке или в языке кухарки — плохом, грамматически неправильном языке, полном ошибок и искаженных слов), в разных стилях[2], типах и способах выражения[3].

---

[2] Такими может быть высокопарный (пышный), лапидарный, краткий (сжатый), телеграфный, тяжелый стиль.

[3] Они имеют различные названия: брахилогия (краткая, сжатая форма выражения), гиперофазия, или гиперфазия (излишняя говорливость), гиперхарактеризация (излишнее нагромождение выразительных средств), глоссолалия (говорливость, болтливость), гонгоризм (пустой, напыщенный стиль), дивагация (болтовня, вздор), избыточность выражения (употребление ненужных слов, звуков и т. п.), инкогеренция (бессвязное, запутанное, противоречивое выражение; эллиптическая речь), какофония (неловкость способа выражения), конденсация (сжатость, компактность выражения), культуризм (напыщенная, украшенная речь), лалорея (болтовня, болтливость), лериссология (избыточность выражения; слишком пышное обычное выражение), логорея (повышенная, ненормальная говорливость), локвацитет (болтовня без понимания того, что говорится), парартрия (сбивчивая, бессвязная речь), парафразия (суетливость в речи), парезия (свобода выражения), пикнофразия (компактное, сжатое выражение), празднословие, пситтацизм (бессмысленная речь; непонятное, механическое употребление слов), тахифазия (быстрая речь), ультраизм (преувеличенная свобода написания, неограниченный способ письма), эмболалия (использование в речи бессмысленных слов), эмфаза (излишне украшенная речь, искусственная речь) и т. п.

9. Метаплазмы встречаются в графике, в отдельных видах письма (написания). В этом плане интересны так называемые неполные письмена, в которых опускаются определенные буквы. Одно из них — консонантное письмо — письмо, в котором используются письменные знаки только для изображения согласных фонем, а гласные фонемы не регистрируются (например, в арабском и древнееврейском языках). Особую разновидность составляет сплошное письмо, в котором нет пробелов между словами.

Метаплазмы появляются и в рукописи. Деформации в форме отступления от правильного написания букв возникают, прежде всего, при ускоренном письме (скорописи). Это могут быть нарушения при перегибе кривой, деформации угла, сжатии, изменении величины (высоты, толщины) букв. Такие деформации вызваны негармоничным движением пальцев рук.

10. Ненормальная форма метаплазм в психолингвистике отмечается как аграмматизм. Он представляет собой нарушение психофизиологических процессов, обеспечивающих грамматическую упорядоченность речевой деятельности. Аграмматизм появляется в различных формах — как аграфия (потеря способности письма), акатафазия (неспособность строить высказывание в соответствии с грамматическими правилами), алексия (потеря способности чтения), анартрия или дизартрия (потеря способности произнесения звуков), парафазия (неправильное употребление слов, частичная афазия; неясная речь; создание новых, искаженных слов в речи), парафония (нарушение в образовании звука, частичная афония), парафразия (перепутанный, нечеткий порядок слов в речи, суетливость в речи) и др. Все они отличаются нарушением синтагматического или парадигматического плана формирования речи (иногда и того, и другого). Такую форму метаплазмы назовем афазийной метаплазмой.

11. Приемы, используемые для создания метаплазм, очень разнообразны. Их можно разделить на общие и частные. Общие имеют характер глобальной операции. Такой является актуализация, деформация, деградация, искривление, нарушение, усиление. Частные делятся на **(1)** плюс-приемы, приводящие к образованию избыточных форм; (**2)** минус-приемы, приводящие к образованию экономичных, сокращенных форм; **(3)** субституционные приемы, при помощи которых ничто не добавляется и не отнимается, а производится перемещение, замена и т. п. Плюс-приемы выступают в различных формах и с различными названиями: агломерация (сжатие, скопление), аднекия (присоединение), адъекция (добавление, повторение), адъюнкция (добавление), аккумуляция, амплификация (увеличение, расширение), анадиплозис (удваивание), внесение, нагромождение, парентеза (внесение, вставка), перинтеграция (расширение основы), повторение, преувеличение, пролонгация (удлинение), протеза (присоединение добавочного звука к началу слова), растягивание, расширение, редупликация (удвоение), реприза (повтор), скопление, увеличение, удваивание, удвоение, удлинение, усиление, экспансия,

экстензия (расширение, увеличение), эпентеза (вставка). Минус-приемы также имеют разные названия: аббревиация, абсорбция (исчезновение гласного по соседству с сонантом), анаколуция (пропуск слова или буквы), апокопа (усечение в конце слова), афеза (отсечение части слова или синтагмы), аферезис (отпадение начального звука), выброс, выпадение, гаплология (выпадение одного или двух слогов вследствие диссимиляции), дезаффиксация (утрата аффикса), дефлексия (утрата окончания), диереза (выпадение), интеграция, конвергенция (соединение, слияние), конденсация, контракция, кразис (стяжение гласных), омисия (пропуск), отпадение, парагога (эпентеза в конце слова), потеря, проглатывание, пролапс (выпадение), пропуск, редукция, рестрикция, сжатие, синкопа (выпадение звука или группы звуков), сокращение, стяжение, сужение, уменьшение, фузия (слияние морфем), элизия (падение, исчезновение конечно гласного), эллипсис (пропуск) и т. д. Субстанциональные приемы несколько меньше дифференцированы и обозначаются как замещение, инверсия, компенсация (возмещение кого-либо звука другим), метатеза, метатония (изменение ударения), перемещение, пермутация (взаимозаменяемость элементов), субституция (замещение, подстановка) и др.

12. Анализ обширного материала показывает, что плюс-приемы менее частотны, чем минус-приемы, так как труднее расширить грамматическую форму, чем ее сократить. Расширение часто выступает в форме словообразовательных операций. Скажем, префиксация представляет собой ничто иное, как действие анафорического добавления. И тот и другой прием ограничены тем, что каждая деформация имеет свои рамки варьирования. В сущности это означает, что форма может изменяться до тех пор, пока узнаваема ее внешняя конфигурация. Мера, до которой можно дойти в деструкции, — относительное понятие. И если эта мера имеет что-то абсолютное, то это узнаваемость. Здесь очень важно подчеркнуть, что метаплазма имеет два аспекта: синтагматический и семантический. Изменения в плане синтагматическом (иначе говоря, изменения в линейной, сигнальной организации сообщения) не должны затемнять семантический план: поскольку нужно узнать грамматическую форму, расшифровать смысл. Минус-прием можно применить благодаря языковой избыточности. А так как в языке всегда можно предвидеть то, что последует, точнее можно предвидеть поведение системы, мы в состоянии реконструировать несуществующие элементы. Лучший пример — телеграфный стиль. Плюс-прием, по сравнению с минус-приемом, легче расшифровать, так как не нужно что-то конструировать, необходимо лишь разграничить две части: основную и дополнительную.

13. Для стилистики эти феномены имеют особое значение. Они по-своему подтверждают, что почти все стилистическое возникает в результате сдвига, нарушения или особой организации (не без основания появилось определение стиля как отступления от нормы). Преднамеренные метаплазмы представляют интерес для всех стилистических школ и направлений. Среди них следует выделить дескрип-

тивную стилистику (или стилистику ресурсов), которая занимается изучением экспрессивных языковых средств, стилистической окрашенностью и стилистическим значением. Грамматическая стилистика непосредственно связана с изучением метаплазм. Они релевантны и для функциональной стилистики, ибо они по-разному используются в отдельных ФС: в одних чаще (ЛФС и РФС), в других редко (ПФС), а в третьих несовместимы с их функционально-стилистическими нормами (НФС и ОФС). Они интересны для стилистики отклонений, которая исходит из того, что стилистический эффект является результатом определенных трансформаций (так называемых стилистических трансформаций) и что основу стиля составляет отступление от нормы. Метаплазмы — как раз разновидность факультативной трансформации, нарушающей грамматическую норму. Они рассматриваются и с позиции семиотической стилистики, прежде всего их синтаксическая, семантическая и прагматическая мотивировка, особенно метаплазма как знак и как отношения первостепенного и второстепенного. Более сложные формы метаплазмы рассматриваются в рамках текстуальной стилистики, предметом изучения которой является структурно-стилистический потенциал текста, его композиционно-стилистические типы и формы, а также использование в нем конструктивных приемов.

Метаплазма, таким образом, представляет собой одну из лингвистических универсалий. Поэтому она зафиксирована еще в античный период. А поскольку метаплазма присутствует во всех языках мира, она имеет общеязыковое значение, и ее с полным основанием можно отнести к панхроническим категориям.

14. Каждая часть речи имеет свой тип субстанционально трансформированных форм — можно говорить о метаплазмах существительного, прилагательного, местоимения, глагола, наречия, союза и т. д. Например, в сербском / хорватском языке наблюдаются самые разнообразные частеречные метаплазмы:

> *tenjak* (Kondžić. Silicijum front 1984/85: 193), *tica* (258), *safun* (243), *pos'o* (317), *Inglez* (335); *ingleski* (335); *'naki* (177), *ovliki* (173); *ovdjeka* (127), *'vamo* (182), *vamo* (179), *doljena* (246), *oklen* (137), *đe* (193); *'vako* (176); *jopet* (189), *ondar* (192); *kono* (245); *k'o*, *ko* (156); *il'* (173), *al'* (180), *nit'* (290); *daklem* (126).

15. Среди частеречных метаплазм выделяется глагольная метаплазма. В зависимости от того, какой прием используется (плюс- или минус-), различаем простриктивную и рестриктивную глагольную метаплазму. Первая выступает в форме коацервантной, конгломерационной, контаминационной и редупликационной, вторая — в форме конденсационной, контракционной.[4]

---

[4] Лат. *coacervatio* — сжатие, нагромождение. *Colglomeratio* — механическое соединение чего-либо разнородного, произвольное смешение. Конгломерация — соединение отдельных предметов в единое целое, при этом они сохраняют свои черты и свойства. Редупликация — повторение, удвоение корня, основы.

16. Пространственные глагольные метаплазмы выступают в двух вариантах: в анафорическом и эпифорическом. Для анафорического типа характерно то, что в начале эталона добавляется какой-нибудь элемент [5]. Если учитывать не системные, а только факультативные плюс-приемы, можно найти мало примеров. В сербском/хорватском языке один из них особенно интересен. Это метаформа *najvoljeti*, образованная соединением префикса *naj-*, используемого при образовании сравнительной степени прилагательного/наречия и инфинитива. Речь идет не о глагольном префиксе, а о префиксе, перенесенном из другой части речи. Итак, нарушаются соотношения внутри грамматической системы языка таким образом, что структурные элементы одной подсистемы переносятся в другую. В процессе декодирования такой формы из глубины структуры появляется пропущенный элемент *više*/*najviše voljeti*. Поэтому формально речь идет о плюс-приеме, а по существу — о минус-приеме. Точнее на основе минус-приема получается сжатая форма. Деструкцией словосочетания *najviše voljeti*, то есть выпадением *više* префикс *naj-* оказывается отделенным, а так как в таком виде он не может существовать, то он присоединяется к глаголу. Поскольку данная метаплазма связана с РФС, можно предположить, что деструкция появляется, прежде всего, из желания сократить процесс передачи информации, что является общей особенностью этого стиля. Добавим еще, что такое изменение отмечено в лексикологии и зарегистрировано в лексикографических справочниках. Например, в Словаре сербохорватского языка Матицы сербской говорится: «*najvoleti — -lim*, ijek. *najvoljeti*, svr. nar. *najviše voleti*, *voleti više od svega*» (Rečnik 1967/III: 547). В этом словаре приводится еще один пример: *najvoliji*, **-a**, **-e** в выражении: «*najvoliji sam* (*si* itd.) zast. pokr. *najviše volim*, *najradije bih*». В русском языке мы не отметили такие случаи.

Эпифорический плюс-прием приводит к образованию метаплазм в форме добавления к эталону определенного структурного элемента. Так возникает парагога. В сербском/хорватском материале число таких добавлений немного: это суффиксы типа *-der* (*vidider*), *-dere* (*videre*), *-derte* (*dođiderte*), *-dete* (*nemojdete*).

— Oho, *vidider*! — poskoči Todorina čisto srećan što se njemu nije nešto tako desilo. (Ćopić Prolom, 1984/85: 350) Ej, vas dvojica gore, nemojdete mi patiti mačka! (437) *Pogledajder*: ovom kukom samo privučeš Turčina, pa ga onda šiljkom ždrokneš! (369) Ehe, a ti opet misliš: «*Videre* Gojkiću Ćupurdije!» — otresao je Gojko glavom primičući se korak po korak, malo poguren kao da se sprema da skoči na dječaka. (422) Ehe, nisu oni sveci. *Vidider* samo ovoga zubatog. (499) O, *viđaj* ti samo koliko je toga gada! — glasno se čudila baba. (489) — Eh! Nek idu u neku stvar! — odbrusi Pirgo ne prekidajući igru. — *Hodider* ti da vidiš kako ove ljudine skaču. (558) Nikoletina, ej! Pirgo! *Dođiderte* da vidite gospodina kapetana koji je došao da hapsi i sudi po našoj Podgorini. (562) Baš

[5] В риторике такие случаи называются протезой.

si pogodio ko će ti se predati! — psovao je Pirgo, razgrćući uz ogradu izmrzlu sipkavu snježnu hrpu. — Nikola, *dođider* ovamo! (630)

В русском языке в качестве эквивалента выступает частица **-*ка*** (*смотри-ка*, *гляди-ка*, *иди-ка*, *приди-ка*).

Такие метаплазмы достаточно ограничены в употреблении, и поэтому основное внимание нужно уделять более частотным и разнообразным метаплазмам, возникающим в результате минус-приема.

17. Рестриктивные глагольные метаплазмы (в дальнейшем тексте только метаплазмы) основываются на минус-приеме, который приводит к сокращению какого-либо структурного элемента. В результате такой операции возникает пустота, точнее дыра (термин современной молекулярной физики). Однако это «белое пятно» имеет определенное значение. Подобно тому, как в физике пустота не означает обычно отсутствия материи, так и отсутствие пропущенного элемента в метаплазме не представляет собой семантический нуль. В зависимости от степени, пусто́ты могут быть легкими и тяжелыми: легкими — на уровне фонологии, тяжелыми — на уровне синтаксиса и текста. Они создают помехи в коммуникационном канале, и их необходимо преодолеть в процессе декодирования. Такие метаформы приводят к нарушению предвидения: они появляется как нечто неожиданное, и поэтому на них фиксируется внимание получателя. Здесь имеет место нарушение определенной последовательности сигнала, что приводит к появлению обманутого ожидания. Деструкция такого типа не увеличивает семантическую информацию, она может только ее уменьшить, точнее затруднить получение, но зато создается дополнительная информация — стилистическая. Именно здесь и заключается важный момент — «дефект приводит к эффекту, который вызывает аффект». Метаплазма усиливает стилистическую информацию текста только при условии, что она применяется сознательно. Из-за необходимости реконструировать несуществующие элементы процесс восприятия метаплазм замедляется и удлиняется. Все это указывает на то, что глагольная метаплазма имеет поверхностную и глубинную структуру. Процесс восприятия глагольной метаплазмы заключается в том, чтобы соотнести обе структуры. Именно в этом смысле метаплазм представляет собой знак, который подразумевается и о котором Ш. Балли пишет: «Знак бывает подразумеваемым, если механизм языка без помощи речи позволяет (бессознательно) восстанавливать его ассоциации с другим лингвистическим типом, в котором этот знак имеет эксплицитную форму и такое же значение» (Балли 1955: 175). Глагольную метаплазму можно назвать и имплицитным явлением. Тот факт, что внимание реципиента сосредотачивается на форме, что изменению подвергается не семантическая, а формально-языковая информация, делает глагольную метаплазму важным экспрессивным средством. Это специфическая разновидность актуализации части текста, особый вид привлечения и фокусирования внимания.

18. Глагол подвергается следующим типам сокращения: а) фонологическому; б) морфологическому; в) синтаксическому; г) текстуалъному. Первая операция приводит к появлению фоноплазм, вторая — морфоплазм, третья — синтакоплазм, четвертая — текстоплазм. Синтактоплазмы и текстоплазмы представляют собой зерроплазмы, так как речь идет о нулевых глагольных формах на уровне предложения и текста. Прием, приводящий к возникновению зерроплазм, мы назвали деглаголизацией (Tošović 1986: 327—330). Сокращение грамматических форм появляется в двух формах: 1) в форме превращения аналитических форм в синтетические; 2) в форме полной утраты глагольных форм в словосочетании, предложении и во всем высказывании (тексте).

19. Фоноплазмы являются субстантивированной модификацией глагола на фонологическом уровне. Изменение субстанции глагола может происходить в начале, в середине и в конце слова. Поэтому мы различаем глагольный аферезис (деструкцию в начале слова, отпадение начального звука), глагольную апокопу (деструкцию в конце слова, падение конечного звука), глагольную синкопу (деструкцию, выпадение звука в середине слова) и глагольный синерезис (деструкцию слога, слияние двух гласных). Все это можно назвать фонологическим эллипсисом. Например: аферезис *'oćemo*, *'vatam*; апокопа *zaboravit'*, *jes'*, *zakla'*; синкопа **(а)** вокальная — *stan'te*; **(б)** консонантная *tre'nuti*; синерезис — *ček'*.

Фонологические сокращения охватывают все глагольные формы. В русском языке сюда относятся звуковые альтернации типа: *сосредотачивать* (эталон *сосредоточивать*), *пылесошу* (эталон *пылесосю*), *зажгет* (эталон *зажжет*), *лжу* (эталон *лгу*), *ляжь* (эталон *ляг*), *положь*, *выдь*, *вылазь*, *езжай*, *едь*, *ехай* (эталон *поезжай*) в императиве[6]. В материалах на сербском/хорватском языке мы отметили такие трансформации форм инфинитива, настоящего времени, прошедшего времени, будущего времени, аориста, императива, сослагательного наклонения. Инфинитивные метаплазмы возникают в результате отсечения постфикса *-i* (*zaboravit'*) или согласного в основе (*povatat'*). Метаплазмы форм настоящего времени вызывает отпадение последнего гласного (*jes'*), отбрасывание первого согласного (*'vatam*), выпадение согласного в середине основы (*po'vata*). Метаплазмы форм прошедшего времени получаются в результате утраты последнего гласного основы (*doš'o*), отпадением согласного в окончании (*priča'*). Метаплазмы аориста основываются на редукции окончания *-h* (*zadesi*). Императивные метаплазмы имеют самое большое число вариантов, основывающихся на деструкции последнего гласного основы (*bježˊmo*), последнего согласного в частицах *neka* и *hajde* (*nek'*, *hajd'*), первого согласного (*'odi*), последнего гласного (*stan'*), последнего гласного и согласного (*ček'*). Метаплазмы сослагательного наклонения возникают при пропуске окончания вспомогательного глагола (*bi'*) или какого-либо элемента в обеих частях сложной формы (*bi' zaisk'o*). Метаплазмы будущего времени отличаются

[6] Все эти примеры носят диалектный или разговорный характер.

выпадением первого согласного (*'oćemo*). Приведенные метаплазмы содержат в себе дополнительную информацию о социальном происхождении говорящего, его культурно-образовательном уровне и степени владения стандартным языком.

20. В поэзии фоноплазмы являются элементом ритмико-интонационной организации стиха. А. С. Пушкин, скажем, вместо *не идет* употребляет *нейдет* [И тигр *нейдет*: лишь вихрь черный… (Анчар); Ко звуку звук *нейдет*... («Зима. Что делать нам в деревне?..»). В русской поэзии имеются многочисленные примеры употребления постфикса *-ся* вместо *-сь* в формах прошедшего времени:

> Кони снова *понеслися*... Вижу: духи *собралися* (А. С. Пушкин. Бесы); Кувшины звуча *налилися* водою (М. Ю. Лермонтов. Три пальмы); Баба туда — *растрепалися* косыньки (Н. А. Некрасов. «В полном разгаре страда деревенская...»); И *улыбалася* кротко (А. Н. Плещеев. Ночь пролетала над миром), *Истрепалися* сосен мохнатые ветви от бури..., Меж высоких хлебов *затерялося* Небогатое наше село. Горе горькое по свету *шлялося* И на нас невзначай набрело (Н. А. Некрасов. Похороны); *Надрывалося* сердце твое (Н. А. Некрасов. Похороны); Волосы бы *серебрилися* (Н. А. Некрасов. Дума); По капле кровь *сточилася* моя (М. Ю. Лермонтов. Душа *молилася* неведомым богам…); Далеко все, что *грезилося* мне (В. С. Соловьев. В тумане утреннем неверными шагами...); Хотелось друзей, *Хотелося* себе (В. В. Хлебников. «Я вышел юношей один...») и т. д.

Подобное явление находим в формах будущего времени: Что взгляну — то вздохну. *Затоскуюся*, И зальются глаза... (А. В. Кольцов. Кольцо). Такие метаплазмы в основном — характерная черта поэзии XIX столетия.

21. Фоноплазмы в сербском/хорватском языке встречаются почти во всех глагольных формах: в инфинитиве (*po'vatati*, *'apstiti*), настоящем времени (*'vatam*, *po'vata*), прошедшем времени (*priča'*, *u'vatio*), в будущем времени (*'oćemo*), аористе (*zadesi'*), императиве (*bježmo*, *nek'*, *hajd'*, *'odi*, *stan'*), сослагательном наклонении (*bi'*, *bi' zaisk'o*). Поскольку возвратная частица в сербском/хорватском языке отделена от глагола (сравн. *radovati se* — *радоваться*), исключена возможность трансформации, характерной для русского языка. В поэзии на сербском/хорватском языке очень сильно выражено выпадение, стяжение гласных, что имеет корни в народных говорах. Алекса Шантич — один из поэтов, у которого можно найти бесчисленное множество таких примеров. Для него характерно метаплазматическое употребление возвратного местоимения в форме *s'*:

> Mojim *s'* budi (U gaju), Kao što *s'* u tvojih grudi Prema tvome sinku budi (Mati), Iz milosti što *s'* razvila (Pjesma).

Даже и кратчайшую глагольную форму — связку А. Шантич подвергает деструкции:

Vidjela bi da *j'* vrelija Od sunašca što no sija (Mati), Iz ljubavi što *j'* začeta (Pjesma).

В поэзии на сербском / хорватском языке фонологические трансформации чаще всего имеют место в формах прошедшего времени мужского рода, где происходит стяжение конечной гласной основы *-a* и окончания *-o* в *ô*:

Legô, — slušam njegov poj (U gaju), *Otišô* si Fruškoj gori (Mome bratu u daljini), Kog sam nekad blažen *snivô*... Sami gospod *osmjehivo* (Majci).

Нередки случаи пропуска согласного в самой основе:

Moje grudi da *okr'jepi* («Snivao sam...»), Al' misli *vid'le* nisu («Snivao sam...»), Bog r*azum'je* (Tica u zatvoru), Mirisavi lahor s gorice mu s*l'jeće* nad zaspalim sv'jetom (Ostavljena), *Razl'jeva* se miomir (Laku noć!), Koji vjerom krvcu *kr'jepi* (Brankova duša), A vlažni vjetar *prel'eće* i bludi (Jesenje veče), U grob ću *pon'jeti* to blago sred grudi («Uspavaću cv'jetak uspomena moji'...»).

Как видно, во всех примерах сокращается замена звука ять (**ije → je**) или же рефлекс звука ять полностью исчезает (*vid'le*). Согласные могут быть неритмичными, и поэтому они пропускаются или заменяются другими звуками:

Sve što imah ja ti *dado* (iz «Spomenaka»), Tamo se klasje *nija* (Seoce moje!), Nad glavom mu gavran *pr'nu* (Povratak).

У А. Шантича встречаем комбинацию метаплазматических и эталонных форм в самом узком контексте:

Gledao sam kako milo
Svaka svoje zrake daje,
Al' sam *gledô* najradije
Jato od njih što se sjaje
(Zvijezda jato)

Кроме временных форм, ритмико-интонационные изменения охватывают и другие глагольные формы, очень часто инфинитив:

Te još i tu *pjevat* možeš […] Ta zar ljubav može *satrt* […] Zar bez nade može *živit* (Tica u zatvoru), A ti trpiš, jer *trpit* znaš (Moru), Slava nam se u vis *popet* (Ljubimo se […]), Oh, kako ću vesô sada *ljubit* majku, oca moga (Povratak); затем императив: O meni samo ne *zbor'te* krivo […] Al' *stan'te*, *stan'te* tičići moji (Pratilja vječnosti), *Hod'te* bliže srcu mome (Povratak), деепричастие: U stravi drhću *gledeć* ti boj (Moru), *Slušajuć* zvuke večernjeg zvona (Jesenje veče) и т. д.

Иногда изменения могут возникать и в основе, и в окончании:

C'jenit treba onog tamo (Koga da poštujemo).

И другие поэты пользуются этим приемом:

Воислав Илич (*snivô*, *očekivô*, Zbogom!..; *slušajuć*, Elegija), Йован Дучич (*tražeć*; Čekanje), Сима Пандуревич (*sa'ranio* sam; Trag vremena), Велько Петрович (*blagujuć*, Na brodu; *kikoćuć se*, Erotika), Владислав Петкович Дис (*javljat*; Ponoć mene), Оскар Давичо (*držô*, *plaćô*, *skinô*, *poslô*, *zavolô*; Hana), Стеван Раичкович (*pošlji*; Kiša), Скендер Куленович (*zarasto*, Govorenje tvrđave; *nico*, Nad mrtvom majkom svojom), Добрица Цесарич (*njiho*, *išo*, *dić*; Iz poezije), Владимир Назор (*lebdeć*; Galeb), Силвие С. Краньчевич (*dršćuć*, *stav'*; U želji ljubavi), Бранко Радичевич (*dig'o*, *im'o*, *b'im'o*, *gled'o*, *sluš'o*; Đački rastanak i Kad mlidijah umreti), Джура Якшич (*preteć*, *preziruć*, *čekat*, Otadžbina; *vol'o*, Otac i sin), Laza Kostić (*nosit*, *spalit*, *tonut*, *trunut*, *vekovat*, *strado*, *pokajo*, *čezno*, *klet*, *čeznu'*, *stisnu'*, *pomerit*, *zasut*; Santa Maria dela salute), Milan Rakić (*sniv'o*; Dolap) и др.

Антун Бранко Шимич и Мак Диздар образуют фоноплазму от одного и того же глагола —

koračati: ne *koraca* mjesečina oko tvoje kuće (Antun Branko Šimić. Povratak), ponovo *koracam* (Mak Dizdar. Poruka).

Подобно А. Шантичу, и другие поэты употребляют параллельные формы — метаплазму и эталон:

Sluš'o groma, *slušao* oluju (Branko Radičević. Kad mlidijah umreti).

Присутствие фоноплазм особенно заметно в поэзии Мака Диздара. Этот поэт в большей части своего творчества был погружен в прошлое, и во многих случаях такую ориентацию поддерживают ритмико-интонационные изменения с оттенком древности, архаичности. Ср.:

Ase *ležit*
Vojnik Gorčin […]
(Gorčin)

В этом же стихотворении мы находим: *Žih* A smrt dozivah; *Bil sam* U pet i pet vojni; *Zgiboh* od čudne boli; *Zgiboh* od boli. Оно заканчивается следующим образом:

Ako Kosaru sretnete
Na putevima
Gospodnjim
Molju
Skažite
Za vjernost
Moju

Подобный прием Мак Диздар использует в «Zapisi na dvije vode»:

Oprostite mi
što ipak vas *molju*
i bratiju i družinu i gospodu
do vratiju mojih da dođu da me ne *pohodu*
molju i kule i prije i strine i nevjeste
a vi ćete biti kako sada jesam ja

и в стихотворении «Zapisu o odlasku»:

Na svijetu ovom dugo ja *žih*
Bih osamdeset i osam ljeta na sijemu svijetu

Вот еще два его примера: Kuda je Ta Bosna *Rekti* (Zapis o zemlji), I Vukić njegov rodi sina Vukajla *Poželiv* zdravlja i snage da bude (Razmirje).

22. Морфоплазмы возникают в результате превращения аналитических форм в синтетические. В сербском/хорватском языке такой вид деструкции может иметь прошедшее время, плюсквамперфект, будущее время, сослагательное наклонение, аналитическая форма императива и пассивная форма глагола. Морфоплазмы не образуются от простых глагольных форм (инфинитива, настоящего времени, синтетической формы императива, аориста, имперфекта, деепричастия настоящего времени, деепричастия прошедшего времени, причастия прошедшего времени на *-l*, страдательного причастия). Они, однако, могут иметь фонологические, синтаксические и текстуальные трансформации.

Прошедшее время сербохорватского языка, как мы знаем, состоит из краткой формы настоящего времени глагола *biti* (*jesam*) и действительного причастия прошедшего времени. Сокращению чаще всего подвергается вспомогательный глагол: он опускается, и вся семантическая и грамматическая нагрузка ложится на причастие. Такая форма в сербохорватских грамматиках называется кратким, или неполным перфектом:

> Nema tu nesreće, pašo, hvala Bogu, nego *polegla* zima lepo i kako treba; kad god je mokra na početku a suva na kraju, zna se da će biti dobra godina. (Andrić, Travnička hronika 1984/85: 123). *Otpjevao* Sava drumom, *odnio* punu torbu, a kod naših kuća *ostalo* razboljeno proljeće puno noćnih šumova, zavijeno cvijećem i pupovima, oživljeno stričevom večernjom pjesmom i krišom potapano strininim noćnim suzama. (Ćopić, Bašta 1984/85: 186)

Из всех морфоплазм в наших материалах чаще всего встречается краткий перфект.

Плюсквамперфект, состоящий из имперфекта вспомогательного глагола *biti* и действительного причастия прошедшего времени, значительно реже образует метаплазмы. Сокращению подвергается вспомогательный глагол:

— Kod Vinka si bio, aha? Bogami *se* ja *bio prepao* da ti dolaziš nekakvim drugim putem — oprezno poče Bikan šarajući očima po okolnim kukuruzima i svijetlim njivama s prezrelim žitom. (Ćopić, Prolom 1984/85: 223)

Будущее I в своей структуре имеет краткую форму настоящего времени от глагола *htjeti* и инфинитив. И первая, и вторая часть могут опускаться:

a) Ne. Njega *ćemo* nazad u selo. (Ćopić, Prolom 1984/85: 122) E baš *ću* do njega, da vidim šta će biti. (108) Evo, velim, Đoko, pa ručaj i danas ne okreći kući, taka ti je i taka stvar. A on *će* ti meni: leti brzo na potok i čekaj kod mosta, Trivun je nekud tamo jutros otišao. (227); **b)** Kako džabe? A ko pobi i osakati toliki božji svijet? Valja za to plaćati. — Ma ko *plaćati*? Zar sam ja za to kriv, a? (222)

Сослагательное наклонение, состоящее из формы аориста вспомогательного глагола *biti* и причастия прошедшего времени, образует метаплазмы на основе пропуска причастия прошедшего времени:

Šta misliš, Milošu, koga *bi* za komandira? (541) O. bože moj, kud li *bi* čovjek sa svojom glavom?! (238) Potresen tom viješću daleko više nego što je i sam očekivao, on je čitavu noć proveo u mračnoj tjeskobi, savijen u visokoj planinskoj paprati, ne znajući ni kud *bi* ni šta *bi*. (270) Ne daj se ti, mali, ono je i tvoja kuća isto koliko i Savina. Znam ja, rad *bi* on tebe u bijeli svijet, u tuđinu. (536)

В метаплазме пассива, который образует форма вспомогательного глагола *jesam* и *biti* и страдательного причастия прошедшего времени, исчезает вспомогательный глагол:

— *Ubijen* tupim predmetom, lobanja *razbijena* — nesvjesno je ponavljao u sebi kao da je zaboravio šta dalje treba raditi [...] (271). U niskim dućanima je bio mulj do kolena, a u tom mulju sva roba nije mogla biti na vreme iznesena. Po sokacima *zaglavljena* čitava drveta, koja je voda odnekud doplavila, i *naduveni* leševi stoke koja se podavila. (Andrić, Na Drini ćuprija 1984/85: 122) Bio je, bio. Vidio sam ga odmah ujutru. — I *otjeran*, razumije se? (Ćopić, Prolom 1984/85: 375) Je si li čuo — *ranjen* komadant! (639)

Синтактоплазмы (зерроплазмы на уровне предложения) выступают в форме безглагольных предложений. Структурно они могут быть очень разнообразными. При помощи таких предложений создаются различные стилистические эффекты:

Iduće, *treće i poslednje noći isto bdenje*, *isti raspored*, *isto uplašeno osluškivanje.* I ponoć je prošla. (Andrić, Na Drini ćuprija 1984/85: 77). To bi za njega značila nemilost, a nemilost je mogućna svakog dana i časa, jer sve radi da ona dođe, samo on radi protivno i brani se; *dakle on jedan protiv svih i svega.* (80) *Ramazan*, *svečani mjesec posta*: dani su gladni i pusti, a noći od jela, šerbeta i priča. (Kulenović, Pozornica 1984/85: 26) Svi je gledamo. Šta je u očevom pogledu? *Možda sin bjegunac? Ili kći bjegunica?* (33) Ta tu bi za mladića, kao što sam

ja, moglo biti masla! *Od stare koke masna čorba*. (Simić, Braća i kumiri 1984/85: 136) *Ko o čemu*, *baba o uštipcima*, *pa i ti o rakiji*. (152) Dan je bio bistar. *Nebo hladno i vedro*. Snijeg išaran tragovima, jer je stoka gazila svuda […] (Sijarić, Pripovijetke 1984/85: 27). «Šta imam da gledam? *Ništa. Prazno nebo*.» — veli Džeka u sebi […] (27).

23. Если исходить из того, что в каждом языке существует бинарная оппозиция «протоплазма (эталон) ↔ метаплазма (нарушение эталона)», возникает вопрос, какова природа такой операции в разных языках. На межъязыковом уровне богатый материал дают родственные языки, как например, славянские, в которых выделяются два случая: **а)** во всех славянских языках речь идет о протоплазме, например, в сербском/хорватском, русском, польском и чешском подобное имеет место в большинстве интернациональных слов (типа *balkon*); **б)** в одном языке это протоплазма, а в другом метаплазма и наоборот, например, **(1)** в русском языке *вино́* — протоплазма, а в болгарском — метаплазма (разговорная форма, протоплазма — *ви́но*); **(2)** в словацком языке присоединение отрицательной частицы к каждой (любой) форме образует протоплазму (*nečakal* by som, *nebol* by som čakal, bol by som *nečakal*), а в сербском/хорватском и русском языках такой прием приводит к возникновению метаплазмы; **(3)** в русском, чешском, словацком инфинитив на **t** (**-t**, **-t**, **-t'**) типа *pisat*, *poslat* — протоплазмы, а в сербском/хорватском — метаплазмы; (4) в болгарском *колко* — протоплазма, а в сербском/хорватском такая же форма (*kolko*) — метаплазма.

Как видно, между языками, особенно близкородственными, существуют совпадения, сходства и различия. Между русским и сербским/хорватским языком имеется самое большое совпадение в категории фоноплазм. В обоих языках наблюдаются все приемы, приводящие к возникновению метаплазм (добавление, сокращение, перемещение, замена), в обоих пространственные метаплазмы реже, чем рестриктивные. Здесь наблюдается следующая особенность: то, что в инфинитиве сербского/хорватского языка — метаплазма, в инфинитиве русского языка — протоплазма (сравните *čitat'* и *читать*). Только некоторые русские глаголы могут иметь такие метаплазмы в инфинитиве. Это глаголы с основой на **с** и **з**, например, *вывезть* (просторечное), *вылезть* (просторечное), *выползть* (разговорное), *выцвесть* (просторечное), *месть* (просторечное), *перенесть* (разговорное и поэтическое), *цвесть* (разговорное и поэтическое)[7].

24. Морфоплазмы появляются в результате превращения аналитических форм в синтетические. Это значит, что в русском языке такой деструкции могут подвергаться сложное будущее время, аналитические формы императива и сослагательного наклонения, а в сербском/хорватском языке — прошедшее время, плюсквамперфект, будущее II, аналитические формы императива, сослагательного наклоне-

[7] Полный список таких глаголов приводится в (Граудина и др. 1976: 198—199).

ния и пассивная конструкция. Сербский/хорватский язык, как это видно, имеет в этом преимущества (6 : 3). В русском языке названные формы предоставляют ограниченные возможности для образования метаплазм. Это случаи типа: **1)** Будешь читать книгу? — *Буду*; **2)** пропуск частицы *пусть* (*пускай*) в повелительном наклонении; **3)** выпадение частицы *бы* в сослагательном наклонении. Первый и второй случаи встречаются и в сербском/хорватском языке, а третий требует особого комментария. В обоих языках сегмент **А** и **Б** сослагательного наклонения подвергается полной или частичной деструкции. В русском языке частичная деструкция проявляется в превращении *бы* в *б*. В сербском/хорватском языке частичная деструкция основывается на сокращении сегмента **Б**, то есть форм 1-го лица единственного числа и 1-го и 2-го лица множественного числа : ja *bih* → ja *bi*, mi *bismo* → mi *bi*, vi *biste* → vi *bi*. В разговорном сербском/хорватском языке часто встречается нелитературная сокращенная форма *bi* вместо *bih*, *bi* вместо *bismo*, *bi* вместо *biste* (mi *bi* čitali, vi *bi* čitali, oni *bi* čitali). Здесь имеет место процесс, который может привести к нейтрализации метаплазм, то есть к их превращению в протоплазмы:

— И рада *б*, да духу не переведу. (Шолохов, Тихий Дон: 1, 32). — Ti *bi*, znači, pjesnika, to *bi* ti? (Kondžić, Silicijum front 1984/85: 325—326)

Одна из выразительнейших морфоплазм в сербском/хорватском языке — краткий перфект.

Синтактоплазмы представляют собой зерроплазмы на уровне предложения. Это различные виды эллиптических предложений. Вот один пример, в котором сербохорватское сослагательное наклонение совсем опускается:

I čovjeka (=bih ubio), morao bih. (Kondžić, Silicijum front 1984/85: 100)

При пропуске глагола формально исчезает глагольность, хотя она ясно просматривается из глубины структуры. В следующем предложении Меши Селимовича не только нет ни одного глагола, но даже опущена обычная связка:

Vlažni krovovi, vlažne tarabe, vlažni sokaci, prohladan vazduh, modro nebo, mlado sunce (Selimović 1970: 212).

Перед нами картина полной статичности, действие совсем заторможено, пейзаж, в котором ничто не происходит.

25. Текстоплазмы — завершающая форма деструкции глагола. Это крайняя степень деструкции: из всего текста исчезает эта часть речи. Прием[8], приводящий к

---

[8] Художественный прием представляет собой средство (композиционное, стилистическое, звуковое, ритмическое и т. п.), используемое для конкретизации, подчеркивания и т. п. того или иного элемента повествования (состояния персонажа, описания, авторской речи и т. п. (Šklovski 1969: 294). В толковании художественного приема

возникновению текстоплазм, называем деглаголизацией. Он порождает высшую степень деструкции и состоит в том, что из текста полностью исчезает одна из центральных частей речи — глагол. Здесь речь идет о сознательном пропуске глагола для получения художественного эффекта. В коммуникации глаголу из-за его богатого лексического, грамматического и стилистического потенциала уделяется особое внимание. Его, вместе с именем существительным, доминирующая позиция в системе частей речи и центральная роль в грамматической системе языка являются важными предпосылками для тончайшего нюансирования художественного сообщения. И если такой грамматический «великан» исключить из высказывания, при этом намеренно, то ясно, чего и в какой степени можно добиться на экспрессивном уровне. В грамматике поэзии деглаголизацию можно охарактеризовать как нарушение системы (системности), как сознательную неправильность. В структуре поэтического текста ясно чувствуется, что глагол отсутствует, что его не хватает. Механизм нарушения пространственной организации текста на первый взгляд кажется очень простым: нужно только опустить глагол. Однако этому должна предшествовать подготовка, то есть размышление о том, как увязать в цепочку этот нулевой элемент, как эту грамматическую «черную дыру» объединить с остальным поэтическим материалом, чтобы сохранилась энергия стиха и чтобы (это, может быть, самое важное) декодировать информацию. Что же достигается деглаголизацией? **(1)** Отсутствие глагола приводит к недосказанности языкового сообщения, что усиливает ассоциативность и вызывает читательское соавторство. **(2)** Поэтическое произведение приобретает необычность, оригинальность и свежесть. **(3)** Деглаголизация позволяет расширить диапазон экспериментирования. **(4)** Восприятие становится не автоматизированным (что особенно подчеркивал В. Б. Шкловский, когда говорил о художественном приеме). **(5)** Языковое выражение усложняется. **(6)** Деглаголизация становится доминирующим грамматико-художественным приемом.

26. Текстуальную деглаголизацию (полный пропуск глагола в тексте) можно использовать только в текстах небольшого объема. Наиболее широкое применение находит этот прием в поэзии. В ней он настолько распространен, что можно выделить особую разновидность художественного творчества — безглагольную поэзию, которую характеризуют, прежде всего, рефлексия и размышления и при помощи которой даются описания природы. Такая поэзия является выражением поисков новых, оригинальных форм выражения, завершающихся иногда радикальными поэтическими экспериментами.

В. Шкловский дал еще одно определение: это прием «остранения» вещей и прием затрудненной формы (Шкловский 1969: 57). Представители русской формальной школы (ОПОЯЗа) назвали способы организации материала в литературных произведениях приемами, а один из членов — Роман Якобсон — считал, что прием является единым настоящим героем поэзии (Якобсон 1978: 57).

Во всех славянских литературах безглагольная поэзия широко представлена. Приведем несколько примеров.

а) Сербский / хорватский язык:

Koliko kola do dola do dola
Koliko bola od kola do kola

Koliko jada do grada do grada
Koliko greba do brega do brega

Koliko krvi od usudnih rana
Koliko smrti do suđenog dana

Koliko kola od dola do dola
Koliko bola od kola do kola

Kolo do kola od bola do bola
(Mak Dizdar. Kolo bola)

Kamen iznad kamena.
Ni kuću od njega
ni u kuću s njim.

Kamen ispod kamena.
Ni u riječi s njim
ni riječi od njega.
(Dara Sekulić. Bakije)

juče pa tačka
danas pa dvotačka
sutra pa tri tačke
(Anđelko Vuletić. Interpunkcija)

Sudar perspektive
Red ljudi
Red raketa
Ptica u prostoru
(Dušan Matić. Pet plavih mrlja)

Zrno do zrna — pogača.
Dlaka do dlake — rep.
Kamen do kamena — palača.
Sto epigrama — ep.
(Gustav Krklec. U stilu poslovice)

б) Русский язык:

Дума за думой, волна за волной —
Два проявленья стихии одной.
В сердце ли тесном, в безбрежном ли море
Здесь — в заключении, там — на просторе
Тот же все вечный прибой и отбой,
Тот же все призрак тревожно-пустой.
(Ф. И. Тютчев. «Дума за думой, волна за волной...»)

в) Македонский язык:

Урнатина.
Sид или камен?
Зелен мов во секоје длабнатина.
Жолт гуштер — домаќин стамен.
Сонце безразлично до урнатината.
(Блаже Конески. Ете ја вистината)

г) Польский язык:

Nocne WYPYCHANIE PTAKÓW,
nocne KURSY STENOGRAFII,
nocny TEATAR KROL SZLARAFII,
nocne GORSETY KOLUMBIA,
nocny TRAMWAJ, nocna TRUMNA,

nocny FRYZJER, nocny RZEŻNIK,
nocny chór męski CZEŚĆ PIEŚNI,

nocne SERY, nocne MLEKO,
nocne TAŃCE WIECZYSTEGO,
nocne DZIŚ PARÓWKI Z CHRZANEM,
nocne TOWARY MIESZANE,

nocna strzalka: PRZY KOŚCIELE!
nocny szyld: TYBERIUSZ TROTZ,
slowem, nocni przyjaciele,
wieczny wiatr i wieczna noc
(Konstanty Ildefons Galczynski. Allegretto: Garnysz-Kozłowska, Rapacka 1971: 130)

Описать динамику в статике, то есть написать стихотворение без одного глагола — не так просто, и небольшое число поэтов оставило значительный след в этом плане. Правда, имеется достаточно примеров, когда глагол опускается только

в некоторых частях текста — в стихе, строфе и т. п. Деглаголизация строфы часто встречается в описаниях природы:

Золотые нивы,
Гладь и блеск озер,
Светлые заливы,
Без конца простор.
(И. С. Никитин. «Яркое звезд мерцанье…»)

Но все же намного выразительнее пропуск глагола в цельном поэтическом тексте. Вот пример, в котором деглаголизация используется при описании родного края:

Край ты мой, родимый край,
Конский бег на воле,
В небе крик орлиных стай,
Волчий голос в поле!
Гой ты, родина моя!
Гой ты, бор дремучий!
Свист полночный соловья,
Ветер, степь да тучи!
(А. К. Толстой. «Край ты мой, родимый край...»)

Восприятие А. Н. Майковым весны в стихотворении «Весна» имеет неоднородную структуру. В первой строфе — полная статика, время словно остановилось, и только два мотива, и то статичных — подснежник и последний снежок — свидетельствуют о приходе весны:

Голубенький, чистый
Подснежник-цветок!
И подле сквозистый,
Последний снежок...
Последние слезы
О горе былом,
И первые грезы
О счастье ином...
(А. Н. Майков. Весна)

В стихотворении Всеволода Некрасова «Как в сказке...» каждый стих основан на эффекте обманутого ожидания: постоянно ожидается глагол, а он опускается. Стихи остаются недосказанными, а невысказанный глагол будит разнообразные ассоциации. Поэт до конца играет на воображении читающего, оставляя ему самому догадаться, какой глагол опущен:

Как в сказке,
К Пасхе во Пскове, ближе к Пасхе

В том же Пскове,
И в Ростове.
В Ростове и вовсе
И во все время,
И в то же время
В это время,
В наше время
И в нашем доме,
И в нашем районе.
Господи, везде!
И сносочка такая —
В то же время
И в том режиме.
(Всеволод Некрасов. «Как в сказке…»)

Настоящим мастером безглагольной поэзии был А. А. Фет (1820—1892). Он является родоначальником этого художественного приема, так как среди русских поэтов ему первому удалось написать полное стихотворение без глаголов (Благой 1973: 352). Может быть, и до него были безглагольные стихотворения, но никто до тех пор не сочинял так вдохновенно, свежо и оригинально стихи, опуская глаголы. И что еще интересно — его стихотворения и в настоящее время остаются непревзойденным образцами деглаголизациии. Однако, когда в 1850 году появилось самое известное безглагольное стихотворение А. А. Фета «Шепот, робкое дыханье…», оно, как сказал Д. Благой, стало настоящей сенсацией, сенсацией на грани литературного скандала. Оно гласит:

Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья,

Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица,

В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы,
И заря, заря!..

Перед нами картина ночи, рождение утра. И хотя отсутствует глагол, движение присутствует (шепчется, испуганно дышит кто-то, поют соловьи, слезы льются, наступает заря...). Однако время как будто остановилось, оно течет словно в за-

медленном фильме. Сильная статика и сдержанная динамика переплетаются и пробуждают различные мысли. Недосказанность, возникшая в результате исключения глагола, оставляет достаточно места для самых различных ассоциаций. Это стихотворение по своей лаконичности, исключительной ассоциативности и силе художественного мастерства является одним из лучших в русской поэзии[9].

А. А. Фет написал еще три безглагольные стихотворения с исключительно красивыми описаниями русского пейзажа. В его стихах поэтическая линия никогда не доводится до конца — она или прерывистая, или дается намеками в результате пропуска глагола:

Чудная картина.
Как ты мне родна:
Белая равнина,
Полная луна,

Свет небес высоких,
И блестящий снег,
И саней далеких
Одинокий бег.
(А. А. Фет. Чудная картина)

Описание весны у А. А. Фета представляет собой беспрерывное чередование местоимений, прилагательных и существительных, которые не сопровождают глаголы. В стихотворении дается игра света и тьмы, даются зарисовки верб и берез, долин и гор, следует описание ночных звуков и движений, а все завершается бессонницей:

Это утро, радость эта,
Эта мощь и дня, и света,
Этот синий свод,
Этот крик и вереницы,
Эти стаи, эти птицы,
Этот говор вод,

---

[9] В связи с этим мы не разделяем мнение А. Н. Толстого, который, придавая большое значение глаголу, был под сильным влиянием социалистического реализма, и которому, конечно, не были близки приемы текстуальной деструкции глагола, центрального грамматического элемента предложения. Он пишет: «Я эти стихи не люблю. Они сентиментальны. Глаголы пропущены. Их надо в своем воображении воссоздать. Наше воображение подсказывает банальные глаголы. Если бы он назвал какой-нибудь глагол, необычайно точный, передающий шорох листьев, который бывает в июне перед грозой, если бы он употребил глагол, то запахло бы настоящей грозой» (Толстой 1949: 501). Подробнее о взглядах А. Н. Толстого на язык см. (Дымшиц 1953).

Эти ивы и березы,
Эти капли — эти слезы,
Этот пух — не лист,
Эти горы, эти долы,
Эти мошки, эти пчелы,
Этот зык и свист,
Эти зори без затменья,
Этот вздох ночной селенья,
Эта ночь без сна.
Эта мгла и жар постели,
Эта дробь и эти трели,
Это все — весна.
(А. А. Фет. «Это утро, радость эта…»)

Об этом стихотворении М. Гаспаров пишет: «Стихотворение построено очень просто — почти как каталог. Спрашивается, чем определяется последовательность образов этого каталога, какова основа их порядка? Основа та же самая: сужение поля зрения» (Гаспаров 1979: 217). «Первая строфа, — продолжает он, — это взгляд вверх. Первое впечатление — зрительное [...] Вторая строфа — это взгляд вокруг, а третья строфа — это взгляд внутрь. Все стихотворение между этими точками — путь от света к мгле и от радости к мощи, к вздоху и жару» (Там же: 218).

Стихотворением «Дума за думой, волна за волной» Ф. И. Тютчев подхватил оригинальный эксперимент-вызов А. А. Фета. Затем последовала безглагольная поэзия А. К. Толстого, А. Н. Майкова и других. В период поиска новых форм художественного выражения в 90-е годы XIX века и в 20-е годы XX столетия деглаголизацию использует ряд поэтов. Она особенно отвечала запросам имажинистов, которые подчеркивали, что единственный истинный метод отображения жизни — выражение ее образов и их ритмики. Некоторые исследователи пришли к выводу, что речь идет о механическом художественном приеме. Вождь имажинистов В. Г. Шершеневич на вопрос, почему имажинисты «так странно, на первый взгляд, закричали в желудке современной поэтики»: «Долой глагол! Да здравствует существительное!» ответил так: «Глагол есть главный дирижер грамматического оркестра. Это палочка этимологии. Подобно тому, как сказуемое — палочка синтаксиса. Слово — это осел, ввозящий Христа образа в Иерусалим понимания. Но ведь осел — случайный аксессуар Библии. Все, что отпадает от глагола (прилагательное как среднее между существительным и глаголом — наречие, причастие), все это подернуто легким запахом дешевки динамики. Суетливость еще не есть динамизм. Поэтому имажинизм, как культуртрегерство образа, неминуемо должен размножать существительные в ущерб глаголу. Существительное, существенное, освобожденное от грамматики или, если это невозможно, ведущее гражданскую войну с грамматикой, — вот главный материал поэтического творчества. Существительное — это тот продукт, из которого приготовляется поэтическое произведение. Глагол —

это даже не печальная необходимость, это просто болезнь нашей речи, аппендикс поэзии. И поэтому началась ревностная борьба с глаголом; многочисленные опыты и достижения Мариенгофа (“Магдалина”, “Кондитерская солнц”), Шершеневича (в “Плавильне Слов”, в “Суламифь Городов”) и др. наглядно блестяще доказали случайность и никчемность глагола. Глагол — это твердый знак грамматики: он нужен только изредка, но и там можно обойтись без него»[10]. В поисках нового поэтического сплава имажинисты отбрасывают глагол и пишут стихи, которые, по мнению самого В. Г. Шершеневича, могут с одинаковым успехом читаться с конца к началу (Шершеневич 1929а). Такая поэзия напоминает своеобразный каталог картин, календарь, глоссарий, и не случайно В. Г. Шершеневич одно из своих безглагольных стихотворений назвал «Каталогом картин». Деглаголизацию, как прием, используют и остальные имажинисты, например, А. Б. Мариенгоф. Ее можно найти и у представителей других поэтических школ и направлений того периода, как, например, у футуристов (В. В. Хлебникова, В. В. Маяковского), символистов (В. Я. Брюсова) и других. Деглаголизацию используют и поэты в предвоенный и послевоенный период (А. А. Вознесенский, А. А. Смирнов и другие).

27. В поэзии на сербском/хорватском языке имеется большое число стихотворений, которые можно отнести к безглагольным, хотя, по сравнению с русской поэзией, их должно быть меньше по двум причинам: **1)** в сербском/хорватском языке, в отличие от русского, имеется вспомогательный глагол — глагол очень частотный, который уменьшает вероятность применения деглаголизации; **2)** в поэзии на сербском/хорватском языке не было таких сильных импульсов для сочинения безглагольной поэзии, как в русской литературе (А. А. Фет, имажинисты и т. п.). Однако собранный нами материал показывает, что безглагольная поэзия на сербском/хорватском языке и по количеству, и по качеству не уступает русской. Югославские литераторы имели (хотя бы в XX столетии) большую свободу для выражения, так как не находились в плену социалистического реализма и художественного догматизма, которые не стимулировали такой художественный эксперимент. Заметно, что деглаголизация в основном встречается в послевоенный

---

[10] В. Г. Шершеневич глаголу предпочитает и прилагательное: «Если глагол пытается дешевкой пленить деятельность образного существительного, то прилагательное изображает и живописует заложенное в существительном. Оно является зачастую той лопатой, которая из недр земли выкапывает драгоценные блестки. Основное преимущество прилагательного перед глаголом в том, что прилагательное не подвержено изменению по временам. Как бы скверно ни было прилагательное, мы не должны забывать благородства его крови. Прилагательное — ребенок существительного, испорченный дурным обществом степеней сравнения, близостью к глаголу, рабской зависимостью от существительного. Прилагательное не смеет возразить ни числом, ни падежом, ни родом существительному, но оно дитя существительного, и этим сказано многое» (Шершеневич 1929б: 106—107).

период. Чаще всего ей пользуются молодые, еще не получившие признания поэты, склонные к экспериментированию. Известные писатели редко прибегали к такому способу выражения, и явление деглаголизации в поэзии Гутава Крклеца, Оскара Давича, Мака Диздара, Бране Црнчевича, Дары Секулич, Анджелъко Вулетича и других скорее выглядит как отступление от правила, чем закономерность. Русскую и сербскую/хорватскую поэзию характеризуют и общие черты. Прежде всего, их отличает тематическая ограниченность (в основном говорится о рефлексии, описывается природа, натюрморты и любовные переживания). Пропуск глагола неизбежно связан с объемом стихотворений: они короткие, часто очень короткие. Им свойственна исключительная ассоциативность и лаконичность. Отсутствие глагола создает впечатление статичности даже и тогда, когда вместо него используется отглагольное существительное, ибо оно не может передать всю динамику действия. В организации безглагольной поэзии заметны характерные особенности деформации как сознательного акта нарушения грамматической структуры стихотворения, отсутствие глагола является своеобразной дезорганизацией и в прямом смысле отягощает форму.

Одно стихотворение на сербском/хорватском языке особенно обращает на себя внимание. Это «Любовь» Велимира Живоиновича Масуки, которое похоже на стихотворение Фета «Шепот, робкое дыханье…». Мы можем предположить, что еще в то время эксперимент А. А. Фета получил отклик и на югославском пространстве:

Ljubav, o ljubav! — Pesma u svanuće: —
ptica na grani; cvrkut vrh bregova;
magla sa srca, magla sa cvetova;
i rose sa lišća dah i iščeznuće!
Ljubav, o ljubav! — Neznano ganuće!
Reči bez reči: povijena grana;
zaljuljan listak; osmeh vodi bačen;
pogled put neba i nebom ozračen;
i ćutljiv korak do na kraj svih dana!..
Ljubav, o ljubav! — Odnesena brana;
proleća, jutra, svih neznanja bdenje;
ćutanje koje upijanjem posta
vode, potom mostom, neba iznad mosta;
i tihog smeha večno snoviđenje...
I tihog smeha cvetanje i mrenje!..

В некоторых стихах заметна ориентация на разрушение привычных шаблонов при помощи деглаголизации, отказ от традиции. Например:

U kamen,
u pepeo,

žalosnu vrbu
pticu rugalicu
vuka samotnjak
dim
zrno rose.
(Tamara Đedović. Kletva)

28. Важное основание для изучения метаплазм в славянских языках связано с переводом. Известно, что эта лингвистическая дисциплина подчеркивает как один из высших критериев максимальную адекватность на всех языковых уровнях. Эта адекватность в данном случае сталкивается с большими искушениями. Говорить о соответствии, когда речь идет о метаплазмах, значит приблизительно следующее: если в одном языке в оригинале — метаплазма, то при переводе должна быть соответствующая метаплазма. А насколько это реально? Насколько возможно, скажем, сербохорватское предложение с кратким перфектом типа *Pala* magla перевести на русский язык, когда в русском языке такой или подобной метаплазмы не существует. Метаплазмы, как формы нарушения языковой нормы, по своей сущности — экспрессемы (если не имеются в виду метаплазмы, появляющиеся в форме ошибок) и как таковые являются трудно переводимыми феноменами.

29. Особым вопросом является декодирование метаплазм. Это, пожалуй, самая сложная проблема. Процесс расшифровки можно обозначить как процесс реконструирования эталона, то есть протоплазмы. Поскольку здесь речь идет о субъективном процессе, который может привести к различным решениям, необходимо ввести особый термин для обозначения того, что получается в результате декодирования. Мы остановились на понятии ретроплазмы, которое обозначает потенциальную языковую субстанцию и ее смысл. Чем дальше мы уходим от фоноплазм к текстоплазмам, тем сложнее становится обнаружить ретроплазму. Скажем, в фоноплазме *došo* легко реконструировать пропущенный элемент (фонему-звук /a/). Всякое усиление деструкции приводит к затруднению расшифровки.

В качестве иллюстрации приведем синтактоплазму, которая в 90-е годы в Боснии и Герцеговине и шире — в Югославии была особенно актуальной. Это название известной и популярной монодрамы Йосипа Пеяковича «On meni nema Bosne» («Он мне — нет Боснии»). Смысловое и стилистическое наполнение этого драматического текста содержится в зерроплазме между словами *meni* (мне) и *nema* (*нет*). Возникает вопрос, что здесь пропущено. Зерроплазма в выражении «On meni nema Bosne» на вид имеет достаточно определенное и ограниченное число ретроплазм. Однако при более коротком эксперименте, проведенном нами, обнаружилось, что декодирование дает довольно большое число ретроплазм. Даже если мы остановимся на самых реальных ассоциациях — их число больше 150:

1) одна форма настоящего времени (*kaže*, *govori*, *zbori*, *mrmlja*, *lupa*, *priča*, *dokazuje*, *ukazuje*, *objašnjava*, *pojašnjava*, *precizira*, *tumači*), аориста (*reče*, *pr-*

ovali, *odvali*), краткого будущего времени (*će*), прошедшего времени (*je rekao*...), конструкции с *da* или *kako* (kaže *da* ako..., *da* kaže...); **2)** две глагольные формы (*usuđuje se reći*, *usuđuje se da rekne*, da *se usudi reći*, *može reći*, *smije reći*); **3)** сочетание глагол + существительное (*priča priču*); **4)** сочетание двух глаголов и существительного: *usuđuje se reći* (da *rekne*, *kazati*...); **5)** одно существительное в эллиптичном выражении: (šuplju *priču*); **6)** глагольное междометие (*bub*, *tras*); **7)** наречие и наречное выражение (*tako* i *tako*, *jasno*, *zalud* /je sve/, *vrlo ozbiljno*, *gotovo sugestivno*, *u šali*, *pola u šali pola u zbilji*, *tek onako*, *iz vedra neba*, *iz čista mira*, *iznebuha*, *iz pakosti*, *od bijesa*, *iz zezancije*, *iz sveg glasa*, *kao zainat*, *baš zainat*, *uzgred*, *usput*, *šapatom*, *bez dileme*, *bez ikakva povoda*, *malo-malo pa*, *pred svima*, *u četiri oka*, *kasno uveče*, *tek što izađosmo*, *nisam se ni probudio*...); **8)** обращение — звательный падеж в форме **а)** обращения к собеседнику (*sinko*, *brate*, *jarane*, *druže*, *gospodine*, *frajeru*, *budalo*, *mangupe*, *Pero*, *Mujo*, *Bosanac*, *Bošnjo*, *dečko*, *druškane*, *brate*, *burazeru*, *mladiću*, *stari*, *matori*, *cobra*; *da se mi razumijemo*, *da ne bude zablude*, *da ne bude nejasnoće*, *šta bi htio*, *kako da ti kažem*, *ne tuguj*, *ne žali*, *pomiri se* (*sa činjenicom*), *smiri se*, *shvati* /*već jednom*/, *čista stvar*, *jasna stvar*, *nema tu šta da se priča* /*da se kaže*/, *nećemo dalje*, *šta se tu može*, *šta hoćeš*, *šta ćeš*, *šta možeš učiniti*, *šta ti ja mogu*, *ne trebamo se prepirati*, *ne treba se svađati*, *ne treba diskutovati*, *nema diskusije*), **б)** мата (*majku ti*, *da ti... majku*, *da ti oca..*, *majku mu*...); **9)** риторическое обращение (*šta se ima tu pričati*, *šta da ti pričam*, *šta da se kaže*, *šta se može*, *šta ćeš*); **10)** междометие (*Zdravo! — Gotovo je! Gotovo! — Ćao! Adio! Gud-baj! Aufiderzen*!); **11)** слово-сорняк (паразит), вставное слово (*ovaj*, *bre*, *bolan*, *čoče*, *asti gospu*, *kaj*, *— elem*, *ko biva*); **12)** введение в прямую речь (*ovako kaže*, *ovako će ti* /*meni*/, *ovim će* /*ti*/ *riječima*; **13)** вставное предложение, конструкция (*da nas niko ne čuje*, *neka svi čuju*, *neka se zna*, *kako ga nije stid* /*sramota*/, *kako ima obraza*, *nećeš vjerovati*, *ko da sam ja lud* /(*blesav*, *glup*/, *kao da ja ne razumijem*, *da me naljuti*, *da mi napakosti*, *da mi stavi do znanja*, *da me ponizi*); **14)** комментарий (*kakav je kreten* /*mangup*, *budala*, *frajer*/, *baš je budala*, *e jes' kreten*, *e budale*, *ja budale*, *zaboga budale*, *da ti stane pamet*, *da me naljuti*, *da meni prosipa pamet* /*folove*/, *dotle je došlo*, *radi zezancije*, *zamisli*); **15)** заклинание (*djece mi*, *gospoda mi boga jedinog*, *alaha mi*, *dina mi*, *dabogda umro ako lažem*); **16)** желание (*da samo čuješ*) и т. д.

Чтобы убедиться в реальности приведенных ретроплазм, мы встретились с автором монодрамы Йосипом Пеяковичем и показали ему результаты исследования. Он высказал мнение, что все перечисленные решения в принципе возможны (особенно, если зерроплазма рассматривается в узком контексте). Автор подтвердил наше предположение, что при написании монодрамы он не имел в виду какой-то конкретный метаплазм, но основному духу текста больше всего соответствуют ретроплазмы (1) *će*, (2) *da rekne* и (3) *smije reći*. Насколько трудно получить ретроплазм, проиллюстрировал Й. Пеякович следующим примером. На горе Влашич

однажды какой-то местный крестьянин обратился к нему: «Nemoj *njihur toji šutu*», что мог понять только проживающий в этих местах (означало: «Nemoj ih dirati, oni šute» — «Ты их не трогай, они молчат»)[11].

30. Как видно, в толковании метаплазмы категория правильного и неправильного проявляется как лингвистическая нерелевантная оппозиция, а на первый план выступают языковые процессы без их нормативной оценки, и тем самым все факты получают равноправную трактовку. Этим же подтверждается мнение, что центр и периферия являются языковыми условностями.

[11] Йосил Пеякович привел еще несколько примеров метаплазм из народной речи, которую он хорошо знал, имитировал и воспроизводил в монодрамах. На один из них следует обратить особое внимание, а именно: когда он помогал крестьянам в строительстве одного дома, один из них упрекнул его за то, что он удалился и не разговаривал с ними. Сначала он сказал: «E, j... ga ti!» и замолчал. Прошло больше двух часов, когда он продолжил: «Ti ode, a ja mislio da ćeš mi nešto opričati».

Заключение

0. Предметом анализа в настоящей книге являются три вопроса — категория экспрессивности, экспрессивный потенциал синтаксиса и экспрессивность глагольных форм русского и сербского/хорватского языков. Экспрессивность является категорией стилистики, лингвистики, литературоведения, искусствоведения, эстетики, логики, психологии, генетики, **(1)** охватывающей формальные, семантические, функциональные и категориальные единицы в их гомогенных и гетерогенных связях, **(2)** отражающей и выражающей сознательное, целенаправленное, субъективное, эмоциональное и эстетизированное отношение **A** (отправителя, автора, говорящего) к **B** (получателю, реципиенту, собеседнику) или к **C** (предмету, содержанию сообщения), **(3)** обладающей функцией воздействия и **(4)** служащей для подчеркивания, усиления, актуализации в процессе общения. Экспрессивность образует сложный соотносительный круг с целым рядом категорий. Среди них самой близкой является эмоциональность, точнее, она — важнейший компонент экспрессивности. Эти категории настолько пересекаются, пронизывают друг друга и совпадают, что трудно найти четкие дифференциальные признаки. Разница между экспрессивностью и эмоциональностью состоит в том, что каждое эмоциональное не является и экспрессивным, но каждое экспрессивное является эмоциональным. Любое языковое высказывание имеет эмоциональный фон (речевая реализация в принципе всегда более или менее эмоциональна), но нельзя сказать, что каждое языковое высказывание является экспрессивным. В основе экспрессии находится эмоциональное отношение (и в процессе кодирования, и в процессе декодирования), в то время как эмоциональное может быть и неэкспрессивным. Иными словами, экспрессия не включает обязательно в себя каждую эмоцию, а только сознательную, закодированную. Поэтому эмоциональность и экспрессивность являются не взаимозаменяемыми, а находятся в отношении дополнительности. Разница между экспрессивным и стилистическим состоит в том, что (1) стилистическое связано только с одной формой расслоения языка, в то время как экспрессивность является универсальной категорией членения языка, категорией, характерной для всех видов дифференциации языка (нет дифференциально-лектальной системы, у которой нет какой-либо своей, хотя бы минимальной, экспрессивности); (2) стилистическое полностью включает в себя экспрессивное, но не наоборот. В толковании соотношения экспрессивное ↔ вы-

разительное мы исходим из того, что выразительность представляет собой формальную организацию высказывания без изменения значения в целях созданиях эффекта, возбуждения эмоций, эстетического воздействия. Из-за этого экспрессивность полностью включает в себя выразительность (каждое выразительное является экспрессивным, но не каждое экспрессивное бывает выразительным). Что касается корреляции экспрессивное ↔ образное, первое является более широким понятием: экспрессивное может быть необразным, в то время как образное всегда бывает экспрессивным (не считая мертвые метафоры). Между экспрессивным и коннотативным разница в том, что коннотация является семантической сущностью, а экспрессия — феноменом, выходящим не только за рамки семантики, но вообще не укладывающимся в дисциплинарные границы, не замыкающимся в одну область. В толковании соотношения экспрессивное ↔ эстетическое надо иметь в виду следующее: если под эстетическим подразумеваем только гедонистическое, только то, что вызывает духовное наслаждение (прекрасное, гармоничное, совершенное и т. п.), тогда экспрессивное не является обязательно эстетическим, так как то, что несет отрицательную экспрессию (напр., вульгаризм), не дает положительную эстетическую ценность. Противопоставлением экспрессивности, с одной стороны, и эмоциональности, стилистической принадлежности, коннотативности, выразительности, образности и эстетичности, с другой, мы пришли к выводу, что в соотносительном круге экспрессивности **(1)** ни одна из приведенных категорий не образует с экспрессивностью отношение полной идентичности, **(2)** в их взаимодействии возникает отношение частичной совместимости, **(3)** они вступают в отношение пересечения, **(4)** между ними сильно выражено отношение имплицитности и **(5)** намного больше представлено отношение конъюнкции, чем дизъюнкции. Наши наблюдения и размышления указывают на то, что в этом соотносительном круге существуют три группы: в первой экспрессивное является более широким понятием (по отношению к эмоциональному, выразительному, образному и коннотативному), во второй группе экспрессивное является более узким понятием (по отношению к стилистическому), в третьей — экспрессивное может быть и более широким, и более узким понятием (по отношению к эстетическому).

Существуют два вида экспрессивности — кодированная и декодированная. Кодированная экспрессивность представляет собой ориентацию **A** (отправителя, автора, говорящего) на появление у **B** (получателя, реципиента, собеседника) эмоциональной реакции **C** (эффекта, впечатления, переживания). Декодированная экспрессивность возникает в процессе дешифровки ориентации **A** (отправителя, автора, говорящего), которую делает **B** (получатель, реципиент, собеседник, читатель, слушатель) и которое развивает эмоциональную реакцию **C** (эффект, впечатление, переживание). По характеру реализации мы различаем имманентную и контекстуальную экспрессивность. Первую создают единицы, которые сами по себе являются экспрессивными. Вторую составляют единицы, которые при определенных условиях становятся носителями экспрессивности. Можно также говорить об узуальной и окказиональной, облигаторной и факультативной экспрессивности.

На общелингвистическом уровне мы выделяем уровневую (стратумную) и дифференциально-лектальную экспрессивность. Уровневая экспрессивность представляет собой форму субъективного, эмоционального и/или эстетического отношения, реализуемого средствами отдельных языковых уровней — графического, фонетико-фонологического, лексического, фразеологического, словообразовательного, грамматического (морфологического и синтаксического), текстуального. Дифференциально-лектальная экспрессивность представляет собой экспрессию в дифференциально-лектальных системах (в определенном виде интровертной дифференциации языка). Существуют два типа дифференциально-лектальной экспрессивности — интерная и экстерная. Интерную образуют отдельные типы дифференциально-лектального расслоения (стилистическое, территориальное, ситуативное, темпоральное, социальное, медиолектальное, телеологическое, интеллектуальное, психологическое, физиологическое, индивидуальное...). Каждый из них имеет свою экспрессивность: одну — в функциональном стиле, вторую — в диалекте, третью — в жаргоне, четвертую — в языке женщин по отношению к языку мужчин, пятую — в речи молодежи по отношению к речи взрослых и т. д. Таким образом, экспрессивность не является только феноменом стилистического/стилевого расслоения языка, а явлением типичным для всех видов членения языка. Экстерная, или транспозиционная экспрессивность возникает при инфильтрации элементов одного типа глобальной дифференциации языка (напр., социального) в другой тип (скажем, в функционально-стилистический).

1. Экспрессивный потенциал грамматики состоит из двух частей: морфологического и синтаксического. Экспрессивность морфологических единиц проявляется в области (1) вариантно-синонимических отношений морфологических единиц, (2) морфологических парадигм и (3) функционирования морфологических единиц в стилях. Экспрессивный потенциал синтаксиса значительно шире, чем морфологический. Слово, словосочетание и предложение, как основные синтаксические единицы, обладают огромными экспрессивными возможностями.

2. Синтаксическую экспрессивность создают синтаксические формы, синтаксические единицы, особенно стилистические фигуры, эмоциональные конструкции (возвратные и восклицательные предложения), эллиптические предложения, избыточные синтаксические сочетания, длина синтаксем, рематическая организация предложения (порядок слов, инверсия) и т. п. Она настолько широка и разнообразна, что развилось особое грамматико-стилистическое направление для ее изучения — экспрессивный синтаксис. Существуют пять основных направлений в исследовании экспрессивного синтаксиса. Первое рассматривает общие проблемы синтаксической экспрессивности, второе в центр внимания ставит экспрессивность синтаксических единиц, третье в качестве предмета выбирает синтаксические фигуры, четвертое делает установку на экспрессию синонимических конструкций, пятое рассматривает функционально-стилистические аспекты синтаксической

экспрессивности. Настоящая книга призвана привлечь особое внимание к изучению синтаксической экспрессивности частей речи.

3. Центральная часть данного исследования посвящена экспрессивному потенциалу глагола. В анализе экспрессивного потенциала глагола важными являются связи, в которые вступает глагол с другими частями речи. Здесь, прежде всего, имеем в виду соотношение глагола и существительного, потому что они дифференцируют все функциональные стили на те, которые имеют именной характер, и на те, которые имеют глагольный характер. Кроме имен существительных надо иметь в виду и другие части речи, прежде всего, имена прилагательные. Они совпадают в том, что обозначают признаки опредмеченной действительности. Основная разница состоит в несамостоятельности имени прилагательного и его зависимости от имени существительного, рядом с которым оно стоит. Однако имя прилагательное, как и глагол, обладает большим стилистическим потенциалом и значительной функциональной дифференциацией.

4. В книге подробно рассматривается категория времени и корреляции между глагольными формами, выражающими и создающими экспрессию. В поле темпоральности происходят процессы, приводящие к образованию экспрессивности различного рода. Здесь как будто действует принцип солидарности: обладая небогатым морфологическим потенциалом, формы глагола помогают друг другу.

Время можно выразить двумя способами: 1) объективно, т. е. таким, каким оно является на самом деле; 2) субъективно, т. е. таким, каким оно индивидуально воспринимается. Первое время является реальным, второе — художественным. В литературных произведениях линейность времени нарушается, и то, что является концом, может появиться в начале, и, таким образом, настоящее может предшествовать прошлому. Писатель может представить прошлое как сейчас происходящее и наоборот. В ЛФС происходит своеобразная игра времен: то один временной план возникает, то другой, в одном месте появляется прямое значение, а в другом — переносное, где-то происходит скопление форм, а где-то они полностью отсутствуют. На уровне литературных родов выделяются три основные разновидности художественного времени — лирическое, прозаическое и драматическое время.

5. Способность форм настоящего времени передавать не только один момент речи, но и более широкий временный отрезок, создает благоприятные условия для их широкого экспрессивного употребления. Одна из самых ярких транспозиций — употребление настоящего времени для выражения прошлых действий в форме исторического настоящего. Оно особенно часто используется в повествовании. Соединяясь то с одной, то с другой единицей, эта форма создает широкую сеть художественного времени. В сербском / хорватском языке больше комбинаций, так как он располагает более широкой системой форм для обозначения действия в прошлом. Историческое настоящее время может переплетаться с прошедшим време-

нем, аористом, имперфектом, плюсквамперфектом, а также может попеременно использоваться исторический презенс от глаголов совершенного и несовершенного вида. В корпусе современной сербохорватской поэзии мы не нашли ни одного случая употребления исторического настоящего времени, из чего можно сделать вывод, что он в поэзии редко встречается, точнее, используется меньше, чем в прозе. Но зато им изобилуют народные песни.

И в русском, и в сербском/хорватском языке настоящее время можно употреблять в значении будущего времени. Русский и сербский/хорватский языки одинаково используют настоящее время в относительном употреблении: в обоих языках им могут заменяться как прошедшее время (историческое настоящее время), так и будущее. Одним из приемов создания экспрессии в поэзии является преломление глагола в имени.

В ПФС встречается особый тип настоящего времени — настоящее репортажа, которое позволяет у читателя создать впечатление, что все происходит перед его глазами и что он сам является участником событий. Использованием этой формы достигается аутентичность повествования, так как картина того, что происходило, перерастает в картину того, что происходит (прошедшие события изображаются словно в кинематографии). В ОФС довольно трудно говорить о какой-либо экспрессивности. Для употребления настоящего времени в ОФС характерна сильно выраженная функция предписания.

6. Прошедшее время обладает богатым экспрессивным потенциалом. Он проявляется, прежде всего, в различных видах транспозиции. Так, форма прошедшего времени от глаголов совершенного вида используется для передачи будущих действий, представленных как уже реализованные (типа мы *погибли*). Формы прошедшего времени совершенного вида могут выступать в функции будущего простого (*получил = получу*). Особая разновидность форм прошедшего времени в контексте будущего представлена оборотом типа: Так я и *поверил*! или Как же, *испугался* я. Отрицание факта в будущем эмоционально выражается как ироническое признание его уже свершившимся. Просторечный характер имеет оборот, в котором ироническая констатация действия, обозначенного формой прошедшего несовершенного, передает фактическое отрицание этого действия в настоящем (Да ну, *боялся* я ее.). В описаниях природы в равной степени употребляется прошедшее время от глаголов совершенного и несовершенного вида. Экспрессивность форм прошедшего времени достигается повторением, скоплением глаголов в форме прошедшего времени. В поэзии прошедшее время часто используется в описаниях природы.

Особой экспрессивностью отличаются формы прошедшего времени от многократных бесприставочных глаголов с суффиксами *-а-*, *-ва-*, *-ыва/-ива-* типа *едал*, *знавал*, *видывал*. Они выражают неоднократную повторяемость и длительность действия в прошлом. Глагольные образования с суффиксом *-ыва/-ива-* (формы давнопрошедшего времени) в современном русском языке все еще употребительны, хотя встречаются значительно реже. Они довольно распространены в живом

разговорном языке и в произведениях художественной литературы. В сербском/хорватском языке подобные образования отсутствуют.

В русском языке экспрессивностью отличаются глаголы с суффиксами *-ану* и *-ну-*, которые в основном употребляются в прошедшем времени. Формы с *-ану-* образуются от глаголов совершенного вида и обозначают однократный способ действия, мгновенного, интенсивного, неожиданного характера с оттенком ироничности. Экспрессивными претеритальными формами русского языка являются также глагольные формы совершенного вида с суффиксом *-ну-*, выражающие однократность действия и используемые в разговорной речи и в просторечии (*гульнуть*, *катнуть*, *пугнуть*). В современном языке сфера их использования все больше расширяется. В ЛФС они встречаются в диалогах и в авторской речи.

Транспозиция в рамках поля претеритальности сербохорватского языка значительна шире, чем русского, так как прошлое действие выражается четырьмя формами глагола: прошедшим временем, аористом, имперфектом и плюсквамперфектом. Прошедшее время может заменяться аористом (*skočio sam — skočih*), имперфектом (*držao sam — držah*) и плюсквамперфектом. С другой стороны, оно, как и в русском, употребляется вместо настоящего и будущего времени. И в сербском/хорватском языке используется прошедшее время для выражения действия в будущем, точнее, выражается уверенность или предположение, что оно совершится. Русские формы прошедшего времени для выражения готовности совершить действие типа «я *пошел*» имеют в сербском/хорватском языке эквивалент в аористе (E pa, *odoh* ja) или в сослагательном наклонении (E pa ja *bih pošao*). В сербском/хорватском языке прошедшее время можно использовать в значении повелительного наклонения. Например: Hajde, *prošetala*! (= *prošetaj*).

Сербохорватский аорист имеет очень выраженную экспрессивность. Он является важным элементом художественного повествования, в РФС встречается реже, в ОФС не употребляется, а в собственно публицистических и научных текстах почти не появляется. Аорист в основном обозначает ограниченное действие в прошлом, которое действующее лицо (говорящий) заметило или пережило. В ЛФС он употребляется в функции усиления динамики текста, живости изложения. Экспрессивность сербохорватского аориста особенно проявляется в сопоставлении с языками, в которых отсутствует эта форма. Так, носитель русского языка не обладает возможностью выразить одну мысль двумя способами (*skočio sam* и *skočih*), что приводит к одному из самых заметных межъязыковых несовпадений в поле темпоральности. Поскольку при переводе на русский язык нельзя адекватно передать различия между *skočio sam* и *skočih*, аорист создает большие трудности переводчикам. Чтобы в какой-то степени отразить его экспрессивность, приходится прибегать к различным приемам, как, например, к лексической или словообразовательной компенсации, т. е. к возмещению экспрессии на другом языковом уровне. Примеры показывают, как трудно передать экспрессивный потенциал аориста (из 48 форм 38 переведены прошедшим временем от глаголов совершенного вида).

Имперфект имеет выраженный экспрессивный потенциал. По сравнению с аористом его употребление очень ограничено, так как он все реже встречается, даже в народной речи. Фактически имперфект находится на стадии исчезновения. Второй характеристикой имперфекта является его функционально-стилистическая односторонность: он в основном связан только с двумя функциональными стилями — ЛФС и РФС. В русском языке имперфект отсутствует, поэтому и здесь происходит то же, что и с аористом: однообразия повествования посредством использования прошедшего времени нельзя избежать, и трудно передать основные оттенки имперфекта, такие, как звуковое своеобразие, ритмичность, необыденность, торжественность и т. п. Имперфект переводится в основном при помощи прошедшего времени глаголов несовершенного вида (*bijaše — был*; *padaše — падал*). Иногда используется прошедшее время в сочетании с инфинитивом (*prezaše* и *zaobilazaše — стал пугаться* и *объезжать*, *čekaše — стал ждать*) или более широкая конструкция (*bijaše — ехал пригнувшись*, и *показался*).

В последнее время формы аориста (и намного реже имперфекта) обретают новую жизнь в интернет-форумах, чатах, sms-сообщениях и в электронной почте. Такое употребление можно разделить на чистое и комментирующее. Чистое употребление — это случаи, когда используется форма аориста без каких-либо пояснений и уточнений. Это особенно характерно для sms-сообщений. Данный тип часто встречается для выражения информации о том, что автор получил определенное сообщение по электронной почте, по мобильному телефону. Суть комментирующего употребления состоит в том, что автор **(а)** считает нужным и целесообразным пояснить, почему он использует эту форму, или **(б)** желает усилить выражение в целях создания эффекта. Такими комментариями можно: 1) подчеркивать; 2) выражать сомнение; 3) проверять; 4) реагировать; 5) играть словами; 6) предупреждать; 7) извиняться; 8) эстетически оценивать; 9) выражать положительную позицию; 10) предполагать; 11) убеждать. Причины реинкарнации аориста не надо искать в тех импульсах, которые во второй половине XX столетия повлияли на временный «ренессанс» этой формы, когда его оживили контакты с западноевропейским миром, в частности, через переводную литературу с тех языков, которые имели две претеритальные формы (романские языки) или же только одну (немецкий и английский), противопоставленную перфекту. Если тогда это было искусственное оживление, в настоящее время речь идет о явлении спонтанном, не продиктованном какими-либо политическими или идеологическими причинами, внешними импульсами, давлением пуристов и т. п. Его краткость и необычность оказались решающими факторами для оживления, а периферийное положение в грамматической системе дополнительно способствовало использованию для создания экспрессии.

Плюсквамперфект — третье сербохорватское прошедшее время, которое не характерно для русского языка и которое отличается экспрессивностью. В настоящее время он достаточно редко употребляется, и чем больше проходит время, тем все реже он используется. Его экспрессивность связана не только с тем, что он редко

встречается, но и с тем, что **(1)** он обладает только ему присущими грамматико-стилистическими значениями и что **(2)** имеются две формы плюсквамперфекта: сложная и двукратно сложная (*bijah znao — bio sam znao*). Он может входить в синонимические сочетания с прошедшим временем и кратким перфектом (при этом последний в этой функции употребляется несравнимо чаще). В русском языке плюсквамперфекту соответствует прошедшее время от глаголов совершенного вида (*bijaše porastao — вырос*). В качестве корреспондента может выступать и прошедшее время от глаголов несовершенного вида (*bio sam zaboravio — не помнил*).

Еще одна сербохорватская форма обладает особым экспрессивным потенциалом. Это так называемый краткий перфект (сокращенный перфект, усеченный перфект, перфект без вспомогательного глагола и т. п.) типа *Pala* magla ʻЛег туман’, *Poginulo* mnogo ljudi ʻПогибло много людей’. Краткий перфект совпадает с полной и единственной в русском языке формой прошедшего времени (*Poginulo* mnogo ljudi — *Погибло* много людей), т. е. вторичная (экспрессивная) форма одного языка совпадает с первичной (нейтральной) формой другого языка, поэтому русская полная форма прошедшего времени не в состоянии выразить экспрессивные особенности краткого перфекта. Таким образом, краткий перфект, наряду с аористом, имперфектом, плюсквамперфектом, — четвертая форма глагольного времени, которую мы не находим в русском языке. Раньше оба языка имели идентичные претеритальные формы, но с течением времени русский язык все формы прошедшего времени свел только к одной — к форме прошедшего времени, а сербский / хорватский язык сохранил старые формы. Однако и в сербском / хорватском все больше проявляется тенденция исчезновения форм, которые русский язык уже давно утратил (аориста, имперфекта, плюсквамперфекта).

В ЛФС встречаются различные приемы создания экспрессии при помощи форм прошедшего времени. Некоторые из них выглядят как странный эксперимент. Например, необычным употреблением форм прошедшего времени являются случаи, когда глаголы, сохраняя собственную форму, превращаются в существительные. Так, в стихотворении «Разные *летали*» А. Левина на одном месте глаголы остаются глаголами, а на другом превращаются в существительные.

7. Важным вопросом в анализе экспрессии глагольных форм является представление будущего. Эффект вызывают случаи, когда формы будущего времени вводятся в повествование о прошлом или настоящем. С другой стороны, существует стремление более образно, более ярко представить категорию будущего при помощи различных форм. На экспрессивный потенциал форм будущего времени, в первую очередь, на их переносное употребление (для передачи действий в настоящем и прошлом) решающее влияние оказывают следующие факторы: 1) будущее настолько связано с настоящим, что формы настоящего времени очень часто используются в значении будущего, и наоборот, и что разница между ними очень часто стирается; 2) формы будущего простого являются, по сути дела, формами настоящего времени; 3) будущее представляет собой потенциальную реализацию

определенного действия, процесса, состояния, поэтому переплетаются и взаимно заменяются формами будущего времени и формами повелительного наклонения. Сложное будущее время можно использовать в значении прошедшего времени для обозначения обычного или повторяющегося действия. Будущее употребляется вместо прошедшего времени в форме т. н. исторического будущего (будущего в настоящем). Оно чаще всего выражает обычные, постоянно повторяющиеся действия (*Придешь* с работы усталый, а иной раз и злой, как черт). Иногда в подобном употреблении перед глаголом появляется частица *бывало*. Такая глагольная форма может передавать обычные, устоявшиеся, повседневные действия. Экспрессивность создается и в сочетании с формой прошедшего времени. Простое будущее время иногда сопровождается частицей *как* для выражения неожиданного начала однократного действия интенсивной продолжительности (Надул он щеки, фыркнул, а потом *как захохочет*). Экспрессивность форм сложного будущего времени усиливается повтором обеих частей (напр., *буду писать*, *буду писать*), только первой (*буду*, *буду*) или же их нагромождением. Эффект вызывает простое будущее с двойным отрицанием (*нет-нет*; *нет*, *нет*) + *да и*. Ироническое отношение можно выразить при помощи будущего времени от глагола *учить* (Он меня *учить будет*). Особая экспрессивность возникает в случаях эмоционального и (иногда) иронического отказа совершать действие, когда утвердительная форма будущего времени имеет противоположное, отрицательное значение ʻне буду’ (Да, *буду я ждать*). Частица *не* используется для создания контраста. Оборотом *будете или нет* усиливается констатация или вопрос. Архаичными, следовательно экспрессивными, являются случаи использования будущего с кратким страдательным причастием прошедшего времени (характерного для поэзии XVIII века).

Будущее время сербского/хорватского языка проявляет сходства и отличия по сравнению с русским языком. Сходство в том, что в обоих языках будущее время имеет две формы, из которых одна — синтетическая (простое будущее время — будущее I), а вторая — аналитическая (сложное будущее время — будущее II). Различие в том, что не совпадают формы от глаголов совершенного вида: то, что в русском языке простое будущее время (*мы ударим*), в сербском/хорватском — настоящее время от глаголов совершенного вида (mi *udarimo*). Русское историческое настоящее время почти всегда можно передать формой будущего. Но историческое настоящее время от глаголов совершенного вида редко переводится русским историческим будущим. Вместо него стоит или историческое настоящее время от глаголов несовершенного вида или прошедшее время. Историческое настоящее время от глаголов совершенного вида выражается в основном прошедшим временем, в меньшей степени настоящим временем от глаголов несовершенного вида, еще реже — историческим будущим временем.

8. Императив выражает различные значения: недоверие и несогласие, иронические осуждение, мягкое предупреждение, вежливость, близость, фамильярность. Видовые различия повелительного наклонения служат средством передачи

экспрессивных оттенков: глаголы совершенного вида обозначают категорическую просьбу, приказ, а глаголы несовершенного вида — менее категорическое приказание (часто они имеют значение просьбы или совета). В аппелятивных предложениях можно употребить оба вида (*говорите — скажите*). Особую экспрессивность имеет повелительное наклонение, используемое в значении прошедшего действия (А Данило и *скажи* ему...). Хотя о таком императиве имеются различные мнения, все соглашаются с тем, что им обозначается действие, случившееся неожиданно. В сербском/хорватском языке употребление императива в таком значении не является типичным (или почти не имеет места), и поэтому в переводах русских примеров используются другие формы.

Частицы вносят различные оттенки и экспрессию в значение повелительного наклонения. Одни из них используются в препозиции, другие — в постпозиции. Частица *да* имеет разговорный характер и служит для обозначения нетерпения, настойчивости просьбы и т. п. Частица *пусть* и *пускай* используется для выражения уступки, побуждения, согласия после отказов, возражений и т. п. В сочетании с повелительным наклонением частица *смотри*/*смотрите* (чаще всего с *не*) теряет лексическое значение и выражает запрет, предостережение, предупреждение. Частица *-ка* используется для выражения просьбы, непринужденного, смягченного приказания, близости отношений, простоты обращения, иронии, насмешки. Семантическим и стилистическом своеобразием является употребление императива с отрицанием (славянский императив) для выражения запрещения (императивом от глаголов несовершенного вида: *не говорите*) и предупреждения (императивом от глаголов совершенного вида: *не скажите*). Повелительное наклонение от глаголов совершенного вида с отрицанием *не* выполняют функцию предупреждения, предостережения. Запрет передается только при помощи несовершенного вида. Частица *давай*/*давайте* используется, как правило, в разговорной речи для передачи побуждения или приглашения к совместному действию и сочетается с несовершенным видом. Экспрессивным является употребление императива с инфинитивом типа *давай плакать* для выражения прошлого действия. Призывной характер такого сочетания теряется, когда оно вторгается в сферу изъявительного наклонения и используется для обозначения прошлого действия в значении ʻначал, стал, принялся + инфинитивʼ. Одним из сдвигов является замена множественного числа единственным при существительном множественного числа (А ну, ребята, *подвинься*!) Повелительное наклонение обычно используется без местоимения, но если оно (2-е лицо) добавляется, смягчается требование или просьба. Особенно экспрессивным (просторечно-разговорным) является повелительное наклонение в сочетании с инфинитивом, используемом в сказуемом в поговорках, пословицах и афоризмах (*Шутить шути*, да людей не мути).

В сербском/хорватском языке повелительное наклонение употребляется для выражения действия, происходившего в прошедшем, действия, совершаемого по привычке или действия обычной длительности (Te malo *popij*, malo *popričaj*, taman da naiđem na tebe). Поскольку оно используется в повествовании, такая форма

называется повествовательным (описательным) императивом. Существенная особенность повествовательного императива — сопереживаемость происходящего. Несмотря на имеющуюся близость, русский драматический императив и сербохорватский повествовательный императив не совпадают. Русская форма используется преимущественно для обозначения совершенного действия, без уточнения длительности его протекания, а сербохорватская форма значительно реже образуется от глаголов совершенного вида. Русский драматический императив обозначает действие, неожиданно, вдруг происшедшее в прошлом, а сербохорватский повествовательный императив подчеркивает длительность протекания действия, без его ограничения. Повествовательный императив поэтому можно было бы отнести к сфере имперфективности (однако между ними имеются различия). В русском языке повелительное наклонение иногда выступает в функции сослагательного наклонения, выражая условные действия. Сдвиги такого типа создают определенную экспрессию. В сербском/хорватском языке императив в этом значении не употребляется, и подобные формы заменяются сослагательным наклонением.

В поэзии яркая экспрессивность возникает за счет применения радикальных приемов, каким, в частности, являются случаи, когда существительное превращается в повелительное наклонение. Существительное может и по-другому вторгаться в сферу глагола, может «глаголизироваться», создавая познавательный конфликт между предметностью, которую выражает корневая морфема существительного, и глагольностью (признаковостью, предикативностью), которую передает аффиксальный показатель. Типичным примером является рекламное новообразование: «Не тормози, *сникерсни*!». Его первую часть (основу) составляет существительное, вторую — глагольный суффикс *-н-* и окончание *-и*.

Особую экспрессивность имеют эллиптические (безглагольные) императивные конструкции, т. е. императивные конструкции без императива. Типичным примером являются военные команды: *Батарея подъем*!

9. Для выражения желательности действия существуют различные способы (*Я хочу* — Мне *хочется* — *Я хотел бы* — *Хотелось бы*). Личная форма содержит ноту активности и уверенности, безличная отличается пассивностью и инертностью, а сослагательное наклонение выражает мягко, некатегорично и ненавязчиво желание. В отличие от русского языка в сербском/хорватском имеются два вида сослагательного наклонения: настоящее (краткое) и прошедшее (полное). Первое образуется от ударной формы аориста вспомогательного глагола и причастия прошедшего времени на **-л** знаменательного глагола (*pisao bih*). Второе состоит из сослагательного наклонения настоящего (краткого) и причастия на **-л** спрягаемого глагола (*bio bih pisao*). Сербохорватское сослагательное наклонение отличается от русского сослагательного наклонения, прежде всего, тем, что оно может употребляться в значении действия, которое много раз повторялось в прошлом или происходило в установленной последовательности (такое сослагательное наклонение имеет особую экспрессивность), для которой в сербохорватской терминологии

имеется специальное название — претеритальное, или повествовательное сослагательное наклонение. Из анализируемого материала видно, что экспрессивность сербохорватского сослагательного наклонения теряется при переводе на русский язык, в котором в качестве корреспондентов выступают: 1) прошедшее время от глаголов несовершенного вида (*падал*, *валился*, *устремлял*, *проходил*, *вставал*, *ложился*, *начинали*, *уставал*, *надоедало*, *наскучивали*, *приводил*, *убирал*, *останавливался*); 2) деепричастие несовершенного вида настоящего времени (*думая*, *всматриваясь*, *поджидая*). Хотя в русском языке нет претеритального сослагательного наклонения, существуют случаи транспозиции сослагательного наклонения в поле темпоральности. В русском языке прослеживается сокращение *бы* в *б*. Особенно это проявляется в поэзии в целях достижения ритмичности (*Я б хотел* забыться и заснуть!) И в стихах на сербском/хорватском языке с этой же целью используется подобный прием.

10. Инфинитив обладает немалым экспрессивным потенциалом. Он может выступать в значении повелительного наклонения, и тогда выражает категорическое приказание, запрещение и т. п. (*Молчать*!) В сербском/хорватском языке употребление инфинитива для выражения приказов является не типичным, а основным средством выступают существительные и различные конструкции (*Tišina*! *Ni riječi*! *Da niko nije pisnuo*! и т. п.). Экспрессивность создается и использованием инфинитива с отрицанием. Если в русском языке на инфинитив приходится 13—19% форм глагола, то в сербском/хорватском языке его процент намного меньше. Ограничения в употреблении инфинитива в сербском/хорватском языке можно объяснить, прежде всего, конкуренцией конструкции *da* + настоящее время, которая берет на себя значительную часть потенциального употребления. Сербохорватский инфинитив используется и в значении долженствования (Jedanput mi je *mrijeti*.). Бывают случаи транспозиции инфинитива в поле будущего времени (Da li *se podsjećati* na to uvijek kad dođe zima?) В русском языке инфинитив широко используется в значении других глагольных форм (Да что там *говорить*). На сопоставительном плане интересным является русская конструкция «дательный + инфинитив» (Что *нам делать*?) Примеры употребления инфинитива с дательным в сербском языке очень редки, и они, в отличие от русского языка (в котором данный оборот широко распространен), встречаются, как правило, только в поэтической речи и в высоком (архаизированном) стиле. Существует еще одно несовпадение между русским и сербским/хорватским языками. Речь идет о повествовательном или историческом инфинитиве (инфинитиве, используемом для передачи прошлого действия), который чаще употребляется, чем в русском языке (Pa Turci kad *nadrvati* i *osvojiti* Bosnu, *zarobiti* i toga bana i *baciti* u tamnicu). С другой стороны, в русском языке существует т. н. инфинитив независимый (инфинитив в функции подлежащего или сказуемого двусоставного предложения).

Один случай употребления инфинитива в сербском/хорватском заслуживает особого внимания. Речь идет о явлении, которого, насколько нам известно, нет в

других славянских языках: об использовании предлога в сочетании с инфинитивом (типа *za dati*). Такой синтаксический феномен можно назвать предложным инфинитивом. Здесь речь идет о связи двух несовместимых форм — глагола и предлога. Из всех предлогов (в нашем списке их 112) только предлог *za* широко используется в сочетании с инфинитивом. Чтобы понять, как и когда он употребляется, мы сделали небольшой анализ предложной конструкции *za* + *ponijeti* (*за* + *взять*) ʻвзять (с собой) что-нибудь' и нашли очень много примеров (типа Prije odlaska obvezno se u mjesnoj uljari kupi ulja *za ponijeti* kući.). Оборот *za* + *ponijeti* открывает место для целого ряда существительных. Их можно разделить на 13 тематических групп: 1) пища; 2) напитки; 3) части тела; 4) предметы); 5) абстрактные понятия; 6) культура и искусство; 7) развлечения; 8) электроника; 9) квалификация/квантификация; 10) финансы; 11) указание; 12) способ; 13) разное. В сочетании с другими словами получаются такие связи: infinitiv + infinitiv, *za* + infinitiv + infinitiv, *za* + *ovdje* + infinitiv, *da* + prezent + *za* + infinitiv, *sa* + instrumental + *za* + akuzativ + *za* + infinitiv, *za* + *ovdje* + *ili* + *za* + infinitiv. Предложный инфинитив часто используется без какой-либо установки на создание эффекта, и поэтому иногда приводит к стилевым погрешностям, слабостям, приводит к тому, что можно охарактеризовать как «конструкционная ошибка» (Nažalost, spisak svih finansiranih projekata može se samo pogledati, ali ne i *dobiti za ponijeti* jer «nije sređen».). То, что предложный инфинитив является **(1)** варваризмом, **(2)** странным для грамматической системы и **(3)** что против него борются все нормативные пособия, дает стимул для его использования в стилистических целях. Причину (или повод) для такого употребления следует искать, в первую очередь, в укоренившейся практике в продовольственных магазинах и лавочках, где при продаже/купле «быстрой пищи» (особенно пирогов, шашлыков, люля-кебабов, пицц, сосисок) продавец интересуется, желает ли покупатель кушать/пить на месте или будет брать с собой: Želite li burek *za ovdje* ili *za ponijeti*. = 1) Хотите пирог *здесь съесть* или *будете брать с собой*? 2) Вам *положить* пирог в тарелку или *завернуть*? В последнее время наблюдается сильно выраженная тенденция обыгрывать ситуацию продажи/купли, причем за рамками вышеуказанного повседневного контекста (в закусочной, кафе, ресторане, буфете, продовольственном магазине и т. п.) и в самых неожиданных местах. При этом предложный инфинитив сочетается с необычными понятиями, например, с театральным спектаклем. Так, одно высказывание начинается: Teško da možete da naručite pozorišnu predstavu *«za poneti»*, а заканчивается: ali je odskora moguće dobiti Šekspira «*za doneti*». Особенно странным (следовательно, очень экспрессивным) является сочетание предложного инфинитива со словами, выражающими абстрактные понятия типа *патриотизм*, *сила*, *заем*, *кредиты*, *развлечение*, *песня*, *праздник*, *экология*, *теория*, *нищета*. Бывают и сочетания парадоксального характера (взять с собой кино, окурки). Самым интересным является пример, в котором говорится о том, что можно даже и пешеходный переход взять с собой. Предложный инфинитив иногда употребляется для того, чтобы высмеять кого-нибудь или что-либо, чтобы высказать иронию и т. п. Поэтому он часто встречается

в анекдотах. В русском языке экспрессивным является инфинитив в сочетании с дательным падежом (обычно с отрицанием) для выражения необходимости совершить действие («Не *бывать* тому, чтобы нам порознь пропадать).

Экспрессивность инфинитива сильно проявляется и в поэзии. Здесь выделяются случаи, когда целое стихотворение состоит из инфинитивов, т. е. когда отсутствуют другие глагольные формы. Такой прием мы называем инфинитивизацией. В русской поэзии она настолько распространена, что выделяется особый тип — инфинитивная поэзия.

11. Мнения об экспрессивном потенциале причастий довольно разные. М. В. Ломоносов отмечал в них возвышенную тональность, А. С. Пушкин указывал на их выразительную краткость, а А. М. Горькому не нравились шипящие звукосочетания (*вши*, *вша*, *вшу*, *ща*, *щей*), которые он называл «насекомыми». Экспрессивный потенциал причастий связан с широтой их значений, возможностью позиционного варьирования, синонимизации, выражения возвышенности и торжественности. Их характерная звуковая выразительность может вызвать разнообразные предметно-смысловые ассоциации. Причастия могут образовать синонимическую пару с однокоренными прилагательными (причастиями подчеркивается действенная сторона, а прилагательными — качественная). На сопоставительном уровне наблюдается значительное несовпадение: в русском языке четыре причастия, а в сербском / хорватском — только два, причем причастие прошедшего времени на *-л-*, наряду с самостоятельным, собственно причастным употреблением (типа dijete *usnulo* u majčinom krilu), используется при образовании сложных форм прошедшего времени — прошедшего времени (*čitao sam*), плюсквамперфекта (*bio sam čitao*), будущего II (*budem čitao*) и сослагательного наклонения (*bih čitao*). Русские страдательные причастия могут иметь краткую и полную форму (*любимая — любима*; *прочитанный — прочитана*). Эти грамматические несовпадения переносятся на экспрессивный уровень. И если мы в поле темпоральности отмечали большее стилистическое богатство сербского / хорватского языка, то здесь русский язык имеет преимущества, так как обладает четырьмя возможностями выбора, а сербский / хорватский — двумя (лучше сказать, одной). В последнем невозможно варьировать выражением, как это имеет место в русском. Анализ указывает на еще одну особенность: сербохорватское страдательное причастие очень часто переводится не страдательным причастием, а прошедшим временем. Формальная и семантическая компактность русских причастий сильно проявляется в глагольной рифме, и переводчики обычно деглаголизируют ее, используя вместо причастий неглагольные формы.

Один из способов экспрессивного использования в поэзии — концентрация причастий. Самым впечатляющим примером является стихотворение Дмитрия Кедрина «Я», состоящее из восьми стихов с девятью причастиями (нет других глагольных форм). В нем имеет место сознательное нарушение грамматической структуры в том отношении, что причастия — единственные формы глагола и что

они не сопровождаются словами, с которыми в «нормальных» контекстах обязательно сочетаются и от которых формально зависят. Точнее, причастия не имеют необходимой поддержки, и вся семантико-грамматическая нагрузка переносится на них. Морфема *-вши-* проходит через всю ткань стихотворения и производит сильное акустическое впечатление, создает специфический мелодический резонанс. Из-за отсутствия соответствующих причастий в сербском / хорватском языке экспрессивность трудно сохранить при переводе. Из всех возможностей лучшей кажется краткий перфект. Употребление этой формы имеет несколько положительных элементов: сохраняется лаконичность русского причастия (так как и краткий перфект — компактная грамматическая форма), метрика и рифма, а обезличение становится более выразительным, чем при употреблении полных форм прошедшего времени. Использованием причастий (причастных конструкций) и синонимичных ему слов и сочетаний в узких текстуальных контекстах усиливается разнообразие изложения, так необходимое во всех видах прозаического выражения. Благодаря причастной конструкции, можно избежать чрезмерного и нескладного нагромождения придаточных предложений с соединительным словом *который*. В сербском / хорватском языке это возможно только тогда, когда речь идет о страдательном причастии прошедшего времени. При этом можно варьировать союзами *koji* и *što*, хотя и здесь бывают случаи, когда очень трудно или невозможно воспользоваться данным приемом (в качестве ограничивающего фактора выступает поляризация названных союзов на сербские и хорватские). Итак, сокращение в сербском / хорватском языке причастий отрицательно сказалось на его экспрессивном потенциале.

12. Среди способов экспрессивного использования деепричастий следует выделить их употребление для подражания народно-поэтическому, или низкому, разговорно-просторечному колориту речи. Интересным примером является случай их превращения в существительные в функции теонимов (собственных имен божеств, юных богинь): *Резвяся, Играя, Смеясь*. В сербском / хорватском языке наблюдается более свободное использование деепричастий. Существенным условием в русском языке является тождество деятелей в главном предложении и в придаточном обороте, чего нет в сербском / хорватском деепричастном обороте типа *Ulazeći u kuću* zapljusnuo nas je topao dah (*Когда мы входили* в дом, нас обхватило жарким воздухом.), так как существуют два агенса.

13. Особой экспрессивностью отличаются междометные глаголы без суффикса (*прыг*, *шлеп*), которые употребляются в функции глагольного предиката для выражения мгновенного, неожиданного действия в прошлом, для передачи быстроты и интенсивности действия. Глагольно-междометные формы присущи преимущественно народно-разговорной речи. Анализ показывает, что в одних случаях они могут появляться в функции глагольных форм (сохраняя значение номинативности и выражая прошедшее время совершенного вида), а в других выступают в форме

восклицания (ономатопоэтического характера). В сербском / хорватском языке они также широко представлены. В грамматиках они не выделяются в особые глагольные группы.

14. Из-за больших транспозиционных возможностей категории лица некоторые рассматривают ее как одну из важнейших категорий глагола. Признак принадлежности действия определенному лицу выражается двумя способами: денотативным (нейтральным) и коннотативным (экспрессивным). Коннотативный способ подразумевает нарушение симметрии: 1-е лицо = лицо говорящего, 2-е лицо = лицо присутствующего, 3-е лицо = лицо неприсутствующего. Чаще всего замещается 1-е лицо, а реже всего — 1-е и 3-е лицо множественного числа. Форма первого лица единственного числа может употребляться только в своем значении. Но в сербском / хорватском языке мы обнаружили как раз такой случай: когда мать обращается к ребенку: *Jesam* li se naspavao? ʻЯ выспался?ʼ (= *Jesi* li se naspavao? ʻТы выспался?ʼ). Часто замещается первое лицо единственного числа вторым лицом единственного числа. Таким приемом говорящий избегает чрезмерного употребления 1-го лица и производит большее впечатление. При этом он устраняет свое «я» и заменяет его обобщенной формой. Глаголы в таком значении обычно обозначают действие длительной протяженности и не указывают на отдельные процессы (что приводит к своеобразной типизации). Для усиления используется отрицание, которое вместе с глагольной формой выделяется с обеих сторон знаком тире. В художественных текстах имеют место нарушения грамматических норм, то есть бывает несовпадение, некоординация подлежащего и сказуемого, напр., когда с подлежащим в единственном числе употребляется глагол в 3-м лице единственного, а потом множественного числа (А лагерная охрана каждый день *пьет*, песни *горланят*, *радуются*, *ликуют*).

15. Если сознательно нарушить обычное, установившееся размещение глагола в предложении и стихе, то есть если использовать его там, где обычно его не ставят, или если его включить в необычное окружение, без внесения изменений в содержание, возникает глагольная фигура. Для образования такой экспрессивной конструкции используются различные приемы: добавление, повторение, опускание, изменение местоположения, искусственное размещение, замещение. Глагол обладает большими возможностями для повторения, нагромождения, комбинирования. Он, как правило, стоит в начале или конце высказывания (предложения, стихотворения).

Из-за своеобразия лексической и словообразовательной структуры части речи обладают неодинаковыми возможностями рифмовки. Так как глагол и существительное являются стержнем грамматической системы, они и здесь имеют господствующую функцию. В пользу такого вывода говорит тот факт, что всегда существует стремление рифмовать семантически самые широкие слова (в целях их выделения), какими являются как раз глаголы и существительные.

Рифму, конститутивным элементом которой является глагол, называем глагольной. Семантическое многообразие, широкая сочетаемость, богатство морфологических форм и большой экспрессивный потенциал предопределяет глагол быть важным средством создания различных типов рифмы. Одно из доказательств: нет глагольной категории (времени, вида, лица, залога), элементы которой не находим в рифме. Из всех моделей рифмы чаще всего в нашем корпусе встречается перекрестная (a-b-a-b) рифма. Ее могут составлять глагол и другая часть речи, поэтому такую рифму называем полуглагольной. В ней используются все глагольные формы. В рамках смежной рифмы выделяется полуглагольная и чистая глагольная рифма. Здесь тоже находим два варианта: **a-a-b-b** и **b-b-a-a**. Кольцевую, охватную или опоясанную рифму (**a-b-b-a**) образует настоящее время (*смотрю* — взором — разговором — *говорю*), деепричастие (*нахмуря* — коня — буря — *звеня*), повелительное наклонение (*пробуждай* — исступлений — сновидений — *возвращай*), причастие (любви — *побеждающий* — *спасающий* — крови») и другие глагольные формы. Глагол может порождать и другие типы: 1) рифму с четырьмя стихами, имеющую **(а)** три одинаковые глагольные формы — инфинитив (тополиный — *стереть* — *сдвинуть* — *уцелеть*), настоящее время (милее — *светлею* — *хочу* — *грущу*), прошедшее время (*светел* — *встретил* — обида — *видел*), причастие (*околдована* — *обвенчана* — *закована* — женщина), **(б)** различные глагольные формы (*повстречаю* — хороша — *отчаясь* — *дыша*); 2) трехчетвертную перекрестную рифму (*проводишь* — *подарив* — *отводишь* — порыв); 3) полную рифму с тремя одинаковыми формами (*бежит* — замечая — *дрожит* — *тает*); 4) полную рифму с одинаковыми формами (*несет* — *знает* — *поймет* — *узнает*); 5) смежную рифму в строфе из двух стихов (*разлучить* — *приучить*, *разрубить* — *быть*); 6) рифму в конце одной и в начале другой строфы (*смея* — *умея*); 7) кольцевую рифму с двумя внешними неглагольными и тремя внутренними глагольными элементами (твоей — *жившим* — *любившим* — *сохранившим* — ей); 8) рифму в форме дистанционного глагольного охвата (*мечтаю* — *помышляю* — стих — *моих* — мечтанья — молчаньи — *нахожу* — *тверженую*). Глагол также дает мужскую рифму (*найду* — *отведу*), женскую рифму (*разлучить* — *приучить*) и дактилическую рифму (*заговорить* — *поговорить*), которая в нашем корпусе является самой редкой.

В толковании оправданности глагольной рифмы существуют противоположные мнения. Одни считают, что их надо избегать во что бы то ни стало. Вторые допускают их употребление в исключительных случаях. Третьи утверждают, что глаголы вполне имеют свое место в поэзии и что она может быть очень красивой. Наше исследование показывает, что глагольная рифма может вызвать положительный и отрицательный эффект. Положительный эффект возникает в случаях, если она используется с мерой и не механически. В таких случаях появляется богатая рифма. Отрицательный эффект вызывает то, что глагольную рифму не так сложно создать, что глаголы можно легко рифмовать (*читать* — *писать*, *знаю* — *думаю*, *бери* — *говори*), поэтому рифма иногда создается механически, не задумываясь.

Отметим, что глагольная рифма имеет свое оправдание в детской поэзии, в которой она в состоянии приблизить содержание детскому пониманию.

16. Одна из форм языкового динамизма — изменение формальной структуры в результате различных трансформаций. Субстантивированные модификации языковых единиц подразумевают четыре основных приема — добавление, сокращение, замещение и перемещение. Произвести изменения такого рода — значит, добавить или отнять, включить или выбросить, расширить или сузить, уменьшить или увеличить, заменить или переставить или даже совсем опустить. Результат таких трансформаций мы называем метаплазмой. Каждая часть речи имеет свой тип субстанционально трансформированных форм, и поэтому можно говорить о метаплазмах существительного, прилагательного, местоимения, глагола, наречия, союза. Среди частеречных метаплазм выделяется глагольная метаплазма. В зависимости от того, какой прием используется (плюс- или минус-), различаем простриктивную и рестриктивную глагольную метаплазму.

Простриктивные глагольные метаплазмы выступают в двух вариантах: в анафорическом и эпифорическом. Для анафорического типа характерно то, что в начале эталона добавляется какой-нибудь элемент. В сербском / хорватском языке один из них особенно интересен. Это метаформа *najvoljeti*, которая возникла соединением префикса *naj-*, используемого при образовании сравнительной степени прилагательного / наречия и инфинитива *voljeti*.

Рестриктивные глагольные метаплазмы основываются на минус-приеме, который приводит к сокращению какого-либо структурного элемента. В результате такой операции возникает пустота, дыра. Однако она имеет определенное значение. Подобно тому, как в физике пустота не означает обычно несуществование материи, так и отсутствие пропущенного элемента в метаплазме не представляет собой семантический нуль. В зависимости от степени, пусто́ты могут быть легкими и тяжелыми: легкими — на уровне фонологии, тяжелыми — на уровне синтаксиса и текста. Они создают помехи в коммуникационном канале, и их необходимо преодолеть в процессе декодирования. Такие метаформы приводят к нарушению предвидения: они появляются как нечто неожиданное, и поэтому на них фиксируется внимание получателя. Деструкция такого типа не увеличивает семантическую информацию, она может только ее уменьшить, точнее, затруднить понимание, но зато создается дополнительная информация — стилистическая. Именно здесь и заключается важный момент — дефект приводит к эффекту, который вызывает аффект. Метаплазма создает или усиливает экспрессию текста только при условии, что она применяется преднамеренно. Из-за необходимости реконструировать несуществующие элементы процесс восприятия метаплазм замедляется и удлиняется.

Глагол подвергается следующим типам сокращения: а) фонологическому; б) морфологическому; в) синтаксическому; г) текстуальному. Первая операция приводит к появлению фоноплазм, вторая — морфоплазм, третья — синтактоплазм, четвертая — текстоплазм. Синтактоплазмы и текстоплазмы представляют

собой зерроплазмы, так как речь идет о нулевых глагольных формах на уровне предложения и текста. Прием, приводящий к возникновению зерроплазм, мы называем деглаголизацией. Сокращение глагольных форм появляется в двух формах: 1) в форме превращения аналитических форм в синтетические; 2) в форме их полной утраты в словосочетании, предложении и во всем высказывании (тексте).

Субстанциональные модификации глагола на фонологическом уровне могут происходить в начале, в середине и в его конце. В поэзии фоноплазмы являются элементом ритмико-интонационной организации стиха (А. С. Пушкин, скажем, вместо *не идет* употребляет *нейдет*). В русской поэзии имеются многочисленные примеры употребления постфикса *-ся* вместо *-сь* в формах прошедшего времени. Фоноплазмы в сербском / хорватском языке встречаются почти во всех глагольных формах: в инфинитиве (*po'vatati*, *'apstiti*), настоящем времени (*'vatam*, *po'vata*), прошедшем времени (*priča'*, *u'vatio*), в будущем времени (*'ćemo*), аористе (*zadesi'*), императиве (*bježˈmo*, *nek'*, *hajd'*, *'odi*, *stan'*), сослагательном наклонении (*bi'*, *bi' zaisk'o*). Поскольку возвратная частица в сербском / хорватском языке отделена от глагола (сравн. *radovati se — радоваться*), исключена возможность трансформации, характерной для русского языка. В поэзии на сербском / хорватском языке очень сильно выражено выпадение и стяжение гласных. Алекса Шантич — один из поэтов, у которого можно найти бесчисленное множество таких примеров. В поэзии на сербском / хорватском языке фонологические трансформации чаще всего имеют место в формах прошедшего времени мужского рода, где происходит стяжение конечной гласной основы *-а* и окончания *-о* в *ô*.

Морфоплазмы появляются в результате превращения аналитических форм в синтетические. Это значит, что в русском языке такой деструкции могут подвергаться сложное будущее время, аналитические формы императива и сослагательного наклонения, а в сербском / хорватском языке — прошедшее время, плюсквамперфект, будущее II, аналитические формы императива, сослагательного наклонения и пассивная конструкция. Сербский / хорватский язык, как это видно, имеет больше возможностей (6 : 3).

Синтактоплазмы представляют собой зерроплазмы на уровне предложения. Сюда относятся различные виды эллиптических предложений. Вот пример, в котором сербохорватское сослагательное наклонение совсем опускается: *I čovjeka* (=bih ubio), morao bih.

Текстоплазмы — крайняя степень деструкции: из всего текста исчезает глагол. Такой прием мы называем деглаголизацией. Текстуальную деглаголизацию (полный пропуск глагола в тексте) можно использовать только в текстах небольшого объема. Наиболее широкое применение этот прием находит в поэзии. Безглагольная поэзия является выражением поисков новых, оригинальных форм выражения, завершающихся иногда радикальными поэтическими экспериментами. Во всех славянских литературах такая поэзия широко представлена. Написать стихотворение без единого глагола не так просто, и небольшое число поэтов оставило здесь свой след (правда, имеется достаточно примеров, когда глагол опускается только в не-

которых частях текста — стихе, строфе и т. п.). Настоящим мастером безглагольной поэзии был А. А. Фет. Он является родоначальником этого художественного приема, так как среди русских поэтов ему первому удалось написать полное стихотворение без глаголов. А. А. Фет является автором еще трех безглагольных стихотворений с красивыми описаниями пейзажа. Стихотворением «Дума за думой, волна за волной» Ф. И. Тютчев подхватил эксперимент-вызов А. А. Фета, затем последовали безглагольные стихи А. К. Толстого, А. Н. Майкова и других. В период поиска новых форм художественного выражения в 90-е годы XIX века и в 20-е годы XX столетия деглаголизацию использует ряд поэтов. Она особенно отвечала запросам имажинистов.

В поэзии на сербском / хорватском языке имеется большое число стихотворений, которые можно отнести к безглагольным, хотя, по сравнению с русской поэзией, их должно быть меньше по двум причинам: 1) в сербском / хорватском языке имеется вспомогательный глагол — глагол очень частотный, который уменьшает вероятность применения деглаголизации; 2) не было таких сильных импульсов для сочинения безглагольной поэзии, как в русской литературе (А. А. Фет, имажинисты и т. п.). Однако собранный нами материал показывает, что безглагольная поэзия на сербском /хорватском языке и по количеству, и по качеству не уступает русской. Русскую и сербохорватскую поэзию характеризуют общие черты. Прежде всего, их отличает тематическая ограниченность (в основном размышления, рефлексия, описание природы и любовных переживаний). Пропуск глагола неизбежно связан с объемом стихотворений: они короткие, часто очень короткие. Им свойственна исключительная ассоциативность и лаконичность. Отсутствие глагола создает впечатление статичности даже и тогда, когда вместо него используется отглагольное существительное, ибо оно не в состоянии передать всю динамику действия.

Сокращения

ДЭ декодированная экспрессивность
КЭ кодированная экспрессивность
ЛФС литературно-художественный функциональный стиль
НФС научный функциональный стиль
ОФС официально-деловой функциональный стиль
ПФС публицистический функциональный стиль
РФС разговорный функциональный стиль
ФС функциональный стиль / функциональные стили
ДЛЭ дифференциально-лектальная экспрессивность
ФСЭ функционально-стилевая экспрессивность

Литература

Примечание.

В списке литературы сокращение [**— www**] используется для обозначения библиографических единиц из Интернета, а в списке источников [**-www**] — для обозначения примеров из Интернета.

Абрамис 1963 — *Абрамис Б. Д.* О некоторых формах выражения прошедшего времени в баснях Крылова / Учен. зап. Ленинградского гос. ун-та. Серия филологических наук. Л., 1963. Вып. 68. С. 112—120.

Абрамов 1980 — *Абрамов В. П.* Семантический анализ глаголов передачи в русском языке // Вопросы лексической семантики. М., 1980. С. 24—57.

Авдеев 1977 — *Авдеев Ф. Ф.* О выражении повторяющихся действий глаголами совершенного вида в историческом настоящем // Вопросы русской аспектологии II / Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1977. Вып. 434. С. 66—75.

Авилова 1976 — *Авилова Н. С.* Вид глагола и семантика глагольного слова. М.: Наука, 1976. 328 с.

Аврорин 1975 — *Аврорин П. А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л.: Наука, 1975. 276 с.

Аглетдинова 1996 — *Аглетдинова Г. Ф.* О соотношении оценочности, образности, экспрессивности и эмоциональности в семантике слова // Исследования по семантике. Семантические категории в русском языке. Уфа: Башкирский гос. ун-т, 1996. С. 76—84.

Адамец 1968 — *Адамец П. А.* К вопросу о модификациях (модальных транспозициях) со значением необходимости и возможности // Československa rusistika. 1968. Т. XIII. № 2. С. 88—94.

Адмони 1988 — *Адмони В. Г.* Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л.: Наука, 1988. 239 с.

Азнаурова 1973 — *Азнаурова Э. С.* Очерки по стилистике слова. Ташкент: ФАН, 1973. 405 с.

Акимова 1981 — *Акимова Г. Н.* Развитие конструкций экспрессивного синтаксиса в русском языке // Вопросы языкознания. 1981. № 6. С. 109—120.

Акимова 1982 — *Акимова Г. Н.* Лексический повтор с точки зрения экспрессивного синтаксиса // Проблемы комплексного анализа языка и речи. Л.: ЛГУ, 1982. С. 112—118.

Аксаков 1955 — *Аксаков К. С.* О русских глаголах // Отечественные записки. СПб., 1955. Т. CI. Отд. III. С. 5—45.

Александрова 1984 — *Александрова О. В.* Проблемы экспрессивного синтаксиса: На материале английского языка. М.: Высшая школа, 1984. 211 с.

Алексеев 1975 — *Алексеев П. К.* Статистическая лексикография // Типология составления и применения частотных словарей. Л.: ЛГПИ, 1975. С. 104—119.

Анализ 1985 — Анализ одного стихотворения / Под ред. В. Е. Холшевникова. Л.: ЛГУ, 1985. 248 с.

Андреева 1971 — *Андреева И. С.* Повелительное наклонение и контекст при выражении побуждения в современном русском языке: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Л., 1976. 18 с.

Андреева 1973 — *Андреева Л. А.* Глагольные конструкции с предложным падежом в значении состояния в русском литературном языке XVIII века // Учен. зап. Казанского гос. пед. ин-та: Вопросы теории и методики изучения русского языка (глагол). Казань, 1973. Вып. 114. С. 178—183.

Андреева 1973а — *Андреева И. С.* К вопросу о функционировании форм повелительного наклонения в современном русском языке // Функциональный анализ грамматических категорий. Л.: ЛГПИ, 1973. С. 123—137.

Античные 1937 — Античные теории языка и стиля / Под общ. ред. О. М. Фрейденберг. М.: Ин-т языкознания, 1937. 331 с.

Антонов 1973 — *Антонов С.* От первого лица. М.: Советский писатель, 1973. 368 с.

Апресян 1974 — *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 367 с.

Ардентов 1975 — *Ардентов Б. П.* Выражение времени в русском языке. Куйбышев: Куйбышевский ун-т, 1975. 131 с.

Арнольд 1973 — *Арнольд И. В.* Стилистика современного английского языка (Стилистика декодирования). Л.: Просвещение, 1973. 302 с.

Арутюнова 1973 — *Арутюнова Н. Д.* О синтаксических разновидностях прозы // Сб. научн. трудов Московского гос. пед. ин-та иностранных языков. 1973. Вып. 73. С. 183—189.

Аскин 1974 — *Аскин Я. Ф.* Категория будущего и принципы ее воплощения в искусстве // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л.: Наука, 1974. С. 67—73.

Афанасьева 1979 — *Афанасьева Р. П.* Семантико-грамматические классы русского глагола // Семасиология и грамматика. Тамбов, 1979. С. 49—56.

Ахманова 1966 — *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 607 с.

Бабенко 1989 — *Бабенко Л. Г.* Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Уральский ун-т, 1989. 184 с.

Багаджиева 1978 — *Багаджиева Д. С.* О лексической соотносительности действительного и страдательного залога глаголов // Сб. научн. трудов Томского пед. ин-та. Т. 255. 1979. С. 41—47.

Балли 1955 — *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка: Пер. с франц. Т. В. и Е. В. Вентцель. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1955. 416 с.

Балли 2001 — *Балли Ш.* Французская стилистика. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 392 с.

Банару, Алексеев 1975 — *Банару В. И.*, *Алексеев А. Я.* Функциональная корреляция глагол — имя во французском языке. Кишинев: Штиинца, 1975. 70 с.

Баранова 1970 — *Баранова З. П.* Опыт количественного анализа некоторых грамматических особенностей речи А. Блока и В. Маяковского // Статистическое изучение стилей языка и стилей речи. Горький: Горьковский гос. ун-т, 1970. С. 10—12.

Барлас 1978 — *Барлас Л. Г.* Русский язык. Стилистика. М.: Просвещение, 1978. 256 с.

Барнетова 1979 — *Барнетова В. и др.* Русская грамматика. Т. I. Praha: Academia, 1979. 1093 с.

Бахтин 1979 — *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.

Бахтин. Формы времени — www: *Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике: http://infolio.asf.ru/Philol/Bahtin/hronotop1.html

Башнякова 1966 — *Башнякова Н. П.* Сочетаемость глагольных синонимов в современном русском языке // Исследования по грамматике и лексикологии. Киев: Наукова думка, 1966. С. 75—84.

Беззубов 1975 — *Беззубов А. Н.* Стилистические и эстетические особенности частей речи в поэзии Алексея Кольцова // Вестник ЛГУ. 1975. Вып. 2. С. 114—120.

Безруков 1969 — *Безруков В. И.* Эмоционально-экспрессивный фактор и лексическое значение // Вопросы лексикологии. Свердловск: Свердловский гос. пед. ин-т, 1969. С. 29—39.

Белич 1962 — *Белич А.* О славянском глагольном виде (отрывок) // Вопросы глагольного вида. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1962. С. 213—217.

Белоусова 1969 — *Белоусова Е. А.* Статистический анализ некоторых грамматических явлений в русском литературном языке, (на материале употребления глагольных форм на *-ся*) // Вопросы теории и истории языка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1969. С. 284—291.

Белякина 1964 — *Белякина Е. С.* Сослагательное наклонение в современном русском языке: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1964. 260 с.

Белякина 1966 — *Белякина Е. С.* Сослагательное наклонение в современном русском языке: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1966. 26 с.

Бенвенист 1974 — *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 446 с.

Береговская 2004 — *Береговская Э. М.* Очерки по экспрессивному синтаксису. М.: Рохос, 2004. 208 с.

Беркович 1961 — *Беркович Н. Э.* Страдательный оборот в разных стилях современного русского языка // Вопросы русского языкознания. Саратов: Саратовский ун-т, 1961. С. 205—213.

Бибихин 2002 — *Бибихин В. В.* Грамматика поэзии // Ё: Психотворец. Обуватель. Филозоф. М.: МК РФ, Российский институт культурологии, 2002. С. 306—331. 384 с.

Благой 1973 — *Благой Д.* От Кантемира до наших дней. Т. 2. М.: Худ. лит-ра, 1973. 463 с.

Блумфилд 1968 — *Блумфилд Л.* Язык. М.: Прогресс, 1968. 607 с.

Богодухова 1973 — *Богодухова Л. И.* Соотношение видо-временных и модальных форм сказуемых как один из элементов строения сложноподчиненных предложений с придаточными, выражающими сравнение: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1973. 166 с.

Богославская, Биктагирова 1979 — *Богославская О. И.*, *Биктагирова В. В.* К вопросу об отражении диалекта в системе художественных средств языка фольклора // Специфика и эволюция функциональных стилей. Пермь: Пермский ГУ, 1979. С. 121—131.

Большой англо-русск. сл. 1998 — Большой англо-русский словарь / Авт.-сост. Н. В. Адамчик. Минск: Литература, 1998. 1168 с.

Бондалетов 1982 — *Бондалетов В. Д. и др.* Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1982. 286 с.

Бондарко 1958 — *Бондарко А. В.* Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенного видов в славянских языках: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Л.: ЛГУ, 1958. 20 с.

Бондарко 1961 — *Бондарко А. В.* По поводу теории синтаксического индикатива и релятива. // Учен. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, кафедра русского языка. Т. 225. 1961. С. 193—209.

Бондарко 1965 — *Бондарко А. В.* Об относительном и абсолютном употреблении времен в русском языке (в связи с вопросом «темпоральности») // Вопросы языкознания. 1965. № 6. С. 44—54.

Бондарко 1969а — *Бондарко А. В.* Лингвистические основы описания глагольного вида в русском языке // Актуальные вопросы преподавания русского языка и литературы. М.: Изд-во МГУ, 1969. С. 43—45.

Бондарко 1969б — *Бондарко А. В.* Оборот типа «как прыгнет!» в русском языке // Вопросы филологии: К 70-летию И. А. Василенко. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1969. С. 27—31.

Бондарко 1971а — *Бондарко А. В.* Вид и время русского глагола (значение и употребление). М.: Просвещение, 1971. 239 с.

Бондарко 1971б — *Бондарко А. В.* Грамматическая категория и контекст. Л.: Наука, 1971. 115 с.

Бондарко 1978 — *Бондарко А. В.* Грамматическое значение и смысл. Л.: Наука, 1978. 175 с.

Бондарко 1983 — *Бондарко А. В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л.: Наука, 1983. 208 с.

Бондарко 1984 — *Бондарко А. В.* Функциональная грамматика. Л.: Наука, 1984. 133 с.

Бондарко 1995 — *Бондарко А. В.* Теория предикативности В. В. Виноградова и вопрос о языковом представлении идеи времени // Вестник Московского ун-та. Серия 9: филология. М., 1995. № 4. С. 105—111.

Бондарко 2002 — *Бондарко А. В.* Теория значения в функциональной грамматике: На материале русского языка. Избр. труды. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.

Брандес 1990 — *Брандес М. П.* Стилистика немецкого языка. М.: Высшая школа, 1990. 320 с.

Брехт 1985 — *Брехт Р. Д.* О взаимосвязи между наклонением и временем: синтаксис частицы «бы» в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. 1985. С. 101—117.

Брицын 1990 — *Брицын В. М.* Синтаксис и семантика инфинитива в современном русском языке. Киев: Наукова думка, 1990. 320 с.

Бройер 1971 — *Бройер Г.* К вопросу о соотношении морфологического и лексико-синтаксического обозначения наклонения в русском языке // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М.: Наука, 1971. С. 62—69.

БСЭ 1971 — Большая советская энциклопедия: В 30 т. М.: Советская энциклопедия, 1971—1978. — Т. 5 (БСЭ 1971): 640 с. — Т. 30 (БСЭ 1978).

БТПС 2001 — Большой толковый психологический словарь 1—2 / А. Ребер. Т. 2: П—Я. М.: АТС, Вече, 2001. 559 с.

Будагов 1965 — *Будагов Р. А.* Введение в науку о языке. М.: Просвещение, 1965. 492 с.

Булаховский 1954 — *Булаховский Л. И.* Исторические связи русского и сербскохорватского языков // Славяне. М., 1954. № 11. С. 30—33.

Бычков, Бычков 2001 — *Бычков В. В.*, *Бычков О. В.* Эстетика // Новая Философская Энциклопедия. Т. 4. М., 2001. С. 456—466.

Бюлер 1993 — *Бюлер К.* Теория языка: репрезентативная функция языка. М.: Прогресс-Универс, 1993. 528 с.

Василенко 1967 — *Василенко С. Ф.* Нейтрализация оппозиций и грамматическая синонимия (на материале форм наклонений в современном русском языке) // Филологический сборник. Алма-Ата: Казахский гос. ун-т, 1967. С. 243—254.

Васильев 1985 — *Васильев Л. М.* «Стилистическое значение», экспрессивность и эмоциональность как категории семантики // Проблемы функционирования языка и специфики речевых разновидностей. Пермь: Пермский гос. ун-т, 1985. С. 3—9.

Васильева 1968 — *Васильева А. Н.* Глагол в разговорной речи (инфинитив) // Русский язык за рубежом. 1968. № 3. С. 24—30.

Васильева 1969а — *Васильева А. Н.* Глагол в разговорной речи (индикатив) // Русский язык за рубежом. 1969. № 3. С. 40—46.

Васильева 1969б — *Васильева А. Н.* Глагол в разговорной речи (императив) // Русский язык за рубежом. 1969. № 1. С. 39—44.

Васильева 1976а — *Васильева А. Н.* Курс лекций по стилистике русского языка: Общие понятия стилистики. Разговорно-обиходный стиль. М.: Русский язык, 1976. 239 с.

Васильева 1976б — *Васильева А. Н.* Курс лекций по стилистике русского языка. М.: Русский язык, 1976. 240 с.

Вернадский 2002 — *Вернадский В. И.* Биосфера и ноосфера. М.: Рольф, 2002. 576 с.

Виноградов 1947 — *Виноградов В. В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1947. 784 с.

Виноградов 1950 — *Виноградов В. В.* О категории модальности и модальных словах в русском языке // Труды Ин-та русского языка АН СССР. М., 1950. Т. II. С. 38—79.

Виноградов 1972 — *Виноградов В. В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1972. 614 с.

Виноградов 1975 — *Виноградов В. В.* Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. 559 с.

Виноградов 1977 — *Виноградов В. В.* Избранные труды: Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. 312 с.

Виноградов 1980 — *Виноградов В. В.* Избранные труды: О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с.

Виноградов 1986 — *Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1986. 640 с.

Винокур 1928 — *Винокур Г. О.* Глагол или имя? // Русская речь. М., 1928. Сер. 3. С. 75—93.

Винокур 1979 — *Винокур Т. Г.* Первое лицо в драме и прозе М. Булгакова // Очерки по стилистике художественной речи. М.: Наука, 1979. С. 50—65.

Вишнякова 1967 — *Вишнякова Т. А.* Некоторые количественные характеристики русской разговорной речи: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. М.: УДН им. П. Лумумбы, 1967. 19 с.

Власова 1965 — *Власова Н. С.* Формы и значения глаголов давнопрошедшего времени в современном русском языке // Труды УДН им. П. Лумумбы. 1965. Т. VIII. С. 114—132.

Володин 1958 — *Володин В. Т.* Ирреально-гипотетическое наклонение в современном русском литературном языке // Учен. зап. Куйбышевского гос. пед. и учительского ин-та им. В. В. Куйбышева. Фак-т языка и лит-ры. Куйбышев, 1958. Вып. 9. С. 195—223.

Володин, Храковский 1977 — *Володин А. П.*, *Храковский В. С.* Об основах выделения грамматических категорий (время и наклонение) // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л.: Наука, 1977. С. 42—54.

Волохина 1972 — *Волохина Г. А.* Видо-временные соотношения в сложных предложениях с придаточными присловными: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1972. 223 с.

Вольская 1982 — *Вольская Л. А.* Выражение темпоральной отнесенности действия в высказываниях с формами сослагательного и повелительного наклонений в современном русском языке: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1982. 19 с.

Вопросы 1975 — Вопросы русской аспектологии // Известия Воронежского гос. пед. ин-та. 1975. Т. 146. 151 с.

Воробей. Инфинитивная поэзия-www — *Воробей А.* Инфинитивная поэзия // http://www.livejournal.com/users/avva/1266369.html

Габинский 1969 — *Габинский М. А.* Об общеязыковых признаках частей речи // Проблемы языкознания. М.: Наука, 1969. С. 53—57.

Гак 1979 — *Гак В. Г.* Теоретическая грамматика французского языка. М.: Высшая школа, 1979. 304 с.

Гак 1983 — *Гак В. Г.* Сравнительная типология французского и русского языков. М.: Просвещение, 1983. 287 с.

Гак 1989 — *Гак В. Г.* Сравнительная типология французского и русского языков. М.: Просвещение, 1989. 288 с.

Галкин. Пространство и время у Достоевского — www: *Галкин А.* Пространство и время в произведениях Достоевского: http://www.repetitor.org/materials/dostoevsky4.html

Галкина-Федорук 1958а — *Галкина-Федорук Е. М.* Безличные предложения в современном русском языке. М.: МГУ, 1958. 332 с.

Галкина-Федорук 1958б — *Галкина-Федорук Е. М.* Об экспрессивности и эмоциональности в языке: Сб. статей по языкознанию: Проф. В. В. Виноградову [в день его 60-летия]. М.: МГУ, 1958. С. 103—124.

Гаспаров 1979 — *Гаспаров М. Л.* Фет «безглагольный» // Литературная учеба. 1979. № 4. С. 216—220.

Гвоздев 1961 — *Гвоздев А. Н.* Об одной разновидности относительного употребления будущего времени // Вопросы культуры. М., 1961. С. 82—92.

Гвоздев 1965 — *Гвоздев А. Н.* Очерки по стилистике русского языка. М.: Просвещение, 1965. 408 с.

Гвоздик 1984 — *Гвоздик А. А.* Сложные предложения с трансформированным императивом в синонимическом ряду условных предложений: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Киев: Киевский гос. пед. ин-т им. А. М. Горького, 1984. 24 с.

Гей 1975 — *Гей Н. К.* Время и пространство в структуре произведения // Контекст: 1974. М.: Наука, 1975. С. 213—228. 360 с.

Геллер 1978 — *Геллер Э. С.* Экспрессивные синтаксические средства научной речи: Методические разработки. Махачкала: Дагестанский ин-т усовершенствования учителей, 1978. 11 с.

Геллер 1979 — *Геллер Э. С.* Семантическая основа образности научного стиля (на материале научных работ по физике) // Вопросы лексической и фразеологической семантики. Ростов н/Д: Ростовский гос. пед. ин-т, 1979. С. 20—26.

Геллер 1991 — *Геллер Э. С.* Синтаксические средства экспрессивности и их роль в абзаце научных текстов: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1991. 18 с.

Генкель 1974 — *Генкель М. А.* Частотный словарь романа Д. Н. Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы». Пермь: Пермский ГУ, 1974. 509 с.

Герасименко 1980 — *Герасименко Л. А.* Время как жанрообразующий факт и его воплощение в романах Тургенева // Жанр (эволюция и специфика). Кишинев: Штиинца, 1980. С. 50—58.

Гильберт, Кун 2000 — *Гильберт К. Э.*, *Кун Г.* История эстетики. СПб.: Алетейя и др., 2000. 653 с.

Глушкова 1961 — *Глушкова Л. В.* Сравнение в системе художественной речи А. Толстого // Вопросы русского языкознания: К 80-летию А. М. Лукьяненко. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1961. С. 229—231.

Голанов 1954 — *Голанов И. Г.* Наклонения глагола в современном русском языке // Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. Кафедра русского языка. 1954. Т. LXXV. Вып. 4. С. 3—22.

Голованова 1989 — *Голованова И. П.* Точечные и интервальные модели для временных логик // Логико-философские исследования. М.: АН СССР, 1989. С. 107—126.

Головин, Урамбашев 1967 — *Головин Б. Н.*, *Урамбашев И. В.* О статистических признаках стилевой дифференциации глагольных форм современного русского литературного языка // Прикладная математика и кибернетика. Горький: Горьковский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 1967. С. 501—512.

Голуб 1986 — *Голуб И. Б.* Стилистика современного русского языка. М.: Высшая школа, 1986. 336 с.

Горбачёва 1995 — *Горбачёва Е. Ф.* Семантический и экспрессивно-стилистический потенциал нейтральной глагольной лексики // Функционирование языковых единиц в разных речевых сферах: факторы, тенденции, модели. Волгоград: Перемена, 1995. С. 15—16.

Гордеев 1984 — *Гордеев Ю. М.* О дейксисе в семантике глагольной словоформы // Русский глагол в сопоставительном освещении. Саратов: Саратовский ун-т, 1984. С. 116—121.

Горшков 1959 — *Горшков А. И.* По поводу концепции трех времен современного русского языка // Учен. зап. Читинского гос. пед. ин-та. 1959. Вып. 4. С. 259—269.

Грамматика 1960 — Грамматика русского языка: В 2 т. Том I: Фонетика и морфология / Редакц. коллегия: В. В. Виноградов и Е. С. Истрина. М.: АН СССР, 1959. 719 с.

Грамматика 1970 — Грамматика современного русского литературного языка / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1970. 767 с.

Грамматика 1977 — Грамматика и норма / Отв. ред. Л. И. Скворцов. М.: Наука, 1977. 269 с.

Грамматика-1980/I — Русская грамматика. Том I / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 783 с.

Граудина и др. 1976 — *Граудина Л. К.*, *Ицкович В. А.*, *Катлинская Л. П.* Грамматическая правильность русской речи. М.: Наука, 1976. 455 с.

Григорьев 1970 — *Григорьев В. П.* К вопросу о слове как экспрессеме // Актуальные проблемы лексикографии. Минск, 1970. С. 45—64.

Григорьев 1979 — *Григорьев В. П.* Поэтика слова. М.: Наука, 1979. 343 с.

Григорьева, Иванова 1981 — *Григорьева А. Д.*, *Иванова Н. Н.* Язык лирики XIX в.: Пушкин, Некрасов. М.: Наука, 1981. 340 с.

Гришанина 1973 — *Гришанина Е. Е.* Синонимия разных частей речи // Материалы VIII конф. преподавателей русского языка пед. ин-тов Моск. зоны. 1973. Вып. 2. Ч. 1. 241 с.

Гудков 1958 — *Гудков В. П.* Употребление инфинитива в конструкции с да в сербском языке // Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. М.: Изд-во ИМО, 1958. С. 98—112.

Гудков 1963а — *Гудков В. П.* К вопросу о будущем времени в современном сербскохорватском литературном языке // Славянская филология. М.: МГУ, 1963. Вып. 4. С. 78—97.

Гудков 1963б — *Гудков В. П.* Параллель из истории форм будущего времени в сербскохорватском и русском языках // Краткое сообщение Ин-та славяноведения АН СССР. М., 1963. Вып. 38. С. 38—45.

Гудков 1963в — *Гудков В. П.* Употребление форм будущего времени с конструкцией *да* + настоящее время в сербохорватском языке // Вестник МГУ: Серия филол. М., 1963. № 2. С. 30—39.

Гудков 1964 — *Гудков В. П.* Формы будущего времени в сербохорватском литературном языке: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. М.: Изд-во Московского ун-та, 1964. 18 с.

Гудков 1969 — *Гудков В. П.* Сербохорватский язык. М.: МГУ, 1969. 168 с.

Гулыга, Шендельс 1969 — *Гулыга Е. В.*, *Шендельс Е. И.* Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М.: Просвещение, 1969. 184 с.

Гус 1926 — *Гус М. и др.* Язык газеты. М.: Работник просвещения, 1926. 247 с.

Гуц 1973 — *Гуц Л. М.* Синонимика бессоюзных и союзных сложных предложений в современном русском языке (на материале конструкций с условно-следственными и причинными отношениями): Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Киев: Киевский гос. пед. ин-т, 1973. 25 с.

Даль 1978 — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1—4. М.: Русский язык, 1978. Т. I. 699 с.; Т. II. 779 с.; Т. III. 555с.; Т. IV. 683 с.

Де Соссюр 1977 — *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию: Пер. с франц. под ред. А. А. Холодовича. М.: Прогресс, 1977. 695 с.

Демьянова 1983 — *Демьянова Р. В.* К вопросу о структурно-семантической характеристике конструкций с частицей *бы* в русском языке в сопоставлении с испанским // Сопоставительный анализ языков в учебных целях. М.: УДН им. П. Лумумбы, 1983. С. 23—34.

Демьянова 1984 — *Демьянова Р. В.* О синтаксическом функционировании формы императива условной семантики // Коммуникативный синтаксис. М.: УДН, 1984. С. 109—120.

Дерибас 1964 — *Дерибас Л. А.* Приемы выражения первого лица в письмах А. П. Чехова // Учен. зап. МГПИ. 1964. № 216. С. 28—48.

Дешериева 1975 — *Дешериева Т. И.* Лингвистический аспект категории времени в его отношении к физическому и философскому аспектам // Вопросы языкознания. М., 1975. № 2. С. 111—117.

Долинин 1978 — *Долинин К. А.* Стилистика французского языка. Л.: Просвещение, 1978. 344 с.

Дольская 1967 — *Дольская С. Я.* Опыт применения статистических методик к изучению грамматических явлений. (Стилевая дифференциация внутривидовых значений несовершенного вида) // Учен. зап. Горьковского пед. ин-та. Горький, 1967. Вып. 68. С. 101—114.

Донецких 1980 — *Донецких Л. И.* Реализация эстетических возможностей имен прилагательных в тексте художественных произведений. Кишинев: Штиинца, 1980. 160 с.

Донецких 1982 — *Донецких Л. И.* Эстетические функции слова. Кишинев: Штиинца, 1982. 154 с.

Донская 1981 — *Донская Т. К.* Текстообразующая роль глагола и методика ее изучения // Глагол в лексической системе современного русского языка. Л.: ЛГПИ, 1981. С. 120—126.

Дремов 1961 — *Дремов Ан.* Художественный образ. М.: Советский писатель, 1961. 406 с.

Дружинина 1966 — *Дружинина А. Ф.* О метафоризации личных форм глагола в современном русском языке // Учен. зап. МОПИ: Русский язык. М., 1966. Т. 163. Вып. 12. С. 78—108.

Дружинина 1968 — *Дружинина А. Ф.* Глаголы, не употребляющиеся в современном русском языке в форме 1-го и 2-го лица // Учен. зап. МОПИ. М., 1968. Т. CXXXXVIII. Вып. 8. С. 103—117.

Дымарская-Бабалян 1959 — *Дымарская-Бабалян И. Н.* Наблюдения над употреблением личных форм глагола // Русский язык в школе. М., 1959. № 2. С. 28—30.

Дымшиц 1953 — *Дымшиц А. Л.* А. Н. Толстой о литературном языке // Вопросы советской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. II. С. 218—241.

Дюбуа и др. 1988 — *Дюбуа Ж.*, *Эделин Ф.*, *Клинкенберг Ж.-М.*, *Мэнге Ф.*, *Пир Ф.*, *Тринон А.* Общая риторика. Москва: Прогресс, 1988. 392 с.

Евстафьева 1970 — *Евстафьева В. В.* Формы глагола и стилистика. (Статистический анализ распределения глагольных форм в разных стилях русского литературного языка XIX—XX вв.) // Вісник Київського університету: Серія філол. Київ, 1970. № 12. С. 83—87.

Егоров 1974 — *Егоров Б. Ф.* Категория времени в русской поэзии XX века // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л.: Наука, 1974. С. 160—172.

Ежов, Шамурин 1972 — *Ежов И. С.*, *Шамурин Е. И.* Русская поэзия XX века // München: Wilhelm Fink Verlag, 1972. Vol. 6. 671 s.

Ереминина 1982 — *Ереминина Л. И.* Слово и контекст (стилистическое использование грамматической категории безличности в системе художественного текста) // Стилистика художественной литературы. М.: Наука, 1982. С. 45—75.

Ерофеева, Семенченко 1988 — *Ерофеева Т. И.*, *Семенченко Н. Ю.* Экспрессия в детской речи // Функциональные разновидности речи в коммуникативном аспекте. Пермь: Пермский гос. ун-т, 1988. С. 75—83.

Есперсен 2002 — *Есперсен О.* Философия грамматики. М.: Изд-во иностр. литры, 2002. 404 с.

Ефимов 1961 — *Ефимов А. И.* Стилистика художественной речи. М.: Изд-во Московского ун-та, 1961. 519 с.

Ефимов 1969 — *Ефимов А. И.* Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1969. 262 с.

Ефремов 1965 — *Ефремов А. Ф.* Изобразительно-выразительные качества русского глагола // Вопросы теории и методики изучения русского языка. Саратов: Саратовский ун-т, 1965. С. 181—188.

Жидкова 1959 — *Жидкова Г. Ф.* Некоторые наблюдения над стилистическим употреблением деепричастных оборотов в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» // Учен. зап. Томского ун-та. Томск, 1959. Вып. 39. С. 19—31.

Жиляков 1966а — *Жиляков В. И.* Стилистические функции глагольных приставок в поэзии А. В. Кольцова // Учен. зап. Курского пед. ин-та: Краткие очерки по русскому языку. Курск, 1966. Т. 25. № 2. С. 156—161.

Жиляков 1966б — *Жиляков В. И.* Экспрессивно-стилистическая роль глаголов повелительного наклонения в поэзии А. В. Кольцова // Известия Воронежского гос. пед. ин-та. Воронеж, 1966. Т. 66. С. 32—44.

Жиляков 1969 — *Жиляков В. И.* Стилистические функции частей речи в поэзии А. В. Кольцова (глагол и имя существительное): Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Ростов-на-Дону: Ростовский гос. ун-т, 1969. 17 с.

Жиляков 1973 — *Жиляков В. И.* О роли глагола и некоторых вопросах синтаксиса в произведениях А. В. Кольцова // Филологические очерки. Ростов-на-Дону: Ростовский гос. ун-т, 1973. С. 27—36.

Жолковский 2000 — *Жолковский А. К.* Бродский и инфинитивное письмо (материалы к теме) // Новое литературное обозрение. М., 2000. № 45.

Жолковский 2002 — *Жолковский А. К.* К проблеме инфинитивной поэзии (об интертекстуальном фоне «Устроиться на автобазу…» С. Гандлевского) // Известия РАН. Сер. лит. и яз. М., 2002. Т. 61. № 1. С. 34—42. Также: http://www.usc.edu/dept/las/sll/rus/ess/etk.htm

Жуковская 1982 — *Жуковская Е. Е.* Семантический анализ ряда глаголов эмоционального воздействия (установление парадигматических отношений в группе глаголов эмоционального воздействия) // Семантические классы русских глаголов. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1982. С. 33—40.

Завельский 1982 — *Завельский Ф. С.* Время и его измерение. М.: Наука, 1982. 272 с.

Законы 1961 — Законы семантического развития в языке / Под ред. Т. А. Дегтеревой. М.: ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1961. 148 с.

Зализняк 1977 — *Зализняк А. А.* Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. М.: Русский язык, 1977. 880 с.

Засорина 1966 — *Засорина Л. Н.* Автоматизация и статистика в лексикографии // Известия ЛГУ. Л., 1966. С. 128—136.

Засыпкина 1967 — *Засыпкина Т. П.* Глагольные формы настоящего времени в художественно-беллетристическом стиле современного русского языка // Учен. зап. Куйбышевского пед. ин-та. Куйбышев, 1967. Вып. 52. С. 116—134.

Засыпкина 1968 — *Засыпкина Т. П.* Глагольные формы настоящего и настоящего-будущего времени в художественно-беллетристическом стиле современного русского языка: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Куйбышев: Куйбышевский гос. пед. ин-т, 1968. 23 с.

Захарова 1975 — *Захарова А. В.* Опыт лингвистического анализа словаря детской речи: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Новосибирск: Новосибирский ун-т, 1975. 23 с.

Звегинцев 1957 — *Звегинцев В. А.* Семасиология. М.: МГУ, 1957. 323 с.

Зевгма — www: Зевгма: http://ru.wikipedia.org/wiki

Зелинская 1972 — *Зелинская А. В.* Деепричастные формы в языке А. С. Пушкина // Проблемы мови и литературы. Минск, 1972. С. 56—64.

Зинченко 1975 — *Зинченко Т. Н.* Выражение условных отношений в простом и сложноподчиненном предложении (на материале современного русского языка): Автореф. дисс. … канд. филол. наук. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1975. 19 с.

Зобов 1974 — *Зобов А. М.* О типологии пространственно-временных отношений в сфере искусства // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л.: Наука, 1974. С. 11—25.

Золотова 1973 — *Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 351 с.

Золотова 1975 — *Золотова А. Е.* Аспекты изучения категории глагольного времени // Известия АН ССР. Сер. лит. и яз. М., 1975. Т. 34. № 3. С. 248—258.

Золотова 1982 — *Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 368 с.

Иванникова 1972 — *Иванникова Е. А.* Специфика синонимических отношений глагола в связи с категорией глагольного вида // Синонимы русского языка и их особенности. Л.: Наука, 1972. С. 23—58.

Иванов 1974 — *Иванов В. В.* Категория времени в искусстве и культуре XX века // Пространство и время в литературе и искусстве. Л.: Наука, 1974. С. 39—66.

Иванов Вяч. Вс. 1981 — *Иванов Вяч. Вс.* Проблема именного стиля в русской поэзии XX века // Slavica Hierosolymitana. 1981. № 5—6. С. 277—287.

Иванова 1969 — *Иванова С. А.* Стилистические функции форм настоящего времени в современном русском языке. (Об употреблении форм настоящего времени в разных видах текстов) // Учен. зап. МОПИ: Русский язык. М., 1969. Т. 228. Вып. 15. С. 196—205.

Иванова 1970 — *Иванова Н. Н.* Глагольная перифраза в русской поэзии конца XVIII — начала XIX в. (к вопросу об эволюции поэтической фразеологии): Автореф. дисс. … канд. филол. наук. М.: Ин-т русского языка АН СССР, 1970. 23 с.

Иванова 1999 — *Иванова Е. Ю.* Конструкции экспрессивного синтаксиса. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. 96 с.

Иванчикова 1979 — *Иванчикова Е. А.* Синтаксис художественной прозы Достоевского. М.: Наука, 1979. 286 с.

Ильина 1962 — *Ильина В. М.* О стилистическом использовании категории залога // Вопросы стилистики. Саратов, 1962. Вып. 1. С. 269—278.

Ильина 1966 — *Ильина В. М.* Речевое функционирование залогов русского глагола: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Саратов: Саратовский ун-т, 1966. 23 с.

Инф. поэзия 01 — http://www.livejournal.com/users/avva/1266369.html

Инф. поэзия 02 — Simon «Cema» Hawkin, 2004-08-23: http://www.livejournal.com/users/avva/1266369.html

Инф. поэзия 03 — http://www.livejournal.com/users/avva/1266369.html

Иосифов 1981 — *Иосифов Е. П.* Сопоставительный анализ показателей направленности в русском и сербохорватском языках (Предложные сочетания приставочных глаголов движения): Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Л.: ЛГУ, 1981. 16 с.

Исаченко 1960 — *Исаченко А. В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Братислава: Словацкая академия наук, 1960. Ч. I: Морфология. 386 с.; Ч. II: Морфология. 577 с.

Исаченко 2003 — *Исаченко А. В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким: Морфология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 880 с.

Историческая 1982 — Историческая грамматика русского языка: Морфология — Глагол / Под ред. Р. И. Аванесова, В. В. Иванова. М.: Наука, 1982. 436 с.

История 1976 — История русского языка: Древнерусский период. Л.: ЛГУ, 1976. Вып. 1. 188 с.

Йоссельсон 1966 — *Йоссельсон Г. Г.* Подсчет слов и частотный анализ грамматических категорий русского литературного языка // Автоматизация в лингвистике. М.; Л.: Наука, 1966. С. 105—131.

Кавецкая 1975 — *Кавецкая Р. К.* Экспрессивно-стилистический потенциал причастных форм // Русский язык. М.: МГПИ, 1975. С. 138—150.

Каган 1974 — *Каган М. С.* Пространство и время в искусстве как проблема эстетической науки // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л.: Наука, 1974. С. 26—38.

Каган 1982 — *Каган М. С.* Время как философская проблема // Вопросы философии. М., 1982. № 10. С. 117—124.

Казарян Будущее-www — *Казарян В. П.* Будущее: http://www.chronos.msu.ru/TERMS/kazaryan_buduscheye.htm

Казарян Настоящее-www — *Казарян В. П.* Настоящее: http://www.chronos.msu.ru/TERMS/kazaryan_nastoyascheye.htm

Казарян Прошлое-www — *Казарян В. П.* Прошлое: http://www.chronos.msu.ru/TERMS/kazaryan_proshloye.htm

Калмыкова 1974 — *Калмыкова Е. И.* О динамике метафоры в научном стиле // Филологические науки. М., 1974. № 2. С. 83—88.

Капанадзе 1973 — *Капанадзе Л. А.* Номинация // Русская разговорная речь. М.: Наука, 1973. С. 403—461.

Капанадзе 1984 — *Капанадзе Л. А.* Современное городское просторечие и литературный язык // Городское просторечие: Проблемы изучения. М.: Наука, 1984. С. 5—21.

Караваев 1983 — *Караваев Э. Ф.* Основания временной логики. Л.: ЛГУ, 1983. 176 с.

Категории 1983 — Категории глагола и структура предложения: Конструкции с предикатными актантами / Отв. ред. В. С. Храковский. Л.: Наука, 1983. 248 с.

Кауфман 1961 — *Кауфман С. И.* Об именном характере технического стиля (на материале американской литературы) // Вопросы языкознания. М., 1961. № 5. С. 103—108.

Кауфман 1970 — *Кауфман С. И.* Из курса по статистической стилистике. М., 1970. 319 с.

Квасова 1993 — *Квасова Л. В.* Художественное время в разноязычных текстах (на материале лирики Ф. Тютчева и П. Шелли) // Речевое мышление и текст. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1993. С. 56—66.

Квятковский 2000 — *Квятковский А. П.* Школьный поэтический словарь. 2-е изд. М.: Дрофа, 2000. 464 с.

Кириченко 1978 — *Кириченко Н. В.* О функционировании кратких страдательных причастий в научном стиле (сопоставительно с художественным) // Функциональные стили в синхронном и диахроническом аспектах. Пермь: Пермский ун-т, 1978. С. 73—88.

Киселёва 1973 — *Киселёва Л. А.* Теоретические исследования языка как средства воздействия: Автореф. дисс. … докт. филол. наук. М.: МГУ, 1973. 48 с.

Киселёва 1978 — *Киселёва Л. А.* Вопросы теории речевого воздействия. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1978. 158 с.

Киселёва 1984 — *Киселёва Л. П.* Синтаксическая синонимия конструкций, выражающих условные отношения: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Л.: ЛГУ, 1984. 18 с.

Клочкова 1968 — *Клочкова Э. А.* О распределении классов слов в некоторых функциональных стилях // Вопросы славянского языкознания. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1968. С. 109—118.

КЛЭ 1962—1978 — Краткая литературная энциклопедия: Т. 1—9 / Гл. ред. А. А. Сурков. М.: Советская энциклопедия, 1962—1978.

Князев 1980 — *Князев Ю. П.* Взаимосвязи наклонений в русском языке // Функциональный анализ единиц морфолого-синтаксического уровня. Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 1980. С. 55—66.

Ковалёв 1984 — *Ковалёв Н. С.* О соотношении парадигматики и синтагматики модальных глаголов в предикативном центре предложения (на материале сербохорватского и русского языков) // Русский глагол в сопоставительном освещении. Саратов: Саратовский ун-т, 1984. С. 100—105.

Ковтунова 1978 — *Ковтунова И. И.* Соотношение нейтральных и экспрессивных форм словорасположения в истории русского литературного языка нового времени // Виноградовские чтения I—VIII: Русский язык. Вопросы его истории и современного состояния. М.: Наука, 1978. С. 106—118.

Ковтунова 1986 — *Ковтунова И. И.* Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. 206 с.

Кожин и др. 1982 — *Кожин А. Н.*, *Крылова О. А.*, *Одинцов В. В.* Функциональные типы русской речи М.: Высшая школа, 1982. 223 с.

Кожина 1962 — *Кожина М. Н.* О понятии стиля и месте языка художественной литературы среди функциональных стилей. Пермь: Пермское книжное изд-во, 1962. 62 с.

Кожина 1971 — *Кожина М. Н.* К проблеме экспрессивности научной речи // Учен. зап. Пермского ун-та. Исследования по стилистике. Пермь: Пермский ун-т, 1971. Вып. 3. № 244. С. 25—41.

Кожина 1972 — *Кожина М. Н.* О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь: Пермский ун-т, 1972. 395 с.

Кожина 1977 — *Кожина М. Н.* Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1977. 223 с.

Козлова 1967 — *Козлова В. Е.* Употребление возвратных причастий в разговорной речи. Вопросы теории и истории русского языка // Сев.зап. кн. изд-во, Вологодский пед. ин-т, Череповский пед. ин-т. 1967. 175 с. С. 11—21.

Колесников 1981 — *Колесников Н. П.* Синтаксическая омонимия в простом предложении. Ростов: Изд-во Ростовского ун-та, 1981. 145 с.

Колосова 1974 — *Колосова Т. А.* О понятиях и терминах описания структурно-семантической недостаточности высказываний // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 1974. Вып. 3. С. 140—145.

Кондаков 1975 — *Кондаков Н. И.* Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. 720 с.

Кордуэлл 1999 — *Кордуэлл М.* Психология: А—Я. Словарь-справочник. Москва: Фашр-Пресс, 1999. 448 с.

Кормилицина 1977 — *Кормилицина М. А.* Глаголы движения в разговорной речи // Вопросы стилистики. Саратов, 1977. Вып. 13. С. 23—38.

Королькова 1973 — *Королькова А. В.* К вопросу об общих и частных значениях категории наклонения (на материалах брянских говоров) // Функциональный анализ грамматических категорий. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1973. Ч. 1. С. 103—122.

Королькова 1981 — *Королькова А. В.* Синонимические ряды с безличными глаголами // Глагол в лексической системе современного русского языка. Л.: ЛГПИ, 1981. С. 86—93.

Коростовцев 1969 — *Коростовцев М. А.* О природе египетского глагола // Вопросы языкознания. М., 1969. № 4. С. 101—106.

Костомаров 1971 — *Костомаров В. Г.* Русский язык на газетной полосе. М.: МГУ, 1971. 267 с.

Костомаров 1999 — *Костомаров В. Г.* Языковой вкус эпохи. 3-е изд. СПб.: Златоуст, 1993. 320 с.

Косточук 1981а — *Косточук Л. Я.* Возникновение и функционирование устойчивых словосочетаний (на материале глагольных выражений) // Глагол в лексической системе современного русского языка. Л.: ЛГПИ, 1981. С. 155—161.

Косточук 1981б — *Косточук Л. Я.* Глагольные фразеологизмы в текстах древнерусских памятников // Глагол в лексической системе современного русского языка. Л.: ЛГПИ, 1981. С. 132—154.

Кочерга-Бортэ 1970 — *Кочерга-Бортэ Л. В.* К вопросу о возможности структурного прогнозирования категории условия // Учен. зап. Бельцкого пед. ин-та. 1970. Вып. 14. С. 45—51.

Кошевая 1972 — *Кошевая И. Г.* Типологические структуры языка (сфера видо-временных значений). Киев: Изд-во Киевского ун-та, 1972. 234 с.

Краснов 1968 — *Краснов В. Г.* Употребительность причастий в современном русском языке // Русский язык в школе. М., 1968. № 5. С. 112—115.

Кретова 1956 — *Кретова В. Н.* Употребление причастий в разговорной речи // Известия Воронежского пед. ин-та. Воронеж, 1956. Т. 20. С. 17—24.

Кржижкова 1962 — *Кржижкова Е.* Некоторые проблемы изучения категории времени в современном русском языке // Вопросы языкознания. М., 1962. № 3. С. 17—26.

Кржижкова 1963 — *Кржижкова Е.* Еще о форме сослагательного наклонения в современном русском языке // Научные доклады Высшей школы: Филологические науки. М., 1963. № 1. С. 168—172.

Кроче 2000 — *Кроче Б.* Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика. М.: Intrada MM, 2000. 160 с.

Крылова 1961 — *Крылова И. П.* Соотносительное употребление видо-временных форм и форм наклонений в сложноподчиненных предложениях с придаточными условиями // Учен. зап. I МГПИИЯ: Вопросы языкознания, грамматики, лексикологии и стилистики. М., 1961. Т. XXV. С. 194—218.

Крысин 1998 — *Крысин Л. П.* Толковый словарь иноязычных терминов. М.: Русский язык, 1998. 847 с.

КСЭ 1983 — Краткий словарь по эстетике / Под общ. ред. М. Ф. Овсянникова, В. А. Разумного. М.: Политиздат, 1983. 543 с.

Кубик 1967 — *Кубик М.* Условные конструкции и система сложного предложения. Praha: Univ. Karlova, 1967. 229 с.

Кузнецова 1981 — *Кузнецова Л. К.* Функционирование сложноподчиненного предложения ирреального условия в тексте // Функционирование синтаксических категорий в тексте. Л., 1981. С. 99—105.

Кузнецова 1993 — *Кузнецова Т. Я.* К вопросу о категории времени и ее роли в организации текста // Проблемы лингвистики текста (на материале романских языков). Архангельск: Изд-во Поморского гос. пед. ин-та, 1993. С. 32—41.

Кузьмина 1972 — *Кузьмина Ю. А.* К вопросу о языковых средствах создания художественного времени // Вопросы языка и его истории. Томск: Томский ун-т, 1972. С. 70—76.

Кузьмина 1974 — *Кузьмина Ю. А.* К вопросу о стилистическом использовании категории времени // Теоретические и методические проблемы грамматики и стилистики русского языка: Докл. и сообщ. межвуз. семинара каф. русского языка вузов Зап. Сибири. Барнаул: Барнаул пед ин-т, 1974. С. 196—205.

Кузьмина, Немченко 1971 — *Кузьмина И. Б.*, *Немченко Е. В.* Синтаксис причастных форм в русских говорах. М.: Наука, 1971. 311 с.

Кулькова 1979 — *Кулькова Р. А.* Об употреблении сослагательного наклонения в значении индикатива // Вопросы теории и практики преподавания русского языка как иностранного. М.: МГУ, 1979. С. 94—99.

Кулькова 1986 — *Кулькова Р. А.* Функционирование сослагательного наклонения в современном русском языке: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. М.: МГУ, 1986. 22 с.

Лаврова 1970 — *Лаврова Н. Н.* Имена существительные в научном стиле // Статистическое изучение языка и стилей речи. Горький: Горьковский ГУ, 1970. Вып. 1. С. 36—39.

Лагута 2000 — *Лагута О. Н.* Логика и лингвистика. Новосибирск: 2000. 116 с. Также: http://www.philology.ru/linguistics1/laguta-00.htm

Ламбарджян 1981 — *Ламбарджян С. П.* Значение уверенности/неуверенности в разных по целенаправленности типах простого предложения в русском языке: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. М.: МГУ, 1981. 21 с.

Лапп 1988 — *Лапп Л. М.* Об эмоциональности научного текста // Функциональные разновидности речи в коммуникативном аспекте. Пермь: Пермский гос. ун-т, 1988. С. 92—96.

Лаптева 2003 — *Лаптева О. А.* Русский разговорный синтаксис. М.: Едиториал УРСС, 2003. 400 с.

Латышева 1983 — *Латышева А. Н.* Семантика условных предложений: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. М.: МГУ, 1983. 186 с.

Лебедев Принципы–www — *Лебедев И. С.* Принципы обработки естественно-языковых запросов в системах лингвистического обеспечения. http://zhurnal.ape.relarn.ru/articles/2004/157.pdf

Лебедева 1963 — *Лебедева Г. Ф.* Изучение желательного значения формы сослагательного наклонения в простом предложении // Вопросы теории и методики преподавания русского языка иностранцам. М.: Изд-во МГУ, 1963. С. 189—208.

Лебедева 1964 — *Лебедева Г. Ф.* Значение и употребление форм сослагательного наклонения в простом предложении (на материале работы с иностранными учащимися) // В помощь преподавателям русского языка иностранцам. М.: Изд-во МГУ, 1964. С. 36—69.

Лебедева 1973 — *Лебедева Н. В.* Об эстетической функции и лингвистических основах поэтической речи // Проблемы грамматики и стилистики английского языка. М.: МГПИ им. В. И. Ленина. С. 58—68.

Леонтьев 1965 — *Леонтьев А. А.* Слово в речевой деятельности: Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности. М.: Наука, 1965. 245 с.

Леонтьев 1968 — *Леонтьев А. А.* Общественные функции языка и их функциональные эквиваленты // Язык и общество. М.: Наука, 1968. С. 99—110.

Лещинская 1952 — *Лещинская В. М.* Модально-экспрессивное употребление времен глагола в русском и немецком языках и вопросы его перевода: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Киев: Киевский гос. ун-т, 1952. 17 с.

Лившиц 1969 — *Лившиц Я. З.* Язык и стиль служебных документов. М.: Советские архивы, 1969. С. 97—101.

Лилова 1989 — *Лилова Г. Г.* Авторизация и ее выражение посредством глагольных предикативов в предложениях русского языка: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. М.: МГУ, 1989. 19 с.

Литературная энциклопедия 2001 — Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001. 1600 стб.

Литературный 1987 — Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. 752 с.

Лихачёв 1967 www — *Лихачёв Д. С.* Поэтика художественного времени // http://ksanak.narod.ru/Book/poet

Лихачёв 1967 — *Лихачёв Д. С.* Поэтика художественного времени // *Лихачёв Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. Л.: Наука, 1967. С. 212—352. Также: http://ksana-k.narod.ru/Book/poet

Лихачёв 1973 — *Лихачёв Д. С.* Несколько мыслей о «неточности» искусства и стилистических направлениях // Philologica: Исследования по языку и литературе. Л.: Наука, 1973. С. 394—400.

Лихачёв 1997 — *Лихачёв Д. С.* Концепты русской культуры // От теории словесности к структуре текста. М.: Academia, 1997. С. 280—287.

Логинова 1975 — *Логинова К. А.* Деловая речь и ее стилистические изменения в советскую эпоху: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. М.: Ин-т русского языка, 1975. 25 с.

Логическая 1967 — Логическая семантика и модальная логика. М.: Наука. 1967. 279 с.

Локшина 1979 — *Локшина И. А.* Статальный пассив в научном стиле // Вопросы теории и практики преподавания русского языка как иностранного. М.: Изд-во Московского ун-та, 1979. С. 42—49.

Ломов 1977а — *Ломов А. М.* Временная система русского глагола и ее особенности // Школьная научная грамматика. Воронеж: Воронежский ун-т, 1977. С. 84—93.

Ломов 1977б — *Ломов А. М.* О способах выражения волеизъявления в русском языке // Русский язык в школе. М., 1977. № 2. С. 90—93.

Ломтев 1969 — *Ломтев Т. П.* Законы выбора глаголов и их эквивалентов при конструировании предложения // Актуальные вопросы преподавания русского языка и литературы. М.: Изд-во МГУ, 1969. С. 216—217.

Лопухина 1985 — *Лопухина Р. В.* Семантика и функция конструкций с частицей *бы* в современном русском языке: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. М.: УДН им. П. Лумумбы, 1985. 17 с.

Лосев 2000а — *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития: В 2 кн. Харьков, М.: Фолио, АТС, 2000. Кн. 1: 832 с.; Кн. 2: 688 с.

Лосев 2000б — *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Поздний эллинизм. Харьков: Фолио; Москва: АТС, 2000. 960 с.

Лукин 1973 — *Лукин М. Ф.* Трансформация частей речи в современном русском языке. Донецк: Донецкий гос. ун-т, 1973. 100 с.

Лукиных 1965 — *Лукиных Т. И.* Стилистическая роль и особенности экспрессивных глаголов-синонимов. «Экспрессивные особенности глаголов, синонимичных в переносных значениях» (на материале произведений А. Н. Толстого) // Сб. аспирантских работ: Сер. историко-филологическая. Иркутск: Иркутский гос. пед. ин-т, 1965. Вып. 2. С. 76—96.

Лукиных 1966а — *Лукиных Т. И.* Роль глаголов-синонимов в осуществлении «единства жеста и слова» в художественных произведениях А. Н. Толстого // Вопросы истории и стилистики русского языка. Иркутск: Иркутский гос. пед. ин-т, 1966. С. 3—13.

Лукиных 1966б — *Лукиных Т. И.* Экспрессивные возможности и стилистические функции глаголов-синонимов в художественной прозе (на материале произведений

А. Н. Толстого.): Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 1966. 21 с.

Лукьянова 1980 — *Лукьянова Н. А.* О термине экспрессив и о функциях экспрессивов русского языка // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 1980. Вып. 9. С. 3—22.

Лукьянова 1986 — *Лукьянова Н. А.* Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики. Новосибирск: Наука, 1986. 230 с.

ЛЭС 1990 — Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.

Ляпон 1979 — *Ляпон М. В.* Взаимодействие категории отрицания и ирреальности в тексте // Синтаксис текста. М.: Наука, 1979. С. 204—213.

Ляпунова 1954 — *Ляпунова О. В.* Личные формы глаголов в художественной прозе А. С. Пушкина: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Горький: Горьковский гос. ун-т, 1954. 20 с.

Малеев 1977 — *Малеев Б. Г.* О некоторых типах обобщенно-личного употребления форм 2-го лица единственного числа в современном русском языке // XXX Герценовские чтения. Л.: ЛГПИ им. А. И. Жданова, 1977. С. 23—26.

Малинович 1990 — *Малинович Ю. М.* Эмоционально-экспрессивные элементы синтаксиса современного немецкого языка: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Иркутск: Ленинградское отд. Ин-та языкознания АН СССР, 1990. 34 с.

Манучарян 1964 — *Манучарян Р. С.* О некоторых количественных характеристиках при изучении поэтического языка В. Брюсова // Брюсовские чтения 1963 года. Ереван: Ереванский ун-т, 1964. С. 175—188.

Марейчева 1977 — *Марейчева Э. В.* Количественные способы глагольного действия // Научные труды Курского пед. ин-та. Курск, 1977. Т. 179. С. 73—81.

Марков 1960 — *Марков Ю. А.* Лексическая статистика и отбор словарного минимума // Русский язык в национальной школе. М., 1960. № 3. С. 3—14.

Марков 1963 — *Марков Ю. А.* О роли лексической статистики при отборе словарного минимума // Русский язык в национальной школе. М., 1963. № 4. С. 12—20.

Марков 1964 — *Марков Ю. А.* К вопросу о частотности грамматических категорий // Русский язык в национальной школе. М., 1964. № 4. С. 19—20.

Мартынов 1983 — *Мартынов В. В.* Язык в пространстве и времени: К проблеме глоттогенеза славян. М.: Наука, 1983. 108 с.

Маслов 1984 — *Маслов Б. А.* Очерки по аспектологии. Л.: ЛГУ, 1984. 263 с.

Маслов 1990а — *Маслов Ю. С.* Глагол // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 105.

Маслов 1990б — *Маслов Ю. С.* Настоящее время // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 323.

Маслов 1990в — *Маслов Ю. С.* Прошедшее время // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 403.

Маслов 1990г — *Маслов Ю. С.* Будущее время // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 77.

Маслова 1997 — *Маслова В. А.* Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста. Минск: Вышэйшая школа, 1997. 156 с.

Матвеева 1976 — *Матвеева Т. В.* О классификации экспрессивных глаголов по типу семной структуры // Исследования по семантике. Уфа: Башкирский гос. ун-т, 1976. С. 43—54.

Матвеева 1982 — *Матвеева Т. В.* Экспрессивная глагольная лексика в свете теории лексико-семантических групп (на материале уральских говоров) // Семантические классы русских глаголов. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1982. С. 28—32.

Матвеева 1991 — *Матвеева Т. В.* К соотношению семантики производного экспрессивного глагола с семантикой его составляющих // Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Проблемы семантики. Томск: Изд-во Томского ун-та. 1991. С. 166—169.

Медриш 1974 — *Медриш Д. Н.* Структура художественного времени в фольклоре и литературе // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л.: Наука, 1974. С. 121—142.

Меликян 2001 — *Меликян В. Ю.* Словарь: Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи. М.: Флинта, Наука, 2001. 240 с.

Мещанинов 1982 — *Мещанинов И. И.* Глагол. Л.: Наука, 1982. 272 с.

Милованова 1976 — *Милованова Н. Я.* Наблюдения над некоторыми средствами экспрессивности научной речи (на материале произведений акад. В. В. Виноградова) // Учен. зап. Пермского ун-та. Исследования по стилистике. Пермь, 1976. Вып. 5. С. 140—150.

Милых 1945 — *Милых М. К.* Вопросы грамматической стилистики (к синонимике частей речи) // Учен. зап. Рост. н/Д. ун-та: Русское языкознание. Ростов-на-Дону, 1945. Вып. 1. С. 31—96.

Митрофанова 1973 — *Митрофанова О. Д.* Отглагольные имена существительные в научных текстах (к вопросу о «номинативном характере» научного стиля) // Филологические науки. М., 1973. № 5. С. 54—65.

Митрофанова 1975 — *Митрофанова О. Д.* Глагол в научной речи // Русский язык в школе. М., 1975. № 2. С. 80—86.

Михайлов 1968 — *Михайлов М. М.* Стилистика русской речи. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во. 1968. 371 с.

Михеева 1973 — *Михеева Н. С.* Корреляционные зависимости между частями речи как характеристики языкового стиля писателя // Лексика. Типология. Стили. Горький, 1973. Вып. 2. С. 100—107.

Мишаева 1978 — *Мишаева М. Д.* Экспрессивно-функциональная характеристика публицистического стиля // Вопросы стилистики русского языка. Ульяновск: Ульяновский гос. пед. ин-т, 1978. С. 3—52.

Можаева 1954 — *Можаева И. Е.* История употребления простых прошедших времен в сербохорватском языке: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. М.: МГУ, 1954. 15 с.

Молчанов 1974 — *Молчанов В. В.* Время как прием мистификации читателя в современной западной литературе // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л.: Наука, 1974. С. 200—209.

Молчанов 1977 — *Молчанов Ю. Б.* Четыре концепции времени в философии и физике. М.: Наука. 1977. 192 с.

Моль 1966 — *Моль А.* Теория информации и эстетическое восприятие. М.: Мир, 1966. 351 с.

Мордвинцева 1977 — *Мордвинцева Н. И.* Омонимия глагольных словоформ // Школьная и научная грамматика: Сб. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1977. С. 96—98.

Москвин 1993 — *Москвин В. П.* Семантика и синтаксис русского глагола. Киев: Киевский ГПИИЯ, 1993. 245 с.

Мостепаненко 1969 — *Мостепаненко А. М.* Проблема универсальности основных свойств пространства и времени. Л.: Наука, 1969. 229 с.

Муханов 1998 — *Муханов И. Л.* Речевая экспрессия в ее соотношении с эмоциями и субъективной оценкой // Экспрессия в языке и в речи. М.: Ин-т русского языка им. А. С. Пушкина, 1998. С. 48—50.

Мучник 1961 — *Мучник И. П.* Двувидовые глаголы в русском языке // Вопросы культуры. М., 1961. № 3. С. 93—115.

Мучник 1971 — *Мучник И. П.* Грамматические категории глагола и имени в современном литературном языке. М.: Наука, 1971. 198 с.

Мыркин 1981 — *Мыркин В. Я.* Абсолютное и относительное употребление грамматического времени в русском языке // Грамматическая семантика языковых единиц. Вологда: Вологодский гос. пед. ин-т, 1981. С. 56—66.

Небыкова 1972 — *Небыкова С. И.* Структура предложений современного русского языка с точки зрения содержания модальности возможности и необходимости: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. М.: МГУ, 1972. 198 с.

Неверова 1973 — *Неверова Н. В.* Служебные слова как диагностирующие показатели стилей современного русского литературного языка: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Минск: Белорусский гос. ун-т, 1973. 19 с.

Некрасов 1865 — *Некрасов Н. А.* О значении форм русского глагола. СПб., 1865. 320 с.

Некрасов 1865 — *Некрасов Н. П.* О значении форм русского глагола. СПб.: Тип. и лит. И. Паульсона и К°, 1865. 313 с.

Нелисов 1968 — *Нелисов Е. А.* О глагольных аналитических формах и морфологических сочетаниях // Филологический сборник. Алма-Ата: Казанский гос. ун-т, 1968. Вып. 8—9. С. 112—125.

Нелисов 1971 — *Нелисов Е. А.* О форме сослагательного наклонения // Филологический сборник. Алма-Ата: Казанский гос. ун-т, 1971. Вып. 10. С. 112—125.

Нелисов 1973 — *Нелисов Е. А.* Употребление частицы *бы* в независимых предложениях // Русское языкознание. Алма-Ата: Казанский гос. унт, 1973. Вып. 2. С. 92—99.

Нелисов 1977 — *Нелисов Е. А.* Об историческом изменении грамматического отражения времени // Научн. труды Курского пед. ин-та. Курск, 1977. Т. 179. С. 82—93.

Нефёдова 2001 — *Нефёдова Е. А.* Экспрессивный словарь диалектной личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. 144 с.

Нехлина 1969 — *Нехлина Р. А.* К вопросу об экспрессивности (на материале немецкого языка) // Учен. зап. Пермского пед. ин-та: «Вопросы романской и германской

филологии и методики преподавания иностранных языков». Пермь, 1969. Т. 63. С. 15—28.

Никитевич 1962 — *Никитевич В. М.* Грамматические категории имени и глагола в русском языке. Алма-Ата: Казахский гос. ун-т им. С. М. Кирова, 1962. 310 с.

Никитина 1961 — *Никитина С. Е.* К вопросу о синонимии действительного и страдательного оборотов // Вопросы языкознания: К 80-летию А. М. Лукьяненко. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1961. С. 215—223.

Никитина 1973 — *Никитина Э. Г.* Система временных сложноподчиненных предложений в русском языке: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. М.: Ин-т русского языка АН СССР, 1973. 430 с.

Никитин, Васильева 1996 — *Никитина С. Е.*, *Васильева Н. В.* Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов: Принципы составления и избранные словарные статьи. М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. 171 с.

Николаева 1979 — *Николаева В. В.* Эстетика языка и речи. Л.: Знание, 1979. 39 с.

Николина 1988 — *Николина Н. А.* Экспрессивные возможности транспозиции в художественной речи // Явления переходности в грамматическом строе современного русского языка. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1988. С. 116—130.

Николюкина 1987 — *Николюкина С. А.* Проблема художественного времени в «Зимней сказке» У. Шекспира // Вестник Московского ун-та. Сер. 9: Филология. М., 1987. № 1. С. 66—66.

Новиков и др. 1987 — *Новиков Л. А.*, *Иванов В. В.*, *Кедайтене Е. И.*, *Тихонов А. Н.* Современный русский язык. Теоретический курс. Лексикология. М.: Русский язык, 1987. 160 с.

Новое 1980 — Новое в зарубежной лингвистике: Лингвостилистика / Сост. и вступ. ст. Гальперина И. Р. М.: Прогресс, 1980. Вып. IX. 431 с.

Обнорский 1948 — *Обнорский С. П.* Культура русского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 32 с.

Ожегов 1990 — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. 23-е изд. М.: Русский язык, 1990. 917 с.

Ожегов, Шведова 1996 — *Ожегов С. И.*, *Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. 3-е изд. М.: Азъ, 1996. 928 с.

Опыт стил. анализа 01 — www: Опыт стилистического анализа прозы Пушкина: http://rinasolo.narod.ru/pushkin.html

Орехова 1973 — *Орехова Т. П.* Стилевая дифференциация глагольных форм настоящего-будущего времени в современном русском языке (разговорный стиль в сопоставлении с художественно-беллетристическим) // Вопросы современного русского литературного языка. Челябинск: Челябинский пед. ин-т, 1973. Вып. 6. С. 160—165.

Оррас 1959 — *Оррас Б. А.* О задачах стилистической характеристики частей речи // Научные доклады Высшей школы: Филологические науки. М., 1959. № 1. С. 82—90.

Осипов 1970 — *Осипов Ю. М.* Об уточнении понятия «эмоциональность» как лингвистического термина // Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина: «Проблемы синтаксиса английского языка». М., 1970. № 422. С. 116—127.

Падучева 1989 — *Падучева Е. В.* О семантике грамматических категорий времени и вида в повествовательном тексте // Семиотика и информатика. М.: ВИНИТИ, 1989. Вып. 29. С. 164—176.

Палевская 1964 — *Палевская М. Ф.* Синонимы в русском языке. М.: Просвещение, 1964. 128 с.

Панасюк 1972 — *Панасюк А. Т.* К вопросу об экспрессивном значении синтаксических конструкций // Современный русский язык и методика его преподавания. Душанбе: Таджикский гос. ун-т им. В. И. Ленина, 1972. Ч. 2. С. 20—29.

Панфилов 1982 — *Панфилов В. С.* К вопросу о категории времени во вьетнамском языке // Вопросы языкознания. М., 1982. № 3. С. 73—82.

Панченко 1993 — *Панченко О. Н.* Номинативные и инфинитивные ряды в строе стихотворения // Очерки истории русской поэзии XX века. Грамматические категории. Синтаксис текста. М.: Наука, 1993. С. 81—100.

Парменова 1973 — *Парменова Т. В.* О вариантах модального значения возможности при употреблении сослагательного наклонения в современном русском языке // Принципы и методы лексико-грамматических исследований: Научн. доклады II Межкафедрального семинара аспирантов-языковедов (8—9 октября 1973). Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1973. С. 81—85.

Парменова 1975а — *Парменова Т. В.* Гипотетическая модальность в сложноподчиненном предложении (в современном русском языке) // XXVII Герценовские чтения. Филол. науки: Лингвистика. Л.: ЛГПИ им. А. И. Жданова, 1975. (9). С. 54—57.

Парменова 1975б — *Парменова Т. В.* О роли контекста при функционировании форм сослагательного наклонения в значении желательности // XXVI Герценовские чтения. (6). Филол. науки: Лингвистика. Л.: ЛГПИ им. А. И. Жданова, 1975. С. 13—16.

Парменова 1975в — *Парменова Т. В.* Функционирование сослагательного наклонения в современном русском языке: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1975. 23 с.

Патроева 2002 — *Патроева Н. В.* Поэтический синтаксис: категория осложнения. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002. 334 с.

Пахуткин 1973 — *Пахуткин П. И.* Функциональные особенности речевой образности в научном стиле: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1973. 33 с.

ПВД 1971 — Ритм, пространство и время в литературе и искусстве / Отв. ред. Б. С. Мейлах. Л.: Наука. 1971. 299 с.

Петрищева 1977 — *Петрищева Е. Ф.* Лексика и фразеология в авторском повествовании от 1-го лица // Языковые процессы в современной русской художественной литературе. М.: Наука, 1977. С. 241—288.

Петрищева 1984 — *Петрищева Е. Ф.* Стилистически окрашенная лексика русского языка. М.: Наука, 1984. 221 с.

Петров 1974 — *Петров В. М.* Лексико-семантическое моделирование реального времени в поэзии // Научн. труды Омского пед. ин-та. Омск, 1974. Вып. 89. С. 52—59.

Петров 1982 — *Петров Н. Е.* О содержании и объеме языковой модальности. Новосибирск: Наука, 1982. 161 с.

Петрова 1970а — *Петрова И. А.* К вопросу о влиянии категории залога на метафоризацию глагола в русском языке // Учен. зап. Горьковского гос. пед. ин-та. Горький, 1970. С. 140—144.

Петрова 1989 — *Петрова Н. Н.* О двух уровнях анализа художественного хронотопа в поэтическом тексте // Текстовый и сентенциональный уровень стилистического анализа. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1989. С. 83—92.

Пешковский 1927 — *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. 2-е изд. М.: Госиздат, 1927. 504 с.

Пешковский 1959 — *Пешковский А. М.* Глагольность как выразительное средство // *Пешковский А. М.* Избр. труды. М.: Учпедгиз, 1959. С. 101—111.

Пиотровский 1956 — *Пиотровский Р. Г.* Очерки по грамматической стилистике французского языка: Морфология. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1956. 199 с.

Пискунов 1965 — *Пискунов П. К.* Стилистическое использование деепричастий и деепричастных оборотов в „Поднятой целине“ М. Шолохова // Вестник ЛГУ: Сер. истории, языка и лит-ры. Л., 1965. Т. 14. Вып. 3. С. 117—126.

Плоткин 1962 — *Плоткин В. Я.* О форме сослагательного наклонения в современном русском языке // Научн. доклады Высшей школы: Филологические науки. М., 1962. № 2. С. 41—47.

Плотникова 1975 — *Плотникова О. С.* Глагольное видообразование и некоторые особенности функционирования видов в словенском литературном языке: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. М.: МГУ, 1975. 18 с.

Плотникова 1992 — *Плотникова Е. И.* Экспрессивные реализации модели предложений с глаголами перемещения // Функциональная семантика слова. Свердловск: Свердловский гос. пед. ун-т, 1992. С. 47—53.

Познякова 1980 — *Познякова Н. А.* Образ художественного времени в творчестве К. Паустовского и Я. Ивашкевича // Zeitschrift für Slawistik. Berlin, 1980. Bd. 25. H. 1. S. 85—92.

Покровская 1992 — *Покровская Е. А.* Эллипсис авторской ремарки при прямой речи как экспрессивное средство современной художественной прозы // Проблемы экспрессивной стилистики. Ростов-на-Дону: Издво Ростовского ун-та. 1992. С. 115—123.

Поливанов. Историческое языкознание — www: *Поливанов Е. Д.* Историческое языкознание и языковая политика: http://www.ruthenia.ru/apr/textes/polivan/poliv1.htm

Полищук 1967 — *Полищук Г. Г.* Прилагательные в разных стилях речи // Язык и общество. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1967. Вып. 1. С. 36—44.

Поспелов 1947 — *Поспелов Н. С.* Учение акад. Белича о синтаксическом индикативе и синтаксическом релятиве // Доклады и сообщения филол. фак-та МГУ. М., 1947. Вып. 3. С. 17—24.

Поспелов 1952 — *Поспелов Н. С.* Категория времени в грамматическом строе русского глагола // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 286—305.

Поспелов 1966 — *Поспелов Н. С.* О двух рядах грамматических значений глагольных форм времени в современном русском языке // Вопросы языкознания. М., 1966. № 2. С. 17—29.

Поспелов 1968 — *Поспелов Н. С.* О соотношении грамматических значений глагольных форм времени в русском языке // Проблемы современной лингвистики. М.: Изд-во Московского ун-та, 1968. С. 111—137.

Поташкина 1977 — *Поташкина Ю. А.* О типах временной локализации событий и категориях абсолютного и относительного времени в русском языке // Научн. труды Курского гос. пед. ин-та: Проблемы грамматики русского языка. Курск. 1977. Т. 179. С. 94—109.

Потебня 1941 — *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 320 с.

Потебня 1958 — *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. 1—2. М.: Госучпедгиз, 1958. 536 с.

Потебня 1968 — *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. 3. М.: Госучпедгиз, 1968. 551 с.

Потебня 1976 — *Потебня А. А.* Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. 614 с.

Потебня 1977 — *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. 4. М.: Просвещение, 1977. 406 с.

Причастие — www: Причастие. Совершенствование написанного: http://win.subscribe.ru/archive/lit.writer.fantazi/200302/23131000.html

Прокопович 1969 — *Прокопович Е. Н.* Стилистика частей речи (глагольные словоформы). М.: Просвещение, 1969. 143 с.

Прокопович 1982 — *Прокопович Е. Н.* Глагол в предложении: Семантика и стилистика видо-временных форм. М.: Наука, 1982. 287 с.

Просвирина 1984 — *Просвирина О. А.* Глагольно-именные связанные словосочетания перифрастического типа в современном сербскохорватском литературном языке: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. М.: МГУ, 1984. 21 с.

Проскурякова 1981 — *Проскурякова И. Г.* Опорные глаголы синонимических рядов в качестве членов лексико-семантических групп // Глагол в лексической системе современного русского языка. Л.: ЛГПИ, 1981. С. 80—86.

Прянишников 1974 — *Прянишников Е. А.* Допустимы ли в законодательном языке тропы // Учен. зап. Пермского ун-та: Государство, право, законность. Пермь, 1974. Т. 300. Вып. 5. С. 73—78.

Психологический словарь 1983 — Психологический словарь / Под ред. В. М. Давыдова, А. В. Запорожца, Б. Ф. Ломова и др. М.: Педагогика, 1983. 448 с.

Психологический словарь 2003 — Психологический словарь / Под общей ред. Ю. Л. Неймера. Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. 640 с.

Пузин 1962 — *Пузин Г. С.* Глаголы лексической (объективной) экспрессии и их стилистические функции в романе М. А. Шолохова «Поднятая целина» // Учен. зап. Коми пед. ин-та. Сыктывкар, 1962. Вып. 10. С. 3—14.

Пуленко 1988 — *Пуленко И. А.* Экспрессивность синтаксиса публичных речей (синтаксический параллелизм и порядок слов в подготовленных выступлениях деяте-

лей ФПК): Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Минск: Минский гос. пед. ин-т иностранных языков, 1988. 21 с.

Радзиховская 1973 — *Радзиховская В. К.* К вопросу об экспрессивном словообразовании в области русского глагола (на материале поэтической речи В. В. Маяковского) // Вопросы синтаксиса и лексики современного русского языка. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1973. С. 189—202.

Развитие 1980 — Развитие и функционирование русского глагола. Волгоград: Волгоградский пед. ин-т, 1980. 128 с.

Разинкина 1985 — *Разинкина Н. М.* О возможности приложения некоторых критериев эстетики к формулировке лингвистического понятия «функциональный стиль» // Функциональный стиль: лингвометодические аспекты. М.: Наука, 1985. С. 3—14.

Распопов, Ломов 1984 — *Распопов И. П.*, *Ломов А. М.* Основы русской грамматики: Морфология и синтаксис. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1984. 351 с.

Распопова 1981 — *Распопова Т. И.* Лексико-семантические классы предикатов в составе оптативных предложений // Теория содержательной формы: Межвуз. (республ.) сб. лингв. ст. Тамбов: Тамбовский гос. пед. ин-т, 1981. С. 69—80.

Рассудова 1969а — *Рассудова О. П.* Общая модель функционирования глагольных видов в русском языке // Актуальные вопросы преподавания русского языка и литературы. М.: Изд-во МГУ, 1969. С. 285—287.

Рассудова 1969б — *Рассудова О. П.* Функционирование глагольных видов в современном русском языке: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. М.: МГУ, 1969. 20 с.

Риторика. Словарь — www: http://www.mediaterra.ru/rhetoric/10_8.htm)

Рогава 1989 — *Рогава М. Д.* О некоторых языковых средствах выражения экспрессивности и эмоциональности в учебной литературе (на материале учебников гуманитарного профиля Великобритании и США) // Разновидности и жанры научной прозы. Лингвистические особенности. М.: Наука, 1989. С. 59—69.

Розенталь 1977 — *Розенталь Д. Э.* Практическая стилистика русского языка. М.: Высшая школа, 1977. 316 с.

Розенталь, Теленкова 1976 — *Розенталь Д. Э*, *Теленкова М. А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1976. 543 с.

Розенталь, Теленкова 1985 — *Розенталь Д. Э*, *Теленкова М. А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Русский язык, 1985. 399 с.

Розова 1955 — *Розова З. Г.* Значение сербского языка при изучении исторической грамматики русского языка // Вопросы славянского языкознания. Львов: Львовский гос. ун-т им. Ив. Франко, 1955. Кн. 4. С. 176—186.

Романов 1982 — *Романов А. А.* К разграничению директивных высказываний // Семантические, прагматические аспекты анализа основных единиц. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 1982. С. 176—182.

Романова, Филиппова 1989 — *Романова М. А.*, *Филиппова Л. С.* Экспрессивные имена прилагательные с суффиксами -ащ-/-ящ-, -ающ-/-яющ- в русских говорах восточных районов Среднего Урала // Уральский лексикографический сб. Свердловск: Гос. ун-т им. А. М. Горького, 1989. С. 64—74.

Романовская 1973 — *Романовская Н. В.* О глагольной экспрессии в газетном стиле // Сб. научн. трудов МГПИ иностранных языков. М., 1973. Вып. 73. С. 224—236.

Рублева 1973 — *Рублева О. Л.* К проблеме изменения глагольного значения в художественном тексте (анализ семантики причастий в романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина») // Вестник ЛГУ. Л., 1973. № 8. С. 100—105.

Русская 1980 — Русская грамматика: В 2 т. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. 783 с.; Т. 2: Синтаксис. 709 с.

Русский 1979 — Русский язык: Энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1979. 431 с.

Русский 1984 — Русский глагол в сопоставительном освещении. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1984. 158 с.

Рыжухина. Время в литературе — www: *Рыжухина Г. В.* Время в литературе: http://www.chronos.msu.ru/TERMS/ryzhukhina_vremya.htm

Рябова 1995 — *Рябова М. Ю.* Проблема временной референции и ее философское истолкование // Studia Linguistica. СПб.: Образование, 1995. Вып. 1. С. 12—19.

Рязанина 1990 — *Рязанина И. П.* Проблема коннотации в стилистике языка и речи // Статус стилистики в современном языкознании. Пермь: Пермский гос. ун-т, 1990. С. 142—144.

РЯЭ 1997 — Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ф. П. Филин. М.: Советская энциклопедия, 1997. 432 с.

Салмина 1981 — *Салмина Д. В.* О сочетаемости наречий-интенсификаторов с отадъективными глаголами // Глагол в лексической системе современного русского языка. Л.: ЛГПИ, 1981. С. 99—104.

Салямон 1968 — *Салямон Л. С.* О физиологии эмоционально-эстетических процессов // Содружество наук и тайны творчества. М.: Искусство, 1968. С. 290—310.

Санжеев 1948 — *Санжеев Г. Д.* Синтаксис глагола в монгольских языках. Дисс. … докт. филол. наук. М.: Московский институт востоковедения, 1948. 390 с.

Сапаров 1974 — *Сапаров М. А.* Об организации пространственно-временного континуума художественного произведения // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л.: Наука, 1974. С. 85—103.

Сваричевская 1990 — *Сваричевская Л. Ю.* Формирование эстетического значения глагольных словосочетаний в прозаическом тексте (на материале романа Р. Орлова «Альтист Данилов») // Вісник Львівського університету. Сер. філологічна: Мова і сучасність. Львів, 1990. Вип. 21. С. 63—67.

Семантические 1982 — Семантические типы предикатов / Отв. ред. О. Н. Селиверстова. М.: Наука, 1982. 365 с.

Сенкевич 1976 — *Сенкевич М. П.* Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений. М.: Высшая школа, 1976. 263 с.

Сергеева 1972 — *Сергеева Г. Д.* Некоторые наблюдения над соотносительностью семантики имен и глаголов // Вопросы языка и его истории. Томск: Томский ун-т, 1972. С. 107—111.

Серебрякова 1970а — *Серебрякова Л. А.* Категория залога в стилях современного русского языка (наблюдения с помощью статистической методики) // Учен. зап. Горьковского ГУ. Горький, 1970. Вып. 114. С. 227—245.

Серебрякова 1970б — *Серебрякова Л. А.* Об особенностях стилевого функционирования глагольной категории вида // Учен. зап. Горьковского ГУ. Горький, 1970. Вып. 114. С. 213—226.

Серебрякова 1974а — *Серебрякова Л. А.* О стилевой вариативности функционирования видо-временных форм современного русского языка (временная парадигма несовершенного вида) // Вопросы статистической стилистики. Киев: Наукова думка, 1974. С. 109—125.

Серебрякова 1974б — *Серебрякова Л. А.* Функционирование глагольных категорий в современном русском литературном языке (опыт статистического анализа): Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Горький: Горьковский гос. ун-т, 1974. 22 с.

Синтаксис глагольного управления — www: http://www.eu.spb.ru/ethno/projects/project3/ukraine/007/016.htm;

Синтаксис имени существительного в обско-угорских языках — www: http://db.icsti.su/rsofrf/rus/frameru.htm?userkey=&folderregion=H000&typeinf=resources&curpage=http://db.icsti.su/rsofrf/rus/H000/SP000006635H580H000000.HTM

Синтаксис падежей — www: www.centant.pu.ru/centrum/obraz/prog003.htm

Синтаксис существительных и местоимений — www: www.egyptology.ru/lang.htm

Сиротинина 1974 — *Сиротинина О. Б.* Современная разговорная речь и ее особенности. М.: Просвещение, 1974. 144 с.

Скиба 1979 — *Скиба Ю. Г.* Глагольная форма как атрибут стиля в поэзии В. В. Маяковского // Вопросы русской литературы. Львов: Львовский гос. ун-т им. И. Франко, 1979. Вып. 1. С. 76—80.

Сковородников 1981 — *Сковородников А. П.* Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка: Опыт системного исследования. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981. 255 с.

Славгородская 1980 — *Славгородская Л. В.* Об использовании образных средств в языке современной физики // Функциональный стиль научной прозы: Проблемы лингвистики и методики преподавания. М.: Наука, 1980. С. 186—197

Слащёва 1967 — *Слащёва Л. Е.* Категория времени в художественном содержании (на материале лирики М. Ю. Лермонтова) // Филол. сб. Алма-Ата: Казахский гос. ун-т им. С. М. Кирова, 1967. Вып. 6—7. С. 328—335.

Слово 1989 — Слово и грамматические законы языка: Глагол / Отв. ред. Н. Ю. Шведова, В. В. Лопатин. М.: Наука, 1989. 296 с.

Сокаль 1970 — *Сокаль Н. И.* Безличные предложения в современном сербохорватском языке: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Ленинград: ЛГУ, 1970. 21 с.

Соколов 1988 — *Соколов А. И.* Синтаксическая вариантность в современном сербохорватском литературном языке (на материале глагольно-именных словосочетаний с объектным и объектно-обстоятельственным значением): Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Л.: ЛГУ, 1988. 20 с.

Солганик 1973 — *Солганик Г. Я.* Синтаксическая стилистика: Сложное синтаксическое целое. М.: Высшая школа, 1973. 214 с.

Соскова 1971 — *Соскова Л. Д.* Стилистические свойства грамматических синонимов в современном русском языке // Слово и предложение: Тезисы к науч. лингв. конф. Тамбов: Тамбовский пед. ин-т, 1971. С. 17—18.

Соскова 1972 — *Соскова Л. Д.* Синонимия личных глагольных форм в современном русском языке: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. М.: МОПИ им. Н. К. Крупской, 1972. 15 с.

Спагис 1961 — *Спагис А. А.* Образование и употребление видов глагола в русском языке. М.: Госучпедгиз, 1961. 383 с.

Стегер, Киселёва 1987 — *Стегер Л. В.*, *Киселёва В. В.* Экспрессивность как лингвостилистическая категория // Вопросы функциональной лексикологии. М., 1987. С. 50—54

Степанов 1975 — *Степанов Ю. С.* Основы общего языкознания. М.: Просвещение, 1975. 271 с.

Степанов 1990 — *Степанов Ю. С.* Категория личности — безличности // Энциклопедический лингвистический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 272—273.

Степко 1984 — *Степко С. Т.* Значение формы сослагательного наклонения в придаточной части союзных уступительных конструкций // Способы выражения субъективных смыслов и синтаксические связи в сложном предложении. Душанбе: Таджикский гос. ун-т им. В. И. Ленина, 1984. С. 40—46.

Стернин 1980 — *Стернин И. А.* Актуализация сем и выразительность текста // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 1980. Вып. 9. С. 59—69.

Стехин 1969 — *Стехин Ю. К.* О словаре русских рифм // Вопросы прикладной лингвистики: Применение новых методов в изучении языка. Днепропетровск: Днепропетровский ГУ, 1969. Вып. 1. С. 150—162.

Стехин 1970 — *Стехин Ю. К.* К вопросу об использовании различных частей речи русского языка в рифме // Вопросы прикладной лингвистики. М., 1970. Вып. 2. С. 96—98.

Стил. энцикл. словарь 2003 — Стилистический энциклопедический словарь / Под ред. М. Н. Кожиной. М.: Флинта, Наука, 2003. 696 с.

Стилистика 1981 — Стилистика газетных жанров / Под ред. Д. Э. Розенталя. М.: МГУ, 1981. 230 с.

Стилистика 1987 — Стилистика русского языка: Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста. М.: Наука, 1987. 238 с.

Столович 1999 — *Столович Л.* Философия. Эстетика. Смех. СПб., Тарту: Крипта, 1999. 384 с.

Столярова 1973 — *Столярова-Клочкова Э. А.* Об информационной характеристике знаменательных частей речи в функциональных стилях письменной речи // Вопросы стилистики. Саратов, 1973. Вып. 6. С. 22—45.

Столярова 1978 — *Столярова Э. А.* К вопросу о семантике существительных в разговорном стиле речи // Вопросы стилистики. Саратов, 1978. Вып. 14. С. 3—17.

Структура 1974 — Структура глагола и его функции / Отв. ред. И. И. Щеболева. Ростов на Дону: Ростовский пед. ин-т, 1974. 118 с.

Сурмонина 1964 — *Сурмонина С. Р.* К истории форм сослагательного наклонения русского языка (по памятникам XII—XIV вв.): Автореф. дисс. … канд. филол. наук. М.: МОПИ, 1964. 16 с.

Сурова 1951 — *Сурова Н. В.* Стилистические функции временных глагольных форм в повестях Чехова // Наук. зап. Київськ. пед. ін-ту: Філол. сер. Київ, 1951. Т. 11. № 3. С. 111—127.

Суханова 1970 — *Суханова Л. В.* Наблюдения над употреблением видо-временных форм глагола в «Повести о жизни» К. Г. Паустовского // Учен. зап. Ивановского пед ин-та. Иваново, 1970. Т. 84. С. 3—15.

Суховей. Семант. анализ — www: *Суховей Д.* Семантический анализ текста «Апрельские иды»: http://www.levin.rinet.ru/FRIENDS/SUHOVEI/Str-2.html

Сухотин 1960 — *Сухотин В. П.* Синтаксическая синонимика в современном русском литературном языке. М.: АН СССР, 1960. 160 с.

СЭ 1989 — Эстетика. Словарь / Под общ. ред. А. А. Беляева, Л. И. Новиковой, В. И. Толстых. М.: Изд-во политической лит-ры, 1989. 447 с.

ТГАЯ 1983 — Теоретическая грамматика английского языка / Отв. ред. В. В. Бурлакова. Л.: Ленинградский ун-т, 1983. 253 с.

Теленкова 1967 — *Теленкова М. А.* Инфинитив глагола *быть* в современном русском языке // Учен. зап. МГПИ: Современный русский язык (морфология и синтаксис). М., 1967. Вып. 259. С. 157—167.

Телия 1985 — *Телия В. Н.* Семантика экспрессивности // Семантические категории языка и методы их изучения. Ч. 1. Уфа: Башкирский гос. ун-т, 1985. С. 85—86.

Телия 1986 — *Телия В. Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 143 с.

Телия 1987 — *Телия В. Н.* Лексические модусы экспрессивности. М.: Московский пед. ин-т иностранных языков, 1987. Вып. 284. С. 14—20.

Телия 1991 — *Телия В. Н.* Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке. М.: Наука, 1991. С. 36—66.

Теория 1984 — Теория грамматического значения и аспектологические исследования / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1984. 279 с.

Теория 1987 — Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1987. 348 с.

Типология 1972 — Типология глагола в африканских языках / Отв. ред. Н. В. Охотина. М.: Наука, 1972. 140 с.

Типология императ. констр. 1992 — Типология императивных конструкций / Отв. ред. В. С. Храковский. СПб.: Наука, 1992. 301 с.

Титова 1966 — *Титова Р. Ф.* К вопросу о морфологической синонимии в современном русском языке // Краткие очерки по русскому языку. Курск: Курский гос. пед. ин-т, 1966. Ч. 2. С. 70—76.

Толстой 1949 — *Толстой А.* Полн. собр. соч.: Т. 13 (статьи 1910—1941). М.: Государственное изд-во художеств. лит-ры, 1949. 676 с.

Томашевский 1959 — *Томашевский Б. В.* Стилистика и стихосложение. Л.: Госучпедгиз, 1959. 535 с.

Томашевский. Жанры драматические — www: *Томашевский Б. В.* Стилистика и стихосложение. http://reader.boom.ru/tomash/tema10.htm

Томашевский. Жизнь сюжетных приемов — www: *Томашевский Б. В.* Жизнь сюжетных приемов: http://reader.boom.ru/tomash/tema8.htm

Томашевский. Фабула и сюжет — www: *Томашевский Б. В.* Фабула и сюжет http://reader.boom.ru/tomash/tema2.htm

Тофтул 1968 — *Тофтул М. Г.* Эстетическое отношение человека к действительности. Черновцы: Черновицкий гос. ун-т, 1968. 59 с.

Тошович 1985 — *Тошович Б.* Прошедшее время в русском и сербохорватском языках // Studia Russica. Budapest, 1985. № VIII. С. 171—194.

Тошович 1987 — *Тошович Б.* Об одном типологическом различии в грамматико-стилистической системе русского и сербохорватского языков // Русский язык за рубежом. М., 1987. № 5. С. 65—68.

Тошович 1991 — *Тошович Б.* Глагольные метаплазмы в русском и сербохорватском языках // Учен. зап. Тартуского ун-та: Славяно-славянские и славяно-угорские сопоставления. Tartu: Slavica Tartuensia, 1991. № 3. С. 12—19.

Тошович 1998 — *Тошович Б.* Теория индикатива и релятива как инновация в темпусологии XX века // Słowo i czas. Opole: Uniwersytet Opolski, 1998. S. 11—36.

Тошович 2001 — *Тошович Б.* Глагольные лексические инновации в русском языке второй половины XX века // Slavistika. Beograd: Slavističko društvo Srbije, 2001. S. 123—131.

Тошович 2002 — *Тошович Б.* Языковое отношение как эстетическое отношение // Логический анализ языка: Языки эстетики. М.: Институт языкознания, 2002. С. 677—698.

Тошович 1992а — *Тошович Я.* Функционирование сослагательного наклонения в русском и сербохорватском языках: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. М.: МГУ, 1992. 217 с.

Тошович 1992б — *Тошович Я.* Функционирование сослагательного наклонения в русском и сербохорватском языках: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. М., 1992. 23 с.

Трипольская 1992 — *Трипольская Т. А.* Экспрессивные глаголы говорения (опыт семантико-прагматического анализа) // Функциональный анализ значимых единиц русского языка. Новокузнецк: Новокузнецкий гос. пед. ин-т, 1992. С. 101—107.

Трофимова 1972 — *Трофимова Э. А.* О некоторых моделях изображения экспрессивности в английской разговорной речи // Теория и практика лингвистического описания иноязычной разговорной речи. Горький: Горьковский ГПИИЯ им. Н. А. Добролюбова, 1972. С. 239—243.

Тулапина 1971 — *Тулапина Э. М.* Форма желательного наклонения инфинитивных предложений в современном русском языке // Известия АН Туркм. ССР: Сер. обществ. наук. 1971. № 4. С. 82—85.

Тураева 1974 — *Тураева З. Я.* Видо-временные формы английского глагола и их роль в создании художественного времени // Структурные свойства единиц различных уровней языка. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1974. С. 150—160.

Тураева 1979 — *Тураева З. Я.* Категория времени. Время грамматическое и время художественное (на материале английского языка). М.: Высшая школа, 1979. 219 с.

Турсунов 1966 — *Турсунов Р. У.* О некоторых морфологических особенностях сослагательного наклонения в русском языке // Основные проблемы эволюции языка: Мат-лы всесоюзной конференции по общему языкознанию (9—16 сентября 1966 г.). Самарканд: Фан, 1966. Ч. 2. С. 414—415.

Турсунов 1974 — *Турсунов Р. У.* Сослагательное наклонение в типологически разносистемных языках: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Ташкент: Ин-т яз. и лит-ры им. А. С. Пушкина, 1974. 23 с.

Уитроу 1964 — *Уитроу Дж.* Естественная философия времени. М.: Прогресс, 1964. 430 с.

Улуханов 1979 — *Улуханов И. С.* Глагол // Русский язык: Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1979. С. 52—55.

Урутян 1988 — *Урутян Р. Л.* Лингвистический аспект времени // Математические модели в лингвистике. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1988. С. 6—17.

Уфимцева 1967 — *Уфимцева А. А.* Некоторые вопросы синонимии // Лексическая синонимия. М.: Наука, 1967. С. 26—37.

Ушаков 1935 — Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Советская энциклопедия, 1935. Т. I: 1564 с.; Т. II: 1040 с.; Т. III — 1424 с.; Т. IV: 1499 с.

Ушаков 2001 — *Ушаков Д. Н.* Толковый словарь русского языка: В 3 т. М.: Вече, Мир книги, 2001. Т. 1: 704 с.; Т. 2: 688 с.; Т. 3: 672 с.

Фёдорова 1966 — *Фёдорова М. В.* Из наблюдений над причастиями в речи горожан // Учен. зап. Курского пед. ин-та: Краткие очерки по русскому языку. Курск, 1966. Т. 25. № 2. С. 99—105.

Фейнман 1968 — *Фейнман Р.* Характер физических законов. М.: Мир, 1968. 232 с.

Филипповская 1978 — *Филипповская И. А.* Модальность предложения. Душанбе: Таджикский гос. ун-т, 1978. 51 с.

Фирсова 1976 — *Фирсова Н. М.* Стилистика испанского глагола. М.: Высшая школа, 1976. 146 с.

Фирсова 1979 — *Фирсова Н. М.* Стилистика временных форм испанского глагола: Автореф. дисс. … докт. филол. наук. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1979. 34 с.

Фирсова 1981 — *Фирсова Н. М.* Введение в грамматическую стилистику современного испанского языка: На мат-ле имени существительного и глагола. М.: Высшая школа, 1981. 160 с.

Формановская 1978 — *Формановская Н. И.* Стилистика сложного предложения. М.: Русский язык, 1978. 238 с.

Фраз. словарь 1967 — Фразеологический словарь русского языка / Сост. Л. А. Войнова и др.; под. ред. А. И. Молоткова. М.: Советская энциклопедия, 1967. 543 с.

Фридрих 1990 — *Фридрих С. А.* Экспрессия в языке и речи. Владимир: Орехово-Зуевский пед. ин-т, 1990. 88 с.

Фридрих 1992 — *Фридрих С. А.* Экспрессивность в тексте. Орехово-Зуево: Орехово-Зуевский ин-т, 1992. 92 с.

Фрумкин. Пространство-время Бродского — www: *Фрумкин К.* Пространство-время-смерть: Метафизика Иосифа Бродского: http://www.countries.ru/library/twenty/brodsky/frumkin.htm

Функциональный 1974 — Функциональный стиль общенаучного языка и методы его исследования / Под ред. О. С. Ахмановой и М. М. Глушко. М.: МГУ, 1974. 180 с.

ФЭС 1983 — Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.

Хазагеров 1997 — *Хазагеров Т. П.* Экспрессивная стилистика: границы и задачи // Stylistyka. Opole. 1997. № VI. С. 197—212.

Харченко 1976 — *Харченко В. К.* Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова // Русский язык в школе. М., 1976. № 3. С. 66—71.

Хлебникова 1961 — *Хлебникова И. Б.* О релятивном характере временных значений форм глагола (применительно к сослагательному наклонению в английском языке) // Учен. зап. Московского ин-та международных отношений: Сер. филол. М., 1961. Вып. 7. С. 146—160.

Хоукинс 1991 — *Хоукинс Дж.* Структура и экспрессия гена. Киев: Наукова думка, 1991. 163 с.

Храковский 1980 — *Храковский В. С.* О правилах выбора «вежливых» императивных форм (опыт формализации на материале русского языка) // Известия АН СССР: Сер. лит-ры и яз. М., 1980. Т. 39. № 3. С. 269—278.

Храковский, Володин 1986 — *Храковский В. С.*, *Володин А. П.* Семантика и типология императива: Русский императив. Л.: Наука, 1986. 272 с.

Хрычиков 1954 — *Хрычиков Б. В.* Формы и значения сослагательного наклонения в современном русском литературном языке: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. М.: МОПИ, 1954. 15 с.

Хрычиков 1956 — *Хрычиков Б. В.* Значение форм сослагательного наклонения в простом предложении в современном русском языке // Учен. зап. Новгородского пед. ин-та. Новгород, 1956. Т. 1. Вып. 1. С. 132—174.

Хрычиков 1958 — *Хрычиков Б. В.* Синонимия грамматических форм // Учен. зап. Новгородского пед. ин-та: Филол. вып. Новгород. 1958. Т. 3. С. 133—142.

Чайковский 1971 — *Чайковский Р. Р.* Общая лингвистическая категория экспрессивности и экспрессивность синтаксиса // Учен. зап. МГПИИЯ им. М. Тореза. Вопросы романо-германской филологии. М., 1971. Т. 64. С. 188—197.

Част. словарь 1977 — Частотный словарь русского языка / Под ред. Л. Н. Засориной. М.: Русский язык, 1977. 936 с.

Черемисин 1971 — *Черемисин П. Г.* Пособие по стилистике русского языка. М.: Просвещение, 1971. 152 с.

Черемисина 1977 — *Черемисина М. И.* К вопросу о грамматической структуре глагольной лексемы // Вопросы лексикологии. Новосибирск: Наука, 1977. С. 6—50.

Чернухина 1984— *Чернухина И. Я.* Элементы организации художественного прозаического текста. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1984. 115 с.

Чернышев 1949 — *Чернышев В. И.* Описательные формы наклонений и времени в русском языке // Труды Ин-та русского языка АН СССР. М.; Л., 1949. Т. 1. С. 210—238.

Чернышевский 1955 — *Чернышевский Н. Г.* Эстетическое отношение искусства к действительности. М.: Изд-во художественной лит-ры, 1955. 223 с.

Чичерин 1963 — *Чичерин А. А.* О литературоведческом понимании грамматических форм // Филологические науки. М., 1963. № 2. С. 67—71.

Чумак 1978 — *Чумак В. В.* Составное сказуемое в сербохорватском языке (в сопоставлении с русским и украинским яз.): Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Киев: Ин-т языковедения АН УССР, 1978. 25 с.

Шапир 1987 — *Шапир М. И.* «Грамматика поэзии» и ее создатели (Теория «поэтического языка» у Г. О. Винокура и Р. О. Якобсона) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1987. Т. 46. № 3. С. 221—236.

Шахматов 1941 — *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. Л.: Учпедгиз, 1941. 620 с.

Шахнарович, Юрьева 1990 — *Шахнарович А. М.*, *Юрьева Н. М.* Психолингвистический анализ семантики и грамматики (на материале онтогенеза речи). М.: Наука, 1990. 168 с.

Шаховский 1987а — *Шаховский В. И.* Ономасиологический и семасиологический аспекты экспрессивности // Проблемы экспрессивной стилистики**.** Ростов на Дону: Изд-во Ростовского унта, 1987. С. 40—47.

Шаховский 1987б — *Шаховский В. И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. 192 с.

Шаховский 1987в — *Шаховский В. И.* Отражение эмоций в семантике слова // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1987. Т. 46. № 3. С. 237—243.

Шаховский 1988 — *Шаховский В. И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе (на материале английского языка): Автореф. дисс. … докт. филол. наук. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. 39 с.

Шведова 2003 — *Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Азбуковник, 2003. 378 с.

Шелякин 1970 — *Шелякин М. А.* Употребление видов глагола в сослагательном наклонении русского языка // Wissenschaftliche Zeitschrift der Pädagogischen Hochschule Potsdam. Potsdam, 1970. Jahrgang 14. H. 3. S. 465—478.

Шендельс 1959 — *Шендельс Е. И.* Понятие грамматической синонимики // Филологические науки. М., 1959. № 1. С. 68—81.

Шендельс 1972 — *Шендельс Е. И.* Грамматическая метафора // Филологические науки. М., 1972. № 3. С. 48—57.

Шершеневич 1929а — *Шершеневич В. Г.* Листы имажиниста: http://aptechka.agava.ru/statyi/teoriya/manifest/imaginism2.html

Шершеневич 1929б — *Шершеневич В. Г.* «2х2=5». «Литературные манифесты. От символизма к Октябрю»: Сб. мат-лов. М.: Изд-во «Федерация», 1929. Также: http://aptechka.agava.ru/statyi/teoriya/manifest/imaginism2.html

Шестакова 1981 — *Шестакова Н. А.* Соотношение глаголов и существительных в произведениях А. С. Пушкина // Глагол в лексической системе современного русского языка. Л.: ЛГПИ. 1981. С. 116—120.

Шестопалова 1980 — *Шестопалова В. И.* Глагольное удвоение в разговорной речи // Синтаксические связи в русском языке. Владивосток: Дальневосточный гос. ун-т, 1980. С. 132—147.

Широкова 1983а — *Широкова А. Г.* Проблематика транспозиции форм наклонений в славянских языках (на материале чешского и русского языков) // Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками. М.: МГУ, 1983. С. 83—104.

Широкова 1983б — *Широкова А. Г.* Сопоставительное изучение вторичных функций грамматических категорий глагола в славянских языках. М.: МГУ, 1983. 41 с.

Широкова 1990 — *Широкова А. Г.* Проблемы сопоставительного изучения образно-экспрессивного употребления форм грамматических категорий // Проблемы сопоставительной грамматики славянских языков. М.: Ин-т славяноведения и балканистики, 1990. С. 15—35.

Шкловский 1969 — *Шкловский В. Б.* Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Иностранная литература. М., 1969. № 6. С. 218—224.

Шлыкова 1966 — *Шлыкова М. А.* Об экспрессивной роли отыменных глаголов в художественной литературе // Учен. зап. Курского пед. ин-та: Краткие очерки по русскому языку. Курск, 1966. Т. 25. № 2. С. 136—141.

Шмелёв 1955 — *Шмелёв Д. Н.* Значение и употребление формы повелительного наклонения в современном русском литературном языке: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. М.: МГУ, 1955. 18 с.

Шмелёв 1960 — *Шмелёв Д. Н.* Абсолютное и относительное употребление форм времени русского языка // Русский язык в национальной школе. М., 1960. № 5. С. 3—10.

Шмелёв 1961а — *Шмелёв Д. Н.* Стилистическое употребление форм лица в современном русском языке // Вопросы культуры речи. М., 1961. Вып. 3. С. 38—59.

Шмелёв 1961б — *Шмелёв Д. Н.* Экспрессивно-стилистические функции глагольных форм в русском языке // Тезисы докл. на 4-м Международном методическом семинаре преподавателей русского языка вузов социалистических стран. М.: МГУ, 1961. С. 16—17.

Шмелькова 1984 — *Шмелькова Н. А.* Средства выражения предположения в русском языке и их эквиваленты в английском: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. М.: МГУ, 1984. 20 с.

Шокальски 1995 — *Шокальски Е.* Время в поэзии Сергея Есенина // Литература пограничья. Варшава, 1995. № 7. С. 34—60.

Штелинг 1959 — *Штелинг Д. А.* О неоднородности грамматических категорий // Вопросы языкознания. М., 1959. № 1. С. 55—64.

Штенфельдт 1963 — *Штейнфельдт Э. А.* Частотный словарь современного русского литературного языка. Таллинн: Научно-исслед. ин-т педагогики Эстонской ССР, 1963. 316 с.

Шубина 1973 — *Шубина Л. В.* К вопросу о перифразе и структурных особенностях ее глагольного компонента // Русский язык в национальной школе. М., 1973. № 2. С. 75—77.

Шумарова 1980 — *Шумарова Н. П.* Стилистические особенности функционирования глагола // Русский язык и литература в школах УССР. Киев, 1980. № 1. С. 73—76.

Щелгунова 1980 — *Щелгунова Л. М.* Глагол в составе аналитических форм русской реалистической повествовательной художественной прозы // Развитие и функционирование русского глагола. Волгоград: Волгоградский пед. ин-т, 1980. 128 с. С. 83—88.

Щербакова 1996 — *Щербакова Н. Т.* Лексико-семантические группы русской экспрессивной лексики // Контрастивные исследования лексики и фразеологии русского языка. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1996. С. 54—62.

Экспрессия 1998 — Экспрессия в языке и в речи: Сб. тезисов / Отв. ред. И. А. Шаронов. М.: Ин-т русского языка им. А. С. Пушкина, 1998. 104 с.

Элькин 1962 — *Элькин Д. Г.* Восприятие времени. М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1962. 310 с.

Эстетика 1989 — Эстетика. Словарь / Под общ. ред. А. А. Беляева, Л. И. Новиковой, В. И. Толстых. М.: Изд-во политической лит-ры, 1989. 447 с.

Эткин 1966 — *Эткин М. И.* Коммуникативный и экспрессивный фактор в развитии функционального стиля // Мат-лы Всесоюзной конференции по общему языкознанию. Основные проблемы эволюции языка. Самарканд: Фан, 1966. Ч. II. С. 254—256.

Юрик 1955 — *Юрик В. А.* Формы и значения предположительного наклонения глаголов латышского и русского языков в сопоставительном освещении: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Рига: Латвийский гос. ун-т, 1955. 309 с.

Юрик 1959 — *Юрик В. А.* К вопросу о составе и функционировании форм сослагательного наклонения в современном русском литературном языке // Учен. зап. Латвийского ГУ им. Петра Стучка. Рига, 1959. Т. XXX. С. 159—170.

Юрченко 1993 — *Юрченко В. С.* Реальное время и структура языка // Вопросы языкознания. М., 1993. № 3. С. 36—47.

Якимова 1966 — *Якимова Л.* Из наблюдений над отглагольными существительными в современном русском языке // Русский язык в национальной школе. М., 1966. № 5. С. 5—11.

Якобсон 1972 — *Якобсон Р.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука. 1972. С. 95—113.

Якобсон 1975 — *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: *за* и *против*. М.: Прогресс, 1975. С. 193—230.

Якобсон 1983 — *Якобсон Р.* Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика. М.; Екатеринбург: Проект, Деловая книга, 1983. С. 525—546.

Якобсон 1985а — *Якобсон Р.* Избр. работы. М.: Прогресс, 1985. 455 с.

Якобсон 1985б — *Якобсон Р.* О структуре русского глагола // *Якобсон Р.* Избр. работы. М.: Прогресс, 1985. С. 210—221.

Якобсон 1987 — *Якобсон Р.* Работы по поэтике / Сост. и общ. ред. Вяч. Вс. Иванова. М.: Прогресс. 1987. 461 с.

Яковлева 1991 — *Яковлева Г. Н.* Пространство и время в позднем творчестве Мандельштама // Архитектура и культура. М.: ВНИИТАГ, 1991. С. 139—148.

Anđelković 1979 — *Anđelković I.* Razlike u upotrebi glagolskog vida u ruskom i srpskohrvatskom jeziku // Živi jezici. Beograd, 1979. XXI. Br. 1—4. S. 43—63.

Aristotel 1977 — *Aristotel*. Nauk o pjesničkom umijeću // Zagreb: Teka, 1977. 312 s.

Aristotel 1989 — *Aristotel*. Retorika. Zagreb: Naprijed. 1989. 303 s.

Babić 1951—1952 — *Babić V.* Upotreba istoriskog infinitiva u govornom jeziku // Južnoslovenski filolog. Beograd, 1951—1952. God. XIX. Br. 1—4. S. 213—224.

Babić 1965 — *Babić S.* Jezik. Zagreb: Panorama, 1965. 322 s.

Babić 1976/1977 — *Babić S.* O tzv. aoristu imperfektivnih glagola // Jezik. Zagreb, 1976/1977. Br. 2. S. 33—41.

Babić 1981/1982 — *Babić S.* Aorist i imperfekt u djelima Vladimira Nazora // Jezik. Zagreb, 1981/1982. Br. 2. S. 33—44.

Belić 1926/1927 — *Belić A.* O upotrebi vremena u srpskohrvatskom jeziku. Povodom rasprava o tome prof. A. Musića // Južnoslovenski filolog. Beograd, 1926/1927. God. VI. S. 102—132.

Belić 1928 — *Belić A.* O sintaksičkom indikativu i relativu // Simbolae grammaticae in honorem Ioannis Rozwadowski. Cracoviae: Apud Bibliopolas Geberthner, Wolff, 1928. Vol. II. S. 47—55.

Belić 1932 — *Belić A.* Slovenski injunktiv u vezi sa postankom slovenskog glagolskog vida // Glas Srpske kraljevske akademije: Drugi razred. Beograd, 1932. God. CXLVIII. Br. 76. S. 1—38.

Belić 1938/1939 — *Belić A.* Prilozi učenju o upotrebi vremena u srpskohrvatskom jeziku // Južnoslovenski filolog. Beograd, 1938/1939. God. XVII. S. 179—188.

Belić 1941 — *Belić A.* O jezičkoj prirodi i jezičkom razvitku: Lingvistička ispitivanja. Beograd: Mlada Srbija, 1941. 655 s.

Belić 1949 — *Belić A.* Iz srpskohrvatske sinonimike // Naš jezik, nova serija. Beograd, 1949. God. I. Sv. 7—8. S. 263—277; God. II. Sv. 9—10. S. 355—364.

Belić 1951 — *Belić A.* Istorija srpskohrvatskog jezika. Beograd, 1951. Knj. II. Sv. 2: reči sa konjugacijom. 347 s.

Belić 1958 — *Belić A.* O jezičkoj prirodi i jezičkom razvitku: Lingvistička ispitivanja. 1. knjiga. Beograd: Nolit, 1958. 357 s.

Blekburn 1999 — *Blekburn S.* Oksfordski filozofski rečnik. Novi Sad: Svetovi, 1999. 475 s.

Boeck 1968 — *Boeck W.* Absoluter und relativer Tempusgebrauch in den syntaktischen Strukturen der russischen Gegenwartssprache // Zeitschrift für Slawistik. Berlin, 1968. № 4. S. 616—623.

Bogdan 1971/1972 — *Bogdan Z.* Morfološke osobitosti Božićeva aorista // Jezik. Zagreb, 1971/1972. Br. 2—3. S. 33—38.

Bogdan 1977 — *Bogdan Z.* Aorist u romanima Mirka Božića. Zagreb: Hrvatsko filološko društvo, 1977. 148 s.

Boškov 1978 — *Boškov D.* Potencijal u „Seobama“ M. Crnjanskog // Književnost i jezik. Beograd, 1978. God. XXV. Br. 3—4. S. 277—286.

Brabec, Hraste, Živković 1968[8] — *Brabec I.*, *Hraste M.*, *Živković S.* Gramatika hrvatsko-srpskoga jezika. Zagreb: Školska knjiga, 1968. 280 s.

Brajičić 1979—1980 — *Brajičić O.* Pitanje predpozicije odnosno postpozicije participskih konstrukcija ruskog jezika i njihovog prevođenja na srpskohrvatski jezik // Zbornik radova profesora i saradnika Nastavničkog fakulteta. Nikšić, 1979—1980. Br. 2—4. S. 167—176.

Brajičić 1986 — *Brajičić O.* Funkcija sinonimije participskih konstrukcija i adnominalnih odnosnih rečenica u ruskom i srpskohrvatskom književnom jeziku. Nikšić: Univerzitetska riječ — Pobjeda, 1986. 136 s.

Brozović 1953a — *Brozović D.* O razlikama između infinitiva i prezenta s veznikom *da* // Jezik. Zagreb, 1953. God. II. Br. 5. S. 153—154.

Brozović 1953b — *Brozović D.* O vrijednosti infinitiva i prezenta s veznikom *da* // Jezik. Zagreb, 1953. God. II. Br. 1. S. 13—18.

Budmani 1867 — *Budmani P.* [*Pero*]. Grammatica della lingua serbo-croata (illirica). Vienna, 1867. 178 S.

Brugmann 1904 — *Brugmann K.* Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Straßburg: Trübner, 1904. 777 S.

Čarkić 1992 — *Čarkić M. Ž.* Fonika stiha. Beograd: Naučna knjiga, 1992. 349 s.

Čarkić 1995 — *Čarkić M. Ž.* Fonostilistika stiha. Beograd: Naučna knjiga, 1995. 249 s.

Čarkić 2002 — *Čarkić M. Ž.* Uvod u stilistiku. Beograd: Naučna knjiga, 2002. 289 s.

Čović 1967 — *Čović B.* Trenutak govora, vreme govora, vremenski razmak ili?... // Godišnjak Filozofskog fakulteta. Novi Sad, 1967. Knj. X. S. 1—8.

Čović 1981 — *Čović B.* Oblici pripovedanja u umetničkoj književnosti // Zbornik za slavistiku Matice srpske. Novi Sad, 1981. Br. 20. S. 77—110.

Čović 1989 — *Čović B.* Poetska slika. Novi Sad: Filozofski fakultet, Institut za strane jezike i književnost, 1989. 195 s.

Čumak 1985 — *Čumak V.* Paralelizam sintaksičkog indikativa i relativa u složenim rečenicama srpskohrvatskog jezika (u poređenju sa istočnoslovenskim jezicima) // Naučni sastanak slavista u Vukove dane. Beograd: MSC, 1985. Br. XIV/2. S. 121—126.

Ćorac 1982 — *Ćorac M.* Metaforski lingvostilemi. Beograd: Privredno-finansijski zavod, 1982. 475 s.

Damjanović 2000[3] — *Damjanović S.* Slaroslavenski glasovi i oblici. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada, 2000. 160 s.

Delić 1970/71 — *Delić M.* Stilsko-gramatičke vrednote glagolskih oblika u «Putu Alije Đerzeleza» Ive Andrića // Prilog nastavi srpskohrvatskog jezika i književnosti. Novi Sad, 1970/71. God. III. Br. 2. S. 23—35.

Drašković 1962 — *Drašković V.* Temporalnost alternativnih infinitivskih dopuna u francuskom jeziku // Anali Filološkog fakulteta. Beograd, 1962. Knj. I. S. 247—270.

Duden 1983 — Duden Deutsches Universalwörterbuch / Herausgegeben und bearbeitet vom Wissenschaftlichen Rat und den Mitarbeit der Dudenredaktion unter Leitung von Günther Drosdowski. Mannheim; Wien; Zürich: Bibliographises Institut Mannhem, 1983. 1504 S.

Eko 1977 — *Eko U.* Estetika i teorija informacije. Beograd: Prosveta, 1977. 283 s.
Enc. leksikon Filozofija 1973 — Enciklopedijski leksikon Filozofija / Urednik Darko Grlić. Beograd: Interpres, 1973. 529 s.
Florschütz 1940 — *Florschütz J.* Gramatika hrvatskoga jezika za srednje i slične škole. Zagreb: Naklada školskih knjiga i tiskanica Banovine Hrvatske, 1940. 263 s.
Grepl 1967 — *Grepl M.* Emocionalně motivované aktualizace v syntaktické struktuře výpovědi. Brno: MU, 1967. 145 s.
Grickat 1954 — *Grickat I.* O perfektu bez pomoćnog glagola u srpskohrvatskom jeziku i srodnim sintaksičkim pojavama. Beograd: Naučna knjiga, 1954. 234 s.
Grickat 1975 — *Grickat I.* Studije iz istorije srpskohrvatskog jezika. Beograd: Narodna biblioteka, 1975. 314 s.
Guillaume 1975 — *Guillaume G.* Le problème de l'article et sa solution dans la langue français. Paris, 1975. 571 p.
Ham 2002 — *Ham S.* Školska gramatika hrvatskoga jezika. Zagreb: Školska knjiga, 2002. 168 s.
Hamm 1967 — *Hamm J.* Kratka gramatika hrvatskosrpskog književnog jezika za strance. Zagreb: Školska knjiga, 1967. 124 s.
Hamm 1970 — *Hamm J.* Staroslavenska gramatika. Zagreb: Školska knjiga, 1970. 204 s.
Hrvatska gram. 1995 — *Barić E.*, *Lončarić M.*, *Malić D.*, *Pavešić S.*, *Peti M.*, *Zečević V.*, *Znika M.* Hrvatska gramatika. Zagreb: Školska knjiga, 1995. 684 s.
Hrvatski jez. savjetnik 1999 — *Barić E.*, *Hudečer L.*, *Koharović N.*, *Lončarić M.*, *Lukenda M.*, *Mamić M.*, *Mihaljević M.*, *Šarić L.*, *Švaćko V.*, *Vukojević L.*, *Zečević V.*, *Žagar M.* Hrvatski jezični savjetnik / U redakciji izvršnog uredništva L. Hudeček, M. Mihaljević, L. Vukojevića. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje; Pergamena: Školske novine, 1999. 1660 s.
Hunjak 1976— *Hunjak Đ.* Oblici ponavljanja u epskoj narodnoj poeziji. Sarajevo: Institut za jezik i književnost, Odjeljenje za književnost, 1976. Knj. 1. 176 s.
Ivanová-Šalingová 1970 — *Ivanová-Šalingová M.* Expresívny príznak // Jazykovedný čas. Brno, 1970. 2. S. 154—171.
Ivić 1953—54 — *Ivić P.* Sistem značenja osnovnih preteritalnih vremena u govoru Galipoljskih Srba // Južnoslovenski filolog. Beograd, 1953—1954. God. XX. Knj. 1—4. S. 228—262.
Ivić 1958a — *Ivić M.* Sistem ličnih glagolskih oblika za obeležavanje vremena u srpskohrvatskom jeziku // Godišnjak Filozofskog fakulteta. Novi Sad, 1958. God. III. S. 139—149.
Ivić 1958b — *Ivić M.* Slovenski imperativ uz negaciju // Radovi Naučnog društva NRBiH: Odjeljenje istorisko-filoloških nauka. Sarajevo, 1958. God. X. Br. 4. S. 23—44.
Ivić 1970 — *Ivić M.* O upotrebi glagolskih vremena u zavisnoj rečenici: prezent u rečenici sa veznikom *da* // Zbornik Matice srpske za filolofiju i lingvistiku. Novi Sad, 1970. God. XIII. Br. 1. S. 43—54.
Ivić 1975 — *Ivić M.* Pravci u lingvistici. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1975. 307 s.
Ivić 1981 — *Ivić M.* Srpskohrvatski glagolski oblici za iskazivanje pojava koje postoje u sadašnjosti // Južnoslovenski filolog. Beograd, 1981. God. XXXVII. S. 12—24.

Ivšić 1970 — *Ivšić S.* Slavenska poredbena gramatika. Zagreb: Školska knjiga, 1970. 434 s.
Jakobson 1966 — *Jakobson R.* Lingvistika i poetika. Beograd: Nolit, 1966. 327 s.
Jakobson 1967 — *Jacobson R.* Linguistics and Poetics // Essays on the Language of Literature. New-York, 1967. P. 296—322. (Сербский перевод: *Јакобсон Р.* Лингвистика и поетика. Београд: Нолит, 1966. 327 с.)
Jakobson 1978 — *Jakobson R.* Ogledi iz poetike. Beograd: Prosveta, 1978. 397 s.
Jakobson 1978 — *Јакобсон Р.* Огледи из поетике. Београд: Просвета, 1978. 397 с.
Jakobson, Halle 1988 — *Jakobson R.*, *Halle M.* Temelji jezika. Zagreb: Globus, 1988. 109 s.
Jerković 1973 — *Jerković J.* Jezik Jakova Ignjatovića. Novi Sad: Matica srpska — Književno odeljenje, 1973. 326 s.
Jerković 1983 — *Jerković J.* Upotreba preterita u Jakšićevoj prozi // Naučni skup slavista u Vukove dane. Beograd, 1983. Br. XII/1. S. 21—26.
Jocić 1968 — *Jocić M.* Frekvencija glagolskih vrsta u savremenom srpskohrvatskom jeziku // Prilozi proučavanju jezika. Novi Sad, 1968. Br. 4. S. 51—67.
Jonke 1952/53 — *Jonke L.* To nije za vjerovati... // Jezik. Zagreb, 1952—1953. God. I. Br. 5. S. 151—152.
Jonke 1965 — *Jonke L.* Prijedlog *za* ne povezuje se s infinitivom // *Jonke L.* Hrvatski jezik u teoriji i praksi. Zagreb: Znanje, 1965. S. 359—260.
Jonke 1965 — *Jonke L.* Funkcionalnost aorista i imperfekta // *Jonke L.* Književni jezik u teoriji i praksi. Zagreb: Znanje, 1965. S. 415—416.
Josipović 1983 — *Josipović V.* Pomak glagolskog vremena — pravilo ili iznimka // Strani jezici. Zagreb, 1983. Br. 1—2. S. 161—164.
Josselson 1953 — *Josselson N. H.* The Russian Word Count and Frequency Analysis of grammatical Categories of Standard literary Russian. Detroit, 1953. 247 p.
Jović 1959a — *Jović D.* O imperfektu u govorima okoline Vrnjačke Banje // Zbornik za filologiju i lingvistiku. Novi Sad, 1959. Br. II. S. 114—131.
Jović 1959b — *Jović D.* O perfektu bez pomoćnog glagola u govorima doline reke Rače // Godišnjak Filozofskog fakulteta. Novi Sad, 1959. Knj. IV. S. 217—227.
Jović 1975 — *Jović D.* Glagolski oblici i simbolika u „Igrama“ Vaske Pope // *Dušan J.* Lingvostilističke analize. Beograd: Društvo za srpskohrvatski jezik i književnost, 1975. 217 s.
Jović 1985 — *Jović D.* Jezički sistem i poetska gramatika. Beograd: BIGZ, Jedinstvo, 1985. 157 s.
Katičić 1981 — *Katičić R.* Kategorija gotovosti u vremenskom značenju glagolskih oblika // Jezik. Zagreb, 1981. Br. 1. S. 3—13.
Katičić 1986 — *Katičić R.* Sintaksa hrvatskoga književnog jezika. Nacrt za gramatiku. Zagreb: JAZU, 1986. 510 s.
Katičić 1992 — *Katičić R.* Zabilješke uz sintagmatiku Aleksandra Belića // Katičić Radoslav. Novi jezikosloni ogledi. Zagreb: Školska knjiga, 1992. S. 165—171.
Kojen 1981 — *Kojen L.* O nekim glagolskim konstrukcijama u srpskohrvatskom // Južnoslovenski filolog. 1981. God. XXXVII. S. 13—19.
Korać 1987 — *Korać G.* Različiti stepeni kohezije između glagola i glagolske priloške odredbe // Anali Filološkog fakulteta. Beograd, 1987. Knj. 18. S. 301—306.

Koschmieder 1971 — *Koschmieder E.* Zeitbezug und Sprache. Darmstadt: Wiss. Buchgess, 1971. 86 s.

Kostić 1966 — *Kostić Đ.* Čestost javljanja gramatičkih kategorija i oblika u srpskohrvatskom jeziku // Radovi ANUBiH. Sarajevo, 1966. Br. XXX/10. S. 93—144.

Kostić 1987 — *Kostić Đ.* Operativna gramatika srpskohrvatskog jezika. Beograd: Prosveta, 1987. 333 s.

Kravar 1953 — *Kravar M.* O „razlici" između infinitiva i veze *da* + prezent (nast.) // Jezik. Zagreb, 1953. God. II. Br. 2. S. 70—74.

Kravar 1954a — *Kravar M.* Još jednom o razlici // Jezik. Zagreb, 1954. God. II. Br. 5. S. 53—54.

Kravar 1960 — *Kravar M.* Futur II u našem glagolskom sistemu // Radovi Filozofskog fakulteta u Zadru: I razdio — Lingvističko-filološki (1). Zadar, 1960. Br. 1. S. 30—50.

Kravar 1980 — *Kravar M.* August Musić kao istraživač glagolske sintakse hrvatsko-srpskoga jezika // Naučni sastanak slavista u Vukove dane. Beograd: MSC, 1980. Br. IX. S. 21—33.

Kravar 1981 — *Kravar M.* Imperfekt i aorist u hrvatskosrpskom jeziku // Načni sastanak slavista u Vukove dane. Beograd, 1981. Knj. 7. S. 123—136.

Kravar 1985 — *Kravar M.* К вопросу о согласовании времени в русском литературном языке // Zbornik u čast Petru Skoku o stotoj obljetnici rođenja. Zagreb: Djela JAZU, Razred za filologiju, 1985. Knj. 59. S. 249—261.

Kulenović 1958—1960 — *Kulenović S.* O „dakavcima" i „infinitivcima" // Bilten dopisne mreže „Borbe". Beograd, 1958. God. XII. Br. 48.; Naša štampa. Beograd, 1960. God. XIV. Br. 82.

Kuna 1970 — *Kuna H.* Jezičke karakteristike književnih djela Dositeja Obradovića // Djela Akademije nauka i umjetnosti BiH. Sarajevo, 1970. Knj. XXXVI/21. 287 s.

Kurylowicz 1960 — *Kurylowicz J.* Esquisses linguistiques. Wrocław: Ossolineum, 1960. 310 s.

Kutasova 1977 — *Kutasova O.* Rečenice sa uopšteno-ličnim značenjem u ruskom jeziku u poređenju sa srpskohrvatskim // Južnoslovenski filolog. Beograd, 1977. God. XXXIII. S. 99—116.

Kvintilijan 1967 — *Kvintilijan M. F.* Obrazovanje govornika. Odabrane strane / S latinskog preveo, predgovor i komentar napisao Pejčinović Petar. Sarajevo: Veselin Masleša, 1967. 553 s.

Laušević 1981 — *Laušević V.* Funkcija glagolskih priloga u ruskom jeziku // Vaspitanje i obrazovanje. Titograd, 1981. God. VII. Br. 4. S. 94—99.

Lešić 1971 — *Lešić Z.* Jezik i književno djelo. Sarajevo: Zavod za izdavanje udžbenika, 1971. 322 s.

Lihačov 1972 — *Лихачов Д. С.* Поетика старе руске књижевности. Београд: Српска књижевна задруга, 1972. 454 с.

Maretić 1899 — *Maretić T.* Gramatika ili stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. Zagreb: Knjižara L. Hartmana, 1899. 702 s.

Maretić 1924 — *Maretić T.* Hrvatski ili srpski jezični savjetnik. Zagreb, 1924. 179 s.

Maretić 1928 — *Maretić T.* Hrvatska ili srpska gramatika za srednje škole. Beograd: Izdavačka knjižarnica Gece Kona, 1928. 232 s.

Maretić 1931 — *Maretić T.* Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnoga jezika. Zagreb, 1931. 600 s.

Maretić 1963 — *Maretić T.* Gramatika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. Zagreb: Matica hrvatska, 1963. 690 s.

Marković 1958 — *Marković S.* Oblik futura u prošlosti // Naš jezik. Beograd, 1958. IX. Br. 3—4. S. 110—115.

Marojević 1976 — *Marojević R.* Problemi prevođenja neodređeno-ličnih rečenica na srpskohrvatski jezik // Mostovi. Beograd, 1976. VII. Br. 2 (26). S. 97—105.

Marojević 1977 — *Marojević R.* Rečenice sa uopšteno-ličnim značenjem u ruskom jeziku u poređenju sa srpskohrvatskim // Južnoslovenski filolog. Beograd, 1977. God. XXXIII. S. 99—116.

Marojević 1984 — *Marojević R.* Uopšteno drugo lice u ruskom jeziku i njegovi srpskohrvatski ekvivalenti // Filološki pregled. Beograd, 1984. Br. 1—4. S. 27—33.

Melvinger 1982 — *Melvinger J.* Supstandardni prijedložni infinitiv i odgovarajuća sintaktička sredstva u hrvatskom književnom jeziku // Jezik. Zagreb, 1982. God. 29. Br. 3. S. 74—76.

Menac 1965 — *Menac A.* Povezanost glagolskog vida i vremenskih konstrukcija u ruskom i hrvatskosrpskom jeziku // Radovi Zavoda za slavensku filologiju (Radovi povodom 75. godine rođenja Josipa Badalića). Zagreb, 1965. Br. 7. S. 107—117.

Merle 1985 — *Merle G.* Nekoliko zapažanja o odnosu vid — vreme u srpskohrvatskom jeziku // Naučni skup slavista u Vukove dane. Beograd, 1985. Br. XIV/2. S. 41—49.

Metzler 2000 — Metzler Lexikon Sprache / H. Glück (Hrsg.). Stuttgart; Weimar: Verlag J. B. Metzler, 2000. 817 s.

Mikkelsen 1985 — *Mikkelsen H. K.* Vidska opozicija između aorista i imperfekta u srpskohrvatskom jeziku // Naučni skup slavista u Vukove dane. Beograd, 1985. Br. XIV/2. S. 67—73.

Miko 1976 — *Miko F.* Štýlove konfrontácie. Bratislava: Slovenský Spisovateľ, 1976. 346 s.

Milošević 1971 — *Milošević K.* Futur II i sinonimski oblici u savremenom srpskohrvatskom jeziku. Sarajevo: ANUBiH, (1971). 194 s.

Milošević 1978 — *Milošević K.* O proučavanju vremenskih glagolskih oblika u serbokroatistici // Zbornik za filologiju i lingvistiku. Novi Sad, 1978. Gog. XXI. Br. 2. S. 93—121.

Milošević 1982 — *Milošević K.* Obilježavanje budućnosti u srpskohrvatskom jeziku // Književni jezik. Sarajevo, 1982. XI. Br. 1. S. 1—12.

Mindak 1983 — *Mindak J.* O upotrebi kompleksnog istraživanja komunikativne funkcije glagola u opoziciji sa imenskim predikatskim konstrukcijama // Južnoslovenski filolog. Beograd, 1983. God. XXXIV. S. 53—58.

Mirić 1979 — *Mirić D.* Prevođenje nominalnih konstrukcija finitnim glagolskim oblicima s ruskog na srpskohrvatski jezik // Prilozi proučavanju jezika. Novi Sad, 1979. Br. 1. S. 1—32.

Mirić 1980 — *Mirić D.* Konstrukcije s faznim glagolima u ruskom i srpskohrvatskom jeziku // Kontrastivna jezička istraživanja. Novi Sad: Filozofski fakultet, 1980. S. 81—87.

Mukařovský 1935 — *Mukařovský J.* Estetická funkce a estetická norma jako sociální fakt. Praha, 1935 (Также: Mukařovský 1937 — *Mukaržovski J.* Estetička funkcija kao socijalna činjenica. Beograd: Ars, 1937. S. 79—85).

Mukařovský 1936 — *Mukařovský J.* Estetická funkce, norma a hodnota jako sociální fakty. Praha: F. Borový, 1936. 88 s. (Также: Mukařovský 1975 — *Мукаржовский Й.* Эстетическая функция, норма и ценность как социальные факты // Труды по знаковым системам VII. Тарту: Тартуский ун-т, 1975. С. 243—295).

Mukařovský 1940 — *Mukařovský J.* Estetika jazyka // Slovo a slovesnost. Praha, 1940. C. 1, 6. S. 1—27 (Также: Mukařovský 1964 — *Mukařovský J.* The aesthetics of language // A Prague school reader on aesthetics. Literary structure and style. Washington: Georgetown University Press, 1964. P. 31—61).

Mulić 1970 — *Mulić M. I.* Prilog pitanju gramatičkog i umjetničkoga sadašnjeg vremena u djelima stare slavenske književnosti // Umjetnost riječi. Zagreb, 1970. God. XIV. Br. 1—2. S. 47—56.

Müller 1948 — *Müller G.* „Erzählzeit und erzählte Zeit“ // Festschrift für P. Kluckhohn, H. Schneider. Tübingen, 1948. S. 195—212.

Muratbegović 1982 — *Muratbegović A.* Vrijednosti pripovjedačkih glagolskih vremena u romanu Obala Sirta Juliena Graca // Živi jezici. Beograd, 1982. Br. 1—2. S. 41—52.

Musić 1896 — *Musić A.* Kondicional u hrvatskom jeziku // Rad JAZU: Razredi filologijsko-historijski i filosofijsko-juridički. Zagreb, 1896. God. CXXVII. Knj. XLV. S. 141—209.

Musić 1900 — *Musić A.* Rečenice sa konjunkcijom „da“ u hrvatskom jeziku // Rad JAZU: Rad historičko-filologičkoga i filozofsko-juridičkoga razreda. Zagreb, 1900. Knj. 142. 125 s.

Musić 1925—1926 — *Musić A.* Aorist imperfektivnih glagola u srpsko-hrvatskom jeziku // Južnoslovenski filolog. Beograd, 1925—1926. Knj. V. S. 27—41.

Musić 1926 — *Musić A.* Prilozi nauci o upotrebi vremena u srpskohrvatskom jeziku // Glas Srpske kraljevske akademije. Drugi razred. Beograd, 1926. God. CXXI. Knj. 66. S. 111—173.

Musić 1926a — *Musić A.* Prilozi nauci o upotrebi vremena u srpskohrvatskom jeziku. I. Vremena u Vukovu i Daničićevu prevodu Sv. pisma // Glas Srpske kraljevske akademije, Drugi razred. Beograd, 1926. God. CXXIII. Br. 67. S. 69—119.

Musić 1926b — *Musić A.* Prilozi nauci o upotrebi vremena u srpskohrvatskom jeziku. II. Vremena u narodnim pripovijetkama i (kao dodatak) u Vukovim i Daničićevim istoričkim djelima // Glas Srpske kraljevske akademije, Drugi razred. Beograd, 1926. God. CXXVI. Br. 69. S. 3—55.

Musić 1934 — *Musić A.* Značenje i upotreba participa u srpskohrvatskom jeziku // Zaseban otisak iz Rada JAZU. Zagreb, 1934. 31 s.

Musić 1935 — *Musić A.* Značenje i upotreba participa u srpskohrvatskom jeziku // Rad JAZU. Zagreb, 1935. Knj. 250. S. 127—159.

Musić 1982 — *Musić A.* Gnomički aorist u grčkom i hrvatskom jeziku // Rad JAZU. Zagreb, 1982. Knj. CXII. Razredi filologičko-historički i filosofičko-juridički: XXXVI. S. 1—40.

Nikolić 1981 — *Nikolić V.* Afiksalni pasiv u ruskom i srpskohrvatskom jeziku // Naučni skup slavista u Vukove dane. Beograd, 1981. Br. VII/1. S. 371—380.

Nolte 1986 — *Nolte G.* Absolutes und relatives Tempus im Slowakischen // Zeitschrift für Slawistik. Berlin, 1986. № 31. S. 95—100.

Ostojić 1976a — *Ostojić B.* Jezik Petra I Petrovića. Titograd: Crnogorska ANU, 1976. 302 s.

Ostojić 1976b — *Ostojić B.* Sintaksičke funkcije potencijala u jeziku «Gorskog vijenca» P. P. Njegoša i spjevu «Smrt Smail-age Čengića» I. Mažuranića // Zbornik radova Pedagoške akademije. Nikšić, 1976. Br. 5—6 (1975—1976). S. 41—61.

Ostojić 1977 — *Ostojić B.* Prezent u funkciji potencijala u jeziku Gorskog vijenca i spjevu Smrt Smail-age Čengića // Zbornik radova profesora Nastavničkog fakulteta. Nikšić, 1977. Br. 1. S. 113— 118.

Oxford Dictionary 1996 — The Pocket Oxford Dictionary and Thesaurus / Ed. by F. R. Abate. Oxford: University Press, 1996. 512 p.

Pajić 1976 — *Pajić M.* Kraći perfekt u romanu „Koreni“ D. Ćosića // Gradina. Niš. 1976. God. XI. Br. 3. S. 24—36.

Paul 1898 — *Paul H.* Prinzipien der Sprachgeschichte. Halle a. S.: Niemeyer, 1898. 396 S.

Pavešić 1968 — *Pavešić S.* Jezik Stjepana Matijevića // Rasprave Instituta za jezik. Zagreb: JAZU, 1968. Knj. I. 484 s. (Poseban otisak).

Pavešić 1971 — *Pavešić J.* Jezični savjetnik s gramatikom. Zagreb: Matica hrvatska, 1971. 315 s.

Pešikan 1956 — *Pešikan M.* O nekim specifičnostima u upotrebi pripovedačkog imperativa // Naš jezik, nova serija. Beograd, 1956. God. VII. Br. 5—6. S. 153—166.

Pešikan 1959 — *Pešikan M.* Neke napomene o razvoju aktivnih participa u srpskohrvatskom jeziku // Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku. Novi Sad, 1959. Br. II. S. 88—106.

Pešikan 1975 — *Pešikan M.* Jedan kategorijalni slučaj glagolske homonimije i formalne dvovidnosti // Naš jezik, nova serija. Beograd, 1975. Knj. XXI. Sv. 1—2. S. 14—25.

Peti 1985 — *Peti M.* Pogledi jugoslavenskih lingvista na sintaksu vremena // Rasprave Zavoda za jezik, IFF. Zagreb, 1985. Br. X—XI. S. 109—126.

Peti 1995 — *Peti M.* Hrvatski i srpski filolozi o sintaksi vremena // *Peti Mirko*. Jezikom o jezik: stavljanja i suprotstavljanja. Zagreb: Izdanja Antibarbarus, 1995. S. 365—384.

Petrović 1971 — *Petrović R.* O nekim osobinama preterita u romanu «Na Drini ćuprija» // Književnost i jezik. Beograd, 1971. God. XVIII. Br. 3—4. S. 88—94.

Petrović 1985 — *Petrović V.* O mobilnosti glagolskih oblika u frazeološkim jedinicama // Naučni skup slavista u Vukove dane. Beograd, 1985. Br. XIV/2. S. 113—119.

Piper 1983 — *Piper P.* Sinonimije i konverzije sa glagolom *morati* // Naučni skup slavista u Vukove dane. Beograd, 1983. Br. XII/1. S. 167—172.

Piper 1985 — *Piper P.* Vremenske transpozicije i zameničke reči u srpskohrvatskom i drugim slovenskim jezicima // Naučni skup slavista u Vukove dane. Beograd, 1985. Br. XIV/2. S. 51—58.

Piper 1991 — *Piper P.* Hronotop teksta kao funkcionalno-semantička kategorija srpskohrvatskog jezika // Naučni sastanak slavista u Vukove dane. Beograd, 1991. Br. XX/2. S. 23—32.

Pojatić 1983 — *Pojatić D.* Konstrukcije sa glagolskim prilozima u djelu «Razvitak kapitalizma u Rusiji» V. I. Lenjina i njihovi prevodi na srpskohrvatski // Živi jezici. Beograd, 1983. Br. 1—4. S. 77—86.

Polovina 1985 — *Polovina V.* O upotrebi glagolskih vremena u srpskohrvatskom razgovornom jeziku // Naučni skup slavista u Vukove dane. Beograd, 1985. Br. XIV/2. S. 97—103.

Popović 1973 — *Popović D. S.* Narativni imperativ // Nastava i vaspitanje. Beograd, 1973. Br. 3. S. 300—310.

Popović 1974 — *Popović D. S.* Koncesivni i kondicionalni radni pridev // Nastava i vaspitanje. Beograd, 1974. God. XXIII. Br. 5. S. 554—562.

Povijesni pregled 1991 — *Babić S.*, *Brozović D.*, *Moguš M.*, *Pavešić S.*, *Škarić I.*, *Težak S.* Povijesni pregled, glasovi i oblici hrvatskoga književnog jezika. Nacrt za gramatiku. Zagreb: Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti, 1991. 743 s.

Pranjković 1987 — *Pranjković I.* Vukov pristup glagolskim kategorijama // Zbornik radova o Vuku Stefanoviću Karadžiću. Sarajevo, 1987. S. 203—210.

Radovanović 1970 — *Radovanović M.* O narativnim glagolskim oblicima // Prilozi proučavanju jezika. Novi Sad: Beograd, 1970. Br. 5. 322 s.

Radovanović 1974 — *Radovanović M.* O nekim funkcijama aorista i imperfekta u jeziku Borislava Radovića // Godišnjak Filozofskog fakulteta. Novi Sad, 1974. Br. XVII/1. S. 209—212.

Radovanović 1975 — *Radovanović M.* Značenja i funkcije pluskvamperfekta u «Romanu o Londonu» Miloša Crnjanskog // Godišnjak Filozofskog fakulteta. Novi Sad, 1975. Br. XXIII/1. S. 165—179.

Radovanović 1978 — *Radovanović M.* Potencijal II u srpskohrvatskom jeziku // Zbornik MS za filologiju i lingvistiku. Novi Sad, 1978. Br. XXI/2. S. 153—161.

Radovanović 1970 — *Radovanović M.* O narativnim glagolskim oblicima // Prilozi proučavanju jezika. Novi Sad, 1970. Br. 5. S. 49—59.

Radulović 1987 — *Radulović Z.* Sintaksička sinonimija // Ovdje. Titograd, 1987. Br. 19. S. 217—218.

Raguž 1997 — *Raguž D.* Praktična hrvatska gramatika. Zagreb: Medicinska naklada, 1997. 466 s.

Raičević 1977 — *Raičević V.* Glagoli kretanja bez prefiksa u ruskom jeziku // Strani jezici. Zagreb, 1977. God. VI. Br. 3—4. S. 176—185.

Rakić 1985 — *Rakić S.* Prosti futur u transformacionoj gramatici srpskohrvatskog jezika // Književni jezik. Sarajevo, 1985. God. XVI. Br. 4—5. S. 139—143.

Rečnik 1967 — Rečnik SH 1967: Rečnik srpskohrvatskoga književnog jezika: Knj. I—VI. Novi Sad; Zagreb: Matica srpska — Matica Hrvatska, 1967.

Reichenbach 1947 — *Reichenbach H.* Elements of symbolic logic. New-York, 1947. 99 p.

RKT 1992 — Rečnik književnih termina / Gl. i odg. urednik D. Živković. Beograd: Nolit, 1992. 950 s.

Robinson 1980 — *Robinson I.* Parliamentary Expressions // The State of the Language / Ed. by Michaels a. Ricks C. Berkeley etc.: U. of California P., 1980. P. 64—75.

Rom 1971 — *Rom B.* Neki glagolski oblici i njihove funkcije u jeziku Ive Ćipika // Prilozi proučavanju jezika. Novi Sad; Beograd, 1971. Br. 7. S. 63—68.

Rom 1972 — *Rom B.* Glagolski oblici i neke njihove funkcije u jeziku Eugena Kumičića // Prilozi proučavanju jezika. Novi Sad; Beograd (1972). Br. 8. S. 1—14.

Savić 1968 — *Savić M. D.* Prilog rešavanju problema infinitiva iza predloga *a* i *di* kao dopune finitnog glagola u savremenom italijanskom jeziku renesanse // Anali Filološkog fakulteta. Beograd, 1968. Knj. VIII. S. 205—231.

Savić 1974 — *Savić M. D.* Prilog proučavanju problema infinitiva iza predloga *a* i *di* kao dopune finitnog glagola u savremenom italijanskom jeziku // Anali Filološkog fakulteta. Beograd, 1974. Knj. XI. S. 357—385.

Savić 1981 — *Savić M. D.* Iskazivanje temporalnosti u srpskohrvatskom u vezi sa nekim drugim jezicima // Naučni skup slavista u Vukove dane. Beograd, 1981. Br. X/2. S. 169—175.

Savić 1982 — *Savić M. D.* Aspektualnost i temporalnost u iskazivanju prošlosti i pretprošlosti u slovenskim i neslovenskim jezicima // Linguistica. 1982. XXII. S. 191—204.

Savić 1985 — *Savić M. D.* Prošlo vreme u funkciji davnoprošlog vremena u savremenom srpskohrvatskom jeziku // Naučni skup slavista u Vukove dane. Beograd, 1985. Br. XIV/2. S. 87—95.

Sedlaček 1970 — *Sedlaček J.* Srpskohrvatske potvrde o razvitku rečenica sa *da* u južnim slovenskim jezicima // Zbornik za filologiju i lingvistiku. Novi Sad, 1970. Br. XIII/2. S. 59—70.

Selimović 1975 — *Selimović M.* Za i protiv Vuka // Selimović Meša. Sabrana dela. Knj. 8. Rijeka. Beograd: Otokar Keršovani — Slobod, 1975. 136 s.

Silić 1987 — *Silić J.* Sustav glagolskih vremena nekad i danas // Suvremena metodika nastave hrvatskog ili srpskog jezika. Zagreb, 1987. Br. XII/1—2. S. 50—59.

Silić 1995 — *Silić J.* Morfologija hrvatskoga jezika: udžbenik za 2. razred gimnazije i tehničkih škola. Zagreb: Školska knjiga, 1995. 96 s.

Silić 2003 — *Silić J.* Hrvatski jezik 2: udžbenik za II. razred gimnazije. Zagreb: Školska knjiga, 2003. 98 s.

Silić, Rosandić 1979: *Silić J.*, *Rosandić D.* Osnovi morfologije i morfostilistike hrvatskoga književnog jezika. Zagreb: Školska knjiga, 1979. 132 s.

Simeon 1969 — *Simeon R.* Enciklopedijski rječnik lingvističkih naziva. I—II. Zagreb: Matica Hrvatska, 1969 (Knj. I: 1011 s.; Knj. II: 927 s.).

Simić 1973 — *Simić R.* Prilog proučavanju glagolskih oblika u vremenskim rečenicama // Južnoslovenski filolog. Beograd, 1973. God. XXX. Br. 1—2. S. 589—604.

Sladojević 1953 — *Sladojević P. S.* O imperfektu u srpskohrvatskom jeziku // Iz rada Instituta za srpski jezik SAN: Glasnik SAN. Beograd, 1953. God. V. Br. 1. S. 135—145 (Также: Južnoslovenski filolog. Beograd, 1953—54. God. XX. Br. 1—4. S. 213—228).

Sladojević 1955/56 — *Sladojević P. S.* O značenju aorista u srpskohrvatskom jeziku // Južnoslovenski filolog. Beograd, 195—1956. God. XXI. S. 131—136.

Sladojević 1963/64 — *Sladojević P. S.* Nekoliko riječi o značenju i upotrebi aorista u pogodbenim rečenicama u jeziku Vuka Karadžića // Južnoslovenski filolog. Beograd, 1963—1964. God. XXVI. Br. 1—2. S. 459—462.

Sladojević 1966 — *Sladojević P. S.* O osnovnim vremenskim kategorijama glagolskih oblika u srpskohrvatskom jeziku. Beograd: Naučna knjiga, 1966. 116 s.

Smailović 1979 — *Smailović I.* Jezik Hasana Kikića. Glas. Banjaluka. 1979. 205 s.

Sović 1982 — *Sović I.* Aorist i imperfekt u Šenoinu jeziku // Jezik. Zagreb, 1982. Br. 4. S. 104—109.

Spagińska-Pruszak 1994 — *Spagińska-Pruszak A.* Język emocji. Grańsk: Uniwersytet Grański, 1994. 192 s.

Sperber 1955 — *Sperber H.* Expressive Aspects of Political Language // On Expressive Language / Ed. by H. Verner. Worcester, 1955. P. 39—46.

Srpskohrvatski 1972 — Srpskohrvatski jezik. Enciklopedijski leksikon / Red. i ured. Peco A, Stanojčić Ž. Beograd: Interpres, 1972. 604 s.

Stahl 1907 — *Stahl J.* Kritisch-historische Syntax des griechischen Verbums der Klassischen Zeit. Heidelberg, 1907. 838 s.

Stanković 1982 — *Stanković B.* Glagolska rekcija u ruskom jeziku u konfrontaciji sa srpskohrvatskim // Studia philologica. Priština, 1982. Br. 1—2. S. 107—117.

Stanković 1985 — *Stanković B.* Glagolski oblici u srpskohrvatskim i ruskim deklarativnim i finalnim rečenicama // Naučni skup slavista u Vukove dane. Beograd, 1985. Br. XIV/2. S. 129—137.

Stanojčić 1967 — *Stanojčić Ž S.* Jezik i stil Iva Andrića (funkcije sinonimskih odnosa). Beograd: Filološki fakultet, 1967. 330 s.

Stefanović 1983 — *Stefanović S.* Imperfekt u djelu Isaka Samokovlije // Književni jezik. Sarajevo, 1983. God. XII. Br. 2. S. 99—130.

Stefanović 1984 — *Stefanović S.* Pripovjedačka funkcija aorista u književnom djelu Isaka Samokovlije // Književni jezik. Sarajevo, 1984. Br. XIII. Br. 2. S. 75—86.

Stevanović 1937—39 — *Stevanović M.* Pitanja značenja glagolskih vremena u relativnoj upotrebi njihovoj // Južnoslovenski filolog. Beograd, 1937—1939. God. XVII. S. 150—178.

Stevanović 1952 — *Stevanović M.* O jednom obliku imperfekta i povodom njega // Naš jezik, nova serija. Beograd, 1952. God. IV. Sv. 1—2. S. 25—32.

Stevanović 1953/54 — *Stevanović M.* Značenje imperfekta prema upotrebi u jeziku P. P. Njegoša // Južnoslovenski filolog. Beograd, 1953—1954. God. XX. Br. 1—4. S. 39—80.

Stevanović 1953 — *Stevanović M.* Naporedna upotreba infinitiva i prezenta sa svezicom «da» // Naš jezik, nova serija. Beograd, 1953. God. V. Br. 3—4. S. 85—102; 1954. Br. 5—6. S. 165—185.

Stevanović 1956 — *Stevanović M.* Glagolski oblici pasiva // Naš jezik, nova serija. Beograd, 1956. God. VII. Br. 7—8. S. 203—216.

Stevanović 1957/58 — *Stevanović M.* Način određivanja značenja glagolskih oblika // Južnoslovenski filolog. Beograd, 1957—1958. God. XXII. Br. 1—4. S. 19—48.

Stevanović 1957 — *Stevanović M.* Oko značenja aorista // Naš jezik, nova serija. Beograd, 1957. God. VIII. Br. 5—6. S. 128—144.

Stevanović 1966/67 — *Stevanović M.* Značenje aorista imperfektnih glagola // Južnoslovenski filolog. Beograd, 1966—1967. God. XXVII. Br. 1—2. S. 165—184.

Stevanović 1967 — *Stevanović M.* Funkcije i značenje glagolskih vremena. Beograd: Naučna knjiga, 1967. 174 s.

Stevanović 1970 — *Stevanović M.* Savremeni srpskohrvatski jezik (Gramatički sistemi i književnojezička norma): II. Beograd: Naučna knjiga, 1970. S. 775.

Stevanović 1971 — *Stevanović M.* O potencijalu II u književnom jeziku // Naš jezik, nova serija. Beograd, 1971. God. XVIII. Sv. 4—5. S. 195—200.

Stevanović 1975 — *Stevanović M.* Savremeni srpskohrvatski jezik (Gramatički sistem i književnojezička norma): T. I, II. Beograd: Naučna knjiga, 1975. T. I: 653 s.; T. II: 942 s.

Stevanović 1976a — *Stevanović M.* Belićevo učenje o sintaksičkim sistemima glagolskih vremena, glagolskih načina i glagolskog vida // Zbornik radova o Aleksandru Beliću. Beograd: SANU, posebna izdanja, 1976. God. CDXCVIII, Odeljenje jezika i književnosti. Knj. 28. S. 91—131.

Stevanović 1976b — *Stevanović S.* Interferencija i interferentne pojave u nastavi ruskog jezika u infinitivnim konstrukcijama s povratnim glagolima // Pedagoška stvarnost. Novi Sad, 1976. Br. XXII/6. S. 439—447.

Stevanović 1980 — *Stevanović M.* Još o proučavanju sistema glagolskih vremena u srpskohrvatskom jeziku // Glas Srpske akademije nauka i umetnosti, Odeljenje jezika i književnosti. Beograd, 1980. God. CCCXXV. Knj. II. S. 9—61.

Stevanović 1988 — *Stevanović M.* Studije i rasprave o jeziku. Nikšić: Univerzitetska riječ, 1988. 399 s.

Stojanović 1921 — *Stojanović L.* O značenju i upotrebi glagolskih oblika u rečenicama // Južnoslovenski filolog. Beograd, 1921. God. II. S. 187—210.

Stojanović 1985 — *Stojanović A.* Neodređeno-lične rečenice u naučnom stilu ruskog jezika i njihovi srpskohrvatski ekvivalenti // Prevodilac. Beograd, 1985. Br. 4. S. 15—24.

Stojanović 1989 — *Stojanović A.* Inkluzivni imperativ u naučnom stilu ruskog i srpskohrvatskog jezika // Južnoslovenski filolog. Beograd, 1989. God. XLV. S. 127—136.

Stojićević 1954 — *Stojićević A.* Značenje aorista i imperfekta u srpskohrvatskom jeziku // Pitanja književnosti i jezika. 1954. Knj. I. S. 180—190.

Subotić 1982 — *Subotić L.* Participi u funkciji termina u književnom jeziku Jovana St. Popovića // Naučni skup slavista u Vukove dane. Beograd, 1982. Br. XII/1. S. 61—67.

Subotić 1983 — *Subotić L.* Iz sinonimije glagolskih priloga u književnom jeziku 19. veka // Naučni skup slavista u Vukove dane. Beograd, 1983. Br. XII/1. S. 183—187.

Subotić 1984 — *Subotić L.* Sudbina participa u književnom jeziku kod Srba u 19. veku // Prilozi proučavanju jezika. Novi Sad, 1984. Br. 20. S. 5—81.

Ševo 1987 — *Ševo A.* Spojivost glagola kretanja u ruskom jeziku u poređenju sa srpskohrvatskim // Radovi Instituta za strane jezike i književnosti: Serija C. Novi Sad, 1987. Sv. 8. S. 107—168.

Šklovski 1969 — *Šklovski V.* Uskrsnuće riječi. Zagreb: Stvarnost, 1969. 186 s.

Tabak 1950 — *Tabak J.* Žive li još imperfekt i aorist? // Republika. Zagreb, 1950. Br. 10. S. 695—697.

Tanasić 1982 — *Tanasić S.* Pasivne konstrukcije sa trpnim pridjevom u srpskohrvatskom jeziku (sintaksičko-semantička interpretacija) // Radovi Odjeljenja za jezik Instituta za jezik i književnost. Sarajevo, 1982. Knj. IX. S. 67—124.

Tanasić 1984 — *Tanasić S.* O imperativu u savremenom srpskohrvatskom jeziku // Književni jezik. Sarajevo, 1984. God. XIII. Br. 1. S. 15—26.

Tanasić 1986 — *Tanasić S.* Rečenica kao signal nereferencijalnosti glagolske radnje // Književni jezik. Sarajevo, 1986. God. XV. Br. 2. S. 177—181.
Tanasić 1990 — *Tanasić S.*Prezent u savremenom srpskohrvatskom jeziku: Doktorska disertacija. Sarajevo, 1990. 302 s.
Tanasić 1991 — *Tanasić S.* Glagolski oblici u jeziku novinske reklame // Jezik i stil sredstava informisanja. Sarajevo: Svjetlost, 1991. S. 7—20.
Težak 1970/71 — *Težak S.* Pasiv u Krležinu «Hrvatskom bogu Marsu» (kraj) // Jezik. Zagreb, 1970—1971. God. XVIII. Br. 5. S. 140—150.
Težak 1977—78 — *Težak S.* Upotrebna vrijednost imperfekta u suvremenom hrvatskom književnom jeziku // Jezik. Zagreb, 1977—1978. God. XXV. Br. 1. S. 2—13; Br. 2. S. 42—53.
Težak/Babić 1994 — *Težak S.*, *Babić S.* Gramatika hrvatskoga jezika. Priručnik za osnovno jezično obrazovanje. Zagreb: Školska knjiga, 1994. 296 s.
Tomić 1970 — *Tomić J.* Kondicional i pluskvamperfekt u štokavštini // Književnost i jezik. 1970. God. XVII. Br. 3—4. S. 402—406.
Topolinska 1982 — *Topolinska Z.* Srpskohrvatski «zamenički» glagoli — nosioci replika u dijalogu // Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku. Novi Sad, 1982. Br. XXV/1. S. 151—160.
Topolinska 1985 — *Topolinska Z.* Iz problematike slovenskih inhoativa (odnos glagolskog vida i faze radnje) // Južnoslovenski filolog. Beograd, 1985. God. XLI. S. 1—13.
Tošović 1978 — *Tošović B.* Stilizacije jezika u djelu «Petar Prvi» A. N. Tolstoja i njihov odraz u našem prevodu: Magistarski rad // Sarajevo, 1978. 415 s.
Tošović 1979 — *Tošović B.* Stilizacija // Književna istorija. Beograd, 1979. God. XII. Br. 45. S. 91—127.
Tošović 1982 — *Tošović B.* Stilsko-semantičke osobine participa ruskoga jezika u odnosu na njegove korespondente u srpskohrvatskom jeziku // Studia philologica. Priština, 1982. Br. 1—2. S. 61—72.
Tošović 1983 — *Tošović B.* Glagol kao konstituent književnoumjetničkog stila ruskoga jezika u poređenju sa srpskohrvatskim: Doktorska disertacija. Sarajevo, 1983. 807 s.
Tošović 1986 — *Tošović B.* Deglagolizacija kao umjetnički postupak u ruskoj i našoj poeziji // Književni jezik. Sarajevo, 1986. God. XV. Br. 3—4. S. 327—330.
Tošović 1988 — *Tošović B.* Ruska gramatika u poređenju sa srpskohrvatskom. Glasovi, oblici, rečenica. Sarajevo: Svjetlost, 1988. 427 s.
Tošović 1990 — *Tošović B.* Glagolska metaplazma // Književni jezik. Sarajevo, 1990. Br. 1. S. 17—28.
Tošović 1991a — *Tošović B.* Metaplazme u jeziku // Prizma. Sarajevo, 1991. Br. 1. S. 29—37.
Tošović 1991b — *Tošović B.*Metaplazme u slovenskim jezicima // Slavist. Sarajevo, 1991. Br. 2. S. 45—54.
Tošović 1991c — *Tošović B.* Modeli u stilistici // Naučni sastanak slavista u Vukove dane. Beograd, 1991. Br. XX/2. S. 293—303.
Tošović 1995 — *Tošović B.* Stilistika glagola. Stilistik der Verben. Wuppertal: Lindenblatt, 1995. 539 S.

Tošović 2002 — *Tošović B.* Funkcionalni stilovi. Funktionale Stile. Graz: Institut für Slawistik der Universität Graz, 2002. 504 s.

Tošović 2003 — *Tošović B.* *Stilističke kategorije* // Stil. Beograd: Banjaluka, 2003. Br. 2. S. 43—62.

Tošović 2004a — *Tošović B.* Tipovi globalne diferencijacije jezika // Obdobja: Aktualizacija jezikovnozvrsne teorije na slovenskem — Členitev jezikovne resničnosti. Ljubljana, 2004. Br. 22. S. 59—72.

Tošović 2004b — *Tošović B.*Globalna diferencijacija jezika // Riječki filološki dani. Rijeka, 2004. Br. 5. S. 533—546.

Trezner 1971/72 — *Trezner T.* O ekspresivnoj upotrebi glagolskog prideva radnog // Jezik. Beograd, 1971—1972. Knj. XIX. Br. 2—3. S. 64—70.

Veber 1873 — *Veber A*. (*Tkalčević*). O glagolju. Zagreb: Rad JAZU, 1873. Br. 22. S. 36—54.

Vermeer 1985 — *Vermeer W.* O upotrebi i značenju perfekta kod Marulića // Naučni skup slavista u Vukove dane. Beograd, 1985. Br. XIV/2. S. 159—167.

Veselinović 1980 — *Veselinović D.* Sintaksička služba infinitiva u savremenom ruskom i srpskohrvatsko-hrvatskosrpskom književnom jeziku // Radovi Filozofskog fakulteta. Sarajevo, 1980. Knj. IX—X. S. 345—353.

Vidović 1983 — *Vidović R.* Jezični savjeti. Split: Logos, 1983. 91 s.

Vlahović 1984 — *Vlahović P.* Kontrastiranje opisa glagolskih sistema dvaju jezika // Godišnjak Saveza društava za primijenjenu lingvistiku Jugoslavije. Sarajevo, 1984. Br. 7—8. S. 653—657.

Vojinović 1978 — *Vojinović O.* Bezlične infinitivne rečenice u ruskom jeziku // Zbornik Radova Pedagoške akademije za obrazovanje vaspitača predškolskih ustanova. 1978. Br. 2. S. 59—63.

Vojvodić 1988/89 — *Vojvodić D.* Futur glagola svršenog vida u ruskom jeziku // Radovi Filozofskog fakulteta. Zadar, 1988—1989. Sv. 28. S. 69—88.

Vojvodić 1989 — *Vojvodić D.* Transpozicija perfektivnog prezenta u ruskom i hrvatsko-srpskom jeziku // Zbornik Matice srpske za slavistiku. Novi Sad, 1989. Br. 36. S. 85—97.

Vojvodić 1991a — *Vojvodić D.* Funkcionisanje futura u novinskom stilu // Jezik i stil sredstava informisanja. Sarajevo: Svjetlost, 1991. S. 7—20.

Vojvodić 1991b — *Vojvodić D.* Izražavanje budućeg vremena u ruskom, hrvatskosrpskom i poljskom jeziku // Slavist. Sarajevo, 1991. Br. 2. S. 189—200.

Vojvodić 1994 — *Vojvodić D.* O „transpoziciji“ infinitiva u ruskom jeziku (u poređenju sa srpskim) // Godišnjak Filozofskog fakuleta. Novi Sad, 1994. Knj. XXIII. S. 1—10.

Vujičić 1984—1985 — *Vujičić D.* Neka zapažanja u vezi s upotrebom imperfekta u današnjem durmitorskom govoru // Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku. Novi Sad, 1984—1985. Knj. XXVII—XXVIII. S. 151—155.

Vuković 1957/58 — *Vuković J.* Futur II-gi i ekvivalentni glagolski oblici po upotrebi u srpsko-hrvatskom jeziku // Pitanja književnosti i jezika. Sarajevo, 1957—1958. Knj. IV—V. Sv. B. S. 5—28.

Vuković 1961 — *Vuković J.* Povodom najnovijih radova i interpretacija posvećenih imperfektu i aoristu // Radovi Naučnog društva Bosne i Hercegovine. Odjeljenje istorijsko-filoloških nauka. Sarajevo, 1961. God. XVIII. Knj. 6. S. 19—50.

Vuković 1967 — *Vuković J.* Sintaksa glagola. Sarajevo: Zavod za izdavanje udžbenika, 1967. 419 s.

Vuković 1970 — *Vuković G.* Prilog vremena sadašnjeg u delima Dobrice Ćosića // Prilozi proučavanju jezika. Novi Sad: Filozofski fakultet, 1970. Br. 5. 332 s.

Vuković 1991 — *Vuković M.* Imperativni oblici za 1. lice singulara u ruskom i sprskohrvatskom jeziku // Slavist. Sarajevo, 1991. Br. 2. S. 221—232.

Walter 1983 — *Walter H.* Problemi sinonimije na periferiji srpskohrvatskog glagolskog sistema // Naučni skup slavista u Vukove dane. Beograd, 1983. Br. XII/1. S. 161—165.

Weinrich 1977 — *Weinrich H.* Tempus. Besprochene und erzählte Welt. Stuttgart etc., 1977. 338 S.

Zima 1988 — *Zima L.* Figure u našem narodnom pjesništvu s njihovom teorijom. Zagreb: Globus, 1988. 343 s.

Žepić 1982 — *Žepić S.* O temporalnoj vrijednosti pasiva // Jezik. Zagreb, 1982. Br. 4. S. 126—127.

Živković 1951/52 — *Živković S.* Primer historiskog infinitiva u srpskohrvatskom jeziku // Južnoslovenski filolog. Beograd, 1951—1952. Br. 1—4. S. 225—228.

Živković 1963 — *Živković S.* Glavna funkcija perfekta // Zbornik u čast Stjepana Ivšića. Zagreb: Hrvatsko filološko društvo, 1963. S. 415—420.

Životić 1982 — *Životić R.* Vulgarizmi u komunikativnoj i estetičkoj funkciji // Jezik u savremenoj komunikaciji. Beograd, 1982. S. 141—145.

Zumthov 1971 — *Zumthov P.* Style and Expressive Register in Medieval Poetry // Literary Style. A Symposium / Chatman-Seymour. New York: Oxford University Press, 1971. P. 277—281.

Источники

Примечание.

В списке источников сокращение [**-www]** используется для обозначения примеров из Интернета, а в списке литературы [**— www] —** для обозначения библиографических единиц из Интернета.

Если речь идет о стихах, найденных в Интернете, то приводится только фамилия автора и название (напр.: Есенин. Пускай ты выпита другим-www). В других случаях даются полные данные об авторе (например: С. А. Есенин. Письмо к матери)

Андрич 1976 — *Андрич Иво*. Избранное. М.: Художественная литература, 1976. 605 с.

Аросеева 1980 — *Аросеева Т. Е. и др.* Пособие по научному стилю речи (основной курс; технический профиль). М.: Русский язык, 1980. 255 с.

Блок 1955 — *Блок А.* Избранные стихи и поэмы. Л.: Детская литература, 1955. 215 с.

Будагов 1977 — *Будагов Р. А.* Что такое развитие и совершенствование языка? М.: Наука, 1977. 264 с.

Гладков 1966 — *Гладков Ф. М.* Цемент. М.: Советская Россия, 1966. 80 с.

Гоголь 1962 — *Гоголь Н. В.* Сочинения в двух томах. Т. 1 (повести). М.: Гослитиздат, 1962. 607 с.

Горин 1980 — *Горин Г.* Феномены: Комедия в двух частях // Театр. М., 1980. № 3. С. 171—191.

Горький 1979 — *Горький М.* Собрание сочинений: В 16 т. Т. 1. М.: Правда, 1979. С. 21—33.

Десять р. поэтов 1981 — Десять русских поэтов. М.: Русский язык, 1981. 304 с.

Иващенко 1980 — *Иващенко А.* Поставьте мальчику тройку!: Комедия-гротеск в двух действиях // Театр. М., 1980. № 1. С. 131—152.

Из совр. поэзии 1972 — Из современной поэзии народов Югославии / Ред. Вл. Огнев. М.: Прогресс, 1972. 452 с.

Конституция 1974 — Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. М.: Известия Советов депутатов трудящихся СССР, 1974. 32 с.

Люстрова 1972 (Люстрова, Скворцов 1972) — *Люстрова З. Н., Скворцов Л. И.* Мир родной речи: Беседы о русском языке и культуре. М.: Знание, 1972. 160 с.

Помяловский 1980 — *Помяловский Н. Г.* Сочинения. Л.: Художественная литература, 1980. 632 с.

Правда 1982 — Правда. 28 февраля 1982.

Приходько 1971 — *Приходько В. А.* Современный русский литературный язык: Морфология. Л.: ЛГУ, 1971. 55 с.

Русская и сов. поэзия 1981 — Русская и советская поэзия. М.: Русский язык, 1981. 375 с.

Селимович 1974 — *Селимович Меша.* Крепость. М.: Прогресс, 1974. 357 с.

Толстой 1971 — *Толстой А. Н.* Петр Первый. Л.: Художественная литература, 1971. 697 с.

Тургенев 1968 — *Тургенев И. С.* Рассказы: Из «Записок охотника». М.: Художественная литература, 1968. 248 с.

Устав 1973 — Устав Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1973. 62 с.

Фет 1893 — *Фет А. А.* Ранние годы моей жизни. М., 1893. 241 с.

Чаковский 1979 — *Чаковский А.* Блокада: Кн. 1—5. М.: Советский писатель, 1979. Кн. 1—2 — 527 с.; Кн. 3—4 — 496 с.; Кн. 5 — 623 с.

Чехов 1975 — *Чехов А. П.* Дама с собачкой и другие рассказы. М.: Русский язык, 1975. 200 с.

Шолохов 1956 — *Шолохов М. А.* Тихий Дон // *Шолохов М. А.* Собрание сочинений: В 7 т. Кн. 1. М.: Молодая гвардия, 1956. 400 с.

Шолохов 1975 — *Шолохов М. А.* Судьба человека. М.: Русский язык, 1975. 94 с.

Andrić, Anikina vremena 1984/85 — *Andrić, Ivo.* Anikina vremena // Savremena književnost naroda i narodnosti BiH u 50 knjiga: knj. 4. Sarajevo: Svjetlost, 1984—1985. S. 305—363.

Andrić, Na Drini ćuprija 1984/85 — *Andrić, Ivo.* Na Drini ćuprija // Savremena književnost naroda i narodnosti BiH u 50 knjiga: knjiga 2. Sarajevo: Svjetlost, 1984—1985. 407 s.

Andrić, Prokleta avlija 1984/85 — *Andrić, Ivo.* Prokleta avlija // Savremena književnost naroda i narodnosti BiH u 50 knjiga: knjiga 4. Sarajevo: Svjetlost, 1984—1985. S. 17—81.

Andrić, Travnička hronika 1984/85 — *Andrić, Ivo.* Travnička hronika // Savremena književnost naroda i narodnosti BiH u 50 knjiga: knjiga 3. Sarajevo: Svjetlost, 1984—1985. 463 s.

Antologija 1967 — Antologija srpskog ljubavnog pesništva (XVIII—XX vek) / Priredio Gavrilović Zoran. Beograd: Rad, 1967. 305 s.

Antologija 1976 — Antologija bosanskohercegovačke poslijeratne poezije / Priredio Kordić Ivan // Život. Sarajevo, 1976. Br. 7—8.

Antologija 1980 — Antologija bosanskohercegovačke pripovijetke XX stoljeća / Priredio Alić Džemalud // Život. Sarajevo, 1980. Br. 7—8. 396 s.

Antologija 1981 — Antologija bosanskohercegovačke poezije dvadesetog stoljeća / Priredio Blagojević Slobodan // Lica. Sarajevo. Br. 3—4. 168 s.

Antologija rus. poezije 1977 — Antologija ruske poezije: XVII—XX vek / Izbor, predgovor i tekstovi o pjesnicima Petrov Aleksandar. Beograd: Prosveta, 1977. Knjiga prva: 709 s. Knjiga druga: 627 s.

Crnjanski 1962 — *Crnjanski, Miloš.* Seobe. Beograd: Srpska književna zadruga, 1962.

Ćopić, Bašta 1984/85 — *Ćopić, Branko.* Bašta sljezove boje // Savremena književnost naroda i narodnosti BiH u 50 knjiga: knjiga 8. Sarajevo: Svjetlost, 1984—1985. S. 143—328.

Ćopić, Prolom 1984/85 — *Ćopić, Branko.* Prolom // Savremena književnost naroda i narodnosti BiH u 50 knjiga: knjiga 7. Sarajevo: Svjetlost, 1984—185. 685 s.

Garnysz-Kozlowska/Rapacka 1971 — *Garnysz-Kozlowska, Teresa, Rapacka, Joanna.* Polska literatura wspolczesna 1918—1968. Warszawa: Wydawnictwa Univesytetu Warszawskiego, 1971. 277 s.

Kondžić, Silicijum front 1984/85 — *Kondžić, Muhamed.* Silicijum front // Savremena književnost naroda i narodnosti BiH u 50 knjiga: knjiga 47. Sarajevo: Svjetlost, 1984—1985. S. 15—402.

Kovačević 1982 — *Kovačević, Uroš.* Vrata kože /II/ // Život. Sarajevo, 1982. Br. 5—6. S. 400—415.

Krleža 1959 — *Krleža, Miroslav.* Golgota. Beograd: Scene, Stožer, 1959. 109 s. Str. 9—24.

Kulenović, Ponornica 1984/85 — *Kulenović, Skender.* Ponornica // Savremena književnost naroda i narodnosti BiH u 50 knjiga: knjiga 6. Sarajevo: Svjetlost, 1984—1985. 226 s.

Lirske nar. pjesme 1952 — Lirske narodne pjesme / Uredio Čubelić Tvrtko. Zagreb: Školska knjiga, 1952. 394 s.

Oslobođenje 1982 — Oslobođenje. Sarajevo: 10. maj 1982. S. 1—8.

Selimović, Tvrđava 1970 — *Selimović, Meša.* Tvrđava. Sarajevo: Svjetlost, 1970. 421 s.

Sijarić, Pripovijetke 1984/85 — *Sijarić, Ćamil.* Pripovijetke // Savremena književnost naroda i narodnosti BiH u 50 knjiga: knjiga 20. Sarajevo: Svjetlost, 1984—1985. S. 129—392.

Simić, Braća i kumiri BiK 1984/85 — *Simić, Novak.* Braća i kumiri // Savremena književnost naroda i narodnosti BiH u 50 knjiga: knjiga 12. Sarajevo: Svjetlost, 1984—1985. 506 s.

Šolohov 1962 — *Šolohov M. A.* Čovekova sudbina i druge pripovetke. Beograd: Narodna knjiga, 1962. 229 s.

Šolohov 1977 — *Šolohov Mihail.* Pripovijetke. Sarajevo: Svjetlost, 1977. 241 s.

Интернет-источники

Аббас-заде. Просьба-www: *Аббас-заде Гусейн.* Просьба: http://azeribook.com/proza/guseyn_abbaszade/prosba.htm

Абрамов. Пряслины-www: *Абрамов Ф. А.* Пряслины. Две зимы и три лета, глава 19: http://www.e-kniga.ru/Abramov/dve_zim16.html

Аксаков-www: *Аксаков С. Т.* Стрепет: http://www.sobachnik.org/hunt/hunt45.php

Анатой. кие0710-www: *Анатой Андрей.* кие0710: http://threehorn.odessa.net/pianist/andrejanatol.htm

Анекдоты про Зверей-www: http://forum.vstre4a.info/topic18197_120.html

Антонова. Заговор против бессилия-www: *Антонова Валентина.* Заговор против бессилия: http://soblazn.onweb.ru/j/0003/000037.html

Африканские байки-www: http://world.lib.ru/f/feoktistow_a_p/afrika.shtml
Ахматова. Из «Черных песен»-www: *Ахматова Анна.* Из «Черных песен»: http://www.ruthenia.ru/60s/ahmatova/iz_chernuh_pesen.htm
Ахматова. Первое предупреждение-www: *Ахматова Анна.* Первое предупреждение: http://risunok.kulichki.net/literatu/silver_age/ahmatova/7th_book.htm
Баба — она хитрая-www: http://humorok.by.ru/baba.html
Бадигин. Путь на Грумант-www: *Бадигин К. С.* Путь на Грумант, глава 2-www: www.litportal.ru/?a=265&t=1890
Баллада. http://www.poesis.ru/poeti-poezia/turgenevic/verses.htm
Баранова, Армоштат. Ластик и скрепочка-www: *Баранова Ольга*, *Армоштат Марина*. Ластик и скрепочка на призрачном острове, гл. 5: Приглашение: http://dob.1september.ru/2002/06/5.htm
Басинский. Старое вино-www: *Басинский Павел.* «Старое вино» Констатина Ваншенкина: http://www.lgz.ru/archives/html_arch/lg24-252001/Literature/art12.htm
Белкина. Скрещение судеб-www: *Белкина Мария.* Скрещение судеб: http://www.synnegoria.com/tsvetaeva/WIN/belkina/belkB02.html
Белый свет-www: http://dekabr.cool.ru/txt/whitesvet.html
Белый. Прадед-www: *Белый Игорь.* Прадед: http://aug32.hole.ru/autors/beliy/praded.htm
Бери 01-www: www.kp.ru/daily/23400/33861/
Бери 02-www: www.evening-kazan.ru/article.asp?from=section& id=17242&limit=20&section_id=4
Бери 03-www: www.recipe.by/
Бери 04-www: www.federalpost.ru/www/issue_17670.html -
Бери 05-www: www.aif.ru/online/dochki/240/16_05
Бери 06-www: www.izcity.com/faq/hard/question1058.html
Бери 07-www: www.aif.ru/online/moskva/581/04_03
Бери 08-www: www.vdvsn.ru/papers/vs/2005/02/01/32621/
Бери 09-www: www.cofe.ru/apple/article. asp?heading=5&article=5073
Бери 10-www: www.shoppingcenter.ru/shopping/prokat.html
Бери 11-www: www.rustur.ru/news/news69.html
Бери 12-www: www.optime.ru/Programs/1007/
Бивал 01-www: http://sportoboz.com.ua/news.php?id=2730&t=1
Бивал 02-www: http://info.e-burg.ru/burda/arh/bur19980414.htm
Богатым быть опасно-www: http://casino2000.ru/history.php3?year=2004&month=3&nocache=309
Богданович. Доколе буду я забвен-www: *Богданович И. Ф.* Доколе буду я забвен: http://www.rvb.ru/18vek/bogdanovich/01text/02versus/03.htm
Бой часов-www: http://militera.lib.ru/prose/foreign/4/10.html
Будет учить 02-www: http://regions.ng.ru/time/2001-04-24/7_nikita.html
Будет учить 03-www: http://www.russ.ru/ssylka/98-01-26.htm
Будет учить 06-www: http://www.omolenko.com/texts/Propoved-2003-03-02.htm
Будет учить 07-www: http://subscribe.ru/archive/rest.love.ccccbb/200506/20131321.html
Будет учить 08-www: http://www.dragonlance.olmer.ru/humor12.shtml
Будет учить 09-www: http://nousa.in.ua/russian/forum/1/messages1089/478/

Будет учить 10-www: http://www.skazka.com.ru/article/shukshin/000001shukshin.html
Будет учить 12-www: http://lleo.aha.ru/arhive/no_humor/blackice.htm
Будете или нет 01-www: http://artreal.exler.ru/theme/tha/tha00jc.html
Будете или нет 08-www: http://www.sql.ru/docs/sql/u_sql/ch17.shtml
Будете или нет 09-www: http://rjews.net/maof/article.php3?id=6814&type=s&sid=30
Будете или нет 11-www: http://flatmates.ru/info/about.html
Будете или нет 12-www: http://psyberia.ru/remarks/food
Буду 04-www: http://www.titan.am/humor/?action=viewanekdots&cat=13
Буду 05-www: http://www.channelonerussia.com/f/lofiversion/index.php/t657-100.html
Буду 06-www: http://forums.ag.ru/?board=server&action=display&num=1118566372
Буду не буду 01-www: http://www.e1.ru/news/spool/news_id-223946.html
Булгаков. Мастер и Маргарита-www: *Булгаков Михаил.* Мастер и Маргарита. С. 111-www: http://www.klassika.ru/cgi-bin/read.pl?text=proza/bulgakov/master.txt&page=110
Булгаков. Псалом-www: *Булгаков Михаил.* Псалом: http://orel2.rsl.ru/rgb-sh/bulgakov/psalom.htm
Бутусов, Кормильцев. Морской змей-www: *Бутусов В.*, *Кормильцев И.* Морской змей: http://www.nautilus.ru/SONGS/S720.shtml
Были и небылицы деревни Киндасово-www: www.gov.karelia.ru/gov/Regions/Praja/h4o.html)
В лесу родилась елочка-www: http://z.morozko.net/p/vre.html
В логове зверя-www: http://baldursgate2.h1.ru/Histories.html
В награду-www: В награду возьми лучшую овечку из моего стада!: http://www.yuretz.ru/v_nagradu_vozmi_luchshuju_ovechku_iz_moego_stada_p286.html
Вадиму. Моему читателю-www: Вадиму. Моему читателю (ковбойская песня): http://www.arba.ru/art/7/articles/2003161-1.html#6
Вайл, Генис. Русская кухня-www: *Вайль П.*, *Генис А.* Русская кухня в изгнании: http://kuking.net/8_42.htm
Вар. Испытание чувств-www: *Вар П. А.* Испытание чувств: http://zhurnal.lib.ru/w/war_p_a/skolgenrtf.shtml
Василенко. Рассказы об Артемке-www: *Василенко Иван.* Рассказы об Артемке: http://vasilenko-i.viv.ru/cont/vasile01/1.html
Васильев. Романс Аллы Вадимовны-www: *Васильев Геннадий.* Романс Аллы Вадимовны-www: http://geo.web.ru/bards/Vasiliev_G/part75.htm
Вера 01-www: http://www.rak.by/cgi-bin/article.cgi?a=93
Верни паспорт-www: Верни паспорт, ворюга!: http://archiv.radio.cz/php/parse.phtml?soubor=%2Frusky%2Fahoj%2F10-12-00.xml
Вечной Памяти Кляксы-www: http://grief.narod.ru/page/deimos.htm
Власенко. Разговор о литературе-www: *Власенко Дмитрий.* Разговор о литературе: http://www.vlas.kafka.ru/texts/razgovorolit.htm
Возьми — бери 01-www: http://www.mhealth.ru/topic/career/28/
Возьми — бери 02-www: http://forum.skyfamily.ru/fud/index.php/m/2840/0/#msg_2840
Возьми — бери 03-www: www.theatre.ural.ru/archives/afrika.php3
Возьми 01-www: http://www.mobtel.ru/melody_poly/melody.php?id_m=3346

Возьми 02-www: http://www.topos.ru/article/3073
Возьми 03-www: www.kp.ru/daily/23251/27929/
Возьми 04-www: www.zavtra.ru/cgi/veil/data/biblio/shurygin/vozmi.html
Возьми 05-www: www.vozmi.ru/furniture/sale.php
Возьми 07-www: www.narcomania.com/new/readmsg.php3?id=215& pid=42&days=10000&js=0&lang=ru
Возьми 08-www: www.ozon.ru/context/music_detail/id/1318027/
Возьми 09-www: www.stihi.ru/poems/2004/09/17-1331.html
Возьми 10-www: www.usb.com.ua/ru/presscentre/news/bank/2003/03/9/
Возьми 11-www: www.alphatv.ru/news/2004/05/31/4.html
Возьми 12-www: www.voronezh.ru/inform/news/2004/33990046.html
Возьми 13-www: www.sunhome.ru/modules.php/ name/Poetry/file/article/sid/2693
Возьми 14-www: www.eaglesky.ru/other-6.htm
Возьми 15-www: www.friends-partners.org/newfriends/ culture/literature/alexey/koi/rubahin.htm
Возьми 16-www: http://teacher.fio.ru/news.php?n=22226
Возьми 19-www: www.udaff.com/creo/39462.html
Возьми и бери
Возьми/бери 01-www: www.rsex.ru/s.php/2455.htm
Возьми/бери 02-www: http://talks.guns.ru/forummessage/21/62048.html
Возьми/бери 03-www: http://anti.teneta.ru/2002/drama/gb1021434705193565.html
Возьми/бери 04-www: http://www.boarderz.ru/Snow_Practice/Art28/
Возьми/бери 05-www: www.telesys.ru/wwwboards/ mcontrol/845/messages/132781.shtml
Возьми/бери 06-www: http://forum.proc.ru/lofiversion/index.php/t12451.html
Возьми/бери 07-www: www.library.tver.ru/~lagzdyn/lagz-03.htm
Возьми/бери 08-www: http://forums.newyork.ru/archive/index.php/t-792.html
Возьми/бери 11-www: http://mindmix.ru/automotive/17-311-podskazhite-plz-s-kakim-dvigatelem-luchshe-brat-vaz-2106-1500-read.shtml
Возьми/бери 12-www: www.forum.autonavigator.ru/topic387-0-asc-15.htm
Возьми/бери 13-www: http://3axodu.com/post_29_2.html
Возьми/бери 14-www: www.artofwar.ru/suong/tale_suong_1.html
Возьми/бери 15-www: www.hw.by/cgi-bin/thread.cgi?thread=1/591&page=1
Возьми/бери 16-www: www.lito.ru/text/5527
Возьми/бери 17-www: www.lib.com.ua/books/11/405n14.html
Возьми/бери 18-www: www.chrab.chel.su/archive/27-04-00/5/A121265.DOC.html
Возьми/бери 19-www: www.centant.pu.ru/centrum/publik/books/frolov/001.htm
Возьми/бери 20-www: www.gameforums.ru/showthreaded. php?Board=chikago&Number=603264
Возьми/бери 21-www: www.maly.ru/news2/news_more.php?number=2& day=14&month=1&year=2005
Возьми/бери 22-www: www.worlds.ru/humour/story/325.shtml
Возьми/бери 23-www: www.mobile-review.com/forum/ archive/index.php/t-18058.html
Возьми/бери 24-www: www.sampo.ru/~nezsch/project/kalevala/text/runa14.htm
Волк и лиса: http://www.kostyor.ru/tales/tale48.html

Ворфоломеев. Золото Бур-хана-www: *Ворфоломеев Михаил.* Золото Бур-хана: http://www.zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/97/202/71story.html
Вукс. Была зима-www: *Вукс Татьяна.* Была зима...: http://www.nundesign.villry.com/stuff/2.html
Газанул 01-www: http://www.autogazeta.com/index.phtml?n=397&r=11&a=10839
Галич. Песня об Отчем Доме-www: *Галич Александр.* Песня об Отчем Доме: http://www.ruthenia.ru/60s/galich/otchij_dom.htm
Гимн города Москвы-www: http://geraldika.ru/symbols/303
Глаголы *-ану-*, www: http://www.krugosvet.ru/articles/77/1007730/print.htm
Глупец Эмвей-www: Сказка «Глупец Эмвей»: http://www.skazka.com.ru/people/birm/0000082birm.html).
Гоголь. Мертвые души-www: *Гоголь Н. В.* Мертвые души: http://www.klassika.ru/cgi-bin/read.pl?text=proza/gogol/dushi.txt&page=56
Гончаров. Обрыв-www: Гончаров И. А. Обрыв: http://www.e-kniga.ru/Goncharov/obryv42.html
Горалик. Сказки-www: *Горалик Линор.* Сказки для неврастеников. http://realism.ru/inorod/1_18_goralik.html
Горланова. Объяснение в любви-www: *Горланова Нина.* Объяснение в любви: http://magazines.russ.ru/urnov/2004/20/gor2.html
Гребенщиков. В бору-www): *Гребенщиков Г.* В бору, II: http://irbis.asu.ru/docs/altai/literature/greben/tvorch/stories/grove2.html
Гребенщиков. Змей Горыныч-www *Гребенщиков Г.* Змей Горыныч — I: http://irbis.asu.ru/docs/altai/literature/greben/tvorch/stories/goryn.html
Губанов. Марине Цветаевой-www: *Губанов Леонид.* Марине Цветаевой: http://www.ruthenia.ru/60s/gubanov/zvetaeva.htm
Гуливал 01-www: www.stihi.ru/poems/2003/08/18-47.html
Гульнуть 01-www: www.pravda.ru/sport/2004/17/86/342/17921_cska.html
Гульнуть 02-www: http://groups.rambler.ru/groups/rambler.dosug.hello/0025203.15.html?style=2
Гульнуть 03-www: http://www.introduction.ru/cgi-bin/dynamic/show.cgi?material_id=38838&single_offset=179&cardinal_number=416&single_rub=8
Гульнуть 04-www: www.ozon.ru/?context=detail& id=1426501&add2navigator=1
Гульнуть 05-www: http://www.dragrace.ru/phorum/viewtopic.php?t=5318
Гульнуть 06: www.limonia.ru/pages/pressa/dovolen.htm
Гульнуть 07-www: http://dnevnik.vstre4a.de/kommentar51170.html
Гульнуть 08-www: http://www.for.uaone.com/modules.php?name=Forums&file=posting&mode=quote&p=124&sid=715f59524ff1b67ef8f85ed274973678
Гульнуть 09-www: www.hi-hi.ru:8005/texts/2004/02/14-12.html
Гульнуть 10-www: http://www.eva.ru/static/rubrums/408/3187.html
Гульнуть 11-www: www.aldebaran.ru/rufan/ipatova/ipatova1/?4
Гульнуть 12-www: www.komok.ru/article.php?article=457310&c=2
Гульнуть 13-www: www.guestbook.ru/book.cgi?user=mkb&action=show
Гульнуть 14-www: http://deforum.ru/forum/viewtopic.php?t=12960&postdays=0&postorder=asc&start=30&sid=97cf498f97b5c2e2ad63b2b6acc1b0dd

Гульнуть 15-www: http://forum.investo.ru/showflat.php?Cat=&Board=soft&Number=32552&page=2&view=collapsed&sb=3&o=&fpart=1
Гульнуть 16-www: www.radioscaner.ru/forum/ index.php?action=vthread&topic=890&forum=1&page=-1
Гульнуть 17-www: www.bednayanastya.ru/forum/ topic.asp?topicid=109&messageid=207529
Гульнуть 18-www: www.litportal.ru/?a=120&t=317&p=5
Гульнуть 19-www: http://deforum.ru/forum/viewtopic.php?t=12960
Гульнуть 20-www: www.litportal.ru/?a=120&t=313&p=9
Гульнуть 21-www: www.proza.ru:8004/texts/2001/07/10-42.html
Гульнуть 22-www: http://www.ozs.ru/cgi-bin/archive.cgi?date=2002-09-08
Гульнуть 23-www: www.podruga.net/dk/22276_152.html
Гульнуть 24-www: http://talks.guns.ru/forummessage/52/508-4.html
Давай плакать-www: http://www.livejournal.com/users/alexnika/
Даль. Афоризмы, пословицы и поговорки-www: *Даль В. И.* Афоризмы, пословицы и поговорки русского народа: http://dal.h11.ru/page/64.html
Даль. Пословицы и поговорки-www: *Даль В. И.* Пословицы и поговорки: http://www.slova.ru/index.php?cont=book&bok_id=1&toc_id=162
Девять золотых сыновей-www: Сказка. http://www.skazka.com.ru/people/karel/0000015karel.html
Дельвиг. Эпилог-www: *Дельвиг А. А.* Эпилог: http://www.klassika.ru/stihi/delvig/tak-peval-bez.html
День учителя-www: http://scenarist.boom.ru/vecher/uchitel/uchit.html
Джаз и Фауст-www: www.ag.ru/cheats/5050/14949
Дорогие шкуры-www: http://www.gov.karelia.ru/gov/Regions/Praja/h4o.html
Достоевский. Братья Карамазовы-www: *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы – Лизавета Смердящая: http://www.rvb.ru/dostoevski/01text/vol9/35_1.htm?start=15&length=1
Достоевский. Дядюшкин сон-www: *Достоевский Ф. М.* Дядюшкин сон: http://www.ilibrary.ru/text/44/p.3/
Достоевский. Записки из Мертвого дома-www: *Достоевский Ф. М.* Записки из Мертвого дома. Часть первая. II. Первые впечатления: http://ilibrary.ru/text/61/p.3/
Драгунская. Яблочный вор-www: *Драгунская Ксения.* Яблочный вор: http://komedia.ru/lib/apple-p1.html
Драгунский. Денискины рассказы-www: *Драгунский Виктор.* Денискины рассказы: http://dragunskij-viktor.viv.ru/cont/denis/6.html
Дьяченко. Не уходи-www: *Дьяченко Лариса.* Не уходи: http://www.foru.ru/slovo.1862.3.html
Дядюшка смерть-www: Дядюшка смерть, французская сказка: http://teneta.rinet.ru/2002/humor/BAK/61.html
Евстигнеев. Как курдль-www: *Евстигнеев В.* Как курдль сепульку наставлял: http://lib.ru/LEM/no-lem.txt
Едал 01-www: www.kp.ru/daily/23223/26861/
Едал 02-www: www.rol.ru/news/hobby/travel/02/07/20_002.htm

Едал 03-www: http://wodehouse.ru/contest/032.txt
Едал 04-www: http://www.gotovim.ru/forum1/topic3595.shtml
Едал 05-www: http://www.cea.ru/~comp/best_printer.html
Едал 06-www: www.maltavista.ru/library/article/223
Едал 07-www: http://www.moskva.ru/history/istmos/istmos10_4.html
Ее мужик: http://trainspotting.port5.com/0109.html
Езжал 01-www: www.rvb.ru/pushkin/01text/05theatre/01theatre/0842.htm
Езжал 02-www: www.rvb.ru/tolstoy/01text/vol_2/01text/0007.htm
Езжал 03-www: www.nanya.ru/opit/9188
Есенин. Пускай ты выпита другим-www: *Есенин С. А.* Пускай ты выпита другим: www.sinat.kuban.net/puskay.html
Если ты едешь-www: Если ты едешь в Финляндию на учебу... http://www.karelia.ru/psu/Structure/NewsPaper/96/4_10/8_1.htm
Жемайтис. Ребята-www: *Жемайтис Сергей.* Ребята с Голубиной пади 2000: http://lib.ru/RUFANT/ZHEMAJTIS/children.txt
Живал 01-www: http://www.kraina.by/modules.php?name=News&file=article&sid=40
Живал 02-www: www.stolby.ru/Mat/Yavorsky/3.asp
Живал 03-www: www.trud.ru/002_Vtr/200405180900601.htm
Живал 04-www: http://www.koenig.ru/time/63/
Живал 05-www: http://www.kinotavr.ru/group/news/11/
Западов. Комментарий-www: *Западов В. А.* Комментарий: Державин: http://www.rvb.ru/18vek/derzhavin/02comm/072.htm
Запомни 01-www: www.skazka.com.ru/people/jupan/0000061jupan.html
Запомни 02-www: http://net-man.narod.ru/0235.htm
Запомни 03-www: http://zhurnal.lib.ru/m/marach_w_w/kolodec2.shtml
Застольные песни-www: http://www.pomoika.ru/cgi-bin/show_pics.cgi?c_id_i=37&p_id_i=3917&p_num=1
Звездануть 01-www: www.kulichki.com/mitki/russian/maksim/tudaobratno.html
Звездануть 02-www: http://www.kunstkamera.net/viewtopic.php?t=1066&start=25
Звездануть 03-www: www.rus-chat.de/_forum/topic23360_0.html
Звездануть 04-www: http://www.rgz.ru/arhiv/27.03.2003/txt/txt2.html
Звездануть 05-www: www.chegorian.com/chegorian/archive.asp
Звездануть 06-www: http://www.kleo.ru/items/family/nasilie_v_semie.comments.5.shtml
Звездануть 06-www: www.exler.ru/bannizm/12-03-2004.htm
Звездануть 07-www: www.morehodka.ru/baiki4.html
Звездануть 08-www: www.artofwar.ru/gor/tale_gor_4.html
Звездануть 09-www: www.muzon.com/view_post.php?post_id=1067
Звездануть 10-www: www.flame.com.ua/lazertag.html?x=251
Звездануть 11-www: www.art.uralinfo.ru/literat/ Ur_sled/1999/07/9907-05-1.html
Звездануть 12-www: http://durakoff.kulichki.net/qa.php?pc&pn=408
Звездануть 13-www: http://www.contr-tv.ru/discuss/865/20/
Звездануть 14-www: http://www.finam.ru/analysis/newsitem0BFCB/default.asp
Звездануть 15-www: www.apeha.ru/message1_pt_368.html
Звездануть 16-www: http://forums.slashdot.ru/showthread.php?threadid=6552

Звездануть 17-www: http://jesuschrist.ru/forum/71052,,2.php
Звездануть 18-www: http://www.stihi.ru/poems/2003/02/04-90.html
Звездануть 19-www: http://today.viaduk.net/todayol.nsf/0/c2256713004f33f5c2256851005c36e7?OpenDocument
Звездануть 20-www: http://stihi.ru/poems/2003/04/19-172.html
Звездануть 21-www: http://www.krsk.ru/din/arch/98_4_5/jangula.htm
Звездануть 22-www: http://www.krasnet.ru/forum/fisp.cgi?act=show2&fil=1089605776610&name=krasnet
Зевгма 01-www: http://www.hi-edu.ru/x-books/xbook050/01/part-006.htm#i851
Зевгма 02-www: http://www.stihi.ru/poems/2003/04/09-998.html
Зевгма 03-www: http://www.kleo.ru/items/contest/kukolny.comments.3.shtml
Знавал 01-www: http://forum.baikal.net/forum.cgi?board=cyber;action=display;num=1097404788
Знавал 02-www: http://allbest.ru/library/texts/class/shishk1/9.shtml
Знавал 03-www: http://www.buka.ru/cgi-bin/show_more.pl?option=Show_news&id=127
Знавал 04-www: www.loyola.h1.ru/skriptori/serg/serg11.shtml
Зять Хома, сказка-www: http://www.skazka.com.ru/people/karel/0000025karel.html
Иванушка и козленок с золотыми крыльями-www: http://school-1.ru/works/grinberg_robert001.htm
Ивасюк. Колискова-www: *Ивасюк Михаил.* Колискова: http://www.domivka.net/ivasyuk/pages.php?l=ru&s=songs&p=kolyskova
Игнатьев. Пятьдесят лет в строю-www: *Игнатьев А. А.* Пятьдесят лет в строю. Мемуары. Глава четвертая: В окружении: http://militera.lib.ru/memo/russian/ignatyev_aa/46.html
Игрывал 01-www: http://www.fictionbook.ru/ru/author/dyachenko_marina/
Игрывал 02-www: www.proza.ru:8004/texts/2003/11/16-127-e-01.html
Игры-хороводы-www: (Шифр — колл. 26, ед. хр. 77, № 110; 1967. М. зап.– Горький): http://www.unn.ru/folklore/horov.htm
Искусство быть свободной-www: Рассказы «Искусство быть свободной»: http://www.woman.ipd.ru/publications/story/index.shtml
Ка 01-www: http://www.flb.ru/info/33592.html
Ка 02-www: http://www.myjane.ru/articles/text/?id=109
Ка 03-www: http://soft.mail.ru/program_page.php?grp=10338
Ка 04-www: http://66.102.9.104/search?q=cache:dKjfPsZQ5EAJ:forum.woweb.ru/forum4.html+*-%D0%BA%D0%B0&hl=de&lr=lang_ru&client=firefox-a
Ка 05-www: http://www.passion.ru/s.php/446.htm
Ка 06-www: http://relax.ngs.ru/news_content.php?ncid=3&id=304
Ка 07-www: http://www1.noviykamelot.ru/tour.shtml
Ка 08-www: http://www.vitius.ru/novinki2.php
Ка 09-www: http://www.vitius.ru/otchet_pohud.php
Ка 10-www: http://domohozayka.kulichki.com/sport/
Ка 11-www: http://health.noviykamelot.ru/prod/altai/fitness.shtml
Ка 12-www: http://www.ibaza.ru/1163502.html
Как даст 01-www: http://anekdot.gala.net/?cat=6&offset=4

Как даст 02-www: http://www.specnaz.ru/klub_kinologov/61/
Как даст 04-www: http://www.anekdotov.net/anekdot/med/index-page-7.html
Как даст 05-www: http://sexopedia.ru/appendixes12.shtml
Как даст 06-www: http://www.blackbox.o-w.ru/11_2003.php
Как даст 07-www: http://www.fun.otrans.ru/index.php?pg=26
Как даст 08-www: http://alter.sinor.ru:8102/lisek/capital.htm
Как даст 09-www: http://www.artweber.ru/different.htm
Как даст 10-www: http://www.ioann.dn.ua/joke.htm
Как даст 11-www: http://www.peoples.ru/sport/biatlon/tihonov/
Как даст 12-www: http://www.airforce.ru/history/ww2/punev/part5.htm
Как даст 13-www: http://www.ulov.ru/pod/pod24.htm
Как даст 15-www: http://blackball.nite.lv/content.asp?main=relax&page=anekdot
Как даст 16-www: http://www.pomoika.ru/show_anekdots.html?razdel_id=46&anekdot_id=46
Как даст 17-www: http://www.teletype.ru/clients/unikma/clip/
Как даст 18-www: http://www.rusf.ru/loginov/books/story14.htm
Как даст 23-www: http://fun.userline.ru/anekdot?sction=0&num=7
Как даст 24-www: http://zhurnal.lib.ru/p/piminow_s_n/tales.shtml
Как даст 25-www: http://www.dom2.ru/journal/aneks/index.phtml?offset=0
Как даст 26-www: http://www.4oru.org/slovo.2491.4.html
Как даст 27-www: http://1svidanie.com/anekdot.html
Как даст 28-www: http://www.4oru.org/slovo.3081.2.html
Как даст 29-www: http://forum.rin.ru/index.php?showtopic=1602&st=20
Как даст 30-www: http://www.biker.ru/gallery_old/pokatushki/
Как даст 31-www: http://www.smex.ru/jokecats112.html
Как даст 32-www: http://www.ournet.md/~ruhlea/lopatablack.htm
Как даст 33-www: http://www.dentist.spb.ru/anek_hor5.html
Как даст 35-www: http://omen.ru/lib/anek/anek/SEX-55.HTM
Как даст 37-www: http://forum.uzbekistanec.net.ru/index.php?act=Profile&CODE=03&MID=311
Как даст 38-www: http://www.mashina-vremeni.com/von2.htm
Как даст 40-www: http://www.anekdot.ru/an/an0406/v040612.html
Как даст 41-www: http://www.gay.ru/art/literat/amature/basni.htm
Как даст 42-www: http://www.specnaz.ru/klub_kinologov/61/
Как даст 43-www: http://www.lgz.ru/archives/html_arch/lg152003/Polosy/art16_1.htm
Как даст 45-www: http://www.nrpr.ru/articles/svoboda1.htm
Как даст 46-www: http://kievgid.com/anekdot/devushki.html
Как сделать индейскую флейту или как пресвистеть Карслоса Накаи: http://www.rainbow.net.ru/pimak/pimak.html
Как сделать индейскую флейту-www: http://www.rainbow.net.ru/pimak/pimak.html.
Какая-то ерунда: http://khurgin.liter.net/cowboy/06.htm
Кальвино. Гусыня и лиса-www: *Кальвино Итало.* Гусыня и лиса: http://www.03www.ru/skazki/s726.htm

Капутикян Куп, куп-www: *Капутикян Сильва.* Куп, куп…: http://www.babyroom.narod.ru/silva.html
Катя-www: http://www.expert.ru/forums/viewtopic.php?mode=viewtopic&topic=754&forum=352&start=135
Кедрин. Зодчие-www: *Кедрин Д. Б.* Зодчие: http://www.klassika.ru/stihi/kedrin/kak-pobil-gosudar.html
Киркоров. Милая-www: *Киркоров Филипп.* Милая: http://www.karaoke.ru/song/472.htm
Клюев. Безответным рабом-www: *Клюев Н. А.* «Безответным рабом […]»: http://linguistica.spb.ru/lyricsall_klyuev.html
Колобок жив-www: Колобок жив! (или «Почему на Луне пятна»): http://host.km.ru/sashka/varavin/colo.htm
Колыбельные для детей-www: http://mamaska.ru/index.php?module=subjects&func=viewdocument&subid=254
Коляда. Мы едем-www: *Коляда Николай.* Мы едем, едем, едем в далекие края...: http://www.theatre.ru/drama/koljada/edem.html
Команда 01-www: http://angar.h10.ru/page108.html
Команда 02-www: http://www.vpcom.ru/index.php?start_from=780&ucat=&archive=&subaction=&id=&
Контора смерти-www: http://literature.gothic.ru/amateur/prose/double/prose.htm
Короткие гудки-www: http://www.anekdot.ru/an/an0010/o001010.html
Костомаров-www: *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Глава 4-www: http://www.kulichki.com/inkwell/text/special/history/kostom/kostom35.htm
Критикнуть 01-www: http://www.stihi.ru/poems/2003/10/30-891.html
Критикнуть 02-www: http://kulichki.com/svetlana/novosti/e0309001.html
Критикнуть 03-www: www.rg.ru/anons/arc_2000/1117/hit.shtm
Критикнуть 04-www: http://www.astrologer.ru/netforum/message.cgi?id=21603&arc=44&
Критикнуть 05-www: http://www.kuraev.ru/forum/view.php?subj=23569
Критикнуть 06-www: www.hohmodrom.ru/project.php?project_id=1108
Критикнуть 07-www: www.forumy.ru/ilnov/view.php?dat=20040912234608_1
Критикнуть 08-www: http://www.proza.ru/texts/2003/02/19-99.html
Критикнуть 09-www: http://delta.wtr.ru/archive/11307.html
Критикнуть 10-www: www.fiction.kiev.ua/forum/lst/lst_1109.htm
Критикнуть 11-www: http://vif2ne.ru/nvz/forum/arhprint/75420
Критикнуть 12-www: www.bratok.co.uk/showpost.php?p=105292&postcount=15
Критикнуть 13-www: www.kemerovo.boom.ru/Books/Kr_Gorka/G_7/7_09.htm
Кукольный бог-www: http://www.kleo.ru/items/contest/kukolny.comments.3.shtml
Кулижников. Эх, кружило-www: *Кулижников М. А.* «Эх, кружило, так кружило […]»: http://www.artrussian.com/liter.php?op=album&gallery_id=7&album_id=1868
Кухаренко. Зое-www: *Кухаренко Александр.* Зое: http://termitnik.org/kritika/27/
Ландышевая страна-www: http://www.piter.orthodoxy.ru/zads/n007/ta011.htm
Ласточка-www: http://www.planetaquarium.com:8204/discography/songs/lastochka724.html
Леонид Андреев. Цветок под ногою: http://andreev.org.ru/biblio/Rasskazi/Tcvetok3.html

Лесков. Очарованный странник-www: *Лесков Н. С.* Очарованный странник. Глава 6: http://ilibrary.ru/text/15/p.6/
Лобарев. Колыбельное заклинание-www: *Лобарев Лиин.* Колыбельное заклинание о тебе и городе. http://polnolunie.baikal.ru/lin/ptis06.htm
Львов. Снегирь-www: *Львов Н. А.* Снегирь: http://perfilov.narod.ru/zol_poetry/lvov/lvov_all.htm
Любить — люби 01-www: http://cab.al.ru/proverb/prov11p7.html
Максименко. Милый эп-www *Максименко Геннадий.* Милый эп, глава 7: http://dutum.narod.ru/mylyep/ep7.htm).
Маленькое эссе-www: http://sex-travel-piter.narod.ru/
Манфред Шруба-www: *Шруба Манфред.* Барков и Майков: http://magazines.russ.ru/nlo/1996/14/shruba.html
Матерные частушки-www: http://www.jumora.net/chast/mat/more14.php
Маша и медведь www: www.lukoshko.net/rus/rusa8.shtml
Мейстер. Нет уж-www: *Мейстер Макс.* Нет уж! Лучше Я останусь Параматмой!, действие 2-www: http://gopal.ru/Drama/paramatma.htm
Мешок-www: www.skazka.com.ru/article/suteev/000003suteev.html -
Миленький ты мой: www.petsource.com/RUS/WhatsNew/take+me+home.htm
Миллер. Я знавал-www: *Миллер Анжелика.* «Я знавал глупых женщин […]»: http://www.ruslit.de/arhiv/12_m/miller/poez/index.shtml
Мисс Москва-www: Мисс Москва едва не умерла: http://www.kp.ru/daily/23292/29480/
Мистер Малой. Буду погибать молодым-www: http://music.km.ru/album.asp?id=4971237d5de14e9ea23b1cdc279057ac
Михалков. А что у вас-www: *Михалков Сергей.* А что у вас?: http://www.litera.ru/stixiya/authors/mixalkov/kto-na-lavochke.html
Мобильник-www: Мобильник. Проза: http://fuckru.net/modules/news/article.php?storyid=1636
Монолог любящей женщины-www: http://www.anekdot.ru/an/an0010/o001010.html
Москвин. Дерево-www: *Москвин Е. Ю.* Дерево: http://zhurnal.lib.ru/m/moskwin_e_j/dmoidokumenty2zarisowkiderewozip.shtml
Моя встреча с Богом-www: http://www.obodrenie.ru/forum_viewtopic.php?7.6331
Муромец 01-www: http://www.lukoshko.net/legends/leg1.shtml
Мы ребята удалые-www: Русский эротический фольклор — Мы ребята удалые…: http://articles.1001znakomstvo.ru/story/chas/udal.htm
Мычка. Не буду-www: Мычка, Богдан: http://www.4oru.org/slovo.914.3.html
Не пишите 01-www: http://capitalcity.combats.ru/encicl/FAQ/afer.html
Не пишите 02-www: http://www.veneportaal.ee/znakomstvo/pisma.htm
Не пишите 03-www: http://www.banner.kiev.ua/about_ubn.html
Не уходи 04-www: http://www.pravoedelo.spb.ru/forum/message.html?thread=20020323092703&id=17
Не уходи 06-www: http://phorum.proua.com/read.php?1,139949,page=17
Не уходи 07-www: http://www.flame.ws/index.php?showtopic=9716
Не уходи-www: http://www.polezen.ru/songs/raznie.php
Не ходи 01-www: http://luksian.com/modules.php?name=News&file=article&sid=268

Не ходи 02-www: http://zadorno.com/archives/004945.html
Не ходи 03-www: http://users.i.com.ua/~dybkov/M/HUMTEXT/soobcheniya-na-peydzher.htm
Не ходи 04-www: http://www.ic.omskreg.ru/~folklore/archive/026-Cas/bers004.html
Некрасов. В дороге-www: *Некрасов Н. А.* В дороге: http://www.litera.ru:8080/stixiya/authors/nekrasov/skuchno-skuchno-yamschik.html
Некрасов. Надо мной-www: *Некрасов Н. А.* «Надо мной певала матушка […]»: http://www.kostyor.ru/poetry/poem29.html
Некрасов. Несжатая полоса-www: *Некрасов Н. А.* Несжатая полоса: http://www.litera.ru:8080/stixiya/authors/nekrasov/pozdnyaya-osen-grachi.html
Некрасов. Поздняя осень-www: *Некрасов Н. А.* Поздняя осень. Грачи улетели, http://www.kostyor.ru/poetry/poem29.html
Некрасов. Свобода-www: *Некрасов Н. А.* Свобода: http://www.litera.ru:8080/stixiya/authors/nekrasov/rodina-mat-po.html
Нет-нет 03-www: http://imwerden.de/pdf/okudzhava_vse_eshche_vperedi.pdf
Нет-нет 04-www: Синтез. Техника — молодежи 2000, № 1-www: http://tmru.bizland.com/200001/p16.html
Нет-нет 08-www: http://forum.karelia.info/index.fcgi?func=252&id=1130&p1=14189
Нет-нет 10-www: http://www.nm.md/daily/article/2001/01/24/0601.html
Нет-нет 13-www: http://www.kackad.com/article.asp?article=898
Нет-нет 14 — Бабушка“: http://www.padonki.org/?topic=&article_id=7687
Нет-нет 16-www: http://sportpari.com/reviews/2005/05/09/nba_2ndroundplayoff/
Нет-нет 17-www: Сказка: http://www.diasp.ru/russia/tales/skazkirus5.shtml
Нечипоренко. В Париж-www: *Нечипоренко Юрий.* В Париж — вслед за магом Газдановым: http://www.epampa.narod.ru/nech/gazdanov.html
Ни о чем: www.bakupages.com/user/34251/
Нифонтов. Триумф и катастрофа-www: *Нифонтов Вадим.* Триумф и катастрофа «Бесконечного тупика»: http://traditio.ru/udod19/dgalkov.htm
Новая критика-www: — Литературная газета, 2002. http://www.lgz.ru/archives/html_arch/lg232002/Polosy/art8_2.htm
Норштейн. Снег на траве-www: *Норштейн Юрий.* «Снег на траве»: http://www.videoton.ru/Articles/cneg_trav.html
Ночные пляски: www.lukoshko.net/rus/rus44.shtm
Ну 01-www: http://groups.rambler.ru/groups/rambler.dosug.hello/0108180.14.html
Ну 02-www: http://www.flame.ws/index.php?showtopic=11681&st=25
Ну 03-www: http://angara.net/forum/t764?p=1
О’Брайен. Третий полицейский-www: *О’Брайен Флэнн.* Третий полицейский, гл. 8-www: http://psylib.org.ua/books/obraf01/txt08.htm
Обои-www: http://www.drsex.ru/s.php/725.htm
Овсяник. Медали смерти вопреки-www: *Овсяник М. Н.* Медали смерти вопреки: http://throwing.narod.ru/pages/books/journal/trackandfield3.htm
ОдЕссея Робинзона-www: http://www.paco.net/~reshta/humor/rocjump.html)
Они работают мамами-www: http://www.belarus.net/minsk_ev/99/russia/3_1/mamy5.htm

Осеева. Васек Трубачев-www: *Осеева Валентина.* Васек Трубачев и его товарищи http://lib.ru/PRIKL/OSEEWA/trubachew.txt.
Особый прием — добавление -с:
Пальнуть 01-www: www.anekdot.ru/an/an0006/o000618.html
Пальнуть 02-www: http://unikum-cd.mail333.com/pcgames_12.htm
Пародия на стихотворение Нойонца-www: Пародия на стихотворение Нойонца А.: http://zhurnal.lib.ru/e/egorych/111.shtml
Певал 01-www: www.livejournal.com/users/dontwait/633104.html
Певал 02-www: http://ibooks.by.ru/dosto015/00000066.htm
Певал 03-www: www.arhpress.ru/konved/2004/4/22/
Певал 04-www: http://www.anekdot.ru/an/an0408/q040822.html
Певал 05-www: http://www.segodnya.ru/w3s.nsf/Archive/2000_272_polit_text_radzihovskii.html
Песня Белочки-www: http://playroom.com.ru/songs/a116.htm
Пирогов. Скажи-ка, мама-www: *Пирогов Лев.* Скажи-ка, мама…: http://www.topos.ru/article/2678
Пицца 01-www: http://www.extreme.by/addons/id164.html
Плакал 02-www: www.skazka.com.ru/people/karel/0000025karel.html
Плакать 01-www: http://gezoond.com/text/parents.html).
Плакивал 01-www: www.miass.ru/rest/literature/vadim_slovsov/p2.htm
Плакивал 02-www: www.unn.ru/rus/f9/fond/texts/624.html
По. Прыг-Скок-www: *По Эдгар Аллан.* Прыг-Скок: http://allbest.ru/library/texts/mist/epo/epo35.shtml
Пойдемте 01-www: http://www.memorial.krsk.ru/Public/90/19960514.htm
Полонский. Нищий-www: *Полонский Яков.* Нищий: http://www.litera.ru/stixiya/authors/polonskij/znaval-ya-nischego.html
Посмейся-www: Посмейся! и рассмеши других...: http://www.mariel.ru/article604.html
Посоветуйте-www: Посоветуйте видеокарту! http://www.dinform.ru/kuban/htmls/public_htmls/1-11081.html
Потерянный мною-www: http://home.no.net/shmubzik/love.htm
Продажные звезды эстрады-www: http://www.ukrpravda.com/forum/read.php?1,132023,page=2
Проект „Военная литература“-www: http://militera.lib.ru/prose/russian/german1/01.html
Прохорчук. Сергей Малашенок-www: *Прохорчук Соледад.* Сергей Малашенок: http://www.topos.ru/articles/0309/02_02.shtml
Прош. вр. 01-www: http://www.winmp3locator.com/ru/noflash/faq.asp
Прош. вр. 02-www: www.afonya.ru/read/anec/dok/
Прош. вр. 03-www: www.spectr.org/blagodarova/02/03.htm
Прош. вр. 04-www: http://www.strana.ru/forum/234426
Прош. вр. 05-www: http://adgth.theraccoons.ru/pages/fanfics/opera_ghost1.html
Прош. вр. 06-www: www.armeniantales.narod.ru/ds038.htm
Прош. вр. 07-www: Анекдоты на отлично: http://www.otlichno.ru/anecs/16/?43
Прош. вр. 08-www: www.cells.ru/stories/yakushko_phone.html
Прош. вр. 09-www: http://www.anekdot.ru/an/an9702/970227.html

Прош. вр. 10-www: http://www.unclepasha.com/horses/stark.htm
Прош. вр. 11-www: http://irbis.asu.ru/docs/altai/literature/shishkov/markov.html
Прош. вр. 12-www: http://www.flame.ws/index.php?s=d548001126272846f86fb8e8df1e8bc8&showtopic=14218&st=0&#entry96250
Прош. вр. 13-www: www.farit.ru/forum/6986.html
Прош. вр. 14-www: http://istina.rin.ru/para/text/487.html
Прош. вр. 15-www: http://anekdot.mail.ru/chapaev.41.html
Прош. вр. 16-www: http://www.umka.ru/liter/dharma11.html
Прош. вр. 17-www: http://www.hunter.ru/dogs/articles/ustin.htm
Прошедшее время
Прошедшее время 18-www: http://drink.dax.ru/avtor/irteniev/irten_014.shtml
Прошедшее время 19-www: www.milo4ka.kiev.ua/311.htm
Прошедшее время 20-www: www.davno.ru/posters/1950/
Прошедшее время 21-www: www.300online.ru/articles1/3834.html
Прошедшее время 22-www: http://www.fplib.org/literature/19century/nadson/nads11w7.html(opt,mozilla,mac,russian,koi8,ice)
Прыг 01-www: http://rubstein.dancesport.ru/livstory.html
Прыг 02-www: http://www.lib.com.ua/books/15/550n10.html
Прыг 03-www: http://www.rsex.ru/s.php/3545.htm
Прыг 04-www: http://www.istra.ru/~igorek/poruchik.htm
Прыг 05-www: http://www.onego.ru/win/pages/gubernia/31/3121.htm
Прыг 06-www: http://allprikol.ru/date/story_2004_11_5.html
Прыг 07-www: http://www.livejournal.com/users/mama_arwen/
Прыг 08-www: Сказка острова Хонсю — http://oriental.ru/tales/64.shtml
Прыг 09-www: http://www.elita-sport.kiev.ua/info/note/read/007/
Прыг 10-www: http:// www.show.news.az/fun.php?page=10
Прыг 11-www: http://www.kub.kz/viewtopic.php?topic=1740&forum=206&start=220
Прыг 12-www: http://www.igrograd.com.ua/article/2868
Прыг 13-www: http://www.ag.ru/reviews/1838
Психология влияния: версия контрразведчика: http://subscribe.ru/archive/psychology.azaryan/200411/20211638.html
Пугнуть 01-www: www.pusto.ru/wwwboards/4x4/0300/87875.shtml
Пугнуть 02-www: www.ha-ha.ru/rubrika.html?rub_id=25&limitingn=17
Пугнуть 03-www: www.mn.ru/issue.php?2001-42-31
Пускай 01-www: http://www.uasport.net/football/news/25267/
Пускай 02-www: http://webman.kiev.ua/list/13840.html
Пускай 03-www: http://utro.webforum.ru/mes.php?id=2941509&ord=1&lst=0&board=4147&arhv=
Пускай 04-www: http://www.ruthenia.ru/document/524033.html
Пусть 01-www: http://www.odessapassage.com/arhiv/2005/jan2005/modnaya_life55/index.php3
Пусть 02-www: http://www.cooking.ru/interceate_exchange/board529/message1037392.html
Пусть 03-www: http://www.kp.ru/daily/23421/34949/

Пусть 04-www: http://www.grani.ru/Society/Xenophobia/Antisemitic/m.81906.html
Пусть 05-www: www.aif.ru/online/uznat/45/hz04_01
Пусть 06-www: www.nevestushka.ru/aboutlove.phtml
Пусть 07-www: www.ev.spb.ru:8101/art.php3?newsid=21302
Пусть 08-www: http://democracy.ru/article.php?id=694
Пусть 09-www: www.mfinfo.ru/cgi-bin/news?nid=1320
Пусть 10-www: http://www.pravda.ru/accidents/2004/10/35/92/17980_BALYEVSKI.html
Пушкин. Роман в письмах-ww: *Пушкин А. С.* Роман в письмах: http://www.rvb.ru/pushkin/01text/06prose/02misc/01misc/0874.htm
Пушкин. С португальского-www: *Пушкин А. С.* С португальского: http://www.rvb.ru/pushkin/01text/01versus/0423_36/1825/0394.htm
Пушкин. Ушаковой-www *Пушкин А. С.* Е. Н. Ушаковой: http://www.rvb.ru/pushkin/01text/01versus/0423_36/1829/0489.htm
Резанов. Электрорат-www: *Резанов Михаил.* Электрорат: http://www.theatre-studio.ru/library/rezanov_m/rm_elektorat.html
Репка-www: http://www.solnet.ee/skazki/291.html
Ресурс удава: http://udaff.com/creo/39251.html
Ресурс удава-www: http://udaff.com/authors/velagor/4875.html
Рифма 10-www: http://www.rifma.com.ru/SLRZ-02.htm
Рифма 11-www: http://rifma.ru/rifma.php?curr_node=10&post=27539
Рифма 1-www: http://www.rifma.com.ru/SLRZ-02.htm
Рифма 2-www: http://rifma.ru/rifma.php?curr_node=10&post=27539
Рифма 3-www: http://rifma.ru/rifma.php?curr_node=10&post=27539
Рифма 4-www: http://www.svistok.ru/txt/7680332.html
Рифма 5-www: http://rifma.com.ru/Prolog-1.htm
Рифма 5-www: Михаил Соловьев 31. 1. 2004 http://www.litkonkurs.ru/index.php?dr=45&tid=4251
Рифма 6-www: http://www.umniki.ru/cgi-bin/wwwthreads/showflat.pl?Cat=&Board=clubforum&Number=4935&page=&view=&sb=
Рифма 8-www: http://www.anekdot.ru/d0102.html
Рифма 9-www: Запись Беседы С. Я. Маршака с Ст. Рассадиным: Писать все так же трудно... Собрание сочинений в восьми томах. Т. 6. Москва: «Художественная литература», 1971-www: http://lib.ru/POEZIQ/MARSHAK/marshak6_5.txt)
Рубануть 01-www: www.openrussia.info/cgi-bin/ voice/voice.pl?user=voices&page= 1500
Рубануть 02-www: http://ibooks.by.ru/nikit012/00000070.htm
Ругнуть 01-www: www.egolddomain.com/s637.html
Ругнуть 02-www: www.litportal.ru/?a=80&t=624&p=9
Савич. Авария-www: *Савич Владимир.* Авария: http://savich.lit.com.ua/avaria.htm
Саданути 01-www: http://www.livejournal.com/users/unopposed/96271.html
Саломатов. Я дарю тебе жизнь-www: *Саломатов Андрей.* Я дарю тебе жизнь: http://www.voronezh.net/cgi-bin/lib/list.cgi?bookid=2922&file=fantastic/s/saloma/life.txt&start=1
Сергей Кудин. Сказка о мертвой царевне и о семи мужиках. http://www.kach.com.ua/humor/tale.asp

Серебро-www: Серебро, Марина: http://www.livejournal.com/users/msilver/75675.html?mode=reply
Сиживал 01-www: http://mp3.sarbc.ru/
Сиживал 02-www: www.columbus-group.ru/country/cuba/cuba.shtml
Сиживал 03-www: www.kostyor.ru/5-03/holms5-03.php
Симакина. Шубка на зависть-www: *Симакина Марина.* Шубка на зависть: http://www.fomacenter.ru/litfond/index.php?issue=4&section=39&article=711
Сипаров. Египетская ночь-www: *Сипаров Сергей.* Египетская ночь: http://lah.ru/text/siparov/en.htm
Сказка 01-www: http://www.niworld.ru/Skazki/Skazki_nar_mira/Rubecial2.htm
Сказка о Великом князе Мстиславе Ярославиче, о Воеводе Блуде и жене его Марфе: http://elinor.fbit.ru/arxiv/texts/dell01.htm
Скуениекс. Не оглядывайся-www: *Скуениекс Кнут.* Не оглядывайся: http://www.memo.ru/history/diss/ books/daniel/perevody.htm
Служивал 01-www: www.anekdot.ru/an/an0208/o020819.html
Служивал 02-www: www.forum.msk.ru/files/guestbook-po001128.html
Смотри 01-www: http://iatp.org.ua/naturalist/myboard.php3?do=read_msg&board=naturalist&msg_id=85&order=desc&cur_page=2
Смотри 03-www: http://www.mlove.ru/forum/sutra9187.html
Смотри 04-www: http://ufacars.by.ru/carzov200403/P3210593.shtm
Смотри 06-www: http://www.fakel.org/new_fakel/manifest.php
Смотри 07-www: http://www.yes.ru/salon_krasoti/face_control.html?id=30605
Смотри 08-www: http://allboxing.ru/archives/2005-01-28_14_53.html
Смотри 09-www: http://www.livejournal.com/users/natterjack/
Смотри 10-www: http://groups.rambler.ru/groups/rambler.friends.flirt/0018867.10.html
Смотри 11-www: http://lib.ru/GAMES/larry1.txt
Смотрите 01-www: http://padonki.partizanen.ru/archives/000687.php
Смотрите 02-www: http://blagovest.al.lg.ua/9711/djest.html
Снегов. Прыжок над бездной-www: *Снегов Сергей.* Прыжок над бездной: http://lib.web-malina.com/getbook.php?bid=4374
Сникерсни 01-www: Listovka.ru, 25.02 2000
Сникерсни 02-www: А. Мельников, «Известия», 11 августа 1999 г.
Сникерсни 03-www: http://cci.glasnet.ru/KOI/NEWS/FEB99/99020104.TXT
Сникерсни 04-www: http://www.ins.dn.ua/~asna/tv164/_text_01.html
Сникерсни 05-www: http://www.ytro.ru/articles/дшау/1999/11/23/1999112304060001305.shtml
Сникерсни 06-www: http://www.design.ru/kovodstvo/paragraphs/30.html
Сникерсни 07-www: http://www.ussr.to/All/guvd/poolobs.htm
Сникерсни 08-www: http://www.ussr.to/All/guvd/poolobs.htm http://www.aha.ru/~tkt/archive/02_2000/orlov2.htm
Сникерсни 09-www:http://meltingpot.fortunecity.com/california/617/marazm.html
Сникерсни 10-www: http://www.journ.msu.ru/dep_adv_glaza_misuchenko.htm
Сникерсни 11-www: http://citycat.ru/anecdot/arch/_12.99/13-12-99.html
Сникерсни 12-www: http://www.chat.ru/~ph_ent/BARDAK.HTM

Сникерсни 13-www: http://library.akcecc.kiev.ua/moshkow/koi/zhurnal/karnouhowa.txt
Сникерсни 14-www: http://resist.gothic.ru/segod/asgard.html
Сникерсни 15-www: http://www.gov.karelia.ru/gov/Karelia/515/41.html
Сникерсни 16-www: http://ftp.decsy.ru/nanoworld/DATA/TEXTS.RUS/19991115.htm
Сникерсни 17-www: http://www.venture.jar.ru/hum_sug6.htm
Сникерсни 18-www: http://www.anekdot.ru/an/an9901/x990110.html
Сникерсни 19-www: http://www.guelman.ru//day/articles/press_07_09_10.html
Сникерсни 20-www: http://kulichki.rambler.ru/durakoff/ARQ010/Q00760.HTM
Сникерсни 21-www: http://kulichki.rambler.ru/jed/konkurs/tur4.html
Сникерсни 22-www: http://saturn.spaceports.com/~speakrus/f094.htm#4
Сникерсни 23-www: Новый взгляд. МН, 1993, 38.
Сникерсни 24-www: http://www.onlife.ru/antireklama.phtml?id=160
Сноб: http://durakoff.kulichki.net/qa.php?pc&pn=1376
Советская патриотическая песня: «Встреча со Сталиным»: http://sovmusic.km.ru/texts/stalin5.htm
Солдат, мужик и баба-www: www.skazka.com.ru/vzrosl/afanas/0000040afanas.html
Сорокин. Сердечная просьба-www: *Сорокин Владимир.* Сердечная просьба http://srkn.ru/texts/prosba.shtml
Спасите, тону-www: http://russia-japan.nm.ru/hovanchuk05.htm
Спекульнуть 01-www: www.usb.com.ua/ru/finances/themeinfocus/usd_uptrend/15/
Спекульнуть 02-www:http://forum.forex.ua/viewtopic.php?t=23
Спекульнуть 03-www: http://forum.christianity.org.ru/printpage.cgi?forum=5&topic=1751
Спекульнуть 04-www: www.penza.yabloko.ru/SMI/LG/00_46_1.html
Спекульнуть 05-www: www.livejournal.com/users/kosmatos/
Спекульнуть 06-www:http://www.mig.com.ua/events.php?act=1&cat=0&eventID=819
Спекульнуть 07-www: www.vedomosti.ee/index.php?d=dv20022004
Спекульнуть 08-www: www.auto.ru:8101/wwwboards/toyota/0826/
Спекульнуть 09-www: http://forum.vashdom.ru/message16419-9-01n.htm
Спекульнуть 10-www: www.krotov.org/yakov/dnevnik/2000/20001124.html
Спекульнуть 11-www:http://proza.ru/texts/2003/05/28-148.html
Спекульнуть 12-www: www.chelpress.ru/newspapers/ vecherka/archive/24-12-2002/
Спекульнуть 13-www: www.rgz.ru/arhiv/23.04.2002/repor/txt1.html
Спекульнуть 14-www: www.smi-nn.ru/?id=36967
Спекульнуть 15-www: www.strana.kaliningrad.ru/N121/nikitin.html
Спекульнуть 16-www:http://forum.userline.ru/forum26101574/hit7_53958.htm
Спекульнуть 17-www:http://nmsf.sscc.ru/Welcome.asp?vw=book&bo=6810&pg=8
Спи 01-www: www.tatsel.ru/song/2buybuy.htm
Спи 02-www: www.1511.ru/index.php?action=viewtopic&t=24
Спи 03-www: www.chow-chow.cc/chowstor/newfs.htm
Спи 04-www: www.mashina-vremeni.com/raznoe7.htm
Спи 05-www: http://www.webaby.ru/p88.htm
Спи 06-www: www.webaby.ru/p88.htm
Спи 07-www: www.suncards.com.ua/Good.shtml
Спи 08-www: http://eti.ru/maillist/maillist7.html

Спи 09-www: www.karaoke.ru/song/3994.htm
Спи 10-www: http://volga.lesbiru.com/story/sola2.html
Спи 11-www: http://photo.bigmir.net/show.php?id=373592
Спи 12-www: www.drugie.org/proza/venok.dhtm
Спи 13-www: www.nsu.ru/community/trolley/Ah_esli_by/Part2.htm
Спи 14-www: www.bachistil.ru/show/subtitra/ 2004/4/sub27-04-2004485.html
Спи 15-www: www.dominus.agava.ru/library/silentium_aye/dead/
Спи 16-www: www.sk.kg/2003/n128/all2.html
Спи 17-www: www.countries.ru/library/prose/plan1.htm
Спи 18-www: www.zavet.ru/krohi/lit/001/008.htm
Спи 19-www: www.nebolei.ru/s.php/1513.htm
Спи 20-www: www.litera.ru/stixiya/authors/shpalikov/all.html
Спи 21-www: www.chechen.org/content.php?catID=130
Спи 22-www: www.unn.ru/rus/f9/fond/texts/110.html
Сполски. А вот еще про отпуск-www: *Сполски Джоэл.* А вот еще про отпуск: http://russian.joelonsoftware.com/Articles/MoreonSabbaticals.html
Стрижак. Зеркало человека-www: *Стрижак А. В.* Зеркало человека или песни Соляного Дуба: http://www.intramail.ru/~strizak/text/7.html
Сумеречный страж-www: http://princess-luna3.narod.ru/strag.html
Сысуева. Шторм-www: *Сысуева Катерина.* Шторм: http://uchcom.botik.ru/educ/history/1990/kimaki/welcome.ru.html
Сэндберг. Мысли-www: *Сэндберг Карл.* Мысли в служебном вагоне: http://www.translit.newmail.ru/carl/sandburg.html
Танцы Минус. Стеклянное сердце-www: http://lib.ru/KSP/tancyminus.txt
Толстой 2000-www: *Толстой Л. Н.* Собрание сочинений: Война и мир. — Москва: МЦФ, ИДД. — CD. — www.iddk.ru.
Толстой. Война и мир-www: *Толстой Л. Н.* Война и мир, т. 1, ч. 3: http://ilibrary.ru/text/11/p.104/
Толстой. Рассказы-www: *Толстой М. В.* Рассказы из истории русской церкви. Кн. 5, гл. 2: http://www.ccel.org/contrib/ru/History/History30.html
Тормознуть 01-www: www.dni.ru/news/economy/2003/7/2/23765.html
Тормознуть 02-www: http://forum.ru-board.com/topic.cgi?forum=4&topic=1005&start=260
Тормознуть 03-www: http://www.time2play.ru/phones/sonyericsson-t618/1292.html
Тормознуть 04-www: www.anekdot.ru/an/an9911/s991102.html
Тормознуть 05-www: http://bulgaria.turgid.ru/articles/218.html
Тормознуть 06-www: http://www.farit.ru/forum/7637.html
Тормознуть 07-www: www.nedoma.ru/articles/summer07_7/
Тормознуть 08-www: www.nivovod.ru/beer/Default.asp?pg=31
Тормознуть 09-www: http://fun.sexnarod.ru/topic17196_60.html
Тормознуть 10-www: http://www.delphimaster.ru/cgi-bin/prikol.pl?id=0798
Тормознуть 11-www: http://www.minsk.holm.ru/automarket/files/anekdot/anekdot1.shtml
Тормознуть 12-www: http://anekdot.ce.lviv.ua/anekdot/?cid=digest&sid=borshov&beg=2
Тормознуть 13-www: http://www.automagazine.junik.lv/humor/jokes/joke1.htm

Тормознуть 14-www: www.anekdot.ru/an/an0009/s000911.html
Тормознуть 15-www: www.anek-dot.ru/jokecats77_3.html
Тормознуть 16-www: http://zakat.ru/reklama/5.htm
Тормознуть 17-www: http://www.brestonline.com/Dailynews/Local/Talk/1028333698,98689,.shtml
Тормознуть 18-www: http://provokator.com.ua/n/2004/03/26/222111.html
Тормознуть 19-www: http://tribuna.com.ua/news/2004/08/19/14426.html
Три поездки Ильи Муромца: http://www.murom.info/?mi=69&art=86
Трудовая повинность-www: http://arch.zr.ru/articles/70_11_2001.html
Тургенев. К А. С.-www: *Тургенев И. С.* К А. С.: http://www.litera.ru/stixiya/authors/turgenev/ya-vas-znaval.html
Ты не пой-www: Ты не пой, не свисти на заре соловей [...]: http://www.unn.ru/rus/f9/fond/texts/172.html
Учись, Власов-www: http://oduvanchik.info/lib/naf_vlasov.html
Федор и счастье-www: Федор и счастье: http://nilatm.miit.ru/misty/notell_022.htm
Фет. Кактус-www: http://lib.ru/LITRA/GRIGORIEW/grigoriev_fet1_14.txt
Филиппова. Не буду-www: *Филиппова Ольга.* Не буду. Все зря): http://zhurnal.lib.ru/f/filippowa_o_a/s030000.shtml
Фортель. Жизнь собачья-www: *Фортель Аделаида.* Жизнь собачья, вурдалачья…: http://www.rusf.ru/polden/text/fortel.html
Хаживал 01-www: http://www.czechtoday.cz/index.php?idoflevel=4&idofpage=888&urlofbackpage=index.php%3F
Хаживал 02-www: www.8ung.at/sowjetlieder/svyashchennaya_vojna.html
Хаживал 03-www: www.poesis.ru/poeti-poezia/dmitriev/dm3.htm
Хаживал 04-www: http://www.bpb.orthodoxy.ru/calendar/novom.htm
Хаживал 05-www: http://www.empyros.org/?sod=006
Хаживал 06-www: www.heelysrus.narod.ru/FAQ.htm
Ханэле-www: Ханэле и ее субботнее платье. Сказка: http://lookstein.daat.ac.il/russian/tales4.html
Харрис. Братец Кролик — рыболов-www: *Харрис Джоэль Чендлер.* Братец Кролик — рыболов: http://www.skazka.com.ru/article/harris/0000020harris.html
Хлебануть 01-www: http://www.admhmansy.ru/forum/full/?id=8596
Хлебануть 02-www: http://www.gomelscouts.com/tsp1018.shtml
Хлебануть 03-www: http://my.elvisti.com/roxton/followme.htm
Ходи не ходи-www: http://www.gazeta.ru/comments/expert/77245.shtml
Хохотать 01-www: http://www.podarok.net/anekdoti/
Хочу быть белым медведем: http://www.rg-rb.de/ch&k/2003/97/
Частушки 01-www: http://www.zvuki.ru/S/P/57203
Частушки. «Парни хохочут»: http://toast.kulichki.net/chast/ch_parn4.htm
Черняхович. Я не одна-www: *Черняхович Я. Ц.* Я не одна: http://orsk.redemptor.ru/memoires/czerniachowicz.htm
Чехов. Зеркало-www: *Чехов А. П.* Зеркало: http://www.ostrovok.de/old/classics/chekhov/story079.htm

Чехов. Что чаще всего-www: *Чехов А. П.* Что чаще всего встречается в романах, повестях и т.п.?: http://www.vavilon.ru/shortprose/chekhov.html
Чучело-www: http://www.tv-1.ru/cb/text/cb05.php
Шилин. Дед Мороз-www: *Шилин Владимир.* Дед Мороз: www.hi-hi.ru:8005/texts/2001/11/25-06.html)
Шульжик. Клоун-www: *Шульжик Валерий.* Клоун: http://lel.khv.ru/poems/resultik.phtml?id=1070&back=%2Fpoems%2Fpoems.phtml%3Fctg%3D20
Эммануэль-www: Эммануэль-13. Русский Народный Эротический Сериал: http://www.leolan.com/gusary/buh/arhiv2/?konglomeraty_3
Языков. Напрасно-www: *Языков Н. М.* «Напрасно я любви Светланы […]»: http://max.mmlc.northwestern.edu/~mdenner/Demo/texts/vain_yet_ardent.html
Ясен меч княжой-www: Ясен меч княжой. Легенда: www.niworld.ru/Skazki/Skazki_liter/Jasen_mech1.htm
Aorist 02-email: Zagreba, 15. 4. 2005
Aorist 03-email: http://forum.stripovi.com/topic.asp?TOPIC_ID=17631
Aorist 100-www: www.hombrezone.com/home/2003_arhiva03.htm
Aorist 103-www: http://www.muzika.hr/board/forum_posts.asp?TID=277&PN=1&get=last
Aorist 104-www: www.index.hr/forum/topic. aspx?IDForum=5&IDTopic=9924
Aorist 105-www: http://www.gay.hr/forum/viewthread.php?tid=2757
Aorist 107-www: www.internodium.org/taxonomy/term/1?from=2290
Aorist 108-www:www2.serbiancafe.com/lat/ diskusije/mesg/18/005771934.html?5
Aorist 109-www: http://www.elitesecurity.org/tema/37707-Dobih-ljubazno-pisamce-pareko-da-ga-podelim-s-vama
Aorist 110-www: http://kasic.blogspot.com/
Aorist 111-www: http://www.b92.net/info/emisije/timofejev.php
Aorist 113-www: www.serbian.co.uk/forum/topic. asp?ARCHIVE=true&TOPIC_ID=7431
Aorist 115-www: http://www.ee.washington.edu/research/vlsilab/miodrag/weekly/weekly20.htm
Aorist 116-www: http://sauron.afti.net/sig.jpg ... www.gay-serbia.com/forum/ viewthread.php?tid=13061&page=1
Aorist 12-www: www.mobil.hr/sms_ludnica/index.php?page=81
Aorist 13-www: http://alias.blog.hr/, 21.02.2005
Aorist 18-www: http://goldeneye.blog.hr/arhiva-2005-01.html
Aorist 23-www: http://seti.hr.hb-tim.hr/board/post.php?action=edit&pid=7644&tid=532
Aorist 32-www: http://www.jenix.blogger.ba/arhiva/?start=5
Aorist 33-www: http://www.odlikasi.hr/OdlikasiHome/nuke/Default.aspx?tabid=87&g=posts&t=187&p=13
Aorist 36-www: http://www.links.hr/phpBB2/viewtopic.php?t=2227&start=0&
Aorist 38-www: http://forum.djesi.ba/archive/index.php/t-4978.html
Aorist 39-www: www.mycity.co.yu/phpbb/viewtopic.php?t=9195&
Aorist 41-www: www.vtszg.hr/forum/archive/index.php/t-2307.html
Aorist 43-www: http://marketing.mojblog.com/, 5. svi. 2005
Aorist 44-www: www.croski.hr/sbox.php, 05.05.2005.
Aorist 49-www: http://bly.blogger.ba/

Aorist 51-email: Zagreb, 24. 4. 2005
Aorist 52-email: Zagreb, 25. 4. 2005
Aorist 53-email: Zagreb, 26. 4. 2005
Aorist 54-email Zagreb, 29. 3. 2005
Aorist 56-email: Zagreb, 1. 4. 2005 (a)
Aorist 56-email: Zagreb, 1. 4. 2005 (b)
Aorist 58-www: http://www.go-mrav.com/smsporuke/default.asp?PagePosition=27
Aorist 59-www: Knjigomat — virtualni časopis za književnostr: www.knjigomat.com/detail.asp?iNews=234&iType=4
Aorist 60-www: http://www.fojnica.de/cgi-bin/forum/forum.pl?msg=411
Aorist 62-www: http://gemmelpoetry.blog.hr/
Aorist 63-www: http://mracniblog.blog.hr/arhiva-2005-04.html
Aorist 64-www: http://trinaesti.blog.hr/
Aorist 65-www: http://mikelandjelo.blog.hr/
Aorist 66-www: http://razorbladegirl.blog.hr/arhiva-2005-04.html
Aorist 68-www: http://exchange.blog.hr/
Aorist 70-www: http://trinaesti.blog.hr/arhiva-2004-09.html
Aorist 74-www: http://vejjja.blog.hr/arhiva-2005-03.html
Aorist 77-www: http://hybrid.blog.hr/index.2.html
Aorist 78-www: http://herostrat.blog.hr/index.2.html
Aorist 80-www: http://copypaste.blog.hr/arhiva-2005-04.html
Aorist 86-www: http://www.modrica.com/forum/forum_posts.asp?TID=1453&PN=2&get=last
Aorist 90-www: http://www.vlast.net/forum/default.aspx?q=t&idf=17&idt=1732
Aorist 91-www: http://fau-online.com/
Aorist 92-www: http://www.gay.hr/forum/post.php?action=edit&pid=533716&tid=22066
Aorist 93-www: http://www.naslist.com/modules.php?op=modload&name=XForum&file=viewthread&fid=21&tid=152&page=5&orderdate=DESC
Aorist 94-www: http://www.vjesnik.com/html/2002/12/10/Clanak.asp?r=sta&c=2
Aorist 95-www: http://www.iskrica.com/weblog/com.php?ID=35176&WID=150163&page=0
Aorist 96-www: www.hic.hr/zlodjela08.htm
Aorist 97-www: http://p200.ezboard.com/fimotacaffefrm48.showMessageRange?start=41&stop=60&topicID=105.topic
Aorist 99-www: http://blah.blog.hr/
Gl. uzvik 01-www: http://www.torcida.org/site/index.php?option=com_content&task=view&id=24&Itemid=42
Gl. uzvik 02-www: http://www.feral.hr/old/1998/683/turbo.html
Gl. uzvik 03-www: http://www. skole.hinet.hr/ss-nova-gradiska-501/ skola/zvono%20broj%2014.htm
Gl. uzvik 04-www: http://www.pula-online.com/article.php?id=2286
Gl. uzvik 05-www: www.onlinewebservice6.de/ gastbuch.php?id=59340&seite=188
Gl. uzvik 06-www: http://www.cincplug.com/kobna_izlozba5.htm
Gl. uzvik 07-www: www.blic.co.yu/arhiva/2004-06-22/strane/sport.htm

Gl. uzvik 08-www: http://discussion.beograd.com/messages/671/5436.html?966152683
Gl. uzvik 09-www: www.danas.co.yu/20030614/vikend10.htm
Gl. uzvik 10-www: http://www.mamba.co.yu/vicevi/vicevi.asp?kat=10
Gl. uzvik 11-www: http://forum.prijedor.com/viewtopic.php?mode=viewtopic&topic=98&forum=20&start=105
Gl. uzvik 12-www: http://vicevi.net/index.php?st=vicevi&kat=11&sort=3&strana=16
Gl. uzvik 13-www: http://arhiva.glas-javnosti.co.yu/arhiva/2000/12/08/srpski/R00120701.shtm
Gl. uzvik 14-www: http://www.medijaklub.cg.yu/zanimljivi/Malo_smijeha/MAJ01/14.htm
Gl. uzvik 15-www: http://www.beotel.yu/~fotogram/stranice/ringispil-1.htm
Gl. uzvik 16-www: http://www.nostalgija.com/cgi-bin/ultimatebb.cgi?ubb=get_topic&f=7&t=000036&p=1
Gl. uzvik 17-www: www.tblog.com/templates/index. php?bid=imota01&static=92961
Inf 01-www: www.bkbih.org/kta/vijesti_2003/28/29-28-2003.htm
Inf 02-www: http://ss-ri.hr/internet.htm)
Inf 07-www: http://brod.sfsb.hr/~zkolumb/kvantitativne/04PrikupljanjePodataka.doc.
Inf 08-www: http://main.amu.edu.pl/pipermail/st-l/2004-December/001288.html
Inf 11-www: www.herbateka.com/simptomi/anemija.html
Inf 133-www: http://www.inet.hr/~zrpavlic/Begintext1.html
Inf 13-www: www.vasezdravlje.com/izdanje/clanak/222/
Inf 141-www: www.ag.ch/kantonsarzt/documents/ 04gesundeZдhneSьdslawisch.pdf
Inf 147-www: www.gospic.hr/posavec/index.asp
Inf 149-www: http://www.krstarica.com/lat/magazin/kultura/index.php?arhiva=01-2002
Inf 150-www: http://www.geocities.com/FashionAvenue/Salon/9426/plavvic.htm
Inf 152-www: www.bhdani.com/arhiva/231/t23104.shtml
Inf 154-www: http://host.sezampro.yu/freebiking/Turoteka/2003/Goc_Kop/Goc-Kopaonik.htm
Inf 155-www: http://www.pcpress.co.yu/arhiva/tekst.asp?broj=63&tekstID=57
Inf 157-www: www.politika.co.yu/ilustro/2274/5.htm
Inf 159-www: www.dnevnik.co.yu/arhiva/26-03-2004/Strane/lekar.htm
Inf 15-www: www.herbateka.com/kineska.html
Inf 162-www: www.trip.co.yu/detail.php?id=216
Inf 163-www: http://www.zdravavoda.co.yu/mktgakcije.htm
Inf 165-www: www.ekonomist.co.yu/magazin/ebit/04/Hardsoft.htm
Inf 166-www: www.dnevnik.co.yu/arhiva/19-09-2004/Strane/lekar.htm
Inf 169-www: www.ultrahome.co.yu/restorani/faqC.html
Inf 170-www: http://www.blic.co.yu/arhiva/2002-02-13/strane/reportaze.htm
Inf 171-www: www.zdravavoda.co.yu/promopunkt2004ICU.htm
Inf 172-www: www.yellowcab.co.yu/stampano/44/04.jsp
Inf 174-www: www.halooglasi.co.yu/28/323/1.shtm
Inf 176-www: www.politika.co.yu/ilustro/2232/5.htm
Inf 177-www: http://www.24x7.co.yu/default.aspx?cid=600&fid=400&pid=Visa%5CProizvodi_i_Usluge
Inf 178-www: http://www.muzika.co.yu/vesti_full/20020122nikola/

Inf 17-www: http://natura.blog.hr/
Inf 180-www: www.yellowcab.co.yu/stampano/41/14.jsp
Inf 186-www: www.fornetti.co.yu/public/
Inf 188-www: www.pcmagazin.co.yu/clanci/2.htm
Inf 189-www: http://www.balkanmedia.com/m2/doc/3928-1.shtml
Inf 18-www: www.nonisok.net/html/ave_acidophilus.html
Inf 190-www: http://www.rts.co.yu/forum/prikaz_poruka.asp?ForumID=34&TemaID=10953&PagePosition=1
Inf 191-www: www.nin.co.yu/arhiva/2492/
Inf 196-www: http://www.b92.net/invboard/index.php?showtopic=18564&view=getlastpost
Inf 197-www: http://xarch.tu-graz.ac.at/proj/akcelerator/akc1/txt/1.html
Inf 198-www: http://www.dijaspora.ch/sr/main/mostovi/dijaspora/div
Inf 199-www: http://www.klopkazapionira.com/index.php?category=21&content=232
Inf 19-www: www.scitec-hr.com/stack.php
Inf 201-www: www.zenskestudie.edu.yu/srpski/vesti/v20010206.html
Inf 202-www: http://www.ftn.ns.ac.yu/diskusije/lofiversion/index.php/t1429.html
Inf 204-www: http://www.aimpress.ch/dyn/pubs/archive/data/200203/20302-003-pubs-beo.htm
Inf 206-www: http://skakutalo.blog.hr/arhiva-2005-01.html
Inf 207-www: http://alje.blog.hr/arhiva-2005-02.html
Inf 208-www: http://tesla.rcub.bg.ac.yu/~mac/
Inf 209-www: www.eestec.cg.yu/clanako.php?id=32
Inf 20-www: http://www.roda.hr/tekstovi.php?TekstID=5&Tekst2ID=77&Show=1216
Inf 210-www: www.somborskenovine.co.yu/2645/home.htm
Inf 211-www: www.raiffeisenbank.co.yu/srpski/RFBNewsletter3_4.pdf
Inf 214-www: www.euro26.hr/turizam_rubrika?rb=595&p=4
Inf 215-www: www.info.ba/tekstovi/index.aspx?id=463
Inf 216-www: www.mam-vin.hr/PDF/88/88_DaniMaslina.pdf
Inf 217-www: www.bhdani.com/arhiva/231/t23104.shtml
Inf 226-www: www.grad-krk.hr/turizam.html
Inf 233-www: http://www.veritas.com.hr/umjetnost/o_nikoli_vecenaju_leportinovu.php
Inf 234-www: www.rijeczivota.hr/RyanLeStrange.html
Inf 24-www: www.glas-koncila.hr/rubrike_izdvojeno.html?news_ID=1837
Inf 28-www: http://mjesecevablogkci.mojblog.hr/permalink.aspx?id=16581
Inf 29-www: www.hsp1861.hr/vijesti5/040531dp.htm
Inf 31-www: http://www.stormfront.org/archive/t-193594Nikad_ne_zaboraviti!.html
Inf 32-www: http://crazy.mojblog.hr/arhiva.aspx?year=2005&month=3
Inf 43-www: http://vitzevi.50g.com/ostali1.htm
Kih-kih 01-www: http://kasic.blogspot.com/
Malo malo 01-www: http://www.balkanmedia.com/m2/doc/3871-1.shtml).
Malo malo 02-www: http://www.b92.net/invboard/index.php?showtopic=19906&st=30
Malo malo 03-www: http://www.ribolovacki-magazin.co.yu/rr/rr31/rr31-txt4.htm

Malo malo 04-www: http://www.modli.co.yu/violeta/Premiere/Mala_skola_Weba/Cas14/Cas14.htm
Malo malo 05-www: http://www.gameplay.hr/modules/newbb/viewtopic.php?topic_id=1568&forum=21&start=0
Malo malo 06-www: http://arhiva.glas-javnosti.co.yu/arhiva/2004/02/15/srpski/R04021401.shtml
Malo malo 07-www: http://www.novilist.hr/Default.asp?WCI=Rubrike&WCU=28592863285B2863285A28582858285D2863289328932863286328632863286328582863X
Malo malo 08-www: http://www.derventskilist.com/jun2005/duhan.htm
Malo malo 09-www: http://www.sabac.co.yu/e-zine/oko_sveta/txt/ntodorovic_japan_2_102002.htm
Malo malo 10-www: http://www.sto-posto-zabava.com/drugaciji-vicevi/lovacki/
Mr. Credo. Буду думать-www: http://www.midi.ru/song/119031/
Njegoš 01-www: http://www.bgdconsulting.com/njegos/gv45.htm)
Opet zidanje Ravanice: http://pge.rastko.net/dirs/pge/pge05/100001/e100001.htm
Prošl. vr. 01-www: www.zabavnik.co.yu/broj004/prica/andi/index04.html.
Prošl. vr. 02-www: www.ak-rijeka.hr/docs/20040830_I_to_smo_mi.pdf
Prošl. vr. 03-www: http://www.lupiga.com/vijesti/index.php?id=3283
Prošl. vr. 04-www: www.mail-archive.com/ srpskainformativnamreza@yahoogroups.com/msg00071.html).
Prošl. vr. 05-www: http://www.vicevi.net/index.php?st=vicevi&sort=3&strana=17
Prošl. vr. 06-www: www.feral.hr/old/1999/717/pero.html
Prošl. vr. 07-www: http://www.maksimalno.com/forum/forum_posts.asp?TID=998&PN=1&TPN=3
Prošl. vr. 08-www: www.vnikolaj.org.yu/kroz_tamnicki_prozor
Zidanje Ravanice: http://deseterac.uzice.net//zidanjeravanice.htm

Предметный указатель *

абстрактность 56, 158
абстрактолект 63
автобиография 59, 357
автоматизм 16, 58
~ восприятия 51
автоотношение 34
автор 9, 16—17, 19, 21, 33, 38—39, 46, 48, 51, 53—57, 72, 82, 110, 112, 114, 115, 118, 120, 125, 132, 135, 145, 150, 159, 191—192, 199—200, 206, 283, 316, 350, 352, 355—356, 376, 408—409, 414
авторский 40, 46, 54, 56, 63, 71, 74, 114—115, 119—120, 153, 155, 188, 226, 316—317, 330, 335, 356, 367, 395, 413
~ «мы» 56, 351, 355—356
агитация 38, 52, 54
адвисив 63
аккомпанемент 55
эмоциональный ~ 55
аксиологический 27
~ притяжение 27
~ отношение
аксиосфера 37
акт 10, 88, 102, 107, 135, 196, 215, 223, 246, 251, 320, 404
институциональный ~ 62
неинституциональный ~ 63
непобуждающий ~ 63
неритуальный ~ 63
неэстетический ~ 31
побудительный ~ 63
речевой ~ 62, 101, 108, 285
ритуальный ~ 62
актуализация 9, 20, 84, 383, 387, 408
аллитерация 22, 42, 200
альтеролект 62
альтруизм 20
амфиболия 33
анадиплосис 22, 362
анафора 22, 42, 75, 358—359
аномалия 33, 378
антиметабола 22
антитеза 34, 72, 78, 81
антонимия 53
нейтральная ~ 34
неэкспрессивная ~ 53
экспрессивная ~ 34
апокопа 42, 384, 388
архаизм 44, 51, 53—54, 58, 61, 65
аспект 7, 11, 13, 28, 34, 68, 98, 107, 111, 119—120, 137—138, 141, 215, 310, 384, 410
денотативный ~ 30
сигнификативный ~ 30
формальный ~ 30
ассонанс 22, 41, 200, 366
ассоциативность 24, 320, 396, 401, 404, 427
аттракция 43, 355
парономическая ~ 43, 355
аутизм 16
аферезис 384, 388
афирматив 63
аффективное 20
аффикс 10, 45, 67, 336, 384
бедное 48

* Указатель охватывает только данные из основной части книги (без литературы и источников).

бедность 50
безобразное 48
безэмоциональность 55
беседа 96, 189
  непринужденная ~ 58
биосфера 36—37
благодарность 16, 63
благозвучие 35, 42, 90, 316, 319
близость 255, 265, 269, 403, 416—417
  семантическая ~ 24, 244
богатое 48
богатство 58, 75, 217, 324, 368, 376, 424
  ~ языка 50, 317, 421
бранный 17
  ~ слово 59, 62
буква 35, 41, 136, 375, 381, 383,—384
бумага 108
  ~ деловая 57
варваризм 44, 304, 420
вариант 14, 30, 45, 65—67, 156, 367, 372, 379, 386, 388, 424, 425
  региональный ~ 59
вежливость 58, 246, 285, 416
венчание 63
вид языка 43
вирилолект 62
возвышенное 48
воздействие 9, 16, 19, 21—22, 26, 38—39, 49, 52, 57, 73, 111, 201, 274, 356, 408
  ~ на эмоции 53
  рациональное ~ 38
  речевое ~ 26
  средство ~ 16
  утилитарное ~ 38
  чувственное ~ 38
  эстетическое ~ 22, 409
волеизъявление 11, 38, 245—246, 248, 282
вопрос 63, 284
  провокационный ~ 52
  суггестивный ~ 52
восприятие 11—12, 18, 20, 28, 51, 84—85, 87, 111, 194, 200, 202, 380, 387, 396, 425
  ~ внешнего мира 55, 86
  продленный процесс ~ 51
  эмоционально-чувственное ~ 54
восторг 26, 28
впечатление 18, 21, 39, 46, 48, 50, 115, 120, 157, 221, 320, 345, 380, 402,404, 409, 412, 422—423
время 7, 50, 61, 65, 79—80, 83—185, 188, 194—196, 198—203, 205—206, 210, 213—231, 233—244, 254, 257, 259—260, 262—264, 277, 282—283, 285—289, 291, 296—299, 308, 311, 316—318, 321—331, 333, 341, 344, 346, 349—350, 358—359, 369—373, 377, 388—393, 405—406, 411—416, 418—419, 421—424, 426
вульгаризм 26, 44, 409
  эстетическая функция ~ 36
вульгарное 51
вынесение приговора 63
выражение 10—12, 19—21, 27, 33, 36, 39—40, 43, 49, 55, 58—59, 62, 68, 73—74, 78, 87, 118, 138—139, 147, 161, 188, 197, 279, 287, 318, 320, 381, 382, 386, 405—406
  грубое ~ 27
  крылатое ~ 45
  тривиальное ~ 27
  эмоциональное ~ 54
  эмоционально-экспрессивное ~ 20
  языковое ~ молодых 20
    ~ взрослых 62
    ~ пожилых людей 62
    ~ мужчин 62
    ~ женщин 62
выразительное 9, 14, 22—23, 37, 409
выразительность 11—12, 14, 22—23, 37—38, 44, 68, 71, 73, 75, 81—82, 147, 200, 320, 328, 363, 380, 409, 421
  стилистическая ~ 9, 31
  художественная ~ 13
выразительный 10, 13, 27, 31, 62, 72—73, 75, 82, 159, 205, 315, 322, 380, 421
  ~ средство 26, 55, 59, 71, 199, 211, 382
высказывание 9—10, 13, 18, 20, 26—27, 38, 41, 43, 59, 62, 68—69, 73, 76 77, 80, 85—89, 94, 107—108, 135, 165, 167, 182, 215, 268, 285, 289,

321, 359, 380, 383, 388, 408, 420, 423, 426
организация ~ 60, 86, 409
горизонтальная ~ 22, 50, 358
вертикальная ~ 22, 50, 358
линейная ~ 50
высокое 21, 45, 48
высокопарность 54, 322
газета 53, 273, 278
гарантирование 63
гармоничное 26, 48, 409
гедонистический 26, 28, 409
ген 12
фенотипическое проявление ~ 12
генетика 9, 12, 408
героическое 234
гетерофемия 33
гипербола 58
гиперболизирование 61
гиперкласс 39
гипокласс 39
глагол 7—8, 39, 45, 65, 73, 76—83, 88—94, 97, 100, 102—104, 108, 112—113, 119, 124, 130, 132, 138, 143—145, 147—149, 152—157, 159—172, 174—180, 183—198, 204—205, 210, 213—216, 218—219, 223, 225, 228, 236, 240—243, 246, 248, 252, 257—258, 262—265, 269—272, 277—283, 285—292, 294—295, 301, 309, 320, 322, 324, 326—327, 329, 331, 333—334, 336, 338, 340, 342—347, 349—358, 361—369, 371—372, 374—379, 385—386, 388—389, 391—397, 399—404, 406, 411—427
гладкосочинительство 35
гласный 36, 41—42, 366, 367, 383, 384, 388—390, 426
глобальная дифференциация языка 44, 48, 410
временна́я ~ 44
дискурсная ~ 44
индивидуальная ~ 44, 410
интеллектуальная ~ 410
интровертная ~ 43, 410
кодификационное ~ 44
логическая ~ 44
локуционная ~ 44
медиальная ~ 44
медиолектальная ~ 410
модусная ~ 44
психологическая ~ 44, 410
регистрационная ~ 44, 63
референциальная ~ 44
социальная ~ 44, 48, 60, 410
стилистическая ~ 410
текстуальная ~ 44
телеологическая ~ 44, 410
темпоральная ~ 42, 410
территориальная ~ 44, 48, 59, 410
умственная ~ 44
физиолектальная ~ 42, 44, 62
глухой согласный 36
говор 59, 143, 195, 199, 204, 216, 233, 268, 389
говорящий 9—11, 20, 33, 35, 38—39, 41, 46, 48, 58, 68, 87—89, 91—92, 96, 98, 101, 103, 106—107, 113, 165, 181, 183, 194, 196, 201—202, 245, 271—272, 334, 345, 389, 409, 413, 423
графема 41
грубоватость 59
грубое 48
группа 37, 44—45, 60, 62—63, 72, 78, 102, 104, 142—143, 172, 179, 183, 257, 277, 280, 289, 303, 336, 341, 358, 384, 409, 420, 423
лексико-семантическая ~ 42—43, 180
малая социальная ~ 61
двусмысленность 33
деавтоматизация 51
дезавтоматизация 21
действие 10, 13, 79, 81, 83, 85—94, 96—98, 100—101, 103—109, 113, 115—116, 118, 123—124, 127—128, 130, 135, 138, 140—142, 144, 148—150, 153—154, 158, 160—169, 176, 179—183, 185, 187—189, 191—192, 194, 196, 199, 201—203, 210, 231—216, 218, 222—225, 227—228, 231—235, 239, 241—246,

254, 256—257, 259—262, 264, 268—271, 276—278, 280, 283, 285—292, 294, 298—299, 308, 311, 318, 321—322, 327—331, 333—334, 336—337, 340, 342, 344—345, 351, 360, 376, 378, 384, 395, 404, 411—413, 415—419, 421—423, 427
декларатив 63
декодирование 17—19, 21, 51, 219, 379—380, 386—387, 405—406, 408, 425
деловой 56—57, 149, 154, 199, 294—295, 349, 357
~ бумага ~ 57
~ переписка 57, 283
денотат 31—32, 35
денотация 24
дерево 36
детский 19, 25, 62, 376, 425
~ экспрессивный неологизм 62
деятельность 11, 25, 27, 29, 52, 220, 381, 383, 403
эстетическая ~ 28
диалектизм 44, 48, 51, 56, 59, 65
дискурс 43, 63, 313
дискурсолект 44
диспозиция 26
дифференциально-лектальный 20, 46—48, 63, 408, 410
дифференциация языка 20, 44, 48, 410
временна́я ~ 44
дискусная ~ 44
индивидуальная ~ 44
интровертная ~ 42, 46, 410
кодификационная ~ 44
кодификационно-лектальная ~ 63
логическая ~ 44
локуционная ~ 44
медиальная ~ 44
модусная ~ 44
психолектальная ~ 42
психологическая ~ 44, 410
регистрационная ~ 44
референциальная ~ 44
социальная ~ 44, 48, 60, 410
социолектальная ~ 42
спациолектальная ~ 42
текстуальная ~ 44
телеологическая ~ 44, 410
темпоральная ~ 42
умственная ~ 44
физиолектальная ~ 42
функционально-стилистическая ~ 76, 81, 410
добавление 21, 257, 266, 329, 358, 377—379, 383, 384, 386, 394, 423, 425
договор 57, 67, 295
доклад 58
документ 114, 283
официальный ~ 59, 196
правовой ~ 57
доминанта 28, 32, 39, 112, 151
гомогенная ~ 28
гетерогенная ~ 28
дублирование 51
единица 9—11, 13, 20, 22, 24, 26, 31—33, 35, 39—40, 44—46, 49, 51, 54, 56, 58—62, 66, 68—69, 72, 75—76, 362, 377—379, 381, 408—409, 411, 425
~ вторичного образования 44
коннотативные характеристики ~ 49
ласкательная ~ 59
лексическая ~ 49
морфологическая ~ 25—26, 67, 409
нейтральная ~ 48
неспецифичная ~ 48, 56
неэкспрессивная ~ 48
облигаторная ~ 55
полуспецифичная ~ 48
разговорная ~ 53
специфичная ~ 48
стилистические характеристики ~ 48—49
фразеологическая ~ 44—45, 73
экспрессивная ~ 14, 54, 57, 74
эмоционально-экспрессивная ~ 45
языковая ~ окказионального характера 25
языковая ~ узуального характера 25
единство противоположностей 37
жанр 52, 57, 65, 124—126, 199, 273, 283, 295—296, 332, 357
информационный ~ 43, 53—54
политический ~ 52

сатирический ~ 53
юмористический ~ 53
жаргонизм 44, 54, 56, 61
живость 21, 168, 195—196, 198, 205, 346, 413
журналист 48, 53, 274
заголовок 187, 253
вызывающий ~ 52
заклинание 63, 266—267, 406
заключение брака 63
закон 57, 116, 217, 295, 380
законодатель 48
запас 44
лексический ~ 55, 58
запрещение 63, 245, 257, 291, 417, 419
засорение 59
затрудненная форма ~ 51
заявка 55, 59
заявление 57, 63
звонкий согласный 36
звук 22, 35, 42, 200, 315, 363, 376, 382—384, 388, 390
грубый ~ 35
музыкальный ~ 36, 171
эмоциональная окраска ~ 35
звучание 32—33, 35—36, 43, 200
ироническое ~ 44
комическое ~ 44
сатирическое ~ 44
знак 92, 101, 107, 228, 346, 381, 383, 385, 387, 403, 423
мотивированность ~ 11
языковой ~ 11, 19, 24, 38
~ препинания 41
знаковая система 51
дополнительная ~ 51
альтернативная ~ 51
запасная ~ 51
знаковый 51
значение 13—14, 16—18, 22, 24—25, 28, 31—33, 39—40, 43, 45, 50, 56, 62, 64, 67, 69, 71, 73, 76—77, 79—82, 86—95, 97—99, 101—107, 109, 112—113, 120, 126—128, 130, 138—145, 149—150, 153—154, 158—160, 163, 165—167, 169—171, 175—180, 182—183, 186—189, 191, 194, 196, 200, 202—203, 210, 213, 215—216, 218—219, 223—227, 233, 234, 239, 241, 244—246, 251—254, 256—257, 259—266, 271—272, 278—279, 283, 285, 287—293, 295—299, 303, 310, 313, 315, 322, 324, 341, 344—345, 347—348, 351—352, 356—357, 363—365, 379, 384—385, 387, 409, 412—413, 415—419, 421—423, 425
~ языковых единиц 28
гетерогенное ~ 32
дополнительное ~ 24
лексическое ~ 9, 16—17, 25, 69, 254, 324, 329, 417
локализованное ~25
основное ~ 13, 70, 82, 145, 162, 216, 224
переносное ~ 23, 31, 43, 50, 56, 58, 112, 145, 185, 190—192, 208
прагматическое ~ 10—11
предметное ~ 25
прямое ~ 50, 82, 161, 194, 411
стилистическое ~ 11, 13, 17—18, 66, 385
субъективно-модальное ~ 10
узуальное ~ стилистическое 17
эмотивное ~ 16—17
эстетическое ~ 28, 36
~глагольных словосочетаний 36
значимость 14, 19, 50, 64, 67, 144, 196, 289, 294
эстетическая ~ 11
идентичность 33
полная ~ 37, 403
идиолект 44, 46
идиома 45, 188
деформация ~ 44
избыточность 22, 364, 378, 380, 382, 384
временная ~ 51
кодовая ~ 51
положительная ~ 51
отрицатльная ~ 51
структурная ~ 51
извинение 63
изложение 43, 54, 71, 74, 112, 118, 154, 167, 196, 198, 205, 282, 321, 323,

346, 348, 354, 413, 422
научное ~ 54, 56
изменение 22, 31, 61, 79, 87, 102, 135, 215, 258, 261, 358, 364, 377—379, 381, 383—384, 386—388, 390—391, 403, 409, 423, 425
~ качества 21
~ количества 21—22
~ последовательности 21—22, 225
имя 78—81, 97, 277, 339, 412
~ существительное 39, 77—81, 66, 219, 263, 356, 396, 411
~ прилагательное 81, 411
инверсия 46, 72, 75, 126, 266, 364, 380, 384, 410
индивидуальность 57—58, 125
авторская ~ 54
индоктринация 38
открытая ~ 52
скрытая ~ 52
интеллектуализация 57
~ текста 57
интенсивность 10, 12—14, 19, 23, 46, 68, 227, 231, 336, 342, 421
интеркорреляционал 39
интеррогатив 63
интимное 48
интимность 265
интракорреляционал 39
интуиция 12
художественная ~ 12
инфикс 45
информация 10—11, 21—22, 25, 51—52, 55—56, 59—60, 63, 69, 72, 97—98, 206, 274, 299, 351, 356, 379, 396, 414
дополнительная ~ 24, 379, 387, 389, 425
компрессия ~ 44
научная ~ 55
передача ~ 53, 386
прагматическая ~ 23, 68—69
практическая ~ 56
предметно-логическая ~ 11, 19
свернутая ~ 55
семантическая ~ 51, 387
справочная ~ 55
стилистическая ~ 19, 387, 425
экспрессивная ~ 10
эмоционально-оценочная ~ 23
эстетическая ~ 23, 26—28
языковая ~ 23, 28
ироничное 48
ироничность 54, 60, 183, 413
инъюнктив 63
искусство 12, 28, 111—112, 137, 275, 303, 420
изобразительное ~ 12
искусствоведение 9, 408
истина 158
философская ~ 55
истинность 30, 52
историзм 44, 51, 61
канал 21, 353, 387, 425
физический ~ 51
канцеляризм 44, 51, 56, 59—60
категория 7, 9—10, 13—15, 18, 23—24, 27—28, 35, 37, 39, 42, 56, 65—69, 73, 75—81, 83, 85—87, 89, 91—103, 107—109, 114, 116—117, 122, 126, 140, 155, 160, 194, 202—203, 215—216, 221—223, 257, 263, 286, 290—292, 299, 336, 344, 351, 356, 369, 379, 385, 394, 407—409, 411, 415, 423—424
~ деклюзивного типа 40
~ модификационного типа 40
~ открытого типа 40
~ речи 19
~ экспрессивности 8, 13
~ языка 19, 78
грамматическая ~ 39, 46, 64, 67—68, 76, 83, 87, 99, 119, 196, 214, 223, 264, 350
семантическая ~ 11, 69
стилистическая ~ 22
универсальная ~ 20, 40, 408
языковая ~ 40, 77
качество 14, 21, 65, 70, 82, 137, 403, 427
~ речи 10—11, 76
выразительно-изобразительное ~ 10—11
экспрессивное ~ 10, 27
квазисиноним 24, 264, 270

кинетика 9
книжное 48
код 21, 34—35
дополнительный ~ 21
индивидуальный ~ 34—35
коллективный ~ 34—35
общий ~ 34—35
эстетический ~ 34—35
кодирование 18—19, 24, 379—380, 408
кодификация 63
коллоквиализм 44, 48
комбинация 9, 37, 41, 90, 107, 114, 123, 149, 153—154, 248, 261, 322, 362, 371—372, 390, 411
ось ~ 24
комбинирование 22, 210, 358
комизм 54
комиссив 63
комическое 27
комментарий 54, 98, 205—206, 210, 406, 414
политический ~ 52
коммуникативный 10, 14, 38—39, 51—52, 58—59, 75, 77, 85—86, 276
~ ситуация 60
коммуникация 14, 38, 49, 58, 61, 77—78, 86, 97—98, 140, 207—208, 211, 380—382, 396
письменная ~ 44, 63, 213, 380—382
тайная ~ 61
устная ~ 63, 213, 380
форма ~ 63
композиция 309
циклическая ~ 22
компонент 9, 11, 13—17, 23, 25, 37, 56, 62—63, 66, 68—69, 245, 264, 276—277, 280, 286, 299, 363, 408
экспрессивный ~ 12
компрессия 44
~ информации 44
коннотативное 14, 24, 37, 409
коннотативность 24, 37, 73, 409
коннотативный 14, 17, 24, 233, 379, 423
~ характеристика 49
коннотация 17, 24—25, 279, 409
~ грамматических форм 25
~ заимствованных языковых форм 25
~ книжных форм 25
~ неприличных языковых форм 25
~ сленговых форм 25
~ технических терминов 25
архаичная ~ 25
детская ~ 25
диспозиционная ~ 26
композиционная ~ 26
нулевая ~ 24
отрицательная ~ 24
положительная ~ 24
собственно экспрессивная ~ 25
стилистическая ~ 25
трансплантированная ~ 26
условно-традиционно-экспрессивная ~ 25
устойчивая экспрессивная ~ 26
функциональная ~ 25
характерологическая ~ 26
экспрессивная ~ 25—26
эмоциональная ~ 19
эмоционально-экспрессивная ~ 25
эстетическая ~ 26
констатация 40, 63, 163, 194, 239, 412, 416
констатив 63
конструкция 33, 52, 59, 71, 74, 79—80, 82, 155, 184, 191, 199, 204, 215, 228—232, 235, 257, 259, 262, 264, 270—271, 280, 283, 285, 292, 295—299, 302—304, 308—309, 323, 328, 331, 334, 341, 347, 352, 356, 358, 395, 406, 410, 414, 418—420, 422—423, 426
дежурная ~ 60
политическая ~ 59—60
синтаксическая ~ 22, 40, 68—75, 245, 283, 291, 365—366
эмоциональная ~ 70
контекст 14, 19, 26, 33, 40, 55, 64—65, 67, 71, 88, 90, 104—107, 112, 124, 145, 154, 162—163, 167, 210, 215, 219, 224—225, 260, 266—267, 272, 276, 283, 293, 301, 320, 323, 346, 351, 363, 390, 406, 412, 420, 422
контракция 42, 384

контраст 34, 58, 65, 147—148, 163, 215, 225, 239, 363, 416
конус 36
конфликт 54, 61, 219, 272, 418
концептосфера 36
корреляционал 39
категориально- экспрессивный ~ 39
семантико-экспрессивный ~ 39
формально-экспрессивный ~ 39
функционально-экспрессивный ~ 39
корреляция 15, 18, 29—30, 39, 81, 222, 409, 411
антонимическая ~ 31
омонимическая ~ 31
полисемическая ~ 31
синонимическая ~ 31
красота 74, 90, 354
~ звучания 35—36
~ речи 35
криптолалия 61, 380
крылатый 45
~ выражение 45
~ слово 45
лейтмотив 22
лексема 22, 44
лексика 17, 40, 43—44, 54, 57, 59—60, 65—66, 82, 228, 309
выбор ~ 57
диалектная ~ 57
жаргонная ~ 54
книжная ~ 44, 58
нейтральная ~ 57—58
общеупотребительная ~ 57
разговорная ~ 44, 57—58
терминологическая ~ 57
устаревшая ~ 44, 57
экспрессивная ~ 10, 43, 54, 56
эмоциональная ~ 16, 69
лексико-семантическая группа 42—43
лексический 9, 18, 33, 35, 41—44, 49, 54, 57—58, 60, 64—66, 68—69, 71, 180, 197, 272, 286, 310, 368, 396, 410, 413, 423
~ модальность 25
~ значение 25, 254, 257, 329, 417
лексический пласт 42, 51, 65
лект 43—44, 46, 48, 60—61, 63
лингвема 31—33, 35
лингвистика 9, 69, 78, 83, 95, 98, 102, 109, 408
лингвоэстетизатор 35
лиричность 54
литература 12—13, 45, 70, 75, 99, 110—111, 113, 117—118, 123, 125—126, 136, 143—144, 147, 159, 176, 179, 195, 208, 222, 283—284, 296, 301, 315, 354, 397, 403, 413—414, 426—427
литературный 12—13, 51, 53, 59, 63, 68, 74, 100, 111—112, 119—120, 125, 136, 145, 159, 168, 176, 183, 195, 204, 215, 240, 243, 296, 300, 316, 325—326, 337, 351—352, 357, 365, 373, 375, 396, 400, 411
~ норма 13, 52, 60
литературоведение 9, 83, 135—136, 408
литота 58
лицо 56, 107, 245, 247, 263, 292, 336, 344, 348, 352, 354, 369, 423—424
первое ~ 56, 167—168, 205, 234, 256, 260, 263, 265, 282—283, 321, 344—348, 350—357, 395, 423
второе ~ 167, 205, 234, 246, 260—261, 263, 265, 271, 282—283, 321, 344—345, 347—348, 350—352, 354—357, 395, 417, 423
третье ~ 56, 167, 205, 263, 265, 282—283, 321, 344, 347—353, 355—357, 423
лишний 9, 15, 202—203
~ элемент 51
логика 9, 12, 38, 83, 110, 117, 140, 408
логиколект 45
локуциолект 44, 46
манера 110
~ произнесения 41
маркированность 24, 69
стилистическая ~ 21
медиолект 44, 46
междометие 16—17, 336—337, 339—343, 406
мера неопределенности 52
~ сообщения 52

метатеза 42, 384
метафора 24, 31, 55—56, 58, 64—65, 136, 142, 221
мертвая ~ 23, 409
грамматическая ~ 45, 64—65
научная ~ 55
метафоризация 61
сплошная ~ 61
метонимия 24, 59
мимика 9, 12, 116
многозначность 24, 43, 53, 57
модальность 10, 94, 244, 260, 264, 286, 309, 311
лексическая ~ 25
модусолект 44
монотонное 48
монотонность 50, 200
морфема 22, 45, 64, 272, 277, 320, 379, 384, 418, 422
морфемный 45
~ экспрессивность 45
мотивированность 11
музыка 12, 186
мучение 26, 28
мышление 52, 75, 78—80, 86, 218, 356
образное ~ 63
способ ~ 63
название 7, 43, 46, 63, 94, 97, 100—104, 255, 261, 287, 336, 378, 382—384, 419
образное ~ 55
назначение 63
~ на должность 63
наименование 7, 25, 69
форма ~ 25
условное ~ 56
напевность 36
наречие 81, 102, 150, 154, 169, 180, 188, 193, 232, 301, 329, 368, 377, 385—386, 402, 406, 425
нарушение 12—13, 52, 72, 200, 320, 344, 347, 378—381, 383, 387, 394, 396, 404—405, 421, 423, 425
~ непрерывности 21
~ стереотипов 20, 57, 60
наслаждение 25—27
гедонистическое ~ 26, 409
духовное ~ 26, 409
эстетическое ~ 26—28, 409
наука 12, 96, 100, 102, 106, 113, 137, 221, 275, 349
популяризация ~ 55
научный 28, 36, 40, 50, 53—56, 75, 83, 97, 112, 165, 220, 295, 349
~ изложение 54, 56
~ стиль 20, 38, 48, 54—55, 61, 112, 159, 199, 282
~ текст 75, 194, 351, 356, 413
негодование 26, 28, 291
недовольство 58
нейтрализация 46, 142, 395
немаркированость 24
неологизм 44, 51, 61, 65, 210
авторский ~ 40, 63
детский ~ 62
экспрессивный ~ 62
непредсказуемость 51, 60
неуклюжее 48, 274
неэкспрессивность 52, 54, 56
неясное 48
низкое 48, 314
новизна 10, 13, 21, 23, 215
новообразование 272, 275, 277, 332, 418
индивидуальное ~ 62
номинация 7, 39, 220, 272, 325, 336
ноосфера 36—37
норма 28, 33, 60—61, 63, 65, 213, 295, 315, 347, 355—356, 378, 381—382, 384—385, 405, 423
литературная ~ 13, 52, 60
нарушение ~ 52, 378—379
стилистическая ~ 52
нормативистика 35
нота 56, 285, 353, 356, 418
эмоциональная ~ 54
обезличение 56, 320—322, 357, 422
обещание 63
обманутое ожидание 21, 51, 387, 399
обобщение 56, 325, 347, 353, 356—357
обозначаемое 11, 25, 38, 55
обозначающее 55
образ 11, 14, 115, 117—118, 121, 275, 314, 340, 402
художественный ~ 49

образное 14, 23, 37, 409
образность 9—13, 23—24, 38, 41, 45, 64, 74, 200, 215, 409
графическая ~ 41
пренебрежительная ~ 60
шутливая ~ 60
образно-экспрессивный 45
~ использование 45
образный 11, 13, 21, 52, 55—56, 198, 227, 403
~ сравнение 58
~ название 55
образцовое 48
общение 9, 17, 20, 26—27, 37—38, 43, 46, 50, 57, 61, 86, 98, 165, 209, 211, 282, 329, 349, 381, 408
высокое ~ 44
официальное ~ 44
повседневное ~ 58
торжественное ~ 44
устное ~ 58
объединение 154
объективное 48
объективность 55—56, 75, 328, 356
объявление 57, 95, 278
~ войны 63
~ мира 63
однозначность 55
одобрение 17, 63
ожидание 116
математическое ~ 51
нулевое ~ 51
обманутое ~ 21, 51, 387, 399
окказиональный 14, 25, 40, 108, 409
окраска 67, 113
~ языковой единицы 25
оценочная ~ 25, 48
стилистическая ~ 22, 25, 49, 56, 67—68, 195, 301
субъективная ~ 59
экспрессивная ~ 10, 81, 183
эмоциональная ~ 25, 41
~ звуков 35
эмоционально-оценочная ~ 59
эмоционально-экспрессивная ~ фразеологизмов 45
экспрессивно-эмоциональная ~ 48
окрашенность 9—10, 13, 21, 25, 38, 68, 74, 168, 183, 246, 385
внеконтекстуальная ~ 25
контекстуальная ~ 25
тилистическая ~ 9, 13, 21, 25, 168, 246, 385
функционально-стилистическая ~ 25, 68
эмоциональная ~ 10, 38, 74, 183
эмоционально-экспрессивная ~ 21
оксюморон 34, 43, 219, 363
омонизм 33
лексический ~ 33
морфологосинтаксический ~ 33
омоним 33, 360
онтология 46
~ экспрессивности текста 46
описание 41, 70—71, 81, 110, 113, 116—117, 120, 125, 127, 147, 150, 152, 154—155, 157—158, 164, 196, 205, 216, 220, 243, 274, 316—317, 321, 396, 399, 401, 412, 427
~ технических устройств 55
оппозиция 13, 46, 64—65, 73, 81, 148, 166, 379, 394, 407
организация 39, 74, 78, 120, 126, 132, 137, 378, 380, 384, 396, 404, 426
~ высказывания 60, 86, 409
вертикальная ~ 22, 50, 358
горизонтальная ~ 22, 50, 358
звуковая ~ 26
линейная ~ 50
ореол 309, 312
внеконтекстуальный ~ 25
образный ~ 25
стилистический ~ 21, 25
экспрессивный ~ 25
оригинальность 396
орфанолект 62
осмысление 91
эстетическое ~ 53
осуждение 58, 245, 416
ось 67, 108
~ комбинации 24
~ одновременности 24
~ последовательности 24
~ селекции 24

отвращение 26
отказ 63, 239, 252, 416—417
отношение 9—14, 17—18, 22, 45, 51, 64, 69, 81, 83, 85—89, 91—92, 101, 103—105, 107, 109, 115—116, 123, 136—137, 227, 236, 255, 261, 263—264, 273, 285—286, 297, 329, 350, 357, 378—380, 385, 408, 416—417
~ in absentia 24
~ in presentia 24
~ ассоциаций 23
~ дизъюнкции 37, 409
~ имплицитности 37, 409
~ к предмету речи 25
~ к собеседнику 25
~ конъюнкции 37, 409
~ намеков 23
~ пересечения 37, 409
~ часть ↔ целое 30
~ языковых доминант 39
аксиологическое ~ 27
антонимическое ~ 33
ассоциативное ~ 30
возможное ~ 30
гедонистическое ~ 28
денотативное ~ 30
интерперсональное ~ 61
~ положительное ~ 61
~ отрицательное ~ 61
~ нейтральное ~ 61
необратимое ~ 28
обратимое ~ 28
объектное ~ 30
омонимическое ~ 32
парадигматическое ~ 30—31, 34
полисемантическое ~ 23, 31
полисемическое ~ 31
потенциальное ~ 30
реальное ~ 30
рефлексивное ~ 30
синонимическое ~ 31—32, 67, 141
стилистическое ~ 33, 217, 297
убъективное ~ 38, 408, 410
субъективно-модальное ~ 20
субъективно-эмоциональное ~ 42
ценностное ~ 25, 27, 37
эмоциональное ~ 9, 11, 35, 408, 410
эстетизаторское ~ 35
эстетическое ~ 26—31, 34—37, 41, 410
эстетическо-эмоциональное ~ 51
языковое ~ 29—30, 35—37
отправитель 9, 17, 19, 39—40, 42, 46, 55, 379—380, 409
отступление 54, 135, 268, 378, 383, 404
~ от нормы 52, 384
~ от стандартного 20
~ от обычного 20
индивидуальное ~ 24
сознательное ~ 52
отталкивание 27, 58
оттенок 18, 22, 59, 67—68, 70, 81—82, 94, 112—113, 150, 183, 203, 224, 233, 246, 251—252, 258, 261, 264—265, 266, 286, 293, 322, 324, 391, 413—414, 417
дополнительный ~ значения 24
дополнительный смысловой ~ 11—12
иронический ~ 45
небрежный ~ 45
попутный ~ 24
сопутствующий ~ 17
торжественный ~ 45
шутливый ~ 45
официальное 48
официальность 52
оценка 20, 25—27, 35, 74, 76, 160, 271, 375, 407
образно-эмоциональная ~ 44
субъективная ~ 35
суффикс субъективной ~ 40, 58
эмоциональная ~ 13
оценочность 11, 14, 46
очерк 53—54, 124, 199, 356
~ газетный 50
ошибка 33, 304, 381—382, 405, 420
интенциональная ~ 51
парадное 48
параллелизм 22, 74, 76, 102, 200, 257, 341, 366
парашют 36
пари 63
паронимическая аттракция 43, 355

парономазия 43
патолект 62
переживание 12, 14, 16—17, 39, 46, 48, 61, 404, 409, 427
перенос 227, 364
  метафорический ~ 23, 64
  метонимический ~ 23
    ~ грамматической формы 45, 64
переосмысление 25, 62, 72
переписка 283
  деловая ~ 57
пересечение 56, 61, 67, 136, 141
  отношение ~ 37, 409
перестановка 21—22, 42, 368, 381
перлокуция 26
  чувственная ~ 38
писатель 35, 41, 50, 53, 110—111, 115—116, 119—120, 125, 143, 149, 168, 195—196, 198—202, 205, 213, 216, 222, 233, 268, 315, 332, 348, 366, 404, 411
план 23, 32, 52, 71—72, 79—80, 86, 89, 97—98, 102, 112—114, 117—118, 121, 127, 132, 134, 141, 144—145, 52, 158, 160, 201, 224, 228, 260, 263—264, 282, 289, 333, 356, 363, 384, 411
  образный ~ 46
  реализованный ~ 43
  синхронный ~ 61
  фоновый ~ 43
  эмотивный ~ 46
пласт 55
  ~ с ограниченной сферой употребления 51
  лексический ~ 42, 51, 65
  активный ~ 51
  пассивный ~ 51
  нейтральный ~ 54
  терминологический ~ 54
  хронологический ~ 26
плоскость 138, 146
  вертикальная ~ 48
  квантифицированная ~ 48
  медиализированная ~ 48
  оценочная ~ 48
  персонализированная ~ 48
  эстетизованная ~ 48
плохое 48
повтор 22, 51, 57, 71—72, 74—75, 233, 236—237, 256—257, 266, 343, 362, 367—368, 416
  ~ звуков 22
  неосознанный ~ 51
  ненужный ~ 51
  неэстетический ~ 51
повторение 35, 45, 63, 167, 280, 288, 315, 320, 355, 358, 360—361, 364, 383, 386, 412, 423
  ~ гласных 41, 366
  многократное ~ 55, 381
  неизбежность ~ 56
  ненужное ~ 31
поговорка 45, 95, 162, 417
подзаголовок 77
  вызывающий ~ 52
подобие 24
  семантическое ~ 24
подсистема 386
  языковая ~ 43
подстиль 48, 52, 60, 282, 295
  аналитический ~ 52—53, 355
  информативный ~ 52, 355
  литературно-публицистический ~ 53
  научный ~ 53, 55
  научно-популярный ~ 53
  учебный ~ 53
подтекст 41, 309
подчеркивание 9, 12, 20, 408
подъязык 43
поздравление 63
полемика 54
полиптотон 22
полисемантизация 56
полисемия 31, 54
полисиндетон 22, 72
положительное 61
получатель 9, 17, 19, 21, 39—40, 46, 48, 51—52, 379—380, 387, 408—409, 425
помеха 21, 219, 387, 425
  ~ с нулевым математическим ожиданием 51

белая ~ 51
детерминированная ~ 51
закодированная ~ 51
канальная ~ 51
кодовая ~ 51
преднамеренная ~ 51
предсказуемая ~ 51
случайная ~ 51
сознательная ~ 51
популяризация 53
~ науки 55
порядок 155
~ слов 45, 68, 71—72, 74, 76, 200, 383, 410
изменение ~ 22
пословица 45, 95, 158, 162—163, 180, 233, 268, 282, 417
постфикс 45, 377, 388—389, 426
потенциал 28, 69, 74, 89, 217, 358, 385, 396
экспрессивный ~ 7—8, 43, 45, 61, 64—65, 67—68, 72, 76—78, 81, 91, 157, 198—199, 215, 224, 245, 289, 292, 315, 323, 368, 408, 410—415, 419, 421—422, 424
похвала 63
поэзия 52, 96, 112—113, 121—123, 136, 150—152, 154—156, 164, 169, 173, 175, 177—178, 186, 199, 212, 218, 240, 243, 250, 252—253, 255—256, 258, 265, 267, 271, 280—282, 287, 296, 308, 311, 313, 318—320, 323, 328, 332, 335, 340, 350, 352—354, 361—364, 374—376, 389—391, 396—397, 400—404, 412, 416, 418—419, 421—422, 424—427
поэт 35, 50—51, 96, 98, 121—124, 136—137, 151, 218, 280—281, 300, 309, 313—314, 322, 352—355, 360—361, 373—375, 389, 391, 398—400, 402—404, 426—427
правило 28, 35, 111, 135, 165, 228, 241, 356, 383, 404
~ пользования 55
прагматика 9, 25
превосходная степень 36
~ прилагательного 36
предложение 30, 66, 68—80, 82—83, 86, 88, 90—92, 97—98, 102—107, 120, 138—139, 160, 166, 170, 174, 194, 200, 216, 223, 227—228, 232, 235, 241—242, 246, 257—258, 261, 263, 265, 270—271, 276—277, 280, 283—286, 289, 291—292, 296—297, 299, 301, 309, 312, 317—318, 323, 326—327, 331, 333—334, 336, 344, 352, 358, 363, 365, 378, 388, 393, 395, 401, 405, 410, 417, 419, 422—423, 426
возвратное ~ 45
восклицательное ~ 45, 58, 70, 75—76
рематическая организация ~ 45
эллиптическое ~ 45
преднамеренность 15
предположение 63, 180, 290, 413
представление 20, 23, 27, 48—49, 55—56, 66, 74, 86, 108, 114, 122, 139, 213, 221—222, 233
ассоциативно-образное ~ 25
наглядное ~ 49
презрение 15, 17, 20, 58
прекрасное 26—27, 36, 409
преобразование 29, 44
препятствие 51, 219
преувеличение 58, 61, 200, 383
префикс 45, 82, 386, 425
префиксоид 45
приглашение 57, 63, 245, 256, 259, 417
прием 51, 72—73, 75, 111, 116, 122—123, 128, 132, 156, 197, 218—219, 222, 226, 236, 257, 261, 271—272, 287, 308, 311, 323, 346—347, 357—358, 363, 365—366, 377—378, 383—385, 388, 391, 394—396, 400—402, 412—413, 415, 418—419, 421—423, 425—427
композиционный ~ 26
контекстовый ~ 46
социолектальный ~ 61
признак 8, 10, 13, 23, 25, 30, 43, 46, 51, 57, 64, 79, 81, 88, 99, 116—117, 145, 153, 158, 245, 264, 286, 324, 329, 344, 408, 411, 423

семантико-стилистический ~ 10
экспрессивный ~ 15
признание 63, 162, 404
приказ 57, 63, 246, 255, 265, 291—292, 295, 357, 417, 419
прилагательное 36, 43, 45, 81, 108, 309, 315—316, 322, 324—325, 368, 377, 385—386, 401—403, 411, 421, 425
эстетические возможности ~ 36
принадлежность 15, 21, 41, 72, 165, 326, 376
стилистическая ~ 37, 409
принцип 28, 56, 69, 71, 74, 89, 106, 110, 121, 123, 125, 135, 237, 308, 411
~ воронки 18
~ противопоставлений 61
припоминание 63, 118
притяжение 27
аксиологическое ~ 27
необратимое ~ 27
неутилитарное ~ 27
проза 22, 75, 112, 154, 199, 323, 328, 335, 361—362
произведение 11—12, 28, 75, 114—115, 117—119, 135—136, 143, 145—146, 149, 153, 156, 165, 171, 176, 196, 200—201, 216, 274, 316, 328, 332—333, 346, 350—352, 354—355, 365, 375, 396, 402, 411, 413
художественное ~ 49, 70, 110—113, 120, 137, 204, 211, 222, 275, 284, 287
пропаганда 38, 54
просьба 59, 63, 245—246, 251, 255, 265, 289, 357, 417
профессиолект 63
профессионализм 44, 51
психолект 44, 46
психология 9, 12, 83, 408
к огнитивная ~ 16
публицистика 52, 220, 355
путевые записки 53
радио 60, 297
радость 14—16, 20, 26, 28, 39, 205
разговор 96—97, 106, 115, 208
частный ~ 58
разговорное 48
размещение 72, 200, 358, 423
неожиданное ~ 22
разновидность 13, 23, 58, 61—63, 71, 75, 107, 118, 120, 158, 162, 233, 262, 287, 289, 349, 363, 368, 373, 376, 378—379, 381, 383, 385, 387, 396, 411—412
~ языка 25, 43—44, 183
функциональная ~ 25, 183
разнообразное 48
разрешение 63, 245
расположение 26, 71, 75, 112, 309
рассказ 50, 98, 103, 113—115, 119, 124—125, 145—147, 150, 156, 168, 192, 194, 199, 203—205, 214, 222, 262—263, 268—269, 279, 282, 295, 316—317, 328, 331, 345—348
расслоение 59, 62, 327, 408
~ языка 20
возрастное ~ 62
дискурсно-лектальное ~ 63
дифференциально-лектальное ~ 410
патологическое ~ 62
половое ~ 62
стилистическое ~ 48, 65, 78, 410
рациолект 44, 46, 63
реакция 13—14, 16, 18—19, 26, 28, 49, 60, 106, 116, 273—274, 303, 307, 379
эмоциональная ~ 39, 46, 48, 409
регистр 44
стилистический ~ 25
экспрессивный ~ 63
регистролект 44
реквесив 63
рекомендация 35, 63
репортаж 53—54, 157—158, 199, 355—356, 412
реферат 55
референт 31
реципиент 9, 16—17, 39, 46, 48, 55, 379, 387, 408—409
речевая культура 35
речь 9—11, 14, 21—22, 25, 33, 35, 38, 41, 44, 55, 63, 65—68, 70—73, 75—82, 86—98, 100—109, 113, 115—116, 135, 138, 140—142, 149, 154, 158,

160, 165, 181, 194, 196, 199, 202, 208, 216, 223, 227, 262, 270, 294—295, 299, 311, 324, 328—329, 332, 337, 339, 349, 355, 364—365, 358—369, 375—376, 381—383, 385—387, 396, 403, 407, 411, 414, 419, 422—425
~ взрослых 77, 410
~ детей 40, 218
~ молодежи 47, 410
~ персонажей 46, 276, 303, 317, 335
~ рассказчика 46
авторская ~ 46, 187, 204, 317, 330, 335, 395, 413
аутистическая ~ 16
детская ~ 19, 62
диалектная ~ 60
живая ~ 62
несобственно-прямая ~ 46
неэмоциональная ~ 18
оценочное свойство ~ 12
политическая ~ 59
поэтическая ~ 36
прямая ~ 46, 356, 406
~ необозначенная ~ 46
публичная ~ 59
разговорная ~ 49, 58, 60, 75, 183, 187, 254, 259, 264, 282, 326—327, 337, 413, 417
разговорно-бытовая ~ 45
смешанная ~ 46
спонтанная ~ 58
художественная ~ 11, 18, 22, 50, 112, 246, 349, 351
эмоциональная ~ 18
ритмизация 52, 318
рифма 22, 32, 177, 200, 274, 319—322, 367—369, 371—376, 421—422, 424—426
парономическая ~ 43
рифмовка 169, 310, 368, 376, 423
роман 50, 98, 114, 116—117, 124—125, 152, 181, 197, 199, 213—214, 216, 241, 269, 284, 315, 318, 327, 335, 375
ряд 43, 69, 83, 98, 104, 110—111, 136, 142—143, 145, 149, 161, 190, 214, 278, 281, 300, 318, 325—326, 365, 420
синонимический ~ 32
сакролект 63
свойство 7, 10—12, 14—15, 50, 53, 55, 59—61, 68—69, 72—73, 75, 81, 83—84, 94, 120, 202—203, 221, 299, 324, 328, 385
оценочное ~ 12
экспрессивно-стилистическое ~ 49
функционально-стилистическое ~ 49, 284
связь 9, 21, 24, 32, 37, 49, 55, 64, 72—73, 78, 80, 91—92, 103, 107, 111, 116, 143—145, 156, 160, 165, 202, 215, 225, 277, 291, 299, 301, 303, 316, 364, 409, 411, 420
~ субъекта и объекта 28
ассоциативная ~ 25
бинарная ~ 27
парадигматическая ~ 30—31, 39
постоянная ~ 25
синтагматическая ~ 30, 39, 71
сдвиг 20, 65, 116, 132, 165, 269, 313, 345, 375, 384, 417—418
семантический ~ экспрессивного характера 61
селекция 54
ось ~ 24
сема 64, 68
~ эмотивности 16
семантика 9, 14, 17—18, 24, 35, 69, 77, 158, 184, 200, 215, 224, 277, 285, 409
семиосфера 37
сениоролект 62
сенсибилизатор 23
сжатие 42, 383—385
симплока 22
синекдоха 58
синкопа 42, 384, 388
синоним 9, 12, 15, 32, 45, 53, 67, 79
немаркированный ~ 56
неэкспрессивный ~ 56
стилистически нейтральный ~ 51
синонимизация 50, 53, 56, 259, 315, 323, 421

~ текста 51
синонимический ряд 32
синонимия 13, 43, 50—51, 67—68, 71, 165, 324
научная ~ 56
синтагматика 48, 73
синтаксема 45, 410
синтаксис 7, 69, 71, 73, 81, 91, 97, 99, 105—106, 387, 408, 425
поэтический ~ 75
экспрессивный ~ 46, 64, 66, 68, 70, 72, 74, 76—77, 410
эмоциональный ~ 70
синтаксический 7, 10, 41, 64—66, 77, 79, 81, 91—93, 95—97, 99, 101—103, 109, 200—202, 205, 263, 265, 297, 299, 301—302, 309—310, 335, 361, 367, 377—378, 385, 388, 425
~ конструкция 22, 40, 68—75, 245, 283, 291, 328, 365—366
~ экспрессивность 45, 68—69, 73, 75, 410—411
~ единица 68, 72, 75, 363, 410
~ сочетание 45, 410
система 13—14, 18, 24—25, 28, 33, 39, 55—56, 58, 62. 64—65, 67, 73—74, 76—81, 83, 85, 87, 89, 95, 97—99, 101—102, 107, 113, 141, 145, 153, 156, 183, 194, 209, 218, 221, 245, 263—264, 302, 304, 336, 351, 357, 365, 368, 379, 384, 386, 396, 411, 414, 420, 423
альтернативная ~ 51
дифференциально-лектальная ~ 20, 46, 408, 410
дополнительная ~ 51
запасная ~ 51
знаковая ~ 51
ситуация 19—20, 25—27, 33, 48, 50, 57, 62, 64, 73, 93—96, 102, 105, 116, 120, 138—140, 144, 154—155, 158, 160, 189, 195, 247, 262, 264, 270—271, 280, 285, 289, 292, 420
~ коммуникативная 60
сладкогласие 35
сленг 60
сленгизм 60
словарь 10, 12—13, 161, 183, 277, 309, 386
монотонность ~ 50
стереотипность ~ 50
бедность ~ 50
слово 11—12, 14, 16—17, 23—25, 32, 38, 40, 42—43, 51—52, 55, 62, 64—66, 73, 75, 77—80, 82, 91, 105, 117, 120—121, 156, 171—172, 192—193, 206, 254, 264, 271—272, 276—277, 291, 301, 303, 306, 312, 315—316, 318, 320, 323, 325—326, 336, 348, 350—352, 363—365, 367, 376—378, 381—384, 388, 394, 402, 405—406, 410, 414, 420, 422—423
~ с «сигмой» 35
~ в переносном значении 43, 50, 58
больное ~ 33
бранное ~ 56, 59, 62
грубое ~ 27
дежурное ~ 59—60
дополнительное содержание ~ 17
жаргонное ~ 48
крылатое ~ 45
многозначное ~ 57
нейтральное ~ 62
новое ~ 62
общеупотребительное ~ 44
порядок ~ 45, 68, 71—72, 74, 76, 200, 383, 410
разговорное ~ 53—54
тривиальное ~ 27
«убийственное» ~ 54
уменьшительно-ласкательное ~ 58, 209
слово-знак 33
слово-сорняк 60, 406
словообразовательный 41, 62, 66—68, 77, 79, 197, 368, 384, 410, 413, 423
~ экспрессивность 45
~ средство 10, 18, 45
~ модель 45
~ тип 45
словосочетание 72—73, 75—76, 386, 388, 410, 426
глагольное ~ 36, 79
словотворчество 62

слог 42, 315, 320, 367, 376, 384, 388
сложное синтаксическое целое 22, 72, 74
слушатель 33, 39, 52—54, 115, 126, 409
смежность 24
смысл 20, 36, 49, 62, 69, 82, 92, 109, 119, 123, 125, 136, 138—139, 142, 158, 199, 219, 221, 223, 233, 254, 258, 277, 296, 308, 311, 347, 364—365, 374, 376, 384, 404—405
~ слова 86
буквальный ~ 25, 274
эмотивный ~ 16
снятие с должности 63
собеседник 9, 14, 16, 25, 39, 46, 48, 57—58, 95, 112, 279, 283, 406, 408—409
соболезнование 63
совершенное 26
совет 63, 245—246, 265, 289, 417
совместимость 64
частичная ~ 37, 409
согласный 35, 42, 278, 320, 326, 366, 382, 388—390
глухой ~ 36
звонкий ~ 36
сонорный ~ 36
шумный ~ 36
соглашение 63
содержание 9—10, 13—14, 21, 24, 38, 43, 52, 54—55, 59, 80—82, 86, 102, 165, 286, 349, 358, 363, 376, 408, 423, 425
~ слова 17
грамматическое ~ 25
денотативное ~ 142, 167
дополнительное 17, 20, 25
предметно-понятийное ~ 25
созвучие 366
~ гласных звуков 41—42
сознание 21, 28, 55, 82—83, 86, 103, 118, 160
созначение 25
сокращение 21, 287, 378—380, 384, 387—388, 392, 395, 413, 425—426
сонорный согласный 36
сообщение 9, 17, 20, 38, 51—52, 57, 63, 73, 91, 95, 103, 107, 115, 194, 206, 208, 258, 309, 357, 378, 380—381, 384, 396, 408, 414
сопереживание 20, 196, 201
соседство 24
состояние 12, 15, 36, 38, 74, 81, 83, 85, 87, 96, 98, 100, 106, 116—117, 137, 140, 205, 213, 223—224, 321, 328—329, 395, 416
эмоциональное ~ 9, 17, 20, 25
социолект 44, 46, 48, 58, 60—61
социум 60
герметичный ~ 60
сочетание 35—36, 40, 58, 62, 64, 71, 105—106, 111, 118, 131, 148, 156, 179—180, 183, 188, 191—192, 204, 213, 225—226, 228, 250, 254, 258—260, 265, 268, 279, 295, 298, 301—303, 306—307, 323—324, 328—329, 337, 339, 357, 363, 406, 414—417, 420—422
избыточное синтаксическое ~ 45, 410
спациолект 44, 46, 48, 59
спонтанность 11, 58
способ 22—23, 37, 39, 46, 51, 54, 64, 73, 97, 101, 110, 112—113, 151, 154, 183, 188, 196, 217, 227, 233, 235, 256, 283, 288, 297, 303, 319—320, 322, 344, 348, 381, 396, 411—413, 418, 420—423
~ выражения 16, 18, 43, 53, 57, 65, 166, 194, 285, 331, 353, 382, 404
~ мышления 63
сравнение 111, 139, 280, 403
имплицитное ~ 30
образное ~ 58
скрытое ~ 30
средства массовой информации 59—60
средство 9—11, 13, 15, 27, 41, 48, 50, 52, 54, 59, 61, 63, 65—70, 73—75, 85, 104—105, 112, 139, 167, 201, 207—208, 211, 233, 246, 264, 292, 298, 322, 326, 329, 349, 352, 365, 369, 385, 387, 395, 410, 416, 424
выразительное ~ 26, 55, 59, 71, 199, 210, 382
лексическое ~ 10, 18, 33, 42
грамматическое ~ 10, 33

изобразительное ~ 52
образное ~ 52, 55—56, 59
словообразовательное ~ 10, 18, 45
эмоционально-экспрессивное ~ 20
стандартолект 44
стандарт 13
языковой ~ 7, 62
стандартизация 57, 63
стандартология 35
статья 328, 355
публицистическая ~ 49
научная ~ 50
научно-техническая ~ 55
стереотип 20, 60, 274
~ языка 57
стереотипность 50, 57
стилевое 22
стилизация 202, 331, 355
историческая ~ 61
стилистика 9, 35, 38, 50, 66, 70, 72—74, 76, 81, 90, 95, 113, 141, 217, 379—380, 384—385, 408
экспрессивная ~ 13
стилистическая черта 22, 199
стилистический 7, 9—14, 18—19, 22, 25, 31, 33, 37, 46, 48—49, 52, 54, 65—78, 82, 113, 141—142, 144, 146, 155, 167—168, 183, 195—196, 200—201, 205, 214, 217, 246, 257, 261, 281, 284, 297, 301, 304, 317, 322, 365, 379, 384—385, 387, 393, 395—396, 405, 409—411, 415, 417, 420—421, 425
~ маркированность 46
~ ореол 21, 25
~ тон 45
~ характеристика 77, 215—216, 282, 290, 352
стилистический ореол 21
внеконтекстуальный ~ 25
стилистическое 14—15, 20—21, 37, 384, 408—409
стилолект 46
стиль 22, 53, 60, 66—67, 72, 76, 80—81, 120, 149, 158, 194, 216, 244, 268—269, 283, 285, 294—295, 299, 302, 313, 326—328, 350—351, 356, 382, 384—386, 410, 419
литературно-художественный ~ 38, 199—200, 284
литературно-разговорный ~ 58
научный ~ 20, 38, 48, 54—55, 61, 112, 159, 199
низкий ~ 59
обиходный ~ 59
образцовый ~ 43, 217
официально-деловой ~ 39, 49
промежуточный ~ 48
публицистический ~ 38, 49, 112
разговорный ~ 38, 199, 349
фамильярно-разговорный ~ 58—59
функциональный ~ 21—22, 26, 36, 38, 43, 47—50, 56—58, 65, 69, 74, 78, 199, 278, 282, 349, 357, 410—411
хороший ~ 43
стих 73, 124—125, 128, 170, 172, 177, 192, 219, 238, 300, 302, 309, 311, 315, 318, 321—323, 341, 358, 360, 362, 366—367, 373—376, 389, 396, 399—401, 403—404, 419, 421, 423—424, 425—427
конец ~ 52
начало ~ 52
фигурный ~ 41
стихотворение 49, 120, 122—124, 151—152, 154, 156, 164, 173, 175, 218—219, 236—237, 244, 271—272, 281, 287, 300, 308—312, 318—323, 325, 332, 340, 353—354, 358—359, 374, 391—392, 398—404, 415, 421—423, 426—427
субъект 10—11, 26—29, 35—36, 87, 91, 94, 114, 185, 224, 291, 309, 344, 364
~ эстетического отношения 29—31, 34
субъективное 9, 48, 408
суждение 26—27
эстетическое ~ 26—27
суффикс 45, 79, 168, 176, 183, 187, 189, 272, 276—278, 324, 331, 336, 386, 412—413, 418, 422
~ субъективной оценки 40, 58
суффиксоид 45

существительное 39, 43, 45, 64, 66, 78—81, 131, 156, 184—186, 189, 210, 218—219, 245, 247, 260, 263, 271—272, 301, 303, 322, 324—325, 328, 332, 339, 352, 356, 360, 362—364, 368, 377, 385, 396, 401—404, 406, 411, 415, 418—420, 422—423, 425, 427
сфера 11, 14—15, 20, 25, 28, 36—38, 51, 56, 58, 64—66, 80, 98, 137, 141, 168, 187, 213, 221, 224—225, 242—243, 259, 269, 276, 349, 380, 413, 417—418
~ смыслов 36
интеллектуальная ~ 41
информационная ~ 41
номинативная ~ 41
рациональная ~ 41
сходство 24, 53, 64, 240, 394, 416
тавтология 50, 131
текст 10—11, 19, 46, 59, 71. 73—74, 76, 118, 122, 126—127, 130—132, 134, 137, 145, 150, 155, 158—159, 187, 196, 199, 205, 215, 220, 268, 274, 276, 282, 284, 290, 294—296, 300, 309, 312, 321, 326, 331, 334—335, 350, 357, 385, 387—388, 395—396, 399, 405—406, 413, 425—427
аналитический ~ 53
деловой ~ 154, 294
интеллектуализация ~ 57
информативный ~ 208
литературный ~ 51, 53, 112, 351
литературно-публицистический ~ 52
научный ~ 54—56, 75, 194, 356
художественный ~ 51, 53, 75, 214, 345, 347, 349, 423
эмоциональность ~ 19
экспрессивность ~ 46, 57, 75
онтология экспрессивности ~ 46
юридический ~ 57
текстовый 19, 71
~ строение 46
текстолект 44
телевидение 60
телеолект 44, 46
темолект 44
теория 13, 26, 69, 78—79, 84, 91, 93, 95—96, 101—103, 106—109, 125, 136, 138, 217, 275, 306, 420
~ речевых актов 9
~ побуждения 16
~ хаоса 55
эмотивная ~ этики 16
терм 30
термин 9—10, 12, 16—17, 21, 25, 36, 48, 54—56, 58, 60, 64, 70, 72, 86—87, 91, 95, 97, 106, 118, 121, 135—136, 140, 202—203, 208, 241, 277, 378—379, 381, 387, 405
научный ~ 40
терминология 241, 283, 287, 418
общественно-политическая ~ 54
тон 201, 248, 258, 266, 323, 355
взволнованный ~ 41
высокий ~ 45
ласковый ~ 41
нейтральный ~ 54
острый ~ 54
сниженный ~ 45
спокойный ~ 54
стилистический ~ 45
умеренный ~ 54
холодный ~ 41
шутливый ~ 41
тональность 32, 71, 157, 315, 353, 421
стилистическая ~ 54
торжественное 21, 48
торжественность 32, 203, 315, 322, 414, 421
трагикомическое 27
трагическое 27, 234
транспозиция 50, 64, 72, 89—90, 94, 121, 127, 141, 142, 145, 153, 161, 180, 182, 225, 228, 242, 260, 264, 286, 288—289, 298, 348, 380, 411—413, 419
трансформация 113—114, 219, 377, 379—380, 385, 388—390, 392, 425—426
индивидуальная ~ 44
~ фразеологизмов 44
требование 63, 254, 265, 291—292, 417
треугольник 36, 41, 380

трехкратное использование 51
троп 10, 21—25, 43, 50, 52, 55
убедительность 21
убеждение 63, 275
угроза 63
удаление 21—22
удовольствие 16, 26, 28
узуальный 14, 17, 25, 40, 409
указ 57, 295, 357
уменьшение 58, 323, 346, 384
умеренность 54
унификация 53, 57, 217, 287
уровень 8, 16, 38—39, 42—50, 52, 55, 57, 60, 66, 71—72, 74, 76, 106, 120, 125, 216—217, 275, 317, 387—389, 394, 421, 425—426
грамматический ~ 41, 77, 410
графический ~ 41, 410
лексический ~ 9, 41, 180, 410
лексико-семантический ~ 62
морфологический ~ 41, 65, 77, 298, 377, 410
морфосинтаксический ~ 7
общелингвистический ~ 40, 410
парадигматический ~ 24, 32
синтаксический ~ 7, 10, 41, 66, 69—70, 76, 205, 299, 410
словообразовательный ~ 41, 62, 410
текстуальный ~ 41, 377, 410
фонетико-фонологический ~ 41, 363, 410
фразеологический ~ 41, 410
целостно-смысловой ~ 62
экспрессивный ~ 62, 213, 396, 421
языковой ~ 41, 59, 66, 197, 378, 381, 405, 410, 413
усиление 9, 20, 38, 51—52, 61, 68—69, 74, 79, 183, 196, 232, 235, 251, 254, 256, 266, 346, 361, 383, 405, 408, 413, 423
усилитель 23, 58
усилительность 23
утверждение 63, 220, 362
ученый 48, 55
фактор 13, 20,49, 56, 60, 74, 111, 118—119, 155, 209, 221, 224, 323, 414—415, 422
экспрессивный ~ 49, 74
фамильярное 21, 48
фамильярность 58, 246, 416
фельетон 53, 199
феминолект 62
фигура 10, 21, 50, 68, 73—74, 358, 360, 364—365, 378, 423
~ дикции 22
~ количества 22
~ мысли 22
~ последовательности 22
~ речи 22, 25, 44, 58
~ слова 22
~ художественной речи 22
~ языка 22, 358
грамматическая ~ 22
ноэтическая ~ 22
ораторская ~ 22
речевая ~ 22
риторическая ~ 22
риторская ~ 22
стилевая ~ 22
стилистическая ~ 22, 45, 52, 55, 72, 410
фонетическая ~ 22, 41, 366
эстетическая ~ 22
языковая ~ 22, 358
физика 84—85, 283—284, 387, 425
~ элементарный частиц 55
физиолект 44
филология 36, 75
философия 16—17, 78, 84—85, 113, 136
фокус 110
коммуникативный ~ 30, 276
эстетический ~ 30
фон 112
эмоциональный ~ 18, 408
форма 11—12, 14, 16, 20, 26, 28, 31, 34—36, 38—43, 46, 54, 56, 58, 61, 65—66, 68—71, 73, 75—76, 79, 81, 83—84, 88—89, 92, 97, 102—104, 111—112, 115—116, 118, 123, 133, 138—139, 142, 146—147, 149—150, 160—170, 173, 175—182, 184, 187—188, 194—195, 198—211, 213—217, 219—222, 224—228, 231, 234, 236—240, 242—247,

250—254, 256—258, 260—266, 258—272, 276—278, 280, 283, 285, 288—289, 292, 294—296, 299, 301, 313, 317, 319, 323—324, 326—328, 330—333, 335—340, 344—345, 348, 352—354, 356—358, 360—362, 366, 368, 374—375, 377—379, 381—383, 385—387, 391, 393—396, 402, 404—405, 409—410, 412, 414—418, 420—421
~ настоящего времени 88—89, 94, 112, 120, 127—130, 134, 138, 141, 144—145, 152—156, 158—159, 171, 198, 235, 241, 405
~ существования языка 43
временная ~ 50, 64, 86—87, 89—90, 93—95, 100, 105, 107—108, 112—113, 127, 130, 141, 143, 153, 157, 218, 233, 286, 321
глагольная ~ 7, 77, 80, 89, 91, 93—94, 98—99, 101, 105—108, 113, 127—128, 130, 132, 134, 153, 155—156, 159, 172, 183, 196, 273, 282, 287, 290—291, 298, 304, 308, 320, 329, 341—342, 346, 349—350, 355, 364, 369, 372—373, 388—390, 392, 406, 408, 411, 413, 419, 421, 423—424, 426—427
грамматическая ~ 25, 45, 49, 64, 67, 109, 119, 144, 223, 320, 322, 384, 388, 422
заимствованная языковая ~ 25
затрудненная ~ 51, 380
книжная ~ 25
неприличная языковая ~ 25
письменная ~ 63, 70
устная ~ 63
формулировка 282
~ бюрократическая 60
фразеологизм 44
эмоционально-экспрессивная окраска ~ 45
фразеологический 41, 199, 410
~ единица 40, 44—45, 73
~ экспрессивно-эмоциональная ~ 45
~ сращение 44
функционально-стилистический 25, 48—49, 56, 59, 67—68, 74, 76, 80, 112, 199, 246, 284, 294, 327—328, 365, 410, 414
функциолект 48
функциональная разновидность 25, 183
функциональный 9, 25—26, 66, 73, 112, 255, 299, 379, 385, 408, 411
~ стиль 21—22, 26, 36, 38, 43, 47—50, 56—58, 65, 69, 74, 78, 199, 278, 282, 349, 357, 410—411
функция 28, 37—38, 41, 43, 59, 65, 68, 73—75, 79—80, 89, 103, 111, 119, 137, 141—143, 152, 155, 159, 162, 195—196, 208, 213, 254, 269, 272, 278, 282—283, 286, 291, 296, 299, 305, 311, 332, 341, 344, 368, 412—413, 415, 417—419, 422—423
~ воздействия 7, 38—39, 49, 52, 57, 73, 111, 408
~ выражения 13
~ речи 38
~ экспрессивности 38
~ языка 26, 38, 57
~ языкового знака 38
~ номинации 39
~ идентификации 39
~ классификации 39
~ поэтической речи 36
~ предикации 39
~ прагматизации 39
~ характеризации 39
агитационно-пропагандистская ~ 52
аккумулятивная ~ 38
аппелятивная ~ 38, 247
волюнтативная ~ 38
диакритическая ~ 38
интеллектуальная ~ 38
интеркорреляционная ~ 39
интралингвистическая ~ 39
интракорреляционная ~ 39
информативная ~ 208
категориальная ~ 39
квалификативная ~ 39, 287
квантификативная ~ 39
коммуникативная ~ 38—39, 52, 58,

77
коммуникативно-информационная ~ 57
конативная ~ 38
конструктивная ~ 38
опулятивная ~ 39
корреляционная ~ 39
локационная ~ 39
магическая ~ 38
ментальная ~ 39
номинативная ~ 38—39, 218, 336
основная ~ 52—53, 57, 199, 215, 330
первичная ~ 39
поэтическая ~ 38
предикативная ~ 39
репрезентативная ~ 38
референциальная ~ 52
фатическая ~ 38
характеризующая ~ 39
экспрессивная ~ 25, 39
~ слова 38
~ текста 46
экстракорреляционная ~ 39
экстралингвистическая ~ 39
эмотивная ~ 17, 38
эстетическая ~ 14, 36, 39, 49, 56
хаос 55
теория ~ 55
характер 10—12, 17—18, 24—25, 30, 33, 38, 43, 46, 55, 58—61, 63, 71, 73, 78, 87, 93, 98, 102, 106, 112, 142, 144, 158, 163, 168, 193—194, 201, 218, 220, 226, 233, 244, 246, 250, 259, 276, 283, 288, 292, 294—295, 312, 324, 341, 349, 352—353, 379, 383, 411—413, 420, 423
разговорный ~ 51, 169, 171, 183, 251, 277, 279, 388, 417
книжный ~ 51, 325—326, 328, 330—331
холодное 48
хорошее 48
хронолект 46
художественность 13
ценность 37, 160, 322
художественно-эстетическая ~ 28
эстетическая ~ 26—27, 30, 32—34, 409
цепочка 83, 152, 289, 294
речевая ~ 62
циклический 126
~ композиция 22
часть речи 32, 39, 45, 67—68, 76—81, 368—369, 375, 385, 395—396, 411, 423—425
эстетическое своеобразие ~ 36
число 76, 245, 291, 336
единственное ~ 7, 56, 64, 66, 168, 205, 261—263, 282, 321, 344—350, 352—357, 395, 417, 423
множественное ~ 56, 64, 66, 205, 234, 256, 260—261, 282—283, 344, 347—351, 353—357, 395, 417, 423
читатель 110, 115, 119, 146, 157, 221, 238, 320, 412
членение 9, 71, 73—74, 121, 309
~ языка 48, 63, 410
индивидуальное ~ 63
шаблонизация 53
шаблонность 57
шутливость 59
экзотизм 44
экспрессема 13—14, 54, 405
экспрессив 14, 63—64
экспрессивно-стилистический 71
экспрессивность 9—16, 18—20, 22—24, 26—27, 34, 37—38, 51—52, 54, 56, 64, 72, 76—77, 89, 149, 156, 159, 161, 164, 168, 183, 194, 196—198, 205, 215—216, 226, 233, 239, 261, 264, 279—280, 282, 284, 287—288, 293, 320, 336, 338, 354, 380, 408—409, 412—414, 416—417, 419, 421—422
~ глагола 7—8, 186, 190
~ разговорной речи 58
~ речи 40
~ текста 46, 75
~ фигур 21
адгерентная ~ 40
антономическая ~ 42—43, 57
внешняя ~ 49, 59, 61—62
внутренняя ~ 49, 59, 62

гиперонимическая ~ 42
грамматическая ~ 45
графическая ~ 41
грубая ~ 60
грубовато-циничная ~ 60
декодированная ~ 39, 409
дифференциально-лектальная ~ 40, 46—48, 410
~ интерная ~ 47
~ транспозиционная ~ 48
~ экстерная ~ 47
жаргонная ~ 60—61
имманентная ~ 40, 409
ингерентная ~ 40
источник ~ 53
кодированная ~ 39, 409
коммуникативная ~ 59
конверсионная ~ 42
контекстуальная ~ 40, 409
корреляционно-грамматическая ~ 45
лексико-категориальная ~ 42—43
лексико-лектальная ~ 42—43
лексико-семантическая ~ 42
лексическая ~ 42, 44, 68—69
лексический модус ~ 44
линейная ~ 52
литературно-художественная ~ 49—50
медиолектальная ~ 63
морфемная ~ 45
нормативная ~ 63
облигаторная ~ 40, 409
образная ~ 21, 40, 55
окказиональная ~ 40, 409
омонимическая ~ 42—43
основное средство ~ 41, 48
отрицательная ~ 62
оценочная ~ 40
паронимическая ~ 42—43, 53
персонализированная ~ 63
полисемическая ~ 42
полисемантическая ~ 43, 53
психолектальная ~ 63
рациолектальная ~ 63
регистролектальная ~ 63
референциально-лектальная ~ 63
самантико-грамматическая ~ 45
самозарождающаяся ~ 40, 62
синонимическая ~ 42, 45, 55, 57
синтаксическая ~ 45, 68—69, 73—76, 410—411
ситуационно-лектальная ~ 62
словообразовательная ~ 45
социолектальная ~ 60
спациолектальная ~ 59
~ внутренняя ~ 59
~ внешняя ~ 59
спонтанная ~ 62
стилевая ~ 48
стратусная ~ 40, 410
текстуальная ~ 46
телеолектальная ~ 63
темпорально-лектальная ~ 61
~ внешняя ~ 61
транспозиционная ~ 45, 410
увеличительная ~ 40
узуальная ~ 40, 409
уровневая ~ 40—41, 410
фактологическая ~ 46
факультативная ~ 40, 409
фигуральная ~ 21
физиолектальная ~ 62
~ внутренняя ~ 62
~ внешняя ~ 62
фонетико-фонологическая ~ 41—42
фразеологическая ~ 44
функционально-грамматическая ~ 45
функционально-стилевая ~ 48
функционально-стилистическая ~ 49, 59
~ внутренняя ~ 49
~ внешняя ~ 49
эмоциональная ~ 40
эфемерная ~ 58
ядро ~ 46
яркая ~ 271, 308, 418
экспрессивно-эмоциональный 45, 48, 150
экспрессивный 7—9, 11—15, 18—20, 22—26, 34, 37—40, 43, 45—46, 48—52, 54, 56—61, 64—65, 67—68, 70—78, 91, 130, 141, 157, 167, 169, 182, 187, 199, 201, 205, 210, 215—

217, 224, 228, 233, 236, 240, 245—247, 252, 258—260, 262, 264, 268, 273, 289, 291, 306—307, 315, 318—323, 332, 337, 342, 344, 353, 358, 365, 368, 380, 387, 408—417, 419, 422—424
~ языковая форма 46
~ качество 10, 27
~ окраска 10, 49, 66, 81, 183, 301
~ регистр 63
~ уровень 62, 213, 396, 421
экспрессионизм 12
экспрессия 9—16, 18, 21—22, 24, 38, 40—41, 44, 49, 51—52, 58—61, 65, 67, 69—71, 76, 142, 152, 163, 197, 209—210, 216, 218, 225, 247, 251, 258, 261, 269—270, 272, 301, 337, 352, 354, 358, 363, 375, 408—413, 415, 417—418, 425
~ автора 17
~ тропов 43
вторичная ~ 17
исходная ~ 17
кодированная ~ 19
отрицательная ~ 26, 59
первичная ~ 17
разлитая ~ 62
сильная ~ 53, 63, 324
тропная ~ 43
эмоциональная ~ 20, 69
ядровая ~ 62
экспрессоид 13—14
экстракорреляционал 39
элемент 7, 11, 20—22, 25, 40, 44, 46, 48, 55—56, 58—62, 65, 67—68, 72—73, 77, 79, 82, 85—86, 88—90, 100, 106, 125, 165, 194, 199, 205, 215, 233, 272, 276, 280, 286, 303, 321, 324—325, 368—369, 374, 378—381, 384, 386—389, 396, 401, 405, 410, 413, 422, 424—426
эмоционально-экспрессивный ~ 69
эмотивизм 16
эмотивность 16, 69
эмоциональное 9, 14—15, 18, 20, 70, 408
эмоциональность 9, 11, 13, 16, 18—20, 37, 41, 53, 58—59, 69, 75, 147, 151, 408—409
эмоциональный 9—11, 13—17, 20, 25, 28, 35, 38, 40—41, 45, 49, 59—60, 62—63, 68, 70, 74, 184, 239, 282, 291, 336, 408, 410, 416
~ аккомпанемент 55
~ впечатление 39, 46, 48, 410
~ культура 55
~ нота 54
~ переживание 39, 46, 48, 410
~ реакция 39, 46, 48, 410
~ эффект 39, 46, 48, 410
эмоция 11—12, 14—15, 19—20, 22, 38, 53, 55—56, 86, 352, 408—409
~ отправителя 17
~ получателя 17
закодированная ~ 19, 408
отрицательная ~ 16
положительная ~ 16
самовыражающая ~ 16
сложная ~ 55
сознательная ~ 19, 408
эмпатия 20
эмфаза 12, 41, 58, 382
эмфатичность 59
энтропия 51
эпанастрофа 22
эпентеза 42, 384
эпифора 22, 42, 75, 361
эстет 34
лингвистический ~ 35
эстетизатор 34—35
лингвистический ~ 36
эстетизация 31—32
~ языковых отношений 30
эстетик 30, 34—35
эстетика 9, 28, 34—35, 90, 408
~ языка 36
~ языкового выражения 36
~ речи 36
классическая ~ 27
эстетист 34
лингвистический ~ 35
эстетический 22, 25, 33, 73, 112, 114, 137, 409
~ автоотношение 34
~ восприятие 28

~ деятельность 28
~ значение 28, 36
~ информация 23, 26—28
~ категория 27, 223
~ критерий 35—36
~ наслаждение 27—28
~ норма 28
~ осмысление 53
~ отношение 26—31, 34—37, 41, 410
обратимое ~ 28
необратимое ~ 28
~ своеобразие частей речи 36
~ субъект 35
~ суждение 26—27
~ творчество 28
~ функция 14, 36, 39, 49, 56
~ ценность 26—27, 30, 32, 34, 409
эстетическое 13—14, 26—28, 30, 36—37, 409
эстетичность 9, 26—27, 56, 409
эстетолингвист 35
эстетор 34
лингвистический ~ 35
эстетосемантик 35
этика 16
эффект 11, 14, 20, 22, 31—32, 34, 40, 46, 48—49, 51, 57, 62, 71, 82, 89, 113, 142, 147, 167, 195, 206, 209, 219, 304, 320, 365, 375, 379, 385, 393, 396, 409, 414—416, 420, 424—425
~ бабочки 55
~ обманутого ожидания 21, 399
~ неожиданности 148, 307
~ туннеля 55
воздействующий ~ 20
кодированный ~ 39
ювенолект 62
язык 8, 10, 14—15, 19—20, 25—27, 32, 35—44, 46, 48—51, 59—60, 62, 65—66, 75—82, 84—90, 92, 95—98, 101—103, 105—109, 113, 118, 138, 141—147, 149, 152—156, 158, 167, 176, 180—184, 187, 194—199, 201—204, 209, 213—219, 222, 224, 228, 233, 235, 240—241, 244—245, 257, 259, 251—264, 268—271, 274—278, 282—290, 292, 295—299, 301—302, 304, 308, 311, 316—328, 330—334, 336, 338, 340—341, 344, 347—352, 354, 357, 376, 379—390, 392, 394—398, 401—405, 408, 410—427
~ больных 62
~ женщин 47
~ здоровых 62
~ мужчин 47
~ публицистической литературы 45
~ религии 63
~ специальности 63
~ художественной литературы 13, 70, 195
административно-деловой ~ 57
военный ~ 63
литературный ~ 13, 63, 69, 73, 98, 159, 168, 183, 205, 215, 356
стандартный ~ 7, 382
тайный ~ 61, 380—381
физический ~ 56
языковой 9—11, 13, 17, 19, 22—23, 25, 27—33, 35, 37—41, 46, 48—50, 54, 57, 59, 65—66, 69, 73, 77—78, 80—86, 88—89, 98, 139—140, 154—155, 197, 264, 284, 296—297, 358, 365, 377—380, 384—385, 396, 405, 407, 410
~ выражение 36, 43, 61—62, 147, 381
~ высказывание 18, 43
~ подсистема 43
~ репертуар 43
языкознание 8, 12, 87, 95, 109, 223, 243
ясное 48

homo estheticus 34
in absentia 24
in presentia 24

Именной указатель *

Аббас-заде Гусейн 184
Абрамис Б. Д. 336, 337
Абрамов В. П. 261
Авдеев Ф. Ф. 141, 142
Аврорин П. А. 38
Аглетдинова Г. Ф. 27
Агранян С. И. 177
Азнаурова Э. С. 16, 25, 44
Акимова Г. Н. 10, 15, 18, 21, 41, 46, 70, 71
Аксаков К. С. 108, 169
Александрова О. В. 46, 72, 73
Алексеев А. Я. 81
Алонсо Мартин 66
Андреев Леонид 266
Андреева Л. А. 245, 282
Андрич Иво 156, 203, 204, 214, 282, 284, 290, 295, 328, 352, 392, 393
Анненский И. Ф. 314
Анохина И. К. 221
Антокольский П. Г. 372
Антонов С. 351
Антонова Валентина 251
Апресян Ю. Д. 25
Апулей Луций 117
Ардентов Б. П. 113
Аристотель 78, 358
Армоштат Марина 256
Арнольд И. В. 9, 12, 14, 19, 21, 37, 40, 41, 43, 45, 46, 55, 59, 60, 72, 76, 77, 245
Аросеева Т. Е. 159, 244
Арутюнова Н. Д. 75
Аскин Я. Ф. 221, 222
Афанасьева Р. П. 351
Ахмадулина Б. А. 314, 370
Ахманова О. С. 10, 40, 44
Ахматова Анна 253, 254, 314

Бабенко Л. Г. 17, 19, 25, 44
Бабич Владимир 299
Багаджиева Д. С. 316
Багрицкий Э. Г. 314
Бадигин К. С. 261
Бажов П. П. 351
Балли Шарль 13, 14, 387
Бальзак Оноре де 117
Бальмонт К. Д. 314, 319, 369, 374
Банару В. В. 81
Баранова З. П. 81
Баранова Ольга 256
Барлас Л. Г. 65—67, 295, 355, 356
Барнетова В. 86
Батюшков К. Н. 35, 373
Бахтин М. М. 84, 115, 136, 222, 223
Беззубов А. Н. 36
Безруков В. И. 20, 44
Бёк В. (Boeck W.) 106
Белич Александр (Belić Aleksandar) 91—95, 96, 97, 101—103, 106—109, 143, 144, 194, 202, 203, 292, 298
Белкина Мария 365

* Указатель охватывает только данные из основной части книги (без литературы и источников). В списке отсутствуют имена художественных персонажей а также имена отчества и фамилии в цитируемых примерах.

Белов В. 289
Белый Игорь 174
Бенвенист Эмиль 97, 344
Береговская Э. М. 46, 74, 365
Берестов В. Д. 360
Бернштейн Н. А. 221
Благой Д. 400
Блок А. А. 31, 51, 310, 311, 314, 361, 369, 372
Блумфилд Леонард 24
Бобров С. П. 374
Богданович И. Ф. 240
Божич Мирко 181
Болотов В. И. 19
Бондалетов В. Д. 246
Бондарев Ю. В. 110
Бондарко А. В. 50, 88, 89, 103—105, 107, 109, 142—145, 147, 158, 163, 165, 168, 225—227, 233
Бошков Дана (Boškov Dana) 287
Брабец Иван (Brabec Ivan) 98, 99, 198
Брандес М. П. 45, 54, 55, 59, 65, 71, 118
Браун Н. Л. 374
Бродский И. А. 136, 137, 310, 314, 359
Брозович Далибор (Brozović Dalibor) 296, 297
Бругманн К. 95, 101
Брюсов В. Я. 314, 403
Будагов Р. А. 79, 80, 158, 159, 220, 244, 294, 356, 357
Будмани П. 98
Булаховский Л. А. 333
Булгаков Михаил 178, 255
Булл У. Е. 108
Бунин И. А. 125, 351
Бурлюк Д. Д. 108
Буслаев Ф. И. 336
Бутусов В. 238
Бычков В. В. 27
Бычков О. В. 27
Бюллер Карл 38

Вайан А. 144
Вайль П. 366
Вайнрих Х. (Weinrich Harald) 84, 98, 100
Вар П. А. 177
Василенко С. Ф. 255
Васильев Геннадий 238
Васильев Л. М. 18
Васильева А. Н. 282, 327
Васильева Н. В. 10, 23, 24
Васюхин Влад 274
Вебер А. (Ткалчевич) (Veber A. (Tkalčević)) 98
Вернадский В. И. 36
Виноградов В. В. 21, 76—79, 86, 102, 149, 176, 183, 245, 247, 252, 259, 261, 262, 264—266, 336
Винокур Г. О. 81, 348, 351
Винокур Т. Г. 49
Винокур Е. 121
Виркунен Тамара 274
Вишнякова О. В. 326
Власенко Дмитрий 256
Власова Н. С. 176
Вознесенский А. А. 403
Войводич Дойчил (Vojvodić Dojčil) 153, 298, 299
Володин А. П. 245, 257, 284
Волф Томас 113
Вольская Л. А. 289, 290
Воробей Анатолий 311
Ворфоломеев Михаил 260
Востоков А. Х. 336
Востоков В. В. 70
Вукович Йован (Vuković Jovan) 77, 106, 140, 194, 201, 202, 243
Вукс Татьяна 300
Вулетич Анджелко (Vuletić Anđelko) 284, 366, 397, 404
Вулф Виржиния 113
Высоцкий В. С. 172

Гак В. Г. 14, 84, 87, 109, 139, 140
Галич Александр 253
Галкин А. 137
Галкина-Федорук Е. М. 18
Гальперин И. Р. 18, 64

Гандлевский С. 308—311
Гаспаров М. 402
Гвоздев А. Н. 33, 66, 81, 265, 291, 292, 326, 329, 334
Гей Н. К. 110, 111, 124, 125
Гейзенберг В. 55
Геллер Э. С. 46, 56, 69, 74, 75
Генис А. 366
Генкель М. А. 327, 334, 335
Герасименко Л. А. 125
Ги де Мопассан 51
Гийом Г. (Guillaume G.) 84
Гиппиус З. Н. 314
Гоголь Н. В. 114, 177, 244, 270, 351, 366
Голованова И. П. 84
Головин Б. Н. 218
Голуб И. Б. 36
Гончаров И. А. 125, 257
Горалик Линор 338
Горбачева Е. Ф. 44
Горин Григорий 294, 326
Горланова Нина 266
Горшков А. И. 87, 109
Горышин Г. 233
Горький М. А. 35, 110, 155, 244, 262, 315, 332, 335, 352, 373, 421
Граудина Л. К. 331, 394
Гребенщиков Б. 171, 172
Григорьев А. А. 121, 123
Григорьев В. П. 13, 14, 44
Грин А. С. 351
Грицкат Ирена (Grickat Irena) 215, 297
Губанов Леонид 252
Гудков В. П. 241, 243, 334
Гумилев Н. С. 375
Гус М. 81
Гюго Виктор 365

Давичо Оскар 404
Далай Лама 272
Даль Владимир 233, 268
Данте Алигьери 117
Де Лоррис Гильом 117
Де Соссюр Фердинанд 24
Делич Мичо (Delić Mićo) 156, 352
Дельвиг А. А. 172
Державин Г. Р. 313, 332
Дешериева Т. И. 109
Джинджич Зоран 187
Джойс Джеймс 113
Диздар Мак (Dizdar Mak) 391, 397, 404
Диздаревич Зиё 268
Дискол Аполлоний 78
Долинин К. А. 11, 17, 46, 70
Донат 78
Донецких Л. И. 28, 36, 81
Достоевский Ф. М. 75, 110, 117, 120, 125, 137, 138, 170, 224, 263, 290, 351, 366
Драгунская Ксения 249
Драгунский Виктор 266
Дудин М. А. 370
Дунаевский И. О. 177
Дымарская-Бабалян И. Н. 344, 351, 352
Дымшиц А. Л. 401
Дьяченко Лариса 258
Дю Марсе С. Ш. 58
Дюбуа Ж. 378

Евстафьева В. В. 112, 282, 335, 349
Евстигнеев В. 266
Егоров Б. Ф. 114, 115, 122, 123, 222
Еркович Йован (Jerković Jovan) 204, 213, 214
Ерофеева Т. И. 62
Ершов П. П. 300
Есенин С. А. 31, 120, 252, 353, 354, 362, 369
Есперсен О. 107, 203
Ефимов А. И. 11, 18, 26, 27, 45, 52, 81

Жванецкий М. М. 325
Жемайтис Сергей 261
Живкович Сретен (Živković Sreten) 99, 198, 299
Живоинович Велимир Масука (Živojinović Velimir Masuka) 370, 404
Жидкова Г. Ф. 335

Жиляков В. И. 281
Жолковский А. К. 308—310, 313
Жуковский В. А. 124
Заболоцкий Н. А. 373
Зализняк А. А. 184
Западов В. А. 179
Засыпкина 155
Звегинцев В. А. 80
Зелинская А. В. 332
Зобов А. М. 137
Золотова Г. А. 71, 97, 98
Зощенко М. М. 351
Зумтов П. 52, 63

Иванов В. Д. 110
Иванов Вяч. Вс. 125, 313
Иванов Г. 314
Иванова Е. Ю. 46
Иванова С. А. 155
Иванова-Шалингова М. 14
Иванчикова Е. А. 75
Ивасюк Михаил 265
Иващенко Александр 294, 326
Ивич Милка (Ivić Milka) 78, 99, 106, 202, 203, 257, 297
Ивич Павле 106
Игнатович Яков 204
Игнатьев А. А. 191
Иисус Христос 220, 340, 402
Иртенев Игорь 314
Исаковский М. В. 31, 372
Исаченко А. В. 77, 80, 228, 260, 261, 291, 332, 333, 336

Йонке Людевит (Jonke Ljudevit) 210, 211, 302
Йоссельсон Г. Г. 282, 290, 295, 335, 349

Кавецкая Р. К. 315
Каган М. С. 84, 137
Казарян В. П. 138, 160
Казин В. В. 374
Кальвино Итало 339
Кантемир А. Д. 313
Капанадзе Л. А. 81
Капутикян Куп 341
Караваев Э. Ф. 110, 139
Караджич Вук 200, 323
Карцевский С. О. 102
Катенин П. А. 376
Катичич Радослав (Katičič Radoslav) 98—100, 106, 287
Кауфман С. И. 81, 159
Квасова Л. В. 114, 121
Квинтиллиан Марк Фабий 358, 378
Квятковский А. П. 12
Кедрин Д. Б. 132, 133, 319, 320, 322, 373, 421
Кибиров Т. Ю. 314
Кикич Гасан (Kikić Hasan) 204
Киркоров Филипп 176
Киселева Л. А. 10, 13, 23, 26—28
Клоссовский В. 336
Клюев Н. А. 173
Ковтунова И. И. 46, 75
Кожин А. Н. 22
Кожина М. Н. 19, 25, 56, 65, 66, 112, 154, 158, 159, 218, 294, 349, 351, 356, 357
Кольцов А. В. 281, 389
Коляда Николай 260
Кондаков Н. И. 12, 38
Конески Блаже 398
Кордуэлл Майк 16
Корельская Т. Д. 313
Кормильцев И. 238
Коростовцев М. А. 85
Костич Джордже (Kostić Đorđe) 80, 155, 295, 296, 328, 334
Костич Лаза (Kostić Laza) 354, 366, 369
Костомаров В. Г. 169, 278
Кочетов Вс. 332
Кочич Петр (Kočić Petar) 156, 282, 290, 295, 328, 352
Кошевая И. Г. 84, 87
Кошмидер Э. (Koschmieder Erwin) 87, 108
Кравар Мирослав (Kravar Miroslav) 107,

208, 209, 243, 296, 297
Краснов В. Г. 315, 316
Кретова В. Н. 326
Кржижкова Е. 86, 107
Крклец Густав (Krklec Gustav) 397, 404
Кроче Бенедетто 12
Крученых А. Е. 108
Крылов И. А. 258, 261, 270, 333, 337
Крылова О. А. 22
Крысин Л. П. 16
Кудин Сергей 300
Кузин В. М. 370
Кузнецов А. М. 38
Кузнецова Т. Я. 84, 85
Кузьмина Ю. А. 113
Кукольник Н. В. 371, 374
Кулижников М. А. 173
Кулькова Р. А. 285, 289
Куна Херта (Kuna Herta) 204, 213, 214
Кухаренко Александр 268
Кушнер А. С. 314

Лавров В. 233
Лаврова Н. Н. 81
Лалич М. 110
Лапп Л. М. 19, 55
Лаптева О. А. 76
Лебедев И. С. 77
Лебедева Н. В. 36
Лебедь Александр 273
Левин Александр 156, 218, 219, 271, 324, 325, 332, 333, 415
Лекманов О. А. 310
Леммерт Эберхард 118
Ленгленд Уильям 117
Ленин В. И. 157
Леонтьев А. А. 38
Лермонтов М. Ю. 31, 121—123, 151, 281, 287, 322, 373, 389
Лесков Н. С. 179
Лившиц Я. З. 283
Липатов В. 227
Лисянский М. С. 177
Лихачев Д. С. 36, 37, 110—115, 119
Лобарев Лев 267
Логинова К. А. 57, 283
Локшина И. А. 328
Ломард Альф 79
Ломов А. М. 112, 113
Ломоносов М. В. 315, 421
Лосев А. Ф. 36
Лосев Л. В. 314
Лотман Ю. М. 36
Луговский В. А. 121, 372
Лукин М. Ф. 282
Лукьянова Н. А. 14, 18, 44, 58
Львов Н. А.173, 180
Льдов К. 373
Любиша Стефан Митров 200
Люстрова Э. Н. 294
Ляпунова О. В. 351

Майков А. Н. 152, 372, 399, 402, 427
Майн-Рид Томас 309
Максименко Геннадий 192
Малеев Б. Г. 351
Малинович Ю. М. 18, 20, 46, 69, 70, 70
Мамин-Сибиряк Д. Н. 105, 335
Мандельштам О. Э. 138, 314, 347
Манн Томас 113
Манучарян Р. С. 81
Маретич Томо (Maretić Tomo) 95, 96, 98, 99, 106, 180, 182, 195, 292, 297, 302
Мариенгоф А. Б. 403
Марков Ю. А. 328, 334, 335
Мартынов Д. 364
Маршак С. Я. 371
Маслов Б. А. 165—167
Маслов Ю. С. 138, 160, 168, 223
Маслова В. А. 27, 38, 46, 49, 52, 54, 57, 58, 75
Матавуль Симо 200
Матвеева Н. Н. 44, 372
Матиевич Степан 204
Маяковский В. В. 31, 35, 121, 314, 333, 367, 403
Медриш Д. Н. 110, 111, 116, 120, 121, 124, 126, 132

Межиров Александр 309, 310
Мейе А. 144
Мейергофф Г. 113
Мейстер Макс 256
Меликян В. Ю. 20, 58
Мельвингер Ясна (Melvinger Jasna) 302
Миклухо-Маклай Н. Н. 272
Милетич Б. 202
Миллер Анжелика 175
Милованова Н. Я. 56
Милошевич Ксения (Milošević Ksenija) 106, 242
Милянов Марко 200
Минаев Д. 32
Мистер Малой 237
Мисюченко В. Ф. 275
Митрофанова О. Д. 81
Михайлов М. М. 33
Михалков Сергей 376
Михеева Н. С. 81
Мишаева М. Д. 54
Молчанов В. В. 85, 111
Моль Абрам 51
Москвин В. П. 77, 170
Московлевич С. 296
Мостепаненко А. М. 84—86
Мусич Аугуст (Musić August) 95—100, 106, 143, 144, 287, 318
Муханов И. Л. 14, 20, 40
Мучник И. П. 81
Мыркин В. Я. 98
Мычка Богдан 237
Мюллер Гюнтер (Müller Günther) 118

Набоков В. В. 309, 314
Надсон С. Я. 373
Настасиевич Момчило 51
Неверова Н. В. 81
Негош П. П. 200, 204, 302
Некрасов Всеволод 121, 399, 400
Некрасов Н. А. 122, 123, 152, 165, 170, 171, 173, 281, 331, 360, 374, 389
Некрасов Н. П. 108
Нелисов Е. А. 113
Ненадович Матия 200
Нефедова Е. А. 60
Нехлина Р. А. 13
Нечипоренко Ю. 162
Никитин И. С. 31, 124, 152, 371, 399
Никитина С. Е. 10, 23, 24, 316
Николаева В. В. 36
Николина Н. А. 50
Николюкина С. А. 115
Нифонтов Вадим 340
Ницше Ф. 221
Новиков Л. А. 17
Норштейн Ю. Б. 82
Нураева Т. Д. 275
Нушич Бранислав 143

О'Брайен Флэнн 248
Обнорский С. П. 82
Обрадович Доситей 204
Овсяник М. Н. 260
Овсяннико-Куликовский Д. Н. 78
Одген Ч. 16
Одинцов В. В. 22
Ожегов С. И. 161, 278
Озеров Лев 367
Окуджава Булат 234
Орехова Т. П. 155
Орлов С. С. 373
Осеева В. 193
Осин Дж. 108
Остоич Бранислав (Ostojić Branislav) 204, 213, 214, 287
Островский А. Н. 265, 271

Павский Г. П. 78
Падучева Е. В. 87, 107
Панасюк А. Т. 68
Панфилов В. С. 109
Панченко О. Н. 313
Парменова Т. В. 285
Пастернак Б. Л. 121, 122, 222, 310, 314, 372
Патроева Н. В. 46, 75
Пауль Х. 97

Паустовский К. Г. 113
Петр I 348
Петрищева Е. Ф. 351
Петров В. С. 113
Петрова Н. Н. 66, 137
Петрович Раде (Petrović Rade) 143, 181
Петроний Арбитр 117
Пешикан Митар (Pešikan Mitar) 268, 318
Пешковский А. М. 39, 66, 78, 80, 336
Пеякович Йосип 405—407
Пиотровский Р. Г. 22
Пирогов Лев 255
Пискунов П. К. 335
Платон 78
Плещеев А. Н. 389
Плотникова Е. И. 46
Познякова Н. А. 114, 115
Покровская Е. А. 52
Поливанов Е. Д. 254
Полищук Г. Г. 81
Полонский Яков 175
Попа Васко 155
Поспелов Н. С. 87, 95, 97, 102, 103
Поташкина Ю. А. 108, 109, 113
Потебня А. А. 78, 125, 132, 336
Приходько В. А. 220, 295, 356
Прокопович Е. Н. 77, 179, 180, 183, 261, 263, 336, 337
Пропп В. Я. 110
Прохорчук Соледад 235
Пруст Марсель Г. 113
Пуленко И. А. 46, 57, 76
Пушкин А. С. 31, 81, 103, 121, 122, 150, 152, 155, 164, 174, 243, 244, 281, 299, 300, 315, 332, 366, 389, 421, 426

Рабле Франсуа 111
Радичевич Бранко (Radičević Branko) 287, 322, 391
Радованович Борислав (Radovanović Borislav) 200
Разинкина Н. М. 36
Рассел Бернард 107
Ребер Артур 16
Резанов Михаил 337
Рейхенбах Г. (Reichenbach H.) 86
Реформатский А. А. 33
Ржевский Л. 313
Ричардс А. А. 16
Рогава М. Д. 56
Розвадовский Ян (Rozwadowski Ioannis) 91, 97
Розенблюм В. Н. 373
Розенталь Д. Э. 10, 38, 165, 223, 248, 251, 261
Романова М. А. 60
Романовская Н. В. 81
Рублева О. Л. 316
Рыжухина Г. В. 111, 115—118, 120, 121, 125
Рябова М. Ю. 101
Рязанина И. П. 25

Савич Владимир 184
Саломатов Андрей 254
Салямон Л. С. 18
Самоковлия Исаак 196, 201, 204, 205
Санжеев Г. Д. 77
Сапаров М. А. 137
Сарайлич Изет 323, 358
Саша Черный 314
Сваричевская Л. Ю. 28, 36
Светлов М. А. 121
Северянин Игорь 314
Седакова О. А. 314
Седлачек Ян 297
Секулич Дара (Sekulić Dara) 397, 404
Селимович Меша (Selimović Meša) 152—154, 181, 197, 214, 216, 241, 242, 287, 318, 323, 324, 395
Семенченко Н. Ю. 62
Сенкевич М. П. 220, 327
Сергеева Г. Д. 81
Серебрякова Л. А. 112, 328
Симакина Марина 259
Симеон Рикард (Simeon Rikard) 40, 358, 364

Симонов К. М. 359
Сипаров Сергей 231
Скворцов Л. И. 294
Сковородников А. П. 10, 11, 13, 23, 40, 46, 68, 69, 74
Скотт Фицджеральд Ф. 113
Скотт Шеррингтон Чарльз 18
Скуениекс Кнут
Славгородская Л. В. 56
Сладоевич Петр 106, 194, 196, 201—203
Слащева Л. Е. 113
Случевский К. К. 371
Смирнов А. А. 403
Снегов С. А. 179
Солганик Г. Я. 72
Соколов Саша 314
Соловьев В. С. 389
Сологуб Ф. К. 314
Солоухин В. 290
Сорокин Владимир 233, 314
Соскова Л. Д. 344, 351
Спербер Х. 57
Сполски Джоэл 254
Срезневский И. И. 336
Станкович Боголюб (Stanković Bogoljub) 286
Станойчич Живоин (Stanojčić Živojin) 204, 214
Стеванович Михаило (Stevanović Mihailo) 95—97, 102, 103, 109, 140, 149, 154, 181, 182, 194, 195, 196, 199—203, 213, 216, 241—243, 286, 292, 293, 297, 302, 318
Стендаль Фредерик 103
Степанов Ю. С. 344
Стефанович Стефан (Stefanović Stefan) 196, 201, 204, 205
Стехин Ю. К. 368
Стоичевич Александр (Stojićević Aleksandar) 98, 106, 144, 194, 202
Столович Леонид 28, 37
Столярова Э. А. 81
Стоянович Андрей (Stojanović Andrej) 283
Стоянович Любомир (Stojanović Ljubomir) 95, 96, 106, 140
Стрижак 234
Сумароков А. П. 313
Суриков И. З. 371
Сурова Н. В. 113
Суханова Н. В. 113
Суховей Дарья 365
Сухотин В. П. 74
Сысуева Катерина 161
Сэндберг Карл 176

Табак Йосип (Tabak Josip) 195
Танасич Срето (Tanasić Sreto) 257, 284, 318
Тежак Степко (Težak Stjepko) 199, 200, 205, 318
Теленкова М. А. 10, 38, 223
Телия В. Н. 11, 18, 25, 44
Титова Р. Ф. 67
Тихонов Н. С. 373
Толстой А. К. 124, 125, 152, 164, 271, 332, 360, 367, 373, 399, 402, 427
Толстой А. Н. 105, 160, 401
Толстой Л. Н. 34, 105, 110, 116, 117, 169, 261, 265, 335
Томашевский Б. В. 21, 115, 116, 135, 368
Томич Иосип (Tomić Josip) 286
Тошович Бранко (Tošović Branko) 22, 37, 40, 45, 46, 49, 50, 52, 54, 56—58, 60, 109, 279, 282, 287, 288, 324, 388
Тошович Ристо (Tošović Risto) 359, 367
Трифунович Душко 366
Трофимова Э. А. 68
Тураева З. Я. 84, 86, 98, 108
Тургенев И. С. 110, 117, 119, 120, 175, 244, 265, 351
Тютчев Ф. И. 31, 121—124, 138, 151, 243, 281, 332, 360, 398, 402, 427

Узнадзе Д. Н. 221
Уитроу Дж. 84
Урамбашева И. В. 218
Урутян Р. Л. 85

Успенский Г. И. 262
Ушаков Д. Н. 368

Федин К. А. 105
Федорова М. В. 327
Фет А. А. 122, 151, 172, 244, 314, 363, 400—404, 427
Филиппова Л. С. 60
Филиппова Ольга 239
Фирсова Н. М. 25, 45, 49, 65, 66, 77, 113
Флобер Гюстав 51
Флоршчич Йосип (Florschütz Josip) 209, 297
Фонаги И. 64
Формановская Н. И. 73
Фортель Аделаида 258
Фортунатов Ф. Ф. 78
Фосслер Карл 13
Фрейд Зигмунд 221
Фридрих С. А. 13, 46
Фрумкин К. 136, 137

Хармс Даниил 256
Харрис Джоэль Чендлер 338
Хлебников В. В. 108, 389, 403
Храковский В. С. 245, 257, 280, 284
Храсте Мате (Hraste Mate) 98, 99, 198

Цветаева Марина 122, 314
Цветков Т. 314
Црнчевич Бране 404
Црнянский Милой 51, 213

Чайковский Р. Р. 27, 46, 69
Чаковский Александр 291
Черемисин П. Г. 68
Чернухина И. Я. 118
Чернышевский Н. Г. 261
Черняхович Я. Ц. 259
Чехов А. П. 105, 113, 125, 150, 155, 160, 164, 224, 244, 256, 261, 294, 298, 317, 331, 346, 348, 366
Чипико Иво 143
Чичерин А. А. 335
Чосич Добрица (Ćosić D.)143, 216, 241
Чуковский К. И. 62, 315
Чумак В. В. 102

Шанидзе А. Г. 103
Шантич Алекса (Šantić Aleksa) 371—373, 389—391, 426
Шахматов А. А. 79, 264, 336
Шаховский В. И. 18
Шведова Н. Ю. 76, 161, 278
Шелли П. 121
Шендельс Е. И. 45, 64—67
Шершеневич В. Г. 108, 402, 403
Шестопалова Ольга 273
Шефнер В. С. 372
Шилин Владимир 178
Шимич Антун Бранко (Šimić Antun Branko) 391, 394
Широкова А. Г. 45, 286
Шишков В. Я. 105
Шкловский В. Б. (Šklovski V. B.) 395, 396
Шлыкова М. А. 81
Шмелев Д. Н. 109, 113, 282, 348
Шолохов М. А. 31, 32, 105, 145, 147—150, 155, 163, 164, 168, 182, 225, 227, 228, 241, 244, 262, 278, 279, 294, 298, 308, 316—318, 330, 335, 345—348, 358, 361, 362, 364, 395
Шпицер Л. 13
Шруба Манфред 170
Шталь Й. М. 95, 101, 102
Штейнфельдт Эва 294
Штелинг Д. А. 108, 109
Шульжик Валерий 376
Шумарова Н. П. 113

Щербакова Н. Т. 43, 44
Щербина Н. Ф. 374

Эйнштейн Альберт 136
Эко Умберто 28
Элькин Д. Г. 84
Эткин М. И. 49

Юрченко В. С. 85

Языков Н. М. 174
Якимова Л. 81
Якобсон Роман (Jakobson Roman) 24, 38, 107, 113, 344, 396
Яковлева Г. Н. 115, 138
Ярнатовский В. Е. 66

Babić Stjepan 208
Belić Aleksandar см. Белич Александр
Bellenger L. 13
Blekburn Sajmon 17
Boeck W. см. Бёк В.
Bogdan Zlata 181
Bojić M. 364
Boškov Dana см. Бошков Дана
Brabec Ivan см. Брабец Иван
Brozović Dalibor см. Брозович Далибор
Čarkić Milosav 42
Ćosić D. см. Чосич Д.
Ćopić Branko 341, 392, 393
Ćorac Milorad 68
Čović Branimir 49
Đedović Tamara 405
Delić Mićo см. Делич Мичо
Dizdar Mak см. Диздар Мак
Dučić Jovan 370, 371
Florschütz Josip см. Флоршич Йосип
Galczynski K. I. 398
Grepl Miroslav 18
Grickat Irena см. Грицкат Ирена
Guillaume G. см. Гийом Г.
Halle Morris 24
Hraste Mate см. Храсте Мате
Hunjak Đurđica 362
Ivić Milka см. Ивич Милка
Jakobson Roman см. Якобсон Роман
Jerković Jovan см. Еркович Йован
Jocić Mirjana 155
Jonke Ljudevit см. Йонке Людевит
Josselson N. H. 282, 295
Jović Dušan 155
Katičič Radoslav см. Катичич Радослав
Kikić Hasan см. Кикич Гасан
Kočić Petar см. Кочич Петр
Kondžić Muhamed 395
Koroman Veselko 359
Koschmieder Erwin см. Кошмидер Э.
Kostić Đorđe см. Костич Джордже
Kostić Laza см. Костич Лаза
Kravar Miroslav см. Кравар Мирослав
Krklec Gustav см. Крклец Густав
Kulenović Skender 297, 393
Kuna Herta см. Куна Херта
Kuryłowicz Jerzy 100
Lämmert Eberhard 118
Maksimović Desanka 363
Maretić Tomo см. Маретич Томо 95, 98, 180
Marković Svetozar 243
Marojević Radmilo 352
Matić Dušan 397
Matoš Antun Gustav 366
Mažuranić Ivan 363
Melvinger Jasna см. Мельвингер Ясна
Miko František 36
Miljković Branko 361, 363
Milošević Ksenija см. Милошевич Ксения
Mr. Credo 237
Mukařovský J. 28, 36
Müller Günther см. Мюллер Г.
Munteanu S. 13
Musić August см. Мусич Август
Njegoš P. P. см. Негош П. П.
Nolte G. 109
Oljača M. 241
Ostojić Branislav см. Остоич Бранислав
Pajić Milutin 216
Paul Herman 97
Pavešić Slavko 204, 302
Pešikan Mitar см. Пешикан Митар
Petković V. Dis 367, 369
Petrović Rade см. Петрович Раде
Petrović Veljko 362
Popović Dragomir S. 268

Radičević Branko см. Радичевич Бранко 391
Radovanović Borislav см. Радованович Борислав
Radovanović Milorad 213
Raičković Stevan 366
Rajić Velimir 363
Reichenbach H. см. Рейхенбах Х.
Risojević Ranko 373
Robinson I. 13
Rozwadowski Ioannis см. Розвадовский Ян
Šantić Aleksa см. Шантич Алекса 371—373
Sedlaček Jan 297
Sekulić Dara см. Секулич Дара
Selimović Meša см. Селимович Меша
Sijarić Ćamil 394
Simeon Rikard см. Симеон Рикард 40
Šimić Antun Branko см. Шимич Антун Бранко
Šklovski V. B. см. Шкловский В. Б.
Smailović Ismet 204
Spagińska-Pruszak Agnieszka 19
Stanković Bogoljub см. Станкович Боголюб
Stanojčić Živojin см. Станойчич Живоин
Stefanović Stefan см. Стефанович Стефан
Stevanović Mihailo см. Стеванович Михайло 96, 97
Stojanović Andrej см. Стоянович Андрей
Stojanović Ljubomir см. Стоянович Любомир 96, 140
Stojićević Aleksandar см. Стоичевич Александр
Subotić Jovan 370
Tabak Josip см. Табак Йосип
Tanasić Sreto см. Танасич Срето
Težak Stjepko см. Тежак Степко
Tomić Josip см. Томич Йосип
Tošović Branko см. Тошович Бранко 22, 40, 44, 45, 46, 49, 50, 52, 54, 56—58, 60
Tošović Risto см. Тошович Ристо
Trezner Tomislav 318
Veber A. (Tkalčević) см. Вебер А. (Ткалчевич)
Vidaković M. 363
Vidović Radovan 302
Vojvodić Dojčil см. Войводич Дойчил 153
Vuković Jovan см. Вукович Йован 77
Vuletić Anđelko см. Вулетич Анджелко
Weinrich Harald см. Вайнрих Х.
Zima Luka 358
Živković Sreten см. Живкович Сретен
Živojinović Velimir Masuka см. Живоинович Велимир Машука 370
Životić Radomir 36

Branko Tošović

The expressive Syntax of Verbs in Russian and Serbian/Croatian

0. The book addresses three main questions: 1) What is expressiveness? 2) What is the expressive potential of syntax? 3) How does expressiveness of verbs develop and function on the syntactic level? Since the analysis of the third question involves both morphological and syntactic aspects, the study can be referred to as morpho-syntactic. Each topic covers the main theoretical aspects (grammatical and stylistic). Since the focus of research is both an interdisciplinary category (expressiveness) and a purely linguistic phenomenon (verb), they are analysed on a general level. The first part discusses expressiveness in general, while the second focuses on the verb as a part of speech with its specific expressive features.

1. The analysis is based on a corpus of Russian and Serbian/Croatian. The latter involves two standard languages which are different sociolinguistically, while from a typological viewpoint they can be considered to be a single language, or two very closely related languages. The term Serbian/Croatian implies «Serbian **and** Croatian». This term was adopted because (1) the analysed corpus is neither exclusively Serbian nor exclusively Croatian and (2) because views of Serbian and Croatian (and, very rarely, also Bosniac/Muslim) linguists are taken into consideration. In addition, the term implies the inclusion of a third successor of the former Serbo-Croatian language — Bosniac, which was not contained in the above term (1) for the following reasons: a) examples containing elements that are specific only to Bosniac, i.e. the Bosnian Muslim language, have not been included in the book, and b) the coexistence of two terms for the language: Bosnian and Bosniac (the latter being preferred in Serbia and Croatia) would place an additional metalinguistic burden on the text. The bipartite term is also used for the following reasons: 1) to avoid the accumulation of terms in the contrasted languages, e.g.: «the expressiveness of the future in Russian, Bosnian or Bosniac, Serbian and Croatian» 2) to avoid possible ambiguity and confusion and 3) to achieve better economy of expression.

2. The main task of the contrastive part of the analysis is to find and interpret differences between the analysed languages. The corpus consists of original examples and their translations, which makes it possible to relate identical phenomena and find inter-linguistic differential features. The reason why the expressive potential of verbs in Russian and Serbian/Croatian is not treated equally in all cases lies in the lack of balance between the languages involved. The misbalance exists because a) the category of expressiveness in Russian and Serbian/Croatian has not been studied to the same extent, and b) the expressiveness of verbs in the languages under investigation is not the same.

3. By relating expressiveness to emotionality, stylistic value, connotation, expressivity, figurativeness and aesthetic qualities, we have concluded that (1) neither of the above categories is completely identical to expressiveness (2) partial compatibility is established through their interaction (3) they intersect, (4) implicitness is highly marked and (5) conjunction is better represented than disjunction. There are three groups within this correlative circle: 1) in the first group, expressiveness is a wider category with respect to emotionality, expressivity, figurativeness and connotation, 2) in the second, expressiveness is a narrower category with respect to stylistic value, and 3) in the third group, expressiveness can be both a wider and a narrower category with respect to aesthetic quality. Regarding the ways of its formation, expressiveness can be divided into coded and decoded, while with respect to the character of its realisation it can be immanent or contextual. In general linguistic terms, expressiveness can be stratum-bound and differential-lectal. The stratum-bound expressiveness is a form of subjective, emotional and/or aesthetic relation which comes into being by means of individual linguistic levels: graphic, phonetic-phonological, lexical, idiomatic, word-formational, grammatical (morphological and syntactic) and textual. The differential-lectal expressiveness is the expression in individual -lects and can be divided into internal and external. Internal expressiveness is made up of differential-lectal stratification (stylistic, territorial, situational, temporal, social, mediolectal, teleological, intellectual, psychological, physiological, individual…) External (or transpositional) expressiveness develops through the infiltration of elements of one type of the global differentiation of language (e.g. social) into another (e.g. functional-stylistic).

4. The expressive potential of grammar consists of two components: morphological and syntactic. The expressiveness of morphological units is evident in (1) variational-synonymous relations between morphological units, (2) morphological paradigms and (3) the functioning of morphological units in different styles. The expressive potential of syntax is much wider than that of morphology. It is made up of syntactic units, especially stylistic figures, emotional constructions (exclamatory sentences), elliptical sentences, redundant syntactic links, the length of syntaxemes, rhematic organisation of the sentence (word order, inversion) etc. There are six main trends in the study of expressive syntax. The first explores general problems of syntactic expressiveness, the second focuses on the expressiveness of syntactic units, the third studies syntactic figures, the

fourth explores the expression of synonymous constructions, while the fifth studies functional-stylistic aspects of syntactic expressiveness. This book belongs to the sixth trend: the study of the syntactic expressiveness of parts of speech.

5. The central part of this study is devoted to the expressive potential of verb forms.

6. The category of tense expresses the temporal localisation of the three macro-denotates made up of non-substantial essences: action, state and relation. The three super-denotates are brought together under a single category, which I refer to as *denotative dyrestate* (*dy*- dynamics, *re*- relation, *sta*-state). In the field of temporality, there are processes resulting in various types of expressiveness. Thus, some verbal forms can be transferred into fields of other verbal forms, creating a certain effect. It is as if the principle of solidarity is at work here: since their morphological potential is limited, verbal forms tend to help one another.

The ability of present-tense forms to express not only an action taking place at the moment of speaking but also over a wider period creates favourable conditions for their wide expressive use. One of the most prominent transpositions is the use of present to express past action in the form of historical (narrative) present. Both in Serbian/Croatian and Russian the present tense can also be used to express future action.

The Russian form of the past tense of perfective verbs is used to express future actions which are presented as if they had already taken place (e.g. мы *погибли*), and it can also function as a simple future tense (*получил = получу*). The construction in which ironic statement about an action is expressed by a form of the past tense of the imperfective aspect is colloquial in character and it expresses the negation of the action in the present (Да ну, *боялся* я ее). The forms of the past tense of iterative non-prefixed verbs with suffixes: *-а-*, *-ва-*, *-ыва-*/*-ива-*, e.g. *едал*, *знавал*, *видывал* expressing multiple repetition and duration of an action in the past are exceptionally expressive. The perfective verb forms *-ану-* (*гульнул*) denote a singular action of momentary, intense and unexpected character, sometimes with ironic nuances.

The transposition in the field of preterit in Serbian/Croatian is considerably wider since a past action can be expressed by five forms: perfect, elliptical perfect, aorist, imperfect and pluperfect. The perfect can be replaced by the aorist (*skočio sam — skočih* 'I jumped'), the imperfect (*držao sam — držah* 'I held') and the pluperfect (*čitao sam — bio sam čitao* 'I read'). On the other hand, it can also be used instead of the present and the future. Moreover, the perfect can be used as an imperative, e.g. Hajde, *prošetala*! (prošetaj) 'Take a walk!'). The elliptical perfect has two basic stylistic values: it expresses static events and intensifies an action or a state. The aorist expresses a limited action in the past which the speaker experienced or observed and it is used to intensify the dynamic quality of text and liveliness of expression. Recently, the aorist (and the imperfect to a much lesser extent) have acquired a new life due to internet forums, chats, sms-messages and e-mail. The use of the imperfect is very limited even in popular speech (it is actually

disappearing). The perfect can be replaced by the pluperfect (*pjevao sam — bijah pjevao* 'I sang'). It is also gradually disappearing from use.

The following factors have a decisive role in the expressive potential of future tense forms in the languages under consideration, primarily their figurative use (to express past and future actions): 1) the future is so closely related to the present that present forms are used for the future and vice versa, the difference between them is very often annulled, 2) the future represents a potential realisation of an action, process or state, so that forms of the future and the imperative become mutually intertwined and interchangeable. The future tense is often used instead of the perfect tense in the so-called historical future (future in the present). The Russian future is sometimes followed by the word *как* to express an unexpected beginning of a single action of intense duration (Надул он щеки, фыркнул, а потом *как захохочет*).

7. The Russian imperative used for a past action is markedly expressive. The usage is not typical of Serbian/Croatian (where it is practically non-existent). Here the imperative can be used for an action which took place in the past, which was habitual or had ordinary duration (Te malo *popij*, malo *popričaj*, taman da naiđem na tebe). This form is referred to as the narrative (descriptive) imperative. In spite of their relatedness, the Russian dramatic imperative and the Serbian/Croatian narrative imperative do not correspond. The Russian form is primarily used for a perfective action without specifying its length of duration, while the Serbian/Croatian form is derived from perfective verbs in much rarer cases.

8. The Serbian/Croatian conditional differs from that in Russian primarily because it can be used for an action which was repeated several times in the past, or which took place in succession (this conditional is markedly expressive) In Serbian/Croatian terminology it is referred to as the narrative potential/conditional.

9. The infinitive can be used as an imperative, expressing categorical command, prohibition etc. (*Молчать*!). This usage is not typical of Serbian/Croatian, where categoric commands are expressed by nouns and different constructions (*Tišina*! *Ni riječi*! *Da nitko nije pisnuo*!). In Russian, there is a so-called independent infinitive (functioning as a subject or a predicate of a sentence consisting of two elements). There is a particular usage of the infinitive in Serbian/Croatian which deserves special attention because, as far as we know, it does not exist in other Slavic languages. It is the prepositional infinitive, i.e. the use of incompatible elements — a preposition and an infinitive in the same construction (e.g. *za ponijeti*). The fact that this construction is considered to be 1) a barbarism, 2) foreign to the grammatical system and 3) its usage is banned by normative manuals, encourages its use to achieve special stylistic and style effects.

10. The expressive potential of participles is related to their wide scope of meaning, the possibility of positional variation, synonymy, as well as their celebratory and sublime connotations. Their characteristic phonetic expressiveness can bring about various as-

sociations along the axis: object — meaning. Russian has advantages in this respect with its four forms, compared to two (actually one) in Serbian/Croatian. Among the modes of the expressive usage of Russian participles we should single out the imitation of popular and colloquial speech. Exclamatory verbs without a suffix (*прыг*, *шлеп, — bub, tres*), used as verbal predicates to express momentary, unexpected action in the past and emphasising its speed and intensity, are markedly expressive.

11. Due to its great possibilities of substitution, the person is one of the most important categories in terms of expressiveness. The relatedness to a person is expressed in two ways: by denotation and connotation. The latter implies a breach of symmetry: 1st person = addressor, 2rd person = addressee; a person who is present, 3rd person = a person who is absent. The first person is replaced most often, while the 1st and 3rd person plural most seldom.

12. If the usual verb order in a sentence or a verse is deliberately disrupted, i.e. if it is used where it is not expected, or if it is inserted into an unusual context, a verbal figure evolves without any change of content. Various procedures are used to create these expressive constructions, such as addition, repetition, ellipsis, change of position, artificial order, and substitution.

The rhyme is one of the forms of vertical expressive organisation. Due to specific features of the lexical and word-formation structure, different parts of speech are endowed with different possibilities. The rhyme with a verb as its constitutive element is called verbal. Semantic diversity, extensive linkage possibilities, the richness of morphological forms and great expressive potential make the verb an important instrument in forming different kinds of rhyme. This is confirmed by the fact that there is no verbal category (tense, aspect, person, mode, gender) whose elements are not found in rhymes.

13. A change in the formal structure resulting from various transformations is a form of linguistic dynamism. The result of such transformations is referred to as metaplasma. Depending on which method is applied (minus- or plus-) we can differentiate between prostrictive and restrictive verbal metaplasma. The verb is subject to the following aspects of abbreviation: a) phonological, b) morphological, c) syntactic, d) textual. The first operation results in the creation of phonoplasma, the second in morphoplasma, the third in syntactoplasma, and the fourth in textoplasma. Sytnactiplasma and textplasma are forms of zeroplasma since they are zero verbal forms on the level of the sentence and text. The procedure resulting in the emergence of zeroplasma is called deverbalisation.

Branko Tošović

Expressive Syntax des Verbs des Russischen und Serbischen/Kroatischen

0. In diesem Buch werden drei Fragen untersucht: (1) Was ist Expressivität, (2) welches expressives Potenzial besitzt die Syntax, und (3) wie wird die Expressivität des Verbs auf der syntaktischen Ebene gebildet und wie funktioniert sie.

In der Analyse der dritten Frage überschneiden sich der morphologische und syntaktische Aspekt, weswegen man die vorliegende Untersuchung auch als morphosyntaktisch bezeichnen kann. Am Anfang jedes thematischen Blockes werden die grundlegenden theoretischen Aspekte (die grammatikalischen und stilistischen) berührt. Da das zentrale Problem der Untersuchung einerseits ein interdisziplinäres und anderseits ein rein sprachwissenschaftliches Phänomen (die Expressivität und das Verb) ist, wird die Analyse auf einer breiteren Basis durchgeführt. Es wird deshalb im ersten Teil über die Expressivität generell und im zweiten Teil über das Verb als Wortart und über seine expressive Eigenschaften gesprochen.

1. Die Untersuchung wird auf Materialien des Russischen und des Serbischen/Kroatischen vorgenommen. Der Schrägstich im letzten Begriff (srpski/hrvatski — Serbisch/Kroatisch) bezeichnet, dass es sich um (a) soziolinguistisch zwei verschiedene Standardsprachen, (b) typologisch um eine Sprache oder um sehr nahe Sprachen handelt (da diese Frage keine linguistische Frage ist, wird sie in diesem Buch nicht berührt, und es wird auf sie nicht näher eingegangen).

Somit ist unter der Nomination «srpski/hrvatski» («Serbisch/Kroatisch») «srpski i hrvatski» (Serbisch und Kroatisch) zu verstehen, dennoch muss man manchesmal den Singular wie «u srpskom i hrvatskom jeziku» verwenden.

Die Wahl des zweigliedrigen Namens ist auch dadurch bedingt, dass das untersuchte Material nicht ausschließlich nur serbisch oder nur kroatisch ist und dass in der Darstellung der analysierten Probleme sowohl die serbischen als auch die kroatischen Sprachwissenschaftler (sehr selten die bosniakischen/muslimischen) erwähnt werden.

Außerdem impliziert diese Nomination den dritten Erben der ehemaligen serbokroatischen Sprache — das Bosniakische, das in diesem Fall fehlt, weil (a) in unserem Buch keine Beispiele erwähnt wurden, die einzig für den sprachlichen Standard der Bosniaken/

bosnischen Muslime typisch sind, (b) es eine weitere Bezeichnung für diese Sprache gibt — das Bosniakische (in Serbien und Kroatien bevorzugt), dessen Erwähnung die Metasprache dieses Buches noch zusätzlich erschweren könnte.

Der zweigliedrige Name ist auch auf das Bestreben zurückzuführen, (1) bei der Gegenüberstellung der Typen «die Expressivität der Gegenwartsform im Russischen, Bosnischen oder Bosniakischen, Serbischen und Kroatischen» die Anhäufung von Namen zu vermeiden, (2) eine eventuelle Verwirrung (was womit verglichen wird) zu vermeiden und (3) sich ökonomisch auszudrücken.

2. Die grundlegende Aufgabe des kontrastiven Teiles der Analyse ist die Feststellung der wesentlichen Divergenzen zwischen den erwähnten Sprachen. Als Korpus werden die originalen Beispiele und deren Übersetzungen verwendet, wodurch ermöglicht wird, die Erscheinungen und die differentiellen Merkmale zwischen den Sprachen zu finden und zu vergleichen. Das Ungleichgewicht im expressiven Potential der russischen und serbischen/kroatischen Verben hat bewirkt, dass dieses nicht immer in gleichwertiger Weise betrachtet wurde. Dieses Ungleichgewicht wurde auch durch das verschiedene Niveau der Untersuchung (a) der Kategorie der Expressivität in der russischen und serbischen/kroatischen Sprachwissenschaft und (b) der Expressivität der Verben der untersuchten Sprachen bewirkt.

3. Bei der Gegenüberstellung der Expressivität einerseits, der Emotionalität, des stilistischen Wertes, der Konnotativität, der Ausdruckskraft, der Anschaulichkeit (Bildlichkeit) und der ästhetischen Eigenschaften anderseits kamen wir zum Schluss, dass (1) keine von den oben genannten Kategorien mit der Expressivität in einer Relation der vollen Identität steht, (2) in ihrer Wechselwirkung die Beziehung der partiellen Kompatibilität entsteht, (3) sie in eine Beziehung der Überschneidung eintreten, (4) zwischen ihnen die Beziehung der Implizität scharf ausgeprägt ist und (5) es viel öfter zu einer Beziehung der Konjunktion als der Disjunktion kommt.

In diesem korrelativen Kreis gibt es drei Gruppen: In der ersten kommt die Expressivität als breiterer Begriff vor (in Bezug auf die Emotionalität, die Ausdruckskraft, die Anschaulichkeit und die Konnotativität), in der zweiten wird die Expressivität als engerer Begriff (in Bezug auf den stilistischen Wert) verwendet, und in der dritten kann die Expressivität sowohl als der breitere als auch der engere Begriff (in Bezug auf den ästhetischen Wert) auftreten.

Bezüglich der Art der Bildung unterscheiden wir die kodierte und dekodierte sowie hinsichtlich des Charakters der Realisierung die immanente und die kontextuelle Expressivität. Auf der allgemeinlinguistischen Ebene gibt es die Stratus-Expressivität und die differentiell-lektale Expressivität.

Die Stratus-Expressivität stellt die Form der subjektiven, emotionalen oder ästhetischen Beziehungen dar, die mit den Mitteln einzelner sprachlicher Ebenen — graphische, phonetisch-phonologische, lexikalische, phraseologische, derivative, grammatikalische (morphologische und syntaktische) und textuelle realisiert wird. Die differen-

tiell-lektale Expressivität kommt in einigen Lekten der introvertierten Differenzierung der Sprache vor und teilt sich in zwei Typen — den internen und den externen. Die interne Expressivität bildet die differentiell-lektale Diversifizierung der Sprache (stilistische, areale, temporale, soziale, mediative, teleologische, intellektuelle, psychologische, physiologische, individuelle...), wogegen die externe Expressivität bei der Infiltrierung der Elemente eines Typs der globalen Schichtung der Sprache (z. B. der sozialen) in einen anderen Typ (z. B. den funktional-stilistischen) entsteht.

4. Das expressive Potenzial der Grammatik besteht aus zwei Teilen: aus dem morphologischen und dem syntaktischen. Die morphologische Expressivität zeigt sich im Bereich (1) der Varietäten und der Synonyme der morphologischen Einheiten, (2) der morphologischen Paradigmen und (3) der Funktionalisierung der morphologischen Einheiten in den Stilen. Das expressive Potenzial der Syntax ist wesentlich umfangreicher als jenes der Morphologie. Es wird von syntaktischen Formen gebildet, besonders von stilistischen Figuren, emotionellen Konstruktionen (Ausrufungssätze), elliptischen Sätzen, redundanten syntaktischen Verbindungen, der Länge der Syntaxeme, der rhematischen Struktur der Sätze (Wortfolge, Inversion usw.). Es gibt sechs Hauptrichtungen in der Erforschung der expressiven Syntax. Die erste betrachtet die allgemeinen Probleme der syntaktischen Expressivität; in der zweiten steht im Zentrum der Aufmerksamkeit die Expressivität der syntaktischen Einheiten; die dritte hat die syntaktischen Figuren zum Gegenstand; die vierte konzentriert sich auf die Expressivität der synonymischen Konstruktionen und die fünfte analysiert die funktional-stilistischen Aspekte der Expressivität. In diesem Buch wird verstärktes Gewicht auf die sechste Richtung gelegt — die Untersuchung der syntaktischen Expressivität der Wortarten.

5. Der zentrale Teil der Analyse behandelt das expressive Potenzial des Verbs.

6. Die Kategorie des Tempus bringt die zeitliche Lokalisierung dreier Makrodenotate zum Ausdruck, wobei es um drei nichtsubstantielle Eigenschaften geht: die Handlung, den Zustands und die Beziehung. Diese Makrodenotate fassen wir in einer Kategorie zusammen — dem denonativen Dyrestat (*dy* — die Dynamik, *re* — die Relation, *stat* — die Statik). Im Feld der Temporalität geschehen jene Prozesse, die zur Bildung verschiedener Arten der Expressivität führen. In einem von ihnen werden Verbalformen in das Feld anderer Verbalformen transponiert, wobei ein bestimmter Effekt ensteht. Hier scheint das Prinzip der Solidatität zu wirken, d. h. da sie ein begrenztes morphogisches Potenzial besitzen, helfen die Verbalformen einander.

Die Fähigkeit der Präsensformen zur Bezeichnung nicht nur eines Momentes der Rede, sondern auch eines breiteren Zeitabschnittes schafft die geeigneten Voraussetzungen für ihre breitere ekspressive Verwendung. Eine der markantesten Transpositionen ist der Gebrauch des Präsens für den Ausdruck von vorangegangenen Handlungen in Form des historischen Präsens. Sowohl im Russischen als auch im Serbischen/Kroatischen werden die Präsensformen in der Funktion des Futurums verwendet.

Die russische Vergangenheitsform des vollendeten Aspektes benutzt man für den Ausdruck künftiger Handlungen als bereits eingetretene (wie мы *погибли*), und sie kann auch die Funktion des einfachen Futurums (*получил = получу*) übernehmen.

Einen umgangsprachlichen Charakter hat jene Konstruktion, in der eine ironische Konstatierung einer Handlung die durch die unvollendete Vergangenheitsform bezeichnet wird, die faktische Verneinung dieser Handlung in der Gegenwart ausdrückt (Да ну, *боялся* я её.). Besondere Expressivität haben die Vergangenheitsformen von präfixlosen Verben mit den Suffixe *-а-*, *-ва-*, *-ыва*/*-ива-* wie *едал*, *знавал*, *видывал* für die Bezeichnung der Wiederholung und des Andauerns der Handlung in der Vergangenheit. Die Formen mit *-ану-* von den Verben des vollendeten Aspektes (*гульнул*) bezeichnen eine einmalige, augenblickliche, intensive und unerwartete (manchmal ironische) Handlung.

Die Transposition im Feld der Vergangenheit des Serbischen/Kroatischen ist deutlich umfangreicher als die des Russischen, weil die vorangehende Handlung mit Hilfe von fünf Formen ausgedrückt werden kann: dem Perfekt, dem kurzen Perfekt, dem Aorist, dem Imperfekt und dem Plusquamperfekt. Das Perfekt kann durch den Aorist (*skočio sam — skočih*), das Imperfekt (*držao sam — držah*) und das Plusquamperfekt (*čitao sam — bio sam čitao*) ersetzt werden. Anderseits wird das Perfekt statt des Präsens und des Futurums verwendet. Das Perfekt kann auch die Funktion des Imperativs übernehmen, z. B. Hajde, *prošetala*! (= *prošetaj*). Das kurze Perfekt hat zwei stilistische Grundmerkmale: Es bezeichnet einerseits die Statik und potenziert anderseits die Handlung oder den Zustand. Der Aorist bezeichnet im Wesentlichen eine abgegrenzte Handlung in der Vergangenheit, die der Sprecher konstatiert oder erlebt hat, und wird zum Zweck der Potenzierung der Dynamik des Textes und der Schaffung von Lebhaftigkeit des Erzählens benützt. In letzter Zeit bekommt der Aorist (weniger das Imperfekt) ein neues Leben durch Internet-Foren, Chats, SMS-Mitteilungen und E-Mails. Die Verwendung des Imperfekts ist sehr begrenzt (faktisch befindet sich es in der Phase des Verschwindens). Das Plusquamperfekt kann man als Ersatz des Perfekts verwenden (*pjevao sam — bijah pjevao*), doch kommt auch dieses allmählich aus dem Gebrauch.

Auf das expressive Potenzial des Futurums in den betrachteten Sprachen, vor allem auf seine figurative Verwendung (zur Bezeichnung von Handlungen in der Gegenwart und Zukunft) haben die folgenden Faktoren entscheidenden Einfluss: 1. Die Zukunft ist derart eng mit der Gegenwart verbunden, dass das Präsens sehr oft in der Bedeutung des Futurums und umgekehrt verwendet wird, und andererseits sich der Unterschied zwischen ihnen sehr oft verliert, 2. die Zukunft stellt eine potenzielle Realisierung einer bestimmten Handlung, eines Prozesses oder Zustands dar, weshalb sich das Futur und der Imperativ miteinander verflechten und gegenseitig ersetzen.

Das Futurum wird statt des Perfekts (sog. historisches Futurum, das Futurum in der Gegenwart) verwendet. Das russische Futurum wird manchmal vom Partikel *как* für die Bezeichnung des unerwarteten Anfangs einer einmaligen Handlung mit intensiver Dauer begleitet (Надул он щеки, фыркнул, а потом *как захохочет*).

7. Eine besondere Expressivität besitzt der russische Imperativ, der in der Bedeutung der Vergangenheit verwendet wird (А Данило и *скажи* ему...). Im Serbischen/Kroatischen ist dieser Gebrauch des Imperativs nicht (oder fast nicht) typisch. In dieser Sprache wird der Imperativ für die Bezeichnung einer vergangenen Handlung, die gewohnheitsmäßig vollzogen wird oder einer Handlung mit einfacher Dauer verwendet (Te malo *popij*, malo *popričaj*, taman da naiđem na tebe). Diese Form wird als erzählerischer (deskriptiver) Imperativ bezeichnet. Trotz ihrer Ähnlichkeit stimmen der russische dramatische Imperativ und der serbische erzählerische Imperativ nicht überein. Die russische Form wird vorwiegend für die Bezeichnung der vollendeten Handlung gebraucht, ohne deren Dauern zu konkretisieren, wogegen die serbische/kroatische Form wesentlich seltener von Verben des vollendeten Aspektes gebildet wird.

8. Der serbische/kroatische Konjunktiv (potencijal/kondicional) unterscheidet sich vom russischen vor allem dadurch, dass er für den Ausdruck einer Handlung verwendet werden kann, die in der Vergangenheit mehrmals wiederholt wurde oder in einer bestimmten Kontinuität geschah (ein derartiger Konjunktiv besitzt besondere Expressivität), was in der serbischen/kroatischen Terminologie mit einen eigenen Terminus bezeichnet wird — perfekatski ili pripovjedački potencijal/kondicional (der präteritale oder erzählerische Konjunktiv).

9. Der russische Infinitiv kann in der Bedeutung des Imperativs vorkommen und bezeichnet dann einen kategorischen Befehl, ein Verbot (*Молчать*!). Im Serbischen/Kroatischen ist diese Verwendung nicht typisch; als Hauptmittel dienen Substantive und verschiedene Konstruktionen (*Tišina*! *Ni riječi*! *Da niko nije pisnuo*!) usw. Im Russischen gibt es den sog. unabhängigen Infinitiv (Infinitiv in der Funktion des Subjekts oder Prädikats eines zweigliedrigen Satzes). Ein Beispiel der Verwendung des Infinitivs im Serbischen/Kroatischen zieht besondere Aufmerksamkeit auf sich, weil es, soweit uns bekannt ist, in anderen slawischen Sprachen (das Slowenische ausgenommen) fehlt — der präpositionale Infinitiv (der Gebrauch zweier nicht kompatibler Formen in einer Konstruktion — der Präposition *za* und des Infinitivs wie z. B. *za ponijeti*). Die Tatsache, dass diese Konstruktion (1) ein Barbarismus, (2) fremd für das grammatikalische System ist und (3) alle normativen Lehrbücher gegen sie kämpfen, regt zu seiner Verwendung als stilistisches Mittel an.

10. Das expressive Potenzial der Partizipien ist mit ihrem Bedeutungsumfang, mit der Möglichkeit ihre positionellen Variierung, der Synonymisierung und der Bezeichnung der Erhabenheit und der Feierlichkeit verbunden. Ihre typische lautliche Ausdruckskraft, ihre Tonalität kann verschiedene Assoziationen evozieren. Hier hat das Russische einen Vorteil, weil es diesbezüglich vier Formen hat, und das Serbische/Kroatische nur zwei (besser gesagt — eine).

11. Unter den Formen der expressiven Verwendung der russischen Adverbialpartizipien kann ihre Verwendung zur Nachahmung der volkssprachlich-poetischen oder niedrigen, umgangsprachlichen Nuancierung der Sprache hervorgehoben werden.

12. Eine besondere Expressivität besitzen die verbalen Interjektionen ohne Suffix (*прыг*, *шлеп*,— *bub, tres*), die in der Funktion des verbalen Prädikats und für die Bezeichnung von augenblicklichen, unerwarteten Handlungen in der Vergangenheit und zur Bezeichnung von deren Schnelligkeit und Intensität verwendet werden.

13. Wegen der großen transpositionellen Möglichkeiten wird die Kategorie der Person als eine der wichtigsten verbalen Kategorien angesehen. Das Merkmal der Possesivität wird auf zwei Arten ausgedrückt: denotativ und konnotativ. Die letztere bezeichnet den Verstoß gegen die Symmetrie: 1. Person = der Sprecher, 2. Person = die anwesende Person, 3. Person = die abwesende Person. Meistens wird die 1. Person Singular ersetzt, seltener die 1. und 3. Person Plural.

14. Wenn man die übliche Anordnung der Verben im Satz oder im Vers bewusst verletzt, bzw. wenn sie an einer Stelle verwendet werden, wo sie gewöhnlich nicht stehen, oder wenn sie in einen ungewohnten Kontext ohne Änderung des Inhalts gesetzt werden, entsteht eine verbale Figur. Für die Bildung solcher expressiven Konstruktionen werden verschiedene Verfahren verwendet: die Erweiterung, die Wiederholung, das Auslassen, die Positionsveränderung, unnatürlich Anordnung, die Ersetzung.

15. Eine der Formen der vertikalen expressiven Organisierung ist der Reim. Wegen der Besonderheit der lexikalischen und derivativen Strukturen auf dieser Ebene haben die einzelnen Wortarten ein unterschiedliches Potenzial. Einen Reim, dessen konstitutives Element ein Verbum ist, nennen wir verbalen Reim. Die semantische Vielfältigkeit, die breite Verbindbarkeit, der Reichtum der morphologischen Formen und das große expressive Potenzial prädestinieren das Verb zu einem wichtigen Mittel für die Bildung verschiedener Reimarten. Als Beweis ist die Tatsache anzusehen, dass alle verbalen Kategorien (das Tempus, der Aspekt, die Person, das Genus) im Reim vorkommen können.

16. Eine Form der sprachlichen Dynamik ist die Veränderung der formalen Struktur infolge verschiedener Transformationen, deren Resultat wir als *Metaplasma* bezeichnen. Je nachdem welches Verfahren verwendet wird, unterscheiden wir prostriktive und restriktive Metaplasmen. Das Verb wird folgenden Arten der Verkürzung unterzogen: a) der phonologischen, b) der morphologischen, c) der syntaktischen und d) der textuellen. Das erste Verfahren führt zur Entstehung eines Phonoplasmas, das zweite zieht ein Morphoplasma, das dritte ein Syntaktoplasma und das vierte ein Textoplasmas nach sich. Die Syntaktoplasmen und Textoplasmen stellen Formen von Zeroplasmen dar, da es sich um Nullformen auf der Ebene des Satzes handelt. Das Verfahren, das zur Entstehung eines Zeroplasmas führt, nennen wir Deverbalisierung.

Branko Tošović

Ekspresivna sintaksa glagola ruskog i srpskog/hrvatskog jezika

0. U ovoj knjizi razmatraju se tri pitanja: šta je ekspresivnost, kakvim ekspresivnim potencijalom raspolaže sintaksa i kako nastaje i funkcioniše ekspresivnost glagola na sintaksičkom nivou. U analizi trećeg pitanja ukršta se morfološki i sintaksički aspekt tako da se dato istraživanje može nazvati i morfosintaktičkim. Na početku svakog tematskog bloka dotiču se glavni teoretski aspekti (gramatički i stilistički). Budući da je centralni problem istraživanja jedna interdisciplinarna kategorija (ekspresivnost) i jedan čisto lingvistički fenomen (glagol), oni se analiziraju na širem planu. Stoga se u prvom dijelu govori o ekspresivnosti uopšte, a u drugom o glagolu kao vrsti riječi i njegovim ekspresivnim svojstvima.

1. Istraživanje se vrši na građi ruskog i srpskog/hrvatskog jezika. Kosa crta u posljednjem nazivu označava da se radi o sociolingvistički dva različita standardna jezika, a tipološki o jednom jeziku ili dva veoma bliska jezika. Dakle, nominacija «srpski/hrvatski jezik» podrazumijeva «srpski **i** hrvatski jezik». Izbor takvog naziva uslovljen je time (1) što materijal koji se analizira nije samo srpski ili samo hrvatski i (2) što se u tumačenjima navode pogledi kako srpskih, tako i hrvatskih lingvista (veoma rijetko bošnjačkih/muslimanskih). Osim toga, datom nominacijom implicira se treći nasljednik bivšeg srpskohrvatskog jezika — jezik Bošnjaka, koga nema u pomenutom nazivu (1) pošto se u knjizi ne navode primjeri koji bi bili elementi samo jezičkog standarda Bošnjaka, odnosno bosanskih Muslimana, (б) pošto postoje dva naziva za taj jezik — «bosanski» i «bošnjački» (ovaj se posljednji preferira u Srbiji i Hrvatskoj), čije bi pominjanje moglo još više da optereti metajezik knjige. Dvočlani naziv je uslovljen i težnjom da se izbjegne nagomilavanje naziva u kontrastiranju jezikâ tipa «ekspresivnost futura u ruskom, bosanskom ili bošnjačkom, srpskom i hrvatskom», izbjegne moguća nejasnoća i zbrka (što se s čime poredi) i ekonomičnije izražava.

2. Osnovni zadatak kontrastivnog dijela analize je pronalaženje i tumačenje razlika između navedenih jezika. Kao istraživački korpus koriste se originalni primjeri i njihovi

prevodi ili ekvivalenti, koji omogućuju da se dovode u vezu identične pojave i nalaze međujezička diferencijalna obilježja. Neravnoteža u ekspresivnom potencijalu glagola ruskog i srpskog/hrvatskog jezika uticao je na to da se on uvijek ne razmatra ravnopravno. Na taj je disbalans djelovao i nejednak nivo proučenosti (a) kategorije ekspresivnosti u ruskoj i srpskoj/hrvatskoj lingvistici i (b) ekspresivnosti glagola jezika koji se istražuju.

3. Dovođenjem u vezu ekspresivnosti, s jedne strane, i emocionalnosti, stilističke vrijednosti, konotativnosti, izražajnosti, slikovitosti i estetičnosti, s druge, došli smo do zaključka da (1) nijedna od navedenih kategorija ne obrazuje sa ekspresivnošću odnos potpune identičnosti, (2) da u njihovoj interakciji nastaje odnos djelimične kompatibilnosti, (3) da stupaju u odnos ukrštanja, (4) da je između njih jako izražen odnos implicitnosti i (5) da je mnogo više zastupljen odnos konjunkcije nego diskunkcije. U tom korelativnom krugu postoje tri grupe: u prvoj je ekspresivnost širi pojam (u odnosu na emocionalnost, izražajnost, slikovitost i konotativnost), u drugoj grupi je ekspresivnost uži pojam (u odnosu na stilističku vrijednost)), u trećoj ekspresivnost može biti i širi i uži pojam (u odnosu na estetičnost). Po načinu obrazovanja razlikujemo kodiranu i dekodiranu ekspresivnost, a po karakteru realizacije imanentnu i kontekstualnu. Na opštelingvističkom planu izdvaja se stratusna i diferencijalno-lektalna ekspresivnost. Stratusna ekspresivnost predstavlja oblik subjektivnog, emocionalnog i(li) estetskog odnosa koji se realizuje sredstvima pojedinih jezičkih nivoa — grafičkog, fonetsko-fonološkog, leksičkog, frazeološkog, tvorbenog, gramatičkog (morfološkog i sintaktičkog), tekstualnog. Diferencijalno-lektalna ekspresivnost predstavlja ekspresiju u pojedinim lektima i dolazi u dvije vrste — kao interna i kao eksterna. Internu ekspresivnost tvori diferencijalno-lektalno raslojavanje (stilističko, teritorijalno, situativno, temporalno, socijalno, mediolektalno, teleološko, intelektualno, psihološko, fiziološko, individualno...). Eksterna (ili transpoziciona) ekspresivnost nastaje infiltriranjem elemenata jednog tipa globalne diferencijacije jezika (npr. socijalnog) u drugi (recimo, funkcionalno-stilski).

4. Ekspresivni potencijal gramatike sastoji se od dva dijela: morfološkog i sintaktičkog. Ekspresivnost morfoloљkih jedinica ispoljava se u oblasti (1) varijativno-sinonimskih odnosa morfoloљkih jedinica, (2) morfoloљkih paradigmi i (3) funkcioniranja morfoloљkih jedinica u stilovima. Ekspresivni potencijal sintakse je znatno љiri od morfološkog. Njega čine sintaktičke jedinice, posebno stilske figure, emocionalne konstrukcije (usklične rečenice), eliptične rečenice, redundantni sintaktički spojevi, duljina sintaksema, rematska organizacija rečenice (red riječi, inverzija) i sl. Postoji šest osnovnih pravaca u istraživanju ekspresivne sintakse. Prvi razmatra opšte probleme sintaktičke ekspresivnosti, drugi u centru pažnje ima ekspresivnost sintaksičkih jedinica, treći kao predmet bira sintaktičke figure, četvri stavlja težište na ekspresiju sinonimskih konstrukcija, peti razmatra funkcionalno-stilske aspekte sintaksičke ekspresivnosti. Ovom knjigom potencira se šesti pravac — proučavanje sintaktičke ekspresivnosti vrsta riječi.

5. Centralni dio ovog istraživanja posvećen je ekspresivnom potencijalu glagolskih oblika.

6. Kategorija vremena izražava temporalnu lokalizaciju triju makrodenotata, tj. triju nesupstancionalnih suština: radnje, stanja i odnosa. Ova tri superdenoatata objedinjuje jedna kategorija — denotativni direstat (*di* — dinamika, *re* — relacija, *sta* — statika). U polju temporalnosti odvijaju se procesi koji vode obrazovanju ekspresivnosti različite vrste. U jednom od njih glagolski oblici se transponiraju u polje drugih glagolskih oblika, stvarajući određeni efekat. Ovdje kao da djeluje princip solidarnosti: budući da imaju ograničen morfološki potencijal glagolski oblici pomažu jedni druge.

Sposobnost oblika sadašnjeg vremena da izražavaju ne samo trenutak govora nego i širi vremenski period stvara povoljne uslove za njihovu široku ekspresivnu upotrebu. Jedna od najizrazitijih transpozicija je korišćenje prezenta za izražavanje prošlih radnji u obliku istorijskog (pripovjedačkog) prezenta. I u srpskom/hrvatskom i u ruskom jeziku prezent može biti upotrijebljen u značenju buduće radnje.

Ruski oblik prošlog vremena od glagola svršenog vida koristi se za izražavanje budućih radnji koje se prezentiraju kao već realizirane (tipa мы *погибли*), a takođe može dolaziti u funkciji prostog budućeg vremena (*получил = получу*). Kolokvijalni karakter ima konstrukcija u kojoj ironična konstatacija radnje označene oblikom prošlog vremena nesvršenog vida izražava faktičku negaciju te radnje u sadašnjosti (Да ну, *боялся* я её.). Posebnom ekspresivnošću odlikuju se oblici prošlog vremena od višekratnih neprefiksalnih glagola sa sufiksima *-а-*, *-ва-*, *-ыва-*/*-ива-* tipa *едал*, *знавал*, *видывал*, koji izražavaju višekratno ponavljanje i trajanje radnje u prošlosti. Oblici *-ану-* od glagola svršenog vida (*гульнул*) označavaju jednokratnu radnju, trenutačnog, intenzivnog, neočekivanog karaktera, ponekad sa nijansom ironičnosti.

Transpozicija u polju preteritalnosti srpskog/hrvatskog jezika znatno je šira, pošto se prošla radnja izražava pomoću pet oblika: perfektom, krnjim perfektom, aoristom, imperfektom i pluskvamperfektom. Perfekt može biti zamijenjen aoristom (*skočio sam — skočih*), imperfektom (*držao sam — držah*) i pluskvamperfektom (*čitao sam — bio sam čitao*). S druge strane, on se upotrebljava umjesto prezenta i futura. Perfekt se može koristiti u značenju zapovjednog načina, npr. Hajde, *prošetala*! (= *prošetaj*). Krnji perfekt ima dvije osnovne stilističke vrijednosti: izražava statiku i potencira radnu ili stanje. Aorist uglavnom označava ograničenu radnju u prošlosti koju je govorno lice doživjelo ili zapazilo te se koristi u cilju potenciranja dinamičnosti teksta i stvaranja živosti u izražavanju. U posljednje vrijeme aorist (i mnogo manje imperfekt) dobijaju novi život u internetskim forumima, chatovima, sms-porukama i elektronskoj pošti. Upotreba imperfekta je veoma ograničena, čak u narodnom govoru (faktički se nalazi u fazi nestajanja). Pluskvamperfekt se može koristiti kao zamjena perfektu (*pjevao sam — bijah pjevao*). On postepeno nestaje iz upotrebe.

Na ekspresivni potencijal oblika budućeg vremena u jezicima koji se istražuju, prvenstveno na njihovu prenesenu upotrebu (za izražavanje radnji u prošlosti i budućnosti), odlučujući uticaj vrše sljedeći faktori: budućnost je toliko povezana sa sadašnjošću da

se oblici prezenta koriste u značenju futura, i obrnuto, da se razlika između njih veoma često potire, 2. budućnost predstavlja potencijalnu realizaciju određene radnje, procesa, stanja, stoga se prepliću i međusobno zamjenjuju oblici futura i oblici imperativa. Futur se koristi umjesto perfekta u obliku tzv. istorijskog futura (futura u sadašnjosti). Ruski futur ponekad prati riječca *как* za izražavanje neočekivanog početka jednokratne radnje koja intenzivno traje (Надул он щеки, фыркнул, а потом *как захохочет*).

7. Posebnu ekspresivnost ima ruski imperativ u značenju prošle radnje (А Данило и *скажи* ему...). U srpskom/hrvatskom jeziku takva upotreba nije tipična (ili je gotovo uopšte nema). U tome jeziku zapovjedni način se koristi za izražavanje radnje koja se desila u prošlosti, koja se vršila po navici ili je imala obično trajanje (Te malo *popij*, malo *popričaj*, taman da naiđem na tebe). Takav se oblik naziva pripovjedačkim (opisnim) imperativnom. Bez obzira na bliskost, ruski dramatski imperativ i srpski/hrvatski pripovjedački imperativ se ne podudaraju. Ruski oblik se prvenstveno koristi za oznaku svršene radnje, bez preciziranja dužine trajanja, a srpski/hrvatski oblik znatno se rjeđe tvori od glagola svršenog vida.

8. Srpski/hrvatski kondicional se razlikuje od ruskog, prije svega, time što se može upotrebljavati u značenju radnje koja se više puta ponavljala u prošlosti ili se odvijala u određenoj sukcesivnosti (takav kondicional ima posebnu ekspresivnost), za koji u srpskoj/hrvatskoj terminologiji postoji poseban naziv — pripovjedački potencijal/kondicional.

9. Infinitiv može dolaziti u značenju imperativa i tada izražava kategoričnu naredbu, zabranu i sl. (*Молчать*!). U srpskom/hrvatskom jeziku takva upotreba nije tipična, već su osnovno sredstvo izražavanja kategoričnosti imenice, različite konstrukcije i sl. (*Tišina*! *Ni riječi*! *Da niko nije pisnuo*!). U ruskom jeziku postoji tzv. nezavisni infinitiv (u funkciji subjekta ili predikata dvočlane rečenice). Jedan slučaj upotrebe infinitiva u srpskom/hrvatskom jeziku zaslužuje posebnu pažnju (jer ga, koliko nam je poznato, nema u drugim slavenskim jezicima). To je prijedložni infinitiv, odnosno upotreba u istoj konstrukciji nekompatibilnih jedinica — prijedloga i infinitiva (tipa *za ponijeti*). To što se data konstrukcija smatra (1) varbarizmom, (2) tuđom gramatičkome sistemu i (3) što se protiv nje bore normativni priručnici daje stimulans za korišćenje u stilističke i stilske svrhe.

10. Ekspresivni potencijal participa je povezan sa njihovom širinom značenja, mogućnošću pozicionog variranja, sinonimizacijom, izražavanjem uzvišenosti i svečanosti. Njihova karakteristična glasovna izražajnost može izazvati različite predmetnosmisaone asocijacije. Na ovome planu ruski pokazuje prednost budući da ima četiri oblika, a srpski/hrvatski dva (bolje reći, jedan). Od oblika ekspresivnog korišćenja ruskih glagolskih priloga treba izdvojiti oponašanje narodnog i kolokvijalnog govora. Posebno ekspresivnošću odlikuju se glagoli-uzvici bez sufiksa (*прыг*, *шлеп, — bub, tres*), koji se

upotrebljavaju u funkciji glagolskog predikata za izražavanje trenutačne, neočekivane radnje u prošlosti, za isticanje njene brzine i intenzivnosti.

11. Zbog velikih transpozicionih mogućnosti kategorija lica se smatra jednom od najvažnijih kategorija glagola na ekspresivnom planu. Pripadnost radnje određenom licu izražava se na dva načina: denotativno i konotativno. Drugi podrazumijeva narušavanje simetrije: 1. lice = govorno lice, 2. lice = prisutno lice, 3. lice = lice koje ne prisustvuje. Najčešće se zamjenjuje 1. lice, najrjeđe 1. i 3. lice množine.

12. Ako se svjesno naruši uobičajeni raspored glagola u rečenici i stihu, odnosno ako se koristi tamo gdje se ne očekuje ili se uključi u neobično okruženje, bez unošenja izmjena u sadržaj nastaje glagolska figura. Za stvaranje takve ekspresivne konstrukcije koriste se različiti postupci: dodavanje, ponavljanje, izostavljanje, promjena mjesta, vještačko razmještanje, zamjenjivanje.

Jedan od oblika vertikalne ekspresivne organizacije jeste rima. Na ovome planu zbog specifičnosti leksičke i tvorbene strukture vrste riječi imaju različite mogućnosti. Rimu čiji je konstitutivni elemenat glagol nazivamo glagolskom. Semantička raznovrsnost, široka spojivost, bogatstvo morfoloških oblika i veliki ekspresivni potencijal predodređuju glagol da bude važno sredstvo stvaranja različitih vrsta rime. Jedan od dokaza: nema glagolske kategorije (vremena, vida, lica, načina, glagolskog roda) čije jedinice ne nalazimo u rimi.

Jedan od oblika jezičkog dinamizma je promjena formalne strukture usljed različitih transformacija. Rezultat takvih transformacija nazivamo metaplazmom. U zavisnosti od toga koji se postupak primjenjuje (minus- ili plus-) razlikujemo prostriktivnu i restriktivnu glagolsku metaplazmu. Glagol se podvrgava sljedećim vidovima skraćivanja: a) fonološkom, b) morfološkom, c) sintaktičkom, d) tekstualnom. Prva operacija vodi nastanku fonoplazmi, druga morfoplazmi, treća sintaktoplazmi, četvrta tekstoplazmi. Sintaktiplazme i tekstoplazme predstavljaju oblik zeroplazmi, pošto se radi o nultim glagolskim oblicima na nivou rečenice i teksta. Postupak koji vodi nastanku zeroplazmi nazivamo deglagolizacijom.

Content

0. Content (Russian) 5
1. Introduction 7
2. Expressiveness 9
3. Expressive Syntax 64
4. Expressive Potential of the Verb 76
5. Tense 83
6. Artistic Time 110
7. Present Tense 138
8. Preterit 160
9. Future Fense 220
10. Imperative 245
11. Subjunctive 285
12. Infinitive 291
13. Participle 315
14. Adverbial Participle 329
15. Verbal interjection 336
16. Person 344
17. Horizontal and vertical Structure 358
18. Substantial Modification 377
19. Closing Remark 408
20. Abbreviations 428
21. Literature 429
22. Source 480
23. Subject index 506
24. Name register 531
25. Summary (English) 541
26. Summary (German) 547
27. Summary (Serbian/Croatian) 553
28. Content (English) 558
29. Content (German) 559
30. Content (Serbian/Croatian) 560

Inhaltsverzeichnis

0. Inhaltverzeichnis (Russisch) 5
1. Einführung 7
2. Expressivität 9
3. Expressive Syntax 64
4. Expressives Potential des Verbs 76
5. Tempus 83
6. Künstlerische Zeit 110
7. Präsens 138
8. Präteritum 160
9. Futur 220
10. Imperativ 245
11. Konjunktiv 285
12. Infinitiv 291
13. Partizip 315
14. Adverbialpartizip 329
15. Verbale Interjektion 336
16. Person 344
17. Horizontale und vertikale Struktur des Verbs 358
18. Substantielle Modifizierung des Verbs 377
19. Schlusswort 408
20. Abkürzungen 428
21. Literatur 429
22. Quellen 480
23. Sachregister 506
24. Namensregister 531
25. Zusammenfassung (Englisch) 541
26. Zusammenfassung (Deutsch) 547
27. Zusammenfassung (Serbisch/Kroatisch) 553
28. Inhaltsverzeichnis (Englisch) 558
29. Inhaltsverzeichnis (Deutsch) 559
30. Inhaltsverzeichnis (Serbisch/Kroatisch) 560

Sadržaj

0. Sadržaj (ruski) 5
1. Uvod 7
2. Ekspresivnost 9
3. Ekspresivna sintaksa 64
4. Ekspresivni potencijal glagola 76
5. Vrijeme 83
6. Umjetničko vrijeme 110
7. Sadašnje vrijeme 138
8. Prošlo vrijeme 160
9. Buduće vrijeme 220
10. Imperativ 245
11. Potencijal/kondicional 285
12. Infinitiv 291
13. Glagolski pridjev 315
14. Glagolski prilog 329
15. Glagolski uzvici 336
16. Lice 344
17. Horizontalna i vertikalna organizacija 358
18. Supstancionalne modifikacije 377
19. Zaključak 408
20. Skraćenice 428
21. Literatura 429
22. Izvori 480
23. Predmetni registar 506
24. Imenski registar 531
25. Rezime (engleski) 541
26. Rezime (njemački) 547
27. Rezime (srpski/hrvatski) 553
28. Sadržaj (engleski) 558
29. Sadržaj (njemački) 559
30. Sadržaj (srpski/hrvatski) 560